

219-1-30

V. V. Latyshev
В. В. Латышевъ.

Очеркъ греческихъ древностей

ОЧЕРКЪ

ГРЕЧЕСКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ.

ПОСОБИЕ ДЛЯ ГИМНАЗИСТОВЪ СТАРШИХЪ КЛАССОВЪ И ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХЪ ФИЛОЛОГОВЪ.

ЧАСТЬ 2-я:

БОГОСЛУЖЕБНЫЯ И СЦЕНИЧЕСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

ИЗДАНИЕ 2-е, ИСПРАВЛЕННОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Безобразова и Комп.
(Вас. Остр., 8 лин., д. № 45).

1899.

DF77
L34
1888
v. 2

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ 1-МУ ИЗДАНІЮ.

Цѣль, преслѣдуемая мною при составленіи «Очерка греческихъ древностей», достаточно выяснена въ предисловіяхъ къ 1-му и 2-му изданіямъ 1-й его части и въ замѣткѣ, помѣщенной въ мартовской книгѣ Журнала Мин. Нар. Просв. 1889 г. по поводу рецензіи А. Н. Щукарева. Насколько удалось мнѣ достигнуть этой цѣли въ выпускаемой нынѣ 2-й части,—объ этомъ буду ожидать нелицеприятнаго сѣуда критики. Здѣсь замѣчу только, что при окончательной обработкѣ книги я вездѣ имѣлъ въ виду 2-е изданіе 1-й части, стараясь, чтобы она непосредственно къ нему примыкала и по цѣлямъ, и по способу изложенія.

Главными пособіями при составленіи 2-й части служили мнѣ *Gottesdienstliche Alterthümer* К. Ф. Германа (изд. 1858 г.), 2-й томъ *Griech. Alterthümer* Шёмана (3-е изд.), *Histoire des religions de la Grèce antique* А. Мори, *Heortologie* А. Момзена и др., а для сценическихъ древностей — *Griech. Bühnenalterthümer* А. Мюллера. Кроме того по разнымъ частнымъ вопросамъ мнѣ нередко приходилось обращаться къ сборникамъ надписей и къ спеціальнымъ монографіямъ, преимущественно новѣйшимъ, въ виду того, что названные капитальные труды, за исключеніемъ послѣдняго, представляются уже въ болѣе или меньшей степени устарѣвшими. На труды отечественныхъ ученыхъ, къ сожалѣнію очень еще немногочисленные въ области богослужебныхъ и сценическихъ древностей, я старался обращать подобающее вниманіе какъ въ изложеніи, такъ и въ библиографическихъ указателяхъ.

Въ заключеніе считаю своимъ пріятнѣйшимъ долгомъ съ чувствомъ душевной благодарности назвать имена профессора П. В. Никитина, не потяготившагося просмотромъ корректурныхъ листовъ 6-го отдѣла и при этомъ сообщившаго не мало цѣнныхъ замѣчаній, и сослуживца моего С. В. Мирошникова, оказавшаго мнѣ существенную помощь при корректурѣ и составленіи указателей.

24 Марта 1889 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО 2-МУ ИЗДАНІЮ.

Главными настольными пособиями при обработкѣ новаго изданія 2-й части «Очерка» послужили для меня слѣдующіе труды: P. Stengel, *Die griech. Kultusaltertümer* (2 Aufl. 1898), O. Gruppe, *Griech. Mythologie und Religionsgeschichte* (эти два труда входятъ въ составъ известнаго «*Handbuch der klass. Altertumswissenschaft*» Ив. Мюллера) и A. Mommsen, *Feste der Stadt Athen* (1898). Въ первыхъ пяти отдѣлахъ книги, относящихся собственно къ области богослужебныхъ древностей, я счелъ возможнымъ ограничиться частными поправками и дополненіями, при которыхъ, конечно, обращалъ должное вниманіе и на обстоятельную рецензію перваго изданія моей книги, помпщенную проф. Н. И. Новосадскимъ въ *Журналъ Минист. Нар. Просв.* за мартъ 1890 г. Шестой отдѣлъ, посвященный сценическимъ древностямъ, пришлось подвергнуть значительной переработкѣ, такъ какъ именно въ этой области послѣднее десятилетіе было временемъ оживленной научной работы, возбужденной новою теоріею Дёрпфельда. Къ сожалѣнію, мнѣ пришлось выпускать новое изданіе именно тогда, когда эта теорія подвергается живому обсужденію и оцѣнкѣ, споры ея противниковъ и защитниковъ далеко еще не закончились и во многихъ случаяхъ не привели еще къ прочнымъ результатамъ. Такое состояніе вопроса о греческомъ театрѣ не могло, конечно, не отразиться и на посвященномъ ему отдѣлѣ моей книги. Академикъ П. В. Никитинъ и на этотъ разъ съ величайшею любезностью пересмотрѣлъ этотъ отдѣлъ и оказалъ значительное содѣйствіе въ его обработкѣ, за что и приношу многоуважаемому коллегѣ мою искреннѣйшую благодарность. Не могу также не назвать здѣсь съ чувствомъ признательности имя П. И. Прозорова, оказывавшаго мнѣ усердную и дѣятельную помощь при корректурѣ книги.

Іюнь 1899 г.

В. Латышевъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Введение.	Стр.
§ 1. Общіа замѣчанія о религіи еллиновъ	1
§ 2. Отношеніе государства къ культу.	10
§ 3. Вырожденіе и упадокъ религіозныхъ вѣрованій.	13

ОТДѢЛЪ I.

МѢСТА И ВЕЩЕСТВЕННЫЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КУЛЬТА.

Глава 1-я: Освященныя культомъ мѣстности.	16
Глава 2-я: Алтари или жертвенники.	21
Глава 3-я: Храмы	23
Глава 4-я: Священные символы и изображенія	34
Глава 5-я: Храмовныя имущества и дары	41

ОТДѢЛЪ II.

ЛИЦА КУЛЬТА.

Глава 6-я: Жрецы.	46
Глава 7-я: Должностныя лица по дѣламъ культа и храмовые служители.	
§ 1. Должностныя лица	56
§ 2. Храмовныя служители	59

Отдѣлъ III.

ОБРЯДЫ КУЛЬТА.

Глава 8-я: Молитва	62
Глава 9-я: Заклітiя и клятвы	66
Глава 10-я: Очищенiя и умилоствленiя	73
Глава 11-я: Жертвоприношенiя	80
Глава 12-я: Праздничныя пѣсни, пляски, игры и процессiи	94

Отдѣлъ IV.

ВРЕМЕНА КУЛЬТА.

Глава 13-я: Греческій календарь	104
Глава 14-я: О праздникахъ вообще	112
Глава 15-я: Четыре общееллинскія празднества.	
§ 1. Общiя замѣчанiя	117
§ 2. Олимпійскій праздникъ	119
§ 3. Пивійскій праздникъ	128
§ 4. Исомійскій праздникъ	130
§ 5. Немейскій праздникъ	131
Глава 16-я: Аѳинскіе праздники.	
§ 1. Первая четверть года (Панаѳеннiя и др.)	132
§ 2. Вторая четверть года (Піанепсiя, Ѳесмофорiя, Анатурiя, сельскiя Діонисiя и др.)	138
§ 3. Третья четверть года (праздники Діониса и др.)	144
§ 4. Последняя четверть года (Ѳаргелiя, Скырофорiя, Дипполiя и др.)	148
Глава 17-я: Важнѣйшіе праздники въ другихъ государствахъ Еллады.	
§ 1. Пелопоннесъ	154
§ 2. Беотiя	162
§ 3. Дельфы	164
§ 4. Сѣверная Еллада	166

§ 5. Острова Эгейскаго моря	168
§ 6. Малая Азія	171
§ 7. Западныя колоніи	173

ОТДѢЛЪ V.

ОСОБЫЕ ВИДЫ КУЛЬТОВЪ И РЕЛИГИОЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.

Глава 18-я: Мантика	175
§ 1. Безъискусственная мантика	177
§ 2. Искусственная мантика	179
Глава 19-я: Оракулы	187
§ 1. Оракулы знаковь	188
§ 2. Оракулы экстаическіе (Аполлоновскіе)	193
§ 3. Оракулы сновидѣній	201
§ 4. Оракулы вызова мертвыхъ	206
Глава 20-я: Мистеріи	
§ 1. Общія замѣчанія	208
§ 2. Елевсинскія мистеріи	212
§ 3. Самооракійскія мистеріи	226
§ 4. Критскія мистеріи Зевса и Куретовъ	229
§ 5. Ученіе орфиковъ	230
Глава 21-я: Религіозныя общества	235
Глава 22-я: Домашній культъ	
§ 1. Домашніе боги	239
§ 2. Брачныя обряды	141
§ 3. Обряды, относящіеся къ дѣтямъ	244
§ 4. Погребальныя обряды и культъ мертвыхъ	245

ОТДѢЛЪ VI.

СЦЕНИЧЕСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

Глава 23-я: Краткій очеркъ развитія греческой драмы	252
Глава 24-я: Устройство театральнаго зданія	
§ 1. Основной планъ зданія	257
§ 2. Сцена	260

§ 3. Орхестра	262
§ 4. Мѣста для зрителей	263
§ 5. Театръ Діониса въ Афинахъ	266
Глава 25-я: Декораціи и машины.	270
Глава 26-я: Актеры	275
Глава 27-я: Хоръ	281
Глава 28-я: Костюмы и маски.	285
Глава 29-я: Публика	292
Глава 30-я: Устройство представленій.	
§ 1. Время и составъ представленій	296
§ 2. Выборъ и разучиваніе пьесъ	298
§ 3. Издержки представленій. Хорегія	299
§ 4. Ходъ представленій. Оцѣнка пьесъ. Дидаскаліи	303
Указатели: 1. Личныхъ, мнѳологическихъ и географическихъ именъ	308
2. Греческихъ словъ и выраженій.	

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1. Общія замѣчанія о религіи еллиновъ.

Греческія богослужебныя древности занимаются изученіемъ не самихъ религіозныхъ вѣрованій грековъ, а внѣшнихъ выраженій ихъ богочитанія, т. е. богослужебныхъ обрядовъ и религіозныхъ учрежденій. Но такъ какъ внѣшняя, обрядовая сторона каждой религіи стоитъ въ самой тѣсной связи съ ея внутреннимъ содержаніемъ, то для болѣе яснаго пониманія этой стороны необходимо предварительно бросить хотя краткій взглядъ на сущность греческой религіи, на причины ея развитія и упадка и на отношенія къ ней греческихъ государствъ.

Первыя зачатки религіозныхъ воззрѣній еллиновъ и первоначальныя формы ихъ вѣрованій находятся за предѣлами историческаго изслѣдованія и восходятъ до той отдаленной поры, когда ихъ предки жили еще въ Азіи, не выдѣляясь изъ общей семьи арійцевъ (сами еллины относили установленіе богочитанія ко временамъ пеласговъ. Герод. II, 51 сл.); но извѣстная намъ религія историческихъ временъ, представлявшая собою политеистическое обоготвореніе силъ природы, едва-ли была слишкомъ далека отъ своего первоначальнаго характера. Еще въ историческія времена культъ былъ связанъ преимущественно съ такими явленіями общественной и частной жизни, которыя носили ясныя признаки своего происхожденія изъ патріархальнаго быта древнѣйшихъ временъ. Всѣ сказанія о богахъ и герояхъ, которыми такъ богата греческая религія, свидѣтельствуютъ о такомъ міровоззрѣніи, которое приписывало жизнь природы дѣйствию олицетворенныхъ силъ, хотя и отличающихся отъ матеріальныхъ элементовъ природы, но тѣмъ не менѣе соединенныхъ съ нею тѣснѣйшимъ образомъ и не стоящихъ внѣ или выше ея; это силы самой природы, на кото-

рия только перенесено представление личности и дѣйствія которыхъ являются выраженіями воли олицетворенныхъ существъ ¹⁾. Однако религиозныя воззрѣнія народа, столь богато одареннаго духовными силами, не могли остановиться навсегда на одномъ уровнѣ развитія: чѣмъ болѣе въ человѣкѣ развивалось сознание свободы своей личности, чѣмъ яснѣе онъ сознавалъ себя существомъ, дѣйствующимъ по своей волѣ и склонностямъ, тѣмъ скорѣе должно было видоизмѣниться и его первоначальное представление объ олицетворенныхъ силахъ природы: онѣ стали представляться ему также свободными, одаренными собственной волей человѣкоподобными существами, изъ коихъ каждое дѣйствуетъ прежде всего въ той области, которая, такъ сказать, специально ему присвоена и находится въ его вѣдѣніи, но тѣмъ не менѣе не на столько тѣсно связано съ нею и ею ограничено, чтобы не могло переступать ея и проявить свою свободную дѣятельность въ другихъ областяхъ. Такова, въ сущности, та степень развитія религиозныхъ вѣрованій, которую мы видимъ въ древнѣйшихъ произведеніяхъ греческаго гения,—такъ называемыхъ Гомеровскихъ поэмахъ. Здѣсь господствуетъ уже полный антропоморфизмъ. Гомеровскіе боги заняты человѣческими дѣлами почти исключительно или, по крайней мѣрѣ, гораздо болѣе, нежели жизнью природы; ихъ значеніе, какъ представителей силъ и явленій природы, такъ далеко отступило назадъ, что даже не всегда можетъ быть ясно понято на основаніи данныхъ, встрѣчающихся въ поэмахъ, тогда какъ жизнь человѣческая во всѣхъ ея проявленіяхъ представляется стоящею подъ постояннымъ надзоромъ божествъ и въ постоянной зависимости отъ нихъ. Очевидно, что религиозныя воззрѣнія еллиновъ должны были пройти длинный періодъ развитія, чтобы отъ простаго обожанія окружающей природы дойти до той степени, на которой мы застаемъ ихъ въ Гомеровскія времена. Люди этихъ временъ уже связывали почитаніе боговъ со множествомъ различныхъ обрядовъ, которые въ сущности одинаковы или близко сходны съ существовавшими въ историческую эпоху. Въ эти времена уже существовала вся, такъ сказать, обстановка богослуженія, т. е. молитвы, жертвы, пѣсни, танцы, даже грубыя статуи и храмы съ ихъ принадлежностями. Да и самыя религиозныя вѣрованія историческихъ временъ въ

¹⁾ Ср. Плат. *Крат.* p. 397 c: Φαίνονται μοι οἱ πρῶτοι τῶν ἀνθρώπων τῶν περὶ τὴν Ἑλλάδα τούτους μόνους τοὺς θεοὺς ἡγεῖσθαι, οὗσπερ νῦν πολλοὶ τῶν βαρβάρων, ἥλιον καὶ σελήνην καὶ γῆν καὶ ἄστρα καὶ οὐρανόν.

сущности не много отличались отъ вѣрованій Гомеровской эпохи, хотя, конечно, съ теченіемъ времени въ нихъ происходили, медленно и постепенно, разныя перемѣны, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ знакомства съ вѣроваціями сосѣднихъ народовъ, преимущественно восточныхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что культъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ греческихъ божествъ, особенно Афродиты и Посидона, имѣеть въ себѣ финикійскіе или другіе азіатскіе элементы; оргіастическіе обряды культа Вакха обнаруживаютъ сходство съ фригійскими обрядами корибантовъ, а въ елевсинскихъ мистеріяхъ замѣтно вліяніе Египта. Были заимствованія и съ сѣвера, напр. изъ Фракіи. Съ конца VI и начала V в. мы имѣемъ уже возможность ближе познакомиться какъ съ религіозными воззрѣніями отдѣльныхъ выдающихся умовъ, такъ и съ взглядами, распространенными въ массѣ народа. На нихъ мы теперь и остановимся.

Сущность религіозныхъ вѣровацій еллиновъ этой эпохи можетъ быть выражена въ немногихъ словахъ: еллины вѣрили, что существуетъ множество божественныхъ существъ, которыя имѣють власть надъ міромъ и человѣчествомъ, отъ которыхъ происходитъ добро и зло и благорасположеніе которыхъ можно заслужить поведеніемъ имъ пріятнымъ, а отвратить—непріятнымъ. Пріятное богамъ поведеніе состоитъ отчасти въ соблюденіи богослужебныхъ обрядовъ, издревле установленныхъ самими богами, отчасти же въ честномъ образѣ жизни и исполненіи обязанностей къ государству и ближнимъ, или предписанныхъ богами и боговдохновенными людьми древнихъ временъ, или открытыхъ каждому его собственнымъ разумомъ и совѣстью. Какихъ боговъ слѣдовало почитать преимущественно предъ другими и какіе способы почитанія были имъ особенно пріятны, объ этомъ каждый узнавалъ практически въ своемъ домѣ, обществѣ и государствѣ. Догматически установленнаго религіознаго ученія и систематическаго наставленія въ сущности и обрядахъ религіи, подобнаго тому, какое у насъ дается въ церкви и школахъ, у еллиновъ не было. Прочно установлены были только обычныя въ каждомъ государствѣ или домѣ культы, о формахъ и обрядахъ которыхъ въ случаѣ надобности можно было узнавать отъ жрецовъ cadaго культа или особыхъ истолкователей (ἐξηγηταί), которые существовали въ нѣкоторыхъ государствахъ. Формы культа, конечно, не были лишены всякаго значенія, въ основаніи ихъ, безъ сомнѣнія, лежали тѣ или

другія религіозныя идеи; однако нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ о томъ, чтобы о нихъ существовали постоянныя, прочныя традиціи или жреческія ученія, которыя бы передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе и были при случаѣ преподаваемы общинѣ или отдѣльнымъ лицамъ; каждому предоставлялось объяснять себѣ формы культа по собственному разумѣнію.

Точно такъ же и представленія о самихъ богахъ, ихъ сущности, личныхъ качествахъ, взаимныхъ отношеніяхъ, участіи, принимаемомъ каждымъ изъ нихъ въ управленіи міромъ и человѣческою жизнью и т. п., не составляли одного стройнаго ученія, которое было бы преподаваемо жрецами или другими учителями религіи. Если эти воззрѣнія были въ большей или меньшей степени сходны между собою у разныхъ еллинскихъ племенъ или въ разныхъ государствахъ и городахъ, то это согласіе обуславливалось преимущественно вліяніемъ поэтовъ, произведенія которыхъ распространялись по всей Елладѣ и придавали извѣстное единство и опредѣленность религіознымъ представленіямъ. «Гомеръ и Гесиодъ, говоритъ Геродотъ (II, 53), составили для еллиновъ родословіе боговъ, дали имъ имена, распредѣлили между ними достоинства и занятія и начертали ихъ образы». Эти слова отца исторіи слѣдуетъ понимать, конечно, въ томъ смыслѣ, что названные имъ поэты въ своихъ произведеніяхъ сдѣлали болѣе точными и ясными представленія, которыя до нихъ были неопредѣленны и туманны. Кромѣ поэтовъ имѣли извѣстное вліяніе въ этомъ отношеніи оракулы, особенно Дельфійскій, который въ качествѣ религіознаго центра (κοινὴ ἑστία) Еллады, безъ сомнѣнія, въ значительной степени содѣйствовалъ установленію единства ея религіи. Платонъ въ своихъ «Законахъ» (V р. 738 b) между прочимъ говоритъ, что ни одинъ разумный человѣкъ не дерзнетъ измѣнять религіозныхъ установленій, опредѣленныхъ въ Дельфахъ, Додонѣ или у Аммона.

Однако, несмотря на это вліяніе оракуловъ и поэтовъ, въ религіозныхъ вѣрованіяхъ еллиновъ было много разнообразія въ частностяхъ: относительно каждаго божества, его положенія среди другихъ, значенія и дѣятельности, способовъ почитанія и пр. въ разныхъ мѣстахъ существовали разные взгляды. Такъ, напр., во многихъ мѣстахъ мы встрѣчаемъ 12 наиболѣе почитаемыхъ боговъ, но въ другихъ (даже въ Дельфахъ) нѣтъ никакого слѣда этой системы; даже къ кругу 12-ти не вездѣ причислялись одни и тѣ же боги; напр. въ Афинахъ въ числѣ 12-ти были: Зевсъ и Гера,

Посидонъ и Деметра, Аполлонъ и Артемида, Гефэстъ и Аѳина, Арей и Афродита, Гермесъ и Гестія; между тѣмъ въ Олимпійскомъ *δωδεκάθεον* вмѣсто Деметры, Арея, Афродиты, Гефэста и Гестіи являются Кроносъ съ Реєю, Діонисъ, рѣчной богъ Алфей и Хариты (такъ какъ послѣднихъ было нѣсколько, то въ этомъ *δωδεκάθεον* было, собственно говоря, болѣе 12-ти боговъ). Далѣе, несмотря на то, что Зевсъ въ мифологіи является верховнымъ богомъ, нѣрѣдко въ государственныхъ культахъ другія божества пользуются болѣшимъ уваженіемъ, нежели онъ, какъ напр. въ Аѳинахъ—Аѳина, въ Дельфахъ—Аполлонъ, у іонійцевъ—Посидонъ, въ Аргосѣ и на Самосѣ—Гера; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ качествѣ главныхъ боговъ почитались даже такіе, которые не принадлежали къ числу верховныхъ 12-ти, напр. Гелиосъ на о. Родосѣ, Эроть въ г. Феспіяхъ, Хариты въ Орхоменѣ беотійскомъ и пр.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были почитаемы даже такіа божественныя существа, которыя другимъ совершенно не были извѣстны; нѣкоторыя изъ нихъ даже не обозначались собственными именами, а только общими выраженіями, какъ напр. *Ἀναχτες καίδεσ* въ локридскомъ городѣ Амфиссѣ, *θεοὶ χαθαροὶ* въ Аркадіи у Паллантія и *θεοὶ ἀγαθοὶ* тамъ же въ г. Мегалополѣ, наконецъ *ἄγνοστοι θεοὶ* въ Аѳинахъ и Олимпіи ¹⁾). Встрѣчаются даже случаи, что люди создавали себѣ новыхъ боговъ и учреждали ихъ культы. Такъ, Тимолеонтъ Сицилійскій въ благодарномъ признаніи удачи, сопровождавшей всѣ его предпріятія, установилъ въ своемъ домѣ культъ богини *Ἀύρατια* (Плут. *Тимол.* 36), а этолійскій корсарь Дикэархъ (бывшій на службѣ у македонскаго царя Филиппа V), человѣкъ безбожный и беззаконный, ставилъ алтари богинямъ *Ἀσάρεια* и *Παρανομία* (Полиб. 18, 54).

Даже однимъ и тѣмъ же богамъ въ разныхъ мѣстахъ придавались разныя имена, прозвища или атрибуты, указывавшіе на весьма разнообразныя представленія объ этихъ богахъ и своимъ происхожденіемъ иногда обязанные вполне мѣстнымъ причинамъ. Вслѣдствіе разнообразія этихъ прозвищъ и атрибутовъ неоднократно высказывались даже сомнѣнія, дѣйствительно ли они принадлежатъ одной и той же божественной личности, или разнымъ, только носящимъ одно и то же имя. «Я не знаю, говоритъ Сократъ у Ксенофонта (*Пиръ*, VIII, 9), одна ли Афродита, или двѣ — Небесная и Всенародная: вѣдь и Зевсъ, котораго признають за

¹⁾ Павс. X, 38, 3; VIII, 44, 5; VIII, 36, 3; I, 1, 4; V, 14, 6.

одного и того же бога, имѣеть много прозвищъ». Поэтому не удивительно, что древніе богословы отчасти по указанной причинѣ, отчасти вслѣдствіе многихъ несогласимыхъ противорѣчій въ сказаніяхъ объ однихъ и тѣхъ же богахъ, рѣшительно утверждали, что нужно принимать по нѣскольку Зевсовъ, Геръ и т. д. (Cic. *de nat. deor.* III, 16, 42 и 21, 53).

Изъ сознанія зависимости людей отъ боговъ и нужды въ нихъ естественнымъ образомъ вытекло сознаніе необходимости богочитанія. Человѣкъ исполнялъ религіозные обряды, отдавалъ богамъ часть своего имущества въ видѣ жертвъ или даровъ, но взамѣнъ просилъ у нихъ того, въ чемъ онъ нуждался; онъ высказывалъ благодарность богамъ потому, что боялся неблагодарностью навлечь на себя ихъ немилость. Но тѣмъ не менѣе мысль о человѣколюбіи боговъ не была чужда еллинской религіи. Гомеръ называетъ Зевса отцомъ боговъ и людей не потому, что онъ былъ ихъ творцомъ, а потому, что онъ отечески править міромъ и печется о немъ. Стоикъ Хрисиппъ представляетъ общепризнаннымъ положеніе, что боги благодѣтельны и человѣколюбивы. Самое понятіе εὐσεβεία, обозначавшее отношеніе людей къ богамъ, указываетъ не на рабскій страхъ, а на добровольное признаніе верховенства боговъ и благоговѣніе къ нимъ. Однако нельзя не замѣтить, что такое понятіе о богахъ и основанное на немъ истинное благочестіе, ἡ εὐσεβεία въ лучшемъ значеніи этого слова, было удѣломъ лишь немногихъ лучшихъ, наиболѣе развитыхъ умовъ, тогда какъ въ массѣ народа господствовалъ грубый страхъ предъ богами (δυσσεβασίαι) или легкомысленное невѣріе. «Совершать нечестивыя дѣянія или говорить беззаконныя рѣчи, пишетъ Платонъ (*Зап. X* р. 885 b), можетъ только тотъ, кто или вовсе не вѣритъ въ боговъ, или думаетъ, что они не пекутся о людяхъ или могутъ быть тронуты жертвоприношеніями и молитвами». Впрочемъ въ самой сущности многобожія, вытекшаго изъ обоготворенія природы, лежитъ причина того, что чистое и высокое понятіе о божествѣ не могло проникнуть въ сознаніе массы людей и сдѣлаться господствующимъ: среди множества боговъ по необходимости было не мало такихъ существъ, которыя вовсе не соответствовали этому понятію, но тѣмъ не менѣе, какъ существа высшей природы, признавались за боговъ, имѣющихъ силу причинять человѣку добро и зло. У Гомера называется богиней морское чудовище Скилла; Химѣра, Ехидна, Сирены и т. п. суть

также божественныя существа. По народнымъ вѣрованіямъ даже высшія и лучшія божества не были свободны отъ нравственныхъ слабостей и недостатковъ, ихъ природа была сходна съ человѣческой даже въ томъ отношеніи, что въ ней добро было смѣшано со зломъ, они могли поступать справедливо и несправедливо и не всегда относились къ людямъ милостиво и благосклонно. Φδῖνος δῆλον, нерѣдко обозначая справедливое неодобреніе, съ которымъ боги относятся къ чрезмѣрной надменности или гордости людей, иногда обозначаетъ и зависть въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Только лучшіе умы древности возвышались до понятія объ абсолютной святости боговъ.

Впрочемъ народное вѣрованіе, не зная безусловно добрыхъ и милостивыхъ боговъ, не знало и прямо противоположныхъ имъ: въ еллинской религіи нѣтъ абсолютно злыхъ духовъ, дѣятельность которыхъ была бы прямо и исключительно направлена ко вреду человѣка, которые толкали бы его на путь грѣха и неправды ¹⁾. Такія божественныя существа, которыя по представленію еллиновъ беспощадно карали людей за содѣянные уже грѣхи, были представителями не зла, а неизмѣннаго нравственного добра, на которомъ зиждется устройство міра, и олицетворяли собою мученія нечистой совѣсти; таковы напр. Ἐρινός (или σερναὶ θεαί, Еривидес).

Кромѣ боговъ въ собственномъ смыслѣ религіозныя вѣрованія еллиновъ признавали еще многочисленный классъ высшихъ существъ, стоявшихъ, такъ сказать, по срединѣ между людьми и богами, по большей части въ качествѣ служителей и помощниковъ; послѣднихъ. Общимъ именемъ для такихъ существъ было δαίμονες; впрочемъ, употребленіе этого слова въ такомъ значеніи еще не встрѣчается въ Гомеровскихъ поэмахъ, да и впоследствии оно употреблялось иногда и въ болѣе широкомъ смыслѣ, обозначая собою всѣ вообще высшія существа, подобно выраженію τὰ θεῶν. Въ Гомеровскихъ поэмахъ уже встрѣчается представленіе о подчиненныхъ, низшихъ божествахъ (напр. Протей называется служителемъ Посидона въ *Од. IV, 386*), но между понятіями θεός и δαίμων замѣтно только то различіе, что послѣднее слово употребляется преимущественно тогда, когда поэтъ желаетъ указать не столько на личность божества, сколько на его силу и дѣятель-

¹⁾ Разныя страшныя привидѣнія (μορμολυχῆα), которыми пугали дѣтей, въ родѣ Λаріа, Ἐρποσα, Ἀχχῶ, Μορμῶ и т. п., относятся къ области грубаго суевѣрія, а не религіи.

ность, при чемъ нерѣдко даже не имѣется въ виду опредѣленное божество, а вообще выраженіе божественной силы или воли. Геродотъ уже употребляетъ названіе *δαίμονες* для обозначенія подчиненныхъ служителей верховныхъ боговъ. Къ ихъ числу принадлежали, напр., сатиры, силены, кулеты и корибанты, считавшіеся служителями Діониса, Зевса и Кибелы. Въ свитѣ Афродиты было нѣсколько мужскихъ и женскихъ *δαίμονες*, какъ напр. *Ἔρως*, *Ἰμαρός*, *Πόθος* и др.

Безъ сомнѣнія, также въ видѣ дѣмоническихъ существъ, хотя и не подчиненныхъ отдѣльнымъ верховнымъ божествамъ, еллины представляли себѣ значительное число олицетвореній разныхъ нравственныхъ свойствъ человѣка или состояній и явленій человѣческой жизни, которымъ также воздавали божескія почести. Таковы были, напр., *Αἰδώς*, *Φιλία*, *Ἐλεος*, *Εἰρήνη*, *Φήμη*, которымъ были посвящены жертвенники въ Афинахъ, *Φόβος* и *Γέλως*, почитавшіеся въ Спартѣ, *Ὀμόνοια* и *Καρὸς*—въ Олимпіи. Въ основаніи ихъ обоготворенія, безъ сомнѣнія, лежала та мысль, что эти свойства и состоянія происходятъ отъ божественнаго вліянія; но такъ какъ трудно было рѣшить, какое именно божество производило то или другое изъ нихъ, то люди и представляли ихъ себѣ въ видѣ отдѣльныхъ существъ, дѣйствовавшихъ или по порученію верховныхъ боговъ, или самостоятельно. Но представленія о такихъ существахъ были еще болѣе неопредѣленны, нежели о богахъ. Напр. *Νίκη* обыкновенно признавалась отдѣльнымъ божествомъ; но афиняне, приписывавшіе всѣ свои побѣды и успѣхи своей покровительницѣ Афинѣ, почитали ее подъ именемъ *Νίκη*. Богиня здравія *Ἥγεια* обыкновенно считалась супругою или дочерью Асклепія; но у афинянъ это было также и прозвище Афинн. Въ ней же афиняне олицетворяли свое государственное устройство (*Ἀθηναὶ Δημοκρατία*). Во всѣхъ областяхъ природы и во всѣхъ проявленіяхъ человѣческой жизни, по вѣрованію еллиновъ, дѣйствовало рядомъ съ богами или подъ ихъ вѣдѣніемъ множество существъ, которыя можно причислить къ дѣмонамъ. Всякому извѣстно, напр., что лѣса, воды, горы, долины и гроты въ представленіи еллина были населены нимфами, которыя служатъ богамъ и составляютъ ихъ свиту, но въ то же время требуютъ себѣ поклоненія и жертвъ отъ людей. Вѣтры почитались или всѣ вмѣстѣ, или отдѣльно, какъ напр. Борей. Хотя они и не называются прямо дѣмонами, но все-таки скорѣе всего могутъ быть причислены къ ихъ разряду.

Другой видъ посредствующихъ между богами и людьми существъ составляютъ *ἦρωες*, вѣра въ которыхъ принадлежатъ уже послѣгомеровскимъ временамъ. Въ Гомеровскихъ поэмахъ названіе *ἦρωες* обозначаетъ вообще всякаго лучшаго, т. е. храбрѣйшаго человека, и поэтому иногда придается даже выдающимся личностямъ изъ низшаго сословія, хотя уже замѣчается различіе между обыкновенными людьми и выдающимися богатырями, особенно въ томъ, что послѣдніе обыкновенно происходятъ отъ боговъ въ ближайшемъ или отдаленномъ колѣнѣ. У Гесіода героями или полубогами (*ἥμιθεοι*) называются спеціально такіе люди высшаго происхожденія; нѣкоторые изъ нихъ, избѣгнувъ общей смертнѣи участи, прямо перемѣщены Зевсомъ на острова Блаженныхъ, гдѣ и ведутъ безпечальную жизнь (*Д. и дн.*, 156—173); но и у Гесіода нѣтъ еще никакого слѣда вѣрованія въ извѣстное вліяніе героевъ на жизнь людей и въ необходимость поклоненія имъ. Зато въ болѣе позднія времена такое вѣрованіе было широко распространено по всей Елладѣ. Героями признавались люди, души которыхъ послѣ смерти получали высшую участь и обладали силой творить людямъ добро и зло. Поводъ къ такому вѣрованію могъ быть поданъ прежде всего тѣмъ, что выдающимся богатырямъ древности обыкновенно приписывалось высшее происхожденіе отъ браковъ боговъ съ смертными, а потому и души такихъ полубоговъ постигала иная участь, нежели души обыкновенныхъ смертныхъ. Вѣра въ возможность такого соединенія боговъ съ людьми существовала не только въ героическія времена, но и въ историческія, и легко объясняется широко развитымъ антропоморфизмомъ эллинской религіи. Затѣмъ нѣкоторые люди, не отличаясь божественнымъ происхожденіемъ, могли до такой степени превосходить другихъ своими дѣяніями и заслугами, что казались современникамъ высшими существами и потому послѣ смерти удостоивались почестей наравнѣ съ полубогами. Герои такого рода перѣдко являлись и въ историческія времена. Извѣстно, напр., что въ колоніяхъ удостоивались геройскихъ почестей ихъ основатели (*οἰκισταί*); если дѣйствительный основатель не былъ извѣстенъ, то на его мѣсто ставили какого-нибудь подходящаго богатыря изъ мифическихъ сказаній. Иногда героями считались не дѣйствительно существовавшіе люди, а вымышленные, какъ напр. епонимы *Филь* и *демовъ* или предки благородныхъ и жреческихъ родовъ въ *Аттикѣ* (*Евмолпъ*, *Гесихъ*, *Буть* и др.). Въ каждомъ государствѣ и каждой мѣстности

Эплады были почитаемы тѣ или другіе герои, и нѣкоторые изъ нихъ преимущественно предъ другими считались покровителями страны (ἥρωες ἐχούριοι); таковы были, напр., въ Спартѣ Діоскуры, на Эгинѣ—Эакиды и т. п. Наконецъ отдѣльные роды и семьи учреждали геройскій культъ (ἄφθρωτῆαι) своимъ умершимъ предкамъ, какъ покровителямъ рода. Въ позднѣйшія времена названіе ἥρωες часто обозначало всякаго умершаго и почти вполнѣ соответствовало нашему слову «покойникъ». Множество примѣровъ названія героями умершихъ встрѣчается въ надгробныхъ надписяхъ позднихъ временъ.

§ 2. Отношеніе государства къ культу.

Убѣжденіе въ томъ, что боги служатъ представителями нравственныхъ началъ, поощряютъ справедливость и караютъ несправедливость, естественно вело къ тому, что каждое еллинское государство ставило себя подъ ближайшее покровительство боговъ. Нравственный характеръ религіи постоянно являлся для государства важнымъ средствомъ обезпеченія уваженія къ гражданскимъ установленіямъ. Подъ защиту божества ставились не только мирные договоры разныхъ народовъ, но и государственные законы и всевозможные акты частнаго права. Но если еллины смотрѣли на религію, какъ на самую прочную опору нравственности, и въ страхѣ божіемъ видѣли вѣрную гарантію справедливости, то тѣмъ болѣе приходится удивляться тому, что ни одному древнему законодателю не пришло въ голову посредствомъ цѣлесообразныхъ учрежденій содѣйствовать правильному религіозно-нравственному просвѣщенію народа и воспитанію его въ духѣ страха божія. Государственные законы повсюду имѣютъ въ виду лишь внѣшнюю, обрядовую сторону религіи, предоставляя внутреннюю сознанію и совѣсти каждаго гражданина. Государство поэтому брало на себя заботу только о томъ, чтобы внѣшнія выраженія богопочитанія соблюдались всѣми его членами, и устраняло всякое ихъ нарушеніе. Собственность боговъ, жертвы и дары, которыми люди обязаны были ихъ чествовать, однимъ словомъ все то, что стояло въ ближайшемъ отношеніи къ богамъ, входило въ составъ понятія τὰ ἱερά, «священное». Почитающій τὰ ἱερά является предъ лицомъ закона человѣкомъ нравственнымъ и благочестивымъ (εὐσεβής), а

нарушающій ихъ оказывается виновнымъ въ нечестіи (*ἀσεβεία*), которое карается болѣе или менѣе строго, смотря по степени важности нарушенія. Строже всего преслѣдовали тотъ видъ нечестія, который проявлялся въ похищеніи, уничтоженіи или поврежденіи посвященныхъ богамъ предметовъ, каковы бы они ни были; такое преступленіе называлось *ἱεροσολία* и наказывалось обыкновенно смертью и конфискаціею имущества. Далѣе преступленіемъ противъ боговъ считалось оскверненіе посвященныхъ имъ мѣстъ, къ которому относилось, между прочимъ, появленіе въ такихъ мѣстахъ лицъ, которымъ былъ воспрещенъ туда доступъ, или совершеніе въ нихъ недозволенныхъ дѣяній. Преступно было также отступленіе отъ издревле установленныхъ формъ и обрядовъ культа, его извращеніе, присоединеніе къ нему колдовства, невѣріе и т. п. Государство не касалось религіозныхъ вѣрованій и убѣжденій отдѣльныхъ лицъ до тѣхъ поръ, пока они исполняли всѣ свои обязанности по отношенію къ культу; но разъ кто-нибудь публично высказывалъ свое невѣріе или непочтеніе къ богамъ, не исполнялъ обрядовъ культа или сообщалъ свои взгляды другимъ, — государство считало своею обязанностью положить конецъ соблазну и наказать виновнаго. Софистъ Протагоръ, высказавшій, что нельзя знать, существуютъ ли боги, или нѣтъ, былъ привлеченъ къ суду, какъ безбожникъ, и изгнанъ изъ Аѳинъ, а его сочиненія сожжены. Анаксагоръ подвергся обвиненію въ *ἀσεβεία* между прочимъ за то, что представлялъ себѣ солнце раскаленной каменной массой и такимъ образомъ отрицалъ существованіе солнечнаго бога. Въ обвиненіи Сократа, какъ извѣстно, на первомъ планѣ стояло то, что онъ не признавалъ государственныхъ боговъ и вводилъ вмѣсто нихъ новыя божества (Ксеноф. 'Аполл. I, 1; Плат. *Апол. Сокр.*).

Однако на основаніи извѣстныхъ намъ религіозныхъ процессовъ нельзя обвинять еллиновъ вообще и въ частности аѳинянъ въ религіозной нетерпимости: эти процессы доказываютъ только то, что государство не желало допускать оскорбленій принятаго культа и общепризнаваемыхъ боговъ; но оно не полагало никакихъ стѣсненій для личной свободы совѣсти и религіозныхъ убѣжденій и никого не призывало къ отвѣту за его личныя воззрѣнія на боговъ, за неусердное посѣщеніе храмовъ или рѣдкое совершеніе молитвъ и жертвоприношеній. Не имѣя строго опредѣленныхъ догматовъ вѣры, еллины съ полною терпимостью относились къ различію мнѣній и взглядовъ на религію, пока эти взгляды не

клонились къ нарушенію того, что было установлено закономъ, т. е. культа и религиозныхъ учрежденій. Какъ велика была эта терпимость, особенно ясно видно изъ древней комедіи, которая позволяла себѣ выводить на сцену боговъ иногда въ самомъ недостойномъ и смѣшномъ видѣ. У еллиновъ не было ни особыхъ должностныхъ лицъ, которыя имѣли бы спеціальный надзоръ за исполненіемъ гражданами религиозныхъ обязанностей, ни особыхъ судовъ по дѣламъ религіи (только по дѣламъ о мистеріяхъ судьи избирались исключительно изъ посвященныхъ, что было вполне естественно).

Относительно нововведеній въ существующихъ уже культахъ или введенія новыхъ также замѣчается значительная терпимость, особенно въ позднѣйшую эпоху. Конечно, измѣнять или уничтожать какой-нибудь издревле существовавшій культъ считалось непозволительнымъ, и государство не приступало къ такимъ перемѣнамъ по крайней мѣрѣ безъ предварительнаго одобренія оракула, точно такъ же, какъ и къ введенію новыхъ культовъ. Но кромѣ общественныхъ культовъ, формально признанныхъ государствомъ, повсюду были еще частныя культы, въ которыхъ нововведенія, естественно, были гораздо легче. Страбонъ говоритъ объ аеинянахъ (X р. 471), что они какъ въ другихъ отношеніяхъ, такъ и въ отношеніи къ богамъ были друзьями иностранцевъ, т. е. легко усваивали себѣ чужеземныя культы. Это было совершенно естественно: въ Аеинахъ всегда проживало множество иностранцевъ, не только пріѣзжавшихъ на короткое время, но и поселившихся на постоянное жительство и принятыхъ въ классъ метойзовъ. Имъ невозможно было запретить почитать у себя дома боговъ своей родины принятыми у нихъ способами, хотя бы эти боги и формы ихъ культа не согласовались съ аеинскими. При этомъ легко могло случиться, что тотъ или другой изъ такихъ культовъ находилъ себѣ сочувствіе и у гражданъ, которые также принимали его въ число своихъ домашнихъ культовъ. Если они при этомъ не забывали своихъ обязанностей относительно государственныхъ боговъ, то государство не считало себя въ правѣ вмѣшиваться въ ихъ частную жизнь; оно могло выступить противъ новшествъ только тогда, когда замѣчало стремленіе гражданъ уничтожить общепризнанныхъ боговъ и поставить на ихъ мѣсто новыхъ, или когда въ культѣ послѣднихъ были такія стороны и такіе обряды, которые казались безбожными и безнравствен-

ными. Были даже примѣры, что чужеземные культы съ теченіемъ времени были формально признаваемы государствомъ и принимаемы въ число государственныхъ. Извѣстнѣйшими примѣрами такого рода въ Аѳинахъ служатъ культы: еракійской богини Бендиды, фригійской Матери боговъ (которую смѣшивали съ Реєю) и египетскаго Аммона. Культы Серапида, Исида и нѣкоторыхъ другихъ египетскихъ боговъ со временъ Александра Великаго широко распространились по всѣмъ областямъ еллинскаго міра. Рѣшеніе ввести какой-нибудь новый культъ въ число государственныхъ могло исходить, конечно, только отъ верховной власти.

Подъ именемъ государственнаго культа (въ противоположность частному) разумѣются всѣ религіозные акты, совершаемые отъ имени и по установленію государства жрецами или другими призванными къ тому лицами; сюда относятся, стало быть, всѣ молитвы, жертвоприношенія и др. богослужебные обряды при собраніяхъ совѣта и народа, при засѣданіяхъ суда, при заключеніи мира и договоровъ съ другими народами и пр. Но кромѣ такихъ случайныхъ религіозныхъ актовъ, посредствомъ которыхъ государственныя дѣла ставились подъ надзоръ и покровительство боговъ, совершались отъ лица государства и такіе, которые, не имѣя спеціального отношенія къ отдѣльнымъ случаямъ, вообще имѣли цѣлю оказывать богамъ подобающія почести, отвратить ихъ гнѣвъ и снять милость и поэтому правильно повторялись въ опредѣленные времена подъ именемъ государственныхъ праздниковъ (*εορταὶ δημοτικαί*). Для служенія богамъ государство воздвигало храмы и жертвенники, посредствомъ своихъ органовъ заботилось объ ихъ благолѣпнн и охраненіи, назначало особыхъ жрецовъ для совершенія обрядовъ культа, однимъ словомъ принимало всѣ мѣры къ тому, чтобы достойнымъ образомъ чтить боговъ и за то пользоваться ихъ покровительствомъ и милостью.

§ 3. Вырожденіе и упадокъ религіозныхъ вѣрованій.

По мѣрѣ умственнаго прогресса еллиновъ развивавшіяся религіозныя потребности находили все менѣе и менѣе удовлетворенія въ существующей религіи, въ которой все сводилось къ внѣшней формѣ, въ ущербъ внутреннему содержанію; да и самая эта форма начинала главнымъ образомъ давать пищу удовольствіямъ и рос-

воши. Вѣшнимъ образомъ обряды культа все болѣе и болѣе развивались и увеличивались, такъ что въ Аѳинахъ, напр., праздники занимали два мѣсяца въ году (схол. Арист. «Осѣ», ст. 663), а въ Тарантѣ въ эпоху его процвѣтанія было больше праздниковъ, чѣмъ будней (Страб. VI р. 280; Аен. IV, 61); но какъ совершались эти праздники уже въ IV в. до Р. Хр., видно изъ свидѣтельства Исократа (*Areon.* § 29), что древнѣйшіе и священнѣйшіе обряды или совсѣмъ не исполнялись, или же ихъ исполненіе отдавалось на откупъ, тогда какъ разныя прибавочныя празднества, если съ ними было соединено какое-нибудь угощеніе народа, совершались съ величайшею пышностью. Вслѣдствіе такого извращенія религіознаго вѣрованія должны были все болѣе падать и замѣняться или равнодушіемъ, или полнымъ невѣріемъ. Послѣ паденія греческой свободы этотъ упадокъ религіи сказанъ, между прочимъ, въ томъ, что обоготвореніе стало распространяться не только на умершихъ великихъ дѣятелей, но и на живыхъ людей, и, благодаря особенно восточнымъ вліяніямъ, эта деморализація развилась до такой степени, что новыя пышныя праздники сплошь и рядомъ учреждались въ честь римскихъ императоровъ, правителей или полководцевъ, и значительнѣйшіе города Малой Азіи высоко ставили честь называться чистильщиками храма (*veskôros*) какаго-нибудь императора, а императорскія статуи казались страшнѣе статуи Зевса Олимпійскаго (*Филостр. ж. Аполл.* I, 15). Даже тамъ, гдѣ рядомъ съ такими культами удерживалось древнее богопочитаніе, оно состояло главнымъ образомъ въ пышныхъ жертвахъ и дарахъ, которыми тщеславіе богачей старалось привлечь къ себѣ вниманіе и благодарность избалованной черни, да въ состязаніяхъ, которыя развились до чрезвычайнаго разнообразія, но вмѣстѣ съ тѣмъ далеко отступили отъ строгихъ древне-еллинскихъ понятій о гимнастическомъ искусствѣ. Внутренней религіозной потребности оставалось или искать утѣшенія въ философіи, раздѣлившейся къ тому времени на множество сектъ, или предаться суевѣрію, всевозможныя проявленія котораго легко уживались на этой выродившейся почвѣ, или, наконецъ, обратиться къ религіямъ Востока, которыя при всѣхъ своихъ грубыхъ заблужденіяхъ и крайностяхъ всетаки имѣли хоть какое-нибудь внутреннее содержаніе, хранили въ себѣ хоть какія-нибудь идеи. До какой степени ослабѣло вѣрованіе въ господствовавшихъ прежде еллинскихъ боговъ, это доказывается между прочимъ упадкомъ оракуловъ, наступившимъ довольно бы-

стро въ первне вѣва послѣ Р. Хр. Затѣмъ борьба съ христіанствомъ окончательно подрѣзала всѣ корни полузасохшаго уже древа язычества, и лишь только оно при Константинѣ Великомъ лишилось поддержки и защиты государства, какъ пало уже окончательно и навсегда.

Общая сочиненія по исторіи греческой религіи, богослужебнымъ древностямъ и мифологіи. — *P. van Limbourg-Bronner*, Histoire de la civilisation morale et religieuse des Grecs, 8 т., Groningue 1832 — 42. — *P. F. Stuhr*, Die Religions-Systeme der Hellenen in ihrer geschichtl. Entwicklung bis auf die Makedonische Zeit, Berl. 1838. — *M. W. Hefter*, Die Geschichte der Religion der Griechen, Brandenb. 1845. — *W. F. Rinck*, Die Religion der Hellenen aus den Mythen, den Lehren der Philosophen und dem Kultus entwickelt und dargestellt, 2 т. Zürich 1854. — *A. Maury*, Histoire des religions de la Grèce antique, 8 т. Paris 1857. — *C. F. Nägelsbach*, Homerische Theologie, 3 изд. Nürnberg 1884. — *Ею же*, Nachhomerische Theologie, Nürnberg 1857. — Архим. *Хрисанъ*, Религіи древняго міра въ ихъ отношеніи къ христіанству, т. 2, Спб. 1875. — *Д. И. Азаревичъ*, Античный міръ и христіанство, Яросл. 1880. — *В. Д. Кудрявцевъ*, Религіи культурныхъ языч. народовъ въ «Прав. Обзор.» 1880. — *И. Татарскій*, Религ. элементъ въ эпосѣ Гомера (Приб. къ Твор. св. отцовъ въ русскомъ пер., изд. Моск. дух. акад. 1891, кн. 4). — *G. Boissier*, La fin du paganisme. Etude sur les dernières luttes religieuses en occident au IV siècle, 2 т. Par. 1891 (Русскій пер. подъ ред. Корелина, М. 1892). — *V. Schultze*, Geschichte des Untergangs des griech.-römischen Heidenthums. 2 т. Jena 1887 — 92. — *F. H. v. Arneth*, Das klass. Heidentum und die christl. Religion, 2 т. Wien 1895. — *P. Tiele*, Geschichte der Religion im Altertum bis auf Alexander den Grossen. Deutsche Ausgabe von C. Gehrlich. T. 1 и 2. Gotha 1895. — *M. Robiou*, L'état religieux de la Grèce et de l'Orient au siècle d'Alexandre, 2 p. Par. 1895. — *H. Usener*, Götternamen. Versuch einer Lehre von d. religiösen Begriffsbildung. Bonn 1896. — *L. R. Farnell*, The cults of the Greek states. Vol. 1, 2. Oxf. 1896. — *W. Reichel*, Vorhellen. Götterkulte, Wien 1897. — *O. Gruppe*, Griech. Mythologie u. Religionsgeschichte (въ *Iw. Müller's* Handb. d. klass. Altertumswiss. V Bd., 2 Abth.), Münch. 1897. — *W. Wachsmuth*, Hell. Alterthumskunde, т. 2-й, 2 изд. Halle 1846. — *K. F. Hermann*, Lehrbuch d. Griech. Antiquitäten, т. 2: Lehrbuch d. Gottesdienstlichen Alterthümer der Griechen, 2 изд. Heidelb. 1858 (новое изданіе въ обработкѣ *Диттенбергера* ожидается въ скоромъ времени). — *G. F. Schömann*, Griechische Alterthümer т. 2-й, 3 изд. Berl. 1873. — *К. Θ. Страшкевичъ*, Краткій очеркъ греч. древностей, 2 изд. Кіевъ 1874. — *Ф. Велишскій*, Битъ грековъ и римлянъ (перев. съ чешскаго), Прага 1878. — *O. Seemann*, Die Gottesdienstl. Gebräuche d. Griechen und Römer, Leipz. 1888. — *P. Stengel*, Die griech. Kultusaltertümer (въ *Iw. Müller's* Handbuch d. klass. Altertumswiss. V Bd., 3 Abth.), 2 Aufl. Münch. 1898.

Max Müller, Vorlesungen über den Ursprung der Religion, Strassb. 1880. — *Fr. Creuzer*, Symbolik und Mythologie der alten Völker, bes. der Griechen, 4 т. 3-е изд. Leipz. 1836 сл. — *E. Gerhard*, Griech. Mythologie, 2 т. Berl. 1854. — *G. Grote*, Griech. Mythologie und Antiquitäten übers. von Dr. Th. Fischer, Bd. I, Leipz.

1856.—*Fr. Welcker*, Griech. Götterlehre, 3 т. Götting. 1857—63.—*J. A. Hartung*, Die Religion und Mythologie der Griechen, 4 т., Leipz. 1865.—*H. D. Müller*, Mythologie der Griech. Stämme, 2 т. 2 изд. 1869.—*L. Preller*, Griech. Mythologie, 4 Aufl. von C. Robert, 2 т. Berl. 1894.—*E. Plew*, Die Griechen in ihrem Verh. zu den Gottheiten fremder Völker, Danz. 1876.—*P. Decharme*, Mythologie de la Grèce antique, 2 изд. Paris 1886.—*J. Owerbeck*, Griech. Kunstmythologie 2 т. Leipz. 1878.—*M. Collignon*, Mythologie figurée de la Grèce, Par. 1883.—*W. H. Roscher*, Ausführliches Lexikon der griech. und röm. Mythologie (издается выпусками в Лейпцигъ съ 1884).—*O. Gruppe*, Griech. Kulte u. Mythen, Leipz. 1887.—*L. von Sybel*, Die Mythologie der Ilias, Marb. 1877.—*Л. Ф. Воеводский*, Введение въ миеологию Одиссея, Од. 1881.—*Ukert*, Ueber Dämonen, Heroen und Genien, Leipz. 1850.—*Ohlert*, Beiträge zur Heroenlehre d. Griechen, Lauban 1875.—*J. A. Hild*, Étude sur les démons, Par. 1881.— На русскомъ языкѣ есть переводы слѣдующихъ популярныхъ сочиненій по миеологii: *Петискусъ*, Олимпъ, пер. Евстафiева, 2 изд. Спб. 1873.—*Г. В. Штолль*, Мiеиы классической древности, перев. Покровскаго и Медвѣдева, 2 т., 2 изд. М. 1880.—*Дюстике*, Олимпъ. Миеологiя др. грековъ и римлянъ. Перев. съ нѣм. М. Коршъ, Спб. 1892.—Много цѣнныхъ статей по богослуж. древностямъ и миеологii имѣется въ известномъ изданiи *Daremberg et Saglio*, Dictionnaire des antiquités grecques et Romaines (доведенъ до б. G), въ *Pauly's Real-Encyclopädie*, Neue Bearb. herausg. von *G. Wissowa* (выходитъ съ 1894г.), и въ разныхъ филологическихъ журналахъ.

ОТДѢЛЪ I.

МѢСТА И ВЕЩЕСТВЕННЫЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КУЛЬТА.

ГЛАВА 1-я.

ОСВЯЩЕННЫЯ КУЛЬТОМЪ МѢСТНОСТИ.

Хотя идея о вседѣствующи и вседѣвни боговъ не была вполне чужда еллинамъ ¹⁾, но всетаки обыкновенное народное вѣрованiе представляло ихъ пребывающими въ опредѣленныхъ стихiяхъ или мѣстностяхъ и сообразно съ этимъ раздѣляло ихъ на боговъ небесныхъ или Олимпiйскихъ, земныхъ и подземныхъ ²⁾. Главнымъ

¹⁾ Ср. *Ил.* XVI, 514; *Од.* IV, 379; Ксеноф. *Пиръ* IV, 47 (Ὀυκοῦν ὡς μὲν Ἑλληγες καὶ βάρβαροι τοὺς θεοὺς ἡγοῦνται πάντα εἶδέναι τὰ τε ὄντα καὶ τὰ μέλλοντα, εὐδῆλον и т. д.) и др.

²⁾ Иногда встрѣчаются и болѣе подробныя подраздѣленiя, напр. у Артемидора *Опiогр.* II, 34: φαιμέν δὲ τῶν θεῶν τοὺς μὲν Ὀλυμπίους εἶναι, οὓς καὶ αἰθερίους καλοῦμεν, τοὺς δὲ οὐρανίους, τοὺς δὲ ἐπιγείους, τοὺς δὲ θαλασσίους, τοὺς δὲ ποταμίους, τοὺς δὲ χθονίους.

мѣстопребываніемъ первыхъ считался Олимпъ, съ которымъ уже въ Гомеровскихъ поэмѣхъ соединены два разныя представленія: онъ является то высокою горою въ Тессаліи, то небеснымъ жилищемъ боговъ ¹⁾. Другіе боги пребываютъ въ тѣхъ стихіяхъ, которыя находятся въ ихъ вѣдѣніи, напр. въ морскихъ глубинахъ—Посидонъ съ Амфитритою, Нерей съ Нереидами и др., въ рѣкахъ, ручьяхъ и источникахъ—рѣчные боги и нимфы, въ лѣсахъ и на горахъ—нимфы-дриады, ореады и др., внутри земли—боги подземнаго міра. Но кромѣ этихъ, такъ сказать, постоянныхъ жилищъ у боговъ были, по представленію еллиновъ, и другія излюбленныя мѣста, въ которыхъ они съ особенною охотою пребывали и гдѣ всего благосклоннѣе выслушивали обращающія къ нимъ мольбы. Это были прежде всего тѣ мѣста, въ которыхъ то или другое божество пользовалось наибольшимъ почетомъ, затѣмъ мѣстности, которыя считались особенно пріятными божествамъ по своимъ природнымъ свойствамъ или были освящены культомъ по разнымъ причинамъ: миѣическимъ, нравственнымъ, политическимъ, историческимъ и др.

По природнымъ свойствамъ особенно пріятными божествамъ считались вершины горъ, возвышенности, гроты, долины, лѣса и рощи, вообще мѣстности тихія и удаленныя отъ жилья. Лѣса и рощи своимъ величіемъ, своею таинственною тѣнью производили возвышающее впечатлѣніе на входящаго въ нихъ и возбуждали въ его душѣ мысль о близости божества. Даже отдѣльно стоявшее дерево, привлекавшее къ себѣ взоры своею величественною красотою, представлялось находящимся подъ особымъ покровительствомъ божества. Поэтому вокругъ святилищъ обыкновенно разводились рощи красивыхъ деревьевъ ²⁾. Гроты считались любимымъ мѣстопребываніемъ богини Реи, а также Пана и нимфъ ³⁾. Источ-

¹⁾ Какъ жилище боговъ, Олимпъ описывается слѣдующимъ образомъ въ *Од.* VI, 41 сл. (по переводу Жуковского):

.... свѣтлокая Зевсова дочь полетѣла
Вновь на Олимпъ, гдѣ обитель свою, говорятъ, основали
Боги, гдѣ вѣтры не дуютъ, гдѣ дождь не шумитъ хладоносный,
Гдѣ не подѣмлетъ мятелей зима, гдѣ безоблачный воздухъ
Легкой лазурью разлитъ и сладчайшимъ сіяньемъ проникнуть;
Тамъ для боговъ въ несказанныхъ утѣхахъ всѣ дни пробѣгаютъ.

²⁾ Ср. Ксеноф. *Анаб.* V, 3, 12; Павс. I, 21, 9; Плин. *Hist. nat.* XII, 1 и др.

³⁾ Ср. описаніе Корикійскаго грота на Парнасѣ у Павс. X, 32, 2 и 5, или извѣстное описаніе грота на Иеакѣ въ *Одисс.* XIII, 102—112.

ники, въ особенности пѣлебныя, обыкновенно освящались культомъ, какъ находящіяся подъ ближайшимъ покровительствомъ боговъ. Витрувій (I, 2, 20) прямо совѣтуетъ выбирать для храмовъ, въ особенности посвященныхъ богамъ здравія, мѣстности съ здоровымъ климатомъ и въ изобиліи снабженныя водою. Культы подземныхъ боговъ и оракулы обыкновенно учреждались въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ были въ скалахъ или въ землѣ разщелины, представлявшія какъ бы прямое сообщеніе съ подземнымъ міромъ.

Такія мѣстности, которыя считались особенно пріятными богамъ по своимъ природнымъ свойствамъ, конечно, предпочтительно предъ другими избирались для устройства святилищъ; но само собою разумѣется, что такія свойства мѣстности не были безусловно необходимы для освященія ея культомъ: нерѣдко приходилось и въ мѣстностяхъ, не отличавшихся такими свойствами, устраивать святилища, въ особенности въ городахъ и селеніяхъ. Въ такомъ случаѣ при выборѣ мѣстности для святилища довольствовались тѣмъ, чтобы она не была недостойна божества. Аристотель (*Полит.* IV (VII), 12, 1) совѣтуетъ выбирать для святилищъ преимущественно мѣста возвышенныя и защищенныя отъ сосѣднихъ частей города; точно такъ же Сократъ, по словамъ Ксенофонта (*Аполл.* III, 8, 10), считалъ наиболее пригодными для храмовъ и алтарей мѣста особенно видныя и рѣдко посѣщаемыя.

Многія мѣстности были освящены культомъ вслѣдствіе связанныхъ съ ними мифовъ о тѣхъ или другихъ событіяхъ изъ жизни боговъ, напр. островъ Делосъ какъ мѣсто рожденія Аполлона и Артемиды, и т. п. Существовали также преданія, что боги переселялись изъ однихъ мѣстностей въ другія, или въ разныя времена года жили въ разныхъ мѣстахъ. По дельфійскому преданію Аполлонъ три зимніе мѣсяца проводилъ въ Ликии, а остальные въ Дельфахъ. Персефона полгода проводила въ подземномъ царствѣ и полгода на землѣ. Много было также сказаній о странствованіяхъ Деметры, Афродиты и другихъ богинь.

По нравственнымъ причинамъ были освящаемы культомъ разныя мѣста, имѣвшія какое-либо особое значеніе въ семейной, общественной или государственной жизни людей. Сюда прежде всего относится почитаніе *домашняго очага*, какъ центра семейной жизни, и горѣвшаго на немъ огня, который былъ символомъ богини Гестіи (Весты) и даже отождествлялся съ нею. Почитаніе этой богини выражалось въ поддержаніи неугасимаго огня на очагѣ, ко-

торое было священною обязанностью хозяйки дома. Кромѣ Гестіи были почитаемы въ домахъ и другіе боги, какъ покровители семьи и ея собственности (θεοὶ ἐφ' ἑστίαι, μόχοι, ἔρκατοι, κτήσιοι; см. ниже гл. 22). Общины и государства, подобно отдѣльнымъ родамъ и семьямъ, имѣли своихъ боговъ-покровителей, культъ которыхъ былъ тѣсно связанъ съ тѣми или другими мѣстами и зданіями въ городѣ, смотря по идеѣ, которую выражало собою каждое божество. Въ кремль (акрополь) города находились святилища древнѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ народомъ божествъ-покровителей (θεοὶ πολιοῦχοι), такъ какъ акрополь былъ центромъ, вокругъ котораго развивался городъ. Рыночная площадь, служившая мѣстомъ собраній и ежедневныхъ сношеній гражданъ, ставилась подъ покровительство особыхъ θεοὶ ἀγοράιοι, святилища которыхъ устраивались на ней ¹⁾. Въ главномъ правительственномъ зданіи (πρωτανεῖον) находился очагъ города, при которомъ почиталась Гестія, какъ представительница идеи единства государства (Ἔστία πρωτανεία или πρωτανίτις). Въ зданіи совѣта ставились алтари богамъ «совѣтнымъ» (θεοὶ βουλαῖοι)—Гестіи, Зевсу, Аѳинѣ и др. Подобнымъ же образомъ ставились подъ покровительство боговъ и считались священными границы, неприкосновенность которыхъ принадлежитъ къ числу установленныхъ правильной гражданской жизни. По Платону (Зак. VIII р. 842 e) неприкосновенность межевыхъ столбовъ (ἄροι) служить первымъ признакомъ уваженія къ Зевсу граничному (Ζεὺς ὄριος). Были затѣмъ боги-покровители улицъ (ἀγυαῖς), въ особенности Гермесь, Аполлонъ и др.; дороги и проходящія по нимъ путники ставились подъ особую божественную защиту въ виду разныхъ опасностей, которыя могли встрѣчаться на пути. Изображенія уличныхъ боговъ обыкновенно представлялись въ видѣ четырехугольныхъ каменныхъ столбовъ съ головою божества на верху (гермы). На дорогахъ, улицахъ и рынкахъ, въ особенности же на перекресткахъ, кромѣ гермовъ ставились еще такъ называемыя Ἐκαταῖα, т. е. изображенія богини Гекаты (Ἐκάτη ἐνοδία или τριόδιτις) въ нишахъ съ алтарями предъ ними ²⁾.

¹⁾ Ср. Соф. *Эдипъ-царь*, ст. 161: γαῖόχρον τ' ἀδελφείαν Ἄρτεμι, ἃ κοχλόεντ' ἀγορᾶς θρόνον εὐχλῆα θάσσει.

²⁾ Геката была первоначально богиней лѹны, но преимущественно почиталась именно какъ покровительница путей сообщения. Для того, чтобы символически выразить ея попеченіе о перекресткахъ, ее изображали съ тремя обращенными въ разныя стороны лицами (Ἐκάτη τρίμορφος). Ср. Овидія *Fast.* I, 141:

Ora vides Hecates in tres vergentia partes,
Servet ut in ternas compita secta vias.

Кромѣ вышеуказанныхъ причинъ нѣкоторыя мѣстности становились священными вслѣдствіе связанныхъ съ ними особенныхъ обстоятельствъ или историческихъ событій. Такъ, напр., мѣста сраженій почитались, какъ священныя. Мы видѣли выше, что мифическія событія изъ жизни боговъ имѣли вліяніе на установленіе культа въ той или другой мѣстности; но въ особенности можно сказать это о культѣ героевъ, который первоначально былъ ничѣмъ инымъ, какъ почитаніемъ умершихъ, и поэтому естественнымъ образомъ связанъ былъ съ ихъ гробницами. Впрочемъ нужно припомнить, что не всѣ существа, получавшія героическія почести, дѣйствительно жили на землѣ и были гдѣ-нибудь погребены: многіе герои были просто созданіями фантазіи, олицетвореніями тѣхъ или другихъ явленій жизни.

Священные участки. Мѣстности, освященныя культомъ, съ цѣлью предохраненія ихъ отъ всякаго оскверненія были отдѣляемы межою или оградою отъ мѣстъ неосвященныхъ, и такимъ образомъ получалось то, что называется *τέμενος* (отъ *τέμνω*—рѣжу). Такой священный участокъ не могъ быть употребляемъ ни для какихъ человѣческихъ надобностей; въ большинствѣ случаевъ онъ былъ засаженъ красивыми деревьями и тогда носилъ названіе *ἄλσος*¹⁾. Обыкновенно въ священныхъ участкахъ находились храмы или алтари, но бывали *τέμενη* или *ἄλση* и безъ нихъ. Иногда людямъ совершенно запрещался доступъ въ священное пространство (такіе участки назывались *ἄβατα*), какъ напр. въ *ἄλσος* при храмѣ Зевса Филія въ Мегалополѣ или въ *τέμενος* Зевса на Ликейской горѣ по разсказу Павсанія (VIII, 31, 2 и 38, 5). Въ Олимпіи, по его же словамъ (VI, 20, 4), внутри священнаго округа *Ἄλτις* былъ обнесенъ оградою участокъ съ святилищемъ Гипподаміи, въ которое могли входить только женщины и то лишь однажды въ годъ для совершенія жертвоприношенія. Въ нѣкоторые участки не допускались даже тѣ или другія животныя.

Кромѣ этихъ, такъ сказать заповѣдныхъ, участковъ были такія священныя земли, которыми могли пользоваться люди для земледѣлія, пастбы скота и т. п.; ихъ принадлежность божеству выражалась въ томъ, что получаемые съ нихъ доходы шли въ пользу святилища и употреблялись на нужды культа, содержаніе жрече-

¹⁾ Впрочемъ иногда, въ особенности у поэтовъ, слово *ἄλσος* обозначалось и не засаженный деревьями священный участокъ (ср. Страб. IX, р. 412).

скаго персонала и т. п. ¹⁾ Были, впрочемъ, и такіе участки, которые посвящались богамъ подъ условіемъ оставаться совершенно необработанными; извѣстнѣйшій примѣръ такого посвященія представляютъ земли города Крисы близъ Дельфъ, которыя послѣ первой священной войны были посвящены Дельфійскому Аполлону ἐπὶ κάστρῳ ἁερύϊα. Деметръ и Персефонъ былъ посвященъ вблизи Елевсина участокъ земли, который не могъ подвергаться обработкѣ (ὄργας). Даже воды были посвящаемы богамъ; такъ, напр., въ Аттикѣ у священной дороги изъ Аѳинъ въ Елевсинъ были два узкіе, на подобіе рѣкъ, морскіе залива (Ῥεῖται), которые были посвящены елевсинскимъ богинямъ Деметръ и Корѣ, и никто кромѣ елевсинскихъ жрецовъ не имѣлъ права ловить въ нихъ рыбу (Павс. I, 38, 1).

Bötticher, Der Baumkult der Hellenen, Berl. 1857.—*K. F. Hermann*, De terminis eorumque religione apud Graecos, Gött. 1847.—*E. Gerhard*, De religione Hermarum, Berl. 1844.—*I. Wassner*, De heroum apud Graecos cultu diss. Kiel 1883.—*F. v. Andrian*, Der Höhenkultus, Wien 1890.—*R. Beer*, Heilige Höhen d. Griechen u. Römern, Wien 1891.—*I. Murr*, Die Gottheit d. Griechen als Naturmacht, Innsbr. 1892.

ГЛАВА 2-я.

Алтари или жертвенники.

Вслѣдствіе рано развившагося у еллиновъ антропоморфическаго представленія божествъ поклоненіе имъ было обставлено множествомъ обрядовъ, для которыхъ были необходимы различныя искусственныя приспособленія. Приписывая богамъ человѣческія склонности и страсти, еллины естественно стали стараться приобрѣсти ихъ расположеніе къ себѣ или отвратить навлеченный на себя нечестивыми поступками гнѣвъ путемъ различныхъ благочестивыхъ дѣйствій, между которыми одно изъ первыхъ мѣстъ занимало принесеніе божествамъ жертвъ и даровъ. Устроенное для этой цѣли приспособленіе, носившее названіе βωμός, было существенно принадлежностью всякаго мѣста культа. Уже въ го-

¹⁾ Чаще всего онѣ отдавались въ аренду, также какъ и другія храмовныя владѣнія, напр. дома, водн, виноградники и т. п. Сохранилось нѣсколько надписей, содержащихъ въ себѣ арендныя условія.

меровскихъ поэмахъ неоднократно упоминаются жертвенники ¹⁾. Въ древнѣйшія времена они устраивались, безъ сомнѣнія, самымъ простымъ способомъ—изъ дровъ, которыя сожигались вмѣстѣ съ жертвою ²⁾. Во многихъ мѣстностяхъ упоминаются жертвенники изъ золы, представлявшіе собою, такимъ образомъ, продуктъ самихъ жертвоприношеній ³⁾. На вершинѣ Ликейской горы въ Аркадіи, гдѣ былъ знаменитый культъ Зевса Ликейскаго, алтаремъ служила куча земли (Павс. VIII, 38, 5). На островѣ Делосѣ былъ знаменитый *καρτήν* или *καρτήνιος βωμός*, по мнѣнію сказанію устроенный самимъ Аполлономъ изъ роговъ дивныхъ козъ, убитыхъ Артемидою, и причислявшійся къ семи чудесамъ свѣта ⁴⁾.

Впрочемъ, жертвенники изъ указанныхъ матеріаловъ встрѣчаются рѣдко; такіе алтари, которые предназначались для постоянного употребленія, дѣлались обыкновенно изъ камня и при томъ были тѣсно связаны съ мѣстомъ культа, такъ что были не переносные, а неподвижные (переносные жертвенники упоминаются очень рѣдко). Форма и величина ихъ была весьма различна (обыкновенно они были четырехугольные, но часто встрѣчаются и цилиндрическіе); они украшались вѣнками и гирляндами, нерѣдко изсѣбаемы были цѣликомъ изъ драгоцѣннаго мрамора съ различными скульптурными украшениями по вкусу каателя или соотвѣтственно значенію культа того божества, которому каждый алтарь былъ посвященъ. Нѣкоторые алтари достигали огромной величины и представляли собою величественныя произведенія архитектуры и скульптуры ⁵⁾. Ставились они обыкновенно не прямо на землѣ,

¹⁾ Напр. *Ил.* I, 448; VIII, 48, 238 и 249; XI, 808; XXIII, 148; *Од.* III, 278; XXII, 384 и 379.

²⁾ Такой способъ устройства жертвенника практиковался и въ историческія времена въ Беотіи при праздникѣ *Δαίδαλα*. Павс. IX, 3, 4.

³⁾ Павсаний (V, 13, 5; 14, 6 и 8; 15, 5; IX, 11, 5) упоминаетъ о многихъ такихъ жертвенникахъ въ разныхъ мѣстностяхъ Эллады (въ Аттікѣ такіе жертвенники назывались *ἐσχάρα* *αὐτοσχεδιαί*, Павс. V, 13, 5). Онъ же упоминаетъ алтарь изъ жертвенной крови въ Дидимахъ (V, 13, 6).

⁴⁾ Калл. *Гимнъ къ Аполл.* 60 сл. См. статью *Омолая* въ *Bulletin de congrès-pandance hellénique*, т. VIII (1884).

⁵⁾ Такъ, въ Пергамѣ былъ построенъ Атталидами великолѣпный мраморный жертвенникъ въ 40 фут. вышины съ горельефнымъ изображеніемъ борьбы боговъ съ гигантами (*Ampel. lib. metor.* 8, 14). Части его найдены при раскопкахъ въ 1879 г. и горельефы оказались великолѣпнымъ произведеніемъ скульптуры (они хранятся нынѣ въ Берлинскомъ музеѣ). Значительной величиной от-

а на возвышеніи изъ нѣсколькихъ ступеней, и притомъ тѣ, которыя предназначались для сожженія жертвъ, устраивались подъ открытымъ небомъ для того, чтобы дымъ отъ сожигаемой жертвы могъ свободно подниматься къ небу; внутри храмовъ сожженіе жертвъ никогда не производилось; здѣсь ставились только жертвенники для куренія өнміама (*θυσιατήρια*) и столы для приносимыхъ божествамъ даровъ.

Вообще говоря, храмы едва-ли были мыслимы безъ жертвенниковъ, но жертвенники безъ храмовъ встрѣчались очень часто: въ частныхъ домахъ и дворахъ, на агрополяхъ, на рынкахъ и улицахъ города, въ присутственныхъ мѣстахъ, на дорогахъ, поляхъ, вершинахъ горъ, въ священныхъ рощахъ и пр. Отъ неосвященного пространства жертвенники отдѣлялись оградой, состоявшею или изъ низенькой стѣны (*θρῦχος*), или просто изъ цѣпи или веревки (*περισχόινισμα*).

Иногда одинъ жертвенникъ былъ посвящаемъ нѣсколькимъ богамъ (которые въ такомъ случаѣ назывались *θεοὶ σὺμβωμοὶ* или *σὺμβωμοὶ*), или даже всѣмъ вмѣстѣ. Алтари героевъ и подземныхъ божествъ носили специальное названіе *ἑσχαράαι*; они были ниже алтарей боговъ, ставились прямо на землѣ и имѣли отверстіи для стока крови жертвенныхъ животныхъ въ землю. Встрѣчаются также особыя «жертвенныя ямы», служившія для жертвоприношеній подземнымъ божествамъ или героямъ.

A. de Molin, De ara apud Graecos, Berl. 1884.—C. Maurer, De aris Graecorum pluribus deis in commune positis, Darmst. 1885.

ГЛАВА 3-я.

Храмы.

Когда елліны стали представлять себѣ боговъ челоуѣкообразными, у нихъ сама собою должна была возникнуть мысль строить и для боговъ приличныя и достойныя ихъ жилища. На значеніе храма, какъ настоящаго жилища боговъ, указываетъ самая этимоло-

гичались также знаменитый *μέγας βωμός* въ Дельфахъ и жертвенникъ Артемиды въ Ефесѣ, украшенный изваяніями Праксителя. Нерѣдко на жертвенникахъ вѣнчались надписи, содержащія въ себѣ имена боговъ, посвященія или даже жертвенныя уставы (напр. I. Gr. ant. 379).

логія слова ναός или ναῶς (=жилище, отъ ναίω). Постройка храмовъ началась у еллиновъ очень рано: уже въ Гомеровскихъ поэмахъ неоднократно встрѣчаются упоминанія о храмахъ, хотя настолько краткія, что по нимъ невозможно ясно представить себѣ тогдашнюю форму и величину храмовъ¹⁾. Но на основаніи нѣкоторыхъ свидѣтельствъ авторовъ можно думать, что въ древнѣйшія времена жилищами боговъ считались просто деревья или ихъ дупла. Каллимахъ въ гимнѣ къ Артемидѣ (ст. 238) говоритъ, что древнѣйшая статуя этой богини въ Ефесѣ была поставлена подъ буковымъ пнемъ (φυγγὸς ὑπὸ κρέμυφ). Еще во времена Павсанія въ Орхоменѣ аркадскомъ статуя Артемиды стояла въ большомъ кедрѣ (т.-е. вѣроятно въ дуплѣ этого дерева), почему и сама богиня называлась Ἄρτεμις Κεδρεῖτις (Павс. VIII, 13, 2). О храмѣ Аполлона въ Дельфахъ тотъ же писатель рассказываетъ (X, 5, 5), что первоначально онъ былъ построенъ какъ бы въ видѣ шалаша изъ лавровыхъ вѣтвей, принесенныхъ изъ Темпейской долины; второй храмъ былъ построенъ якобы пчелами изъ воска и пчелиныхъ крыльевъ и отосланъ Аполлономъ къ гиперборейцамъ (по другому преданію онъ былъ сплетенъ изъ свѣжей горной травы), третій былъ мѣдный, а четвертый—каменный, построенный миенческими художниками Трофоніемъ и Агамедомъ и сгорѣвшій въ 548 г. до Р. Хр.

Само собою разумѣется, что храмы строились чаще всего въ такихъ мѣстахъ, которыя уже раньше по тѣмъ или другимъ причинамъ были освящены культомъ и въ которыхъ иногда уже стояли статуи и жертвенники. Нерѣдко божество, по преданію, само ука-

¹⁾ Такъ, поэтъ упоминаетъ о богатомъ храмѣ Аенны въ Аеннахъ въ *Ил.* II, 549, о «каменномъ порогѣ Феба Аполлона» въ Писонѣ (Дельфахъ) въ *Ил.* IX, 404 и *Од.* VIII, 80, о храмахъ Аполлона и Аенны въ Иліонѣ—*Ил.* V, 446, VI, 88 и 297, VII, 83. Постройка храмовъ представляется однимъ изъ важнѣйшихъ дѣйствій при основаніи новаго города въ *Од.* VI, 10, или средствомъ умилостивить разгнѣванныхъ боговъ въ *Од.* XII, 346. Изъ словъ Аполлонова жреца Хриса въ *Ил.* I, 39 видно, что храмы были крытые; въ *Ил.* V, 448 упомянуть ἄδραον иліонскаго храма Аполлона. Въ *Ил.* VI, 297 сл. рассказывается, какъ Гекаба съ уважаемыми троянками отправилась по приказанію Гектора въ храмъ Аенны умолять ее о помощи; когда онѣ пришли къ стоявшему на акрополѣ храму, жрица Θεано отворила имъ двери, онѣ съ воплями воздѣли руки къ статуѣ Аенны, а Θεано положила на ея колѣни пелюсъ и обратилась въ ней съ молитвою. Это самое подробное описаніе храма въ поэмахъ, но и оно не достаточно для того, чтобы можно было составить себѣ ясное о немъ понятіе.

зывало тѣмъ или другимъ способомъ мѣсто, на которомъ слѣдовало воздвигнуть ему храмъ; этимъ объясняется тотъ фактъ, что храмы иногда строились вдали отъ всякаго жилья, какъ, напр., храмы на о. Эгинѣ, на мысѣ Суніи и др. Если же нужно было построить храмъ въ такомъ мѣстѣ, которое раньше не считалось священнымъ и не было прямо указано божествомъ, то при выборѣ его, какъ уже замѣчено выше, обращали вниманіе на то, чтобы оно было удобно, красиво, здорово и удалено отъ шума повседневной жизни. Подземнымъ божествамъ строили храмы на равнинахъ, а для храмовъ, посвященныхъ олимпійскимъ богамъ, предпочитали мѣста возвышенныя. Если храмъ стоялъ въ заселенной части города, то онъ всегаки не примыкалъ непосредственно къ жилымъ строеніямъ, а былъ окруженъ дворомъ, который служилъ только священнымъ цѣлямъ и былъ отгороженъ отъ неосвященного пространства (τὸ βέβηλον) стѣною или оградю (ἔρκος, περίβολος; послѣднее слово очень часто обозначаетъ весь священный дворъ). Въ немъ ставились статуи, плиты съ надписями и разныя приношенія вѣрующихъ; иногда здѣсь же строились жилища для жреческаго персонала, а при храмахъ боговъ здравія—и помѣщенія для больныхъ, которые обращались въ храмъ за помощью ¹⁾. При большихъ храмахъ периболь занималъ иногда значительное пространство и внутри его, кромѣ главнаго храма, стояло по нѣскольку другихъ, даже посвященныхъ другимъ божествамъ; такъ, напр., въ периболѣ храма Зевса Олимпійскаго въ Аѣнахъ, имѣвшемъ около 4-хъ стадій въ окружности, находились храмъ Крона и Рен и τέμενος богини Земли; по нѣскольку храмовъ находилось также въ периболѣ Зевса въ Олимпіи, Аполлона въ Дельфахъ и пр. Поселенія при храмахъ иногда разрастались до размѣровъ цѣлой деревни или мѣстечка.

Для входа въ периболь устраивались обыкновенно одни только ворота (или калитка), при которыхъ ставились сосуды съ освященною водою (περίρραντήρια или ἀπορραντήρια). Всѣ входившіе должны были окроплять себя этой водою: это былъ символическій знакъ чистоты, которая требовалась отъ всякаго приближающагося къ святилищу. Само собою разумѣется, что лица, считавшіяся чѣмъ-либо осверненными, не могли входить въ священную ограду и что, находясь въ ней, люди должны были воздерживаться отъ

¹⁾ См. ниже гл. 19, § 8.

всякихъ дѣйствій, которыя могли бы осквернить ихъ. Поэтому если въ периболѣ находились человѣческія жилища, то изъ нихъ заблаговременно удаляемы были женщины предъ родами, больные и старики передъ смертью, такъ какъ акты рожденія и смерти считались оскверняющими святиню. Въ случаѣ же, если священное мѣсто, несмотря на предосторожности, было чѣмъ-либо осквернено, прибѣгали къ очищеніямъ, о которыхъ мы скажемъ ниже.

Въ древнѣйшія времена храмы строились изъ различныхъ матеріаловъ. Иногда храмомъ служила пещера или естественное углубленіе въ скалѣ; таковъ, напр., былъ храмъ Аполлона на горѣ Кинетъ на о. Делосѣ. Упомянутся, далѣе, храмы металлическіе или обитые металлическими (мѣдными) листами, какъ напр. легендарный храмъ Аполлона въ Дельфахъ или храмъ Аонины Мѣднодомной въ Спартѣ (*Ἀθήνα Χαλκίαιος*, Павс. III, 17, 3). Были также храмы деревянные, представлявшіе собою обыкновенную большую хижину, какъ, напр., святилище Посидона Гиппіа близъ Мантиней, построенное, по преданію, также Трофоніемъ и Агамедомъ¹⁾. Но въ историческія времена храмы строились исключительно изъ камня и при томъ чѣмъ далѣе, тѣмъ просторнѣе и великолѣпнѣе, такъ что этотъ типъ постройки, мало по малу развиваясь и совершенствуясь, сдѣлался высшимъ выраженіемъ греческаго искусства; скульпторы и живописцы непрерывно старались разукрашать жилище божества и дѣлать изъ него вполне гармоническое цѣлое.

Несмотря на все разнообразіе позднѣйшихъ храмовъ по виду и величинѣ, ихъ основная форма осталась неизмѣнною; въ каждой, самой сложной храмовой постройкѣ было то, что составляло первоначальный, существеннѣйшій элементъ такой постройки, именно четырехугольная (обыкновенно продолговатая) комната или келья (*σπήλιον*, *cella*), служившая жилищемъ божества. Всѣ видоизмѣненія храмовыхъ построекъ произошли отъ того, что къ этому главному святилищу стали пристраивать разныя новыя части, служившія или для красоты, или для практическихъ цѣлей и, стало быть, имѣвшія второстепенное значеніе.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію видоизмѣненій этого простѣйшаго типа храмовой постройки, необходимо замѣтить, что

¹⁾ Павс. VIII, 10, 2. Императоръ Адрианъ для сбереженія древняго святилища приказалъ заключить его въ новый каменный храмъ.

древній храмъ служилъ не мѣстомъ для собранія богомольцевъ (такъ какъ богослужбныя дѣйствія совершались не внутри храма, а передъ нимъ), а только жилищемъ божества, т. е., иначе говоря, хранилищемъ его священнаго изображенія; поэтому при построеніи храма слѣдовало имѣть въ виду не столько расширеніе этого главнаго отдѣленія храма, сколько устройство помѣщенія для храненія храмовой утвари, приношеній и т. п., а также закрытаго мѣста, гдѣ богомольцы могли бы имѣть убѣжище въ дурную погоду.

Храмы строились не прямо на землѣ, а на фундаментѣ (*κρηπίδα*), возвышавшемъ ихъ надъ жилищами людей. Фундаменты имѣли обыкновенно по три ступени; но такъ какъ онѣ часто были слишкомъ высоки для того, чтобы можно было всходить по нимъ, то для входа дѣлались въ фундаментѣ лѣстницы съ менѣе высокими ступенями. Число входныхъ ступеней всегда было нечетное, для того, чтобы входившій въ храмъ становился правою ногою на первую и на послѣднюю ступень, что считалось хорошимъ знакомъ. Вообще весь планъ храмоваго зданія былъ исполненъ глубокой символики и долженъ былъ наглядно выражать то предпочтеніе, которое храму подобало имѣть предъ жилищами людей.

Первое развитіе простѣйшей формы храма состояло въ прибавленіи къ цѣлѣ паперти или предхрамія. Оно образовалось посредствомъ продолженія двухъ продольныхъ стѣнъ за поперечную; эти стѣны ованчивались въ такомъ случаѣ четырехугольными утолщеніями — пилястрами (*παραστάδες, antae*), а между ними съ лицевой стороны ставились двѣ колонны, поддерживавшія архитравъ, соединявшій боковыя стѣны или пилястры. Такимъ образомъ получается форма «храма между пилястрами» (*ναὸς ἐν παραστάσι, templum in antis*), при чемъ между переднею стѣною и колоннадою образуется притворъ (*πρόναος* или *πρόδομος*, см. ниже). Дальнѣйшее развитіе архитектурники храма состояло въ томъ, что переднія стѣны съ пилястрами не доводились до края фундамента, а передъ ними оставлялось свободное пространство, на которомъ ставились еще двѣ колонны, такъ что крыша и архитравъ впереди поддерживались не пилястрами и двумя колоннами, а четырьмя отдѣльно стоящими колоннами, и паперть находилась между колоннадою и переднею стѣною. Такой храмъ назывался «съ колоннадою впереди» (*πρόστολος*). Дальнѣйшимъ шагомъ впередъ было подсказанное естественными требованіями симметріи устройство такой же колоннады

предъ заднею поперечною стѣною храма, чрезъ что получался «храмъ съ двумя колоннадами», ἀμφιπρόστωλος.

Окруживъ, далѣе, храмъ колоннадою со всѣхъ сторонъ, греческіе зодчіе получили такую форму его, которая наиболѣе удовлетворяла эстетическому вкусу и потому получила наибольшее распространеніе. Такой храмъ называется «кругопапертнымъ», περίστωλος или περίπτερος (πτερόν называлась окраина крыши, опиравшаяся на колоннады и прикрывавшая пространство между ними и стѣнами храма). Иногда шедшая кругомъ колоннада удваивалась и въ такомъ случаѣ получался ναὸς δίπτερος. Встрѣчаются также постройки, въ которыхъ вмѣсто цѣдыхъ, отдѣльно стоящихъ колоннъ устроены полуколонны, выдающіяся наружу изъ стѣнъ храма и по своимъ размѣрамъ и размѣщенію соотвѣтствующія самостоятельнымъ колоннамъ; это ναοὶ ψευδοπερίπτεροι, очень рѣдко встрѣчающіеся у грековъ, но довольно часто у римлянъ. Ναοὶ ψευδοδίπτεροι имѣютъ полную наружную колоннаду, но вмѣсто внутренней — только полуколонны, при чемъ однако пространство между внѣшнимъ рядомъ колоннъ и стѣнами оставлялось на столько широкое, что въ немъ можно было бы помѣстить и внутреннюю колоннаду.

Кромѣ того храмы по количеству колоннъ передняго фасада, которое всегда было четное, назывались τετράστωλοι, ἐξάστωλοι, ὀκτάστωλοι, δεκάστωλοι, δωδεκάστωλοι. Число боковыхъ колоннъ периптера было неопредѣленное, но чаще всего — одною больше двойнаго числа колоннъ фасада, слѣдовательно нечетное (угловыя колонны входили въ счетъ и съ фасадовъ, и съ боковъ).

Греческій храмъ обыкновенно представлялъ собою четырехугольникъ, длина котораго была приблизительно вдвое больше ширины (круглые храмы въ Греціи были очень рѣдки). Довольно плоская двускатная крыша образовала спереди и сзади трехугольный фронтонъ, ἀέτωμα или ἀέτως (названный такъ по сходству съ фигурою орла съ распростертыми крыльями), поле котораго покрывалось обыкновенно разнообразными скульптурными украшеніями, коихъ сюжеты относились или къ божеству, въ честь котораго былъ воздвигнутъ храмъ, или къ дѣяніямъ народа, его воздвигнушаго. Такъ, на восточномъ фронтонѣ Пареенона въ Афинахъ было изображено рожденіе богини Афины, а на западномъ — споръ ея съ Посидономъ. Верхушка и боковые углы фронтона часто украшались такъ называемыми ἀκρωτήρια, т. е. площадками, на которыхъ ставились статуи, вазы, треножники и т. п. Рельефными украше-

ніями покрывались также фризy и архитравы, поддерживаемыя колоннами ¹⁾).

Внутреннее расположение греческих храмовъ въ общихъ чертахъ было слѣдующее. Поднявшись по ступенямъ фундамента, богомолецъ вступалъ въ притворъ или предхраміе (πρόναος, πρόδομος, προῦλιον), образуемое съ передней стороны колоннадою, съ боковыхъ—продолженіемъ капитальныхъ стѣнъ святилища, съ задней—поперечною его стѣною; въ немъ хранились различныя приношенія вѣрующихъ и священная утварь, для охраны которыхъ между колоннами устраивались крѣпкія рѣшетки. Изъ притвора двустворчатая дверь вела въ главную часть храма, въ которой стояла статуя божества и которая поэтому преимущественно предъ другими считалась его жилищемъ; это ναός или στήλος (cella). Статуя (τὸ ἔδος) ставилась прямо противъ входа на возвышенномъ пьедесталѣ (βάθρον), иногда въ особой нишѣ (ναϊσκος), отдѣленной отъ остальнаго пространства рѣшеткою или занавѣсомъ. Обыкновенно храмы устраивались такъ, чтобы статуя была обращена лицомъ къ востоку. Предъ статуею стоялъ жертвенникъ для куреній и безкровныхъ жертвъ, а также столы для приношеній. Целла получала свѣтъ чрезъ открытую дверь; но это средство было недостаточно для полного освѣщенія, такъ что статуя пребывала въ таинственномъ полумракѣ, способствовавшемъ усилению религіознаго чувства въ богомольцахъ.

Сзади целлы иногда устраивался задній притворъ, ἀπισθόδος, служившій для храненія денегъ и драгоценныхъ вещей и часто отдѣлявшійся отъ остальныхъ частей храма не колоннадою (какъ обыкновенно πρόναος), а сплошной стѣною съ плотно запиравшеюся дверью. Иногда и боковые портики служили не только мѣстомъ для собраній богомольцевъ, но и для храненія даровъ. Здѣсь кстати замѣтимъ, что въ храмахъ, какъ мѣстахъ неприкосновенныхъ и самой своей святостью огражденныхъ отъ грабительскихъ покушеній, кромѣ собственныхъ сокровищъ нерѣдко хранились значительныя денежныя суммы и драгоценности государствъ и частныхъ лицъ, особенно въ храмахъ значительныхъ, часто посѣщаемыхъ и

¹⁾ Мы не вдаемся въ описаніе различій архитектурныхъ стилей и мелкихъ деталей построекъ, такъ какъ оно не входитъ въ предѣлы нашей задачи. Для ознакомленія съ стилями и деталями построекъ могутъ служить сочиненія по древней архитектурѣ.

находившихся въ большихъ торговыхъ и промышленныхъ центрахъ¹⁾. Афиняне хранили свою казну въ описономѣ Пареенова, спартапцы—большою частію въ Дельфахъ.

Выше было уже замѣчено, что греческіе храмы не предназначались, подобно нашимъ, для одновременнаго собранія въ нихъ значительной массы людей. Большія праздничныя жертвоприношенія, для которыхъ стекались иногда огромныя толпы богомольцевъ, совершались не внутри храмовъ, а предъ ними подъ открытымъ небомъ. Поэтому для прямыхъ цѣлей культа не было надобности въ обширномъ пространствѣ—и мы дѣйствительно находимъ въ Егладѣ очень маленькіе храмы, какъ напр. храмъ Безкрылой Побѣды на афинскомъ акрополѣ предъ Пропилеями. Только храмы, предназначавшіеся для тайныхъ культовъ (мистерій), должны были имѣть значительные размѣры для того, чтобы во время праздничныхъ собраній вмѣщать въ себѣ всѣхъ посвященныхъ. Такъ, въ елевсинскомъ храмѣ Деметры и Керы предназначенное для посвященныхъ пространство (*μυστικός στήκος*) по словамъ Страбона (IX, р. 395) могло вмѣстить въ себѣ столько зрителей, сколько любой театр, и произведенныя тамъ въ 80-хъ годахъ раскопки подтвердили это. Однако и въ числѣ храмовъ, не предназначенныхъ для тайныхъ культовъ, было не мало такихъ, которые отличались весьма обширными размѣрами и недостигаемою высотой художественной композиціи²⁾.

Чаще всего, конечно, каждый храмъ принадлежалъ одному только божеству; однако не мало было и исключеній изъ этого правила, т. е. такихъ храмовъ, которые были посвящены нѣсколькимъ божествамъ вмѣстѣ. Эти общіе храмы посвящались не только

¹⁾ При нѣкоторыхъ наиболѣе богатыхъ храмахъ для этихъ цѣлей устраивались особня сокровищницы (*θησαυροί*), напр. въ Дельфахъ и въ Олимпіи.

²⁾ Наибольшими размѣрами отличался знаменитый храмъ Артемиды въ Ефесѣ, имѣвшій 425 футовъ длины и 220 ф. ширины; послѣ пожара 356 г. онъ былъ отстроенъ въ тѣхъ же размѣрахъ и съ такимъ великолѣпіемъ, что причислялся къ семи чудесамъ свѣта. Храмъ Зевса Олимпійскаго въ Афинахъ, начатый Писистратомъ и оконченный императоромъ Адрианомъ, имѣлъ 354 ф. длины и 171 ф. шир.; отъ него сохранились по настоящее время фундаментъ и 16 колоннъ, замѣчательныхъ своими громадными размѣрами и изяществомъ отдѣлки. Храмъ Геры на о. Самосѣ, считавшійся самымъ большимъ при Геродотѣ (III, 60), имѣлъ 346 ф. дл. и 189 ширины, а афинскій Парееновъ—228 ф. дл. и 101 ф. шир. Были и другіе храмы весьма значительныхъ размѣровъ.

такимъ божествамъ, которыя почитались не по одиночкѣ, а группами, — какъ Музы, Евмениды, Диоскуры, — но и другимъ тѣсно связаннымъ между собою, какъ напр. Деметръ съ Корюю какъ матери съ дочерью, Кроноу съ Реею и Зевсу съ Діоною или Герою какъ супругамъ, Аполлону и Артемидѣ какъ брату съ сестрою (обыкновенно съ ними вмѣстѣ почиталась и мать ихъ Лето); встрѣчались также храмы, посвященные всѣмъ богамъ вмѣстѣ, или такіе, въ главной цѣлѣ которыхъ имѣло статую и алтарь одно божество, а въ боковыхъ—другія (какъ у насъ въ церквахъ съ нѣсколькими придѣлами). Были и двойные храмы (*ναοὶ διπλοὶ*) съ двумя входами съ противоположныхъ сторонъ и двумя цѣллами. Почитаемые въ одномъ храмѣ божества назывались *σύνωοι*, *σύνωκοι* или *κάρεδροι*.

Въ нѣкоторыхъ храмахъ, кромѣ цѣллы, было еще особое «неприступное» мѣсто (*ἄδοτον*) или «святое святыхъ», которое служило хранилищемъ древнихъ, наиболѣе уважаемыхъ изображеній или символовъ боговъ и въ которое входить имѣли право только жрецы, да и то не всегда, а лишь въ опредѣленные времена. Иногда сама цѣлла была *ἄδοτον*, какъ напр. въ храмѣ Геры въ ахейскомъ городѣ Эги, гдѣ никто кромѣ жрицы не могъ видѣть статуи богини (Павс. VII, 23, 7), или въ храмѣ Афродиты въ Сикионѣ, гдѣ созерцать статую и поклоняться ей можно было только отъ входа, а приближаться къ ней было запрещено (Павс. II, 10, 4). Иногда *ἄδοτον* было подъ землею, напр. въ храмѣ Посидона на Исемѣ, гдѣ, по преданію, былъ погребенъ Меликертъ (Павс. II, 2, 1); такія подземныя святилища носили специальное названіе *μεγαρα*. Иногда въ *ἄδοτα* совершались древнѣйшія грубыя формы культовъ, напр. на Ликэйской горѣ въ Аркадіи. Встрѣчаются случаи, что и самые храмы были крѣпко заперты и открывались только въ опредѣленные времена, да и то не для всѣхъ поклонниковъ, а только для жрецовъ или лицъ, имѣвшихъ какое-нибудь отношеніе къ культу, какъ напр. въ Аѣинахъ древній храмъ Діониса въ Лимнахъ, въ Тегеѣ—храмъ Аѣины и др. Причины недоступности святилищъ, конечно, не всегда возможно прослѣдить, тѣмъ болѣе, что уже и въ древности ходили объ этомъ разныя сказанія. Бывали также различныя (то случайныя или мѣстныя, то лежавшія въ сущности даннаго культа) причины, по которымъ въ извѣстныя священныя мѣста или никогда, или только при нѣкоторыхъ священнодѣйствіяхъ не допускались тѣ или другія лица, сословія или племена. Такъ, напр., въ храмѣ Аѣины на аѣинскомъ

акрополѣ не допускались дорійцы (Герод. V, 72), въ святилище Левкооен въ беотійскомъ городѣ Хэроней—рабы и этолійцы (Плут. *Quaest. rom.* 16), въ храмѣ Геры въ Аргосѣ не могли совершать жертвоприношеній иностранцы (Герод. VI, 81); въ лаконскомъ городѣ Геронерахъ во время ежегоднаго праздника Арея женщинамъ не дозволялось входить въ священную рошу (Павс. III, 22, 5), и наоборотъ въ лаконскомъ же городѣ Брисеяхъ въ храмѣ Діониса могли входить только женщины, совершавшія тамъ таинственные обряды (Павс. III, 20, 4). Также исключительно женщины участвовали въ праздникѣ Тесмофорій въ Аѳинахъ и т. д.

Убѣжища. Всѣ священныя мѣста были неприкосновенны (*ἄσολα*), такъ какъ всѣ еллины считали тяжкимъ грѣхомъ оскорбленіе божества посредствомъ отнятія или нарушенія цѣлости того, что составляло его собственность или было ввѣрено его покровительству и защитѣ. Этимъ объясняется и вышеупомянутый фактъ, что государства и частныя лица отдавали на храненіе въ храмы свои деньги и драгоценности, будучи увѣрены, что тамъ они будутъ въ наибольшей безопасности. На томъ же основаніи всѣ лица, прибѣгавшія къ храму, алтарю или статуѣ божества съ молебью о помощи и защитѣ (*ἰκέται*), считались неприкосновенными по крайней мѣрѣ на столько, что силою оторвать ихъ оттуда считалось святотатствомъ. Рабъ, бѣжавшій отъ жестокости господина, побѣжденный врагъ, желавшій спастись отъ оружія побѣдителя, обвиняемый въ преступленіи или даже осужденный, старавшійся избѣгнуть грозящаго ему наказанія, — всѣ они могли, если только удавалось, прибѣгнуть къ храму или алтарю подъ защиту божества; но относительно способовъ и предѣловъ распространенія этой защиты существовали различныя опредѣленія. Нѣкоторыя святилища преимущественно предъ другими пользовались правомъ защиты въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, такъ что всякій прибѣгавшій къ нимъ былъ безопасенъ отъ своихъ преслѣдователей во всемъ священномъ пространствѣ и могъ оставаться въ немъ сколько хотѣлъ или сколько ему позволяли жизненныя средства ¹⁾. Пре-

¹⁾ Такъ, напр., спартанскій царь Павсаній II послѣ неудачной битвы при Галиартѣ бѣжалъ въ святилище Аѳины Ален въ Тегей и провелъ въ немъ всю оставшую жизнь (Плут. *Лис.* 30). Отецъ его Плистоанактъ подобнымъ же образомъ прожилъ 19 лѣтъ въ святилищѣ Зевса Ликейскаго, пока спартанцы не отмѣнили поставленнаго противъ него рѣшенія и не призвали снова на престолъ (Θук. V, 16).

дѣлы, въ которыхъ святилищу было гарантировано право защиты, иногда были очень широки: такъ, при храмѣ Артемиды въ Ефесѣ право защиты было распространено Антоніемъ на цѣлый окружающій его кварталъ, который вслѣдствіе этого сдѣлался даже опасенъ для города, такъ какъ въ него стали стекаться всякіе злодѣи въ надеждѣ на безопасность, вслѣдствіе чего Августъ принужденъ былъ отмѣнить дарованную Антоніемъ льготу (Страб. XIV, р. 641). Островъ Самоерака, по словамъ Тита Ливія (XLV, 5), весь считался священнымъ. Святилищъ, пользовавшихся общепризнаннымъ ¹⁾ правомъ убѣжища и потому преимущественно предъ другими называвшихся *ἄσολα*, много было въ Елладѣ и въ особенности въ М. Азіи во времена римскихъ императоровъ, такъ что въ царствованіе Тиберія римскимъ сенатомъ были даже принимаемы мѣры къ уменьшенію ихъ числа (Тас. *Ann.* III, 60 и IV, 14).

Святилища, не принадлежавшія къ числу такихъ привилегированныхъ убѣжищъ, далеко не всегда были вполнѣ надежною защитою для умоляющихъ. Нерѣдко, въ особенности во время усобицъ и борьбы партій, которыя такъ часто терзали греческія государства, почтеніе къ святилищамъ забывалось и умоляющіе о защитѣ иногда были жестоко и святотатственно отрываемы отъ самыхъ алтарей боговъ. Общеизвѣстны избіеніе Килоновцевъ, смерть Ферамена и др. примѣры.

«Прежде чѣмъ перейдемъ къ другому, представимъ себѣ еще разъ изящный греческій храмъ. Черезъ пышныя пропилеи мы входимъ въ священное мѣсто, отдѣленное периболомъ отъ остальнаго свѣта и людскаго движенія. Посреди зеленыхъ садовъ и благоуханныхъ рошъ поражаетъ насъ божье жилище, окруженное изящными памятниками искусства и драгоценными приношеніями набожныхъ богомольцевъ. Огромныя ступени возвышаютъ его надъ землею, жилищемъ смертныхъ; симметрически разставленныя стройныя колонны поднимаются къ синему южному небу, подпирая своими нарядными капителями красивую крышу, искусные фронтоны которой красуются бѣлыми рѣзными работами, удачно представляю-

¹⁾ Всеобщее признаніе за какимъ-нибудь святилищемъ права убѣжища достигалось путемъ формальныхъ дипломатическихъ сношеній, какъ это можно видѣть, напр., изъ ряда сохранившихся эпиграфическихъ документовъ, представляющихъ отвѣтъ разныхъ городовъ на просьбу малоазіатскаго города Теоса о признаніи права убѣжища за его храмомъ Діониса. См. *Le Bas—Waddington, Inscr. d'Asie Mineure, №№ 60—85.*

щими цѣлыя сцены изъ отечественныхъ сказаній. Вообразимъ себѣ, что стѣны, колонны, надстолпіе и фронтоны, да и самая крыша, сдѣланы изъ бѣлаго мрамора, блескъ котораго въ надлежащихъ мѣстахъ ослабленъ темными красками; вообразимъ себѣ фризь, украшенный выпуклою рѣзбою или блестящій позолоченными щитами; вообразимъ себѣ множество статуй, стоящихъ съ обѣихъ сторонъ у входа въ притворъ, красующійся дорогими изображениями, праздничными приношеніями и драгоценною утварью, далѣе—богатство, представляющееся нашимъ глазамъ чрезъ открытыя двери изъ внутренняго святилища, изъ коего глядитъ великій богъ, любящъ жертвою, приносимую ему извнѣ на высокомъ жертвенникѣ жрецомъ отъ имени всего собравшагося народа въ то время, какъ вокругъ слышны священныя пѣсни вдохновеннаго поэта — и мы должны сознаться, что не могло быть другаго момента, который въ большей степени возвышалъ бы душу грековъ къ набожности и наполнялъ бы ее справедливою гордостью». (*Велтискій*, Бытъ грековъ и римлянъ, стр. 26).

Обція сочиненія по греческой архитектурѣ и объ отдѣльныхъ храмахъ упоминаютъ *S. Reinach*, Manuel de philologie classique т. 2 стр. 54 сл., или *K. Sittl*, Archäologie u. Kunst (въ *Iw. Müllers Handb. d. class. Altertumswiss.* т. VI, Münch. 1895), стр. 278, 365 и др.—На русскомъ языкѣ: *А. А. Парландъ*, Храмы древней Греціи, Спб. 1890.—*В. К. Мальбергъ*, Метопы древнегреч. храмовъ, Дерптъ 1891.—*Г. Г. Павлуцкій*, Коринескій архитект. орденъ, Киевъ 1891.—Объ убѣжищахъ: *H. Wallon*, Du droit d'asyle, Par. 1837.—*P. Förster*, De asyilis Graecorum, Breslau 1847.—*Jaenisch*, De Graec. asyilis, Gött. 1868.—*B. Barth*, De Graecorum asyilis, Strassb. 1888.

ГЛАВА 4-я.

Священные символы и изображенія.

По мѣрѣ развитія антропоморфизма въ религіи еллиновъ, у нихъ, естественно, явилась уже весьма рано потребность представлять себѣ почитаемыя божества въ видѣ какихъ-либо матеріальныхъ символовъ или изображеній и къ нимъ обращаться съ мольбами, жертвами и дарами. Уже въ Гомеровскихъ поэмахъ встрѣчаются упоминанія объ изображеніяхъ божествъ. Въ ту отдаленную эпоху, когда искусства еще совершенно не существовали или

существовали только въ слабыхъ зачаткахъ, когда еще не умѣли дѣлать статуй и даже, можетъ быть, еще не представляли себѣ боговъ въ достаточно опредѣленныхъ образахъ, для удовлетворенія указанной религіозной потребности обращались къ различнымъ предметамъ, которые ставили въ ближайшее отношеніе съ божествами и въ которыхъ видѣли какія-либо проявленія ихъ чудесной силы; подобные символы божествъ были, впрочемъ, въ большой чести и въ болѣе позднія времена, когда уже не было недостатка въ художественныхъ изображеніяхъ боговъ.

Причины, по которымъ тотъ или другой предметъ признавался за символъ божества, были, конечно, весьма разнообразны, и во многихъ случаяхъ мы не имѣемъ уже возможности прослѣдить ихъ. Въ качествѣ символовъ встрѣчаются животныя, растенія, камни, разная утварь и пр. Изъ животныхъ чаще всего упоминаются змѣи, въ которыхъ, по вѣрованію древнихъ, воплощалось или само божество, или какое-либо служившее ему дѣмоническое существо. Такъ, въ храмѣ Аеины Полиады на аеинскомъ акрополѣ жилъ священный змѣй, въ которомъ видѣли олицетвореніе древняго туземнаго героя Ерихонія; онъ считался стражемъ храма (εἰρηορδῶφις) и ежемѣсячно получалъ въ пищу медовыя лепешки. Когда предъ битвой при Саламинѣ нашли такую лепешку нетронутую, то сочли это за доказательство того, что сама богиня покинула акрополь (Герод. VIII, 41). При храмѣ Деметры въ Елевсинѣ также жилъ змѣй, называемый Кихрейскимъ по имени саламинскаго героя Кихрея, который, по древнему вѣрованію, воплотился въ немъ (Страб. IX р. 393; Павс. I, 36, 1). Въ Олимпіи почитался въ змѣиномъ образѣ герой Сосиполидъ (Павс. VI, 20, 2 сл.). Такихъ примѣровъ можно было бы привести еще не мало; но наиболѣе тѣсно связано было почитаніе змѣй съ культомъ бога Асклепія, которому онѣ служили, или который самъ являлся въ ихъ образѣ. На барельефахъ и статуяхъ, изображающихъ Асклепія, змѣй является непремѣнною принадлежностью. Вообще видно, что древніе находили въ природѣ змѣй нѣчто такое, что заставляло считать ихъ особенно пригодными для воплощенія божественныхъ существъ, преимущественно такихъ, которыя или имѣли пребываніе въ нѣдрахъ земли (какъ герои), или олицетворяли собою земныя силы, способствовавшія произрастанію плодовъ и цѣлебныхъ травъ. Однако и другіе виды животныхъ считались способными воплощать въ себѣ тѣ или другія божественныя суще-

ства; это видно не только изъ многихъ мифическихъ разсказовъ, въ которыхъ боги въ случаѣ надобности принимали видъ какого-либо животнаго, но и изъ существовавшихъ еще въ историческія времена изображеній, которыя представляли боговъ вполне или отчасти въ образѣ животныхъ. Такъ, напр., Діонисъ изображался иногда съ бычачьими рогами или въ видѣ быка, и вѣрующіе въ молитвенномъ обращеніи къ нему называли его именемъ этого животнаго ¹⁾. Извѣстно, далѣе, что нѣкоторыя четвероногія и птицы считались особенно любимыми тѣмъ или другимъ божествомъ и, какъ таковыя, посвящались имъ: орель—Зевсу, павлинь—Герѣ, голубь—Афродитѣ, сова—Аѳинѣ, лебедь—Аполлону, левъ—Матери боговъ и т. д. Причины, по которымъ то или другое животное считалось особенно излюбленнымъ извѣстнымъ божествомъ, конечно, не всегда возможно объяснить, но чаще всего онѣ основывались на представленіи ближайшаго соотношенія между качествами божественнаго существа и природными свойствами животнаго.

Подобно животнымъ и различные виды растеній посвящались божествамъ по тѣмъ или другимъ причинамъ: дубъ былъ посвященъ Зевсу, лавръ — Аполлону, маслина — Аѳинѣ, миртъ — Афродитѣ, тополь—Гераклу. Нѣкоторыя растенія даже назывались именами существъ, превращенныхъ въ нихъ по мифическимъ сказаніямъ, напр. нарциссъ, гіацинтъ, лавръ (*δάφνη*). Извѣстно, что по вѣрованіямъ грековъ въ деревьяхъ жили особыя божественныя существа (дріады, гамадріады), вмѣстѣ съ ними рождавшіяся и умиравшія. Величественныя, тѣнистыя рощи и отдѣльныя красивыя деревья сильно дѣйствовали на эстетическое и религіозное чувство еллина, возбуждали въ немъ мысль о близости божества и потому считались наиболѣе пригодными мѣстами для святилищъ. Есть не мало свидѣтельствъ, доказывающихъ, что деревьямъ воздавали поклоненіе, какъ символамъ божествъ и даже какъ самимъ божествамъ. Такія священныя деревья украшали повязками, гирляндами, вѣнками, различными обѣтными приношеніями, совершали предъ ними жертвоприношенія и т. под. ²⁾.

¹⁾ Аѳен. XI, 51; Плут. *de Is.* 35; *Quaest. gr.* 36.

²⁾ О культѣ деревьевъ ср. Плинія *Nat. hist.* XII, 1: Haec fuere numinum templa priscoque ritu simplicia rura etiamnunc deo praecellentem arborem dicant, nec magis auro fulgentia atque ebore simulacra, quam lucos et in iis silentia ipsa adoramus. Arborum genera numinibus suis dicata perpetuo servantur,

Необдѣланные куски дерева въ древнѣйшія времена нерѣдко служили изображениями боговъ. Такъ, по словамъ Климента Александрійскаго (*Protr.* p. 29), изображеніемъ Артемиды въ Икарѣ служило бревно, Геры Клеонской въ Эеспіяхъ—обрубленный пень, Геры Самосской—доска, Геры въ Аргосѣ—столбъ, Діониса въ Фивахъ—столбъ, обвитый плющемъ. Въ Спартѣ два столба съ перекладиною изображали Діоскуровъ (Плут. *de fr. am.* 1). Далѣе въ качествѣ символовъ божествъ почитались ихъ атрибуты, напр. трезубецъ изображалъ Посидона, кадуцей—Гермеса, копьё—Арея и т. п.

Весьма обыкновенными символами боговъ въ древнѣйшія времена были камни, при томъ совершенно необдѣланные (*ἀργοὶ λίθοι*). О нѣкоторыхъ изъ нихъ рассказывали, что они упали съ неба, т. е. были аеролитами; весьма естественно, что древніе считали ихъ ниспосланными божественною силою и потому относились къ нимъ съ благоговѣйнымъ почтеніемъ, которое отъ нихъ было перенесено и на другіе камни. Павсаній (во II в. по Р. Хр.) еще во многихъ храмахъ видѣлъ камни, частію необдѣланные, частію обдѣланные въ видѣ куба, пирамиды или конуса и служившіе предметомъ величайшаго уваженія.

Въ самыя раннія времена, пока еще не привыкли представлять себѣ боговъ въ опредѣленномъ человѣческомъ образѣ, такіе символы были достаточны для удовлетворенія религіозной потребности; но чѣмъ болѣе развивался антропоморфическій способъ представленія божествъ, тѣмъ естественнѣе являлось желаніе придавать такимъ символамъ по крайней мѣрѣ намекъ на человѣческій образъ. Если для изображенія божества брали такой матеріалъ, который съ трудомъ подвергался обработкѣ, какъ напр. камень, то ограничивались сначала воспроизведеніемъ только наиболѣе характеристическихъ частей человѣческаго тѣла,—прежде всего головы, затѣмъ рукъ, въ которыя вкладывали какіе-нибудь атрибуты. Такого рода изображенія дѣлались и впоследствии, когда давно уже умѣли дѣлать полныя статуи; они называются обыкновенно гермами, потому что чаще всего такъ изображался Гермесъ. Встрѣчаются и двойныя гермы, т. е. изображенія головы Гермеса и какого-нибудь другаго божества на одномъ столбѣ.

ut Iovi aesculus, Apollini laurus, Minervae olea, Veneri myrtus, Herculi populus. quin et silvanos faunosque et dearum genera silvis ac sua numina tamquam e caelo attributa credimus.

Изъ дерева раньше, чѣмъ изъ камня, стали выдѣлывать полныя статуи, вслѣдствіе большей легкости его обработки; первоначально, конечно, и деревянныя изображенія (*ξόανα*) были очень грубы. Во многихъ мѣстахъ о такихъ *ξόανα* существовали легенды, по которымъ они были ниспосланы людямъ съ неба (*ξ. διπέτῃ*); чаще всего такое сверхъестественное происхожденіе приписывалось палладіямъ, т. е. статуямъ Аеины Паллады ¹⁾. Другія древнія деревянныя статуи приписывались мифическому художнику Дѣдалу (Павс. IX, 40, 2). При выборѣ матеріала для деревянныхъ изображеній руководствовались символическою, т. е. для статуи каждаго божества брали такое дерево, которое было ему посвящено, напр. масличное—для статуи Аеины, миртовое—для Афродиты, виноградную лозу—для Діониса и Кибелы и т. п.

Впослѣдствіи, съ развитіемъ скульптуры и обработки металловъ, главнымъ матеріаломъ для статуй сдѣлался мраморъ, а изъ металловъ преимущественно бронза. Мраморныя статуи стали дѣлаться съ VIII в. до Р. Хр., металлическія появились не ранѣе 50-й Олимпіады; древнѣйшею изъ нихъ считалась статуя Зевса въ Спартѣ, не литая, а сколоченная гвоздями изъ разныхъ кусковъ, отлитыхъ отдѣльно (Павс. III, 17, 6). Древнѣйшія статуи представляли собою грубо изваянныя, неподвижныя фигуры съ непропорціональными членами, съ закрытыми глазами и опущенными внизъ руками, плотно прижатыми къ бедрамъ; но, мало по малу развиваясь и совершенствуясь, греческая пластика уже въ V в. до Р. Хр. достигла апогея своего развитія. Геніальныя созданія Фидія—статуи Аеины Дѣвы и Зевса Олимпійскаго—представляютъ таковой способъ ваянія, который былъ возможенъ только при высоко развитой техникѣ: это были деревянные остовы, обложенные золотомъ и слоновію костью (*ἀγάλματα χρυσελεφάντινα*). Дѣлались, наконецъ, статуетки и изъ глины, преимущественно для потребностей частнаго культа: ихъ ставили на своихъ божницахъ бѣдняки, не имѣвшіе средствъ пріобрѣтать болѣе дорогія мраморныя статуи. Употреблять для поклоненія живописныя изображенія божествъ не было въ обычаѣ, хотя въ видѣ украшеній картины часто вывѣшивались въ храмахъ (обыкновенно это были *ἀναθήματα*, т. е. приношенія по обѣту).

¹⁾ Въ числѣ *ξόανα διπέτῃ* называется, напр., Кадмейскій Діонисъ (Павс. IX, 12, 3), Артемида Таврическая (Еврип. *Ἴφιγ. Ταυρ.* 951) и Ефесская (Дѣянія апост. XIX, 35), Аеинская Полиада (Павс. I, 26, 7), Троянскій Палладій (Аполлод. III, 12) и др.

Общимъ названіемъ для всѣхъ божественныхъ изображеній, находившихся въ святилищахъ, служило слово ἄγαμα; оно примѣнялось одинаково какъ къ грубымъ изваяніямъ древнихъ временъ, такъ и къ изящнѣйшимъ произведеніямъ вполне развитой пластики, и обозначало статую, какъ предметъ, посредствомъ котораго люди почитали и ублажали боговъ. Тѣ статуи, которыя служили предметомъ культа (а не украшенія) въ храмѣ, часто обозначались словомъ ἕδος. Чтобы показать божествамъ свое уваженіе къ ихъ изображеніямъ, особенно къ древнѣйшимъ и священнѣйшимъ (ἕδῃ), еллыны тщательно за ними ухаживали, мыли, одѣвали въ богатые платья, снабжали всевозможными украшениями, иногда очень дорогими. Нѣкоторыя статуи имѣли цѣлый гардеробъ, составлявшійся главнымъ образомъ изъ приношеній благочестивыхъ людей, и особы лица жреческаго персонала обязаны были специально заботиться объ ихъ туалетѣ. При постановкѣ на мѣсто (ἕδρασις) статуи, долженствовавшей служить предметомъ культа, совершалось торжественное жертвоприношеніе, обряды котораго, конечно, были различны, смотря по особенностямъ божества, которое изображала статуя, или его культа. Безъ сомнѣнія были при освященіи статуи и какія-нибудь особенныя церемоніи, о которыхъ, однако, не сохранилось прямыхъ упоминаній. Самая постановка и освященіе статуи дѣлались, конечно, не иначе, какъ по полученіи благопріятнаго отвѣта отъ оракула, или вообще послѣ удостовѣренія въ томъ, что божество одобряетъ это предпріятіе. Представленіе божествъ въ видѣ статуй въ историческія времена было на столько распространено, что онѣ считались непремѣнною принадлежностью всякаго мѣста культа и отсутствіе ихъ въ такихъ мѣстахъ всегда объяснялось какою-либо легендою. Исключенія составляли святилища Гестіи, въ которыхъ постоянно поддерживавшійся на алтарѣ (ἕστια) огонь замѣнялъ собою статую.

Какъ смотрѣли древніе греки на пластическія изображенія своихъ божествъ и какъ ихъ почитали? Люди развитые и свободномыслящіе, конечно, видѣли въ нихъ только символы божествъ или средства напоминанія о нихъ, но масса народа не только въ древнѣйшія времена, но и въ историческія смотрѣла на нихъ иначе: она видѣла въ нихъ если не самыя божества, то предметы, одаренные божественною силою, которая наполняла ихъ и производила тѣ или другія чудесныя дѣйствія; гдѣ находилась статуя, тамъ присутствовало и представляемое ею божество. У древнихъ

есть не мало рассказовъ о чудотворной силѣ статуй. Павсаній, напр., рассказываетъ о чудесахъ, произведенныхъ статуями Геракла въ Ериврахъ, Аполлона въ Гилахъ близъ г. Магнесіи (VII, 5, 3; X, 32, 4) и др., Плутархъ—о страшной силѣ статуи Артемиды въ ахейскомъ городѣ Пелленѣ (б. *Арата*, 32); въ Спартѣ одна статуя Артемиды излѣчивала отъ подагры, другая—отъ кашля (Клим. Ал. *Protr.* p. 32 и 38); ходили также рассказы о томъ, какъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ копья, находившіяся въ рукахъ статуй, колебались, тѣла ихъ обливались потомъ, мѣнялось выраженіе лица и т. п. Этимъ вѣрованіемъ въ присутствіе божественной силы въ статуяхъ объясняется и то, что благосостояніе государства связывалось съ обладаніемъ извѣстными изображеніями боговъ, и преданія, что предъ паденіемъ города его боги-покровители уходили изъ него. Поэтому, напр., ефесцы при осадѣ ихъ Крезомъ соединили стѣны своего города веревками съ храмомъ Артемиды, чтобы такимъ образомъ вѣрить ихъ защитѣ богицы, присутствовавшей въ храмѣ (Герод. I, 26). Иногда даже статуи приковывались цѣпами, чтобы удержать божество постоянно на мѣстѣ (схол. Пинд. *Ол.* VII, 95; Макр. *Sat.* I, 8).

Наконецъ необходимо еще замѣтить, что во многихъ мѣстностяхъ Эллады сохранялись различнаго рода реликвіи: останки древнихъ знаменитыхъ героевъ, принадлежавшія имъ вещи, предметы, которымъ приписывалось сверхъестественное происхожденіе, и т. п. Народъ вѣрилъ легендамъ, ходившимъ про такіе предметы, воздавалъ имъ поклоненіе и многимъ изъ нихъ приписывалъ чудотворную силу. Одною изъ знаменитѣйшихъ реликвій была плечевая кость Пелопы, еще во времена Павсанія хранившаяся въ Олимпіи. Въ Мантиней хранились кости Аркады, сына Каллисто, въ Мессеніи—останки героя Идаса, въ Фивахъ—останки Геріона, въ Тегеѣ—волосы Медузы, на о. Скиръ—останки Тесея, перенесенные впоследствии въ Аѣины; въ Антиссѣ показывали голову Орфея, въ Фліунтѣ—колесницу Пелопы, въ Кизикѣ—камень, служившій якоремъ аргонавтамъ, въ Аѣинахъ—корабль Тесея, масляное дерево, произведенное Аѣиною во время спора съ Посидономъ, и мн. др.

E. Kuhnert, De cura statuarum apud Graecos въ *Berl. Studien für cl Philol. und Archäologie* т. I.—*Н. И. Новосадскій*, О почитаніи реликвій у древнихъ грековъ въ *Варш. Унив. Изв.* 1889.—*К. Bötticher*, Die Verehrung heil. Bäume bei den Alten въ «*Deutsche Revue*» 1891.—*В. Г. Аннелъротъ*, Изображенія божествъ въ др. Греціи въ журн. «*Гимназія*» 1891.—Сочиненія по исторіи греч. пластики указываютъ *Reinach*, *Man. de phil.* II, стр. 76 сл., *Sittl*, *Archäol. u. Kunst* (см. выше стр. 34) и др.

ГЛАВА 5-я.

Храмовыя имущества и дары.

Мы видѣли выше, что освященныя культомъ мѣста строго отдѣлялись отъ неосвященныхъ; точно такъ же и всякаго рода собственность боговъ различалась отъ собственности людей. Еллины, представляя своихъ боговъ съ человѣческими качествами, склонностями и страстями, вѣрили, что богамъ доставляетъ удовольствіе все то, что доставляетъ его людямъ, въ томъ числѣ всякаго рода собственность. Какъ въ героическія времена царямъ давались въ пользованіе земельныя участки (*τεμεῖνη*) и избранныя части военной и всякой другой добычи въ видѣ почетныхъ даровъ, такъ давались они и богамъ ¹⁾. Недвижимая и движимая собственность была посвящаема богамъ прежде всего, конечно, для удовлетворенія потребностей священнослуженія: первая отдавалась въ арендное содержаніе и вырученныя деньги шли на покрытіе издержекъ культа и содержанія священнослужителей, вторая состояла изъ священной утвари, необходимой для священнодѣйствій; но весьма часто были приносимы божествамъ и такіе дары, которые употреблялись только для украшенія храма или увеличивали его богатства.

Всѣ предметы, посвящавшіеся богамъ для украшенія ихъ святилищъ или для ихъ удовольствія, назывались общимъ именемъ *ἁγιαθύματα*. Едва-ли было какое-нибудь святилище у еллиновъ, которое бы не было болѣе или менѣе богато снабжено такими дарами, и чѣмъ болѣе уваженіемъ пользовался какой-нибудь храмъ, тѣмъ значительнѣе было количество приносимыхъ поклонниками даровъ; въ наиболѣе извѣстныя и уважаемыя святилища, напр. Зевса въ Олимпіи или Аполлона въ Дельфахъ, они стека-

¹⁾ Ср. Гесих. п. сл. *Τέμενος*: πᾶς ὁ μεμερισμένος τόπος τινὶ εἰς τιμὴν ἢ ἱερὸν καὶ βωμὸς ἀπονεμηθῆν θεῷ ἢ βρασιλεῖ.—Обычай посвящать богамъ дары существовалъ уже въ Гомеровскія времена. Такъ, въ *Ил.* VI, 293 сл. Гекаба приносятъ драгоценное платье въ храмъ Аены, въ *Ил.* VII, 82 Гекторъ обѣщаетъ посвятить въ храмъ Аполлона оружіе побѣжденнаго противника, въ *Од.* III, 274 говорится о посвященіи богамъ драгоценныхъ даровъ и пр.

лись со всѣхъ концовъ еллинскаго міра въ такомъ количествѣ, что для ихъ храненія не доставало мѣста въ храмахъ, и потому съ этой цѣлью строились особыя сокровищницы (θησαυροί) въ периболѣ храма. Въ даръ богамъ приносились, разумѣется, весьма разнообразныя предметы, смотря по обстоятельствамъ, степени набожности дарителя, его зажиточности и пр. Скромныя, но принесенныя отъ чистаго сердца даянія бѣдняковъ считались не менѣе пріятными богамъ, чѣмъ драгоценныя влады, которыми украшали святилища цари и богачи. Даже обыкновенная утварь, рабочія орудія, носильное платье и т. п. посвящались богамъ: музыкантъ посвящалъ свою китару, земледѣлецъ—плугъ, воинъ—оружіе. Лица, посвященные въ мистеріи (μύστα), какъ можно долѣе носили тѣ платья, въ которыхъ были посвящены, а потомъ приносили ихъ въ даръ божеству; дѣвицы при выходѣ замужъ посвящали какой-нибудь богинѣ свой дѣвическій поясъ; больные, исцѣленные помощью божествъ здравія, жертвовали въ ихъ храмы изображенія тѣхъ частей тѣла, которыя были поражены болѣзнию, чаще всего изъ благородныхъ металловъ и съ надписью имени посвятившаго ихъ лица ¹⁾). Весьма широко распространень былъ обычай посвящать свои волосы богамъ, преимущественно рѣчнымъ и нимфамъ, а также Аполлону. Дѣвицы дѣлали это передъ свадьбою, юноши при первой стрижкѣ по наступленіи возмужалости. Изъ Аѳинъ богатые и тщеславные юноши нерѣдко нарочно отправлялись въ Дельфы для посвященія своихъ волосъ Аполлону. Но чаще всего, конечно, были жертвуемы въ храмы такіе предметы, которые могли служить или для цѣлей культа, или для одѣянія и украшенія статуй, какъ-то: всякаго рода чаши, бокалы, лампы, столы, треножники, ожерелья, браслеты, платья, пояса и мн. т. под., затѣмъ художественныя произведенія (статуи, картины, рельефы) для украшенія храма или окружавшаго его перибола ²⁾). Вообще въ храмахъ собиралось все замѣчательное, что производила художественная дѣятельность народа, или что считалось достойнымъ сохраненія изъ патріотическихъ интересовъ.

¹⁾ Ср. инвентари Аѳинскаго храма Асклепія въ С. I. Att. II, 2.

²⁾ О богатствѣ и разнообразіи вещей, посвящавшихся въ храмы, могутъ дать понятіе сохранившіеся на камняхъ (большею частью, конечно, въ обломанномъ или попорченномъ видѣ) инвентари аѳинскихъ храмовъ, собранные въ С. I. Att. II, 2, или делосскіе—въ Bull. de corr. hellén. VI и др.

Самые значительные и цѣнные дары были приносимы въ храмы, конечно, государствами и властителями, иногда даже не греческими. Извѣстенъ разсказъ Геродота (I, 50 сл.) о массѣ драгоценностей, пожертвованныхъ въ Дельфійскій храмъ лидійскимъ царемъ Крезомъ. Весьма употребительнымъ видомъ пожертвованій какъ со стороны государствъ, такъ и частныхъ лицъ, была *десятина* (δεκάτη, τὸ ἐπίδεκατον) со всякаго рода прибыли или добычи. Послѣ всякой побѣды жертвовали богамъ десятую или какую-нибудь другую часть военной добычи. Колоссальная бронзовая статуя Аѳины Защитницы (Πρόμαχος) на аѳинскомъ акрополѣ была сооружена изъ десятины добычи, полученной при Мараонѣ (Павс. I, 28, 2). Послѣ Саламинской побѣды изъ части добычи (ἀχροδίνια) была воздвигнута въ Дельфахъ статуя Аполлона въ 12 локтей вышиною съ корабельнымъ носомъ въ рукахъ, кромѣ того были пожертвованы богамъ три финикійскія галеры: одна—Посидону на Исѳмѣ, другая—въ храмъ Аѳины на м. Суніи, третья—Эанту на Саламинѣ (Герод. VIII, 121). Послѣ побѣды при Платѣяхъ изъ десятины добычи были сооружены и пожертвованы: въ Дельфійскій храмъ золотой треножникъ, стоявшій на бронзовомъ пьедесталѣ, имѣющемъ видъ трехъ свившихся между собою змѣй, въ храмъ Олимпійскій—мѣдная статуя Зевса въ 10 локтей вышиною, а въ храмъ Посидона на Исѳмѣ—мѣдная статуя бога въ 7 локтей ¹⁾. Въ Аѳинахъ богинѣ-покровительницѣ города посвящалась десятинна штрафовъ, взыскивавшихся съ преступниковъ, и ¹/₆₀ дани союзниковъ въ Делосско-аттическомъ союзѣ, начиная со времени перенесенія союзной казны въ Аѳины. Елевсинскимъ богинямъ (Деметрѣ и Корѣ) по совѣту Дельфійскаго оракула аѳиняне и ихъ союзники обязательно, а другіе еллинскіе города по желанію жертвовали съ 440-хъ годовъ до Р. Хр. начатки ежегодной жатвы въ количествѣ не менѣе ¹/₆₀₀ части всего собраннаго ячменя и ¹/₁₂₀₀ пшеницы. На деньги, вырученныя отъ продажи полученнаго зерна, совер-

¹⁾ Герод. IX, 31. Пьедесталь Дельфійскаго треножника (который былъ похищенъ фокейцами въ 3-ю священную войну, см. Павс. X, 13, 5), перевезенный при императорѣ Константинѣ въ Константинополь, до сихъ поръ стоитъ тамъ на Атмейданской площади, только головы змѣй отбиты. На немъ сохранилась надпись, прочитанная только въ 1856 году и заключающая въ себѣ 31 названіе дружинъ греческихъ городовъ, принимавшихъ участіе въ битвѣ, по порядку ихъ доблести (Αλκιδαιμόνιοι, Ἀθαναῖοι, Κορινθιοί, Τεγεαῖται, Σελωῖοι, Αἰγυῖνται и т. д.). См. *Röhl*, Inscr. gr. ant. № 70; *Dittenberger*, Sylloge inscr. Graec. № 1.

шались торжественныя жертвоприношенія Деметрѣ съ Корю, Аѳинѣ и нѣкоторымъ другимъ богамъ и героямъ, а на остальные деньги сооружались различныя *ἑκαθήματα*, посвящавшіяся въ храмъ ¹⁾).

Обычай требовалъ посвящать божествамъ и почетныя награды (вѣнки и пр.), получавшіяся побѣдителями на праздничныхъ состязаніяхъ. Въ Аѳинахъ цѣлая улица близъ храма Діониса была обстроена небольшими зданіями, на верху которыхъ стояли треножники, полученные въ награду хорегами побѣдителями, и носила названіе *Τρίποδες*.

Особый видъ священныхъ даровъ составляли животныя, жертвовавшіяся въ собственность божеству. Конечно, часто случалось, что владѣльцы стада заранѣе обрекали то или другое животное на жертву божеству, послѣ чего такія животныя считались священными (*ἱερὰ βοσκήματα*) и, по общему повѣрью, пользовались особенно цвѣтущимъ здоровьемъ; но кромѣ того при святилищахъ божествъ и на принадлежащихъ имъ земляхъ паслись иногда цѣлыя стада различныхъ животныхъ, считавшихся собственностью божествъ и не имѣвшихъ никакого особаго назначенія кромѣ того, что нѣкоторыя изъ нихъ были приносимы въ жертву божеству во время праздниковъ. Такъ, напр., въ г. Аполлоніи на иллирійскомъ берегу было посвящено богу Геліусу стадо овецъ, днемъ пасшееся на опредѣленномъ мѣстѣ, а по ночамъ охранявшееся особымъ стражемъ, избравшимся на годъ изъ среды богатѣйшихъ и благороднѣйшихъ гражданъ (Герод. IX, 93). Въ Аргосѣ были посвящены Герѣ лошади, происходившія, по преданію, отъ кобылицъ Діомеда, похищенныхъ Геракломъ и посвященныхъ богинѣ Еврисеемъ (Діод. IV, 15). При храмахъ Артемиды содержалась разная дичь (Павс. X, 35, 4; Ксен. Ан. V, 3, 9). Кромѣ четвероногихъ животныхъ были при храмахъ и священныя птицы. Такъ, при храмѣ Геры на о. Самосѣ содержались павлины, а въ святилищѣ Артемиды на о. Леросѣ — цесарки (*μυλαεαγρίδες*), которыхъ производили отъ сестеръ героя Мелеагра, по преданію превращенныхъ богинею въ этихъ птицъ (Аѳен. XIV р. 655); упоминаются также священныя куры, гуси, голуби и пр. Птицы, гнѣз-

¹⁾ Почти вполнѣ сохранившійся декретъ о пожертвованіи начатковъ найденъ въ Елевсинѣ въ 1880 году. Онъ изданъ впервые Фукарромъ въ Bulletin de corr. hellén. т. IV, затѣмъ у Dittenberger'a, Syll. inscr. Graec. № 13 и въ С. I. Att. IV, 2, n° 27 b.

дившіяся при храмахъ, вообще считались подъ защитою божества, и убивать ихъ было грѣшно. Упоминаются въ разныхъ мѣстахъ священныя змѣи, а также черепахи (Павс. VIII, 54, 5). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ считались священными и рыбы, напр. въ ручьѣ Ареусѣ у Сиракусъ и въ одномъ ручьѣ близъ святилища Гермеса въ ахейскомъ городѣ Фарахъ (Диод. V, 3; Павс. VII, 22, 2). Эти птицы, рыбы и гады считались священными уже не потому, что были кѣмъ-либо пожертвованы божеству, а потому, что по какимъ-либо причинамъ признавались особенно ему пріятными.

Наконецъ къ священной собственности принадлежали и *люди*, отношенія которыхъ къ храмамъ были, впрочемъ, весьма разнообразны, хотя всѣ посвященныя божествамъ лица носили одно общее названіе *іеродооло*. Во-первыхъ само собою разумѣется, что храмы, какъ и государства и частныя лица, могли имѣть собственныхъ рабовъ для исполненія разныхъ служебныхъ обязанностей при храмѣ или при священнодѣйствіяхъ; нерѣдко іеродулы занимались обработкою принадлежавшихъ божествамъ земель и платили въ храмы опредѣленную аренду или отдавали извѣстную часть продуктовъ натурою. Но нерѣдко также посвященіе раба въ храмъ было только фиктивнымъ и представляло собою одну изъ формъ отпущенія его на волю; при этомъ патрономъ (*προστάτης*) вольноотпущеннаго становился богъ, а не прежній его господинъ, но самъ вольноотпущенный иногда не подчинялся никакимъ обязательствамъ по отношенію къ храму, только долженъ былъ, повидимому, вносить въ храмъ небольшую сумму денегъ. Такой способъ отпущенія рабовъ особенно былъ распространенъ въ III и II вв. до Р. Хр. въ городахъ западной части Беотіи (Хэровеѣ, Орхоменѣ и др.), но встрѣчается также въ Фокидѣ и др. мѣстностяхъ. Въ Дельфахъ практиковался нѣсколько иной способъ отпущенія рабовъ при посредствѣ божества, именно фиктивная продажа ихъ Аполлону; при чемъ рабъ самъ вносилъ выкупныя деньги въ храмъ и уже оттуда получалъ ихъ его господинъ. Встрѣчается также при различныхъ храмахъ и добровольныя іеродулія свободныхъ людей, которую можно объяснить вліяніемъ восточныхъ обычаевъ; такъ, при храмѣ Афродиты на горѣ Ерикѣ въ Сициліи было много посвященныхъ богинѣ мужчинъ и женщинъ, которыхъ Циперонъ называетъ *Venerii* (*in Caecil.* 17, 55 и др.). Въ раннія времена встрѣчались также примѣры посвященія богамъ, особенно Аполлону Дельфійскому, десятой части или вообще значительнаго количества

побѣжденныхъ непріятелей (*ἀπαρχαὶ ἀνθρώπων*), даже цѣлыхъ городовъ и народовъ. Божество, не нуждаясь въ такихъ массахъ людей для служенія при своемъ храмѣ, обыкновенно повелѣвало имъ отправляться въ качествѣ колонистовъ въ какую-нибудь другую страну; основанныя такими посвященными колоніи, вѣроятно, платили храму извѣстную дань или инымъ способомъ выражали свою зависимость отъ него, хотя прямыхъ свѣдѣній объ этомъ мы не имѣемъ. Такими посвященными Аполлону колонистами писатели называютъ, напр., дріоповъ въ Асинѣ, боттізевъ во Фракіи, магнетовъ при р. Мэандрѣ, регійцевъ въ Италіи и др. Въ болѣе позднія времена этотъ обычай вышелъ изъ употребленія.

E. Curtius, Ueber die Weihgeschenke der Griechen въ *Götting. Nachrichten* 1861, n° 21.—*A. Michaelis*, Der Parthenon, Leipz. 1871.—*Fr. Ziemann*, De anathematis Graecis diss. Königsb. 1885.—*Reisch*, Griech. Weihgeschenke, Wien 1890.—Объ іеродуліи: *A. Hirt*, Die Hierodulen, Berl. 1818.—*I. Kreuser*, Der Hellenen Priesterstaat mit vorzüglicher Rücksicht auf die Hierodulen, Mainz 1824.—*P. Foucart*, Mémoire sur l'affranchissement des esclaves par forme de vente à une divinité, Par. 1867.—*Латышевъ*, Херонейскія надписи о посвященіи рабовъ въ *Журн. М. Н. Пр.* февр. 1893.—О финансовой администраціи храмовъ: *Th. Homolle*, Les archives de l'intendance sacrée à Délos, Paris 1887.

ОТДѢЛЪ II.

ЛИЦА КУЛЬТА.

ГЛАВА 6-я.

Жрецы.

Значеніе жречества въ еллинской религіи. По еллинскимъ вѣрованіямъ взаимныя отношенія между божествомъ и человѣкомъ были двоякаго рода; съ одной стороны человѣкъ, нуждаясь въ помощи или защитѣ божества, или благодаря его за оказанныя благодѣянія, обращался къ нему съ молитвами, которыя зачастую сопровождались еще возліаніями, жертвоприношеніями и другими богослужебными обрядами; съ другой стороны божество отрывало человѣку свою волю посредствомъ тѣхъ или другихъ знаменій въ явленіяхъ природы. Соотвѣтственно этому у грековъ являются

два класса людей, служившихъ посредниками между божествомъ и человѣкомъ: во-первыхъ лица, которыя руководили сношеніями людей съ божествомъ, произносили за нихъ молитвы, приносили жертвы, совершали разныя другія обряды и такимъ образомъ являлись въ собственномъ смыслѣ органами религіознаго культа,— это *жрецы*, *іераіς*; во-вторыхъ лица, служившія истолкователями божественной воли, проявлявшейся въ тѣхъ или другихъ знаменіяхъ,—это *прорицатели*, *μάντις*. Такимъ образомъ между сферою дѣятельности тѣхъ и другихъ было существенное различіе; прорицатели первоначально не имѣли, собственно говоря, ничего общаго съ богослужебными обрядами, но уже рано заняли въ еллинской жизни видное положеніе, даже болѣе значительное, нежели жрецы: тѣмъ непосредственнѣе и ближе къ природѣ стоялъ культъ въ древнѣйшія времена, тѣмъ болѣе еллинъ былъ склоненъ видѣть персть божій во всякомъ явленіи, выходящемъ изъ ряда обыкновенныхъ, и тѣмъ болѣе необходимы были для него лица, которыя могли бы удовлетворять его набожное любопытство вѣрнымъ истолкованіемъ такихъ явленій, между тѣмъ какъ свои собственные желанія набожный человѣкъ могъ сообщить божеству вездѣ и всегда, не имѣя надобности каждый разъ прибѣгать къ посредничеству жреца; даже тотъ, кто не довѣрялъ своему умѣнію совершить жертвоприношеніе вполне согласно съ требованіями ритуала (что было необходимо для того, чтобы жертва считалась угодною божеству), могъ обратиться за помощію не къ жрецу, а къ тому же прорицателю, который и безъ того обыкновенно приглашался къ жертвоприношеніямъ для гаданія по внутренностямъ убитаго животнаго.

Такъ какъ жертвоприношенія и другія богослужебныя дѣйствія могли совершаться каждымъ человѣкомъ, то въ особомъ жреческомъ сословіи, по воззрѣніямъ еллиновъ, не было надобности. Въ Гомеровскихъ поэмахъ каждый царь и глава семьи есть въ то же время и жрецъ. Собственно сферою дѣятельности жреца былъ *храмовой культъ*; жрецъ является исключительно въ качествѣ служителя того или другаго бога при его храмѣ или священномъ участѣ, и потому къ его названію прибавлялось имя божества, которому было посвящено святилище, напр. *іерεὺς Διὸς Βουλαίου*, *ἰ. Διονύσου*, *іερέα Ἀθηναίων* *Πολιάδος*. Такъ какъ богослужебныя обряды не вездѣ были одни и тѣ же, каждое святилище имѣло свой особый ритуаль, знаніемъ котораго во всѣхъ подробностяхъ долженъ

былъ обладать жрецъ этого святилища, то въ его содѣйствіи нуждался тотъ, кто желалъ совершить какое-нибудь богослужбное дѣйствіе въ этомъ святилищѣ; но при богослужбныхъ актахъ, совершавшихся внѣ святилищъ, присутствіе жрецовъ вовсе не требовалось. Отъ другихъ должностныхъ лицъ, исполнявшихъ тѣ или другія священныя дѣйствія, жрецы отличались тѣмъ, что для первыхъ исполненіе богослужбныхъ актовъ или участіе въ нихъ было только обязанностью, по тѣмъ или другимъ причинамъ соединенною съ ихъ общественнымъ служеніемъ, тогда какъ жрецъ состоялъ при святилищѣ исключительно для служенія божеству, почитавшемуся въ этомъ святилищѣ, и если онъ кромѣ жречества исполнялъ какія-нибудь другія общественныя должности (что было вполне возможно), то эти послѣднія не имѣли никакого отношенія къ его жречеству.

Происхожденіе жречества у еллиновъ нѣтъ возможности прослѣдить исторически; но во всякомъ случаѣ нельзя сомнѣваться, что по времени оно совпадаетъ съ установленіемъ отдѣльныхъ святилищъ боговъ или появленіемъ ихъ храмовъ. Если святилище было учреждено частнымъ человѣкомъ, то было совершенно естественно, что учредитель принималъ на себя и обязанность служить божеству въ новомъ мѣстѣ культа, а послѣ его смерти эта обязанность переходила наследственно къ старшимъ въ родѣ потомкамъ. Если храмъ былъ воздвигнутъ общиной, то она выбирала изъ своей среды достойное лицо для завѣдыванія храмомъ и служенія въ немъ или пожизненно и наследственно, или на опредѣленное время.

Условія замѣщенія жречества. Самъ жреца всегда считался священнымъ и пользовался уваженіемъ. Поэтому къ лицу, имъ обличенному, въ историческія времена предъявлялись различныя требованія и условія: во-первыхъ жрецъ долженъ былъ быть природнымъ (по крайней мѣрѣ въ 3-мъ колѣнѣ) и полноправнымъ гражданиномъ той общины, которой принадлежалъ культъ; гражданинъ, лишенный всѣхъ или нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ (*ἀτιμος*), не только не могъ быть жрецомъ, но даже устранялся отъ участія въ священнодѣйствіяхъ; во-вторыхъ требовалось отсутствіе всякихъ тѣлесныхъ недостатковъ, безпорочность и вообще соединеніе такихъ тѣлесныхъ и нравственныхъ качествъ, которыя бы дѣлали данное лицо достойнымъ божества и приятнымъ ему. На принадлежность кандидата къ тому или другому сословію гражданъ въ принципѣ

не обращалось вниманіе, хотя въ государствахъ аристократическихъ жречество, естественно, предоставлялось лицамъ высшаго сословія, а въ демократическихъ избирались лица, обладавшія матеріальными средствами въ жизни по крайней мѣрѣ на столько, чтобы не добывать себѣ пропитанія какимъ-либо ремесломъ; впрочемъ опредѣленныхъ узаконеній на этотъ счетъ, повидимому, не было. Дальнѣйшія условія замѣщенія жречества зависѣли уже отъ сущности культа и другихъ причинъ, которыя были весьма многоразличны. Такъ, напр., одни жречества были замѣщаемы мужчинами, другія—женщинами, а при нѣкоторыхъ храмахъ были и жрецы, и жрицы; конечно, въ большинствѣ случаевъ жрецы служили мужскимъ богамъ, а жрицы—женскимъ, но встрѣчаются и исключенія, зависѣвшія отъ установленій культа и мѣстныхъ обычаевъ. Опредѣленія относительно возраста жрецовъ были весьма различны; такъ, напр., при храмѣ Аѳины Алей въ г. Тегеѣ и Аѳины Кранай при г. Елатеѣ жрецами могли быть только мальчики, при храмахъ Посидона на о. Калаврій и Артемиды въ городахъ Эгирѣ и Патрахъ—взрослыя дѣвицы. Въ г. Эгіонѣ въ жрецы Зевса избирался красивѣйшій изъ мальчиковъ, который долженъ былъ уступать свое мѣсто другому при наступленіи возмужалости. Ежегодно смѣнявшійся жрецъ Аполлона Исменійскаго въ Фивахъ избирался изъ мальчиковъ, отличавшихся красотой и силою ¹⁾. Назначеніе такихъ юныхъ жрецовъ, безъ сомнѣнія, имѣло своимъ основаніемъ вѣрованіе, что цвѣтущая юность и незапятнанная чистота были особенно угодны богамъ. Отъ взрослыхъ лицъ также иногда требовалось безбрачіе или цѣломудріе въ болѣе или меньшей степени, особенно въ позднѣйшія времена. Кромѣ того жрецамъ нѣкоторыхъ храмовъ предписывалось воздержаніе отъ тѣхъ или другихъ яствъ (напр. жрицы Аѳины Полиады въ Аѳинахъ не могли ѣсть свѣжаго мѣстнаго сыра, жрецы Посидона въ Мегарахъ и жрицы Геры въ Аргосѣ—рыбы) и разныя другія ограниченія, въ особенности для предупрежденія всякаго нарушенія чистоты ²⁾.

¹⁾ Павс. VIII, 47, 3; X, 34, 8; II, 33, 2; VII, 19, 1; 26, 5; 24, 4; IX, 10, 4. Само собою разумѣется, что при такихъ юныхъ жрецахъ состояли взрослыя лица, которыя руководили ими и помогали при совершеніи священнодѣйствій, хотя сами и не считались жрецами.

²⁾ Напр. Павсаній (VIII, 13, 1) рассказываетъ, что жрецъ и жрица Артемиды Гимній въ Орхоменѣ арк. не могли мыться въ общественныхъ баняхъ и входить въ частныя дома.

Установленія относительно продолжительности жречества были весьма различны: въ однихъ случаяхъ оно было пожизненно, въ другихъ жрецы смѣнялись ежегодно или чрезъ нѣсколько лѣтъ; мальчики и дѣвочки, имѣвшіе жреческій санъ, слагали его при наступленіи возмужалости. Вообще можно замѣтить, что при такихъ культахъ, установленіе которыхъ относилось къ древнѣйшимъ временамъ, жреческій санъ обыкновенно былъ пожизненнымъ и наследственнымъ, тогда какъ при культахъ позднѣйшаго происхожденія чаще встрѣчаются жрецы выборные, смѣнявшіеся ежегодно. Однако встрѣчаются и обратные случаи: такъ, напр., жречество Асклея въ Афинахъ сдѣлалось пожизненнымъ около времени Августа, а раньше жрецы его смѣнялись ежегодно.

Способы замѣщенія жречества были также разнообразны: иногда оно принадлежало опредѣленнымъ родамъ и переходило въ нихъ по наследству отъ отца къ сыну, иногда замѣщалось по жребію или по выборамъ, наконецъ приобреталось и покупкою. Причины наследственности жречества чаще всего были слѣдующія: иногда частное лицо по тѣмъ или другимъ причинамъ основывало святилище и культъ какаго-нибудь божества, при чемъ было совершенно естественно, что оно само становилось и жрецомъ его, а послѣ его смерти жречество переходило къ старшему въ родѣ; такое святилище съ теченіемъ времени могло приобрести особенное уваженіе у сосѣдей и возвыситься до степени святилища общегосударственнаго, и въ такомъ случаѣ жречество оставалось обыкновенно въ родѣ основателя; иногда также частный культъ отдѣльнаго рода дѣлался культомъ всей общины, которая устраивала для него святилище, но оставляла жречество за прежними служителями культа. Однако и въ такихъ культахъ, которые съ самаго основанія были государственными, жречество могло быть оставлено въ родѣ перваго избраннаго жреца съ цѣлью какъ можно болѣе гарантировать неизмѣняемость разъ установленныхъ и угодныхъ божеству формъ культа. Такимъ образомъ во многихъ еллинскихъ общинахъ были роды, имѣвшіе по тѣмъ или другимъ причинамъ наследственные жречества или священныя должности. Такъ, напр., въ Атикѣ роды Евмолпидовъ и Кериковъ имѣли наследственное служеніе при Елевсинскихъ мистеріяхъ, Етеобутады — жречество Аены Полиады и Посидона Ерехея и т. п.

Кто изъ членовъ рода долженъ былъ занять жреческое мѣсто, освободившееся за смертью прежняго жреца или по другимъ при-

чинамъ,—это опредѣлялось различными способами: иногда жречество переходило отъ отца въ старшему сыну или, за неимѣніемъ сына, въ ближайшему родственнику по мужской линіи, иногда жрецъ выбирался родичами или даже государственной властью, иногда рѣшеніе предоставлялось жребію. Если при этомъ возникалъ споръ, то дѣло рѣшалось судебнымъ порядкомъ предъ компетентной властью, напр. въ Аѣинахъ предъ архонтомъ-царемъ. Если жреческій родъ вымиралъ, то жречество обыкновенно передавалось другому роду; переходъ наслѣдственнаго жречества въ выборное встрѣчается рѣдко.

Выборное жречество существовало уже въ героическія времена (Θεано, жрица Аѣины въ Троѣ, *Ил.* VI, 300), но вообще встрѣчается преимущественно при культахъ позднѣйшаго происхожденія и при томъ въ государствахъ демократическихъ; выбирались жрецы обыкновенно не пожизненно, а только на годъ или на нѣсколько лѣтъ. Напротивъ, замѣщеніе жречества по жребію должно быть признано древнѣйшимъ и въ глазахъ грековъ справедливѣйшимъ способомъ, такъ какъ, по ихъ вѣрованію, само божество посредствомъ жребія указывало на достойнѣйшаго и наиболѣе угоднаго ему человѣка. Иногда оба эти способа, т. е. выборъ гражданъ и жеребьевка, соединялись вмѣстѣ такимъ образомъ, что сограждане выбирали извѣстное число достойныхъ кандидатовъ, а затѣмъ эти послѣдніе кидали жребій, который и опредѣлялъ достойнѣйшаго между ними.

Въ позднѣйшія времена встрѣчается также покупка жреческаго сана за деньги. Изъ авторовъ упоминаетъ объ этомъ обычай только Діонисій Галикарнасскій (*Р. арх.* II, 21), но надписи доказываютъ, что онъ уже съ III в. до Р. Хр. получилъ довольно широкое распространеніе ¹⁾. Сумма, платившаяся за жречество, иногда была довольно значительна, безъ сомнѣнія потому, что оно соединено было съ немаловажными выгодами и доходами.

Вступленіе новаго жреца въ должность, какъ видно изъ двухъ надписей изъ г. Халкедона, сопровождалось особою церемоніею, которая называлась *ἀνάθεσις* и по мнѣнію нѣмецкаго ученаго Дит-

¹⁾ Имѣются свидѣтельства о существованіи этого обычая въ Галикарнасѣ, Косѣ, Ериерахъ, Кизикѣ, Халкедонѣ, Каллатіи (на зап. берегу Чернаго моря), Томахъ, Синопѣ, о. Хиосѣ. См. нашу ст. «*Халкидонскія надписи*» въ Журн. М. Нар. Просв. за іюнь 1885 г. или диссертациі Гербрехта и Лемана, указ. на стр. 56.

тенбергера состояла, быть можетъ, въ торжественномъ возведеніи жреца на сѣдалище, присвоенное ему въ качествѣ отличія; но особаго посвященія въ жреческій санъ не было.

Обязанности жрецовъ. Жрецами въ собственномъ смыслѣ могутъ быть названы лишь тѣ лица, которыя имѣли право и обязанность или сами совершать жертвоприношенія и другія священнодѣйствія въ святилищѣ божества, которому они служили, въ опредѣленные времена и въ опредѣленной формѣ или, если жертвоприношеніе въ этомъ святилищѣ совершалъ кто-нибудь изъ вѣрующихъ,—быть его руководителями, наблюдать, чтобы всѣ дѣйствія были совершаемы исполнѣ согласно съ установленіями культа, и вообще служить посредниками между вѣрующими и божествомъ. Кромѣ того, самое святилище со всѣми его принадлежностями, угодыми и доходами находилось въ ближайшемъ завѣдываніи состоящаго при немъ жреца, такъ что вообще служебныя обязанности жрецовъ могутъ быть раздѣлены на двѣ главныя категоріи: а) обязанности литургическія и в) административныя. Къ первой категоріи относятся: забота объ исправномъ содержаніи статуи божества, ея очищеніе, одѣваніе, украшеніе и т. п., затѣмъ устройство обрядовой стороны жертвоприношеній и др. священнодѣйствій, служеніе при нихъ, наблюденіе за правильнымъ исполненіемъ предписаній ритуала, устройство праздниковъ, процессій и т. п.; ко второй: забота объ исправномъ содержаніи святилища, поддержаніи его чистоты, предохраненіи отъ оскверненія, объ исправности и охранѣ священной утвари и даровъ, находящихся въ святилищѣ, передѣлка и ремонтъ святилища и утвари, завѣдываніе храмовыми доходами, отдача въ аренду принадлежащихъ храму угодій и т. под. Кромѣ этихъ общихъ обязанностей во многихъ культахъ лежали на жрецахъ еще особыя, мѣстныя, объясняемыя тѣми или другими спеціальными причинами. Кстати замѣтимъ здѣсь, что жрецы и жрицы нерѣдко носили особыя названія, происходившія или отъ ихъ обязанностей, или отъ внѣшнихъ отличій, или отъ какихъ-нибудь другихъ причинъ; такъ, напр., жрица Афродиты въ Сикіонѣ называлась *λοοτροφόρος* (Павс. II, 10, 4), жрецъ Аполлона Исменійскаго въ Фивахъ—*δαφναφόρος*, жрецъ Зевса въ Сиракузахъ—*ἀμφίπολος*, другіе назывались *ἱεραπόλοι*, *ἱερομνήμονες*, *στεφανυφόροι*, *πορφύροι* и мн. др. Особенно разнообразны были названія жрецовъ въ малоазіатскихъ городахъ.

Доходы, права и привилегіи жрецовъ. За исполненіе своихъ

обязанностей жрецы пользовались различными правами, привилегиями и отличиями. Будучи облечены священнымъ саномъ и считаясь представителями божествъ, они пользовались лично неприкосновенностью подобно всему тому, что составляло собственность боговъ. Въ театрахъ и другихъ собраніяхъ жрецы имѣли особня почетныя мѣста (*προεδρία*). Въ нѣкоторыхъ государствахъ жрецы были епонимами, т. е. по ихъ именамъ вели счетъ годовъ. Жреческій санъ доставлялъ облеченнымъ имъ лицамъ немаловажныя выгоды, которыя впрочемъ, какъ понятно само собою, были весьма различны. Жрецы богатыхъ и уважаемыхъ храмовъ, въ которыхъ совершалось много жертвоприношеній, были поставлены въ этомъ отношеніи гораздо лучше, нежели предстоятели бѣдныхъ и рѣдко посѣщаемыхъ святилищъ. Они нерѣдко имѣли даровыя квартиры при святилищахъ, а для своего содержанія получали продукты съ принадлежащихъ храму угодій и кромѣ того при всякомъ жертвоприношеніи опредѣленныя части жертвенныхъ животныхъ, носившія названіе *ἱερώσουα* или *ἕρα*. Во многихъ надписяхъ встрѣчаются подробныя опредѣленія относительно того, какія именно части животныхъ должны были идти въ пользу жрецовъ ¹⁾. Иногда они получали и денежное вознагражденіе за свои труды при жертвоприношеніи. Жертвы, состоявшія изъ фруктовъ, печеній и т. п. съѣдобныхъ предметовъ, если не сжигались, то шли въ пользу жрецовъ ²⁾. Въ Афинахъ, особенно въ позднѣйшія времена, нѣкоторые жрецы получали отъ государства содержаніе въ пританей, т. е. были *ἀεῖστοι*. Вообще матеріальныя выгоды, соединенныя съ жреческимъ саномъ, были иногда весьма значительны, какъ видно, между прочимъ, изъ того, что за жречества платились значительныя суммы въ тѣхъ городахъ, гдѣ продажа ихъ была въ обычаѣ.

Относительно внѣшнихъ отличій жрецовъ въ одеждѣ, обуви и прочемъ убранствѣ мы имѣемъ лишь немногія случайныя указанія, на основаніи которыхъ невозможно дать какія-либо общія опредѣленія, тѣмъ болѣе, что эти отличія во многомъ зависѣли отъ характера культа, соединенныхъ съ нимъ преданій и т. п. Само собою разумѣется, что отъ всѣхъ вообще жрецовъ прежде

¹⁾ См. напр. Dittenberger, *Sylloge inscr. Graec.* №№ 373, 376, 378, 379 и др.

²⁾ Въ Аристофановой комедіи *Πλοῦτος* (ст. 633 сл.) рабъ Каріонъ, рассказывая о ночлегѣ больныхъ въ святилищѣ Асклепія, упоминаетъ между прочимъ, что, когда лампы были погашены, жрецъ обошелъ всѣ жертвенники и всѣ лежавшія на нихъ пирошки и плоды «посвятилъ» своему мѣшку.

всего требовалась вѣшняя чистота, соотвѣтственно достоинству ихъ сана; поэтому же обыкновенный цвѣтъ ихъ одѣяній былъ бѣлый, такъ какъ онъ, по словамъ Платона (*Зак. XII* р. 956а), считался наиболѣе пріятнымъ богамъ; однако и здѣсь были исключенія: упоминаются жреческія одѣянія пурпуроваго цвѣта, шафраннаго и др. Аѣинскій архонтъ-царь, должность котораго имѣла религіозный характеръ, носилъ особаго покроя башмаки, называвшіеся βασιλίδας. Жрецы носили обыкновенно длинные волосы, украшенные повязками (στρόφιον) или вѣнками изъ вѣтвей растенія, считавшагося особенно пріятнымъ тому божеству, которому служилъ жрецъ; смотря по этому, вѣнки были лавровые, миртовые, оливковые и др. (выше мы видѣли, что иногда жрецы носили названія по вѣнкамъ). Золотой жезлъ, упоминаемый еще въ *Илиадѣ* (I, 15) въ качествѣ отличія Аполлонова жреца Хриса, съ такимъ же значеніемъ встрѣчается и впоследствии. При нѣкоторыхъ мѣстныхъ праздникахъ было въ обычаѣ, чтобы жрецы изображали собою то божество, которому они служили, т. е. чтобы надѣвали его костюмъ (иногда и маску) и принимали его атрибуты. Такъ, напр., въ г. Пелленѣ жрица Аѣины, выбиравшаяся изъ самыхъ красивыхъ и рослыхъ дѣвицъ, являлась вооруженною и со шлемомъ на головѣ (*Пол. VIII*, 59).

Жилища жрецовъ чаще всего, конечно, находились въ периболѣ храма или на священномъ участкѣ¹⁾, но это бывало не всегда; иногда они получали помѣщеніе въ другихъ государственныхъ зданіяхъ, иногда жили въ своихъ частныхъ домахъ. Случалось даже, что божество, которому служилъ жрецъ, не имѣло особаго храма, и тогда его статуя ставилась въ домѣ или при домѣ жреца и, стало быть, могла переноситься съ одного мѣста на другое при перемѣнѣ жрецомъ жилища.

Относительно значенія жреческаго сана и уваженія, которымъ пользовались жрецы, невозможно высказать одного общаго сужденія, которое подходило бы ко всѣмъ мѣстностямъ и временамъ; степень уваженія зависѣла, естественно, отъ религіозности народа, отъ важности культа, отъ самой личности жреца и многихъ другихъ причинъ. Но что вообще жреческій санъ считался почетнымъ, и что сами жрецы были не равнодушны къ соединеннымъ съ нимъ

¹⁾ Еще въ *Одиссеѣ* (IX, 200) упоминается Аполлоновъ жрецъ Маронъ, жившій въ священной рошѣ (ἐν ἄλσει δεινὸρῆεντι Φοῖβου Ἀπόλλωνος).

выгодамъ и отличіямъ,—это понятно само собою. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ жречество считалось настолько священнымъ, что облеченное имъ лицо какъ бы переставало быть самимъ собою, становилось совершенно другимъ человекомъ, чѣмъ прежде, и въ знакъ этого переставало носить свое прежнее имя, обозначаясь только по своему священному сану, какъ напр. въ Атикѣ *ιεροφάντης* и *δαδοῦχος* Елевсинскихъ мистерій; впрочемъ эта *ιερονομία* встрѣчается лишь въ позднія времена, равно какъ и титулъ *ἀρχιερεῖς*, который часто попадаетъ въ малоазіатскихъ надписяхъ римскаго времени и указываетъ на первенство въ жреческой коллегіи одного и того же храма или между другими жрецами государства, или на верховный надзоръ за ними и на завѣдываніе храмовыми сокровищами. Однако нужно замѣтить, что самыя дѣйствительныя средства вліянія на народъ, какъ, напр., религіозно-нравственное воспитаніе юношества, проповѣдь и т. п., вовсе не входили въ сферу дѣятельности греческихъ жрецовъ; они нигдѣ не были учителями религіи, преподаваніе которой въ храмахъ или школахъ, впрочемъ, и не могло существовать при чрезвычайномъ разнообразіи религіозныхъ воззрѣній и культовъ; должностная дѣятельность жрецовъ ограничивалась совершеніемъ обычныхъ богослужебныхъ дѣйствій (главнымъ образомъ жертвоприношеній) соотвѣтственно ритуалу и произнесеніемъ при этомъ приличныхъ случаю молитвъ. Поэтому для занятія жреческой должности не было надобности въ какомъ-либо специальномъ образованіи или предварительномъ изученіи догматовъ религіи, кромѣ легко пріобрѣтавшагося ознакомленія съ обрядовою стороною каждаго культа; этимъ достаточно объясняется тотъ фактъ, что жрецы могли смѣняться ежегодно и назначаться по выборамъ или по жребію. Нельзя, однако, сомнѣваться, что между жрецами были такія отдѣльныя личности, которыя глубже задумывались надъ смысломъ и значеніемъ религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ, которые имъ приходилось исполнять, и старались по возможности уяснять ихъ себѣ и другимъ. Въ особенности при святилищахъ, соединенныхъ съ оракулами, жрецы обладали значительными познаніями и религіозно-нравственнымъ развитіемъ и потому пользовались большимъ уваженіемъ. Однако на положеніе жрецовъ вообще такія отдѣльныя личности не имѣли никакого видимаго вліянія; между жрецами отдѣльныхъ государствъ не замѣтно никакой связи, которая указывала бы на общую дѣятельность въ іерархическихъ интересахъ. Греческія племена и

общины какъ въ политическомъ, такъ и въ религіозномъ отношеіи держали себя слишкомъ обособленно для того, чтобы у нихъ могли существовать подобныя стремленія. Не только каждое государство имѣло своихъ особыхъ боговъ, но даже въ одномъ и томъ же государствѣ божество одного и того же имени распадалось, такъ сказать, на нѣсколько индивидуальныхъ личностей. Поэтому каждый жрецъ былъ служителемъ только того божества, при святилищѣ котораго онъ состоялъ. Кромѣ того, жрецы въ Греціи нигдѣ не составляли особаго, замкнутаго сословія; принявъ на себя этотъ санъ, они продолжали быть такими же гражданами своего государства, какими были и прежде, продолжали стоять подъ тою же государственною властью и не могли имѣть своихъ специальныхъ интересовъ, отдѣльныхъ отъ интересовъ прочихъ гражданъ.

Kreuser, Der Hellenen Priesterstaat (см. стр. 46).—*A. Boeckh*, De Graecorum sacerdotiis въ *Kleine Schriften* т. IV. — *Th. Giess*, Quaestionum de re sacerdotali Graecorum part. I, Hanau 1850.—*Heimbrod*, De Atheniensium sacerdotibus, Gleiwitz 1854.—*Bossler*, De gentibus et familiis Atticae sacerdotalibus, Darmst. 1833.—*Jules Martha*, Les sacerdoces Athéniens, Paris 1892.—*E. Curtius*, Das Priestertum bei d. Hellenen (въ сборн. Altertum u. Gegenwart, Berl. 1882). — *J. Lippert*, Geschichte des Priestertums, 2 т. Berl. 1883. — *H. Herbrecht*, De sacerdotii apud Graecos emptione venditione, Argentor. 1885.—*B. Lehmann*, Quaestiones sacerdotales, Part. prior: de titulis ad sacerdotiorum ap. Graecos venditionem pertinentibus, Regim. 1888. — *I. Töppfer*, Attische Genealogie, Berl. 1889.—*F. Heller*, De Cariae Lydiaeque sacerdotibus въ *Jahrb. f. Phil. u. Pädag.*, Suppl.-Bd. 18.

ГЛАВА 7-я.

Должностныя лица по дѣламъ культа и храмовые служители.

§ 1. Должностныя лица.

Кромѣ жрецовъ въ собственномъ смыслѣ, въ греческихъ государствахъ встрѣчается значительное количество должностныхъ лицъ, которыя облечены были исключительно или преимущественно обязанностями, имѣвшими ближайшее и непосредственное отношеніе къ религіи и культу. Въ виду разносторонней важности религіи для государственныхъ и общественныхъ дѣлей, государство счи-

тало необходимымъ всегда держать подъ своимъ непосредственнымъ надзоромъ религіозный культъ и по мѣрѣ возможности удовлетворять его требованіямъ. Жрецы, какъ извѣстно, руководили только священнодѣйствіями, совершавшимися при отдѣльныхъ храмахъ; стало быть государству прежде всего нужны были лица, которыя могли бы заботиться о такихъ жертвоприношеніяхъ и религіозныхъ обрядахъ, которые совершались отъ лица государства не при храмахъ; такими лицами въ древнѣйшія времена были цари, а затѣмъ ближайшіе наслѣдники ихъ власти, т. е. высшіе магистраты государства; но по мѣрѣ того, какъ государства привлекали и храмовые культы въ область своего вѣдѣнія и участія, они стали ставить рядомъ съ жрецами особыя лица для завѣдыванія храмами и ихъ имуществами, такъ что въ историческія времена Эллады въ разныхъ государствахъ мы встрѣчаемъ подъ различными названіями большое количество лицъ, исполнявшихъ по назначенію отъ государства тѣ или другія обязанности, ближайшимъ образомъ связанныя съ культомъ.

На первомъ планѣ между такими магистратами долженъ быть поставленъ *царь*, βασιλεύς. Послѣ уничтоженія царской власти въ греческихъ государствахъ тѣ обязанности, которыя принадлежали царю, какъ представителю своего народа предъ лицомъ божествъ, обыкновенно переходили къ высшимъ магистратамъ государства; но такъ было не вездѣ: во многихъ мѣстностяхъ какъ бы для того, чтобы не обидѣть боговъ отнятіемъ тѣхъ почестей, которыя имъ оказывалъ царь, его названіе было удержано и перенесено на особаго, временнаго или пожизненнаго (какъ въ Римѣ *rex sacrificulus*) магистрата вмѣстѣ съ религіозными обязанностями прежнихъ царей, отъ которыхъ, впрочемъ, такой царь-чиновникъ рѣзко отличался тѣмъ, что былъ лишенъ всѣхъ прочихъ атрибутовъ царской власти; съ другой стороны онъ отличался и отъ жрецовъ, такъ какъ не служилъ при одномъ какомъ-либо святилищѣ, а приносилъ отъ лица государства жертвы то тому, то другому божеству, или вообще завѣдывалъ государственнымъ культомъ, при чемъ имѣлъ также и юрисдикцію въ судебныхъ дѣлахъ, имѣвшихъ отношеніе къ культу. Замѣщалась эта должность или потомками прежнихъ царскихъ родовъ по праву наслѣдства, или членами гражданской общины по выбору согражданъ или по жребію. Последнимъ способомъ избирался, напр., въ Афинахъ архонтъ-царь; кандидатъ на эту должность кромѣ общихъ для всѣхъ магистрата-

товъ условій выбора долженъ былъ удовлетворять нѣкоторымъ специальнымъ требованіямъ; такъ, напр., требовалось, чтобы онъ былъ посвященъ въ Елевсинскія мистеріи, такъ какъ, не будучи посвященъ, онъ не могъ бы исполнять соединенную съ его должностію обязанность завѣдыванія мистеріями или имѣть юрисдикцію въ дѣлахъ, относящихся къ ихъ нарушенію. Кромѣ мистерій архонтъ-царь въ Аѣнахъ завѣдывалъ Лензіями и Анеестеріями (см. ниже въ отд. IV), гимническими состязаніями съ факелами (*λαρταδοδρομία*) и нѣкоторыми издревле установленными жертвоприношеніями (*πάτριαι θυσίαι*), о которыхъ мы не имѣемъ ближайшихъ свѣдѣній (Пол. VIII, 90; skol. Пл. *Евс.* 2а). На его супругѣ (*Βασίλισσα* или *Βασίλινα*) также лежали нѣкоторыя священныя обязанности при совершеніи праздника Анеестерій (см. ниже отд. IV, гл. 16, § 3). Кромѣ Аѣинъ магистратъ, носившій имя «царя», существовалъ въ Мегарахъ и мегарскихъ колоніяхъ (по крайней мѣрѣ въ Халкедонѣ и Херсонесѣ Таврическомъ), въ Милетѣ и его колоніяхъ (напр. въ Кизикѣ, Ольвіи), въ Пергамѣ, Ассѣ, на островахъ Самоераѣ, Самосѣ, Хиосѣ, Аморгѣ, Сифнѣ и пр. Иногда такіе «цари» выбирались, какъ кажется, для совершения одного только жертвоприношенія отъ лица государства (въ Приенѣ, Страб. VIII р. 384).

Было въ разныхъ государствахъ Еллады много и другихъ магистратовъ, имѣвшихъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ культу. Правда, при небольшихъ и бѣдныхъ храмахъ вся забота о культѣ и обо всемъ къ нему относящемся,—какъ напр. надзоръ за храмовыми зданіями, ихъ имуществами и утварью, завѣдываніе устройствомъ жертвоприношеній, храмовыми угодами и доходами и т. п.,—могла лежать на самихъ жрецахъ, но въ большинствѣ случаевъ, особенно при большихъ и богатыхъ святилищахъ, часто посѣщавшихся богомольцами и обладавшихъ большими имуществами и доходами, такія обязанности дѣлились между нѣсколькими лицами или коллегіями, которыя, несмотря на свое прямое отношеніе къ культу, строго отличались отъ жрецовъ въ собственномъ смыслѣ и принадлежали къ числу государственныхъ магистратовъ. Такихъ коллегій и отдѣльныхъ магистратовъ было такъ много, дѣятельность ихъ была такъ разнообразна и во многихъ случаяхъ такъ мало намъ извѣстна, что подробный разборъ ея не можетъ имѣть здѣсь мѣста, и мы ограничимся только упоминаніемъ о нѣкоторыхъ наиболее извѣстныхъ магистратахъ.

Важнѣйшіе аеинскіе магистраты, избравшіеся для завѣдыванія дѣлами культа, упомянуты въ 1-й части нашего «Очерка» (изд. 3, стр. 243). Изъ должностныхъ лицъ, существовавшихъ въ другихъ еллинскихъ государствахъ, прежде всего могутъ быть названы *іеромνμονες*. Извѣстно, что это имя носили представители народовъ, бывшихъ членами Дельфійско-еермопильской амфиктіоніи, составлявшіе совѣтъ для завѣдыванія религиозными ея дѣлами ¹⁾; но кромѣ того были въ разныхъ государствахъ и мѣстные магистраты съ этимъ именемъ (напр. въ Лакедэмонѣ, Византіи, Халкедонѣ, Кизикѣ и др.); они завѣдывали обыкновенно внѣшнею стороною культа и иногда принадлежали къ числу важнѣйшихъ магистратовъ государства (напр. въ Византіи, гдѣ *іеромнемонъ* былъ епонимомъ года). Далѣе упоминаются *попечители* (*ἐπιμεληταί*) отдѣльныхъ культовъ, въ которыхъ особенно заинтересовано было то или другое государство; казначеи храмовыхъ суммъ (*іеротаріаи* или просто *таріаи*); *храмостроители* (*ναοδοί, νεοδοί, νεοδοῖαι* или *ναοῖται*) и *храмовые стражи* (*іероφύλακες*), заботившіеся объ исправномъ содержаніи храмовыхъ зданій и имуществъ, особенно священнхъ вкладовъ; приблизительно такія же обязанности имѣли *іеропоіоі, ἐπιμήνιοι, іерονόμοι, іераπόλοи, іераρχаи, ἐπιστάται* и мн. др. Относительно нѣкоторыхъ названій нельзя даже опредѣлить съ точностью, были ли носившія ихъ лица настоящими жрецами, или государственными магистратами (напр. *іеродῶται* въ Акрагантѣ и Сегестѣ).

A. Hauvette-Besnault, Ce archonte rege, Par. 1884. — G. Doermer, Ce Graecorum sacrificulis qui іеропоіоі dicuntur, Argentor. 1883.

§ 2. Храмовые служители.

Кромѣ жрецовъ и должностныхъ лицъ по дѣламъ культа, надобностямъ послѣдняго удовлетворяло еще значительное число лицъ, которыя или исполняли опредѣленные обряды при отдѣльныхъ празднествахъ и священнодѣйствіяхъ, или въ качествѣ постоянныхъ служителей при храмахъ помогали жрецамъ въ совершеніи священнодѣйствій и завѣдываніи храмами. Лица перваго класса были избираемы обыкновенно изъ среды гражданской общины для отдѣльныхъ священнослуженій или нуждъ культа и такимъ

¹⁾ См. ч. I, стр. 322 (изд. 3).

образомъ имѣли съ нимъ лишь временную связь, опредѣлявшуюся сущностью того служенія, для котораго каждое лицо было избрано. Въ такимъ лицамъ при выборѣ предъявлялись приблизительно такія же требованія, какъ и къ кандидатамъ на жрецскія должности. Сюда принадлежатъ главнымъ образомъ члены хоровъ, исполнители отдѣльныхъ священннхъ обрядовъ и носители различныхъ священннхъ предметовъ, символовъ и утвари при праздничныхъ процессіяхъ; чаще всего избиравшіеся изъ дѣтей обоого пола, происходившихъ отъ благородныхъ и не умершихъ еще родителей (*παῖδες ἀφαιδάλεις*). Такъ, изъ дѣвочекъ выбирались носительницы священной утвари (*καυτήφοροι, φιαλήφοροι, ἀρρητήφοροι*), воды (*ὀδροφόροι*) и т. п. Иногда главнымъ условіемъ для выбора въ такія временныя должности была тѣлесная красота; напр., по разсказу Павсанія (IX, 22, 1) въ беотійскомъ городѣ Танагрѣ въ праздникъ Гермеса красивѣйшій изъ ефеговъ обходилъ вокругъ городскихъ стѣнъ съ бараномъ на плечахъ въ воспоминаніе того, что нѣкогда самъ богъ такимъ образомъ очистилъ городъ.

Лица втораго класса или постоянные храмовые служители чаще всего принадлежали къ низшимъ сословіямъ гражданъ и исполняли свои обязанности за плату; однако служеніе при храмѣ, въ постоянномъ общеніи съ божествомъ, внушало и къ нимъ извѣстное уваженіе, такъ что уже съ древнѣйшихъ временъ существовали въ различныхъ государствахъ гражданскіе роды, въ которыхъ право такого служенія при храмѣ передавалось по наслѣдству (напр. въ Атикѣ члены рода *Κύροχος* исполняли обязанности глашатаевъ при Елевсинскихъ мистеріяхъ), а въ позднѣйшія времена нѣкоторыя изъ такихъ должностей, въ особенности должность *неокоровъ*, были даже предметомъ тщеславія и искательства со стороны самыхъ выдающихся лицъ въ государствахъ, особенно въ Малой Азіи во времена римскихъ императоровъ, когда цѣлне города принимали титулъ неокора того или другаго храма, конечно, особенно знаменитаго или посвященнаго имени какаго-нибудь императора. Названіе *νεωχόροι* или *ζαχόροι* въ собственномъ смыслѣ обозначало лицъ, заботившихся о чистотѣ храма; но обыкновенно обязанности неокоровъ были гораздо шире: они заботились вообще объ исправномъ содержаніи храмовъ, объ украшеніи ихъ во время праздниковъ, завѣдывали священной утварью и т. п., такъ что въ позднѣйшія времена неокоры были первыми лицами при храмахъ послѣ жрецовъ. При значительныхъ храмахъ было по нѣскольку такихъ слу-

жителей, и въ такомъ случаѣ званіемъ *vesxōros* пользовался только одинъ изъ нихъ, стоявшій во главѣ, а остальные назывались *θροζάχοροι*. Напротивъ, при небольшихъ и бѣдныхъ храмахъ неокоровъ вовсе не бывало, и все завѣдываніе храмомъ лежало на жрецахъ, которые въ такихъ случаяхъ и сами назывались иногда неокорами.

Далѣе къ этому классу принадлежатъ встрѣчающіеся при нѣкоторыхъ храмахъ *παράσιτοι*, носившіе это названіе потому, что они обѣдали вмѣстѣ съ жрецами или наравнѣ съ ними получали содержаніе изъ средствъ храма. Должностныя обязанности ихъ заключались главнымъ образомъ въ приѣмъ зерноваго хлѣба, собиравшагося съ принадлежавшихъ храму нивъ или жертвовавшагося въ видѣ начатковъ ежегодной жатвы и т. п.; кромѣ того, они помогали при устройствѣ пировъ, которыми оканчивались праздничныя жертвоприношенія. Въ Атикѣ параситы существовали, повидимому, лишь при нѣкоторыхъ храмахъ.

Одно изъ выдающихся мѣстъ въ штатѣ храмовыхъ служителей занимали также *μασάται* (*χίρως* или *ἱεροχίρως*), на обязанности которыхъ лежало провозглашеніе священнаго перемирія (*ἐκχευρία*) во время праздниковъ, приглашеніе присутствующихъ къ благоговѣйному молчанію (*εὐφημία*) при началѣ священнодѣйствія, произнесеніе молитвъ отъ лица присутствующихъ при священнодѣйствіи и т. п. Однако, кромѣ этихъ прямыхъ обязанностей, *μασάται* исполняли и многія другія, особенно въ древнѣйшія времена (а въ болѣе позднія при такихъ храмахъ, гдѣ не было большого служебнаго персонала). Въ Гомеровскихъ поэмахъ при описаніи жертвоприношеній встрѣчаются упоминанія, что *μασάται* убиваютъ жертвенное животное, снимаютъ съ него шкуру, распластываютъ тушу, разводять огонь, готовятъ пиръ и т. п. Впослѣдствіи при большихъ храмахъ для исполненія всѣхъ такихъ обязанностей были особые служители: виночерпіи (*οἰνοχόοι*), выбиравшіеся иногда изъ дѣтей благороднѣйшихъ фамилій, повара и кравчіе (*μάγειροι*, *θόται*), курители *εἰμίαια* (*ἐπιθουμάτορες*), чистильщики священной утвари (*φαιδρονταί* или *φαιδονταί*), носители утвари при процессіяхъ (*ἱεροφόροι*) и т. п. Еще упомянемъ пѣвцовъ и музыкантовъ (*ὕμνοδοί* и *ὕμνηται*, *αὐληταί*, *ἱεραῦλοι*, *σπονδαῦλοι*), которые были необходимы для исполненія священныхъ гимновъ и пѣсенъ хоромъ или соло и, вѣроятно, для этихъ цѣлей нарочно обучались и содержались при храмахъ. Нѣкоторые изъ такихъ служителей выбирались изъ храмовыхъ рабовъ (*ἱερόδουλοι*), въ которыхъ храмы такъ же нужда-

лись, какъ и обыкновенныя хозяйства. Такъ, напр., у Еврипида Ионъ (въ трагедіи того же имени) является іеродуломъ Дельфійскаго храма, при которомъ онъ служитъ невооромъ.

J. H. Krause, Civitates neocorae sive aedituae, Lips. 1844.—Kosta, Ueber die χήροες des Homer, Lyck. 1844.—Ostermann, De graeconibus Graecorum, Marb. 1845.—G. Buchner, De neocoria, Gissae 1888.

ОТДѢЛЪ III.

ОБРЯДЫ КУЛЬТА.

ГЛАВА 8-я.

МОЛИТВА.

Молитва представляет собою самый простой и непосредственный актъ общенія съ божествомъ, самую первоначальную форму или, такъ сказать, ядро всякаго богопочитанія; всѣ прочіе богослужебныя обряды могутъ быть разсматриваемы какъ второстепенныя аксессуары или проводники молитвы. Чувства благоговѣнія и благодарности, которыя человѣкъ питаетъ въ божеству, а также обращаема къ нему просьбы о помощи, защитѣ, дарованіи тѣхъ или другихъ благъ и т. п. удобнѣе всего выражаются въ подходящихъ къ каждому случаю словахъ и воззваніяхъ. Такимъ образомъ у еллиновъ, какъ и у другихъ народовъ, были два главныхъ вида молитвы: *просительная* и *благодарственная*. Слово εὐχή употреблялось преимущественно для обозначенія перваго вида молитвы; для втораго служило обыкновенно слово ἑκαίνος.

Сознаніе полной зависимости человѣка отъ боговъ и вѣра въ ихъ власть и готовность помогать человѣку заставляли грековъ молиться очень часто и усердно. Платонъ говоритъ, что всѣ люди, сколько-нибудь одаренные разумомъ, призываютъ бога при всякомъ начинаніи ¹⁾. Гесиодъ ставитъ человѣку въ обязанность утромъ и

¹⁾ Плат. *Тим.* р. 27 с. Основная мысль этого обычая высказывается Ксенофонтомъ *О дог.* 6, 3: σὺν γὰρ θεῷ πραττομένων εἰκός καὶ τὰς πράξεις προίενα ἐπὶ τὸ λῶρον καὶ ἄμεινον αἰεὶ τῇ πόλει.

вечеромъ обращаться къ богамъ съ возліаніями и куреніями, слѣдовательно и съ молитвою ¹⁾; точно такъ же при началѣ и окончаніи обѣда или пиршества совершались возліанія богамъ. Народныя собранія, засѣданія совѣта, суда и должностныхъ коллегій, выступленіе въ походъ, начало битвы и вообще всѣ важные акты общественной жизни также начинались молитвами и другими священными обрядами.

Молитвы были обращаемы, само собою разумѣется, къ разнымъ божествамъ, смотря по обстоятельствамъ, при которыхъ произносилась каждая ²⁾. Общихъ, постоянныхъ молитвъ на разные случаи, какія существуютъ у насъ, у грековъ не было. Успѣхъ молитвы, т. е. ея исполненіе или неисполненіе, по ихъ вѣрованію вполне зависѣлъ отъ воли боговъ. Въ Гомеровскихъ поэмахъ часто встрѣчающіяся просительныя молитвы составлены обыкновенно по слѣдующей формулѣ: за обращеніемъ къ божеству слѣдуетъ изложеніе просьбы съ указаніемъ причинъ, по которымъ молящійся считаетъ себя въ правѣ ожидать ея исполненія; въ числѣ такихъ причинъ немало-важную роль играло упоминаніе о прежнемъ служеніи молящагося божеству, о принесенныхъ ему дарахъ и т. п. ³⁾. Упоминанія о вѣрѣ, надеждѣ, любви и т. п. выраженія внутренняго религіознаго чувства въ греческихъ молитвахъ не встрѣчаются. Если молитва не имѣла въ виду какой-либо опредѣленный предметъ, специально относящійся къ кругу дѣятельности того или другаго божества,

¹⁾ *Дѣла и дни*, ст. 336 сл.:

Κὰδ δὲναμιν δ'ἔρδειν ἱέρ' ἀθανάτοισι θεοῖσιν
ἀγνῶς καὶ καθαρῶς, ἐπὶ δ'ἀγλαὰ μῆρια καίειν.
ἄλλοτε δὲ σπονδῆς θυέεσσι τε ἱλάσκεισθαι
ἡμὲν ὄτ'εὐνάξῃ καὶ ὄτ'ἄν φάος ἱερὸν ἔλθῃ.

²⁾ Иногда человекъ даже затруднялся рѣшить, кому изъ боговъ слѣдуетъ молиться въ извѣстномъ случаѣ, и тогда обращался къ оракулу или прорицателю (Ксен. *Ан.* III, 1, 6; Теофр. *Хар.* 16).

³⁾ Въ видѣ примѣра припомнимъ извѣстную молитву Христа, *Ил.* I, 37—42 (пер. Гнѣдича):

«Богъ сребролукій, вземли мнѣ: о ты, что хранящій обходишь
«Хрису, священную Киллу, и мощно царишь въ Тенедосѣ,
«Сминеей! если когда я храмъ твой священный украсилъ,
«Если когда предъ тобой возжигалъ я тучныя бедра
«Козъ и тельцовъ,—услышь и исполни одно мнѣ желанье:
«Слезы мои отомсти аргивянамъ стрѣлами твоими!»

то молящійся обращался или ко всѣмъ богамъ и богинямъ вмѣстѣ ¹⁾, или къ отцу боговъ и людей Зевсу, называя при этомъ рядомъ съ нимъ его любимыхъ дѣтей Аполлона и Аѳину, которыя преимущественно предъ другими являются посредниками между своимъ божественнымъ отцомъ и человѣчествомъ ²⁾. При обращеніи молитвы ко всѣмъ или нѣсколькимъ богамъ вмѣстѣ было, кажется, въ обычаѣ прежде другихъ поминать Гестию, въ честь которой и на пирахъ совершалось первое и послѣднее возліаніе, а при жертвоприношеніяхъ, совершаемыхъ въ честь нѣсколькихъ боговъ, отдѣлялась первая и послѣдняя часть (отсюда поговорка: ἄφ' Ἑστίας ἄρχεσθα). Обращаясь къ божеству, молящійся называлъ его по имени или перечислялъ заразъ нѣсколько его именъ и эпитетовъ, при чемъ, оберегая себя отъ возможной ошибки въ обращеніи къ божеству, прибавлялъ иногда оговорку: «или какъ тебѣ особенно пріятно называться». Съ взглядами наиболѣе развитыхъ людей древности на молитву знакомитъ насъ слѣдующая молитва, признаваемая наилучшею у Платона: «Зевсѣ владыка, подай намъ благо, молимъ ли мы тебя о немъ, или нѣтъ, и избавь насъ отъ зла, даже если мы о немъ молимъ!» ³⁾. Въ такомъ же духѣ Сократъ молился просто о благѣ, такъ какъ боги сами лучше всѣхъ знаютъ, въ чемъ состоитъ благо каждаго (Ксеноф. 'Аполл. I, 3, 2). Но такъ какъ вообще у грековъ не было одного общепризнаннаго и догматически установленнаго религіознаго ученія, то каждый молился различно, сообразно съ степенью развитія своихъ религіозныхъ возрѣній.

При молитвѣ греки обыкновенно соблюдали извѣстные обряды и придавали своему тѣлу такое положеніе, которое особенно ясно выражало благоговѣйное настроеніе молящагося и дѣлало его молитву наиболѣе угодною божеству. Обыкновенно предварительно мыли себѣ руки или даже надѣвали чистое платье въ знакъ духовнаго очищенія и окроплялись освященною водою, гдѣ таковая.

¹⁾ Напр. Демосенъ въ началѣ рѣчи о *стихи*: Πρῶτον μὲν, ὦ ἄνδρες Ἀθηναῖται, τοῖς θεοῖς εὐχομαι πᾶσι καὶ πάσαις, ὅσων εὐνοίαν ἔχω ἐγὼ διατελῶ τῇ τε πόλει καὶ πᾶσι ὑμῖν, τσαύτην ὑπάρξει μοι παρ' ὑμῶν εἰς τοῦτον τὸν ἀγῶνα и т. д.

²⁾ Въ Гомеровскихъ поэмахъ молитвы часто начинаются словами: Αἱ γάρ, Ζεῦ τε πάτερ καὶ Ἀθηναίῃ καὶ Ἀπολλῶνι и т. д.

³⁾ Плат. *Алкив.* II, р. 143 а:

Ζεῦ βασιλεῦ, τὰ μὲν ἐσθλά καὶ εὐχομένοις καὶ ἀνεύκτοις ἄμμι δίδου, τὰ δὲ δεινὰ καὶ εὐχομένοις ἀπαλέξειν.

имѣлась по близости; часто, въ особенноти при торжественныхъ моленіяхъ, совершались возліанія и куренія благовоній, при чемъ молящіеся украшали себя вѣнками. Самую молитву греки приносили стоя съ непокрытою головою и съ руками простертыми по тому направленію, гдѣ воображенію молящагося представлялось присутствіе или жительство божества, къ которому онъ обращался; такимъ образомъ при молитвѣ къ Олимпійскимъ богамъ онъ поднималъ взоры и руки къ небу, призывая морскихъ боговъ—протягивалъ руки къ морю, а обращаясь къ богамъ подземнымъ—ударялъ руками по землѣ или топалъ ногами ¹⁾. Само собою разумѣется, что при произнесеніи молитвы въ храмѣ или предъ алтаремъ божества молящійся обращался къ его статуѣ. Можно отмѣтить еще, что греки, какъ и другіе древніе народы, любили молиться небеснымъ богамъ на горахъ, чтобы быть какъ можно ближе къ божеству. Молясь о защитѣ или помощи въ затруднительныхъ случаяхъ, брали въ руки такъ называемую *ixetpía*,—обвитую овечью шерстью палку или вѣтвь, преимущественно оливковую; при такихъ же молитвахъ встрѣчается иногда колѣнопреклоненіе, которымъ, впрочемъ, рѣдко сопровождалась молитва, такъ какъ оно считалось женскимъ, суевѣрнымъ и даже непристойнымъ способомъ обращенія къ божеству. (Однако такое возрѣніе на колѣнопреклоненіе, повидимому, развилось лишь впоследствии: въ Гомеровскихъ поэмахъ нерѣдко упоминается этотъ обычай безъ всякой оговорки объ его непристойности). Напротивъ, цѣлованіе статуй и священныхъ предметовъ (*просκόνησις*), какъ кажется, уже рано привилось въ греческомъ культѣ; статуямъ, стоявшимъ высоко, а также солнцу при утреннемъ выходѣ изъ дома посылали воздушные поцѣлуи.

Молитва обыкновенно произносилась вслухъ; Пинеаторъ прямо совѣтовалъ молиться во всеуслышаніе ²⁾. Тихая молитва встрѣчается, какъ кажется, только въ видѣ исключенія, обусловливавшегося каждый разъ тѣми или другими обстоятельствами (ср. *Ил.* VII, 193 сл.). Римскій обычай сидѣнья послѣ молитвы не былъ распространенъ у грековъ и встрѣчается только для выраженія

¹⁾ *Ил.* IX, 557 сл.; Цицер. *Tuscul.* II, § 60.

²⁾ У Клим. Алекс. Стром. IV, р. 543. Причина совѣта объясняется такъ: οὐχ ὅτι τὸ θεῖον φωνοῦ μὴ δύνασθαι τῶν ἡσυχῇ φεγγομένων ἐπαίειν, ἀλλ' ὅτι διακαίως ἐβούλοντο εἶναι τὰς εὐχάς, ἃς οὐκ ἂν τις αἰδεσθεῖν ποιεῖσθαι πολλῶν συνειδότην.

печали или особенно настойчивой просьбы (молящийся какъ бы показывалъ этимъ положеніемъ, что не удалится, пока его мольба не будетъ исполнена). Признакомъ печали служило также переплетаніе пальцевъ рукъ; упоминаются также, хотя очень рѣдко, и другіе внѣшніе признаки угнетеннаго настроенія при молитвѣ, какъ напр. паденіе ницъ, посыпаніе пепломъ головы и пр.

Siebelis, De hominum heroicae et homericae aetatis precibus ad deos missis, Budissae 1804.—*J. Donaldson*, Quid veteribus de precandi ad deum officio placuerit, Berol. 1841.—*E. Lasaulx*, Ueber die Gebete der Griechen und Römer, Würzb. 1842 (=Studien des class. Alterthums, Regensb. 1854, стр. 137—158).—*C. F. W. Müller*, De ritibus et caerimoniis Graecorum, Königsb. 1854.—*C. F. Vierordt*, De iunctarum in precando manuum origine indogermanica etc., Karlsruhe 1851.—*Vouielideme*, Quomodo veteres adgraverint, diss. Hal. 1887.

ГЛАВА 9-я.

Заклятiя и клятвы.

Особымъ видомъ молитвъ были заклятiя (ἀραί, ἐπαραί, κατараί ¹⁾ и клятва (ὄρκος); хотя они сами по себѣ не имѣли отношенія къ богопочитанію, однако не только основывались на общемъ вѣрованіи въ могущество боговъ, но и были нерѣдко соединяемы съ религіозными обрядами. Сущность заклятiя состоитъ въ призываніи мщенія боговъ на голову обидчика: если кто, получивъ тяжкую несправедливость или обиду, или опасаясь получить ее, самъ не былъ въ состояніи отомстить за нее достойнымъ образомъ, то онъ обращался къ божеству съ мольбою принять на себя дѣло отмщенія. По вѣрованію грековъ каждое божество могло карать чело-вѣка за преступленія и обиды, нанесенныя ближнему, но преимущественно такая кара считалась дѣломъ Еринній (Евменидъ), которыя поэтому и сами назывались иногда 'Αραί.

Формулы заклятiй были очень разнообразны; самою простою и легкою формою было пожеланіе, чтобы въ случаѣ обиды или нарушенія даннаго устава виновникъ потерпѣлъ зло вмѣсто добра (τὰ κακά ἀντὶ τῶν ἀγαθῶν); но иногда заклятiя были очень обширны и

¹⁾ Первое слово значить также просто «молитва», какъ и гл. ἀρῶσαι — мо-лится, сущ. ἀρτήρ — жрецъ; въ специальномъ значеніи ἀρά — проклятiе, ἐπαραί — заклятiе, призывающее гнѣвъ боговъ на нарушителя даннаго устава или условія

призывали всевозможныя бѣды на голову обидчика (ср. напр. *Ил.* III, 297 сл.); вообще можно сказать, что количество и сила заклятій увеличивались соотвѣтственно степени опасенія лица, произносившаго заклятіе. Чаще всего заклятія встрѣчались, конечно, въ частной жизни, но нерѣдко также высказывались и отъ лица государства, въ особенности противъ нарушителей законовъ и договоровъ; эти акты ставились посредствомъ заклятій подъ особое покровительство боговъ и такимъ образомъ получали болѣе прочную и надежную санкцію. Въ Афинахъ, напр., издревле существовали заклятія противъ нарушителей общихъ нравственныхъ обязанностей въ родѣ указанія дороги заблудившемуся, погребенія умершаго и т. п. ¹⁾ По постановленію Солона архонтъ-эпонимъ подъ опасеніемъ штрафа въ 100 драхмъ обязанъ былъ (вѣроятно при вступленіи въ должность) произносить проклятіе противъ нарушителей запрещенія вывозить изъ Аттики мѣстные продукты кромѣ оливковаго масла (*Плут. Сол.* 24). Молитва, которою открывались народныя собранія, заключала въ себѣ, между прочимъ, заклятіе противъ измѣнниковъ и враговъ отечества. Въ Спартѣ существовало заклятіе противъ землевладѣльцевъ, вымогавшихъ съ илотовъ бѣльшее количество продуктовъ, нежели какое слѣдовало по закону, а также противъ такихъ лицъ, которыя стали бы препятствовать царямъ вести войско, куда имъ было угодно. Въ Теосѣ найдена надпись V в. до Р. Хр., заключающая въ себѣ заклятія противъ составителей ядовъ во вредъ теосцамъ, противъ лицъ, препятствующихъ ввозу хлѣба, не повинующихся высшимъ начальникамъ—эсимнетамъ, противъ укрывателей разбойниковъ, нарушителей праздничныхъ уставовъ и т. п. ²⁾ Вообще такія заклятія отъ лица государства встрѣчаются довольно часто.

Случалось также, что отъ имени государства были произносимы торжественныя проклятія противъ отдѣльныхъ лицъ въ случаѣ, если государство не имѣло возможности наказать ихъ за содѣянное ими преступленіе. Знаменитый примѣръ такого рода пред-

¹⁾ Дифиль у Аевн. VI, 35; схола. Соф. *Ант.* 255; Цицер. *de off.* III, 13, 54.

²⁾ С. I. Gr. 3044=Inscr. Gr. ant. 497. Для примѣра формулировки заклятій въ этой надписи приводимъ ея начало: "Οστις φάρμακα δηλητήρια ποιῶ ἐπὶ Τηϊοισιν, τὸ ξυγὸν ἢ ἐπ'ἰδιώτῃ, κείνον ἀπόλλυσθαι καὶ αὐτὸν καὶ γένος τὸ κε νοῦ. "Οστις ἐς γῆν τὴν Τηϊήν κωλύει σίτον ἐσάγεσθαι ἢ τέχνην ἢ μηχανήν, ἢ κατὰ θάλασσαν ἢ κατ' ἕπαιρον, ἢ ἐσαχθέντα ἀνωθεοίη, κείνον ἀπόλλυσθαι καὶ αὐτὸν καὶ γένος τὸ κείνου.

ставляет проклятіе Алкибиада, спасагося бѣгствомъ отъ суда по обвиненію въ нарушеніи мистерій и изуродованіи гермовъ. Обрядъ проклятія описываетъ Лисій въ рѣчи пр. Андокида (§ 51): жрицы и жрецы, ставъ лицомъ къ западу, произнесли слова проклятія и сотрясли красные плащи по древнему обычаю (обращеніе къ западу обозначало обращеніе къ подземнымъ богамъ, мѣстопробываніе которыхъ представлялось на крайнемъ западѣ).

На священныхъ мѣстахъ, въ особенности на кладбищахъ или на отдѣльныхъ могилахъ, для защиты ихъ отъ оскверненія, часто ставились столбы съ надписями, заключавшими въ себѣ закліятія противъ осквернителей. Въ завѣщаніяхъ также прибавлялись иногда закліятія противъ ихъ нарушителей. Наконецъ случалось, что писали наговоры (*ἐπιφθαί, κατάθεσται*) противъ враговъ на свинцовыхъ пластинкахъ, которыя или зарывали тайно въ жилищахъ враговъ, или клали съ ними въ гробъ для того, чтобы призвать противъ нихъ мечь подземныхъ боговъ.

Разъ наложенное закліятіе могло быть снято молитвами и нѣкоторыми обрядами; это обозначалось выраженіями: *ἀναρᾶσθαι* (молитвою уничтожить закліятіе, *ἀναλῶειν τὴν ἄραν*), *ἀπαῦχεσθαι* (отмалиться), *ἀφοσιῶσθαι*. Иногда же закліятія, особенно наложенныя отъ лица государства, отмѣнялись просто публичнымъ заявленіемъ, безъ всякихъ священныхъ обрядовъ.

Сущность *клятвы* состоитъ въ томъ, что лицо, дающее какое-либо обѣщаніе или что-либо утверждающее, приглашаетъ боговъ въ свидѣтели своихъ словъ, призывая на себя ихъ гнѣвъ и наказаніе въ томъ случаѣ, если его слова окажутся несправедливыми, или данное обѣщаніе не будетъ исполнено; связующая сила клятвы состоитъ именно въ страхѣ божескаго наказанія за ея нарушеніе. Часто въ клятвѣ точно обозначалось, въ чемъ именно должно было состоять это наказаніе,—клялись, напр., собственной жизнью или жизнью дѣтей и близкихъ людей, частями своего тѣла ¹⁾ или какимъ-либо особенно любимымъ и дорогимъ предметомъ. Слово *ῥρκος* обозначаетъ какъ самую клятву, такъ и предметъ, которымъ клялись; въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, напр., рѣка Стиксъ, которою клялись боги, называется ихъ *ῥρκος*. Очевидно, что и божества, ко-

¹⁾ Напр. *ῥρκος κατὰ τῶν ὀφθαλμῶν*—въ родѣ нашего «лопни мои глаза», *εἰς κεφαλῆν τρέπεσθαι*—когда клянуційся высказываетъ желаніе, чтобы клятва въ случаѣ ложности обратилась на его голову, и т. п.

торныя были призываемы въ свидѣтели клятвы, могли называться этимъ именемъ, а отсюда уже легко объясняется и то, что въ воображеніи поэтовъ связующая сила клятвы олицетворялась въ видѣ особаго дѣмоническаго существа; у Гесіода (*Θεογ.* ст. 231) "Ορκος называется сыномъ Ериды, безъ сомнѣнія, потому, что клятвы особенно часто встрѣчались при спорахъ. Въ свидѣтели клятвы чаще всего призывался Зевсъ, какъ высшій изъ боговъ, управляющій всѣмъ міромъ и всѣми человѣческими отношеніями; какъ покровитель клятвы и каратель клятвопреступленія, онъ почитался подъ именемъ Ζεὺς ὄρκιος. Но, конечно, кромѣ Зевса клялись и другими богами (особенно часто тремя); какихъ боговъ, слѣдовало призывать въ свидѣтели клятвы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, это зависѣло отъ обстоятельствъ, при которыхъ давалась клятва. Иногда клялись всѣми богами вмѣстѣ, не называя ихъ по именамъ, иногда называли нѣсколько именъ и затѣмъ поминали всѣхъ другихъ боговъ и богинь вмѣстѣ ¹⁾. Клятвы съ упоминаніемъ многихъ боговъ встрѣчаются нерѣдко, такъ какъ древніе думали, что чѣмъ большее количество боговъ призвано въ свидѣтели клятвы, тѣмъ она сильнѣе (напр., въ установленной закономъ присягѣ аѣнскихъ ефебовъ поименовывались семь боговъ). Въ разныхъ мѣстностяхъ были, конечно, и разные боги или герои, которыхъ призывали въ свидѣтели клятвы преимущественно предъ другими (напр. въ Пелленѣ Артемида спасительница, въ Елидѣ—мѣстный герой Сосиполидъ и т. п.). Нѣкоторыя формулы клятвы употреблялись преимущественно или исключительно мужчинами, другія—женщинами; такъ, напр., клятва двумя богинями (τὸ θεῶ), т. е. Деметрою и Корю, въ Аѣнахъ была исключительно женская.

Въ обыденной жизни греки очень часто употребляли въ разговорахъ клятвенныя выраженія, которымъ, конечно, въ такихъ случаяхъ придавали весьма мало значенія, произнося ихъ просто по привычкѣ или изъ желанія сильнѣе подѣйствовать на слушателя. Для такой цѣли могло служить не только призываніе боговъ, но и поименованіе различныхъ другихъ предметовъ, даже неодушевленныхъ; совѣстливые люди, чтобы не употреблять всеу именъ

¹⁾ Для примѣра приводимъ начало гражданской присяги жителей г. Херсонеса Таврическаго: Ὀμνῶ Δία, Γᾶν, Ἄλιον, Παρθένον, θεοὺς Ὀλομπτικούς καὶ Ὀλομπτίας καὶ ἦρωας, ἅσοι πόλιν καὶ χώραν καὶ τεῖχην ἔχοντι τὰ Χερσονησιτᾶν (*Inscr. orae sept. Ponti Eux.* v. IV).

боговъ, иногда выбирали для простаго увѣренія самыя незначительныя предметы: такія выраженія, какъ «клянусь собакою, гусемъ, бараномъ» и т. п., употреблявшіяся Сократомъ, Зенономъ и др., имѣютъ только внѣшнюю форму клятвы, но не выражаютъ ея сущности и потому не могутъ быть причислены къ клятвамъ въ собственномъ смыслѣ.

Такія клятвы, которыя дѣйствительно должны были имѣть обязательную силу, обыкновенно ставились подъ формальную защиту боговъ и потому совершались въ храмахъ или при алтаряхъ, при чемъ клянущійся принималъ молитвенное положеніе, т. е. становился съ непокрытою головою, поднималъ глаза и руки къ небу и т. п. Въ нѣкоторыхъ городахъ для произношенія торжественныхъ клятвъ избирались опредѣленные храмы, потому что данная въ нихъ клятва считалась болѣе прочною; напр., въ Коринѣ существовало повѣріе, что давшій ложную клятву въ подземномъ святилищѣ (*ἄδου*) при гробѣ Палэмона никоимъ образомъ не могъ избѣжать наказанія (Павс. II, 2, 1). Нерѣдко торжественныя клятвы сопровождалась возліяніями и кровавыми жертвами, которыя въ такомъ случаѣ носили названіе *ἄρνια* (отсюда выраженіе *ἄρνια τέμενον*). Происхожденіе этого обычая объясняется вѣрованіемъ, что боги невидимо присутствовали при совершавшихся въ честь ихъ жертвоприношеніяхъ, которыя поэтому являлись наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ привлечь вниманіе боговъ къ совершаемой клятвѣ; при государственныхъ договорахъ, заключеніи перемирія, мира или союза клятвы сопровождалась обыкновенно только возліяніями (отсюда извѣстное употребленіе существительнаго *σπονδαί* въ значеніи перемирія и *σπονδὰς ποιῆσθαι* — заключать перемиріе).

При торжественныхъ судебныхъ клятвахъ приносили въ жертву быка, борова и барана, и клянущійся произносилъ формулу клятвы, стоя на частяхъ убитыхъ животныхъ, или касаясь ихъ рукою. Клятвенныя жертвоприношенія имѣли у грековъ, какъ и у римлянъ, символическое значеніе: клянущійся предоставлялъ божеству, въ случаѣ нарушенія имъ клятвы, убить его такъ же, какъ было убито животное, такъ что наказаніе, которое могло постигнуть клятвопреступника, въ видѣ прообраза представлялось въ жертвѣ; поэтому при такихъ жертвоприношеніяхъ части жертвеннаго животнаго не сожигались на алтарѣ и не употреблялись въ пищу людьми, а зарывались въ землю или бросались въ море. Вслѣдствіе этого для клятвенныхъ жертвоприношеній употреблялись не одни только

съѣдобныя животныя: такъ, напр., при договорѣ между персами и греческими наемниками Кира младшаго, отступавшими послѣ битвы при Кунаксахъ, кромѣ быка, борова и барана былъ убитъ волкъ. При этомъ же договорѣ клянущіеся обмакивали свое оружіе въ кровь убитыхъ животныхъ (Ксен. *Анаб.* II, 2, 9),—обычай, вѣроятно, не греческій. Впрочемъ различныя символическія дѣйствія упоминаются и при греческихъ клятвахъ; такъ, напр., жители города Фоэи, рѣшившись выселиться изъ него, чтобы не подчиняться власти персовъ, бросили въ море кусокъ желѣза и поклялись возвратиться на родину не раньше, чѣмъ этотъ кусокъ всплыветъ на поверхность воды (Герод. I, 165). При заключеніи Аристидомъ союза съ іонійцами также были погружены въ море куски металла (Арист. *Ав. пол.* 23).

Встрѣчаются, наконецъ, упоминанія о такихъ соединенныхъ съ клятвою дѣйствіяхъ, которыя подходятъ подъ понятіе «суда божія», такъ какъ только подъ очевидною защитой божества можно было совершить ихъ безъ вреда для здоровья или опасности для жизни, и поэтому благополучный для испытуемаго исходъ ихъ служилъ вѣскимъ доказательствомъ справедливости его клятвы. Такой примѣръ встрѣчается въ «Антигонѣ» Софокла (ст. 264 сл.): одинъ изъ стражей, приставленныхъ къ трупу Полиника, докладывая Креонту о совершенномъ кѣмъ-то, вопреки повелѣнію Креонта, обрядѣ погребенія трупа и желая увѣрить его, что стражи въ этомъ не виноваты, говоритъ: «мы готовы были взять въ руки раскаленный металлъ или идти съвозъ огонь и при этомъ клясться, что не были ни виновниками, ни сообщниками преступленія». Есть у авторовъ и другіе примѣры подобнаго рода.

Клятва имѣла чрезвычайно широкое примѣненіе въ государственной и частной жизни грековъ. Въ первой части «Очерка» намъ приходилось неоднократно упоминать о государственныхъ и общественныхъ актахъ, подтверждавшихся клятвою. По словамъ Ксенофонта (*Атом.* IV, 4, 16), во всѣхъ государствахъ граждане должны были давать клятву повиноваться законамъ¹⁾. Въ Спартѣ цари не только при вступленіи на престолъ давали присягу, но и во все время царствованія ежемѣсячно клялись править по законамъ предъ ефорами, которые въ свою очередь клялись имъ не

¹⁾ Въ мѣстности г. Херсонеса Таврическаго (въ Крыму) недавно найдена мраморная плита съ вырѣзаннымъ на ней текстомъ гражданской присяги. (См. стр. 69, прим.).

уменьшать значенія и достоинства царской власти. Въ Афинахъ присягали должностныя лица, члены совѣта, судьи, ефебы чрезъ два года по достиженіи возмужалости; особенно многочисленны были судебныя клятвы, отчасти предписывавшіяся, отчасти дозволявшіяся судебнымъ кодексомъ. Безъ сомнѣнія и въ другихъ государствахъ было въ этомъ отношеніи много сходства съ Афинами.

Если мы поставимъ, въ заключеніе, вопросъ, съ какою совѣстливостью произносились и какъ строго соблюдались греками ихъ многообразныя клятвы, то отвѣтъ не будетъ особенно для нихъ благоприятенъ. Хотя обратившееся у римлянъ въ пословицу выраженіе «Граеса fides» относится уже къ испорченнымъ и выродившимся грекамъ, съ которыми римлянамъ приходилось имѣть дѣло, и хотя упрекъ Цицерона (*pro Flacco* 4, 9), что греки никогда не знали вѣрности, не можетъ служить для насъ общимъ мѣриломъ, но тѣмъ не менѣе у самихъ грековъ лучшихъ временъ нѣтъ недостатка въ жалобахъ на легкомысліе, съ которыми давались и нарушались клятвы. Платонъ (*Зак.* XII, р. 948 с) совершенно устраняетъ изъ своего образцоваго государства судебную клятву, какъ не могущую служить гарантіею въ вѣрности показаній, «потому что нынѣ, говоритъ онъ, одни изъ людей вовсе не признають боговъ, другіе полагають, что богамъ нѣтъ до насъ никакого дѣла, а большинство держится того мнѣнія, что небольшими дарами и жертвоприношеніями легко можно отвратить гнѣвъ боговъ и какъ бы откупиться отъ заслуженнаго наказанія». Между тѣмъ афиняне какъ въ другихъ отношеніяхъ принадлежали къ числу благороднѣйшихъ представителей еллинскаго племени, такъ и за честность свою заслуживали справедливое уваженіе другихъ грековъ, такъ что афинская честность, афинское свидѣтельство вошли въ пословицу (Свида п. сл. Ἀττικὴ πίστις); стало быть, если афинянинъ лучшаго времени, какимъ былъ Платонъ, счелъ возможнымъ отозваться о клятвѣ такъ дурно, то что же можно думать объ остальныхъ грекахъ, особенно въ позднѣйшія времена? Замѣтимъ еще, что нигдѣ не встрѣчается указаній на судебное преслѣдованіе за клятвопреступленіе; наказаніе за это преступленіе, какъ видно уже изъ Гомеровскихъ поэмъ (напр. *Ил.* III, 278), всецѣло предоставлялось богамъ, страхъ передъ которыми, какъ видно, дѣйствовалъ на древняго грека не особенно сильно.

Heumann, De dignitate iuris iurandi apud veteres, praesertim ap. Graecos, 1832.—E. Lasaulx, Ueber den Fluch bei Griechen und Römer, Würzb. 1843

Ueber den Eid, 1844 (= *Stud. d. klass. Alterthums*, S. 159—177 и 177—204).—*И. В. Помяловскій*, Эпиграфическіе этюды, Спб. 1873 (о наговорахъ).—*A. Martin*, Quomodo Graeci foedera publica iure iurando sanxerint, Par. 1886.—*W. Hofmann*, De iurandi apud Athenienses formulis, Strassb. 1886.—*B. Schmidt*, Alte Verwünschungsformeln въ *Neue Jabrb. f. Phil.* 1891 и 1893.—*E. Ziebarth*, Der Fluch im Griech. Recht въ журн. *Hermes* т. 30 (1895).—*L. Ott*, Beiträge zur Kenntniss des Griech. Eides, Leipz. 1897.—Defixionum tabellae Atticae ed. *R. Wuensch* (C. I. Att. appendix), Berol. 1897.

ГЛАВА 10-я.

Очищенія и умилоствленія.

По исконному вѣрованію грековъ все нечистое, запятнанное было непріятно божеству; поэтому чистота была непремѣннымъ условіемъ для всякаго, кто хотѣлъ молитвою или инымъ какимъ-либо способомъ показать свое благоговѣніе къ божеству; прежде всего, конечно, при этомъ разумѣлась чистота физическая, почему омовеніе и надѣваніе чистой одежды издревле предшествовало всякимъ богослужебнымъ дѣйствіямъ. Гомеровскіе греки еще не знали другого очищенія (*κάθαρσις*), кромѣ физическаго; всѣ встрѣчающіеся въ поэмахъ случаи очищенія могутъ быть объяснены естественнымъ сознаниемъ, что все нечистое непріятно божествамъ, и не имѣютъ еще символическаго значенія. Но само собою разумѣется, что по мѣрѣ развитія нравственныхъ понятій людей и облагороженія ихъ представленія о богахъ должно было развиваться и ерѣпнуть сознание, что одной физической чистоты не достаточно, что богамъ не могло быть пріятно, если къ нимъ обращался человѣкъ съ чистымъ тѣломъ, но съ нечистою, запятнаною грѣхомъ совѣстью; такимъ образомъ внѣшнее очищеніе сдѣлалось вмѣстѣ съ тѣмъ символомъ внутренняго и въ этомъ смыслѣ понималось по крайней мѣрѣ людьми развитыми, тогда какъ неразвитая и суевѣрная толпа и въ историческія времена придавала важное значеніе самому акту физическаго очищенія, не обращая вниманія на его символическое значеніе.

Всякое преступленіе или безнравственное дѣяніе, по вѣрованію грековъ, дѣлало виновника его нечистымъ и навлекало на него гнѣвъ божества; отсюда являлась необходимость во-первыхъ въ очищенія, во-вторыхъ въ отвращеніи гнѣва божества или его умилоствленія; то и другое достигалось различнаго рода обрядами и церемоніями; собственно говоря, обряды очистительные и

умиловительные различались между собою, но такъ какъ они обыкновенно совершались вмѣстѣ и имѣли одну общую цѣль— примиреніе человѣка съ божествомъ, — то сами древніе нерѣдко смѣшивали ихъ между собою или принимали за одно цѣлое.

Какъ мы уже замѣтили, физическое очищеніе упоминается уже въ Гомеровскихъ поэмахъ; но очищеніе лицъ, запятнанныхъ преступленіемъ, въ историческія времена считавшееся необходимымъ, повидимому, еще не было извѣстно гомеровскимъ грекамъ. Постепенному развитію вѣрованія о необходимости такого очищенія, по всей вѣроятности, способствовало особенно вліяніе Дельфійскаго оракула. По мнѣическому преданію Дельфійскій богъ самъ подалъ смертнымъ примѣръ въ этомъ отношеніи, по приказанію Зевса очистившись въ Темпейской долинѣ (или, по другой версіи преданія, въ Эгіалей или на Критѣ) отъ убіенія Писеона. И дѣйствительно, этотъ мифъ, въ которомъ представляется благотѣльное вліяніе солнца, очищающее воздухъ отъ заразительныхъ испареній сырой земли и дѣлающее его чистымъ и здоровымъ, какъ нельзя удачнѣе объясняетъ идею очищенія. Аполлонъ вообще былъ богомъ очищенія (*Καθάρσιος*) преимущественно предъ другими. Въ Аѳинахъ очистительные обряды совершались по дельфійскимъ уставамъ, какъ это можно заключить изъ того, что Платонъ предписываетъ для своего образцоваго государства совершать эти обряды по заимствованнымъ изъ Дельфъ правиламъ. Если иногда первая идея объ очистительныхъ обрядахъ приписывается древними извѣстному критскому прорицателю Епимениду, современнику Солона, то это можно объяснить тѣмъ, что онъ былъ реформаторомъ этихъ обрядовъ, ввелъ въ нихъ большій порядокъ и правильность.

Какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни встрѣчалось, конечно, много различныхъ случаевъ оскверненія, требовавшихъ примѣненія очистительныхъ и умиловительныхъ обрядовъ. Сувѣрные люди очищали себя и свои жилища при всякомъ случаѣ, который могъ навлечь на нихъ немилость боговъ. Такъ, напр., осверняющимъ считалось прикосновеніе или даже приближеніе къ трупу, вслѣдствіе чего принимались различныя мѣры предосторожности противъ такого оскверненія и очистительные обряды для освернившихся по необходимости. Когда въ домѣ кто-нибудь умиралъ, то предъ дверьми ставился сосудъ (*ἀρδάνιον*) съ священной водою, непременно взятою изъ другаго дома; всѣ выходящіе отъ покойника окроплялись ею въ знакъ очищенія,

а послѣ погребенія всѣ домашніе очищались по крайней мѣрѣ омовеніемъ, хотя люди суевѣрные употребляли и разныя другія средства для очищенія себя и дома. Умершіе не могли быть погребаемы въ священныя мѣстахъ и даже люди близкіе къ смерти удалялись изъ нихъ заблаговременно, какъ это было установлено, напр., въ эпидаврскомъ святилищѣ Асклепія или на посвященномъ Аполлону островѣ Делосѣ, который поэтому въ тѣхъ случаяхъ, когда это установленіе нарушалось, признавался нечистымъ и подвергался очищенію, при чемъ всѣ гробы выносились изъ священнаго округа или даже съ острова. Извѣстны два случая такого очищенія Делоса,—одинъ при Писистратѣ, другой во время Пелопоннесской войны ¹⁾. Поэтому-то погребеніе внутри города считалось величайшею почестью (ея удостоивались, напр., основатели колоній). Роды также считались оскверняющими; поэтому при наступленіи ихъ женщины должны были удаляться изъ священныя мѣстъ и не являться въ нихъ до окончанія 40-дневнаго срока послѣ родовъ, по истеченіи котораго онѣ очищались и затѣмъ дома или въ храмѣ приносили жертву Артемидѣ, какъ богинѣ рожденія. Новорожденное дитя, бабка и другія помощницы при родахъ также нуждались въ очищеніи, которое совершалось въ одинъ изъ ближайшихъ дней послѣ родовъ. Свадѣбѣ или посвященію въ мистеріи также предшествовали очищенія. Болѣзни, особенно душевныя, по вѣрованію грековъ, посылались богами за прегрѣшенія или считались слѣдствіями колдовства (порчи), почему такихъ больныхъ также считали нужнымъ подвергать очищенію. При эпидемическихъ болѣзняхъ совершались общія очищенія всего города или страны и умилоствительныя молебствія. Даже послѣ зловѣщихъ сновъ люди суевѣрные мылись въ чистой водѣ, чтобы смыть съ себя такой сонъ, какъ говоритъ Аристофанъ (*Ля.* 1340), и приносили жертвы θεοῖς ἀποτροπαίοις, преимущественно Аполлону. Вообще было много разныхъ случаевъ оскверненія, при которыхъ взгляды на необходимость очищенія и его размѣры были различны у разныхъ людей, смотря по степени ихъ нравственнаго развитія и силѣ религіозныхъ вѣрованій.

Средства и обряды очищенія были такъ же различны, какъ и роды оскверненія. Самымъ обыкновеннымъ средствомъ была чистая вода, ключевая или морская; послѣдняя считалась наибо-

¹⁾ Ср. ч. I, стр. 326 (изд. 3).

лѣе чистою ¹⁾, такъ что иногда даже въ ключевой водѣ растворяли соль, чтобы придать водѣ сходство съ морской; ее освящали погруженіемъ головы съ жертвенника и затѣмъ или погружались въ нее, или окроплялись. Сосуды съ такою водою (*περιρραντήρια*) ставились при входѣ въ священныя мѣста, на городскія площади и т. п., и всякій входящій туда очищался окропленіемъ или омовеніемъ рукъ, иногда и ногъ. Далѣе важнымъ очистительнымъ средствомъ считалось окуриваніе сѣрою (*θειόν*), ладаномъ и разными породами деревьевъ и травъ, преимущественно посвященныхъ разнымъ божествамъ или пахучихъ; чаще всего употреблялись для этого вѣтви лаврового дерева, затѣмъ миртъ, олива, смоковница, дубъ, розмаринъ, голубиная трава (*περιστερών*, также *ιεροβοτάνη*), морской лукъ (*σκόλλα*) и пр. Сѣра еще у Гомера называется *κακῶν ἄχος* (*Од.* 22, 481); мнѣніе объ ея очистительной силѣ основывалось, вѣроятно, на издаваемомъ ею при горѣннѣ запахѣ, сходномъ съ тѣмъ, который распространяется послѣ удара молніи; сѣра и молнія назывались даже однимъ именемъ *θειόν*.

Въ болѣе важныхъ случаяхъ совершались очистительныя жертвоприношенія, для которыхъ преимущественно употреблялись молочные поросята; ихъ кровью окропляли очищаемыхъ лицъ или предметы. Въ такихъ случаяхъ, когда жертвоприношенія совершались съ цѣлью защиты отъ волшебства Гекаты, для нихъ употреблялись собаки, при чемъ очищаемого трижды натирали кусками жертвеннаго мяса и затѣмъ бросали ихъ въ сторону, при чемъ, конечно, произносили соотвѣтственныя случаю молитвенныя воззванія ²⁾. Въ Беотіи при всенародныхъ очищеніяхъ куски мяса принесенныхъ въ жертву собакъ вляли на землю, и люди должны были проходить между ними. Подобный же обычай существовалъ въ Македоніи при очищеніи войска. Для жертвоприношеній умиловительныхъ, имѣвшихъ цѣлью смягченіе гнѣва боговъ, навлеченнаго преступленіемъ или грѣхомъ, употреблялись преимущественно бараны. Шкура барана, принесеннаго Зевсу Милости-

¹⁾ Еврип. *Иф. Тавр.* 1161: *θάλασσα κλύει πάντα τὰνθρώπων κακά.* — Руль (*πηδάλιον*), постоянно находящійся въ морской водѣ, считался у грековъ самымъ чистымъ предметомъ; отсюда пословица: *πηδάλιον ἀγνότερος*, употреблявшаяся о людяхъ, отличавшихся чистотою жизни (*Paroemiogr. gr.* I p. 182. Ср. объ очищеніяхъ Теокр. *Ид.* 24, 96 и слѣд.).

²⁾ Такое очищеніе носило даже особое названіе *περισκολαχισμός*. Плут. *Quaest. Rom.* 68.

вому (Μερίχιος) въ качествѣ умилостивительной жертвы (Διὸς κφθίον), сохранялась и потомъ употреблялась при очищеніяхъ: ее клали на землю и очищаемый становился на нее лѣвою ногою въ то время, какъ надъ нимъ совершали актъ очищенія; при всенародныхъ очистительныхъ и умилостивительныхъ празднествахъ эту шкуру также обносили вокругъ мѣста, гдѣ совершалось празднество, какъ бы для того, чтобы собрать на нее все нечистое. Всѣ очистительныя средства, на которыя по вѣрованію грековъ переходила нечистота съ очищаемого лица или предмета, назывались καθάρσις или καθάρματα; по окончаніи очищенія они выбрасывались въ море или рѣку, или зарывались въ землю, или выносились на перекрестки или въ глухія мѣста, не посѣщаемыя людьми, при чемъ выносившіе ихъ при выбрасываніи отворачивали лицо и затѣмъ возвращались домой, не оглядываясь. Мясо животныхъ, убитыхъ для очистительной или умилостивительной жертвы, также не употреблялось въ пищу людьми, а зарывалось въ землю или выбрасывалось. Къ сожженію очистительныхъ средствъ не прибѣгали, чтобы не осквернить огня. Слѣдуетъ отмѣтить еще, что очистительныя обряды обыкновенно совершались не жрецами.

Выше уже было сказано, что всякое преступленіе и грѣхъ оскверняли виновнаго въ немъ человѣка; но нѣкоторыя преступленія преимущественно предъ другими считались возбуждающими гнѣвъ боговъ, такъ какъ являлись, такъ сказать, лично для нихъ обидою, и потому требовали specialнаго очищенія. Таковы были: святотатство, кража священныхъ предметовъ, убіеніе лица, состоявшаго на службѣ при храмѣ, и вообще всякое убійство.

Самое наглядное представленіе о способѣ очищенія лицъ, запятнанныхъ кровавымъ преступленіемъ, даетъ намъ Аполлоній Родосскій (*Аргон.* IV, 700 сл.), описывая совершенное Киркою очищеніе Ясона и Медеи отъ убіенія брата послѣдней Аспирта, при чемъ поэтъ прямо прибавляетъ, что очищеніе совершено было обычнымъ способомъ. Прежде всего Кирка, убивъ молочнаго поросенка, кровью его окропила руки убійцъ, затѣмъ совершила омовенія, не описанныя подробно; по всей вѣроятности, для нихъ была употреблена вода, освященная погруженіемъ въ нее головки съ алтаря; при этомъ Кирка призывала Зевса, какъ бога очищеній (καθάρσιος); всѣ предметы, служившіе для очищенія (λόματα), были унесены изъ дома прислужницами. Затѣмъ Кирка сожгла жертвенныя печенья и умилостивительныя снадобья (μερίχτρα), сопровождая ихъ

возліянiями безъ вина (*νηφάλια*) и призывая Зевса смягчить гнѣвъ страшныхъ Ериннiй и быть кроткимъ и милостивымъ къ виновнымъ. Все это она совершаетъ, не узнавши предварительно, какое именно убійство совершили преступники. Совершенно такъ же, по разсказу Геродота (I, 35), Крезъ сперва очистилъ Адраста, а потомъ уже спросилъ, кто онъ и кого убилъ. Слѣдовательно для полученiя очищенiя убійцѣ нужно было только попросить о немъ, не объясняя рода преступленiя. Затѣмъ мы видимъ, что актъ очищенiя состоялъ изъ двухъ частей: а) собственно очищенiя, состоявшаго въ томъ, что руки убійцы обливались кровью животнаго и затѣмъ обтирались, что служило символомъ его освобожденiя отъ кроваваго грѣха; б) умилоствленiя божества жертвами и молитвами. Соотвѣтственно этому въ самомъ божествѣ различались двѣ стороны, обозначавшіяся особыми эпитетами: какъ очиститель, богъ назывался *καθάρσιος*, а какъ такой, котораго можно и нужно было умилоствить къ прощенiю грѣха—*μελιχίος*.

Если предъ совершенiемъ акта очищенiя не было надобности очищающему знать подробности преступленiя, то, значить, способъ очищенiя былъ одинъ и тотъ же при всякомъ убійствѣ; единственнымъ условiемъ дѣйствительности очищенiя было то, чтобы оно совершилось на чужбинѣ, не въ той странѣ, гдѣ совершено было убійство. Однако въ историческія времена мы встрѣчаемъ различный способъ дѣйствiй по отношенiю къ преступникамъ, смотря по роду совершеннаго ими убійства: греки различали, какъ извѣстно, убійство недозволенное и дозволенное законами, предумышленное и нечаянное. Правда, болѣе точныя свѣдѣнiя объ этомъ имѣются только изъ Аѳинъ, но нѣтъ основанiя сомнѣваться, что подобныя же установленiя существовали и въ другихъ государствахъ. Кто совершалъ дозволенное законами убійство, тотъ не подвергался наказанiю и не нуждался даже въ религіозномъ очищенiи, хотя люди благочестивые, быть можетъ, и считали нужнымъ имъ подвергаться. Тотъ, кто совершалъ нечаянное убійство, нуждался только въ очищенiи. Признанный виновнымъ въ предумышленномъ и недозволенномъ убійствѣ подвергался смертной казни, отъ которой, впрочемъ, по аѳинскому законодательству могъ спастись добровольнымъ удаленiемъ въ вѣчное изгнанiе до окончанiя суда; если же дѣяніе признавалось на судѣ не предумышленнымъ, то преступникъ долженъ былъ по опредѣленной дорогѣ удалиться въ изгнанiе по крайней мѣрѣ на годъ (*ἀπειροπομπός*), по окончанiи

котораго, при возвращеніи, обязанъ былъ примириться съ родственниками убитаго и подвергнуться религиозному очищенію; наконецъ тотъ, кто признанъ былъ на судѣ невиновнымъ, долженъ былъ только принести жертву Евменидамъ (Павс. I, 28, 6). Если у убитаго не было родственниковъ, которые были бы обязаны отмстить за него, то обязанность мести переходила къ фраторамъ убитаго; ефеты выбирали изъ ихъ среды 10 наиболѣе уважаемыхъ лицъ, съ которыми, какъ представителями фратріи, убійца долженъ былъ примириться; вѣроятно, они обязаны были присутствовать и при очищеніи убійцы.

Кромѣ уголовныхъ преступленій было не мало и другихъ преступленій, требовавшихъ очищенія и умилоствленія боговъ кровавыми жертвами. Были всенародныя очищенія и умилоствительные праздники, которые либо повторялись чрезъ опредѣленные промежутки времени (напр. ежегодно), либо устраивались экстраординарно по особымъ поводамъ. Причиной установленія первыхъ было сознаніе, что въ человѣческой жизни есть много явленій, возбуждающихъ гнѣвъ боговъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ представлялись вообще болѣе склонными карать людей, чѣмъ миловать и благодѣтельствовать имъ. Самымъ извѣстнымъ примѣромъ экстраординарныхъ очищеній и умилоствленій является то, которое было произведено въ Афинахъ послѣ святотатственнаго избіенія Килоновцевъ. Вслѣдствіе этого злодѣянія все государство казалось запятаннымъ грѣхомъ и подпавшимъ гнѣву боговъ, который узнавали въ разныхъ страшныхъ знаменіяхъ и въ поразившихъ страну бѣдствіяхъ. Такъ какъ обычныя очистительныя средства не помогали, то по предложенію Солона былъ приглашенъ изъ Крита прорицатель Епименидъ, славившійся своимъ знаніемъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ отвращенію гнѣва боговъ. По разсказу Діогена Лаертскаго (I, 10, 110) онъ выпустилъ съ Ареева холма, гдѣ было святилище Евменидъ, бѣлыхъ и черныхъ овецъ, которыя свободно разбрелись по всѣмъ направленіямъ; тамъ, гдѣ вторая-либо изъ нихъ ложилась, по приказанію Епименида воздвигали алтарь и приносили жертвы разнымъ божествамъ, гдѣ какому слѣдовало (тѣ *προσῆκοντι*). Посвященные безыменнымъ божествамъ жертвенники, стоявшіе по разнымъ демамъ Атики, и впослѣдствіи напоминали объ этомъ очищеніи. Кромѣ того, Епименидъ потребовалъ, говорятъ, человѣческой жертвы для окончательнаго отвращенія гнѣва боговъ, и одинъ аттичскій

юноша добровольно пожертвовалъ своею жизнью для этой цѣли (Аевн. XIII, р. 602 с), а по другимъ преданіямъ были убиты два молодыхъ человека (Диог. Л. ук. м.).

При собраніяхъ народа, особенно совершавшихся съ религіозною цѣлью, въ праздничные дни, естественно было заботиться, чтобы все нечистое, что могло быть неприятно божеству, по крайней мѣрѣ символически удалялось изъ среды народа; поэтому при началѣ всѣхъ праздничныхъ собраній, также въ театрѣ предъ началомъ представленій и на вѣчѣ предъ открытіемъ преній производилось очищеніе. Въ Афинахъ его совершалъ особый жрецъ *περυσίαρχος*, который приносилъ въ жертву маленькихъ поросятъ и кровью ихъ окроплялъ собраніе; затѣмъ герольдъ заступалъ его мѣсто и продолжалъ очищеніе посредствомъ окуриванія (*περθεῖωσις*). Въ Елидѣ елланодики и 16 женщинъ, избравшихся для приготовления одежды (*πέπλος*) для статуи Геры и совершения другихъ священнодѣйствій, при вступленіи въ эту должность очищались омовеніемъ въ источникѣ Пьеры и жертвоприношеніемъ поросенка (Павс. V, 16, 8).

F. Lasaulx, Die Sühnopfer der Griechen und Römer, Würzb. 1841 (= *Stud. d. kl. Alterth.* p. 236 sq.). — *J. Donaldson*, On the expiatory and substitutory sacrifices of the Grecs въ *Transactions of the Royal Society of Edinburgh* т. 27 (1876 г.).

ГЛАВА 11-я.

Жертвоприношенія.

Греки, обращаясь къ своимъ богамъ, повиновались скорѣ чувству страха, чѣмъ благоговѣнію и благодарности. Они видѣли въ богахъ могущественныя существа, отъ которыхъ они должны были снискивать покровительство и благорасположеніе, и ихъ культъ имѣлъ единственной цѣлью приобрѣтеніе этого расположенія и отвращеніе гнѣва боговъ. Приписывая богамъ человѣческія качества и страсти, они относились къ нимъ такъ же, какъ къ могущественнымъ людямъ, и для приобрѣтенія ихъ дружбы и покровительства или отвращенія гнѣва прибѣгали къ такимъ же средствамъ, какія могли дѣйствовать на людей; между ними важное

значеніе имѣли разнаго рода дары: δῶρα θεοῖς πείθει, δῶρ' αἰδοίους βασιλῆας, гласитъ древнее изреченіе, приписываемое Гесіоду (Плат. *Респ.* III, р. 390 e). Различаются два вида даровъ: а) вклады (ἀναθήματα), которые оставались въ святилищѣ божества въ качествѣ его собственности и служили или для украшенія храма или статуи, или для надобностей культа; б) жертвы (θυσία), которыя предназначались для временнаго наслажденія божества. Антропоморфизмъ, господствовавшій издревле въ греческой религи, заставлялъ людей вѣрить, что богамъ доставляетъ наслажденіе все то, чѣмъ наслаждаются люди и что ласкаетъ ихъ чувства. На этомъ основывается идея не только отдавать въ пользованіе божества животныхъ, составлявшихъ въ древнѣйшія времена главное богатство людей, но и убивать ихъ и готовить ихъ мясо для пира боговъ, а также совершать возліанія напитковъ для утоленія ихъ жажды и курить благовонія, производившія пріятное опьяняющее дѣйствіе. Первоначально у грековъ, несомнѣнно, существовало представленіе, что жертвы доставляютъ богамъ чисто матеріальное наслажденіе. Съ Гомеровскихъ временъ до позднѣйшихъ въ греческой литературѣ встрѣчается не мало свидѣтельствъ, доказывающихъ такое вѣрованіе, хотя относительно того, какимъ собственно образомъ доставляется богамъ это наслажденіе, существовали разныя представленія; наиболѣе развито было въ массѣ вѣрованіе, что боги питаются парами (κνίστη) сожигаемаго мяса и испареніями жидкостей, которыми совершались имъ возліанія, и обоняютъ запахъ сожигаемыхъ благовоній. Слѣдствіемъ такого представленія было то, что большинство жертвъ, приносимыхъ богамъ, предавалось сожженію. Огонь являлся средствомъ преобразить мясо жертвы въ пищу, годную для невидимыхъ, небесныхъ существъ. Идея о такомъ значеніи огня существовала еще у первобытныхъ арійцевъ, какъ видно изъ Веды: божественный Агни (огонь) пожираетъ жертву и тѣмъ проводитъ ее къ богамъ, которымъ она предназначена. Греки также сохраняли вѣрованіе въ чистоту и божественность огня: по извѣстному мнѣю онъ нѣкогда былъ въ исключительномъ владѣніи боговъ и только впоследствии былъ похищенъ Промееемъ и сообщенъ людямъ. Поднимающееся вверхъ пламя было символомъ стремленія къ небу; самый огонь обоготворялся подъ именемъ Гестіи и непрерывно поддерживался въ нѣкоторыхъ храмахъ. Однако не всякій огонь считался одинаково чистымъ и пригоднымъ для сожженія жертвъ. Были случаи,

при которых онъ считался оскверненнымъ и не могъ быть употребляемъ при священнѣхъ обрядахъ. Такъ, напр., смертный случай въ домѣ осквернялъ огонь домашнего очага; поэтому въ Аргосѣ существовалъ обычай погашать его въ такомъ случаѣ и послѣ погребенія умершаго брать огонь изъ сосѣдняго дома (Плут. *Гр. сопр.* 24). На о. Лемносѣ ежегодно совершался очистительный праздникъ, при которомъ всѣ огни погашались, какъ оскверненные человѣческими прегрѣшеніями, и только чрезъ 9 дней зажигались новыя отъ огня, принесеннаго съ о. Делоса (Филостр. *Гер.* 19, 14). Спартацы, отправляясь въ походъ, брали съ собою огонь изъ Спарты (Ксен. *Лак. юс.* 13, 2) для того, чтобы всегда имѣть возможность сожигать жертвы отечественнымъ богамъ на отечественномъ огнѣ. При основаніи колоніи огонь на государственномъ очагѣ возжигался отъ огня, взятаго изъ притачея метрополіи.

Выборъ горячаго матеріала также обуславливается разными причинами; не всякое дерево давало одинаково чистый и одинаково пріятный богамъ огонь. Такъ, напр., на жертвенникѣ Зевса въ Олимпіи сожигались только дрова изъ бѣлаго тополя (Павс. V 14, 3), а на жертвенникѣ Афродиты въ Сивіонѣ—изъ можжевельника (Павс. II, 10, 4). Подобныя спеціальныя опредѣленія, безъ сомнѣнія, существовали и въ другихъ мѣстахъ.

При совершеніи жертвоприношеній соблюдались разныя условія, которыя вездѣ и для всѣхъ считались одинаково обязательными и не допускавшими исключеній. Къ нимъ числу прежде всего относятся *чистота*, считавшаяся безусловно необходимою для всякаго религіознаго акта. Требовалась какъ внѣшняя чистота, т. е. чистота одежды и тѣла, въ особенности рукъ, такъ и внутренняя, нравственная, которая по крайней мѣрѣ людямъ развитымъ казалась столь же, если не болѣе, необходимою, какъ и внѣшняя. Боги не принимали даже богатыхъ даровъ отъ грѣшника, обращавшагося къ нимъ съ нечистою совѣстью, тогда какъ незначительная жертва человѣка благочестиваго и справедливаго считалась богоугодною. При входѣ въ нѣкоторые храмы (напр. въ Епидаврѣ и Дельфахъ) были надписи, напоминавшія объ этомъ требованіи.

Всѣ жертвы по роду жертвуемыхъ предметовъ могутъ быть подраздѣлены на два вида: а) *безкровныя*, состоявшія изъ плодовъ, печеній и напитковъ; б) *кровныя*, при которыхъ были убиваемы животныя. Какую именно жертву слѣдовало приносить божеству въ каждомъ данномъ случаѣ и какіе при этомъ соблю-

дать обряды, — объ этомъ существовало множество спеціальныхъ правилъ и предписаній, измѣнявшихся по мѣстностямъ и храмамъ и обусловливавшихся самыми разнообразными причинами, которыхъ нерѣдко сами древніе не могли объяснить удовлетворительно; онѣ зависѣли или отъ представленій, которыя люди имѣли о томъ или другомъ божествѣ, его качествахъ и наклонностяхъ, или отъ мѣстныхъ преданій, а иногда и отъ хитрыхъ расчетовъ жрецовъ, которые посредствомъ различныхъ ритуальныхъ установленій, кромѣ ихъ самихъ мало кому извѣстныхъ, дѣлали себя необходимыми посредниками между людьми и богами. Нѣкоторые культы вообще не допускали кровавыхъ жертвъ. Такъ, напр., на аѣнскомъ акрополѣ былъ жертвенникъ Всевышняго Зевса (*Zeus Ἰπλάτος*), на которомъ нельзя было приносить въ жертву никакихъ живыхъ существъ и совершать возліанія виномъ (Павс. I, 26, 6). Неоднократно въ культѣ Музъ, Афродиты и др. боговъ упоминаются «безогненные» или «бездымныя» жертвы (*ἱερὰ ἄτορα, ἄσπυα*), которыя во всякомъ случаѣ не были кровавыми и не предавались сожженію.

Въ числѣ жертвъ безкровныхъ прежде всего упомянемъ жертвы *плодовъ*, которыя приносились въ качествѣ начатковъ (*ἀπαρχαί*) сбора съ полей, садовъ, плантацій и пр. На такія жертвы слѣдуетъ смотрѣть, какъ на древнѣйшія и наиболѣе соотвѣтствовавшія дѣтской простотѣ первобытныхъ людей, не смѣвшихъ пользоваться дарами боговъ безъ ихъ участія въ этомъ пользованіи. Начатки приносились не только тѣмъ божествамъ, которыя считались спеціальными покровителями земледѣлія вообще, или отдѣльныхъ его отраслей (Деметра, Діонисъ и др.), но и другимъ по различнымъ причинамъ. Такъ, напр., Матери боговъ во многихъ мѣстахъ приносились блюда (*κέρυνη*), на которыхъ были разложены по отдѣленіямъ разнаго рода плоды: пшеница, ячмень, горохъ, чечевица и пр. (Аѣен. XI, р. 476). Аполлону и Артемидѣ въ праздникъ *Θαργηλίων* приносились начатки плодовъ и свѣжіе хлѣббы; Аполлону же и Гѣрамъ осенью приносились начатки плодовъ подъ названіемъ *πρωόψια* (откуда получилъ свое названіе мѣсяць *Πρωοψίων*, встрѣчающійся во многихъ іоническихъ календаряхъ). Въ Аѣинахъ въ праздникъ *Осхофорій* приносились Аѣинѣ виноградныя гроздья и т. д.

Другой видъ безкровныхъ жертвъ представляютъ *печенія*, различавшіяся по приготовленію, формамъ и названіямъ (*πόπανα, κέκματα, μάζα* и т. п.). Своими формами печенія нерѣдко намекали на тѣ или другія качества или обязанности боговъ; такъ, напр.,

Артемидѣ, какъ богинѣ луны, приносились круглыя лепешки (ἀμφιφώντες) или печенія съ рогами, Аполлону — печенія въ видѣ лиры, лука, стрѣлы и т. п. Особаго упоминанія заслуживаютъ медовыя лепешки (μελίσπιττα), употреблявшіяся для умилостивленія хооническихъ силъ: ихъ клали, напр., въ гробъ умершимъ для укрощенія пса Кербера, охранявшаго входъ въ подземное царство, бросали змѣямъ при гаданіи у Трофонія (см. ниже отд. V, гл. 19, § 3), кормили ими священную змѣю на аеинскомъ агрополѣ и пр. Приносились въ жертву и другіе съѣстные припасы, какъ, напр., сыръ. Иногда жертвеннымъ печеніямъ придавали форму тѣхъ или другихъ животныхъ, и бѣдные люди приносили ихъ вмѣсто настоящихъ животныхъ, жертвовать которыхъ не позволяли имъ средства. Подобнымъ же образомъ взаи́мнъ животныхъ употреблялись иногда и плоды; напр. въ Фивахъ и въ аеинскомъ демѣ Мелитѣ вмѣсто быковъ приносили въ жертву Гераклу яблоки съ воткнутыми въ нихъ палочками, представлявшими собою ноги и рога. Печенія жертвовались всѣмъ богамъ и при томъ съ соблюденіемъ тѣхъ же обычаевъ, которые соблюдались при кровавыхъ жертвахъ: въ жертву небеснымъ богамъ они сожигались на алтаряхъ, подземнымъ богамъ и душамъ усопшихъ — на ἐσχάρα или на гробницѣ, при жертвоприношеніи морскимъ или рѣчнымъ богамъ бросались въ воду. Иногда, впрочемъ, жертвенныя печенья просто клались на алтари, откуда чрезъ нѣкоторое время жрецы собирали ихъ и употребляли въ свою пользу; это не ставилось имъ въ упрекъ, такъ какъ объяснялось тѣмъ, что божество даритъ своимъ слугамъ тѣ приношенія, въ которыхъ само не имѣетъ надобности; подобнымъ же образомъ при принесеніи въ жертву животныхъ нѣкоторыя части ихъ обязательно шли въ пользу жрецовъ подъ названіемъ ἱερώσουα.

Жертвы напитковъ или *возліянія* (σπονδαί, libationes) состояли преимущественно изъ вина, какъ употребительнѣйшаго напитка людей; при жертвоприношеніяхъ возліянія дѣлались обыкновенно чистымъ, не смѣшаннымъ съ водою виномъ; но кромѣ вина употреблялись для возліянія и разныя другія жидкости, какъ напр. вода, медъ, молоко (отсюда названія: οἶνόςπονδα, ὕδρόςπονδα, μελίσπονδα). Впрочемъ нѣкоторыя божества или совсѣмъ не допускали возліяній (Павс. I, 26, 6; VI, 20, 2), или допускали только «трезвыя» возліянія (νηφάλια), состоявшія обыкновенно изъ медовой сѣты (μελίκρατον), иногда смѣшанной еще съ молокомъ; таковы были,

напр., подземныя божества, затѣмъ Еринніи, нимфы и Музы съ матерью своей Мнемосиною. Въ честь другихъ боговъ, допускавшихъ возліанія виномъ, «трезвыя» совершались иногда въ опредѣленныхъ случаяхъ. Для возліанія въ честь умершихъ на ихъ могилахъ употреблялось *melikraton* съ молокомъ и иногда съ масломъ¹⁾. Вообще возліанія встрѣчаются у грековъ весьма часто, какъ въ соединеніи съ другими жертвами и богослужебными обрядами, такъ и отдѣльно, только съ призваніемъ боговъ. Такъ, напр., при каждомъ пиршествѣ совершались возліанія, преимущественно послѣ ѣды, предъ началомъ попойки; при этомъ случаѣ они состояли въ томъ, что нѣсколько капель вина, смѣшаннаго съ водою и приготовленнаго для питья, проливалось изъ кубка на землю, при чемъ первое возліаніе дѣлалось въ честь Гестіи или добраго дѣмона (*ἄγαθός δαίμων*), затѣмъ—въ честь Олимпійскаго Зевса и другихъ боговъ, потомъ героевъ и наконецъ Зевса спасителя.

Воскуреніе благовоній, подобно возліаніямъ, встрѣчается частію въ соединеніи съ другими кровавыми или безкровными жертвами, частію отдѣльно. Гесіодъ рекомендуетъ утромъ и вечеромъ чтить боговъ возліаніями и куреніями (см. выше стр. 63, пр. 1). Постоянное употребленіе благовонныхъ куреній при принесеніи въ жертву животныхъ первоначально, быть можетъ, обуславливалось чисто практическими причинами, именно желаніемъ уничтожить дурной запахъ, распространявшійся при вскрытіи животныхъ и при горѣніи жертвенныхъ частей, а отсюда уже могло явиться вѣрованіе, что благоуханіе само по себѣ пріятно богамъ, какъ и людямъ. Въ древнѣйшія времена для куренія употреблялась древесина и ягоды одного вида кедра (*θύος*), а потомъ, въ VII в. до Р. Хр., постепенно вошли въ употребленіе ладанъ и другія спеціи, получавшіяся изъ Азіи.

Изъ *животныхъ* въ жертву богамъ приносились чаще всего домашнія и изъ нихъ именно тѣ, которыхъ мясо употреблялось въ пищу людямъ, стало быть быки, овцы, козы и свиньи. Принесеніе въ жертву другихъ животныхъ встрѣчается гораздо рѣже и при томъ преимущественно въ опредѣленныхъ мѣстахъ и опредѣленнымъ богамъ. Такъ, лошади приносились Посидону и рѣчнымъ

¹⁾ Масло кромѣ того употреблялось для поливанія сожигаемыхъ на алтаряхъ жертвъ съ цѣлю способствовать скорѣйшему ихъ сгаранію, при чемъ уже не составляло возліанія въ собственномъ смыслѣ.

богамъ, при чемъ онѣ не убивались, а живьемъ бросались въ море или рѣку; на о. Родосѣ ежегодно бросали въ море 4-хъ лошадей въ жертву Гелиосу. Богинѣ луны Гекатѣ приносили въ жертву собакъ, будто бы потому, что онѣ лаютъ на луну; собаки же, какъ животныя сварливыя, въ Спартѣ приносились въ жертву богу войны Арею. Въ Лампсакѣ приносили ослонъ въ жертву Пріапу, а въ Дельфахъ, можетъ быть, Аполлону.

Изъ домашнихъ птицъ упоминаются пѣтухи и куры, которыхъ жертвовали Асклепію и родственнымъ ему богамъ врачеванія. Известна предсмертная фраза Сократа о необходимости пожертвовать пѣтуха Асклепію. Иногда пѣтухи приносились въ жертву и другимъ богамъ, напр. въ Спартѣ Арею въ благодарность за побѣду. Гуси также упоминаются въ числѣ жертвенныхъ животныхъ, но приносились они, кажется, только египетской богинѣ Исидѣ. Охотники посвящали Артемидѣ части дикихъ животныхъ, убитыхъ на охотѣ, но скорѣе въ видѣ священныхъ даровъ, нежели въ видѣ жертвъ, и при томъ не только съѣдобныя части (которыя, конечно, шли въ пищу жрецамъ), но и головы, шкуры, рога и т. п. Особый видъ жертвоприношенія совершался въ г. Патрахъ на ежегодномъ праздникѣ Артемиды Лафрій: на жертву ей живьемъ бросались въ пламя разные дикіе звѣри (кабаны, олени, волки, медвѣди и пр.), домашнія животныя и птицы (Павс. VII, 18, 7).

Рыбы вообще не считались годными для жертвоприношенія, однако и относительно ихъ были исключенія. Цѣнные угри изъ Копайдсеаго озера въ Беотіи нерѣдко приносились въ жертву; при ловлѣ тунцовъ рыбаки въ случаѣ хорошаго улова жертвовали Посидону первую или лучшую изъ пойманныхъ рыбъ (Аеен. VII, р. 297); Гекатѣ, Корѣ и Пріапу жертвовалась рыба *τρίγλη*, а героямъ иногда даже соленая рыба.

Однако всѣ такіе виды жертвъ могутъ быть причислены къ исключеніямъ; повсюду и постоянно приносились въ жертву только домашнія животныя, употреблявшіяся въ пищу людьми. Относительно того, какія животныя, когда и какому богу должны были приноситься, существовало множество разнообразныхъ установлений, хранившихся жрецами. Быки, коровы, бараны и овцы могли быть приносимы, какъ кажется, всегда и всякому божеству; жертвоприношеніе быка считалось самымъ роскошнымъ и пріятнымъ божеству и потому глаголъ *βοοθύσιον* иногда употребляется для обозначенія всякой важной жертвы. Свины приносились Деметрѣ и Діонису,

по объясненію древнихъ, вслѣдствіе вреда, который онѣ причиняли посѣвамъ и виноградникамъ. Тѣмъ же объясняется принесеніе козъ въ жертву Діонису; но Афина, по мнѣнію древнихъ, не любила козъ именно вслѣдствіе того, что онѣ обгрызали стволы масличныхъ деревьевъ. Герѣ жертвовали козъ только въ Спартѣ и, можетъ быть, въ Коринѣ. Посидону жертвовали преимущественно быковъ, Афинѣ—жоровъ, Артемидѣ—овецъ.

Опредѣленія относительно *качества* жертвенныхъ животныхъ также были весьма различны. Наболѣе общимъ правиломъ было то, чтобы въ жертву приносились только животныя здоровыя и свободныя отъ тѣлесныхъ недостатковъ, но даже и это правило допускало исключенія; напр. спартанцы не стѣснялись жертвовать и искалѣченныхъ животныхъ (*ἀνάπτρα*. Плат. *Алк.* II р. 149 *а*). Относительно *возраста* животныхъ встрѣчаются различныя указанія. Чаще всего приносились въ жертву животныя взрослыя (*τέλεια*), но нерѣдко и молодыя и даже молочныя (*γαλαθηνά*); у Гомера упоминаются пятилѣтніе быки и свиньи, но встрѣчаются и годовалыя телята ¹⁾; для очистительныхъ жертвоприношеній употреблялись почти исключительно молочные поросата. Что касается до *пола* животныхъ, то обыкновенно мужскимъ божествамъ приносились самцы, а женскимъ—самки; однако встрѣчаются многочисленные исключенія: напр. въ Авлидѣ, по словамъ Павсанія (IX, 19, 7), приносились Артемидѣ животныя обоеихъ половъ безразлично; въ надписяхъ также встрѣчаются примѣры принесенія богамъ самокъ, а богинямъ—самцовъ. Скорѣе всего можно думать, что нѣкоторыя божества допускали животныхъ только одного пола, а другія—обоеихъ. *Цвѣтъ* шерсти животныхъ также не былъ безразличенъ: общимъ правиломъ было то, чтобы небеснымъ богамъ приносились животныя свѣтлаго цвѣта, а подземнымъ, героямъ и душамъ усопшихъ—черныя. Такъ, въ *Ил.* III, 103 черная овечка приносится въ жертву Землѣ, а бѣлый барашекъ—Солнцу; въ *Од.* XI, 33 черныя овцы приносятся подземнымъ богамъ; въ Афинахъ черныи баранъ жертвовался Бурямъ и Посидону и т. п. Но встрѣчаются и исключенія изъ этого правила. Лошади, кажется, всегда жертвовались бѣлыя.

Въ виду столь разнообразныхъ условій, которымъ должно было удовлетворять жертвенное животное, необходимо было предвари-

¹⁾ *Ил.* II, 408; X, 292; *Од.* XIV, 419 и др.

тельно выбрать и тщательно осмотрѣть его, чтобы не обидѣть бога принесеніемъ жертвы, которая была бы ему не угодна. Само собою разумѣется, что при жертвоприношеніяхъ въ храмахъ, при которыхъ состояли жрецы, осмотръ животныхъ лежалъ на ихъ обязанности. Иногда животныя подвергались даже особымъ испытаніямъ: напр. въ Дельфахъ предлагали имъ лакомую пищу, — быкамъ ячмень, а свиньямъ горохъ, — и если они не ѣли ея, то признавались нездоровыми; козъ обливали холодною водою и, если онѣ при этомъ оставались спокойными, то также признавались негодными. Животныя, удовлетворившія всѣмъ необходимымъ для жертвоприношенія условіямъ, иногда заранѣе посвящались боже-ству и отмѣчались особыми знаками.

Относительно времени совершенія жертвоприношеній наблюдали, чтобы жертвы небеснымъ богамъ совершались утромъ, а подземнымъ, героямъ и душамъ усопшихъ — вечеромъ или ночью: боговъ, управлявшихъ земною жизнію, почитали тогда, когда она пробуждалась послѣ ночнаго отдыха, а то время, когда дневная жизнь склонялась въ концу, какъ разъ подходило для почитанія боговъ, удѣломъ которыхъ было царство смерти. Кроме того для жертвоприношеній, сопровождавшихся пиршествомъ, было совершенно естественно выбирать предобѣденное время.

Предназначенное для жертвоприношенія животное украшали повязками (*ταμίαι*) и вѣнками, рога его иногда золотили: считалось приличнымъ представить боже-ству, невидимо присутствовавшему при жертвоприношеніи, какъ бы въ праздничномъ нарядѣ то, что ему приносилось въ знакъ благодарности или для испрошенія его милостей; поэтому же сами жертвоприносители являлись не только чисто вымытыми и одѣтыми по праздничному, но и украшали себя вѣнками, по крайней мѣрѣ въ историческія времена (во времена Гомеровскія обычай увѣнчиванія людей и животныхъ при жертвоприношеніяхъ еще не существовалъ); впрочемъ, вѣнки служили не исключительно для украшенія, а также и для того, чтобы поставить совершающихъ жертвоприношеніе подъ защиту боже-ства и обезпечить ихъ неприкосновенность. Для вѣнковъ употреблялись тѣ растенія, которыя были посвящены или считались пріятными боже-ству, которому приносилась жертва: напр. маслина — при жертвоприношеніяхъ Аѳинѣ, лавръ — Аполлону, плющъ — Діонису и т. п.

Приступая къ жертвоприношенію, вокругъ алтаря слѣва направо обносили сосудъ съ водою (*χέρυψ*) и корзину, въ которой

лежали ножъ, жертвенный ячмень и вообще все нужное для обряда. Алтарь, жертвенное животное и всѣ присутствующіе въ знакъ очищенія кроплялись водою, освященною погруженіемъ въ нее горящей головни съ алтаря. Затѣмъ присутствующіе осыпали голову животнаго, подводимаго къ алтарю, поджаренными зернами ячменя (ὄλαί, у Гомера οὖλαί, οὖλοῦται, у Римлянъ *polva salsa*); это осыпаніе называлось *τροχόται*. Ячменные зерна бросались также и въ горящій на алтарѣ огонь. Считалось особенно благопріятнымъ знакомъ, если животное охотно, безъ принужденія шло къ алтарю или кивкомъ головы какъ бы давало согласіе на принесеніе себя въ жертву; для того, чтобы заставить его кивнуть головою, иногда вливали ему воду въ уши (схол. Аполл. Род. I, 415). Когда животное стояло уже у алтаря, у него отрѣзывали клокъ шерсти съ головы и раздавали эту шерсть присутствующимъ, которые бросали ее въ огонь въ знакъ обреченія животнаго на жертву (*κατάρχεσθαι*).

По окончаніи этихъ предварительныхъ обрядовъ глашатай словомъ «*εὐφραίνετε*» приглашалъ присутствующихъ къ благоговѣйному молчанію и при звукахъ флейты обращалъ къ божеству молитву о благосклонномъ принятіи жертвы. Затѣмъ приступали къ убіенію животнаго. Оно производилось различнымъ образомъ; смотря по тому, какому божеству приносилась жертва; обыкновенно животное оглушали и повергали на землю ударомъ дубины или обука, затѣмъ, если жертвоприношеніе совершалось въ честь одного изъ небесныхъ боговъ, голову животнаго загибали еверху и жертвеннымъ ножемъ перерѣзывали его горло, а при жертвоприношеніи подземнымъ богамъ голову пригибали къ землѣ и ударъ ножа направляли въ затылокъ. Вытекающую кровь принимали въ подставленный сосудъ и выливали на жертвенникъ. Присутствующія женщины сопровождали убіеніе животнаго воплями (*ὀλολογῆν*), чтобы заглушить его ревъ; съ этою же цѣлью музыканты играли на флейтѣ. Пѣніе пѣановъ также было въ обычаѣ при жертвоприношеніяхъ. Съ убитаго животнаго снимали шкуру, тушу его разнимали на части и отдѣляли тѣ изъ нихъ, которыя предназначались для сожженія (*θωρορία*). Въ Гомеровскія времена сожигались бедровныя части (*μηρία*) съ большимъ или меньшимъ количествомъ мяса, а въ историческія времена—чаще всего хребетъ или задняя его часть вмѣстѣ съ хвостомъ и кромѣ того внутренности.

Вырѣзанныя части и внутренности обвертывали жиромъ, сверху прибавляли еще куски мяса отъ различныхъ частей тѣла (*ὀμοδετεῖν*),

клали на жертвенникъ и сожигали вмѣстѣ съ печеніями, совершая при этомъ возліанія и куренія благовоній и поливая жертвенникъ масломъ. Части мяса, не сожженныя въ честь боговъ, употреблялись для пиршества; всѣ участники жертвоприношенія отвѣдывали жареныхъ внутренностей (*σπλάγχνα*) животного и получали части жертвеннаго мяса (*κρεατομεία, μερίδας διανεμαίν*); вкушеніе его означало участіе въ жертвоприношеніи; поэтому-то христіане во время гоненій на нихъ были принуждаемы вкушать его. Было въ обычаѣ посылать части мяса отсутствующимъ друзьямъ, а при общественныхъ жертвоприношеніяхъ отдѣлялись части должностнымъ лицамъ государства и заслуженнымъ гражданамъ и иностранцамъ. Если жертвоприношеніе совершалось въ храмѣ при содѣйствіи жреца, то ему отдѣлялись различныя части мяса подъ названіемъ *ἱερόσουα*; въ надписяхъ, касающихся богослужебныхъ обрядовъ, встрѣчаются подробныя опредѣленія относительно того, какія именно части поступали въ пользу жреца ¹⁾. Остальное мясо употреблялось для приготовления пиршества. При нѣкоторыхъ жертвоприношеніяхъ въ храмахъ обычай требовалъ не брать съ собою мясо домой; въ нѣкоторыхъ святилищахъ существовали на этотъ счетъ спеціальныя установленія, встрѣчающіяся въ надписяхъ ²⁾.

Праздничныя жертвоприношенія, совершавшіяся на общественный счетъ (*θεοαὶ δημοτελεῖς*) и состоявшія изъ значительнаго количества животныхъ, часто соединялись съ угощеніемъ народа (*δημοδοκία, ἐστίασις*). Количество убиваемыхъ въ такихъ случаяхъ животныхъ иногда бывало весьма велико; извѣстно, напр., что въ Афинахъ въ праздникъ Мараеонской побѣды ежегодно убивалось по 500 козъ. На о. Делосѣ въ 377 г. для жертвоприношенія въ праздникъ Аполлона было куплено 109 быковъ ³⁾. Въ Афинахъ при нѣкоторыхъ праздникахъ выручались весьма значительныя суммы *ἐκ τοῦ δερματικῶ*, т. е. отъ продажи шкуръ жертвенныхъ животныхъ, по-

¹⁾ См. напр. Dittenberger, *Syll. inscr. gr.* №№ 371, 373, 376, 378, 379 и др.

²⁾ Въ видѣ примѣра приводимъ надпись изъ одного неизвѣстнаго святилища Аскленія и Гигіен въ Атикѣ, изданную нами въ *Журн. М. Н. Просв.* за мартъ 1881 г. (=Dittenb. *Syll.* № 378): Ἱερὸν τὸ τέμενος τοῦ Ἀσκληπιοῦ καὶ τῆς Ἰγμίας. Θύειν τοὺς γεωργοὺς καὶ τοὺς προσχώρους τοῖν θεοῖν ἢ θέμις καὶ τὰς μοῖρας νέμειν τῷ τε εἰσαμένῳ καὶ τῷ θεηκολοῦντι, τῶν δὲ κρεῶν μὴ φέρεσθαι. Ср. также Оропскій жертвенный уставъ, изд. въ 'Εφημ. ἀρχαιολ. 1885 стр. 93, и Dittenberger, *Syll.* № 373.

³⁾ C. I. Att. II, 814=Dittenberger, *Syll.* № 70.

ступавшихъ въ пользу государства ¹⁾. Слово *ἐκατόμβη*, обозначававшее въ собственномъ смыслѣ жертву изъ 100 быковъ, часто употреблялось вообще для обозначенія такихъ большихъ жертвъ и при томъ состоявшихъ не только изъ быковъ, но и изъ мелкаго скота. У авторовъ и въ надписяхъ встрѣчаются и другія названія по числу жертвенныхъ животныхъ, напр. *δωδεκαίς*, *τρίττοα* или *τρίττοα* и т. п. При нѣкоторыхъ праздникахъ устраивались для боговъ настоящія пиршества: ихъ статуи возлагались на разукрашенные ложа, передъ которыми ставились богато убранные столы съ кушаньями и напитками. Такіе праздники, называвшіеся *θεοξένια*, (лат. *lectisternia*), устраивались особенно Диоскурамъ, но также и другимъ божествамъ, напр. Гераклу, Деметрѣ, Діонису.

Описанные до сихъ поръ обряды соблюдались при простыхъ жертвоприношеніяхъ (*ἀπλῶς θούμενα*), имѣвшихъ цѣлью только выразить благодарность богамъ за доставляемые ими блага, или снискать ихъ благосклонность на будущее время (*χαριστήρια*, *ἀρεστήρια*). При нихъ боги и люди сообща пользовались принесенными въ жертву животными; эта общность пользованія служила и извиненіемъ въ убіеніи животного или оправданіемъ его: сами древніе говорятъ, что въ архаическія времена убіеніе животного съ цѣлью употребленія въ пищу его мяса считалось непозволительнымъ; при этомъ весьма вѣроятно, что ранѣе всего стали убивать свиней, которыя доставляютъ только мясо ²⁾, и лишь гораздо позднѣе рѣшились убивать и такихъ животныхъ, которыя и при жизни доставляютъ человѣку пользу разными продуктами (шерстью, молокомъ и т. п.) или помощью при трудахъ человѣка, какъ напр. вола, коровы, овцы и козы. Убіеніе рабочаго быка издревле считалось преступленіемъ, которое нельзя было оставлять безнаказаннымъ; на это указываетъ, между прочимъ, особый обрядъ, совершавшійся въ Аѳинахъ въ праздникъ Діиполій или Буфоній (см. ниже въ концѣ гл. 16-й). Въ г. Линдѣ на о. Родосѣ во время праздника Геракла также приносились въ жертву рабочіе вола,

¹⁾ Сохранилось нѣсколько обломковъ надписей времени оратора Лигурга (330-хъ годовъ до Р. Х.) съ перечисленіемъ этихъ суммъ, поступавшихъ въ священную казну (С. I. Att. II, № 741=Dittenb. *Syll.* № 374).

²⁾ Varro *de re rust.* II, 4, 9: A suillo genere immolandi initium primum sumptum videtur.—Cic. *de nat. d.* II, 64: Sus vero quid habet praeter escam? cui quidem ne putresceret, animam pro sale datam dicit esse Chrysippus, quae pecude quod erat ad vescendum hominibus apta, nihil genuit natura fecundius.

но при этомъ вмѣсто благоговѣйнаго молчанія (*εὐφημία*) раздавались порицанія и проклятiя присутствующихъ противъ жертвоприносителей (Lact. *inst. Chr.* I, 21, 31; Филостр. *Imag.* II, 24). Вѣроятно подобныя обряды существовали и въ другихъ мѣстахъ.

Были, однако, случаи, въ которыхъ общее пользованiе людей и боговъ мясомъ животнаго было невозможно по тѣмъ или другимъ причинамъ. Такъ было, напр., при принесенiи въ жертву животныхъ, мясо которыхъ не употреблялось въ пищу людьми, или при жертвоприношенiяхъ подземнымъ богамъ, которые, будучи удалены отъ свѣта и царствуя надъ мертвыми, не могли раздѣлять съ людьми жизненныхъ удовольствiй. Въ такихъ случаяхъ животное цѣликомъ посвящалось божеству и сжигалось безъ остатка (жертва всеожженiя: *ὀλοκαύστα*, *ὀλοκαύσματος*), или живымъ предавалось стихiи божества (напр. при жертвоприношенiи Посидону лошади живьемъ бросаемы были въ море). При жертвоприношенiяхъ подземнымъ богамъ кровь животнаго выливалась въ яму и такимъ образомъ сходила въ подземное царство, туша разрѣзывалась на куски и сжигалась на жертвенникѣ, а затѣмъ пепель сбрасывался въ ту же яму или зарывался подлѣ нея. Подобнымъ же образомъ поступали при жертвоприношенiи героямъ или душамъ усопшихъ.

Кромѣ описанныхъ простыхъ жертвоприношенiй были, такъ сказать, *спеціальныя*, совершавшiяся съ какою-либо опредѣленною цѣлью или при опредѣленныхъ случаяхъ, именно: а) гадательныя, б) клятвенныя и договорныя, в) очистительныя и умиловительныя. Первый видъ жертвъ, впрочемъ, не отличался отъ простыхъ какими-либо особыми обрядами; при нихъ главное вниманiе обращалось на изслѣдованiе внутренностей животнаго съ цѣлью вывести изъ тѣхъ или другихъ признаковъ предсказанiе относительно исхода задуманнаго предпрiятiя. О самихъ гаданiяхъ по внутренностямъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ (отд. V, гл. 18), а здѣсь замѣтимъ только, что этотъ родъ гаданiй былъ весьма распространенъ у грековъ, особенно во время войны; иногда такое жертвоприношенiе по обстоятельствамъ должно было совершаться съ такою поспѣшностью, что о строгомъ соблюденiи всѣхъ вышеописанныхъ обрядовъ нельзя было и думать; главная цѣль жертвоприношенiя считалась достигнутою, лишь только получались благополучныя знаменiя для предпрiятiя.

Клятвенныя жертвоприношенiя также были очень распростра-

нены какъ въ государственномъ быту, такъ и въ частномъ (особенно при судебныхъ процессахъ). Главною цѣлью ихъ было сдѣлать боговъ свидѣтелями клятвы; а такъ какъ боги, по общераспространенному вѣрованію, невидимо присутствовали при всякихъ жертвахъ, какъ большихъ, такъ и малыхъ, то въ большинствѣ случаевъ одно возліаніе (для котораго употреблялось цѣльное, не смѣшанное съ водою вино) считалось достаточною жертвою при клятвѣ; однако иногда встрѣчались и болѣе значительныя клятвенныя жертвы, сопровождавшіяся символическими обрядами (см. выше стр. 70).

Символизмъ лежалъ также въ основѣ жертвоприношеній очистительныхъ и умиловительныхъ: преступленія и грѣхи человѣка были переносимы на жертвенное животное, которое какъ бы искупало ихъ своею смертію. Поэтому и въ такихъ случаяхъ мясо жертвы не сжигалось и не употреблялось въ пищу, а зарывалось въ землю или бросалось въ море, и для жертвоприношенія употреблялись иногда несъѣдобныя животныя, какъ напр. собаки.

Въ заключеніе замѣтимъ, что въ древнѣйшія времена въ Греціи, безъ сомнѣнія, совершались и человѣческія жертвоприношенія; на это указываютъ какъ мѣны (о Танталѣ, Ликаонѣ, Ифигеніи, Поликсенѣ, потомкахъ Агаманта и др.), такъ и прозвища нѣкоторыхъ боговъ, напр. *Ζεὺς Λαφύστιος*, *Ἐράδιος*, или *Διόνυκος Ἐμφύστις*, *Ἀγριώνιος*. Въ историческія времена такія жертвоприношенія въ большинствѣ случаевъ были отмѣнены или совершались только символически, но нѣкоторыя продолжали существовать (напр. въ Аркадіи на Ливейской горѣ. Плат. *Госуд.* VIII, p. 565; Теофрастъ у Порф. *de abst.* II, 27; Павс. VII, 38, 5).

О жертвоприношеніяхъ кромѣ общихъ сочиненій по богослуж. древностямъ см. *P. Stengel*, *Quaestiones sacrificales*, Berl. 1879. — Нѣсколько статей того же автора по разнымъ вопросамъ, относящимся къ жертвоприношеніямъ, помѣщено въ журналахъ: *Neue Jahrbücher für kl. Philol. und Pädagogik* (т. 119, 123, 125, 127, 143), *Hermes* (т. 16, 17, 21, 25, 27, 28, 29, 31), *Philologus* (т. 39) и др. — *O. Schmidt*, *Die Opfer in der Jahvereligion und im Polytheismus*, diss. Hal. 1877. — *Fr. Deneken*, *De theoxeniis*, Berl. 1881. — *H. von Fritze*, *De libatione veterum Graecorum*, Berl. 1893. — *Его же*, *Die Rauchopfer bei d. Griechen*, Berl. 1894. — О человѣческихъ жертвоприношеніяхъ: *H. G. Vent*, *De hostiis humanis antiquo maxime tempore immolatis*, Vimar. 1826 и 1834. — *R. Suchier*, *De victimis humanis apud Graecos*, Hanov. 1848. — *Л. Ф. Воеводскій*, *Каннибализмъ въ греческихъ мѣахъ*, Спб. 1874.

ГЛАВА 12-я.

Праздничныя пѣсни, пляски, игры и процессіи.

Познакомившись съ главнѣйшими выраженіями богопочитанія древнихъ еллиновъ, обратимся къ такимъ проявленіямъ ихъ религіознаго настроенія, которыя или также входили въ составъ бого-служебныхъ обрядовъ, но не были ихъ непремѣнною, существенною принадлежностью, или просто считались дѣйствіями богоугодными и въ качествѣ таковыхъ являлись обычнымъ препровожденіемъ времени въ праздничные дни. Сюда принадлежатъ религіозныя пѣсни, пляски, торжественныя процессіи и, наконецъ, различнаго рода состязанія.

Религіозныя пѣсни, содержація въ себѣ хвалу боговъ и героев (*ἐυχόμενα*) или обращенія къ нимъ просьбы, наряду съ молитвами составляли обычную принадлежность жертвоприношеній. Ихъ возникновеніе восходитъ къ глубокой древности. Миѳическіе пѣвцы Олень, Линъ, Памфъ, Орфей въ преданіи являются первыми авторами религіозныхъ пѣсенъ; Мусей также считался авторомъ одного гимна къ Деметрѣ ¹⁾. Въ историческія времена въ этомъ родѣ поэзіи отличались Стесихоръ и Евмелъ; Сократъ, по преданію, написалъ гимнъ въ честь Аполлона и Артемиды (Диог. Л. II, 5, 42). Особеннаго развитія достигла религіозная поэзія въ культѣ Аполлона; именно въ Дельфахъ, по преданію, впервые стали раздаваться религіозныя гимны, которые оттуда и распространились по всей Елладѣ. Слово *ἕρμος* было общимъ наименованіемъ религіозныхъ пѣсенъ значительнаго объема, хотя въ своемъ спеціальномъ значеніи оно обнимало только такія пѣсни, которыя исполнялись стоящимъ хоромъ подъ аккомпаниментъ кѳеары. Спеціальными названіями пѣсни различались частію по формамъ композиціи, частію по способу исполненія, частію по божествамъ, въ честь которыхъ онѣ слагались; однако границы разныхъ видовъ не всегда являются строго опредѣленными, и названія ихъ были очень не устойчивы. *Διδόρατος* первоначально принадлежалъ исключительно культу Діониса и отличался свободными ритмами и живымъ, часто даже энтузіастическимъ характеромъ. Пѣвцу Аріону приписывается

¹⁾ Павс. IX, 27, 2; 30, 12; VII, 21, 9; I, 22, 7.

искусственная обработка диеирамба для исполненія многочленнымъ хоромъ, двигавшимся вокругъ алтара, на которомъ совершалось жертвоприношеніе (*χεροὶ κόκλιοι*). Прасодиа были пѣсни,* исполнявшіяся во время процессій и написанныя въ такомъ ритмѣ, который наиболѣе подходилъ къ мѣрному, торжественному маршу. Ὑπορχήματα назывались пѣсни, сопровождавшіяся мимическими плясками, соотвѣтствовавшими содержанію пѣсни. Именемъ παιῆνες первоначально обозначались пѣсни къ Аполлону и Артемидѣ, выразившія или мольбу объ отвращеніи золь, или благодарность за оказанныя милости; однако это названіе употреблялось и въ болѣе широкомъ значеніи, обозначая пѣсни въ честь другихъ боговъ, такъ что нельзя уже съ точностью распознать, въ чемъ состоялъ отличительный характеръ пѣна. Они пѣлись при весьма разнообразныхъ событіяхъ общественной и частной жизни: на войнѣ передъ битвою, при отправленіи флота въ экспедицію, на пиряхъ и пр. Есть много и другихъ названій пѣсенъ въ честь опредѣленныхъ божествъ, какъ напр. ὀπιγγος въ честь Артемиды (повидимому отъ ея прозвища Ὀπίς), Ἴουλος въ честь Деметры какъ подательницы жатвы (ὀβλος—снопъ) и пр.¹⁾ Нѣкоторыя изъ нихъ, быть можетъ, скорѣе принадлежали къ классу народныхъ пѣсенъ религіознаго характера, чѣмъ къ гимнамъ, исполнявшимся при богослужебныхъ обрядахъ. Вообще нужно замѣтить, что гимны пѣлись не только при жертвоприношеніяхъ и другихъ религіозныхъ обрядахъ, но и при разныхъ другихъ случаяхъ, когда желательно было вымолить покровительство боговъ или поблагодарить ихъ за ниспосланныя милости. Быть можетъ каждый храмъ или, по крайней мѣрѣ, важнѣйшіе изъ нихъ имѣли свои особые гимны съ опредѣленными напѣвами (*νόμοι*).

Религіозныя пѣсни исполнялись обыкновенно подъ аккомпаниментъ китары или флейты²⁾ цѣлыми хорами или солистами (*ὀρχηδοί, ὀρχητρίαι, ὀρχητρίδας*). Нерѣдко выступало по нѣскольку хоровъ или солистовъ и исполненіе принимало характеръ состязанія, при чемъ побѣдители получали призы. Бывали также и состязанія чисто музыкальныя. Вообще музыка, подобно пѣнію, составляла обычную

¹⁾ Полид. I, 38: Αἱ δὲ εἰς θεοὺς φθαῖ κοινῶς μὲν παιῆνες, ὄμοι, ἰδίως δὲ Ἄρτεμιδος ὄμοι, ὀπιγγος, Ἄπολλωνος ὁ παιῆν, ἀμφοτέρων προσοδία, Διονύσου διθύραμβος, Δήμητρος Ἴουλος κτλ.

²⁾ Китара была особенно употребительна въ культѣ Аполлона, а флейта—въ культѣ Діониса.

принадлежность богослужебныхъ обрядовъ, въ особенности жертвоприношенія, какъ это видно и изъ сохранившихся памятниковъ искусства ¹⁾. Музыкальныя пьесы, исполнявшіяся при жертвоприношеніяхъ (*проо́imia*, *проσόδια*, *τρονόδια*), отличались строгою опредѣленностью композиціи, соотвѣтственно характеру каждаго культа.

Мы уже замѣтили, что иногда хоры при исполненіи гимновъ совершали движенія вокругъ алтаря. Нерѣдко эти движенія принимали характеръ настоящей пляски, совершавшейся подъ тактъ пѣнія и музыки. Такое соединеніе пѣнія съ пляскою часто встрѣчается въ еллинской религіи, начиная съ глубокой древности, и объясняется тѣмъ, что художественное чувство еллинскаго народа именно въ пляскѣ видѣло наиболѣе совершенное выраженіе того настроенія, которое производила въ человѣкѣ его близость къ божеству при исполненіи религіозныхъ обрядовъ или вообще въ праздничное время ²⁾. Пляска представляла собою гармоническое сочетаніе движеній не только ногъ, но и всѣхъ частей тѣла, и обыкновенно имѣла мимическій, подражательный характеръ (Плат. *Зак.* VII р. 795e), выражавшій значеніе праздника съ наглядностью живой картины. Такъ, напр., критскіе еуреты въ своихъ дикихъ вооруженныхъ пляскахъ изображали средства, употребленныя Реєю для того, чтобы обмануть Крона и спасти ребенка Зевса отъ участи, постигшей его братьевъ (Страб. X р. 470). Делосская пляска *γέρανος* изображала выходъ *Θεσεία* изъ критскаго лабиринта послѣ убіенія Минотавра (Плут. *Θεσ.* 21; Полид. IV, 101). Упоминаются также пляски, представлявшія Крона пожирающаго дѣтей, Семелу убитую молніей Зевса, приключенія Діоскуровъ или безуміе Эанта, при чемъ подражаніе доходило до того, что исполнители пляски казались настоящими безумными (Лук. *De salt.* 83). Содержаніе плясокъ бралось обыкновенно изъ круга мифовъ, относящихся въ данному культу; но въ нѣкоторыхъ культахъ, особенно въ Діонисовомъ, отличавшемся живымъ и веселымъ характеромъ, предметомъ мимическихъ представленій въ пляскахъ уже рано стали служить сцены изъ другихъ мифовъ и даже изъ обыденной жизни, при чемъ подражаніе еще усиливалось соотвѣтствующими

¹⁾ Были, однако, культы (напр. въ Аоннахъ культъ Евмениды), при которыхъ пѣніе и музыка совершенно не употреблялись.

²⁾ Подобное же значеніе имѣла пляска у древнихъ евреевъ: вспомнимъ пляску царя Давида предъ вивотомъ завѣта.

представленію переодѣваніями участниковъ, и отсюда-то постепенно развились разные виды греческой драмы (см. ниже отд. VI).

Изъ плясокъ военнаго характера, совершавшихся въ вооруженіи, заслуживаетъ особеннаго упоминанія *πορρίχη*, встрѣчающаяся довольно часто и во время праздниковъ служившая предметомъ состязаній. Во время праздниковъ женскихъ божествъ пляски исполнялись обыкновенно дѣвцами.

Кромѣ вышеуказанныхъ родовъ состязаній, тѣсно связанныхъ съ сущностью богослужебныхъ обрядовъ, на греческихъ праздникахъ были весьма широко распространены состязанія въ различныхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, состоявшихъ или въ управленіи конями и колесницами (*ἀγῶνες ἵπλικοί*), или въ разнообразныхъ доказательствахъ физической силы и ловкости (*ἀγῶνες γυμνικοί* отъ прил. *γυμνός*, такъ какъ участники состязаній являлись совершенно обнаженными). Эти состязанія или игры не были простымъ развлеченіемъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ религіозными обрядами; они входили въ составъ празднествъ, какъ ихъ существенная часть, и носили священный характеръ. Причина этого кроется въ широко развитомъ эстетическомъ чувствѣ еллиновъ, въ глубокомъ пониманіи ими всего прекраснаго и изящнаго. Физическая красота, сила и ловкость казались имъ божественными дарами, и потому такія упражненія, въ которыхъ эти дары могли быть обнаруживаемы съ особенною ясностью, представлялись имъ однимъ изъ наилучшихъ способовъ выразить свое почтеніе къ божеству и доставлять ему удовольствіе; все, что служило къ развитію и увеличенію красоты, принимало въ ихъ глазахъ божественный характеръ. «Нѣтъ высшей славы для человѣка,—воскликаетъ Лаодамантъ въ «Одиссеѣ» (8, 147),—чѣмъ та, что онъ умѣетъ дѣйствовать ногами и руками».

Самое учрежденіе нѣкоторыхъ игръ возводили къ богамъ и героямъ: такъ, Аполлонъ считался учредителемъ Писійскихъ игръ, Гераклъ—Олимпійскихъ; боги и герои, по преданіямъ, принимали участіе въ состязаніяхъ и почти каждый видъ ихъ имѣлъ въ томъ или другомъ героѣ своего совершеннѣйшаго представителя. Касторъ отличался въ конномъ ристаніи, Полидевкъ—въ кулачномъ бою Калаисъ—въ двойномъ бѣгѣ, Гераклъ—въ панкратіи, Пелей—въ борьбѣ, Теламонъ—въ метаніи диска, Фесей—въ вооруженномъ бою. И помимо этихъ преданій мы имѣемъ доказательства того, что возникновеніе игръ восходитъ къ глубокой древности: онѣ

неоднократно упоминаются уже в Гомеровских поэмах, хотя здѣсь не стоятъ еще въ тѣсной связи съ культомъ того или другаго божества: одни состязанія были устроены Ахилломъ на тризвѣ Патрокла (*Ил.* 23), другія — фэакійскимъ царемъ Алкиноемъ въ честь прибытія Одиссея (*Од.* 8, 100 сл.). Наградю побѣдителямъ служили здѣсь цѣнные призы ($\alpha\theta\lambda\alpha$), тогда какъ въ историческія времена въ большинствѣ случаевъ побѣдители получали вѣнки ($\acute{\alpha}\gamma\omega\nu\epsilon\varsigma$ $\sigma\tau\epsilon\phi\alpha\nu\acute{\iota}\tau\alpha\iota$ или $\sigma\tau\epsilon\phi\alpha\nu\eta\phi\acute{o}\rho\omicron\upsilon$); впрочемъ древніе говорятъ, что въ Дельфахъ и въ Олимпіи первоначально также выдавались цѣнные призы (Павс. X, 7, 3); въ историческія времена рядомъ съ $\acute{\alpha}\gamma\omega\nu\epsilon\varsigma$ $\sigma\tau\epsilon\phi\alpha\nu\acute{\iota}\tau\alpha\iota$ продолжали существовать $\acute{\alpha}\gamma\omega\nu\epsilon\varsigma$ $\chi\rho\eta\mu\alpha\tau\acute{\iota}\tau\alpha\iota$ (или $\acute{\alpha}\rho\gamma\upsilon\rho\acute{\iota}\tau\alpha\iota$, $\theta\epsilon\mu\alpha\tau\iota\kappa\omicron\iota$) съ денежными наградами побѣдителямъ, особенно часто встрѣчающіеся въ императорскую эпоху. Какъ извѣстно, особеннаго развитія достигла гимнастика у дорійцевъ, у которыхъ она была краеугольнымъ камнемъ въ дѣлѣ воспитанія юношества. Первые побѣдители на Олимпійскихъ играхъ почти всѣ были изъ дорійцевъ.

Что касается до родовъ состязаній, то изъ числа конныхъ Гомеровскія поэмы упоминаютъ только скачку на парныхъ колесницахъ ($\sigma\omega\phi\acute{\omicron}\rho\acute{\iota}\varsigma$), къ которой вполнѣ были прибавлены разные другіе виды (см. ниже); напротивъ, изъ гимническихъ состязаній въ поэмахъ называются нѣкоторыя такія, которыя позднѣе или совсѣмъ не были въ употребленіи, или встрѣчаются лишь изрѣдка, какъ напр. вооруженная борьба ($\beta\pi\lambda\omicron\mu\alpha\chi\acute{\iota}\alpha$, *Ил.* 23, 798—825), стрѣльба изъ лука и метаніе желѣзныхъ ядеръ (*Ил.* 23, 826 сл.).

Въ историческія времена главными видами гимническихъ состязаній были: бѣгъ, прыганье, метаніе диска и копья, борьба и кулачный бой, а кромѣ того соединенія двухъ или нѣсколькихъ изъ этихъ видовъ — $\kappa\alpha\chi\rho\acute{\alpha}\tau\iota\omicron\nu$ и $\pi\acute{\epsilon}\nu\tau\alpha\theta\lambda\omicron\nu$. *Бѣгъ* ($\delta\rho\acute{o}\mu\omicron\varsigma$) въ свою очередь подраздѣлялся на нѣсколько видовъ; простѣйшимъ и древнѣйшимъ состязаніемъ былъ *обыкновенный бѣгъ* ($\sigma\tau\acute{\alpha}\delta\iota\omicron\nu$), при которомъ нужно было пробѣжать въ перегонку опредѣленное пространство, обыкновенно 1 стадій=600 греч. футовъ (Gell. *N. A.* I, 1, 2), откуда и самое названіе этого бѣга; для юношей ($\acute{\alpha}\gamma\acute{\epsilon}\nu\epsilon\iota\omicron\iota$), мальчиковъ и дѣвицъ это пространство уменьшалось (Пл. *Зак.* VIII р. 833с; Павс. V, 16, 2). Въ мѣстностяхъ, гдѣ игры періодически повторялись, устраивалось для бѣга особое, точно вымѣренное ристалище, носившее также названіе $\sigma\tau\acute{\alpha}\delta\iota\omicron\nu$. Позднѣе введенъ былъ *двойной бѣгъ* ($\delta\acute{\iota}\alpha\upsilon\lambda\omicron\varsigma$), при которомъ нужно было про-

бѣжать стадій отъ начала до конца и обратно, и длинный или *продолжительный бѣгъ* (δολιχός), участники котораго (δολιχοδρόμοι) должны были нѣсколько разъ (отъ 7 до 12 и даже до 24) бѣжать стадій. Съ развитіемъ военнаго искусства и ловкости былъ введенъ еще *бѣгъ въ вооруженіи* (ὀπλιτῶν δρόμος; участники — ὀπλιτοδρόμοι); существовалъ еще особый видъ бѣга, при которомъ атлетъ становился на колесницу и затѣмъ, когда лошади были пущены вскачь, соскакивалъ съ нея и состязался въ бѣгѣ съ лошадьми (участники такого бѣга назывались ἀποβάται, Плут. *Фок.* 20, или ἀναβάται, Павс. V, 9, 2). Наконецъ сюда же принадлежитъ *бѣгъ съ факелами* (λαμπάς, λαμπαιοδρομία), совершавшійся во многихъ городахъ въ праздники, посвященные богамъ свѣта или огня (напр. въ Афинахъ въ праздники Афины, Гефѣста, Прометея и еракійской богини Бендиды); участники бѣга, держа въ рукахъ зажженные восковые факелы (которые легче могли гаснуть, нежели смоляные), должны были или добѣжать до цѣли, не погасивъ факела (Павс. I, 30, 2), или, пробѣжавъ извѣстное пространство, передать горящій факель другимъ свѣжимъ атлетамъ (Герод. VIII, 98 и мн. др.).

Прыганье (ἄλμα) совершалось такимъ образомъ, что состязавшіеся становились на возвышеніе (βατήρ) и съ него прыгали вдаль, при чемъ обмененно не дѣлали разбѣга, а только передъ прыжкомъ размахивали въ рукахъ свинцовыя гири (ἀλκτήρες) для того, чтобы придать бѣльшій размахъ тѣлу ¹⁾. При этомъ или отмѣчалось бороздой (σκάμμα) пространство, которое слѣдовало перепрыгнуть, или измѣрялась длина прыжка каждаго атлета. По свидѣтельству древнихъ она достигала иногда 50 и даже 55 греч. футовъ.

Дискомъ (δίσκος) назывался металлическій кружокъ, сплюснутый по краямъ въ видѣ чечевицы, цѣльный или просверленный по срединѣ. При состязаніяхъ, конечно, всѣ участники брали диски одинаковаго вѣса (средній вѣсъ—ок. 5 фунтовъ). Они становились на небольшое возвышеніе (βαλβίς) и, размахнувшись изъ всѣхъ силъ (иногда для увеличенія силы размаха употреблялся особый ремень, см. Евст. *ad Odys.* IV, 626), старались метнуть дискъ какъ можно далѣе впередъ. Отмѣчалось только мѣсто перваго паденія диска на землю, на рикошеты не обращали вниманія. Съ положеніемъ

¹⁾ Нѣсколько такихъ ἀλκτήρες сохранилось до нашихъ временъ, нѣкоторые даже съ надписями.

тѣла, принимаемымъ при метаніи, и способомъ размаха знакомятъ насъ сохранившіеся античныя статуи дискоболовъ.

Искусство метанія копья (*ἀκοντισμός*) изучалось преимущественно для военныхъ цѣлей, но также входило и въ составъ праздничныхъ состязаній. Копье обыкновенно метали въ опредѣленную цѣль, но иногда просто какъ можно далѣе впередъ.

Борьба (*πάλη*) требовала наибольшаго упражненія и потому составляла существеннѣйшую часть греческой гимнастики, тѣмъ болѣе, что принадлежала къ самымъ любимымъ видамъ состязаній. Она начиналась стоя (*πάλη ὀρθή*): борцы схватывались другъ съ другомъ и старались или повалить противника на землю, или обезсилить вѣрными объятіемъ, выворачиваніемъ рукъ и т. п. Поваленный на землю могъ всетаки продолжать борьбу до полного изнеможенія; но кто былъ поваленъ три раза сряду (*τριάσειν*), тотъ долженъ былъ отказаться отъ дальнѣйшаго состязанія. Обнаженные тѣла борцовъ предъ началомъ состязанія намазывались масломъ (*ἀλείφουσαι*) и посыпались мелкимъ пескомъ, отъ чего трудность борьбы значительно увеличивалась.

При *кулачномъ боѣ* (*πυγμή*) руки бойцовъ для усиленія ударовъ обвивались ремнями (*μάντες*, *caestus*), которые иногда снабжались еще металлическими пуговицами или шариками (*σφαῖρα* или *μύρμηξ*; ремни безъ этого тяжелаго и опаснаго приспособленія назывались мягкими, *μελίχη*). Увлеченіе бойцовъ сдерживалось предписаніями, по которымъ противники не могли таскать или обхватывать другъ друга, или пускать въ ходъ ноги. Удары направлялись преимущественно на верхнюю часть тѣла противника, такъ что болѣе всего страдали лицо, уши и зубы. Бой продолжался съ промежутками до полного изнеможенія одного изъ противниковъ. Особенною ловкостью считалось, если боецъ доводилъ противника до изнеможенія только тѣмъ, что парировалъ его удары, а самъ не наносилъ ихъ.

Пахрѣтійон называлось сложное состязаніе, состоявшее изъ борьбы съ кулачнымъ боемъ, а *пентаθλον*—соединеніе пяти видовъ состязаній, именно бѣга, прыганья, борьбы и метанія копья и диска ¹⁾, при чемъ побѣдителемъ обыкновенно признавался тотъ, кто одолевалъ противника по крайней мѣрѣ въ 3-хъ состязаніяхъ, хотя

¹⁾ Состязанія, входящія въ составъ пентаэла, перечисляются въ слѣдующихъ *versus memoriales*. Симон. епигр. 155: ἄλμα, ποδωκείην, δίσκον, ἄκοντα, πάλην. Схол. Плат. 384: πάλη, σίγυρονος, ἄλμα, δίσκος καὶ δρόμος.

иногда достаточно было и двухъ побѣдъ при извѣстныхъ условіяхъ.

Древнѣйшимъ видомъ конскихъ ристаній былъ, какъ мы уже замѣтили, бѣгъ колесницъ, запряженныхъ парю (συνάρις) взрослыхъ коней (ἴπλοι τέλειοι, ἀθηφαῖοι). Колесницы, употреблявшіяся для ристаній, были двухколесныя, открытыя сзади и очень легкія, похожія на военныя колесницы героическихъ временъ ¹⁾. Для бѣга устраивалось особое ристалище (ἵπποδρόμος), которое колесницы должны были обогнуть нѣсколько разъ (въ Олимпіи 12 разъ). Въ историческія времена особенно были въ ходу состязанія колесницъ, запряженныхъ четверкою (τέθριππον, ζεύγος или просто ἄρμα) взрослыхъ лошадей, а также и молодыхъ (πῶλων ἄρμα), которыя должны были, конечно, скакать меньше, чѣмъ взрослые; затѣмъ были состязанія колесницъ, запряженныхъ мулами (ἡμίονοι; четверка муловъ называлась ζεύγος ὀνικόν, запряженная ими колесница—ἀπήνη), верховыя скачки на взрослыхъ (ἵππος κέλῃς) и молодыхъ лошадяхъ (πῶλος κέλῃς), ристанія съ соскакиваніемъ съ колесницъ (χάληη, Павс. V, 9, 2) и др. варіаціи. Вообще нужно замѣтить, что упражненія, требовавшія особаго атлетическаго искусства и ловкости, были вводимы преимущественно въ позднѣйшую эпоху и знаменуютъ собою вырожденіе еллинской агонистики и извращеніе здравыхъ взглядовъ на назначеніе гимнастическихъ упражненій и ихъ отношеніе къ религіозному культу.

Публичныя состязанія являются значительнымъ расширеніемъ первоначальныхъ праздничныхъ обрядовъ и нерѣдко растягивали продолжительность праздника на нѣсколько дней; но кромѣ ихъ еллины имѣли и разныя другія средства къ увеличенію блеска и пышности своихъ празднествъ, къ доставленію себѣ разнообразныхъ праздничныхъ удовольствій и къ выставленію своихъ общественныхъ и частныхъ богатствъ на показъ иностранцамъ, посѣщавшимъ празднества. То глубокое эстетическое чувство, которымъ были проникнуты греки, ихъ вкусъ ко всему такому, что очаровывало взоры, увлекало воображеніе, производило энтузіазмъ,ставляло въ особенно выгодномъ свѣтѣ человѣческую красоту, — все это имѣло могущественное вліяніе на внѣшнія проявленія ихъ богочитанія. Ихъ культъ, мало по малу теряя свою первоначальную простоту, сталъ соединяться съ пышными и торжественными

¹⁾ См. ч. I, стр. 39 (изд. 3).

процессіями, ночными празднествами, веселыми пирами и всевозможными развлечениями.

Первоначальная цѣль всякой праздничной процессіи имѣла тѣсное отношеніе къ культу; это было торжественное шествіе жрецовъ и жертвоприносителей, въ которомъ приводились къ храму или алтарю предназначенныя для божества жертвы, приносились ему дары или какіе-либо предметы, имѣвшіе отношеніе къ его почитанію; на такое назначеніе процессіи указываетъ самое названіе ея πομπή отъ гл. πέμπειν (πέμπειν βοῶς у Исокр. *Areop.* § 29, μήλων χρισάσσα πομπά у Пинд. *Ол.* VII, 80); шествіе сопровождалось пѣснями въ честь боговъ, носившими специальное названіе προσόδια. Но такъ какъ именно такія шествія являлись наиболее удобнымъ случаемъ для обнаруженія праздничнаго блеска и великолѣпія, то мало по малу внѣшняя ихъ сторона выступила на первый планъ. Въ нихъ стали принимать участіе цѣлыя хоры пѣвцовъ и музыкантовъ, государственные магистраты и почетнѣйшія лица населенія, эскорты вооруженныхъ всадниковъ и гоплитовъ и цѣлыя толпы народа, въ томъ числѣ и женщины¹⁾. Въ процессіяхъ стали носить не только предназначенныя для божества дары, но и блестящую храмовую утварь, священныя изображенія, статуи и символы и т. д., и въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ торжественнымъ процессіямъ сводилось все значеніе праздника. Празднества, привлекавшія многочисленныя собранія народа для процессій и торжествъ, назывались πανηγύρεις. Участники процессіи обыкновенно имѣли на головахъ вѣнки изъ растенія, посвященнаго божеству, въ честь котораго совершалась процессія (напр. плющевые въ праздники Діониса, масличные въ праздники Аѳины²⁾), а въ рукахъ иногда цвѣты или вѣтви растеній; нѣкоторыя процессіи и даже цѣлыя праздники отсюда получали свои названія (δενδροφορία, θαλλοφορία, ὠσχοφορία).

¹⁾ Ср., напр., описаніе процессіи въ праздникъ Χθόνια въ честь Деметры въ Гермионѣ у Павс. II, 35, 5: . . . Χθόνια ἑορτήν κατὰ ἔτος ἄγουσιν ὄρα θερούς. ἄγουσι δὲ οὕτως. ἤγουσιν μὲν αὐτοῖς τῆς πομπῆς οἱ τε ἱερεῖς τῶν θεῶν καὶ οἱσὶ τὰς ἐπετείους ἀρχαὶς ἔχουσιν, ἔπονται δὲ καὶ γυναῖκες καὶ ἄνδρες. τοῖς δὲ καὶ παισὶν ἔτι οἱσὶ καθέστηκεν ἦδη τὴν θεὸν τιμᾶν τῇ πομπῇ. οὗτοι λευκὴν ἐσθῆτα καὶ ἐπὶ ταῖς κεφαλαῖς ἔχουσι στεφάνους. . . τοῖς δὲ τὴν πομπὴν πέμπουσιν ἔπονται τελείαν ἐξ ἀγάλης βοῦν ἄγοντες διειλημμένην δεσμοῖς τε καὶ ὑβρίζουσαν ἔτι ὑπὸ ἀγριότητος.

²⁾ Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ, право ношенія вѣнков принадлежало только жрецамъ или составляло особую привилегію (στεφανοφορία), даруемую въ качествѣ награды или почетнаго отличія за заслуги.

Слѣдуетъ отмѣтить еще такъ называемыя *θεωρία* или священные посольства, которыя греческія государства посылали на важнѣйшіе праздники другихъ государствъ, связанныхъ съ ними узами племеннаго родства или политическими интересами. Для этой цѣли государство избирало одного или нѣсколькихъ представителей (*ἀρχιθεωροί*), которые и должны были отъ его имени принять участіе въ праздникѣ жертвоприношеніями и другими способами. Архитеоры при этомъ получали деньги на издержки отъ государства, но не щадили и своихъ средствъ для того, чтобы обставить свое участіе въ торжествѣ возможно бѣльшимъ блескомъ и пышностью. Въ Афинахъ архитеорія для Делосскаго праздника была литургією зажиточныхъ гражданъ (см. ч. I, стр. 299 изд. 3). Архитеоры брали съ собою цѣлыя хоры пѣвцовъ и музыкантовъ, богатыя жертвы и пр. Къ нимъ присоединялись, иногда въ значительномъ количествѣ, граждане, отправлявшіеся на праздникъ изъ религіознаго чувства, любви къ зрѣлищамъ или просто съ меркантильными цѣлями, и такимъ образомъ составлялись многолюдныя и блестящія посольства ¹⁾).

Библиографію сочиненій, относящихся къ древней музыкѣ, даетъ *S. Reinach*, *Man. de philol.* II стр. 206.—*Aem. Reisch*, *De musicis Graecorum certaminibus capita quattuor*, Vindob. 1835.—*G. M. Schmidt*, *Diatribes de dithyrambo*, Berl. 1845.—*Schwalbe*, *Ueber die Bedeutung des Pāan als Gesang d. Apollinischen Cultus*, Magdeb. 1847.—*H. Flach*, *Der Tanz bei den Griechen*, Berl. 1881.—*M. Emmanuel*, *La danse Grecque antique d'après les monum. figurés*, Paris 1896.—*I. H. Krause*, *Theagenes oder wissenschaftliche Darstellung d. Gymnastik, Agonistik u. Festspiele d. Hellenen*, Halle 1835.—*Его же*, *Hellenica oder Institute, Sitten und Bräuche der alten Hellas. I. Theil: die Gymnastik und Agonistik der Hellenen*, Leipz. 1841.—*G. Lehndorff*, *Hippodromos. Einiges über Pferde und Rennen im griech. Alterthum*, Berl. 1876.—*I. Bintz*, *Die Gymnastik der Hellenen*, Gütersloh 1878.—*L. Grasberger*, *Erziehung und Unterricht im klass. Altertum*, 3 Band, Würzb. 1881.—*Fr. Fedde*, *Der Fünfkampf bei den Hellenen*, Progr. Bresl. 1888.—*E. Pollack*, *Hippodromica. Diss.* Lips. 1890.—*M. Faber*, *Zum Fünfkampf d. Griechen* въ *Philol.* т. 50 (1891).—*G. Kietz*, *Agonistische Studien. I. Der Diskoswurf bei d. Griechen*, diss. Münch. 1892.—*Haggenmüller*, *Ueber d. Fünfkampf d. Hell.*, Progr. Münch. 1892.—*K. E. Henrich*, *Ueber den Pentathlon d. Griechen*, diss. Erlang. 1892.—*S. Schiessling*, *Werthschätzung der Gymnastik bei d. Griechen*. Progr. Mies 1892.—*F. Mic*, *Zum Fünfkampf d. Griechen* въ *Neue Jahrb. f. Phil.* т. 147 (1893).

¹⁾ Ср. у Плут. *Нук.* 3 описаніе посольства Никія на Делосъ.

ОТДѢЛЪ IV.

ВРЕМЕНА КУЛЬТА.

ГЛАВА 13-я.

Греческій календарь.

Обращаясь въ этомъ отдѣлѣ къ краткому обзору греческихъ праздниковъ, мы должны предварительно познакомиться съ употребившимися у грековъ способами времясчисленія, такъ какъ періодически повторявшіеся праздники естественнымъ образомъ имѣли съ ними тѣсную связь. Древнѣйшая религія, состоявшая въ обоженіи силъ и явленій природы, должна была обращать большое вниманіе на теченіе небесныхъ свѣтилъ, особенно солнца и луны, на смѣну временъ года и пр. и наблюдать, чтобы религіозныя торжества происходили періодически именно въ тѣ времена года, съ которыми они были связаны первоначально ¹⁾. Страхъ предъ гнѣвомъ боговъ требовалъ, чтобы жертвоприношенія и другіе богослужебные обряды совершались именно въ тѣ дни, въ которые божества, по народному вѣрованію, ожидали ихъ, тѣмъ болѣе, что въ каждомъ мѣсяцѣ опредѣленные дни были посвящаемы опредѣленнымъ божествамъ. Даже суевѣріе, издревле различавшее счастливые и несчастные дни для всякихъ занятій обыденной жизни, требовало большой точности во времясчисленіи (Гес. *Д. и дни* ст. 765 сл. съ skol. Прокла). Оракулы наблюдали за тѣмъ, чтобы жертвоприношенія и празднества совершались въ опредѣленные мѣсяцы, и за упущенія налагали штрафы (Дем. *Мид.* 53). Огромное большинство названій мѣсяцевъ въ календаряхъ разныхъ греческихъ племенъ и государствъ было заимствовано отъ божествъ или такихъ праздниковъ, которые совершались въ эти мѣсяцы. Наконецъ слѣдуетъ отмѣтить еще, что во многихъ государствахъ жрецы или

¹⁾ Ср. Плат. *Зах.* VII р. 809 d; Исокр. *Арзон.* § 30; Циц. *de legg.* II, 12.

магистраты по дѣламъ культа были епонимами года. Все это указываетъ на тѣсную связь, въ которой времясчисленіе грековъ стояло съ ихъ религіозными учрежденіями, а эта связь издревле заставляла ихъ обращать большое вниманіе на точное урегулированіе времясчисленія.

Само собою разумѣется, что усовершенствованіе календаря шло медленно, съ постепеннымъ развитіемъ астрономическихъ и математическихъ знаній. Въ древнѣйшія времена довольствовались, особенно въ земледѣльческомъ быту, приблизительными опредѣленіями времени по восхожденію и захожденію небесныхъ свѣтилъ, состоянію растительности, перелету птицъ и т. п. признакамъ. Гесіодъ совѣтуетъ начинать жатву при восходѣ плеядъ, пахоту—при захожденіи ихъ (*Д. и дни* 383), или когда слышенъ будетъ крикъ журавлей (ст. 448). Уже Гомеровскія поэмы неоднократно упоминаютъ о годахъ (*Ил.* II, 329; *Од.* II, 175 и др.). Такъ какъ теченіе и фазы луны весьма легко поддаются наблюденію и прежде всего должны были обратить на себя вниманіе, то лѣтосчисленіе по луннымъ мѣсяцамъ и годамъ вошло у грековъ во всеобщее употребленіе и за весьма немногими исключеніями сохранилось до времени христіанства.

Лунный или синодическій мѣсяць (отъ новолунія до новолунія) имѣетъ 29 д. 12 ч. 44 мин. 3 сек., стало быть лунный годъ состоитъ изъ 354 д. 8 ч. 48 м. 36 сек. и разнится отъ солнечнаго (заключающаго въ себѣ 365 д. 5 ч. 48 м. и 17,8 сек.) на 10 дней и 21 часъ безъ нѣсколькихъ секундъ. Но точное исчисленіе минутъ и секундъ при несовершенныхъ средствахъ наблюденія могло быть сдѣлано лишь весьма медленно, въ теченіе многихъ вѣковъ. Первоначально довольствовались приблизительнымъ опредѣленіемъ луннаго мѣсяца въ 29 или 30 дней и луннаго года въ 354 дня, но этотъ годъ такъ значительно отставалъ отъ солнечнаго, что уже по истеченіи короткаго промежутка времени мѣсяцы и праздники перестали бы соответствовать тѣмъ временамъ года, на которыя они приходились первоначально. Поэтому явилась надобность найти способы возможно точнаго согласованія или уравненія лунныхъ годовъ съ солнечными, и этотъ вопросъ въ теченіе многихъ вѣковъ занималъ греческихъ астрономовъ. Обычный способъ согласованія состоялъ въ томъ, что отъ времени до времени къ обыкновенному лунному году прибавлялся тринадцатый *вставной мѣсяць* (*μην ἐμβόλιμος*), такъ что годъ имѣлъ тогда 384

дня. Первоначально прибавляли этот мѣсяць въ каждому третьему году (треттеріс). Нѣсколько болѣе точный способъ уравниеніи приписывается аѳинскому законодателю Солону (Плут. *Сол.* 25; Цензор. *de d. nat.* 18,2): онъ установилъ, говорятъ, восьмилѣтній циклъ (октаеттеріс), въ которомъ вставной мѣсяць прибавлялся въ каждомъ 3-мъ, 5-мъ и 8-мъ году. Во времена Геродота этотъ способъ уравниенія лунныхъ годовъ съ солнечными былъ общепринятъ у еллиновъ, и Геродотъ уже отмѣчаетъ его несовершенство сравнительно съ египетскимъ солнечнымъ календаремъ: «Египтяне, говоритъ онъ, поступаютъ лучше, нежели еллины; ибо еллины по истеченіи 2-хъ лѣтъ для согласованія лѣтосчисления съ временами года прибавляютъ вставной мѣсяць, а египтяне, считая 12 мѣсяцевъ по 30 дней, ежегодно прибавляютъ сверхъ этого числа по 5 дней и круговоротъ времени года совершается у нихъ въ одно и то же время» (II, 4). Впослѣдствіи греческіе ученые или старались усовершенствовать октаеттериду Солона (Клеостратъ, Евдоксъ, Ератосѣенъ и др.); или вводили новыя системы уравниенія. Такъ, современникъ Перикла Метонъ въ 432 г. обнаружилъ новый способъ уравниенія, состоявшій изъ 19-лѣтняго цикла (ἐννεακξίδεκαετηρίς) съ семью вставными мѣсяцами; этотъ способъ во времена Діодора былъ уже въ употребленіи въ большинствѣ греческихъ государствъ (Діод. XII, 36). Въ 330 г. астрономъ Каллиппъ, другъ Аристотеля, обнаружилъ циклъ изъ 76 лѣтъ, состоявшій собственно изъ 4-хъ Метоновскихъ цикловъ, по истеченіи которыхъ нужно было пропускать (не считать) одинъ день. Еще болѣе точный способъ уравниенія былъ предложенъ около 126 г. до Р. Хр. астрономомъ Гиппархомъ: его циклъ состоитъ изъ 304 л. и относится къ Каллипповскому такъ же, какъ послѣдній къ Метоновскому, т. е. есть не что иное, какъ четыре Каллипповскихъ цикла, по истеченіи которыхъ слѣдовало пропускать одинъ день. Эти циклы, какъ слышимъ большіе и сложные, какъ кажется, не были приняты греческими государствами для постояннаго употребленія. Повидимому государства предпочитали въ случаяхъ замѣченной неисправности календаря убавлять по одному или по нѣсколькимъ днямъ (ἡμέρας ἐξαφείσκειν), или прибавлять ихъ, и затѣмъ снова пользоваться обычными способами уравниенія (Cic. *Verr.* II, 52).

По словамъ Плутарха (*Сол.* 25), еще Солонъ замѣтилъ, что конъюнкція (σύνωδος) луны съ солнцемъ не совпадаетъ съ концомъ послѣдняго (30-го) дня мѣсяца, а происходитъ въ теченіе этого дня,

и что такимъ образомъ часть дня до конъюнкціи относится къ старому мѣсяцу, а часть послѣ конъюнкціи—къ новому; поэтому послѣдній день мѣсяца былъ названъ [ἡμέρα] ἔνη καὶ νέα. Но такъ какъ нельзя было начинать новый мѣсяцъ съ середины дня, то въ календаряхъ чередовались мѣсяцы въ 30 дней (μῆνες πλήρεις) и въ 29 (μ. κοῖλοι); въ послѣднихъ конечный день приходился до конъюнкціи, но всетаки назывался ἔνη καὶ νέα; первый день мѣсяца всегда назывался «новолуніемъ» (νοομηνία), хотя бы приходился и послѣ дѣйствительнаго новолунія ¹⁾. Дѣленія времени на недѣли съ особыми названіями для каждаго дня у грековъ не было. Дни только считались по отношенію къ мѣсяцу, раздѣляясь на три десятка: первый десятокъ былъ временемъ *наступающаю* мѣсяца (ισταμένου или ἀρχομένου πρώτη, δευτέρα и т. д. до δεκάτη); слѣдующіе 2 дня назывались ἐνδεκάτη и δωδεκάτη, а остальные семь дней втораго десятка считались по порядку съ прибавленіемъ словъ «послѣ десяти», т. е. τρίτη и т. д. до ἐννάτη ἐπὶ δέκα; 20-е число называлось εἰκάς, а съ 21-го начинался новый счетъ дней *убывающаю* (φθίνοντος) мѣсяца, но въ обратномъ порядкѣ, т. е. такъ, что предпослѣдній день мѣсяца былъ δευτέρα φθίνοντος, 3-й отъ конца—τρίτη φθίνοντος и т. д.; стало быть въ «полныхъ» мѣсяцахъ 21-е число было δεκάτη φθίνοντος, а въ κοῖλοι—ἐννάτη φθίνοντος ²⁾.

Таковы были общіе принципы греческаго времясчисления. Но въ немъ, какъ и во всѣхъ другихъ проявленіяхъ жизни, замѣчается стремленіе отдѣльныхъ племенъ и государствъ къ обособленности и самостоятельности: слѣдуя этимъ принципамъ, каждое государство, а въ нѣкоторыхъ странахъ (напр. въ Фокидѣ, Локридѣ, Θεσσαλίи) даже отдѣльные города или мелкія племена имѣли свои особые календари, различавшіеся другъ отъ друга временемъ начала года, названіями мѣсяцевъ, иногда системою уравненія и пр. Нужно

¹⁾ Вообще нужно замѣтить, что греки подъ именемъ νοομηνία разумѣли не самую конъюнкцію, а первое появленіе серпа молодаго мѣсяца или просто первый день мѣсяца.

²⁾ Въ аѳинскихъ официальныхъ документахъ при счетѣ дней послѣдней трети мѣсяца иногда вмѣсто φθίνοντος встрѣчается выраженіе μετ'εἰκάδας (послѣ 20-го); но счетъ при этомъ, кажется, остается такой же. Въ нѣкоторыхъ другихъ календаряхъ встрѣчается подобный нашему счетъ чиселъ мѣсяца съ 1-го по 30-е. Полидевкъ (I, 63) приводитъ для второй декады названіе μεσοῦντος (вмѣсто ἐπὶ δέκα); но въ практикѣ оно, кажется, не употреблялось. Въ аѳинской государственной жизни дни считались еще по пританіямъ (см. ч. I, стр. 222 изд. 3).

замѣтить, что у древнихъ авторовъ встрѣчается очень мало свѣдѣній объ этихъ мѣстныхъ календаряхъ, за исключеніемъ атическаго и македонскаго; въ послѣднее время данныя для ихъ изученія значительно пополнились благодаря множеству вновь открытыхъ надписей, но все еще далеки отъ желанной полноты и точности, такъ что лишь немногіе календари могутъ быть названы окончательно возстановленными.

Что касается до начала года, то имъ служило обыкновенно *первое новолуніе послѣ солнцестояній или равноденствій*. Такъ, напр., въ Аѣинахъ годъ начинался послѣ лѣтняго солнцестоянія (около середины іюля, такъ что первый мѣсяць ихъ года соответствовалъ приблизительно 2-й половинѣ іюля и 1-й августа), въ Спартѣ— послѣ осенняго равноденствія, въ Беотіи— послѣ зимняго солнцестоянія, въ Мегаридѣ— послѣ весенняго равноденствія и т. д. Названія мѣсяцевъ, какъ уже было замѣчено, въ огромномъ большинствѣ случаевъ были заимствованы отъ именъ или прозвищъ боговъ, или отъ какаго-либо праздника, приходившагося въ данномъ мѣсяцѣ. Можно предполагать, что первоначально у еллиновъ было четыре разныхъ календаря: эолическій, сѣверно-дорическій, южно-дорическій и іоническій, и что изъ этихъ прототиповъ путемъ постепенныхъ измѣненій названій мѣсяцевъ развились мѣстные календари племенъ и государствъ, которые въ историческія времена были чрезвычайно разнообразны. Названія мѣсяцевъ въ іоническихъ календаряхъ оканчивались обыкновенно на *-іών*, а въ другихъ группахъ на *-іος*, хотя были въ этомъ отношеніи и исключенія (напр. названіе *Πάνμος* или *Πάνημος* было, повидимому, общимъ для всѣхъ группъ, а названія на *-іών* неоднократно встрѣчаются въ календаряхъ эолической группы). Въ нѣкоторыхъ государствахъ, преимущественно союзныхъ (напр. у ахейцевъ, въ Фокидѣ, Локридѣ и пр.), были въ употребленіи упрощенные календари, въ которыхъ мѣсяцы различались просто по счету: *μῆν πρῶτος*, *δεύτερος*, *τρίτος* и т. д. Вставные мѣсяцы обыкновенно помѣщались въ концѣ перваго или втораго полугодія и назывались именемъ послѣдняго мѣсяца даннаго полугодія съ прибавленіемъ *δεύτερος* или *ὑστέρος* ¹⁾.

¹⁾ При разнообразіи системъ уравниенія и пунктовъ начала года нѣсколько не удивительно, что между календарями разныхъ государствъ было большое различіе, мѣсяцы одного календаря не всегда соответствовали однимъ и тѣмъ же мѣсяцамъ другого и даже дни мѣсяцевъ не совпадали. Такъ, напр., у Фукидида

Въ нижеслѣдующей таблицѣ сопоставлены съ юліанскимъ календаремъ наиболѣе извѣстные календари изъ разныхъ группъ и кромѣ того календарь македонскій, который послѣ Александра Великаго былъ принятъ весьма многими азіатскими городами ¹⁾. (См. таблицу на стр. 110).

Дѣленіе дня. Сутки (*νοχθήμερον*) у древнихъ начинались съ заката солнца, такъ что состояли изъ ночи и слѣдующаго дня. Дѣленіе дня и ночи первоначально было только приблизительное; части дня различались по положенію солнца, ночи—по теченію звѣздъ. Гомеръ знаетъ дѣленіе дня на 3 части: заря или утро, полдень и вечеръ (*ἔσσηται ἢ ἠὼς ἢ δείλη ἢ μέσον ἤμαρ. Ил. 21, 111*). Впослѣдствіи число такихъ дѣленій было гораздо больше (см. Полид. I, 68 сл.); чаще всего ночь дѣлилась на три части, называвшіяся *ἔσπερος*, *μέσαι νύκτες* и *ὄρθρος*, а день на четыре: *πρωί*, *περὶ ἀγορὰν πλήθουσαν*, *μεσημβρία* и *δείλη*. Выраженіе *περὶ ἀγορὰν πλήθουσαν*, употреблявшееся въ городскомъ быту для обозначенія времени отъ поздняго утра (приблизительно съ 9 ч.) до полудня, было заимствовано отъ того, что въ эти часы рыночная площадь была особенно переполнена народомъ. Философу Анаксимандру приписывается изобрѣтеніе солнечныхъ часовъ (*γνώμων*), но во всеобщее употребленіе раздѣленіе сутокъ на часы стало входить только послѣ Александра Великаго. При этомъ различались часы *равноденственные* (*ἰσημεριναί*), изъ которыхъ каждый составлялъ $\frac{1}{24}$ сутокъ и такимъ образомъ былъ равенъ нашему часу, и часы обыкновенные (*καίρικαί*), изъ коихъ каждый представлялъ собою $\frac{1}{12}$ дѣйствительнаго дня и дѣйствительной ночи въ продолженіе цѣлаго года, такъ что лѣтомъ дневные часы были длиннѣе, ночные—ко-

аттическому Елафеболіону одинъ разъ (IV, 118) соотвѣтствуетъ въ Спартѣ Герастій, а черезъ два года—Артемисій (V, 19). Еще нагляднѣе примѣръ, приводимый Плутархомъ при опредѣленіи дня Платейской битвы (*Арист. 19*): ταύτην τὴν μάχην ἐμαχέσαντο τῆ τετραδί τοῦ Βοηδρομιῶνος ἰσταμένου κατ' Ἀθηναίους, κατὰ δὲ Βοιωτοὺς τετραδί τοῦ Πανήμου φθίνοντος. Самъ Плутархъ, обративъ вниманіе на эту разницу, замѣчаетъ: τὴν δὲ τῶν ἡμερῶν ἀνωμαλίαν οὐ θαυμάσιον, ἔπου καὶ νῦν, διηκριβωμένων τῶν ἐν ἀστρολογίᾳ μᾶλλον, ἄλλην ἄλλοι μηνὸς ἀρχὴν καὶ τελευτὴν ἄγουσιν.

¹⁾ Въ таблицѣ каждый греческій мѣсяцъ поставленъ между двумя такими юліанскими, которыхъ половинамъ онъ приблизительно соотвѣтствовалъ: такъ, напр., аттический Γαμηλιών соотвѣтствовалъ 2-й половинѣ января и 1-й половинѣ февраля и т. д.

Юлианскій καλ.	Αἰνιγ.	Δελοσ.	Βεογιλ.	Δελφιν.	Μακελονία.
Ἰανναρ.	6. Ποσειδεών.	12. Ποσειδεών.	1. Βροχάτιος.	6. Ποιτρόπιος.	3. Αὐδονάτιος.
Φεβρῶν.	7. Γαργηλιών.	1. Διηγατών.	2. Ἐρμαῖος.	7. Ἀράλιος.	4. Περτίτιος.
Μαρτῶν.	7. Ἀνθεστηριών.	2. Τερός.	3. Προστατήριος.	8. Βύσιος.	5. Δύατρος.
Ἀπριλῶν.	9. Ἐλαφροβολιών.	3. Γαλαξιών.	4. Θῦος.	9. Θεοξένιος.	6. Εἰανθικός.
Μαῖου.	10. Μουνηχιών.	4. Ἀρτεμισιών.	5. Ὀμολφός.	10. Ἐυδοσιποτρόπιος.	7. Ἀρτεμισίος.
Ἰουνῶν.	11. Θαρρηλιών.	5. Ταρρηλιών.	6. Θειλούθιος.	11. Ἡράκλειος.	8. Δάσιος.
Ἰουλίω.	12. Σχιροφοριών.	6. Πάνημος.	7. Ἀγριώνιος.	12. Ἰλάτιος.	9. Πάνημος.
Ἀγουστῶν.	1. Ἐκατομβρατιών.	7. Ἐκατομβρατιών.	8. Ἰπποδρόμιος.	1. Ἀπελλαῖος.	10. Δῶος.
Σεπτεμβριῶν.	2. Μεταγετηνών.	8. Μεταγετηνών.	9. Πάναμος.	2. Βροχάτιος.	11. Γορπιῖος.
Ὀκτωβριῶν.	3. Βοηρομιών.	9. Βοοφομιών.	10. Παμβροπιῖος.	3. Βοαθῶος.	12. Ὑπερβερεταῖος.
Νοεμβριῶν.	4. Πρανοψιών.	10. Ἀπατορεών.	11. Δαμάτριος.	4. Ἡραῖος.	1. Δίος.
Δεκεμβριῶν.	5. Μαμακτηριών.	11. Ἀρησιών.	12. Ἀλακχομένιος.	5. Ἀρδαφόριος.	2. Ἀπελλαῖος.
Ἐσθιαστικῶν μῆσιας:	Ποσειδεών δεύτερος.		Ἀλακχομένιος δέυ- τερος.	Ποιτρόπιος δεύτερος.	

роче, а зимою наоборотъ. Для измѣренія времени употреблялись обыкновенно водяные часы (κλεψύδρα).

Одной опредѣленной эры для лѣтосчисления во всей Елладѣ не было, и этимъ въ значительной степени затрудняется ея хронологія. Историки сперва вели лѣтосчисленіе по поколѣніямъ, полагая по 3 поколѣнія на столѣтіе (Герод. II, 142), затѣмъ по царямъ, жрецамъ или ежегодно смѣнявшимся магистратамъ, бывшимъ епонимами года ¹⁾. Сицилійскій историкъ Тимэй, жившій во 2-й половинѣ IV и 1-й пол. III в., первый ввелъ лѣтосчисленіе по Олимпіадамъ, т. е. четырехлѣтнимъ промежуткамъ времени отъ одного Олимпійскаго праздника до другого, при чемъ исходнымъ пунктомъ былъ праздникъ 776 г. до Р. Хр., когда впервые былъ записанъ побѣдитель въ бѣгѣ. Съ тѣхъ поръ въ Олимпіи велся полный списокъ побѣдителей, хранившійся въ гимназіи; всего было 293 Олимпіады до 394 г. по Р. Хр., когда Олимпійскія игры по указу императора Θεодосія были уничтожены. По примѣру Тимэя вели счетъ по Олимпіадамъ Полибій, Діодоръ, Діонисій Галикарнассскій и др. Кромѣ того въ позднѣйшую эпоху въ разныхъ государствахъ было много мѣстныхъ эръ, которыя узнаются преимущественно изъ надписей.

Jos. Scaliger, De emendatione temporum, Paris. 1583 или Gen. 1629. — *D. Petavius*, De doctrina temporum, 2 т. Par. 1607, Antw. 1703. — *H. Dodwell*, De veteribus Graecorum Romanorumque cyclis, Oxon. 1701. — *L. Ideler*, Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie, 2 т. Berl. 1825, 2-е изд. Breslau. 1833 (капитальный трудъ). — *Redlich*, Der Astronom Meton und sein Cyclus. Hamb. 1854. — *A. Böckh*, Zur Geschichte der Mondcyclen der Hellenen, Leipz. 1855. — *Его же*, Epigraphisch-chronologische Studien, Leipz. 1857. — *Его же*, Ueber die vierjährige Sonnenkreise d. Alten, Berl. 1863. — *A. Faseius*, Der attische Kalender, Weim. 1861. — *H. Usener*, Chronologische Beiträge въ журн. *Rhein. Museum* т. 34 (1879). — *A. Mommsen*, Chronologie, Untersuchungen über das Kalenderwesen der Griechen, insonderheit der Athener, Leipz. 1883. — *Ad. Schmidt*, Handbuch der griech. Chronologie, herausg. von Fr. Rühl, Jena 1888. — *G. F. Unger*, Zeitrechnung d. Griechen u. Römer въ Iw. Müller's Handb. d. klass. Altertumswiss. 1 Bd., 2 изд. 1892. — О мѣстныхъ календаряхъ: *K. Fr. Hermann*, Ueber griechische Monatskunde, Gött. 1844. — *Th. Bergk*, Beiträge zur griech. Monatskunde, Giessen 1845. — *H. L. Ahrens*, Zur griech. Monatskunde въ *Rhein. Mus.* т. 17. — *A. Clodius*, Fasti ionici, Halle 1882. — *Ламиневъ*, О нѣкоторыхъ эолическихъ и дорическихъ календаряхъ, Сиб. 1883. — *E. Bischoff*, De fastis Graecorum antiquioribus, Leipz. 1884. — О дѣленіи сутокъ: *Dissen*, De partibus noctis et diei ex divisione veterum, Gött. 1836.

¹⁾ Вотъ какъ Θувидидъ (II, 2) опредѣляетъ годъ начала Пелопоннесской войны: 'Επί Χρισίδος ἐν Ἀργεὶ πεντήκοντα δύοῖν δέοντα ἔτη ἱερωμένης καὶ Αἰνῆ-

ГЛАВА 14-я.

О праздникахъ вообще.

Въ своей повседневной жизни, какъ государственной, такъ и частной, еллины очень часто обращались къ богамъ съ молитвами, жертвоприношеніями и другими религіозными обрядами. Но кромѣ такихъ религіозныхъ актовъ, обусловленныхъ тѣми или другими ближайшими причинами, наиболѣе уважаемымъ божествамъ посвящались особые періодически повторявшіеся (ежегодно или разъ въ нѣсколько лѣтъ) дни, въ которые въ честь ихъ, для отвращенія ихъ гнѣва или снисканія милости, совершались различные религіозные обряды и въ которые люди чувствовали себя въ ближайшемъ общеніи съ даннымъ божествомъ, чествовали и прославляли его торжественными процессіями, разными зрѣлищами и т. п. Такіе дни назывались у еллиновъ *εορταί*. Уже въ Гомеровскія времена, повидимому, были правильно повторяющіеся праздники ¹⁾; но у Гесиода встрѣчается только упоминаніе о счастливыхъ и несчастныхъ дняхъ и о посвященіи божествамъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ дней (*Д. и дни* 770 сл. и 802 сл.). Въ историческія времена количество праздниковъ было весьма значительно. Разумѣется, не всѣ праздники совершались одинаково торжественно (какъ это бываетъ и у насъ) и не всѣ дни, въ которые тѣмъ или другимъ божествамъ совершались жертвоприношенія, считались праздничными, подобно тому какъ и у насъ богослуженіе совершается и въ будни. Значительная часть праздниковъ, въ особенности древнѣйшаго происхожденія, была посвящена богамъ, какъ господствующимъ въ природѣ силамъ, отъ которыхъ зависѣли перемѣны временъ года, фазы небесныхъ свѣтилъ, атмосферныя явленія, урожай или неурожай, однимъ словомъ всѣ благопріятныя или неблагопріятныя для человѣка явленія природы. Въ другихъ праздникахъ боги чествовались какъ устроители и покровители общественнаго и нравственнаго порядка, а иногда почитались и вмѣстѣ въ томъ и другомъ значеніи, такъ какъ въ

οἰοῦ ἐφόρου ἐν Σπάρτῃ καὶ Πυδοφόρου... ἄρχοντας Ἀθηναίους. Затѣмъ онъ считаетъ годы отъ начала войны, раздѣляя каждый годъ на лѣтнее и зимнее полугодія (θερος καὶ χειμὼν).

¹⁾ *Од.* 20, 156; 21, 158.

тѣхъ же силахъ природы древніе видѣли и нравственныя существа, то милостивыя, то немилостивыя къ человѣку. Далѣе совершались праздники въ воспоминаніе историческихъ событій, въ которыхъ боги, какъ казалось, особенно нагляднымъ образомъ проявили свою силу. Наконецъ вслѣдствіе общаго вѣрованія, что умершіе люди, пребывая въ подземномъ царствѣ, имѣли притязаніе не только на почетную память въ потомствѣ, но и на дары и жертвы, кромѣ частныхъ поминовѣ въ средѣ отдѣльныхъ родовъ совершались въ память усопшихъ и общественные праздники, при которыхъ, конечно, не были забываемы и боги, правившіе въ подземномъ царствѣ.

Всѣ праздники, имѣвшіе отношеніе къ перемѣнамъ времени года или состояній погоды и къ другимъ правильно повторявшимся явленіямъ природы, совершались въ такія времена, которыя соответствовали ихъ значенію. Такъ, весною почитались божества свѣта и воскресающей жизни природы, преимущественно Аполлонъ и сестра его Артемида; въ слѣдующіе затѣмъ лѣтніе мѣсяцы господствующій въ южныхъ широтахъ Европы зной подавалъ поводъ къ богослужебнымъ установленіямъ, имѣвшимъ цѣлью отвратить его губительное вліяніе отъ людей, животныхъ и полевыхъ плодовъ; жатва и посѣвъ сопровождалась празднествами въ честь Деметры и другихъ боговъ-покровителей земледѣлія, при чемъ прославлялись благодѣянія земледѣлія и связанной съ нимъ цивилизаціи; сборъ винограда и разныя фазы винодѣлія подавали поводъ къ праздникамъ въ честь Діониса, вульту котораго такимъ образомъ была посвящена преимущественно поздняя осень и зима. Каждое отдѣльное явленіе сельской, пастушеской или мореходной жизни также сопровождалось религіозными обрядами; а такъ какъ эти явленія во многихъ случаяхъ были тѣсно связаны съ опредѣленными временами года (напр. начало и конецъ мореплаванія, выгонъ стада на лѣтній кормъ и т. п.) и были общи болѣе или менѣе значительному кругу людей, то и изъ этихъ обрядовъ могли возникать праздники, пріуроченные къ опредѣленнымъ пунктамъ въ году. Празднества, связанные съ мѣстами или прозваніями божествъ, имѣвшими отношеніе къ явленіямъ природы, совершались въ то время, когда эти явленія происходили подъ греческимъ небомъ; праздники, установленные въ воспоминаніе историческихъ событій, совершались или въ самый день событія, или въ ближайшее къ нему время и т. д. Такимъ образомъ время каждого празд-

нииа избиралось не по произволу, а опредѣлялось тѣми или другими вѣскими причинами. Само собою разумѣется, что у еллиновъ, какъ и у насъ, случались, кромѣ того, экстраординарныя празднества, не повторявшіяся періодически, а совершавшіяся только однажды, напр. по поводу побѣды, полученія благоприятныхъ извѣстій и т. п.; особенно много поводовъ къ нимъ подавали различныя радостныя событія въ частной жизни, какъ напр. рожденіе, наступленіе возмужалости, бракъ, благополучное возвращеніе изъ продолжительнаго путешествія, избавленіе отъ серьезной опасности и т. п. Число государственныхъ праздниковъ въ разныхъ государствахъ Еллады было различно; въ Аѣинахъ, по свидѣтельству самихъ древнихъ ¹⁾, было вдвое болѣе праздниковъ, нежели въ другихъ государствахъ. Впрочемъ и про Тарантъ говорятъ, что въ эпоху процвѣтанія въ немъ было болѣе праздниковъ, нежели будней (Страб. VI, р. 280).

Еженедѣльнаго праздника, соотвѣтствовавшаго воскресенью у христіанъ и субботѣ у евреевъ, у грековъ и римлянъ не было. За то отдѣльные дни мѣсяца у грековъ были специально посвящены тѣмъ или другимъ божествамъ, хотя не вездѣ однимъ и тѣмъ же; эти дни не считались праздниками, но въ нихъ и государствами и частными лицами совершались жертвоприношенія (иногда, правда, очень незначительныя) тѣмъ божествамъ, которымъ они были посвящены. Причиною посвященія были обыкновенно какія-либо событія изъ жизни боговъ (напр. рожденіе и пр.), связанныя съ данными днями. Первый день мѣсяца былъ посвященъ всѣмъ богамъ вообще, но кромѣ того нѣсколькимъ въ отдѣльности, именно богу свѣта Аполлону, богинѣ луны Гекатѣ и Гермесу; второй день посвящался, по крайней мѣрѣ въ Аѣинахъ, доброму дѣмону (Αγαθὸς δαίμων), третій—Аѣинѣ, какъ Τριτογένεια; ей же былъ посвященъ пятнадцатый день и τρίτη φθίνουτος; четвертый день былъ посвященъ Гермесу или Гераклу, пятый—хеоническимъ божествамъ (Гес. Д. и дни 802 сл.), шестой—Артемидѣ, какъ день ея рожденія, а седьмой по той же причинѣ Аполлону (ἑβδομαγενής). Восьмой день принадлежалъ Посидону, а въ Аѣинахъ кромѣ того Ἐσεю, девятый—Геліосу и Реѣ, двадцатый—снова Аполлону. Послѣдній день посвящался опять Гекатѣ, въ честь которой вечеромъ этого дня выставляли такъ называемыя Ἐκάρτης δειψα на перекрест-

¹⁾ [Ксєв.] *О госуд. устр. Аѣинъ* 3, 9; ср. [Плат.] *Алкив.* II, р. 149 е.

бахъ, гдѣ стояли ея изображенія или алтари. Три послѣдніе дня мѣсяца были спеціально посвящены усопшимъ и подземнымъ богамъ и считались въ государственномъ и частномъ быту *тяжелыми* (ἀποφράδες или ματαὶ ἡμέραι). Въ такіе дни воздерживались по возможности отъ всякихъ дѣлъ и предпріятій и всѣ общественныя дѣла приостанавливались (Лук. *Pseudolog.* 12); въ Аѣинахъ въ эти дни производился только судъ по дѣламъ объ убійствахъ. Кромѣ того были и другіе ἀποφράδες, иногда соединявшіеся съ праздниками (напр. въ Аѣинахъ Плинтеріи). Указаній относительно посвященія божествамъ остальныхъ дней мѣсяца не сохранилось.

Праздничное время носило названіе «священномѣсячія», ἱερομῆναιа, хотя бы продолжалось лишь нѣсколько дней или даже одинъ. Въ продолженіе іероменіи останавливались всѣ государственныя и частныя дѣла за исключеніемъ необходимѣйшихъ или относившихся къ самому празднику, для того, чтобы ничто не нарушало всеобщаго мира и праздничнаго настроенія. Для такихъ праздниковъ, которые были посѣщаемы иностранцами, какъ напр. для Олимпійскаго и другихъ общееллинскихъ, объявлялось чрезъ особыхъ вѣстниковъ священное перемиріе (ἐκεχειρία), иногда на довольно продолжительное время ¹⁾.

Способы празднованія были различны, смотря по значенію праздника. Вообще можно сказать, что главными актами, съ которыхъ начинался праздникъ, были жертвоприношенія и другіе богослужебныя обряды, которыми люди исполняли свой долгъ относительно божества и которые сопровождались иногда пѣснями, процессіями, играми и т. п. Затѣмъ обыкновенно начиналось веселье, пляски и пиршества, при которыхъ забывалась обыкновенная простота и скромность повседневной жизни; были, правда, печальные праздники, которые ознаменовывались только прекращеніемъ всѣхъ обыденныхъ дѣлъ и даже постами и воздержаніемъ отъ удовольствій; но такихъ было немного, въ большинствѣ же случаевъ праздники были временемъ отдыха ²⁾, веселья и всевозможныхъ

¹⁾ Напр. по свидѣтельству надписи С. I. Att. I, № 1, перемиріе для празднованія великихъ и малыхъ Елевсивій въ Аѣинахъ продолжалось по 55 дней.

²⁾ «Боги, тронутые состраданіемъ къ человѣческому роду, природою обреченному на трудъ, пишетъ Платонъ (*Зап.* II, р. 653с), установили людямъ времена отдохновенія отъ трудовъ въ правильной послѣдовательности праздниковъ и сдѣлали Музъ, ихъ главу Аполлона и Діониса участниками праздниковъ».

удовольствій, въ которыхъ принимали участіе и женщины, покидавшія затворничество своей будничной жизни; дѣти освобождались, на праздники отъ учебныхъ занятій, рабы избавлялись отъ работъ, а въ нѣкоторые праздники даже пользовались равенствомъ со своими господами, или услугами со стороны послѣднихъ; и подобно тому, какъ враждующіе народы въ дни общихъ праздниковъ прекращали военныя дѣйствія, такъ и по гражданскимъ законамъ въ такіе дни узники освобождались отъ оковъ, должники—отъ судебного преслѣдованія со стороны кредиторовъ и т. п., для того, чтобы никто не встрѣчалъ препятствія къ участію во всеобщей радости и весельѣ.

Праздники въ честь боговъ, культъ которыхъ былъ признаваемъ государствомъ, совершались на счетъ государственной казны и были урегулированы законами. Ближайшее завѣдываніе ими принадлежало магистратамъ (отдѣльнымъ лицамъ или цѣлымъ комиссіямъ) постояннымъ или временнымъ.

Съ теченіемъ времени праздники у грековъ становились все многочисленнѣе и роскошнѣе, но эта внѣшняя роскошь далеко не можетъ служить доказательствомъ увеличенія религіозности народа; напротивъ, на то, что не было непремѣнною принадлежностью культа, а служило только къ украшенію праздника, стали смотрѣть, какъ на главное и существенное, на праздники стали стекаться не ради почтенія къ божеству, а ради торжественныхъ процессій, игръ и другихъ зрѣлищъ, или для участія въ праздничныхъ пиршествахъ. Собственно религіозныхъ наставленій, проповѣдей и т. п. при праздникахъ, какъ вообще при всѣхъ религіозныхъ актахъ, у еллиновъ не было, и все то, что приходилось видѣть и слышать присутствующимъ на праздникахъ, имѣло скорѣе эстетическое вліяніе на нихъ, нежели религіозное.

Jo. Meursii Graecia feriata, sive de festis Graecorum libri VI, Lugd. B. 1619. — M. G. Hermann, Die Feste von Hellas historisch-philosophisch bearbeitet etc., 2 т. Berl. 1801.—D. van Stegeren, De Graecorum diebus festis въ Miscell. philol. fasc. 1, Tr. ad Rhen. 1849. — Rinck, Religion d. Hellenen т. II и др. общія сочиненія по богослужебнымъ древностямъ.

ГЛАВА 15-я.

Четыре общееллинскія празднества.

§ 1. Общія замѣчанія.

Обозрѣніе праздниковъ, отдѣльных мѣстностей Эллады мы начнемъ съ четырехъ національныхъ празднествъ, совершавшихся въ Олимпіи, Дельфахъ, Немеѣ и на Коринѣскомъ перешейкѣ, (Исѣмѣ). Первоначально всѣ эти празднества, безъ сомнѣнія имѣли лишь мѣстное значеніе ¹⁾ и только съ теченіемъ времени, благодаря особымъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, возвысились до того общееллинскаго значенія, которымъ пользовались въ историческія времена. Происхожденіе всѣхъ ихъ кроется во мракѣ доисторической эпохи (хотя въ Гомеровскихъ поэмѣхъ они не упоминаются), но своимъ возвышеніемъ до общенациональнаго значенія всѣ они обязаны дорійцамъ и въ особенности спартанцамъ: законодателю спартанскому Ликургу вмѣстѣ съ Ифитомъ елейскимъ приписывается то устройство Олимпійскаго праздника, которое соблюдалось въ историческія времена; спартанцы же были главными виновниками низверженія коринѣскихъ и сикіонскихъ тиранновъ, съ которыми тѣсно связано возобновленіе Исѣмійскихъ и Немеійскихъ празднествъ. Само собою разумѣется, что первоначально главной цѣлью этихъ праздничныхъ собраній было почитаніе того божества, которому была посвящена данная мѣстность; но гимническія и др. состязанія, издавна устраивавшіяся въ честь божествъ во время этихъ праздниковъ, постепенно приобрѣли

¹⁾ К. Фр. Германъ (*Gottesd. Alt.* § 49) считаетъ возможнымъ распредѣлить эти четыре праздника между четырьмя главными еллинскими племенами, такъ какъ Пнейскія игры вмѣстѣ съ Дельфійскимъ святилищемъ издавна стояли въ ближайшемъ отношеніи къ дорійцамъ, между тѣмъ какъ Олимпійскія были связаны въ преданіи съ именемъ Пелопа, родоначальника ахейскаго царскаго дома, Исѣмійскія — съ національнымъ героемъ іоническаго племени Фесеемъ, а основаніе Немеійскихъ игръ связывается съ походомъ семи противъ Фивъ. Участники котораго принадлежали преимущественно къ эолическому племени. Но дѣло въ томъ, что относительно первоначальнаго установленія игръ существуютъ различныя сказанія и мы не можемъ отдать предпочтеніе одному изъ нихъ передъ другими съ полною увѣренностью въ его справедливости.

такое выдающееся значеніе, что стали считаться существеннѣйшею частью праздника, такъ что именно благодаря имъ эти четыре праздника возвысились до значенія общееллинскихъ и до того небывалаго блеска, котораго сами по себѣ они никогда бы не имѣли. Древнѣйшимъ состязаніемъ, по крайней мѣрѣ въ Олимпіи, былъ бѣгъ взапуски на стади; но къ нему постепенно, начиная съ VII в. до Р. Хр., присоединялись различные другіе виды состязаній, разнообразіе которыхъ явилось слѣдствіемъ болѣе строгаго раздѣленія состязающихся по возрастамъ (на дѣтей, безбородыхъ, мужей и т. д.), введенія различныхъ измѣненій и комбинацій въ самыя состязанія, допущенія разныхъ видовъ бѣга на колесницахъ и т. п. Затѣмъ кромѣ гимническихъ и конныхъ состязаній были введены музыкальныя (которыя, впрочемъ, въ Дельфахъ были установлены раньше другихъ состязаній и долгое время были единственными), поэтическія и т. п., такъ что эта часть праздника приобрѣтала все большее и большее развитіе и блескъ и стала привлекать участниковъ и зрителей не только изъ собственной Еллады, но и изъ малоазійскихъ, сицилійскихъ и южноиталійскихъ колоній. Большинство государствъ Еллады отправляло священныхъ пословъ (θεσφοί) для участія въ этихъ праздникахъ. Масса публики съѣзжалась не только изъ любопытства и жажды къ зрѣлищамъ, но и по торговымъ дѣламъ, такъ какъ здѣсь, благодаря стеченію народа, происходила весьма оживленная торговля всякаго рода товарами. Ораторы, поэты и философы пріѣзжали сюда публично читать свои произведенія, художники выставяли на показъ (ἐπιδείκνυσθαι, ἐπιδείξις) свои произведенія ¹⁾, государства обнародовали и выставяли во всеобщее свѣдѣніе договоры и другія важныя грамоты, однимъ словомъ эти празднества служили для еллиновъ весьма важными объединяющими центрами, и во время ихъ была ключемъ общееллинская жизнь, заставлявшая забывать хоть на время всю ту многообразную рознь, отъ которой еллины такъ много страдали. Побѣда на нихъ считалась величайшимъ счастіемъ и цѣнилась чрезвычайно высоко. Все сказанное въ наибольшей мѣрѣ относится къ Олимпійскому празднеству, которое далеко превосходило остальные блескомъ, великолѣпіемъ и многочисленностью собиравшейся публики. Самый блестящій періодъ празднествъ, естественно, совпадаетъ съ временемъ наи-

¹⁾ Плиній (*Н. н.* XXX, 9, 35) говоритъ даже о настоящихъ состязаніяхъ живописцевъ (certamen picturae) въ Коринѣ и Дельфахъ.

большаго могущества и процвѣтанія Еллады, т. е. относится къ V в. до Р. Хр.; но еще и въ римскія времена пользовались они большимъ значеніемъ и уваженіемъ и продолжались до IV в. по Р. Хр.: Олимпійскія игры были прекращены въ 394 г. по распоряженію императора Θεодосія, Исемійскія упоминаются въ послѣдній разъ при императорѣ Юліанѣ.

Подробности относительно состава, условій и хода состязаній на разныхъ празднествахъ извѣстны намъ далеко не въ одинаковой степени. Объ Олимпійскихъ играхъ мы знаемъ гораздо болѣе, нежели о другихъ, но имѣемъ право думать, что въ общемъ между ними было большое сходство, такъ что по Олимпійскимъ играмъ можемъ заключать и о другихъ, помня только, что послѣднія значительно уступали Олимпійскимъ въ блескѣ и великолѣпіи.

§ 2. Олимпійскій праздникъ.

Онъ получилъ свое названіе отъ мѣстности, въ которой совершался, именно Олимпіи, въ Писатидѣ, одной изъ областей Елиды. Учрежденіе его приписывается разнымъ мифическимъ героямъ, преимущественно Пелопу или Гераклу. Причиною того, что нѣкоторые признавали Пелопа основателемъ праздника, служили высокія почести, воздававшіяся ему въ Олимпіи: по словамъ Павсанія (V 13, 1), здѣсь почитали его настолько выше другихъ героевъ, насколько Зевса выше боговъ; считать же Геракла учредителемъ праздника побудило, вѣроятно, участіе въ немъ дорійцевъ, переселившихся въ Пелопоннесъ, по преданію, подъ начальствомъ потомковъ Геракла. Затѣмъ праздникъ, какъ кажется, на нѣкоторое время совершенно прекратился, именно до воцаренія въ Елидѣ царя Ифита, современника спартанскаго законодателя Ликурга. По словамъ Павсанія (V, 4, 4), въ то время Пелопоннесъ былъ раздираемъ междоусобіями; Ифитъ, обратившись къ оракулу съ вопросомъ о средствахъ къ умиротворенію раздоровъ, получилъ совѣтъ возобновить Олимпійскій праздникъ и учредить въ Олимпіи культъ Геракла, до того времени считавшагося тамъ враждебнымъ героемъ. Ифитъ, пригласивъ Ликурга къ участію въ исполненіи этого совѣта, вмѣстѣ съ нимъ составилъ уставъ священнаго перемирія (ἐκεχειρία), по которому во время праздника должны были прекращаться всѣ враждебныя дѣйствія противъ участвующихъ въ немъ, а вся область, въ которой лежало святилище, какъ при-

надлежавшая богу и состоявшая подь особымъ его покровительствомъ, дѣлалась неприкосновенною для всѣхъ участниковъ праздника, и всѣ отправлявшіеся на него имѣли право свободного прохода даже чрезъ непріятельскую страну; въ священную область никто подь страхомъ провлятія не смѣлъ вторгаться вооруженною силою; дружественныя войска, имѣвшія надобность пройти чрезъ нее, отдавали свое оружіе на границѣ и получали его обратно при выходѣ изъ области. При наступленіи времени праздника елейцы чрезъ пословъ (*σπουδοφόροι*) оновѣщали о немъ всѣ греческія государства; въ случаѣ забвенія какимъ либо государствомъ екехиріи они имѣли право налагать на него денежный штрафъ и до уплаты его не допускать государство къ участию въ празднествѣ; это право было однажды примѣнено къ спартамцамъ.

Таковъ былъ уставъ перемирія, приписываемый Ифиту и Ликургу; онъ былъ начертанъ на мѣдномъ дискѣ, еще во времена Павсанія (II в. по Р. Хр.) хранившемся въ олимпійскомъ храмѣ и представляющемъ собою древнѣйшій изъ извѣстныхъ намъ греческихъ эпиграфическихъ памятниковъ (Павс. V, 20, 1). При входѣ въ храмъ стояла статуя Ифита, увѣнчиваемая олицетворенною Екехирією (Павс. V, 10, 10). Хотя личности Ифита и Лиурга не могутъ быть названы вполне историческими, однако въ преданіи объ установленіи екехиріи можно признать достовѣрнымъ участіе Спарты и приобрѣтенное ею вліяніе на играхъ; это былъ единственный случай расширенія сферы ея вліянія въ Пелопоннесѣ мирнымъ путемъ, а не силою оружія.

Мы не можемъ, конечно, шагъ за шагомъ прослѣдить постепенное возрастаніе значенія Олимпійскаго праздника; во всякомъ случаѣ въ тѣ времена, отъ которыхъ до насъ дошли болѣе точныя свѣдѣнія, онъ является уже общееллинскимъ, большинство государствъ Еллады принимаетъ въ немъ участіе посредствомъ послышки теорій, участники состязаній и зрители стекаются отовсюду ¹⁾.

¹⁾ Въ недавнее время (1875—1881) въ мѣстности Олимпіи нѣмецкою ученою экспедиціе произведены были раскопки, увѣнчавшіяся блестящими результатами для науки: при нихъ были открыты фундаменты почти всѣхъ олимпійскихъ зданій, множество памятниковъ искусства (между ними статуя Гермеса, изваянная знаменитымъ Праксительемъ), надписей и пр. Результаты раскопокъ публиковались въ *Archäologische Zeitung* съ 1876 г. и въ великолѣпномъ изданіи «Ausgrabungen von Olympia». Ср. также *A. Boetticher*, *Olympia* (см. ниже стр. 128) и статью *A. Flasch'a*, «Olympia» въ *A. Baumeister*, *Denkmäler des klassischen Alterthums* т. II (München u. Leipz. 1887).

Со времени возобновленія Олимпійскій праздникъ былъ пентетеридою (πεντετηρίς), т. е. совершался чрезъ каждые четыре года (въ началѣ и срединѣ 8-лѣтняго цикла изъ 99 лунныхъ мѣсяцевъ, распадавшагося на двѣ неравныя половины изъ 50 и 49 мѣсяцевъ); онъ происходилъ въ первое полнолуніе послѣ лѣтняго солнцестоянія и во времена своего высшаго развитія продолжался 5 дней; мѣсяцы, въ которые онъ приходился, носили въ елейскомъ календарѣ названія Ἀπολλώνιος и Παρθένιος. Мѣстомъ праздника была Ἄλτις, священная мѣстность на берегу рѣки Алфея, при впаденіи въ нее ручья Кладея; изъ окрестныхъ высотъ одна называлась Олимпомъ, другая, чаще упоминаемая, — холмомъ Крона (Κρόνιον). Священная дорога въ 300 стадій (около 50 верстъ) длиною соединяла эту мѣстность съ городомъ Елидою. Ἄλτις была окружена стѣною и застроена многочисленными святилищами, изъ которыхъ кромѣ храма Зевса особенно замѣчательны были храмы Геры (Ἥρας) и Матери боговъ (Μητρῶν), кромѣ того множествомъ алтарей, посвященныхъ разнымъ богамъ и героямъ, сокровищницами (θησαυροί), въ которыхъ хранились влады разныхъ государствъ, и пр. Главный храмъ Зевса, построенный въ V в. до Р. Хр. елейскимъ архитекторомъ Либономъ, представлялъ собою прекрасное созданіе дорическаго стиля, хотя и не столь совершенное, какъ аѳинскій Парѳенонъ. Онъ былъ περίκτερος и имѣлъ 200 олимп. футовъ длины, 86 ф. ширины и 67 ф. высоты. Крыша, состоявшая изъ мраморныхъ плитъ, отдѣланныхъ на подобіе кирпичей, была украшена по угламъ стоявшими на треножникахъ позолоченными котлами, а на верху фронтона — позолоченною же статуею Побѣды. Рельефъ передняго фронтона, работы художника Пзонія, изображалъ Пелопа съ Иномаемъ, готовыхъ вступить въ состязаніе, а на заднемъ фронтонѣ представленъ былъ художникомъ Алкаменомъ бой лапидовъ съ кентаврами на свадьбѣ Пиріеоя; на фризахъ передней и задней сторонъ храма изображены были подвиги Геракла. Внутри храма находилась колоннада, поддерживавшая галерею, съ которой можно было смотрѣть на колоссальную статую Зевса, великолѣпное созданіе знаменитаго Фидія. Богъ былъ представленъ въ томъ величественномъ и могущественномъ видѣ, въ которомъ онъ изображенъ въ Иліадѣ (I, 528 сл.). Онъ сидѣлъ на тронѣ изъ кедроваго дерева, обдѣланномъ эбеновымъ деревомъ и богато украшенномъ золотомъ, слоновой костью и драгоцѣнными камнями. Лицъ его и обнаженныя

руки, ноги и грудь были изъ слоновой кости, волосы и борода изъ чистаго золота, глаза изъ драгоценныхъ камней; изъ золота же былъ сдѣланъ украшенный изображеніями животныхъ и цвѣтовъ плащъ, ниспадавшій съ лѣваго плеча на нижнюю часть тѣла бога, и обувь; на правой рукѣ богъ держалъ статую Побѣды изъ слоновой кости и золота, а въ лѣвой — скипетръ, расцвѣченный разными металлами и украшенный наверху золотымъ орломъ (описание статуи см. у Павс. V, 11). О силѣ впечатлѣнія, производимаго этою статуею, однимъ изъ величайшихъ созданій греческой пластики, свидѣлствуютъ, между прочимъ, слѣдующія слова Діона Хрисостома (I в. по Р. Хр.): «кто станетъ предъ этимъ образомъ, тотъ забудетъ обо всемъ, что огорчаетъ и терзаетъ человѣческую жизнь» (*Or.* XII р. 400 R). Не удивительно, что храмъ, вмѣщавшій въ себѣ такое сокровище, былъ предметомъ славы и гордости для всѣхъ эллиновъ, и что тотъ, кто не видалъ Олимпійскаго бога, считался несчастнымъ!

Предъ святилищами Пелопа и Геры, на одинаковомъ отъ обоихъ разстояніи, возвышался главный алтарь Зевса, подробно описанный Павсаніемъ (V, 13, 5). Онъ былъ устроенъ, по однимъ сказаніямъ, Геракломъ Идейскимъ, по другимъ — мѣстными героями, жившими на два поколѣнія позже Геракла. Нижняя ступень его, называвшаяся *πρόθυσις*, была каменная и имѣла 125 греч. ф. въ окружности; къ ней вели съ двухъ сторонъ каменные лѣстницы (*ἀναβασιμαί*). На *πρόθυσις* возвышалась остальная часть алтаря, состоявшая изъ зола жертвенныхъ животныхъ, смѣшанной съ водою р. Алфея, и имѣвшая 32 ф. въ окружности; къ ней также вели *ἀναβασιμαί*. Высота всего сооруженія достигала 22 футовъ. На *πρόθυσις* были сжигаемы части жертвенныхъ животныхъ кромѣ бедеръ, которыя предавались сожженію на вершинѣ алтаря. Входъ на вершину былъ дозволенъ только мужчинамъ, тогда какъ на *πρόθυσις* могли всходить и женщины, и дѣвцы. Для сожженія частей жертвенныхъ животныхъ употреблялись исключительно дрова изъ благаго тополя, такъ какъ, по преданію, самъ Гераклъ употребилъ ихъ для сожженія первой жертвы въ Олимпіи.

Кромѣ торжественныхъ жертвоприношеній во время праздника, елейцы регулярно по разу въ мѣсяцъ приносили жертвы на всѣхъ алтаряхъ боговъ и героевъ. Жертвоприношеніями завѣдывали такъ называемые *θετκόλοι* (по Павсанію одинъ, по надписямъ — нѣсколько); кромѣ ихъ упоминаются: 2 или 4 *μάντες*, избравшіеся изъ родовъ

Клитіадовъ и Іамидовъ для гаданія по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ, ἐτηγηταί, σπονδοφόροι, σπονδαῖλαι, μάγειρος и ζυλεύς (дровяникъ), заботившіяся о приготовленіи нужныхъ для жертвоприношеній тополевыхъ дровъ. Этотъ персоналъ, по свидѣтельству надписей, избирался на двѣ смѣны: на праздникъ и на промежутокъ между двумя праздниками (μετεμύχειρον), такъ что одни служили только одинъ мѣсяць, другіе—3 года и 11 мѣсяцевъ; такая неравномѣрность службы легко объясняется тѣмъ, что во время праздника дѣла было несравненно болѣе, нежели въ промежуточное время.

Олимпійскій праздникъ распадался на двѣ главныя части,—священнодѣйствія и состязанія; хотя первыя, собственно говоря, составляли существенную часть праздника, а вторыя служили только его украшеніемъ, но, очевидно, первыя въ самихъ еллинахъ возбуждали гораздо менѣе интереса, нежели состязанія, и потому очень мало намъ извѣстны. Разумѣется, главныя жертвы были приносимы Зевсу (Zeus) не только распорядителями праздника и еорами другихъ государствъ, но и участниками состязаній и зрителями; при этомъ, конечно, не были забываемы и другіе боги и богини. Жертвоприношеніе Зевсу совершалось въ первый день праздника, а со втораго дня начинались состязанія, сначала мальчиковъ, а затѣмъ взрослыхъ.

Первымъ состязаніемъ, быть можетъ даже единственнымъ въ теченіе нѣсколькихъ Олимпіадъ, былъ бѣгъ (δρόμος) на стадіи, имѣвшемъ 600 греч. ф. длины. Для каждаго отдѣльнаго бѣга избирались по жребію изъ общаго числа участниковъ 4 лица, которыя и должны были пробѣжать взапуски весь стадій предъ глазами судей, сидѣвшихъ на возвышенномъ полукружій у конца стадія побѣдители на этихъ отдѣльныхъ бѣгахъ состязались потомъ другъ съ другомъ, и одержавшій побѣду на окончательномъ состязаніи получалъ награду, какъ стадиονίχης. Первымъ записаннымъ побѣдителемъ (въ 776 г. до Р. Хр.) былъ елеець Κόροιβος. Въ 14-ю Олимпіаду (724 г. до Р. Хр.) введенъ былъ двойной бѣгъ (δίαιλος), а въ 15-ю Ол.—длинный бѣгъ (δολιχος). Участники состязанія сначала имѣли поясъ на бедрахъ, но съ 15-й Ол. вошло въ обычай состязаться совершенно обнаженными. Въ 18-ю Ол. (708 г.) введены были борьба (πάλη) и пятерное состязаніе (πένταθλον), въ 23-ю (688 г.)—кулачный бой (πυγμή) и съ 33-й Ол. (648)—παγκράτιον. Въ 65-ю Ол. (520 г.) введенъ былъ бѣгъ въ доспѣхахъ (όπλιτών

δρόμος), именно въ шлемѣ и поножахъ и со щитомъ на рукѣ, впоследствии же только со щитомъ, и притомъ сначала простой, а позже и двойной. Начиная съ 37-й Ол. (632) постепенно вводились отдѣльныя состязанія для мальчиковъ; позже всего бытъ введенъ для нихъ παγκράτιον, именно съ 145 Ол. (200 до Р. Хр.).

Конныя ристанія (ἀγῶνες ἵππικοί) введены были въ Олимпію съ 25 Ол. (680 до Р. Хр.); сначала состязались только колесницы, запряженныя четверкою взрослыхъ лошадей (ἵππων τελεῖων или ἄρματος τελεῖου δρόμος), которыя должны были 12 разъ обогнуть ипподромъ, что составляло, кажется, 24 стадія; съ 93-й Ол. (408) введены были состязанія парныхъ колесницъ (ἵππων τελεῖων συνωρίς), затѣмъ πῶλων ἄρμα съ 99-й Ол. и συνωρίς πῶλων съ 128-й Ол. Состязанія колесницъ, запряженныхъ мулами (ἀπήνη), введены были съ 70-й Ол. и существовали до 84-й Ол. Верховныя скачки на взрослыхъ лошадяхъ (κέλης) введены съ 33-й Ол. и на молодыхъ— съ 131-й Ол. Несмотря на то, что въ Греціи вслѣдствіе дороговизны содержанія лошадей только богатые люди могли имѣть ихъ, въ Олимпію всегда являлось много упряжекъ, такъ какъ хозяину не было надобности самому участвовать въ ристаніи и даже присутствовать при немъ, а между тѣмъ награда присуждалась ему вслѣдствіе чего посылали лошадей въ Олимпію и цари, и тиранны, и богатые граждане.

Къ участию въ состязаніяхъ допускались только граждане еллинскихъ государствъ, безукоризненной нравственности и не старше опредѣленнаго возраста (πρόσβια); варвары и рабы допускались только какъ зрители, но не могли участвовать въ жертвоприношеніяхъ и состязаніяхъ. Замужнія женщины не допускались въ качествѣ зрительницъ и даже подъ страхомъ казни не могли переступить границу священной роши въ дни состязаній; въ видѣ единственнаго исключенія была допущена въ качествѣ зрительницы елейская жрица Деметры Хамины, имѣвшая даже особое почетное сѣдалище; двѣицамъ присутствіе на состязаніяхъ не возбранялось (Павс. V, 6, 5; VI, 20, 6).

Устройствомъ состязаній завѣдывали и награды побѣдителямъ присуждали такъ называемые «Еллинскіе судьи» (Ἐλλανοδίκαι), число которыхъ въ разное время было различно: сначала только одинъ изъ рода Ифита, потомъ двое изъ всѣхъ елейцевъ, далѣе 9 и наконецъ 10; въ IV в. до Р. Х. въ теченіе нѣкотораго времени было по 12 и по 8 елланодиковъ. Эти перемѣны ихъ числа

ставятся въ связь съ измѣненіями числа филъ, на которыя дѣлились елейцы. Елланодики избирались на одну Олимпиаду. Выборъ производился такъ, что сначала народъ большинствомъ голосовъ избиралъ подходящихъ кандидатовъ въ бѣльшемъ противъ потребнаго числѣ, а потомъ изъ этихъ кандидатовъ избиралось потребное число по жребію. Избранные въ продолженіе 10 мѣсяцевъ изучали въ Елидѣ въ зданіи 'Ελλανοδικαίον, подъ руководствомъ особыхъ «стражей закона» (νομοφύλακες), все то, что относилось къ ихъ дѣятельности, и въ первый день праздника давали клятву правильно исполнять свои обязанности. Для поддержанія порядка во время праздника они имѣли въ своемъ распоряженіи известное число палочниковъ (ῥαβδοῦχοι или ῥαβδοφόροι, также μαστιγοφόροι, ἄλοται, подъ начальствомъ ἀλοτάρχης), которые по ихъ приказанію подвергали провинившихся тѣлесному наказанію. Атлеты за нарушеніе правилъ состязаній были наказываемы лишеніемъ вѣнка или денежными штрафами, поступавшими въ казну Зевсова храма ¹⁾. Впрочемъ на приговоръ елланодиковъ можно было апеллировать въ Олимпійскій совѣтъ, который имѣлъ право штрафовать елланодиковъ за допущенныя ими неправильности или злоупотребленія.

Желавшіе принять участіе въ состязаніяхъ обязаны были заблаговременно заявлять объ этомъ елланодикамъ и въ первый день праздника давали торжественную клятву (предъ алтаремъ Зевса Орвіа въ зданіи совѣта, стоявшемъ въ Альтисѣ) въ томъ, что кандидатъ—чисто еллинскаго происхожденія и безупречнаго поведенія, въ теченіе по крайней мѣрѣ 10 мѣсяцевъ добросовѣстно готовился къ состязаніямъ, въ которыхъ намѣренъ былъ участвовать, и обѣщаетъ не допускать въ состязаніяхъ ничего недозволеннаго. За мальчиковъ давали клятву ихъ отцы или старшіе братья и учителя, подъ руководствомъ которыхъ они готовились къ состязаніямъ. Приступавшіе къ состязаніямъ впервые обязаны были, кромѣ того, заниматься предварительными упражненіями въ Олимпіи въ теченіе 30 дней, а мальчики и молодая лошадь подвергались испытанію (δοκιμασία), имѣвшему цѣлью устранить изъ ихъ среды взрослыхъ юношей и взрослыхъ лошадей. Приготовленіе атлетовъ къ состязаніямъ состояло, конечно, главнымъ

¹⁾ Въ Альтисѣ у подошвы Кронова холма стоялъ рядъ мѣдныхъ статуй Зевса (Ζῆνους), сооруженныхъ на штрафныя деньги (Павс. V, 21, 2).

образомъ въ постоянныхъ упражненіяхъ, а кромѣ того въ особой дѣтѣ: они должны были ѣсть какъ можно больше мяса (*ἀναγκοφαγία*), воздерживаться отъ вина и пр.

Въ дни состязаній послѣ торжественнаго жертвоприношенія елланодики, одѣтые въ пурпуровыя платья и съ лавровыми вѣнками на головахъ, входили въ сопровожденія глашатаевъ и атлетовъ потаеннымъ отъ зрителей входомъ на стадій и занимали отведенныя для нихъ мѣста. По трубному сигналу глашатай объявлялъ о началѣ состязанія и призывалъ состязающихся, къ которымъ одинъ изъ елланодиковъ обращался съ краткою рѣчью; затѣмъ атлеты по одиночѣмъ проходили по стадію, при чемъ глашатай объявлялъ собранію имя и родину каждого и спрашивалъ, не имѣетъ ли кто обвиненія противъ атлета въ томъ, что онъ не свободенъ или не достоинъ участвовать въ состязаніи. Затѣмъ жребій опредѣлялъ, кто съ кѣмъ будетъ состязаться. Состязанія происходили по группамъ (*τάξεις*), по три или по четыре; побѣдители въ отдѣльныхъ группахъ состязались потомъ между собою и тотъ, кто одерживалъ верхъ надъ противниками въ этотъ разъ, признавался побѣдителемъ въ данномъ видѣ состязанія. Въ тотъ день побѣдитель обыкновенно не принималъ больше участія въ состязаніяхъ, хотя бывали случаи, что одинъ и тотъ же атлетъ въ одинъ день одерживалъ двѣ или нѣсколько побѣдъ, что считалось, конечно, большою честью и славой. Если состязающіеся должны были распределяться попарно, какъ напр. при борьбѣ и кулачномъ боѣ, то при нечетномъ числѣ ихъ одинъ оставался лишнимъ и назывался *ἑφεδρος*; какъ кажется, атлеты, оставшіеся побѣдителями при первомъ состязаніи попарно, потомъ должны были состязаться между собою, при чемъ въ ихъ число входилъ и *εφεδρῆς*, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока оставался одинъ побѣдитель; такимъ образомъ *εφεδρῆς*, который выдерживалъ однимъ состязаніемъ меньше чѣмъ другіе, имѣлъ болѣе шансовъ на успѣхъ, и потому жребій *εφεδρα* всегда казался завиднымъ. Во время состязаній играли на флейтѣ. Состязанія взрослыхъ происходили обыкновенно въ слѣдующемъ порядкѣ: *δόλιχος*, *στάδιον*, *δίαιλος*, *πάλη*, *πυγμή*, *παγκράτιον* и послѣ конскихъ ристаній *πένταθλον*.

По окончаніи состязанія елланодики вручали побѣдителю палмовую вѣтвь ¹⁾ и приказывали вновь предстать предъ ними въ

¹⁾ Этотъ обычай существовалъ и на другихъ національныхъ праздникахъ.

день торжественной раздачи наградъ. Побѣдителемъ признавался и тотъ атлетъ, противъ котораго не рѣшался выступить ни одинъ противникъ (*νίκη ἀκοντί*). Наградю побѣдителю на всѣхъ національныхъ праздникахъ служили вѣнки. Въ Олимпіи вѣнки стали даваться въ награду съ 7-й Олимпіады; они дѣлались изъ вѣтвей дикой мыслины (*κότινος*), по преданію, впервые посаженной здѣсь Геракломъ; вѣтви срѣзывалъ золотымъ ножомъ елейскій мальчикъ благороднаго происхожденія, имѣвшій еще въ живыхъ обоихъ родителей (*ἀμφιθαλής παῖς*); вѣнки, украшенные бѣлыми повязками, выставлялись сначала на мѣдномъ треножникѣ, а позднѣе на драгоценномъ столѣ работы художника Колота (Павс. V, 12, 3; V, 20, 1), въ притворѣ храма Зевса. Въ день торжественной раздачи наградъ, при врученіи каждому побѣдителю вѣнка, герольдъ провозглашалъ во всеуслышаніе его имя и родину. Затѣмъ побѣдители отправлялись въ такъ называемое *δοδεκάθεον* для жертвоприношеній на 6 алтаряхъ, изъ которыхъ каждый былъ посвященъ двумъ богамъ. При этомъ раздавались побѣдныя пѣсни и старинный, сложенный Архилохомъ, гимнъ въ честь Геракла и его родственника Толая, съ извѣстнымъ припѣвомъ: *Τήνελλα καλλίνικε χαῖρ' ἀνάξ' Ἠράκλειε*. Празднества въ Олимпіи заканчивались торжественнымъ пиромъ, который елейская община давала побѣдителямъ.

При возвращеніи на родину побѣдителя ожидали еще болѣе блестящія почести. Его родственники, друзья и весь родной городъ считали себя прославленными его побѣдою предъ лицомъ всей Эллады и выражали свою благодарность всевозможными средствами. Побѣдитель въѣзжалъ въ родной городъ въ роскошной пурпуровой одеждѣ на запряженной четвернею колесницѣ, въ сопровожденіи родственниковъ, друзей и согражданъ, съ радостью выходившихъ ему на встрѣчу; случалось, что для торжественнаго въѣзда его въ городъ разбиралась часть городской стѣны; по объясненію Плутарха (*Симп.* II, 5, 2) это дѣлалось съ цѣлью показать, что городъ, имѣющій подобныхъ гражданъ, не нуждается въ стѣнахъ для своей защиты. Шествіе направлялось къ храму главнаго городского божества, гдѣ побѣдитель слагалъ свой вѣнокъ на алтарь, какъ побѣдный даръ. Затѣмъ устраивался пиръ, во время котораго, какъ и раньше при шествіи, раздавались торжественные гимны въ честь побѣдителя, исполняемые многочисленными хорами. Знаменитѣйшіе поэты, какъ Пиндаръ, Симонидъ и Бакхилидъ, сочиняли такіе гимны и прославили ими многихъ побѣдителей. Такія

празднества иногда повторялись въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ годовщину побѣды. Кромѣ того благодарныя общины чтили побѣдителей и другими наградами, напр. денежными (въ Афинахъ по закону Солона каждый олимпіоникъ получалъ по 500 драхмъ, а побѣдители на другихъ національныхъ праздникахъ—по 100), проедрію или почетнымъ мѣстомъ при всѣхъ празднествахъ и публичныхъ зрѣлищахъ, пожизненнымъ содержаніемъ въ пританей и статуями въ общественныхъ мѣстахъ. Около 60-й Ол. (540 до Р. Хр.) олимпіоники получили право ставить въ самой Олимпіи, для увѣковѣченія своей памяти, статуи въ позѣ побѣдителя съ принадлежностями состязанія (напр. съ гирями, дискомъ и т. п.) и съ соотвѣтствующею подписью, правильность которой контролировалась елладодиками; статуи иконическія, т. е. съ воспроизведеніемъ чертъ лица самого побѣдителя, могли ставиться только послѣ трехъ побѣдъ (Плин. *N. h.* 34, 9, 16). Еще во времена Павсанія въ Олимпіи стояло болѣе 230 статуй, уцѣлѣвшихъ отъ грабительства римлянъ.

Важнѣйшіи труды: *Curtius, Adler, Treu, Dörpfeld, Dittenberger, Purgold* etc., *Die Ausgrabungen von Olympia*, Berl. 1881—97.—*J. H. Krause*, *Hellenica*, II Th. 1 Bd: *Olympia oder Darstellung der grossen olymp. Spiele*, Wien 1838.—*A. Boetticher*, *Olympia, das Fest und seine Stätte*, 2 Aufl. Berl. 1886.—*H. Förster*, *De hellanodiei Olympici*, Lips. 1879.—*Holwerda*, *Olympische Studien* (I: Die Folgenreihe der Festspiele. II: Ἐφεδρεία. III: Pentathlon) въ *Archäol. Zeitung* 1880—81.—*Fr. Mie*, *Quaestiones agonisticae inprimis ad Olympia pertinentes*, Rost. 1888.—*Chr. Scherer*, *De Olympionicarum statuis*, diss. Gott. 1885.—*O. Puchstein*, *Der Altar d. Olymp. Zeusъ* въ *Jahrbuch d. K. Deutschen Arch. Inst.* XI (1896).

§ 3. Пиеійскій праздникъ

Послѣ Олимпійскаго праздника второе мѣсто по блеску и значенію занималъ Пиеійскій, совершавшійся послѣ 1-й священной войны въ Киррейской равнинѣ близъ Дельфъ, у подошвы Парнаса. Начало его восходитъ къ глубокой древности (по преданію древнихъ музыкальныя состязанія въ Дельфахъ установлены самимъ Аполлономъ послѣ побѣды его надъ дракономъ Пиеономъ), но равне упомянутой войны онъ совершался въ самихъ Дельфахъ, подъ надзоромъ дельфійскихъ жрецовъ, разъ въ 8 лѣтъ (ἐνναετηρίς), и сопровождался только состязаніями кнэародовъ, т. е. пѣвцовъ подъ аккомпаниментъ кнэары, исполнявшихъ пѣанъ въ честь Аполлона.

Послѣ взятія Кирры въ Ол. 47, 3 (590 до Р. Хр.) члены дельфійской амфигіоніи, ведшіе войну противъ этого города, устроили на его землѣ, посвященной Аполлону, Пиеійскій праздникъ, на которомъ къ состязанію кивародовъ были прибавлены ἀλφείας ἀγωνισμα καὶ ἀλλῶν (т. е. состязаніе въ игрѣ на флейтѣ и въ пѣніи подъ ея аккомпаниментъ), гимническія и конныя (ἀγὼν γυμνικός καὶ ἵπτικός), а въ награду побѣдителямъ были выданы цѣнные предметы (ἀγὼν χρηματίας) ¹⁾. Періодъ праздника былъ при этомъ оставленъ прежній, т. е. восьмилѣтній, но уже при второмъ празднованіи въ Ол. 49, 3 (582 г. до Р. Хр.) онъ былъ измѣненъ на четырехлѣтній (πενταετηρίς), каковымъ и остался на все будущее время ²⁾. Съ тѣхъ поръ онъ совершался въ каждый 3-й годъ Олимпиады въ дельфійскомъ мѣсяцѣ Βοοχάτιος, соотвѣтствовавшемъ аттическому Метагитніону (см. стр. 110); кромѣ того ежегодно совершались въ то же время малыя Пиеіи. Завѣдываніе праздникомъ съ 590 г. перешло къ амфигіонамъ, которые назначали и судей состязаній. При 2-мъ празднованіи (582 г.) были отмѣнены состязанія авлодовъ и цѣнные призы, вмѣсто которыхъ стали раздаваться вѣнки (ἀγὼν στεφανίτης). Они дѣлались изъ вѣтвей священнаго лавра, росшаго въ Темпейской долинѣ, куда за ними отправлялась торжественная процессія; вѣтви, какъ въ Олимпіи, срѣзывалъ золотымъ ножомъ мальчикъ благороднаго происхожденія, имѣвшій въ живыхъ обоихъ родителей. Впослѣдствіи обычай отправляться за лавровыми вѣтвями, указывавшій на древнюю религіозную связь Дельфъ съ Тессаліей, какъ кажется, былъ оставленъ. Кромѣ вѣнка побѣдителямъ на Пиеійскихъ состязаніяхъ давались яблоки и разрѣшалась постановка статуи.

Гимническія и конныя состязанія въ общемъ соотвѣтствовали Олимпійскимъ (хотя въ частностяхъ были нѣкоторыя отличія), но всегда занимали здѣсь второе мѣсто послѣ музыкальныхъ, между которыми на первомъ планѣ стояло исполненіе такъ называемаго Пиеійскаго νόμος'а, т. е. композиціи, составленной по опредѣленной схемѣ и исполнявшейся на флейтѣ однимъ солистомъ съ ак-

¹⁾ Страб. IX р. 421 и 646; Павс. X, 7, 2.

²⁾ Объ этой перемѣнѣ упоминаетъ схолиастъ Пиндара (*Hypoth. Pyth.*). Павсаній, не зная этой перемѣны, но зная, что второй праздникъ послѣ Киррейской войны былъ въ 582 г., относитъ первый къ Ол. 48, 3 (586), и эту ошибку повторяетъ большинство новыхъ ученыхъ (другіе относятъ второй праздникъ къ 586 г.).

компаниментом нѣсколькихъ другихъ музыкантовъ. *Nômos* состоялъ изъ 5 частей и долженъ былъ представлять борьбу Аполлона съ Пиеономъ и побѣду надъ нимъ. Вообще Пиеійскія состязанія впоследствии были очень разнообразны. По словамъ Плутарха (*Quaest. symp.* V, 2), за присоединеніемъ трагическихъ состязаній къ существовавшимъ прежде агонамъ флейтистовъ, китаристовъ и китародовъ, какъ бы въ открытую дверь ворвалась цѣлая толпа всевозможныхъ музыкальныхъ и словесныхъ состязаній (*ἀκροβάματα*).

J. H. Krause, *Hellenica*, II Th. 2 Band: Die Pythien, Nemeen und Isthmien, Leipz. 1841.—*Weniger*, Ueber die relig. Seite der grossen Pythien, Bresl. 1870.—*Aug. Mommsen*, *Delphika*, Leipz. 1878.

§ 4. Исемійскій праздникъ.

Онъ совершался на Исемѣ (Коринескомъ перешейкѣ), первоначально въ честь Меликерта, несомнѣнно финикійскаго божества, которое еллины называли также Палэмономъ и ставили въ генеалогическую связь съ туземными героями; позднѣе культъ Меликерта, установленный, вѣроятно, жившими нѣкоторое время на Исемѣ финикійскими колонистами, отступилъ на задній планъ предъ культомъ іоническаго Посидона, введеннымъ здѣсь, по преданію, аеинскимъ героемъ Тесеемъ, которому приписывается и учрежденіе состязаній при этомъ праздникѣ. Святилище Посидона находилось въ сосновой рощѣ у Схинунтской бухты. Послѣ переселенія дорійцевъ въ Пелопоннесъ Исемъ принадлежалъ коринтянамъ, которые и завѣдывали праздникомъ въ историческія времена ¹⁾; но аеиняне всегда занимали выдающееся положеніе между участниками празднества и имѣли проедрію (напротивъ елейцы были устранены отъ всякаго участія въ праздникѣ, Павс. V, 2, 3). Во время тиранніи Кипселидовъ праздникъ не совершался, но затѣмъ въ 582 г. былъ возобновленъ и съ тѣхъ поръ совершался чрезъ каждые 2 года (т. е. былъ *τρίτηρίς*, подобно Немейскому празднику), вѣроятно весной каждаго 2-го и 4-го года Олимпіады. Состязанія были гимническія, конныя, музыкальныя и поэтическія.

¹⁾ Послѣ разрушенія Коринѳа Мумміемъ въ 146 г. до Р. Хр. завѣдываніе праздникомъ на время перешло къ сикіонцамъ, но впоследствии, по возобновленіи Коринѳа, было возвращено его жителямъ. Павс. II, 2, 2.

Побѣдители получали первоначально вѣнокъ изъ сосновыхъ вѣтвей, потомъ—изъ сельдерея (*αίλινον*), а въ римскія времена опять сосновый (Плут. *Quaest. symp.* V, 3).

Krause, указ. соч. — *G. F. Unger*, *Der Isthmientag und die Hyakinthien* въ журн. *Philologus* т. 37 (1877).

§ 5. Немеискій праздникъ

совершался въ Немеиской долинь, въ области города Клеонъ въ Арголидѣ. Первоначально онъ былъ установленъ, по преданію, аргосцами во время похода Семи противъ Эивъ, въ память малютки Офельты или Аркемора (сына немеискаго царя Ликурга), умершаго отъ укушенія змѣи и принимаемаго новыми учеными за символъ растительности, вымирающей подъ вліяніемъ зимнихъ холодовъ или лѣтняго зноя. Такимъ образомъ праздникъ имѣлъ печальный характеръ; въ послѣдствіи онъ пришелъ въ упадокъ и только въ 573 г. до Р. Хр. былъ возобновленъ дорійцами уже въ честь Зевса, при чемъ были установлены и состязанія по образцу Олимпійскихъ. Къ участію въ праздникѣ были приглашены всѣ дружественныя государства, преимущественно, конечно, дорическія, но до общееллинскаго значенія праздника возвысился лишь постепенно, подобно Олимпійскому. Зевсу былъ воздвигнуть великолѣпный храмъ съ священной рощей, развалины котораго отчасти сохранились до нашихъ временъ. Праздникъ былъ тріетерическій, т. е. совершался чрезъ каждые два года лѣтомъ, въ мѣсяцѣ Панамѣ (іюль—августъ), во 2-мъ и 4-мъ году Олимпіады¹⁾. Завѣдывали праздникомъ первоначально клеонеицы, въ области которыхъ лежало святилище, но около 460 г. до Р. Хр. аргосцы отняли у нихъ завѣдываніе святилищемъ и праздникомъ. Ближайшія подробности относительно устройства праздника неизвѣстны; состязанія на немъ были не только гимническія и конныя, но и музыкальныя, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшія времена. Особенно славилась лица, которыя одерживали побѣду на Немеискомъ праздникѣ послѣ побѣдъ на трехъ другихъ и становились такимъ образомъ *περιόδονχοι*. Наградой побѣдителямъ, по словамъ схолиаста Пиндара

¹⁾ Кромѣ того во времена Давсанія были *зимнія Немеи*, но это былъ, по-видимому, мѣстный аргосскій праздникъ, а не общееллинскій (Павс. II, 15, 2; VI, 16, 4). Есть основаніе предполагать, что мѣстный праздникъ совершался ежегодно.

(*Hypoth. Nem.* p. 425), сначала служилъ масличный вѣнокъ, а послѣ Персидскихъ войнъ, въ честь погибшихъ во время ихъ, — вѣнокъ изъ сухаго сельдерея, считавшагося въ древности печальнымъ растеніемъ.

Krause, указ. соч. — *G. F. Unger*, Die Nemeen въ журналѣ *Philologus* т. 34 (1874) и *Die Winternemeen*, тамъ же т. 37. — *J. G. Droysen*, Die Festzeit der Nemeen въ журн. *Hermes* т. 14 (1879).

ГЛАВА 16-я.

Аѳинскіе праздники.

Обратимся теперь къ ознакомленію съ важнѣйшими праздниками, совершавшимися въ отдѣльныхъ греческихъ государствахъ. Ихъ обзорнѣе естественнѣе всего начать съ Аттики, о религіозной жизни которой мы имѣемъ наиболѣе свѣдѣній, а расположить его удобнѣе всего во временной послѣдовательности, по мѣсяцамъ аттического года. При этомъ, конечно, мы обратимъ вниманіе только на болѣе важные праздники.

Капитальный трудъ объ аѳинскихъ праздникахъ: *Aug. Mommsen*, Feste der Stadt Athen im Altertum, geordnet nach att. Kalender. Leipz. 1898.

§ 1. Первая четверть года (Панаѳеней и др.).

Первый мѣсяцъ аттического года первоначально назывался Кроноу, а въ историческія времена Ἐκατομβαιών. Это послѣднее названіе произошло, безъ сомнѣнія, отъ праздника Ἐκατομβαια въ честь Аполлона, хотя о существованіи такого праздника въ самой Атикѣ нѣтъ прямыхъ указаній. Праздникъ Крона (въ честь Крона), отъ котораго происходило древнѣйшее названіе мѣсяца, по преданію былъ учрежденъ Кекропомъ и совершался 12-го числа; при немъ весело праздновалось окончаніе уборки полевыхъ хлѣбовъ и устраивались пиры, при которыхъ, между прочимъ, господа угощали своихъ рабовъ, потрудившихся при жатвѣ. Въ этотъ праздникъ, повидимому, приносились только безкровныя жертвы.

16-го числа совершался праздникъ Σουοικῆςα или Σουοικία (или Μετοικία по Плут. *Θес.* 24) въ честь Аѳины, въ память Θесеева соединенія двѣнадцати аттическихъ общинъ въ одно государство (σωοικισμός). Въ этотъ праздникъ совершалось жертвоприношеніе

богинѣ Мира (Εἰρήνη), которое въ V в. было безкровнымъ (Аристоф. *Миръ* ст. 1019 и skol.); но во 2-й половинѣ IV в., по свидѣтельству надписей, содержащихъ въ себѣ счеты суммъ, вырученныхъ отъ продажи шкуръ животныхъ, принесенныхъ въ жертву въ важнѣйшіе праздники (τὸ δερματικόν) ¹⁾, богинѣ Мира приносились большія кровавыя жертвы. Вслѣдъ за жертвоприношеніемъ Миру въ надписяхъ τῆς δερματικῆς упоминается жертвоприношеніе египетскому богу Аммону, культъ котораго распространился въ Елладѣ главнымъ образомъ благодаря славѣ его прорицалища (см. о немъ ниже ст. 19 § 1).

28-го числа, въ день рожденія богини покровительницы города АѢины Полиады, совершался одинъ изъ важнѣйшихъ аттическихъ праздниковъ — Παναθήναια въ честь этой богини. Учрежденіе его относится къ доксторическимъ временамъ и приписывалось Ерихѳонію. Первоначально праздникъ, по свидѣтельству Павсанія (VIII, 2, 1), назывался просто Ἀθήναια, а названіе Παναθήναια получилъ со времени Θесеева синоикисма. Онъ совершался издревле ежегодно, но со времени Писистрата разъ въ четыре года, въ третьемъ году каждой Олимпіады, праздновался съ особымъ блескомъ и пышностью и назывался τὰ Παναθήναια τὰ μεγάλα или πενταετηρίς τῶν Παναθηναίων; ежегодный праздникъ съ тѣхъ поръ сталъ называться Παν. τὰ κατ' ἐνιαυτὸν или τὰ μικρά. Великія Папаѳенѣи продолжались нѣсколько дней (по счету А. Моммзена девять, съ 21 по 29 число). Въ первые дни праздника совершались разныя состязанія, — гимническія, конныя и музыкальныя; участники дѣлились по возрасту на три группы: παῖδες, ἀγένετοι (безбородые, т. е. юноши) и ἄνδρες; въ числѣ состязаній упоминаются: στάδιον, δίαυλος, δόλιχος, πένταθλον, πάλη, πογμή, παγχράτιον, πορρίχη и др.; къ нимъ же относилась λαμπαδοδρομία, т. е. бѣгъ съ факелами, совершавшійся во время ночнаго празднества (παννοχίς) и состоявшій въ томъ, что молодые люди съ зажженными факелами бѣжали въ перегонку отъ алтаря Ерота въ Академіи по внѣшнему Керамику, передавая эти факелы изъ рукъ въ руки; побѣдителемъ признавался тотъ, кто первый достигалъ цѣли, не погасивъ факела; это было очень трудно, такъ какъ факелы были восковые и при быстромъ бѣгѣ легко гасли. Былъ еще ἀγὼν ἐνανδρίας, состоявшій въ маршѣ и военныхъ упражненіяхъ вооруженныхъ воиновъ, раздѣленныхъ по

¹⁾ С. I. Att. II, 2, № 741. Dittenberger, *Syll. inscr. Gr.* № 374.

филямъ и отличающихся ростомъ, силою и красотою. Устройство пиррнии, лампадодроміи и евандріи принадлежало къ числу круговыхъ литургій ¹⁾.

Конныя состязанія также были очень разнообразны; въ числѣ ихъ упоминаются, напр., состязанія ἵππων ζεύγε ἀθρήραφ (на парѣ вдоволь ѣдящихъ, т. е. взрослых лошадей), ζεύγε κολικῶ, περικῶ, κολομίστριφ, κέλυτι и др. Наконецъ упоминаются состязанія тріеръ (νοῶν ἄριλλα) въ Пиррѣ, происходившія въ послѣдній день праздника.

Музыкальныя состязанія рано вошли въ составъ Панаѳенэйскаго праздника. Еще Писистратомъ было установлено, чтобы рапсоды исполняли на великихъ Панаѳенэяхъ Гомеровскія поэмы въ опредѣленномъ порядкѣ и очереди; Периклъ присоединилъ состязанія флейтистовъ, игроковъ на кноарѣ (κίθαρισταί) и пѣвцовъ съ аккомпаниментомъ кноары (κίθαροδοί); эти состязанія происходили въ нарочью для нихъ настроенномъ зданіи Ὀιδεῖον. Для завѣдыванія всѣми состязаніями выбирались 10 ἀθλοδότηαι, по одному изъ каждой филы, на 4 года, отъ однихъ великихъ Панаѳенэй до слѣдующихъ. Наградями за побѣды въ музыкальныхъ состязаніяхъ служили золотыя вѣнки и денежныя призы (до 600 драхмъ), а первому и второму побѣдителямъ въ гимническихъ и конныхъ состязаніяхъ — масло отъ священныхъ оливъ (μορία) въ весьма значительномъ количествѣ, въ изящныхъ, украшенныхъ рисунками сосудахъ ²⁾; награда за побѣду въ гонкѣ тріеръ, назначавшаяся филамъ, а не отдѣльнымъ тріерархамъ, состояла въ известной суммѣ денегъ, часть которыхъ отдѣлялась для жертвоприношенія Поседону. За побѣду въ αὔων εὐανδρία филы получали быковъ цѣною въ 100 др., а отдѣльные побѣдители — щиты (Ар. Аѳ. пол. 60).

Самую важную и блестящую часть праздника составляла проис-

¹⁾ Ср. ч. I, стр. 296 (изд. 3).

²⁾ Первый побѣдитель получалъ вѣнцера богѣ масла, чѣмъ второй; напр., первый побѣдитель въ состязаніи безбородыхъ въ бѣгѣ получалъ 60 амфору масла, второй — 12; первый побѣдитель въ томъ же состязаніи мальчиковъ — 50, второй — 10 и т. д. Самое большое количество масла (140 амф.) выдавалось за побѣду ἵππων ζεύγε ἀθρήραφ. (Росписаніе наградъ сохранилось въ надписи С. I. А. II, 965). Нѣсколько вазъ, въ которыхъ выдавалось масло, сохранилось до нашихъ временъ; на нихъ надписывались слова τῶν Ἀθῆνηθεν ἄθλων εἰμί и имя архонта эпонима, при которомъ одержана была побѣда. Верховное завѣдываніе панаѳенэйскими наградами принадлежало совѣту и казначею военныхъ суммъ (Архист. Аѳ. пол. 49, 3).

ходившая 28-го числа торжественная процессія (πομπή), въ которой богинѣ приносился πέπλος, роскошная одежда для статуи, вытканная избранными аэинскими гражданками (ἐργαστήναι), по одобренному совѣтомъ (повдѣе судебной палатой) проекту (Арист. *Аэ. пол.* 49), подъ наблюдениемъ аелоэетовъ (ibid. 60). Работу начинали за 9 мѣсяцевъ до Панаэенэй, въ послѣдній день мѣсяца Пианопсіона, посвященный Аэинѣ-Работницѣ (Ἐργάνη), избранныя дѣвочки ἀρρηφόροι (см. о нихъ ниже § 4). На шафранномъ фонѣ ткани изображалась битва съ гигантами, гдѣ Аэина является побѣдительницею дикихъ и враждебныхъ богамъ силъ, а также славныя дѣянія изъ отечественной исторіи, гдѣ сыны Аэинѣ являли себя достойными славы своихъ предковъ. Этотъ πέπλος развѣшивался въ видѣ паруса на модели корабля и въ такомъ видѣ провозился изъ внѣшняго Керамика по главнымъ улицамъ и площади города въ акрополь въ святилище богини. Въ процессіи участвовалъ весь аэинскій народъ со всѣмъ, что у него было прекраснѣйшаго и почетнѣйшаго. Жрецы и служители культа вели множество разукрашенныхъ жертвенныхъ животныхъ, благороднѣйшія дѣвицы несли въ корзинахъ и сосудахъ священные предметы (κατήφοροι), благороднѣйшіе и красивѣйшіе старцы шествовали съ оливковыми вѣтвями (θαλλοφόροι), въ бѣлыхъ одеждахъ и съ вѣнками на головахъ; далѣе въ процессіи участвовали взрослые граждане и юноши въ военномъ платьѣ, съ копьемъ и щитомъ, всадники въ блестящемъ вооруженіи подъ предводительствомъ гиппарховъ, наконецъ всѣ побѣдители въ предшествовавшихъ состязаніяхъ. Вольноотпущенники и метойки, жившіе въ странѣ богини подъ покровительствомъ ея законовъ, также принимали участіе въ процессіи, но лишь въ служебныхъ роляхъ, соотвѣтствовавшихъ ихъ подчиненному положенію: метойки-мужчины несли сосуды съ жертвенными печеньями, ихъ жены — сосуды съ водою, незамужнія дочери — зонтики или стулья за знатными гражданками; на обязанности вольноотпущенниковъ лежало украшеніе улицъ и площади, по которымъ проходила процессія, дубовыми вѣтвями. Иностранныя государства, именно аэинскіе колонисты и союзники, принимали участіе въ праздникѣ посредствомъ торжественныхъ посольствъ (θεωρίαι), привозившихъ богинѣ дары и жертвы и также участвовавшихъ въ процессіи. Въ V в. до Р. Хр., въ эпоху процвѣтанія аэинской гегемоніи, каждый союзный городъ обязанъ былъ доставлять по быку и по двѣ овцы для жертвоприношенія на Панаэенэйскомъ празд-

никѣ. Этимъ торжественнымъ жертвоприношеніемъ (ἐκατόμβη) на акрополѣ заканчивалась процессія. Съ ея составомъ и пышностью можно по сохранившимся рельефамъ, изваяннымъ учениками Фидіа подъ его ближайшимъ руководствомъ и нѣкогда украшавшимъ собою фризъ Парѳенона ¹⁾. Послѣдній день праздника съ его великолѣпною процессіею былъ нагляднымъ представленіемъ какъ могущества самой богини, такъ и доблести, процвѣтанія и богатства покровительствуемаго ею народа.

Относительно ежегодныхъ или малыхъ Панаѳенѣй нельзя опредѣлить съ полною достовѣрностью, въ какой мѣрѣ онѣ соотвѣтствовали великимъ. На нихъ также происходили состязанія, только, конечно, не столь многочисленныя и разнообразныя ²⁾, была и процессія и *πανοχίς*; пеплосъ богинѣ съ конца IV в. также приносился ежегодно (Діод. XX, 46). Съ подробнымъ росписаніемъ богослужебныхъ обрядовъ, совершавшихся въ малыхъ Панаѳенѣй, знакомитъ насъ сохранившаяся (не вполне) надпись С. I. Att. II, 163, относящаяся ко 2-й половинѣ IV в. до Р. Хр. и содержащая въ себѣ уставъ для *ἱεροκοοί*, завѣдывавшихъ этимъ праздникомъ: они должны приносить одну жертву на ареопагѣ почитаемымъ на немъ божествамъ, другую на акрополѣ — Аѳинѣ, какъ богинѣ здравія (*Ἀθηνᾶ Ὑγίεια*); изъ мяса жертвенныхъ животныхъ они должны отдѣлять части пританамъ, архонтамъ, казначеямъ сокровищъ богини, стратегамъ, таксіархамъ, устроителямъ процессіи, капефорамъ, себѣ и всѣмъ аѳинянамъ; ночью устраивалась веселая *πανοχίς*, а на другой день съ восходомъ солнца — процессія, которою также завѣдывали *ἱεροκοοί*; особыя суммы назначались для покупки коровъ, изъ которыхъ лучшія приносились въ жертву Аѳинѣ Побѣдѣ (*Ἄ. Νίκη*) и Аѳинѣ Полюдѣ на ея большомъ алтарѣ, и мясо ихъ раздѣлялось народу по демамъ (*χρεανομία*).

Второй мѣсяцъ *Μεταχαιτίων* получилъ свое названіе отъ праздника въ честь Аполлона *Μεταχαιτίος* (Сосѣдскаго); это прозвище Аполлона, праздникъ и названіе мѣсяца были, повидимому, весьма древ-

¹⁾ См. о нихъ *A. Michaelis*, *Der Parthenon*, 1871 (текстъ и атласъ); *L. von Sybel* въ *Baumeister's Denkmäler d. klass. Alterthums* п. сл. *Parthenon* и др.

²⁾ Упоминаются *παιχίσται* (Лис. *ἀπολ. δωροδοχ.*) и *ἀγών εὐανδρίας* (Θυкид. V, 56). На такъ называемыхъ Панаѳенѣйскихъ вазахъ (см. прим. на стр. 134) чаще всего встрѣчаются имена архонтовъ третьяго года Олимпіадъ, но попадаются и вазы съ именами архонтовъ другихъ годовъ, отсюда очевидно, что онѣ выдавались и въ малыхъ Панаѳенѣй.

няго происхожденія и встрѣчаются не только у іонійцевъ, но и у дорійцевъ въ формѣ Πεδαγεῖτινος. Въ АѢинахъ въ теченіе этого мѣсяца не было особенно важныхъ праздниковъ.

Въ третьемъ мѣсяцѣ, носившемъ названіе Βοηδρομίον (отъ праздника Βοηδρομία) совершался 5-го числа праздникъ поминовенія усопшихъ подѣ именемъ Γενέσια, Νεμέσια (отъ имени богини Νέμεσις) или Νεχόσια съ жертвоприношеніемъ богинѣ Земли. На слѣдующій день праздновалась МараѢонская побѣда и совершалось поминовеніе по убитымъ въ этой битвѣ воинамъ¹⁾. Извѣстно, что передъ битвой аѢиняне, моли о помощи Артеиду-Агротеру, обѣщали принести ей въ жертву по козѣ за cadaго убитаго врага, но такъ какъ убитыхъ оказалось слишкомъ много, то рѣшено было ежегодно приносить въ жертву по 500 козъ, что и исполнялось архонтомъ-полемархомъ 6-го Боедроміона. У ДемосѢена (*Ол.* III, § 31) и въ надписяхъ упоминается вооруженная процессія (πομπή ἐν ὄπλοις), совершавшаяся въ день этого праздника. ВѢроятно на слѣдующій день (7-го числа) совершался праздникъ Βοηδρομία въ честь Аполлона, какъ помощника въ битвахъ (Ἄπ. Βοηδρομίος). Самымъ важнымъ праздникомъ въ Боедроміонѣ были Ἐλευσίαιа или гелинія мистеріи въ честь Деметры, совершавшіяся въ теченіе почти 2-хъ недѣль въ городѣ и въ Елевсинѣ. Первая, городская половина празднествъ продолжалась съ 13-го по 19-е число; здѣсь совершались и такія празднества, которыя лишь внѣшнимъ образомъ были связаны съ Елевсиніями, какъ напр. жертва Демократіи, праздникъ Асклепіа и пр. Но обо всемъ этомъ мы скажемъ тамъ, гдѣ будетъ рѣчь вообще объ Елевсинскихъ мистеріяхъ (см. ниже отд. V, гл. 20 § 2).

C. Hoffmann, Panathenaikos, Cassel 1835. — *Petersen*, Die Feste der Pallas Athene, Hamb. 1835. — *H. A. Müller*, Panathenaica, Bonn 1837. — *Breuer*, De musicis Panathenaeorum certaminibus, Bonn 1868. — *Латышевъ*, къ вопросу о культѣ Аммона въ АѢинахъ, *Журн. М. Н. Пр.*, январь 1881.

¹⁾ Битва произошла 17-го числа Метагитніона, но празднованіе побѣды совершалось не въ самый день битвы, а было соединено съ ближайшимъ праздникомъ поминовенія усопшихъ и съ днемъ, посвященнымъ Артеидѣ.

§ 2. Вторая четверть года (Панапоиис, Θεομοφορίи, Апатуріи, сельскія Діонисіи и др.).

Четвертый мѣсяцъ Παναφίων ¹⁾ получилъ названіе отъ праздника Πανάφια, совершавшагося 7-го числа въ честь Аполлона, какъ бога свѣта и тепла, способствующаго созрѣванію плодовъ. Свое названіе праздникъ получилъ отъ того, что въ день его варили разные овощи,—чечевицу, бобы и пр. (ἐψηξας τῶν ὀσπρίων) и подносили Аполлону въ знакъ благодарности за дарованіе ихъ людямъ. Начатки плодовъ приносились богу также въ формѣ εἰρεσιώνη, —оливковой или лавровой вѣтви, обвитой шерстью (εἶρια) и обвѣшанной плодами и сосудцами съ масломъ, медомъ и виномъ; иресіону, подносимую отъ лица государства, несъ въ торжественной процессіи мальчикъ, имѣвшій въ живыхъ обонхъ родителей (παῖς ἀμφιθαλής), къ храму Аполлона, гдѣ она ставилась въ качествѣ приношенія. Отдѣльныя семьи также посвящали божеству иресіоны, которыя выставляли у дверей домовъ. Вмѣстѣ съ Аполлономъ или Гелиосомъ почитались при этомъ богини временъ года (Ἔρα), которыхъ аеиняне признавали въ числѣ двухъ (а не трехъ, какъ въ другихъ государствахъ) подъ именами Θαλλώ и Αὐξώ, намекавшими на то, что эти богини производили цвѣтеніе и созрѣваніе плодовъ.

Въ тотъ же день совершались въ честь Діониса и Аеины Скирады Ὀσοφορία, учрежденныя въ благодарность за дарованную людямъ жатву винограда и маслинъ и получившія свое названіе отъ виноградныхъ вѣтвей съ гроздьями ²⁾, игравшихъ роль при этомъ праздникѣ. Именно, παῖδες ἀμφιθαλεῖς, избранныя въ числѣ двухъ отъ каждой филы, съ виноградными вѣтвями (ὄσχοι или ῥόσχοι) въ рукахъ совершали бѣгъ отъ городского храма Діониса къ храму Аеины Скирады въ Фалерѣ. Побѣдителю въ бѣгѣ подносились φιάλη πενταπλῆ или πενταπλόα съ смѣсью изъ вина, меда, сыра, муки и масла, и побѣдитель долженъ былъ вкусить этой смѣси. Для всѣхъ участниковъ въ бѣгѣ устраивали обѣдъ избранныя знатныя гражданки (αἱ δευτεροφόροι). Затѣмъ процессія, въ которой побѣдитель въ бѣгѣ занималъ почетное мѣсто, возвращалась въ городъ съ

¹⁾ Такую форму имѣетъ названіе этого мѣсяца въ аттическихъ надписяхъ, тогда какъ у авторовъ обычная форма Παναφίων и Πανάφια. Значеніе обѣихъ формъ одно и то же (ср. ἔψω и ὄψων). Πάνοι собств. означаетъ бобы (=κάραι).

²⁾ Гесих. п. сл. ῥόσχοι: τὰ νέα κλήματα σὺν αὐτοῖς τοῖς βότροι.

пѣніемъ пѣсенъ въ честь Діониса, называвшихся *δορυφορικὰ μέλη*; хоромъ предводительствовали двое юношей въ женскомъ одѣваніи съ виноградными вѣтвями въ рукахъ. По прибытіи процессіи къ храму Діониса совершалось жертвоприношеніе, которымъ за вѣдывалъ родъ Фиталидовъ.

При Шанопсіяхъ и Осхофоріяхъ видную роль играли воспоминанія о возвращеніи *Θεσεία* съ Крита послѣ убіенія Минотавра: при вареніи овощей вспоминали, какъ *Θεσεία* со своими спутниками, возвратившись изъ Крита, отобѣдали остатками дорожныхъ запасовъ и принесли благодарственную молитву Аполлону; устройство иресіоны связывалось съ преданіемъ о томъ, что *Θεσεία* съ спутниками посвятилъ въ храмъ иресіону въ благодарность за благополучное возвращеніе; бѣгъ осхофоровъ, по преданію, былъ учрежденъ въ память встрѣчи *Θεσεία* жителями Аѣинъ въ Фалерѣ; *αἱ δεκτυφόροι* напоминали матерей тѣхъ юношей и дѣвицъ, которыхъ *Θεσεία* возилъ на Критъ, а переодѣваніе 2-хъ юношей въ процессіи въ женское платье связывалось съ преданіемъ о томъ, что *Θεσεία* взялъ съ собою двухъ мальчиковъ, переодѣтыхъ въ женское платье, вмѣсто дѣвицъ (Плут. *Θεσ.* 22 и 23).

Въ слѣдующіе дни (съ 8-го числа) совершалось прямо въ честь *Θεσεία* празднество *Θησεία*, учрежденное со времени перенесенія костей *Θεσεία* съ о. Скироса Кимономъ (469 до Р. Хр.) и принадлежавшее къ числу важнѣйшихъ аѣинскихъ праздниковъ. Оно состояло, кромѣ большаго жертвоприношенія отъ имени государства, главнымъ образомъ изъ разнообразныхъ состязаній, которыми за вѣдывалъ ежегодно избираемый агоноееть. Въ числѣ состязаній упоминаются: *λαμπροδρομία*, *εὐανδρία*, *εὐοπλία* пѣшихъ отборныхъ воиновъ и всадниковъ, состязанія трубачей и глашатаевъ. Участники состязаній раздѣлялись по возрасту на пять отдѣленій: *παῖδες τῆς πρώτης*, *δευτέρως* и *τρίτης ἡλικίας*, *παῖδες ἐκ πάντων*, *ἄνδρες*. Въ болѣе позднія времена видное участіе въ праздникѣ принимали ефебы. Въ ефебовскихъ надписяхъ *Θεσείων* праздникъ ставится рядомъ съ поминальнымъ празднествомъ *Ἐπιτάφια*, которое совершалось въ память гражданъ, павшихъ въ битвахъ, и сопровождалось лампадодромією и бѣгомъ ефебовъ въ полномъ вооруженіи (*ἐν ὅπλῳ*).

Непосредственно за описанными празднествами начинались *Θεσοφόρια* въ честь Деметры, продолжавшіяся 5 дней, съ 9-го по 13-е число. Это было такое время (по нашему календарю приближи-

тельно конецъ октября), когда годовой кругъ земледѣльческихъ работъ былъ вполнѣ законченъ и земледѣльцы начинали спокойно пользоваться дарами, которыми человекъ былъ обязанъ богинѣ земледѣлія; поэтому было совершенно естественно именно въ это время выразить ей благодарность за благодѣяніе, оказанное введеніемъ земледѣлія, какъ основанія подчиненной законному порядку осѣдлой жизни людей (на это именно указываетъ прозваніе богини *Θεσμοφόρος*). Праздникъ совершался исключительно аѳинскими гражданками, жившими въ законномъ бракѣ и отличавшимися хорошимъ поведеніемъ; мужчины и дѣвицы къ нему не допускались, почему и этотъ праздникъ иногда называется мистическимъ, хотя отъ мистерій въ собственномъ смыслѣ онъ отличался тѣмъ, что для участія въ немъ не было надобности въ особомъ посвященіи и въ самыхъ обрядахъ праздника не было ничего мистическаго. Въ основаніи допущенія къ празднику исключительно замужнихъ женщинъ лежала, вѣроятно, та мысль, что бракъ есть одно изъ важнѣйшихъ установленій культурной жизни. Участницы праздника выбирали изъ каждаго дема по двѣ наиболѣе уважаемыхъ и зажиточныхъ гражданки для совершенія священныхъ обрядовъ отъ имени гражданокъ своего дема; избранныя обязаны были угощать гражданокъ дема обѣдомъ, что считалось литургіею. Верховное же руководство всѣми обрядами принадлежало жрицѣ Деметры. Въ первый день праздника, носившій названіе *Στήμα*, женщины собирались въ опредѣленномъ пунктѣ и всѣ вмѣстѣ отправлялись въ мѣстечко Галимунтъ на мысъ Колиадѣ (близъ Фалера), при чемъ по дорогѣ и по прибытіи на мѣсто обмѣнивались шутками и насмѣшками (какъ при процессіи въ праздникъ Елевсиній, см. ниже гл. 20, § 2). Въ храмѣ Деметры въ Галимунтѣ на слѣдующій день совершалось празднество, которое собственно называлось *Θεσμοφόρια*, а затѣмъ 11-го числа участницы праздника возвращались въ Аѳины (почему этотъ день назывался *ἄνοδος*), гдѣ праздникъ продолжался; слѣдующій день, т. е. 12-е число, женщины проводили въ печали и постѣ (*νηστεία*), при чемъ вѣроятно въ этотъ день совершалось особое очистительное жертвоприношеніе (схол. Лук. Dial. мер. II, 1), а 13-го совершалось вышеупомянутое угощеніе женщинъ распорядительницами, при чемъ вездѣ царило непринужденное веселье, игры, танцы и пр.; этотъ день носилъ названіе *καλλιγένηα* (*τά*) отъ прозвища Деметры, какъ матери прекрасной Персефоны. Въ заключеніе праздника прино-

сился богинѣ подѣ названіемъ $\zeta\eta\mu\acute{\alpha}$ жертвенный даръ для отвращенія ея гнѣва за проступки и прегрѣшенія, которыя могли быть сдѣланы въ праздникѣ.

Въ 20-хъ числахъ этого же мѣсяца ¹⁾ совершался древній общеоионическій праздникъ Ἀπατούρια въ честь Зевса и Афины. Названіе праздника, которое самими древними невѣрно производилось отъ слова $\acute{\alpha}\pi\acute{\alpha}\tau\eta$ (Герод. I, 147), происходитъ, безъ сомнѣнія, отъ α соплативум и $\kappa\alpha\tau\acute{\alpha}\rho$ и значить то же, что $\delta\mu\omicron\kappa\alpha\tau\acute{\alpha}\rho\iota\alpha$; праздникъ служилъ главнымъ выраженіемъ религиозной связи фратрій. Праздничныхъ дней было собственно три, изъ которыхъ каждый отличался особымъ названіемъ: первый день назывался $\delta\acute{\omicron}\rho\pi\epsilon\iota\alpha$ (или $\delta\omicron\rho\pi\acute{\iota}\alpha$) отъ вечерняго пиршества членовъ фратрій, которому, конечно, предшествовало жертвоприношеніе; второй день назывался $\acute{\alpha}\nu\acute{\alpha}\rho\rho\omicron\upsilon\varsigma$ (по объясненію схола. Арист. *Ахарн.* 146: $\acute{\alpha}\pi\omicron$ τοῦ $\acute{\alpha}\nu\acute{\alpha}\rho\rho\omicron\upsilon\epsilon\iota\nu$ τοῦ $\theta\acute{\epsilon}\iota\upsilon\omicron\nu$), третій— $\gamma\eta\mu\epsilon\acute{\rho}\alpha$ $\kappa\omicron\upsilon\rho\epsilon\omega\tau\iota\varsigma$ ²⁾. Кромѣ того прибавлялся къ празднику еще одинъ день подѣ названіемъ $\acute{\epsilon}\pi\iota\beta\delta\alpha$, а праздничныя вакаціи начинались иногда наканунѣ $\delta\acute{\omicron}\rho\pi\epsilon\iota\alpha$, такъ что весь праздникъ продолжался тогда 5 дней. Въ 3-й день праздника происходило записываніе во фратріи дѣтей гражданъ, при чемъ отцы записываемыхъ представляли овцу или козу для жертвоприношенія на алтарѣ фратріи ³⁾. Жертва называлась $\kappa\omicron\upsilon\rho\epsilon\iota\omicron\nu$ (отъ $\kappa\omicron\upsilon\rho\omicron\varsigma$, $\kappa\omicron\upsilon\rho\eta$) и $\mu\epsilon\iota\omicron\nu$; въ надписяхъ $\kappa\omicron\upsilon\rho\epsilon\iota\omicron\nu$ отличается отъ $\mu\epsilon\iota\omicron\nu$, такъ что, вѣроятно, справедливо мнѣніе А. Моммзена (*Feste*, стр. 333), что $\mu\epsilon\iota\omicron\nu$ приносилось за маленькихъ дѣтей, а $\kappa\omicron\upsilon\rho\epsilon\iota\omicron\nu$ —за взрослыхъ. Тогда же молодые мужья записывали въ свои фратріи новобрачныхъ женъ, принося жертву, называвшуюся $\gamma\alpha\mu\eta\lambda\acute{\iota}\alpha$. Платонъ говоритъ (Тим. р. 21 b), что въ день $\kappa\omicron\upsilon\rho\epsilon\omega\tau\iota\varsigma$ происходили состязанія мальчиковъ въ декламированіи поэтическихъ произведеній, преимущественно стихотвореній Солона. Веселыя пиршества фраторовъ заканчивали этотъ день. Упоминаются особые $\pi\rho\tau\acute{\epsilon}\nu\theta\alpha\iota$ (= $\pi\rho\gamma\epsilon\upsilon\theta\alpha\iota$) и $\omicron\iota\nu\omicron\lambda\tau\alpha\iota$ (по объясненію Фотія $\acute{\epsilon}\pi\tau\eta\lambda\eta\gamma\tau\alpha\iota$ τοῦ τοῦς $\phi\rho\acute{\alpha}\tau\omicron\rho\alpha\varsigma$ ἡδὸν $\omicron\iota\omicron\nu\omicron\nu$ $\acute{\epsilon}\chi\epsilon\iota\nu$), заботившіеся объ устройствѣ этихъ пиршествъ. Въ числѣ

¹⁾ По мнѣнію Шмидта (*Gr. Chron.* стр. 278) три главные дня праздника приходились на 19—21 число.

²⁾ Впрочемъ по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ $\acute{\alpha}\nu\acute{\alpha}\rho\rho\omicron\upsilon\varsigma$ назывался первый день праздника, а $\delta\omicron\rho\pi\acute{\iota}\alpha$ — второй. Такой порядокъ принимаетъ теперь и А. Моммзенъ (*Feste d. St. Athen*, стр. 336).

³⁾ См. ч. I, стр. 209 (изд. 3).

праздничныхъ увеселеній упоминаются гимническія (именно *λαμπάδοδρομία*) и музыкальныя состязанія, которыя А. Моммзенъ (*Feste*, стр. 339 сл.) относитъ, впрочемъ, къ праздникамъ *Προφήθια* и *Ἡφαίσθια*.

Въ послѣдній день *Πιανοψιона* (*ἔνθ καὶ νῆα*) совершались *Χαλκεία* или *Ἀθήναια* въ честь Аэины Ерганы и Гефэста, древній все-народный праздникъ, который позднѣе совершался одними ремесленниками. Въ этотъ день зачивали тэать *πέπλος* Аэинѣ къ Панаэнезямъ.

Пятый мѣсяцъ *Μασιχακτηρίων* получилъ названіе отъ Зевсова прозвища *μασιχάκτης*, указывающаго на мрачный характеръ зимней природы. Въ этомъ мѣсяцѣ не было особенно важныхъ праздниковъ; упоминаются только жертва Зевсу-земледѣльцу (*Γεωργός*) 20-го числа и очистительныя празднества въ концѣ мѣсяца.

Въ шестомъ мѣсяцѣ *Ποσειδεών* главныя праздники были *Ἀλφα* и *Διονύσια τὰ κατ' ἄγρους*. Первый былъ земледѣльческій праздникъ молотбы (названіе происходитъ отъ *ἡ ἄλω* — токъ), совершавшійся въ честь Деметры, Кору и Діониса. Главнымъ мѣстомъ праздника былъ Елевсинъ, но праздновали и въ городѣ; между прочимъ упоминается при этомъ праздникѣ *τελετή* веселаго и даже распущеннаго характера, въ которой участвовали только женщины, почему праздникъ причисляется къ мистическимъ ¹⁾. Упоминается также жертвоприношеніе Посидону, какъ покровителю растительности, (*φωτάμιος*) и *ἄγων πάτριος*.

Праздновавшіяся въ этомъ мѣсяцѣ *Διονυσίи* назывались «сельскими» (въ отличіе отъ «городскихъ» или «великихъ»), совершавшихся въ мѣсяцѣ *Ελαφεβολίον*), а также *Θεοίνα*. Праздникъ совершался въ отдѣльныхъ демахъ, не только сельскихъ, но и городскихъ. Дни празднованія не извѣстны въ точности. Это былъ радостный праздникъ въ честь бога вина и веселья, совершавшійся по окончаніи сбора винограда и сопровождавшійся разными деревенскими увеселеніями. Для празднованія сельскихъ *Διονυσіи* обыкновенно сходились вмѣстѣ родичи, мужчины и женщины, господа и рабы. Устраивались веселыя процессіи, въ которыхъ вели жертвенныхъ козловъ, носили священную утварь и печенія, сосуды съ виномъ для возліаній, виноградныя вѣтви и гирлянды смоквъ,

¹⁾ О времени праздника ср. ст. *Фукара* въ *Bulletin de corr. hellén.* т. VII, стр. 395 и 514.

а также, какъ непремѣнную принадлежность процессіи, символъ производительной силы природы φαλλός, пѣли пѣсни въ честь Діониса и пр. и такимъ образомъ приближались къ храму или алтарю Діониса для жертвоприношеній¹⁾. Затѣмъ составлялись веселыя пирушки, при которыхъ не было недостатка во всевозможныхъ шуткахъ и острогахъ. Въ числѣ увеселеній видное мѣсто занималъ ἀσכולασμός или ἀσכולία, игра, состоявшая въ томъ, что участники балансировали на одной ногѣ на надутомъ козьемъ мѣхѣ, снаружи намазанномъ масломъ, при чемъ, конечно, дѣло не обходилось безъ неловкихъ прыжковъ и паденій, подававшихъ множество поводовъ къ веселому смѣху; счастливецъ, удачно справившійся съ трудностями состязанія, получалъ въ награду тотъ-же мѣхъ, наполненный виномъ. Изобрѣтателемъ игры преданіе называетъ Икарія, который впервые посадилъ (въ царствованіе Пандіона, наслѣдника Ерихоонія) въ Атикѣ лозу, полученную въ даръ отъ самого Діониса, и сталъ заниматься винодѣліемъ. Устраивались также качели (αἰώρα) въ память повѣсившейся дочери Икарія Еригоны. Были въ ходу переодѣванія и импровизованныя мимическія представленія, для которыхъ можно было черпать богатый матеріалъ изъ мѣоовъ о Діонисѣ или изъ окружающей жизни. Впослѣдствіи въ нѣкоторыхъ значительнѣйшихъ и зажиточнѣйшихъ демахъ давались и настоящія драматическія представленія²⁾. Въ нѣкоторыхъ демахъ, какъ напр. въ Пирѣѣ, Елевсинѣ, Фोरикѣ, Ахарнахъ и др., были даже постоянные каменные театры, въ другихъ строились временные деревянные. Въ большинствѣ случаевъ въ театрахъ демовъ давались такія пьесы, которыя раньше были представлены въ городѣ, отчасти потому, что расходы на представленіе старыхъ пьесъ были менѣе значительны, а отчасти и потому, что сами поэты предпочитали ставить свои пьесы сначала на большой городской сценѣ. — Особенною пышностью отличалось празднованіе сельскихъ Діонисій въ Пирѣѣ, почему въ надписяхъ упоминаются въ качествѣ особаго праздника τὰ Παιραῖα или Διονύσια τὰ ἐν Παιραῖι; они были даже возведены на степень государственнаго праздника.

¹⁾ Такую процессію въ каррикатурномъ видѣ представляетъ Аристофанъ въ комедіи Ἀχαρνῆς.

²⁾ О происхожденіи драмы изъ празднествъ въ честь Діониса см. ниже, въ отдѣлѣ VI.

E. V. Engholm, De epitaphiis Atheniensium, Ups. 1872.—*A. Martin*, Notes sur l'héortologie Athénienne в *Revue de philologie* v. X (1886).—*A. Wellauer*, De thesmophoriis, Vratisl. 1820.

§ 3. Третья четверть года (праздники Діониса и др.).

Седьмой мѣсяць Γαργιλίων обязанъ своимъ названіемъ празднику Γαργίλια, вѣроятно тождественному съ праздникомъ Θεογάμια, установленнымъ въ память бракосочетанія (ἱερός γάμος) Зевса съ Герою; весь этотъ мѣсяць былъ посвященъ Герѣ, какъ покровительницѣ брака. У другихъ іонійцевъ, а въ древнѣйшія времена и въ самой Атикѣ, этотъ мѣсяць назывался Δηναίων отъ большаго Діонисовскаго празднества Δήνια или Διονύσια τὰ ἐπὶ Δηναίῳ. Этотъ праздникъ совершался въ Атикѣ, по мнѣнію А. Момзена (*Feste*, p. 375) въ теченіе нѣсколькихъ дней съ 12-го числа. Мѣстомъ праздника было древнее святилище Діониса, называемое Δήναιον. Совершался онъ сходно съ сельскими Діонисіями, только пышнѣе и торжественнѣе; важную роль играло исполненіе диѳрамовъ въ честь божества киклическими хорами, называвшимися такъ по тому, что во время исполненія диѳрамба они двигались мѣрнымъ, ритмическимъ шагомъ вокругъ алтаря. Но еще важнѣе были театральныя представленія, о которыхъ будетъ сказано ниже (отд. VI). Какъ этимъ, такъ и слѣдующимъ праздникомъ Діониса завѣдывалъ архонтъ царь.

Названіе восьмага мѣсяца Ἀνθεστηριών произошло отъ третьяго большаго Діонисовскаго праздника, называвшагося Ἀνθεστήρια; это былъ мѣсяць, въ которомъ природа на югѣ пробуждается отъ зимняго сна; кромѣ того молодое вино, приготовленное осенью, оканчивало къ этому времени свое броженіе и становилось годнымъ къ употребленію. То и другое, т. е. пробужденіе природы и окончаніе броженія вина, составляло предметъ праздника Анаестерій. Онъ продолжался три дня (съ 11 по 13 число), изъ коихъ каждый имѣлъ особое названіе. Первый день назывался ἡ κίθογία (отъ κίθος и σῦνυσι), — день открытія бочекъ и пробы новаго вина. Каждый домохозяинъ приносилъ богу жертву, при которой совершалъ возліаніе свѣжимъ напиткомъ, и всѣ домочадцы, не исключая и рабовъ, предавались праздничному веселью и удовольствіямъ. Первыми весенними цвѣтами украшались сосуды и дѣти, какъ распускающіеся цвѣтки человѣческаго рода. Въ этотъ день въ Аоннахъ былъ рынокъ игрушекъ, которыя покупали и дарили дѣтямъ. Въ

праздникъ Аноестерій принято было платить гонораръ за обученіе софистамъ и другимъ учителямъ, которые за это въ день $\chi\acute{o}\epsilon\varsigma$ приглашали къ себѣ въ гости своихъ учениковъ. — Второй день $\chi\acute{o}\epsilon\varsigma$ (кружки) также былъ посвященъ праздничнымъ удовольствіямъ. Веселыя компаніи, въ которыхъ участвовали переряженные, представлявшіе сатировъ, нимфъ и пр., ходили по городу и заходили къ знакомымъ, гдѣ составлялись пирушки и даже состязанія: кто скорѣе выпивалъ свой кубокъ вина, получалъ въ награду плющевый вѣнокъ и мѣхъ вина. При этомъ не забывали также и умершихъ родственниковъ: ходили къ нимъ на могилы и совершали возліянія виномъ. Повидимому, первоначально этотъ день былъ посвященъ главнымъ образомъ поминовенію усопшихъ и имѣлъ цѣлью умилостивить силы подземнаго міра, владычеству которыхъ при наступленіи весны приходилъ конецъ. Поэтому-то этотъ день вмѣстѣ съ слѣдующимъ принадлежалъ къ числу $\eta\mu\acute{\epsilon}\rho\alpha\iota$ $\acute{\alpha}\rho\sigma\phi\rho\acute{\alpha}\delta\epsilon\varsigma$ или $\mu\alpha\rho\alpha\iota$ и храмы боговъ въ эти дни были закрыты ([Дем.] *пр. Неэры* § 76); однако впоследствии такое значеніе этихъ дней вполне уступило мѣсто веселью и наслажденію. Отъ имени государства въ день $\chi\acute{o}\epsilon\varsigma$ совершалась таинственная церемонія въ древнемъ храмѣ Діониса въ Ленѣѣ, открывавшемся только въ этотъ день. Главную роль въ этой церемоніи играла $\beta\alpha\sigma\acute{\iota}\lambda\iota\sigma\sigma\alpha$ или $\beta\alpha\sigma\acute{\iota}\lambda\iota\upsilon\upsilon\alpha$, супруга архонта царя, которая должна была быть родовитою гражданкою и выйти замужъ дѣвицею. При совершеніи церемоніи ей помогали четырнадцать $\gamma\epsilon\rho\rho\rho\alpha\iota$, избранныя архонтомъ царемъ изъ наиболѣе уважаемыхъ гражданокъ. «Царица» въ присутствіи священноглашатая ($\iota\epsilon\rho\kappa\eta\rho\acute{o}\xi$) брала съ нихъ торжественную клятву въ томъ, что онѣ удовлетворяютъ условіямъ, требующимся для участія въ церемоніи, и будутъ соблюдать строгую тайну. $\gamma\epsilon\rho\rho\rho\alpha\iota$ совершали священные обряды на 14 алтаряхъ, а затѣмъ «царица» отправлялась въ такъ называемое $\beta\omicron\omicron\kappa\omicron\lambda\epsilon\iota\omicron\nu$ вблизи пританея (Арист. *Аѳ. Пол.* 3) и тамъ будто бы сочеталась бракомъ съ Діонисомъ. Древній законъ объ этомъ обрядѣ, вырѣзанный на камнѣ, еще во времена Демосеена стоялъ въ святилищѣ Діониса подлѣ жертвенника. Впрочемъ, подробности обряда не извѣстны, а значеніе его объясняется различно; проще и естественнѣе всего принять, что «царица», какъ представительница страны, соединялась брачными узами съ богомъ возрождающейся весной растительности въ знакъ того, что страна вполне предана его служенію и надѣется на его защиту и помощь; или, быть можетъ, эта церемонія совершалась въ воспоминаніе брака Діониса съ Аріадною.

Третій день Анеэстерій назывался χότροι (горшки) отъ того, что тогда приносили подземному Гермесу въ жертву за души усопшихъ горшки съ вареными плодами всякаго рода (πανσπερμία), которыхъ сами жертвователи не могли пробовать, какъ при всѣхъ вообще жертвахъ подземнымъ богамъ; ни одному изъ Олимпійскихъ боговъ въ этотъ день не приносили жертвы. Вообще видно, что три дня Анеэстерій были богаты различными религіозными обрядами, подробности которыхъ, однако, мало намъ извѣстны.

23-го числа того же мѣсяца былъ праздникъ Διάσια въ честь Зевса Милостиваго (Μεῖλιχος). Название «Милостивый» было только евфемистическимъ, на самомъ же дѣлѣ Зевсъ почитался при этомъ праздникѣ какъ грозный и суровый богъ, для отвращенія гнѣва котораго приносились въ этотъ день умиловительныя жертвы все-сожженія (Ксен. Ан. VII, 8, 5). Фукидидъ, рассказывая о заговорѣ Килона, говоритъ, что Діасіи были въ Аѣнахъ величайшимъ праздникомъ, при которомъ весь народъ совершалъ жертвоприношенія за городомъ, при чемъ многіе жертвовали не животныхъ, а мѣстные жертвенные предметы ¹⁾. По объясненію схолиаста эти θύματα ἐπιχώρα состояли изъ печеній въ формѣ различныхъ животныхъ (πέμματα τινα ἐς ζῶον μορφὰς τετοπωμένα). Дѣло объясняется тѣмъ, что для умиловленія грознаго божества всякій считалъ долгомъ совершить жертвоприношеніе, а между тѣмъ бѣдные люди не могли или жалѣли жертвовать животныхъ для сожженія пѣбликомъ на алтарѣ и поэтому замѣняли ихъ печеньями въ формѣ животныхъ на основаніи извѣстнаго принципа древнихъ: in sacris simulata pro veris accipiuntur. Такъ какъ жертвы пѣбликомъ сжигались въ честь боговъ, то Лукіанъ въ «Тимонѣ» (§ 7) имѣлъ полное право вложить въ уста Гермеса слова, что боги роскошно праздновали Діасіи у богатаго Тимона; напротивъ, для людей праздникъ проходилъ, по замѣчанію Лукіанова схолиаста (къ *Икарюм.* 24), съ нѣкоторымъ при-скорбіемъ, μετὰ τινος στογνότητος. Эта στογνότης, очевидно, состояла главнымъ образомъ въ томъ, что людямъ нечѣмъ было угощаться, и вѣроятно послужила одною изъ причинъ того, что Діасіи въ болѣе позднія времена вышли изъ употребленія (Лук. *Икарюм.* 24).

¹⁾ Фукид. I, 126: Ἔστι γὰρ καὶ Ἀθηναίους Διάσια, ἣ καλεῖται Διὸς ἑορτὴ Μεῖλιχίου μεγίστη, ἔξω τῆς πόλεως, ἐν ἣ πανδημεὶ θύουσι, πολλοὶ οὐχ ἱερεῖα, ἀλλὰ θύματα ἐπιχώρα. По мнѣнію А. Моммзена (*Feste*, стр. 421) праздникъ совершался на сѣв. берегу Илисса, вблизи храма Зевса Олимпійскаго.

Наконецъ въ этомъ же мѣсяцѣ совершались *малыя мистеріи*, о которыхъ будетъ сказано ниже (см. гл. 20, § 2).

Девятый мѣсяцъ Ἐλαφροβολίων былъ посвященъ Артемидѣ, которой вообще у грековъ посвящался мѣсяцъ, приходившійся около весенняго равноденствія ¹⁾. У насъ нѣтъ прямыхъ указаній на существованіе въ Аттікѣ праздника Ἐλαφροβόλια, встрѣчающагося въ другихъ мѣстностяхъ Эллады, но предполагать его существованіе можно съ большою вѣроятностью. Главнымъ же праздникомъ въ этомъ мѣсяцѣ были *великія Діонисіи* (Δ. τὰ μεγάλα, τὰ ἐν ἄστει), продолжавшіяся нѣсколько дней. Рядъ празднествъ открывался 8-го числа большимъ праздникомъ Асклепіа (Ἀσκληπιεία), установленнымъ въ 420 г., а заканчивался около 14-го числа праздникомъ Πάνδηα, значеніе котораго не вполне ясно. Великія Діонисіи торжествовали полную побѣду весны надъ зимою, были праздникомъ радости и свободы, когда отпускали на поруки узниковъ, оставляли въ покоѣ должниковъ и никого не арестовали, для того чтобы всѣ могли принимать участіе въ весельѣ и удовольствіяхъ. Первоначально празднованіе великихъ Діонисій, быть можетъ, ограничивалось, подобно малымъ, торжественной процессіей (πομπή), въ которой несли древнюю статую Діониса изъ Левэа въ древній храмъ его, стоявшій близъ Академіи, и оттуда обратно, хоровыми пѣснями и веселыми прогулками по городу (κῶμοι); но впоследствии главною и существеннѣйшею частью этого праздника были театральныя представленія, о которыхъ мы скажемъ отдѣльно (гл. 30, § 1). Праздникъ этотъ, наряду съ Панаэнеями, былъ однимъ изъ важнѣйшихъ въ Аѳинахъ и совершался съ чрезвычайною пышностью и великолѣпіемъ. Въ V в. до Р. Хр. аѳинскіе союзники являлись къ этому времени въ городъ для внесенія дани, при чемъ обязаны были по народному постановленію доставлять священные символы для ношенія въ процессіи. Въ виду присутствія союзниковъ аѳинское правительство не жалѣло никакихъ расходовъ, чтобы увеличить блескъ торжественныхъ дней или показать иностранцамъ свое богатство и изящество вкуса. Праздникомъ завѣдывалъ первый архонтъ съ 10 попечителями, которые, по словамъ Аристотеля (Аѳ. Пол. 56), раньше избирались народомъ посредствомъ хиротоніи и покрывали расходы на процессіи изъ своихъ средствъ, а

¹⁾ Во многихъ мѣстныхъ календаряхъ этотъ мѣсяцъ назывался Ἀρτεμισίος или Ἀρτεμισίων.

въ его время избирались жребіемъ по одному изъ филы и получали на устройство процессій 100 минъ.

По мнѣнію А. Моммзена (*Feste*, стр. 449) въ этомъ же мѣсяцѣ совершался въ честь Матери боговъ праздникъ Γαλαΐα, получившій названіе отъ кушанья γαλαΐα (ячменная каша на молокѣ), которое варили въ этотъ праздникъ. Ефебовскія надписи I в. до Р. Хр. упоминаютъ объ обычаѣ ефебовъ совершать въ этотъ праздникъ особое жертвоприношеніе богинѣ и посвящать ей дорогую чашу.

О праздникахъ Діониса: А. Boeckh въ *gesamm. kleine Schriften* т. V, стр. 65 сл.—F. U. Fritzsche, *De Lenaeis Athen. festo comm. I et II*, Rost. 1837.—O. Gilbert, *Die Festzeit der attischen Dionysien*, Gött. 1872.—A. Körte, *Zu att. Dionysos-Festen* въ *Rhein. Mus.* т. 52 (1897).—H. von Prott, *Enneakronos, Lenaion und Διονύσιον ἐν Λίμναις* въ *Ath. Mitth.* 23 (1898).—O. Band, *Die att. Diasien*, Berl. 1883.

§ 4. Последняя четверть года (Θαργηλῖν, Σκιροφορίν, Διηπολίи и др.).

Десятый мѣсяцъ Μοῦνχιών получилъ названіе отъ прозвища Артемиды Μοῦνχία или совершавшагося въ честь ея праздника. Шестаго числа этого мѣсяца праздновались Δελφίνα въ честь Аполлона Дельфинія, покровителя мореплаванія, которое въ Греціи возобновлялось незадолго до этого времени послѣ зимняго перерыва. Преданіе приурочивало къ этому дню отъѣздъ Θесея и его спутниковъ на о. Критъ; передъ отъѣздомъ Θесей и его спутники, по преданію, молились въ храмѣ Аполлона Дельфинія и оставили тамъ просительную вѣтвь (ἰκετήρια); въ воспоминаніе этого дѣвицы ходили въ этотъ день въ храмъ Δελφίνιον для умиловительной молитвы Аполлону и, вѣроятно, также Артемидѣ (Плут. *Θес.* 18).

16-го числа праздновались Μοῦνχία въ честь Артемиды, которой приносили въ жертву круглыя лепешки (ἀμφιφῶντες) съ воткнутыми въ нихъ свѣчами, символически представлявшія полную луну. Съ 480 г. съ этимъ днемъ было связано празднованіе Саламинской побѣды, въ память которой происходили состязанія въ бѣгѣ кораблей. При этомъ чествовался на о. Саламинѣ мѣстный герой Эантъ, почему праздникъ назывался также Αἶαντα. Къ этому же времени А. Моммзенъ (*Feste*, стр. 453 сл.) относитъ праздникъ Βραυρώνια въ честь Артемиды Бравронской, почитавшейся въ демѣ Бравронѣ, но также и въ городѣ, гдѣ ей былъ воздвигнутъ особый храмъ на акрополѣ. Ей посвящались подъ именемъ «медвѣдицъ» (ἄρκτοι) дѣвочки, которыя въ теченіе извѣстнаго времени исполняли разныя служебныя обязанности въ святилищѣ богини.

Происхожденіе этого обычая объясняется различно. Что касается до самаго праздника, то онъ носить слѣды человѣческихъ жертвоприношеній, совершавшихся для умилоствленія богини въ древнѣйшія времена: избранному въ жертву человѣку наносили рану въ затылокъ, чтобы пролитію изъ раны кровью умилоствить богиню (Евр. *Иф. Тавр.* 1458). Праздникъ въ Бравронѣ совершался разъ въ 4 года (т. е. былъ *πεντετηρίς*), а въ Аѣинахъ, быть можетъ, ежегодно.

19-го числа по словамъ Плутарха (*Фок.* 37) совершалась процессія увѣнчанныхъ всадниковъ. Ученые приурочиваютъ ее къ празднику *Ἰορτυσία*, упоминаемому въ надписяхъ тоѣ *δερματιοῦ* между городскими Діонисіями и Бендидіями (которыя праздновались 19-го *Θαργеліона*), а также и у схолиастовъ. Совершавшіяся въ этотъ праздникъ жертвоприношенія, судя по количеству денегъ, вырученныхъ отъ продажи шкуръ животныхъ, были весьма значительны. Праздникъ сопровождался конными и, вѣроятно, гимническими состязаніями.

Одиннадцатый мѣсяць *Θαργηλίων* получилъ названіе отъ праздника *Θαργήλια* въ честь Аполлона и Артемиды. Онъ совершался 6-го и 7-го числа этого мѣсяца и былъ важнѣйшимъ изъ Аполлоновыхъ праздниковъ въ Аѣинахъ. Аполлона почитали при этомъ праздникѣ, какъ бога жаркаго лѣта, которое, по представленію грековъ, начиналось со времени утренняго восхода Плеядъ, около 11 мая; самое названіе праздника несомнѣнно стоитъ въ связи съ сл. *θερός*. Лѣтніе жары способствуютъ созрѣванію плодовъ; но если они переходятъ желанную мѣру, то дѣйствуютъ уже пагубно и на людей и на растительность, производятъ болѣзни и неурожай. Поэтому при этомъ праздникѣ съ одной стороны заранѣе благодарили бога за благовременное поспѣваніе плодовъ, съ другой—старались предварительно умилоствить, чтобы онъ не обманулъ надеждъ на урожай непосланіемъ губительныхъ жаровъ, и съ этой цѣлью производили очистительные обряды. Для отвращенія гнѣва божества приносились страшныя умилоствительныя и очистительныя жертвы: изъ числа преступниковъ выбирали двухъ мужчинъ (или, по другому преданію, мужчину и женщину) подъ названіемъ *φαρμακοί*, вѣшали имъ на шею гирлянды смоквъ (одному—черныя, другому—бѣлыя) и подъ звуки флейты обводили вокругъ города, погоняя вѣтвями смоковницы и морскаго лука (считавшагося однимъ изъ важнѣйшихъ очистительныхъ средствъ).

кончаніи этой процессіи въ древнѣйшія времена *φαρμακοί*

приносились въ жертву на опредѣленномъ мѣстѣ морскаго берега, тѣла ихъ сожигались и пепель бросался въ море; позднѣе этотъ жестокий обычай былъ исполняемъ только для вида: *φάρμακοί* сбрасывались съ возвышенности въ море, но были подхватываемы внизу и удаляемы изъ страны. Въ этотъ же день приносилась умиловительная жертва Деметрѣ Хлоѣ. На другой день въ видѣ благодарственной жертвы приносили Аполлону и Горамъ начатки плодовъ, послѣвавшихъ къ этому времени, и устраивали пресіоны, какъ въ праздникъ Піанопсій. Кромѣ того Ѳаргеліи праздновались процессіями и состязаніями, въ которыхъ выступали хоры взрослыхъ и дѣтей. Завѣдываніе праздникомъ лежало на обязанности перваго архонта и нѣсколькихъ попечителей (*ἐπιμεληταί*).

Со временъ Перикла 19-го числа праздновались *Βενδίδεια* въ честь еракійской богини Бендиды, которую еллины отождествляли съ Артемидою. Праздникъ сопровождался процессією и конскими ристаніями съ факелами.

Затѣмъ въ Ѳаргеліонѣ совершался важный очистительный праздникъ въ честь Аѳины подъ названіемъ *Πλοντήρια* и *Καλλοντήρια*, продолжавшійся нѣсколько дней, начиная съ 19-го числа. Во время его производилось очищеніе, уборка и новое украшеніе святилища, утвари и старинной деревянной статуи (*ἔδος*) Аѳины Полиады. *Καλλοντήρια* назывался собственно праздникъ очищенія храма (отъ *κάλλωντρον* — метла, *καλλόνω* — выметаю), а *Πλοντήρια* — праздникъ мытья статуи. Во время очищенія храмъ Аѳины былъ запертъ и обнесенъ канатами, такъ что къ нему никто не могъ приближаться, кромѣ персонала культа. Статую раздѣвали, очищали и, смотря по надобности, реставрировали; этимъ занимались члены рода *Πραξιεργίδαи*, которымъ издревле поручена была забота объ исправномъ содержаніи статуи; кромѣ того упоминаются *κατανίπτης* и двѣ *λουτρίδες* или *πλοντρίδες*, вѣроятно мившія платье богини. 25-й день Ѳаргеліона, главный день праздника, безъ сомнѣнія предназначенный для чистки самой статуи, считался весьма тяжелымъ (*ἡμέρα ἐν τοῖς μάλιστα τῶν ἀποφράδων* по выраженію Плутарха, *Алк.* 34), потому что богиня-защитница города закрывалась и временно отсутствовала изъ города ¹⁾). Раздѣтую и закрытую статую везли на колесницѣ

¹⁾ Известно, что въ 408 г. въ день Плинерій возвратился въ Аѳины Алкибиадъ и враги его воспользовались этимъ совпаденіемъ для возбужденія къ нему недовѣрія въ народѣ, указывая, что богиня закрылась изъ нежеланія видѣть Алкибиада (*Плут. Алкиб.* 34. Ср. Ксеноф. *Елл.* I, 4, 12).

въ Фалеръ къ морю и здѣсь тайно омывали. Колесница двигалась къ морю среди многолюдной процессіи, которою распоряжались *νομοφύλακες* и въ которой въ болѣе позднія времена принимали участие ефебы, какъ видно изъ ихъ надписей; въ процессіи несли, между прочимъ, блюдо смоевъ (*παλάθη σόμων*, также *ἡγητηρία*), которыя считались древнѣйшею мирною пищею людей (Гесих. и Аен. III, 6) и, по нѣкоторымъ мнѣніямъ, были дарованы имъ Аэиною, а не Деметрою. На возвратномъ пути ефебы провожали статую со свѣтильниками, откуда видно, что процессія возвращалась въ городъ уже ночью. По окончаніи очистки статуя, одѣтая въ чистое платье, снова выставлялась на своемъ мѣстѣ и храмъ снова дѣлался до-ступенъ, блистая свѣжею красотою.

Многочисленныя свидѣтельства древнихъ связываютъ Пли-теріи съ мифомъ о дочеряхъ царя Кекропа *Ἀγλαυρος* (или *Ἀγραιλος*) *Πάνδροςος* и *Ἔρση*, которыя считались служительницами Аэины. По мифическому преданію, Аэина взяла на воспитаніе Ерихеонія, сына Гефаста и Земли, и, отлучаясь на время изъ Аттики, отдала его въ закрытой корзинѣ на храненіе дочерямъ Кекропа, строго за-претивъ заглядывать въ нее. Пандроса исполнила это приказаніе, но сестры ея не могли сдержать своего любопытства и заглянули въ корзину. Въ это время Аэина несла огромную гору Ликабеттѣ для укрѣпленія аэинскаго акрополя; навстрѣчу ей полетѣла во-рона и закричала: «Ерихеоній открытъ!» Аэина, испугавшись, выронила гору, которая и упала къ сѣверо-востоку отъ акрополя (такимъ образомъ мифъ объясняетъ, почему аэинская крѣпость построена не на Ликабеттѣ, который былъ самой высокой изъ горъ, лежавшихъ въ мѣстности города). Въ наказаніе за любопытство Аэина помрачила умъ Аглавры и Ерсы, такъ что онѣ бросились со скалы и погибли. Пандроса же удостоилась божескихъ поче-стей, которыя были ей воздаваемы въ особомъ отдѣленіи Ерекеей-она (по другимъ версіямъ мифа Пандроса также участвовала въ открытіи корзины, и Аглавра пользовалась уваженіемъ наравнѣ съ нею или даже больше ея). Храмъ, какъ оскверненный смертію виновныхъ дѣвушекъ, былъ очищенъ и сама Аэина совершила омо-веніе въ морѣ.

Послѣдній мѣсяцъ аэинскаго года *Σχιροφορίων* получилъ назва-ніе отъ праздника *Σχιροφόρια* (или *Σχίρα*), совершавшагося въ честь Аэины 12-го числа. Значеніе этого названія довольно темно. По объ-ясненію Гарпократіона оно произошло отъ *σχίρον*—большаго зонта,

который мужчины изъ рода Етеобутадовъ держали надъ жрицею Аѳины, жрецомъ Посидона-Ерехея и жрецомъ Солнца во время торжественной процессіи, отправлявшейся въ день праздника отъ акрополя въ мѣстность *Σκίρον* (быть можетъ съ храмомъ Аѳины), находившуюся на священной дорогѣ изъ Аѳинъ въ Елевсинъ. По другому объясненію названіе происходитъ отъ γῆ σκίρας—бѣлой известковой почвы въ указанной мѣстности, гдѣ было, по словамъ Плутарха (*Praec. conjug.* 42), мѣсто древнѣйшаго посѣва въ Аттикѣ. Праздникъ совершался при наступленіи самыхъ сильныхъ лѣтнихъ жаровъ, отъ которыхъ скудная известковая почва страны быстро высыхала и нуждалась въ освѣженіи. Поэтому въ процессіи носили зонты, какъ символъ защиты отъ зноя, и сама процессія направлялась въ такое мѣсто, почва котораго наиболѣе страдала отъ жаровъ. Ближайшія подробности объ обрядахъ этого праздника мало извѣстны. При немъ совершались и очистительные обряды, такъ какъ очищеніе отъ грѣховъ было необходимымъ условіемъ для того, чтобы молитвы объ избавленіи отъ зноя были услышаны богинею.

Въ близкой связи съ Скирофоріями стоялъ обрядъ 'Αρρηφόρια или 'Ερρηφόρια, т. е. несеніе росы. Архонтъ-царь ежегодно избиралъ изъ знатныхъ гражданскихъ родовъ двухъ дѣвочекъ отъ 7 до 11 лѣтъ, которыя подъ названіемъ ἀρρηφόρος, повидимому, цѣлый годъ проводили въ святилищѣ Аѳины и служили ей ¹⁾. Аррефорія была однимъ изъ видовъ литургій, такъ какъ родители дѣвочекъ должны были доставлять золотыя украшенія, которыя на нихъ надѣвались при церемоніи и при оставленіи ими должности поступали въ сокровищницу храма, а также нести и другіе расходы при аррефоріи. Эта церемонія, причислявшаяся древними къ мистеріямъ, состояла въ томъ, что ночью въ праздникъ Скирофорій дѣвочки получали отъ жрицы Аѳины Поіады ящички съ таинственными святынями и въ торжественной процессіи относили ихъ на головахъ въ подземелье близъ храма Афродиты въ Садахъ (ἐν Κήποις); тамъ онѣ оставляли принесенное, вмѣсто него получали нѣчто другое, также закрытое, и относили въ святилище Аѳины на акрополь (Павс. I, 27, 4). Названіе церемоніи и ея участницъ заставляетъ предполагать, что она имѣла отношеніе къ ночной росѣ и, вѣроятно, совершалась съ цѣлью вымолить у богини освѣжающую росу на жаркое время года. Лексикографъ

¹⁾ Между прочимъ онѣ начинали ткать пелосъ богинѣ. См. выше стр. 135.

Мириды прямо говорятъ, что аррефоры носили въ корзинахъ именно росу.

Праздникъ Διπόλια или Βοοφόλια совершался 14-го числа Скирофоріона въ честь Зевса, какъ покровителя города (Πολιεύς); алтарь его находился на акрополѣ близъ Пареенона и Ерехеёнона. Свое второе названіе («убіеніе быка») праздникъ получилъ отъ принесенія рабочаго быка въ жертву Зевсу. При этомъ жертвоприношеніи, ведшемъ свое начало изъ глубокой древности, совершался символическій обрядъ, объяснявшійся мнѣйскимъ сказаніемъ, но на дѣлѣ, очевидно, имѣвшій цѣлью показать неприкосновенность рабочаго быка, какъ самаго важнаго помощника при земледѣліи. Именно, подгоняли животное къ жертвеннику, на которомъ были насыпаны ячмень и пшеница. Какъ только животное начинало ихъ ѣсть, появлялся жрецъ βούτης (или βουτόπος, βοοφόνος) изъ рода Фавлонидовъ и, какъ бы въ наказаніе за святотатство, поражалъ его топоромъ въ затылокъ, но потомъ, какъ оскверненный убійствомъ, бросалъ топоръ и обращался въ бѣгство, а участники жертвоприношенія бросались его преслѣдовать. Жертвенное животное разрѣзывалось особымъ «рѣзникомъ» (δακτύς) изъ опредѣленнаго рода, и жертвоприношеніе совершалось съ обычными обрядами, но затѣмъ участники его подвергались суду въ пританей за убійство; такъ какъ дѣйствительный виновникъ бѣжалъ, то виновнымъ признавали топоръ, которымъ было убито животное, и бросали его въ море, какъ запятанный кровью (Павс. I, 24, 4 и 28, 11; Порф. *de abst.* 2, 10 и 29 и др.). Жреческія служебныя обязанности при этомъ жертвоприношеніи были наслѣдственны въ родахъ Фавлонидовъ или Бутиповъ и Рѣзниковъ. На акрополѣ сохранилось особое кресло съ надписью ΓΕΡΕΩΣ ΒΟΥΤΟΥ. Во времена Аристофана этотъ праздникъ съ его символическимъ обрядомъ, непонятнымъ большинству, казался уже устарѣлымъ и смѣшнымъ (Обл. 984).

Въ то же время (по другимъ—въ послѣдній день аттическаго года) совершалось въ Пирей торжественное жертвоприношеніе Зевсу, какъ Спасителю города (Ζεὺς Σωτήρ), а также Аѣнѣ Спасительницѣ (Ἄθρηά Σώτειρα). Этотъ праздникъ, о пышности котораго свидѣлствуютъ значительныя суммы, вырученныя отъ продажи шкуръ жертвенныхъ животныхъ (въ надписяхъ τοῦ δερματικῆς), носилъ названіе Δισωτήρια; жертвоприношеніями завѣдывали οἱ ἱεροποιοί, а праздничною процессією—первый архонтъ (Арист. *Ае. пол.* 56).

Кромѣ описанныхъ праздниковъ было въ Атикѣ не мало и другихъ, болѣе или менѣе важныхъ, время которыхъ не можетъ быть опредѣлено съ точностью.

J. Töpffer, Thargeliengebäude въ журн. *Rhein. Museum*, т. 43 (1888).—*C. Robert*, Athene Skiras und die Skirophorien въ журн. *Hermes* т. 20 (1885).—*E. Rhode*, Σίρα тамъ же т. 21.—*A. Mommsen*, Die att. Skirabräuche въ *Philologus* т. 50 (1891).—*O. Band*, Die Diipolien, Halle 1873.—*P. Stengel*, Buphonien въ журн. *Hermes*, 28 (1893) и *Rhein. Mus.* 52 (1897).—*H. von Protz*, Buphonien въ *Rhein. Mus.* 52 (1897). О праздникахъ съ неопредѣленными датами см. *K. F. Hermann*, Gottesd. Alterth. § 62; *Stengel*, Kultusaltert. § 127.

ГЛАВА 17-я.

Важнѣйшіе праздники въ другихъ государствахъ Элады.

§ 1. Пелопоннесъ.

Элида. Широкое общеэллинское значеніе Олимпійскаго праздника было причиною того, что въ священномъ округѣ Зевсова храма постепенно возникло значительное количество культовъ, которые ознаменовывались особыми празднествами и обрядами. Кромѣ отдѣльныхъ празднествъ елейцы ежемѣсячно совершали общее торжественное жертвоприношеніе въ честь всѣхъ божествъ, почитавшихся въ Олимпіи, съ особыми, издревле установленными обрядами, въ исполненіи которыхъ принималъ участіе многочисленный священный персоналъ (Павс. V, 15, 6).

Послѣ культа Зевса въ Олимпіи первое мѣсто по значенію принадлежало культу *Геры Олимпійской*, въ честь которой параллельно съ праздникомъ Зевса чрезъ каждые 4 года совершался праздникъ *Ἡραῖα* съ состязаніями дѣвушекъ трехъ разныхъ возрастовъ въ бѣгѣ, при чемъ побѣдительницы получали такіе же призы, какъ и побѣдители на праздникѣ Зевса. Состязаніями завѣдывали 16 выборныхъ гражданокъ, на обязанности которыхъ лежало также приготовленіе одѣянія для богини (Павс. V, 16, 2).—Еще упомянемъ, что ежегодно во время весенняго равноденствія такъ называемые *Βασιλαί* совершали жертвоприношеніе въ честь Крона на вершинѣ посвященнаго ему холма *Κρόνιον*, господствовавшего надъ священной рощею (Павс. VI, 20, 1). Кромѣ того въ Олимпіи

былъ культъ Пелопы и Гипподамии, а также мѣстнаго героя Сосиполида.

Изъ праздниковъ въ городѣ *Еллада* заслуживаютъ упоминанія совершавшіяся зимою, около времени солнцестоянія, *Θοῖα* въ честь Діониса, который, по вѣрованію елейцевъ, самъ являлся на этотъ праздникъ (Павс. VI, 26, 1). Женщины пѣли на праздникъ особые гимны, призывая Діониса явиться подъ видомъ быка и дважды припѣвая *ἄξτε ταῦρε* (Плут. *Quaest. Gr.* 36; *de Is. et Os.* 35). По словамъ Павсанія (VI, 26, 1), елейцы во время этого праздника въ особомъ мѣстѣ въ 8 стадіяхъ отъ города запирали и запечатывали въ какомъ-то зданіи три мѣдныя пустые котла, а на другой день, открывъ снова дверь, находили ихъ наполненными виномъ.

Въ *Аркадіи* однимъ изъ важнѣйшихъ праздниковъ были *Λόχαα* въ честь Зевса, совершавшіяся на Ликейской горѣ въ неизвѣстное время, можетъ быть даже не ежегодно. Въ священномъ округѣ на вершинѣ горы, гдѣ, какъ утверждали вѣрующіе, всѣ входившіе люди и даже животныя теряли свою тѣнь, находился сложенный изъ земли алтарь, предъ которымъ съ восточной стороны стояли двѣ колонны съ позолоченными орлами наверху. Жрецы, которые одни имѣли доступъ въ это священное пространство, совершали здѣсь таинственныя жертвоприношенія, между прочимъ и человѣческія. Они вели свое начало изъ глубокой древности и существовали еще во времена Павсанія (VIII, 2, 1; 38, 4 сл.). Во время праздника совершались также состязанія, при которыхъ побѣдители получали въ награду дорогую утварь. — Съ состязаніями соединенъ былъ также праздникъ *Ἀλεαῖα* въ честь Аѳины Алейской въ г. *Тегель* (Павс. VIII, 47, 3).—Въ г. *Феней* праздновались мистеріи Деметры Елевсинской, по преданію принесенныя туда изъ Елевсина *Наемъ*, правнукомъ Евмола. По видимому, здѣсь было два праздника, меньшій и большій (*τελετή μεῖζων*), изъ коихъ послѣдній совершался разъ въ два года. Уставъ мистерій хранился въ такъ называемомъ *πέτρομα*, состоявшемъ изъ двухъ плотно пригнанныхъ одна къ другой каменныхъ плитъ, внутри выдолбленныхъ. При совершеніи большаго праздника жрецы вынимали изъ *πέτρομα* уставъ, читали его во всеуслышаніе мистамъ и въ ту же ночь вкладывали обратно. На *πέτρομα* находилась еще круглая накладка (*ἐπίθημα*), въ которой хранилась маска Деметры *Кидарис*; въ тотъ же праздникъ жрецъ надѣвалъ эту маску и ударялъ розгами объ землю, изображая гнѣвъ Деметры на подземныхъ

боговъ. Въ 15 стадіяхъ отъ города у подошвы горы Киллены былъ храмъ Деметры Θεσμίи, въ которомъ также совершались мистеріи (Павс. VIII, 15).—Въ г. *Фельтусъ* также былъ мистическій культъ Деметры, носившей тамъ прозвища Ἐρμῶς и Λοοσία, объясняемыя мѣстными сказаніями, относящимися ко времени странствованій Деметры по землѣ для отысканія дочери (Павс. VIII, 25, 3 сл.).—Мистеріи по образцу Елевсинскихъ были учреждены и въ *Мегалополѣ*, гдѣ Деметра и Кора почитались подъ именемъ μεγάλαι θεαί (Павс. VIII, 31). Не упоминая здѣсь менѣе важныхъ аркадскихъ праздниковъ, замѣтимъ только, что однимъ изъ наиболѣе уважаемыхъ божествъ въ Аркадіи издревле была Артемида, въ честь которой совершались празднества въ г.г. Стимфалѣ, Орхоменѣ, Фигалин и др.

Изъ числа праздниковъ у *ахейцевъ*, жившихъ на сѣверномъ берегу Пелопоннеса, упомянемъ только совершавшееся въ мѣстности Ὀμάριον близъ г. Эгіона празднество въ честь Зевса Омагірія и Деметры Всеахейской (Παναχαιά), служившее религіознымъ центромъ ахейскаго союза (Павс. VII, 24, 3), и Λάφρια въ честь Артемиды Лафріи въ г. Патрахъ съ великолѣпной процессіей, въ которой дѣвственная жрица богини ѣхала въ колесницѣ, запряженной оленями, и съ своеобразнымъ жертвоприношеніемъ, о которомъ см. выше стр. 86.

Въ *Мессеніи* главнымъ праздникомъ были Ἴθωμαίа въ честь Зевса, совершавшіяся ежегодно на горѣ Иѳомѣ, гдѣ былъ только священный округъ и алтарь, но храма не было, и статуя хранилась въ домѣ жреца. Въ древнія времена праздникъ сопровождался музыкальными состязаніями (Павс. IV, 33, 3). По словамъ Фукидида (I, 103), Иѳомское святилище обладало правомъ убѣжища.—Въ г. *Анданіи* издревле существовали мистеріи Деметры и Кору, по преданію учрежденныя героемъ Каввономъ, пришедшимъ туда изъ Елевсина при первомъ мессенскомъ царѣ Поликаонѣ, и впослѣдствіи получившія дальнѣйшее развитіе отъ Лика, сына Пандіонова, изгнаннаго изъ Аттики братомъ своимъ, извѣстнымъ мионическимъ царемъ Эгеемъ (Павс. IV, 1, 4 сл.). По словамъ Геродота (II, 171), дорійцы, вторгнувшись въ Пелопоннесъ, повсюду уничтожили тамъ культъ Деметры; но это невѣрно, такъ какъ въ Анданіи онъ продолжалъ существовать до конца 2-й Мессенской войны, когда вся Мессенія подпала власти Спарты и анданійскіе жрецы бѣжали въ Елевсинъ (Павс. IV, 3, 10; 14, 1). Послѣ освобожденія Мессеніи

Епаминондомъ въ 369 г. до Р. Хр. мистеріи были возстановлены. По разсказу Павсанія (IV, 26, 6), одному изъ полководцевъ союзной арміи Епаминонда явился во снѣ старецъ въ одеждѣ іерофанта и указалъ мѣсто, гдѣ были зарыты въ землю въ мѣдномъ сосудѣ свинцовыя дощечки, на которыхъ былъ начертанъ уставъ мистерій; этотъ старецъ, по общему убѣжденію, былъ герой Кавконъ. Быть можетъ при этомъ возстановленіи мистерій игралъ видную роль аэвинянинъ Мееапъ, упоминаемый Павсаніемъ (IV, 1, 5). Служеніе при мистеріяхъ было передано возвратившимся изъ Елевсина потомкамъ прежнихъ жрецовъ. Мѣстомъ совершенія мистерій была кипарисовая роща *Καρνεάσιον* въ 8 стадіяхъ отъ Анданіи. Драгоценнымъ источникомъ для ознакомленія съ внѣшнею ихъ стороною служить большая и хорошо сохранившаяся надпись на камнѣ, содержащая въ себѣ уставъ (*διάγραμμα*) мистерій, составленный въ 91 г. до Р. Хр. Изъ него видно, что въ мистеріяхъ, кромѣ Деметры и Персефоны, которой поклонялись подъ именемъ *Ἀγνῆ*, почитались еще: Гермесъ, Аполлонъ Карнейскій и Великіе боги, подъ которыми, по мнѣнію ученыхъ, слѣдуетъ разумѣть Кабировъ. Главное завѣдываніе мистеріями имѣла коллегія изъ 10 лицъ (*οἱ δέκα*), избранныхъ на годъ изъ гражданъ не моложе 40 лѣтъ отъ роду; участвовать въ нихъ могли лица обоихъ половъ, ежегодно избравшіяся по жребію изъ благороднѣйшихъ гражданскихъ родовъ и носившія названіе *ἱεροί* и *ἱερά*; всѣ они давали вѣтву въ точномъ исполненіи устава мистерій и при совершеніи ихъ обязаны были надѣвать установленныя простыя и недорогія одежды и головные уборы, подробно описанныя въ уставѣ; женщины не должны были употреблять косметики, надѣвать золотыя украшенія и заплетать волосы. Въ праздникъ совершалась въ строго опредѣленномъ порядкѣ торжественная процессія, участники которой подробно перечислены въ уставѣ; посвященныя дѣвицы везли въ процессіи тельжки съ ящичками, въ которыхъ заключались таинственныя святыни (*ἄρματα ἐπιχεῖμενα κίστας ἐχούσας ἱερά μυστικά*); въ ней же вели животныхъ, предназначенныхъ въ жертву богамъ, почитавшимся въ мистеріяхъ: Деметрѣ приносили въ жертву супоросую свинью, Гермесу — барана, Великимъ богамъ — двухлѣтнюю свинью, Аполлону — борова, Агнѣ — овцу. Кромѣ того совершались особо очистительныя жертвоприношенія. Части жертвенныхъ животныхъ, не сожженные въ честь боговъ, шли на приготовленіе «священной трапезы» (*ἱερὸν δεῖπνον*), которая совер-

шалась послѣ жертвоприношеній и въ которой могли участвовать только жрецы, «святыя» и артисты, участвовавшіе въ музыкальной части празднества; устройствомъ трапезы завѣдывала особая *θεο-υαρμόστρια* съ нѣсколькими помощницами. Въ уставѣ неоднократно упоминается нѣкій Мнасистратъ, передавшій общинѣ «ящикъ и книги» (*τὰν κάπτραν καὶ τὰ βιβλία*): вѣроятно это были именно тѣ таблички съ начертаннымъ на нихъ уставомъ, которыя были найдены въ мѣдномъ сосудѣ послѣ освобожденія Мессеніи. Мнасистратъ былъ, по всей вѣроятности, потомокъ жреческаго рода, отказавшійся отъ своихъ правъ въ пользу общины и за то получившій отъ нея разныя почести и привилегіи, подробно изложенныя въ сохранившемся уставѣ.

Въ *Даконикѣ* мы лишь мимоходомъ упомянемъ *Ταινάρια* при храмѣ Посидона на мысѣ Тэнарѣ и подробнѣе остановимся на спартанскихъ праздникахъ. Изъ нихъ наибольшаго вниманія заслуживаютъ *Καρνεῖα* и *Ἰακίνθια* въ честь Аполлона, къ почитанію котораго древними ахейцами въ г. Амиклахъ присоединились и дорійскіе завоеватели, считавшіе этого бога покровителемъ всего своего племени.

Καρνεῖα былъ національный дорійскій праздникъ; онъ совершался въ мѣсяцѣ *Καρνεῖος*, который входилъ въ составъ большинства дорійскихъ календарей и приходился на ближайшее время послѣ лѣтняго солнцестоянія. Сохранившіяся извѣстія объ этомъ праздникѣ скудны и темны; нѣкоторыя подробности относительно способа его совершенія въ Спартѣ сообщаетъ Димитрій Скепсійскій (писатель II в. до Р. Хр.), описаніе котораго сохранилось у Аеенія (IV р. 141). Праздникъ продолжался 9 дней, отъ 7 до 15-го числа мѣсяца, и представлялъ собою полную картину лагерной жизни. На девяти площадкахъ въ городѣ ставились палатки или шалаши (*σκιᾶδες*), въ каждомъ изъ которыхъ помѣщалось по 9 человѣкъ, обѣдавшихъ вмѣстѣ и совершавшихъ всѣ дѣйствія по командамъ; на каждой площади помѣщались палатки трехъ фратрій (можетъ быть тождественныхъ съ *όβами*). Изъ другихъ свидѣтельствъ извѣстно, что жрецъ, совершавшій праздничные обряды, назывался *ἀγῆτης*, а для завѣдыванія ими избиралось по жребію на 4 года по пяти холостыхъ мужчинъ отъ каждой филы подъ названіемъ *Καρνεῖται*. Во время праздника устраивалось состязаніе въ бѣгѣ, при которомъ одинъ участникъ убѣгалъ впередъ, а остальные, называвшіеся *σταφολοδρομοί*, старались его догнать, и если это имъ уда-

валось, то поимка принималась за хорошее предзнаменованіе, такъ какъ убѣгавшій олицетворялъ собою хорошій урожай. Этотъ обычай указываетъ на то, что первоначально Карней были праздникомъ сельскохозяйственнымъ (самое прозваніе Аполлона *Καρνείος* указываетъ на покровительство стадъ); но впослѣдствіи воспоминанія о древней лагерной жизни стали играть главную роль на праздникѣ и вытѣснили его первоначальное значеніе. Около 26-й Олимпиады (въ 670-хъ годахъ до Р. Хр.) спартанцы ввели на этомъ праздникѣ музыкальныя состязанія, въ которыхъ стали принимать участіе лучшіе артисты изъ всей Еллады. Какъ извѣстно, спартанцы такъ высоко чтили этотъ праздникъ, что до окончанія его не выступали въ походъ даже въ особенно важныхъ случаяхъ.

Праздникъ *Ἰακίνθια* относится къ извѣстному мѣѹ о нечаянномъ убіеніи Аполлономъ его любимца Іакинеа во время игры въ дискъ. По толкованію большинства новыхъ мѣологовъ, въ этомъ мѣѹ олицетворено губительное дѣйствіе солнечнаго зноя, представляемаго Аполлономъ, на весеннюю растительность, представителемъ которой служатъ Іакинеѹ. Праздникъ совершался ежегодно въ Амиклахъ, близъ Спарты, въ мѣсяцѣ, который въ Спартѣ носилъ названіе *Ἐχάτορβέως*, а у многихъ другихъ дорійцевъ— *Ἰακίνθιος* (по имени праздника), и соотвѣтствовалъ, вѣроятно всею, аттическому Скирофоріону ¹⁾. Все празднество продолжалось три дня. Первый день былъ посвященъ печали по Іакинеѹ, въ знакъ которой при жертвоприношеніяхъ не надѣвались вѣнки и не пѣлись пѣаны, при обѣдахъ не подавались хлѣбы, а только лепешки, и во всемъ господствовала воздержность (Аен. IV р. 139). Въ этотъ же день приносили надгробную жертву Іакинеѹ, гробницу котораго показывали подъ алтаремъ Аполлона въ Амиклахъ. Второй день, напротивъ, былъ посвященъ праздничному веселью: хоры мальчиковъ пѣли подъ аккомпаниментъ кивары и флейты веселые гимны въ честь бога, къ храму направлялась торжественная процессія, къ которой присоединялись хоры юношей съ пѣснями и танцами, а также молодыя дѣвушки въ особаго рода плетеныхъ экипажахъ или на бѣговыхъ колесницахъ; совершались игры и состязанія, торжественныя жертвоприношенія и пиршества; граждане въ плющевыхъ вѣнкахъ угощали другъ друга, даже рабы принимали участіе въ пирахъ, однимъ словомъ вездѣ царило

¹⁾ См. мое соч. О нѣкоторыхъ эолич. и дорич. календаряхъ, стр. 133 сл.

веселье и вся Спарта устремлялась на праздники въ Амиклы, такъ что городъ въ этотъ день оставался пустымъ. Что совершалось въ третій день праздника, не извѣстно; можетъ быть въ этотъ день происходила церемонія облаченія статуи бога въ новый хитонъ, который, по свидѣтельству Павсанія (III, 16, 2), ежегодно готовили спартанскія женщины. Праздникъ этотъ считался столь важнымъ, что амиклеиды въ военное время оставляли службу и являлись домой, чтобы принять въ немъ участіе (Ксен. *Греч. ист.* IV, 5, 11).

Третій важный спартанскій праздникъ назывался *Γορτυαδία*; онъ совершался лѣтомъ, вѣроятно вскорѣ послѣ Іакиней, въ продолженіе нѣсколькихъ дней и былъ посвященъ главнымъ образомъ Аполлону, но также и другимъ богамъ, напр. Діонису. Впрочемъ, въ историческія времена религіозное значеніе праздника отступило на задній планъ, а на первый выступило чистое наслажденіе красотой человѣчества, именно городского юношества. Это былъ рядъ празднествъ, во время которыхъ спартанскіе мальчики, юноши и мужчины выказывали свое искусство во всевозможныхъ гимнастическихъ и оркестическихъ упражненіяхъ. Въ хоровыхъ пѣсняхъ прославлялись не только боги, но также и доблести храбрыхъ гражданъ, особенно выказанныхъ въ битвахъ при Ойреѣ и потомъ при Фермопилахъ. На время этого праздника спартанцы отказывались даже отъ своего обычнаго недружелюбія къ иностранцамъ и гостепріимно принимали пріѣзжавшихъ, а къ строгой музыкѣ Аполлоновскаго культа примѣшивали болѣе мягкіе и веселые звуки вакхической музыки, которая со времени критскаго поэта и композитора Фалета нашла себѣ доступъ въ Спарту. Менѣе важные праздники, которыхъ въ Спартѣ было довольно много, мы можемъ обойти молчаніемъ ¹⁾.

Изъ праздниковъ въ другихъ дорическихъ городахъ Пелопоннеса упомянемъ о празднествѣ Геры въ *Аргосѣ*, которое совершалось лѣтомъ подъ названіемъ *Ἡραία* или *Ἐκατόρβαα*. Гера была главная богиня въ Аргосѣ (какъ Аѳина въ Аѳинахъ); храмъ ея находился внѣ города, на границѣ съ прежней Микенской областью. Праздникъ ознаменовывался торжественной процессіей къ храму въ сопровожденіи гражданъ въ полномъ вооруженіи, множествомъ жертвоприношеній и состязаніями, состоявшими въ метаніи копій

¹⁾ О культѣ Артемиды Ореи въ Спартѣ ср. ч. I, стр. 116 (изд. 3).

на полномъ бѣгу въ щитъ, служившій цѣлью. Побѣдитель получалъ въ награду миртовый вѣнокъ и щитъ; этотъ щитъ (*ἀσπίς ἐξ Ἄργου*) упоминается у многихъ писателей и даже въ пословицахъ. Во время процессіи жрицы, имѣвшія жительство, по всей вѣроятности, въ городѣ, отправлялись къ храму въ повозкѣ; запряженной бѣлыми быками (сюда относится известная легенда о Клеобисѣ и Битонѣ). Послѣ жертвоприношеній мясо раздавалось гражданамъ (*κρεανομία*), и устраивалось торжественное всенародное пиршество. Кромѣ этого праздника въ Аргосѣ упоминаются и многіе другіе.

Городъ *Эпидавръ* славился своимъ святилищемъ Асклепія, находившимся въ прекрасной мѣстности внѣ города (*Ἀθήσια* близъ нынѣшней деревни Лигуріо). Здѣсь черезъ каждые 4 года совершались *Ἀσκληπιεία* съ торжественными гимническими и конными играми.

На островѣ *Эгипъ* ежегодно совершались мистеріи въ честь богини Гекаты, учрежденіе которыхъ приписывалось еракійскому Орфею; къ сожалѣнію, ихъ сущность и обрядовая сторона почти не известны. Кромѣ того упоминается 16-дневный праздникъ въ честь Посидона; Плутархъ (*Quaest. Gr.* 44) говоритъ, что время праздника эгипеты проводили въ молчаніи и печали; но съ концомъ праздника было связано веселое празднество Афродиты. Затѣмъ на Эгипѣ были праздники *Ἦραία, Δελφίνα, Αἰακία* и др.

Въ *Коринтѣ* главнымъ празднествомъ послѣ Исеміи были *Ἐλάωτια* въ честь Аены съ состязаніемъ въ бѣгѣ съ факелами, затѣмъ *Ἐὐκλεία* въ честь Артемиды, ежегодныя умиловительныя жертвоприношенія въ честь Геры Акрейской (*Ἀκραιά*), роскошные праздники Афродиты и др.

Въ *Сикионѣ* были праздники Евменидѣ, Гераклѣ (который тамъ почитался какъ настоящій богъ, а не какъ герой), Писейскія игры въ честь Аполлона. Кромѣ того тамъ издревле пользовался большими почестями герой Адрастъ, культъ котораго изгналъ впослѣдствіи тираннъ Клизеенъ, учредивъ взамѣнъ культъ еиванскаго героя Меланиппа, какъ объ этомъ рассказываетъ Геродотъ (V, 67).

Въ *Фліунтѣ* праздновались мистеріи въ честь Деметры по образцу Елевсинскихъ, съ тою только разницею, что праздникъ совершался не ежегодно, а разъ въ 4 года, и что іерофантъ избирался не пожизненно, а на одинъ только праздникъ. По преданію, мистеріи принесены сюда изъ Елевсина героемъ Дисавломъ, братомъ Келея (Павс. II, 14). Въ *Лернѣ* также упоминаются мистеріи Деметры Лернейской (Павс. II, 36, 7). Въ *Мегарѣ* из-

вѣстны Діонисіи, Θεσμοφορίи, праздниѣ въ честь Ино, которая здѣсь впервые получила свое божественное имя Левкооен, игры въ честь Ἀπόλλων Πυθαγόс и въ честь героев Алкаеоя и Діокла.

L. Weniger, Der Gottesdienst in Olympia, Berl. 1884. — *L. Jurgiewicz*, De Iovis Lycaei natura cognominisque huius ratione, Odessae 1867. — *P. Welzel*, De Iove et Pane dis arcadicis, Bresl. 1879. — *W. Immerwahr*, Die Kulte u. Mythen Arkadiens, Leipz. 1891. — *V. Bérard*, De l'origine des cultes arcadiens, Par. 1894 (реѣ. *G. Perrot* въ Journal des savants 1894—95). — *S. Wide*, De sacris Troezeniorum, Hermionensium, Epidauriorum, Upsala 1888. — *S. Wide*, Lakonische Kulte, Leipz. 1892. — *P. Odelberg*, Sacra Corinthia, Sicyonia, Phliasia, Ups. 1896. — *M. Mayer*, Mythistorien. I. Megarische Sagen въ *Hermes* 27 (1891).

Изданія Анданійской надписи: *H. Sauppe*, Die Mysterieninschrift aus Andania, Götting. 1860 (перевеч. въ *Ausgew. Schriften*, Berl. 1895); *Le Bas-Foucart*, Inscr. de Péloponnèse, № 326 a; *Dittenberger*, Sylloge inscr. Graec. № 388; *Michel*, Recueil d'inscr. Grecques (Brux. 1898), № 694.

§ 2. Беотія.

Большинство беотійскихъ праздниковъ соединено было съ состязаніями, которыя, привлекая зрителей и участниковъ съ разныхъ сторонъ греческаго міра, тѣмъ самымъ способствовали ихъ блеску и извѣстности. Большая часть праздниковъ носила мѣстный характеръ, но нѣкоторые праздновались одинаково всѣми беотійцами и служили такимъ образомъ религіозными центрами всего Беотійскаго союза. Въ числѣ послѣднихъ еще съ глубокой древности пользовалась извѣстностью амфиктіонія Посидона (который вообще пользовался высокимъ уваженіемъ въ Беотіи) въ Онхестѣ. Въ историческія времена главнымъ религіознымъ средоточіемъ беотійцевъ былъ праздникъ Παρβοίωτια въ честь Аѳины Итонской при ея святилищѣ близъ г. Коронеи, совершавшійся ежегодно въ 10-мъ мѣсяцѣ беотійскаго года, получившемъ отъ этого праздника названіе Παρβοίωτιος и соотвѣтствовавшемъ приблизительно нашему октябрю ¹⁾. Праздникъ сопровождался разнаго рода состязаніями.

Изъ мѣстныхъ праздниковъ особенно славилась въ *Θεστιάяхъ* Ἐρατῖδεα и Μοωσεῖα; оба празднества совершались разъ въ 4 года и первое сопровождалось разнообразными гимническими и конными состязаніями, а второе—главнымъ образомъ музыкальными, соотвѣтственно его характеру. Въ *Орхоментѣ* праздновались Μινώεα и Χαριστήεα съ музыкальными состязаніями, въ *Акрэфіи*—Πτόεα при древнемъ храмѣ Аполлона Птойскаго чрезъ каждыя 4 года, въ

¹⁾ См. О вѣв. эолич. и дорич. календаряхъ стр. 65 сл.

Лебади со времени битвы при Леветрахъ—*Βασίλεια* или *Τροφώνια*, въ *Πλατειαхъ*—*Ἐλευθέρια* разъ въ 4 года (16-го числа мѣсяца Адалкоменія) въ память знаменитой побѣды 479 г. съ торжественной процессіей, жертвоприношеніемъ въ честь убитыхъ ѣ гимническими состязаніями (описаніе процессіи и жертвоприношенія: Плут. *Арист.* 21), въ *Оротт*—*Ἀμφιάραια* также разъ въ 4 года съ гимническими, конными и музыкальными состязаніями. Въ честь туземнаго героя Геракла праздновались *Ἡράκλεια* въ разныхъ мѣстахъ, но особенною извѣстностью пользовался его праздникъ *Ἰολλάεια* въ *Θивαхъ* съ состязаніями. Кромѣ того, въ разныхъ городахъ упоминаются древніе праздники съ особыми символическими обрядами, которые объяснялись разными мѣстными легендами. Такъ, въ праздникъ *Ἀγριώνια* въ честь Діониса въ *Ορχομενѣ*, совершавшійся зимою чрезъ каждые 2 года, жрецъ Діониса преслѣдовалъ съ обнаженнымъ мечемъ дѣвицу изъ рода миенческаго царя Минія и если догонялъ, то имѣлъ право убить, какъ это однажды и случилось при Плутархѣ (*Quaest. Gr.* 33). Этотъ обычай объяснялся преданіемъ, что дочери Минія отказались признать культъ Діониса, за что и были наказаны сумасшествіемъ. Во время этого же праздника женщины искали Діониса, какъ-бы убѣжавшаго изъ города, и, не найдя его, говорили, что онъ находится у Музъ; затѣмъ слѣдовало пиршество, во время котораго женщины предлагали одна другой разные загадки и т. п. Такимъ образомъ праздникъ, очевидно, имѣлъ мистическій характеръ. Въ *Πλατειαхъ* праздновались великія и малыя *Δαίδαλα*, первыя чрезъ каждыя 60 лѣтъ, вторыя—разъ въ 7 лѣтъ или чаще. Въ великомъ праздникѣ принимала участіе вся Беотія и въ процессіи несли 14 дубовыхъ изображеній по числу городовъ, входившихъ первоначально въ составъ Беотійскаго союза. Главною частью праздника была процессія на вершину горы Кнеэрона, представлявшая одну сцену изъ брачнаго сожительства Зевса съ Герою ¹⁾. Въ *Θивαхъ* разъ въ 8 лѣтъ совершался въ честь Аполлона Исменійскаго праздникъ *Δαρφαφόρια* съ торжественной процессіей, въ которой носили палку изъ масличнаго дерева, обвитую лаврами, цвѣтами и лентами. О праздникѣ Гермеса въ Танагрѣ ср. выше, стр. 60.

Hermann, *Gottesd. Alterth.* §163.—*E. Preuss*, *Quaestiones Boeoticae*, Progr. Leipzig. 1879.

¹⁾ Подробности относящагося сюда мѣна передаетъ Евсевій *Праер. evang.* III, 1, р. 83 сл. О праздникѣ—Павс. IX, 3.

§ 3. Дельфы.

Кромѣ Писейскаго праздника въ Дельфахъ было нѣсколько другихъ, какъ въ честь Аполлона, такъ и въ честь другихъ боговъ, преимущественно Діониса. По преданію, Аполлонъ на три зимніе мѣсяца покидалъ Дельфы, и они были посвящены Діонису. Въ честь возвращенія Аполлона, по всей вѣроятности въ мѣсяцѣ Βόσιος, праздновались Θεοφάνια (Герод. I, 51). Изъ другихъ аполлоновскихъ праздниковъ заслуживаетъ упоминанія Σελτήριον, совершавшійся разъ въ 8 лѣтъ въ воспоминаніе побѣды Аполлона надъ Писеономъ. Ихъ борьба изображалась въ драматическомъ представленіи, при которомъ роль бога игралъ избранный мальчикъ благороднаго происхожденія, имѣвшій въ живыхъ обоихъ родителей (Стр. IX р. 422; Плут. *de def. or.* 15, *Quaest. gr.* 12). Къ этому же празднику относится торжественная процессія въ Темпейскую долину, гдѣ Аполлонъ, по преданію, получилъ очищеніе послѣ убіенія Писеона. Сюда отправлялись мальчики благороднѣйшихъ родовъ и послѣ великолѣпнаго жертвоприношенія одинъ изъ нихъ, представлявшій бога, срѣзывалъ вѣтвь священнаго лавроваго дерева и торжественно, при веселыхъ пѣсняхъ сопровождавшаго его хора юношей, возвращался съ нею по священной дорогѣ Ποδιάς въ Дельфы (*δαφνηφορία*). Къ числу аполлоновскихъ же праздниковъ можно отнести Θεοξένια, т. е. «угощеніе боговъ», при которомъ чествовались всѣ олимпійскіе боги, но преимущественно Аполлонъ и мать его Лето. Подробности совершенія этого праздника въ Дельфахъ не извѣстны, но по всей вѣроятности онъ былъ сходенъ съ подобными праздниками въ другихъ мѣстахъ, т. е. изображенія божествъ возлагались на богатоубранныя ложа и предъ ними ставились столы съ разными яствами и напитками (*στροφικὸς τῆς κλίνης καὶ κόσμησις τῆς τραπέζης*, по латыни *lectisternium*). Праздникъ совершался въ мѣсяцѣ Θεοξένιος, получившемъ отъ него свое названіе и соотвѣтствовавшемъ приблизительно нашему марту.

Діонисъ, по преданію, былъ погребенъ въ Дельфахъ послѣ убіенія его титанами, и его гробницу показывали въ ἄδοτον храма Аполлона. Въ честь его чрезъ каждые два года совершалось празднество, при которомъ οἱ βόσιοι (см. о нихъ гл. 19 § 2) устраивали таинственное жертвоприношеніе въ святилищѣ Аполлона, а дельфійскія и аттическія женщины выходили съ факелами на Парнасъ и

здѣсь въ вакхическомъ экстазѣ совершали оргіи въ честь Діониса, котораго при этомъ называли Διόνις. Женщины эти назывались θοιάδες и имѣли особую предводительницу (ἡ τῶν θοιάδων ἀρχηγός). Празднество совершалось въ мѣсяцѣ Δαδαφόριος, получившемъ названіе отъ факеловъ, съ которыми выходили оіады, и соотвѣтствовавшемъ приблизительно нашему ноябрю. (Объ этомъ праздникѣ см. Плут. *de Is. et Osir.* 35; Павс. X, 4,2 и др.). Къ Діонисовскому же культу принадлежитъ повторявшійся чрезъ каждые 8 лѣтъ праздникъ Ἦρωίς, къ которому, по словамъ Плутарха (*Quaest. Gr.* 12), относилось особое мистическое сказаніе, извѣстное оіадамъ; на основаніи совершавшихся при немъ обрядовъ его скорѣе всего можно было бы представить себѣ возвращеніемъ Семели (изъ подземнаго міра).

Затѣмъ упоминаемъ совершавшійся также разъ въ 8 лѣтъ праздникъ Χάριλα, установленный, по сохранившемуся у Плутарха преданію (*Quaest. Gr.* 12), по слѣдующему случаю. Однажды въ Дельфахъ былъ голодъ; жители съ женами и дѣтьми приходили къ царю, который изъ своихъ запасовъ выдавалъ муку и овощи болѣе уважаемымъ гражданамъ, такъ какъ для всѣхъ не хватило бы запасовъ. Однажды пришла къ царю за хлѣбомъ дѣвочка сирота, но онъ ударилъ ее башмакомъ и прогналъ, послѣ чего она съ горя повѣсилась. Тогда голодъ сдѣлался еще сильнѣе и къ нему присоединились разныя болѣзни. Писея приказала царю умилоствовать дѣвушку-самоубійцу Харилу. Съ трудомъ узнали, что такое имя носила обиженная дѣвочка, совершили въ честь ея соединенное съ очищеніемъ жертвоприношеніе и установили на будущее время періодическое празднество. Во время его царь раздавалъ всѣмъ гражданамъ и иностранцамъ муку и овощи; послѣ всѣхъ къ нему подносили куклу, изображавшую Харилу; царь ударялъ ее башмакомъ, затѣмъ предводительница оіады относила ее въ пустынное скалистое мѣсто, гдѣ, по преданію, была похоронена Харила, и тамъ зарывали куклу въ землю съ веревкой на шеѣ. Время праздника съ точностью не извѣстно.

Послѣ отраженія нашествія галатовъ на Елладу въ 279/8 г. по рѣшенію этолійскаго союза былъ установленъ въ Дельфахъ въ память этого счастливаго событія праздникъ Σωτήρια въ честь Зевса Спасителя и Аполлона Писейскаго. Главною частью празднества были музыкальныя, гимническія и конныя состязанія, при чемъ первыя были поставлены наравнѣ съ писейскими, а вторыя

и третьи—наравнѣ съ немейскими; кромѣ того были состязанія оркестическія и драматическія. Празднество совершалось разъ въ четыре года (позднѣе, можетъ быть, ежегодно) и находилось сначала въ завѣдываніи этолійцевъ, а позднѣе—амфитіоновъ.

A. Mommsen, Delphika, Leipz. 1878. — *L. Weniger*, Ueber das Collegium der Thyiaden von Delphi, Eisenach 1876. — О Соте́рїяхъ: *B. Haussoullier* въ Bulletin de corresp. hell. т. V (1881).

§. 4. Сѣверная Еллада.

Изъ праздниковъ, совершавшихся въ разныхъ мѣстностяхъ сѣверной Еллады, мы назовемъ лишь наиболѣе извѣстные. Въ *Фокидѣ* самымъ важнымъ празднествомъ, по словамъ Плутарха (*Virt. mull.* 2), были Ἐλαφρόβωλια въ честь Артемиды въ г. Гіамполѣ. Въ г. Амфіклеѣ при святилищѣ Діониса съ врачебнымъ оракуломъ совершались оргіи, которыя Павсаній (X, 33, 5) называетъ достопримѣчательными. Въ *Локридѣ* пользовалось извѣстностью празднество (πανήγορις) при храмѣ Посидона на мысѣ Ῥίον и мистеріи въ честь такъ называемыхъ Ἄνακτες καῖδες въ г. Амфиссѣ; кто были эти Ἄνακτες καῖδες, не было извѣстно съ достовѣрностью: одни называли ихъ Діоскурами, другіе Куретами, третьи—Кабирами (Павс. X, 38, 3). Въ *Этоліи* назовемъ общесоюзный праздникъ Πανατολικά, совершавшійся въ честь Аполлона въ г. Θέρμѣ около времени осенняго равноденствія и сопровождавшійся разными состязаніями. Въ *Акарнаніи* праздновались Ἄκτια съ состязаніями при храмѣ Аполлона на Автійскомъ мысѣ, возвысившіяся до небывалаго блеска вслѣдствіе извѣстной побѣды Августа; послѣ побѣды состязанія были музыкальныя, гимническія и конныя чрезъ каждые 4 года. Въ *Додонѣ* важнѣйшимъ праздникомъ были Νάια въ честь Зевса, почитавшагося тамъ подъ прозвищемъ Νάιος. Въ *Θессаліи* кромѣ многихъ мѣстныхъ праздниковъ въ разныхъ городахъ были и такіе, которые праздновались всеми ѳессалійцами; къ ихъ числу принадлежали, напр., Πελορία въ честь Зевса, сходныя съ римскими Сатурналіями: при нихъ устраивались роскошныя пиршественныя столы, къ пиршествамъ приглашались не только иностранцы, но и рабы, освобождавшіеся на время празднествъ отъ работъ (Аен. XIV, 45). Далѣе упомянемъ Ταυροκαθάψια, вѣроятно совершавшіяся въ честь Посидона, но славившіяся главнымъ образомъ боями быковъ, при которыхъ ѳессалійскіе всадники щеголяли своею ловкостью и искусствомъ.

Здѣсь же упомянемъ о культурахъ и празднествахъ въ еллинскихъ колоніяхъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря, въ предѣлахъ нынѣшней южной Россіи. Здѣсь, особенно въ *Ольвіи*, пользовался высокимъ уваженіемъ наравнѣ съ богами Ахиллъ, считавшійся покровителемъ и владыкою всего Понта (Ποντάρχης). Ему былъ посвященъ необитаемый островъ Бѣлый (Λευκή, нынѣ Зминый, противъ устьевъ Дуная) съ храмомъ, въ которомъ герой, по мифическимъ преданіямъ, наслаждался бессмертіемъ вмѣстѣ съ Еленою, дарованною ему богами въ супруги, а также таеъ называемый Ахилловъ бѣгъ, узкая коса къ югу отъ Днѣпровскаго лимана (нынѣ Тендра), на которой герой будто бы упражнялся въ бѣгѣ. Въ Ольвіи въ честь Ахилла совершалось празднество съ конскими ристаніями, установленными по совѣту дельфійскаго оракула, а также съ состязаніями въ бѣгѣ, прыганьѣ, метаніи дисковъ и копій. Кромѣ Ахилла ольвіополиты чтили Зевса подъ разными прозваніями (Ὀλβιος, Σωτήρ, Βασιλεύς, Πολιάρχης), Аполлона Покровителя (Προστάτης), Гермеса, Деметру, Мать боговъ, Діониса, въ честь котораго совершались Διονύσια съ театральными представленіями, и др.—Въ *Херсонесѣ* Таврическомъ главною богинею была Дѣва (Παρθένος), которую отождествляли съ Артемидою и въ честь которой совершали Παρθένεια съ процессіей. Алтарь Дѣвы находился въ аэрополѣ рядомъ съ алтаремъ обоготвореннаго города, кромѣ того въ городѣ былъ храмъ съ древней статуей богини (ἑόανον). На берегахъ Боспора Киммерійскаго (въ *Пантимапанѣ*, *Фанагоріи* и др. городкахъ) упоминаются культы Аполлона Врача (Ἴατρός), Зевса, Деметры, Артемиды, Афродиты, храмъ которой находился въ мѣстечкѣ Ἀπάτορον на азіатской сторонѣ пролива, затѣмъ Пана и др. боговъ, въ числѣ которыхъ упоминаются и восточныя божества Санергъ и Астара. Въ г. *Горгинтіи* праздновались, между прочимъ, Ἑρμαία съ гимническими состязаніями. Въ г. *Танаидѣ* въ позднія времена (II и III вв, по Р. Хр.) было много религиозныхъ обществъ, почитавшихъ высочайшаго бога (θεὸς ὑψίστος). Свѣдѣнія о религиозныхъ вѣрованіяхъ этихъ колоній почерпаются главнымъ образомъ изъ надписей.

Hermann, Gottesd. Alterth. § 64.—О культѣ Ахилла въ Понтѣ: *H. K. E. Köhler*, Mémoire sur les îles et la course cons. à Achille dans le Pont Euxin, S. Pétersb. 1827.—*Латышевъ*, Исслѣдованія объ исторіи и госуд. строѣ г. Ольвіи (Спб. 1887), стр. 52—61. — *E. Schürer*, Die Juden im bospor. Reiche und die Genossenschaften der σεβόμενοι θεὸν ὑψίστου ebendasselbst, въ *Sitzungsber. d. Berl. Akad.* 1897, стр. 200—225. — Полное собраніе надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря: *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae ed. B. Latyschev*, voll. I et II, Petrop. 1885—1890.

§ 5. Острова Эгейскаго моря.

Обращаясь къ культурамъ острововъ Эгейскаго моря, прежде всего упомянемъ *Самоэракійскія* мистеріи Кабировъ, стоявшія на ряду съ самыми знаменитыми празднествами Еллады. Подробности о нихъ см. ниже въ гл. 20, § 3.

Островъ *Евбея* извѣстенъ былъ многими празднествами, которыя посѣщались иностранцами, какъ напр. *Геріаіста* въ честь Посидона въ г. Герестѣ, *Ἀμαρόνθια* въ честь Артемиды близъ Еретріи и др. На іоническихъ *Кикладахъ* наибольшаго развитія достигъ культъ Діониса, праздники котораго, какъ и въ другихъ мѣстахъ, были соединены съ хоровыми и театральными представленіями; нѣкоторые изъ праздниковъ Діониса отличались и мѣстными особенностями, какъ напр. на о. *Андръ*, гдѣ въ зимній праздникъ Діониса, называвшійся *Θεοδαίσις*, вино само текло изъ храма (Павс. VI, 26, 1; ср. *Θοῖα* въ Елидѣ), или на о. *Наксъ*, гдѣ по миеическому преданію Діонисъ сочетался бракомъ съ Ариадною: перемѣны судьбы послѣдней подавали поводъ празднующимъ сначала къ выраженіямъ печали, потомъ—радости. Кромѣ того на каждомъ островѣ и даже въ отдѣльныхъ городахъ одного и того же острова были, конечно, мѣстные особенно уважаемые культы и праздники,—напр. на Сирѣ *Ἠράκλεια*, на Аморгѣ *Ἠραῖα*, на Теносѣ и Миконѣ *Ποσειδία*, на Паросѣ *Πλουτήρια* и пр. Но всѣ эти мѣстные праздники затмевало собою знаменитое празднество Аполлона на о. *Делосъ*, религіозномъ центрѣ Кикладъ. Здѣсь издревле существовала амфиіотіонія или священный союзъ народовъ іонійскаго племени ¹⁾. Сосѣдніе островитяне собирались на священный островъ, считавшійся родиною Аполлона и сестры его Артемиды, съ женами и дѣтьми и совершали въ честь бога гимническія и музыкальныя состязанія съ участіемъ хоровъ, послывавшихся городами. Съ теченіемъ времени праздникъ пришелъ въ упадокъ вслѣдствіе разныхъ бѣдствій, поразившихъ іонійцевъ, такъ что состязанія на немъ совершенно прекратились, только хоры по прежнему посылались на праздникъ аеинянами и островитянами (Оук. III, 104). Въ 426 г. аеиняне, имѣвшіе тогда главенство въ амфиіотіоніи, произвели тщательное очищеніе острова, возобновили на праздникъ

¹⁾ См. ч. I, стр. 326 (изд. 3).

Аполлона гимническія состязанія и ввели конныя ристанія, которыхъ прежде не было. Съ тѣхъ поръ праздникъ, носившій по острову названіе Δήλια, былъ пентетерическимъ, т. е. совершался разъ въ четыре года. Онъ состоялъ главнымъ образомъ изъ хоровыхъ пѣсенъ и плясокъ въ честь бога и различныхъ состязаній, увеличенію блеска и пышности которыхъ много содѣйствовали священныя посольства (θεορίαι), прибывавшія съ участвовавшихъ въ амфиктіоніи острововъ, изъ Аѳинъ и изъ нѣкоторыхъ другихъ государствъ собственной Еллады (напр. изъ Мегаръ и Мессеніи). Особеннымъ великолѣпіемъ отличалась аѳинская теорія, начальство надъ которою (ἀρχιθεορία) принадлежало къ числу литургій богатыхъ гражданъ¹⁾. Теорія отправлялась не только къ пентетерическому празднику, а ежегодно, для переѣзда ея на Делосъ всегда употреблялся одинъ и тотъ же старинный, но, конечно, по мѣрѣ надобности подновляемый корабль, по преданію, тотъ самый, на которомъ Тесей ѣздилъ на Критъ для убіенія Минотавра. Вообще воспоминаніе объ этомъ путешествіи играло видную роль во время праздника; въ числѣ священныхъ плясокъ упоминается γέρανος, въ которой мимически представлялось блужданіе Тесея въ лабиринтѣ (Пл. Тес. 21; ср. Каллим. гимнъ Дел. 310). Изъ исторіи осужденія Сократа извѣстно, что все время отъ отправленія священнаго корабля на Делосъ до возвращенія (иногда задерживавшагося противными вѣтрами) считалось священнымъ и въ теченіе его не могли приводиться въ исполненіе смертныя приговоры надъ преступниками. Праздникъ совершался въ «Священномъ» мѣсяцѣ, соотвѣтствовавшемъ аттическому Анаестеріону. Ежегодно въ то же время совершались Ἀπολλώνια съ гимническими и конными играми и хорами. Извѣстенъ также праздникъ Διονύσια съ драматическими представленіями и др.²⁾

На о. Самосъ особымъ уваженіемъ пользовалась Гера, которая, по словамъ самосцевъ, на ихъ островѣ родилась, выросла и вышла замужъ; это предпочтительное уваженіе къ богинѣ, которая у другихъ іонійцевъ не пользовалась особенно выдающимся значеніемъ, быть можетъ, слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что іоническіе переселенцы уже застали культъ Геры у прежнихъ обитателей острова и усвоили его себѣ. Въ пользу этого предполо-

¹⁾ См. ч. I стр. 299 (изд. 3).

²⁾ Полный списокъ делосскихъ праздниковъ, извѣстныхъ изъ надписей, представляетъ *Homolle* въ Bull. de corr. hell. 14 (1890), стр. 492 сл.

женія свидѣтельствуеъ встрѣчающееся у авторовъ названіе самосской Геры Пеласгической. Въ честь Геры совершались здѣсь два праздника, изъ которыхъ одинъ, называвшійся 'Ηραία, извѣстенъ блестящею вооруженною процессіею, при которой изображалось торжество бракосочетанія Геры съ Зевсомъ со всѣми свадебными обрядами, а другой, называвшійся Τόνηα, отличался таинственными обрядами, въ которыхъ главную роль играла древняя деревянная статуя богини (Βρέτας). Аевнэй со словъ самосца Менодота рассказываетъ (XV, р. 672), что праздникъ былъ установленъ въ воспоминаніе того, что однажды Тирренскіе пираты сдѣлали покушеніе похитить статую и дѣйствительно принесли было ее на корабль, но когда хотѣли пуститься въ путь, то не могли сдвинуть съ мѣста корабль, пока не возвратили статую на берегъ и не принесли ей жертвы. Между тѣмъ среди обитателей острова распространился слухъ, что богиня исчезла изъ храма, и они пустились ее искать. Найдя статую на берегу и предполагая, что она сама перенеслась туда, они привязали ее къ лозѣ и окутали вѣтвями, но затѣмъ жрица отвязала ее, очистила и перенесла обратно въ храмъ. Поэтому и на праздникъ статую относили къ берегу и прятали, потомъ снова отыскивали и возвращали въ храмъ.

Изъ острововъ съ дорическимъ населеніемъ Родосъ занимаетъ первое мѣсто по числу и значенію своихъ культовъ. Выше всего стоялъ здѣсь культъ Солнца ("Ηλιος, дор. Ἄλιος), въ честь котораго чрезъ каждые 4 года совершался большой праздникъ Ἀλιεία, соединенный съ гимническими, конными и музыкальными состязаніями (первоначально установленными въ память мѣстнаго героя Тлеполема) и съ большой процессіею, въ которой, по всей вѣроятности, вели четырехъ коней, потомъ приносившихся въ жертву божеству посредствомъ сбрасыванія живьемъ въ море. Въ г. Линдѣ извѣстенъ культъ Аѳины Линдійской, праздникъ Геракла съ оригинальнымъ обычаемъ приносить въ жертву рабочихъ быковъ при брани и проклятіяхъ присутствовавшихъ при жертвоприношеніи (ср. стр. 91) и празднество Ἐμίθια въ честь Аполлона, культъ котораго съ прозвищемъ Ἐμίθιος былъ широко распространенъ по малоазійскимъ городамъ. Названіе это производится отъ сл. ἐμίθος—мышь и объясняется легендою о спасеніи страны Аполлономъ и Діонисомъ отъ множества мышей, уничтожавшихъ виноградныя лозы. Въ г. Родосѣ совершались Διονύσια съ состязаніями хоровъ и театральными представленіями. Затѣмъ на Родосѣ было много религіозныхъ

обществъ, составлявшихся съ цѣлью почитанія разныхъ греческихъ и негреческихъ божествъ; каждое изъ нихъ, конечно, имѣло свой особый праздникъ.

На о. *Костъ* главнымъ божествомъ былъ Асклепій, въ честь котораго совершались торжественно Ἀσκληπιεῖα. Кромѣ того извѣстны культы Геры, Деметры съ праздникомъ Θαλόσια, Геракла (въ г. Антимахіи), жрецъ котораго при совершеніи жертвоприношенія одѣвался въ женское платье (Плут. *Q. Gr.* 58), и др. боговъ.

Островъ *Критъ* представляетъ много оригинальныхъ формъ культовъ, происхожденіе которыхъ относится къ глубокой древности, еще до занятія острова дорійцами. Здѣсь совершались мистеріи Зевса и Куретовъ, о которыхъ будетъ сказано ниже (гл. 20, § 4). Въ честь Европы, по извѣстному мнѣю перенесенной Зевсомъ на Критъ, совершался праздникъ Ἐλλώσια, при которомъ кости Европы носили въ процессіи въ огромномъ миртовомъ вѣнкѣ (Аеен. XV, 22). Въ память убіенія Діониса-Загрея совершалось черезъ каждые 2 года празднество, при которомъ представлялись его страданія (Iul. Firm. *de err. pr. relig.* p. 417), въ честь Ино или Левкооен—Ἰνάχια. Кромѣ того были, конечно, мѣстные праздники въ разныхъ городахъ.

На дорическихъ Кикладахъ *Θερν* и *Анафн* упоминаются *Καρνεῖα* и Ἰακίνθια, кромѣ того на послѣднемъ островѣ празднествъ въ честь Ἀπόλλων Ἀσπελάτας. Въ ливійской *Кирентъ*, колонизованной изъ Θерн, кромѣ общаго дорійцамъ культа Аполлона упоминается пышный праздникъ Διοσκοῦρεια, затѣмъ Ἀστοδρόμια въ память основанія города (οἰονεὶ τῆς πόλεως γενέθλια, Свида) и Θεοδαΐσια въ честь Діониса и Нимфъ.

Hermann, Gott. *Alterth.* § 65. — О родосскихъ культахъ: *M. W. Hefster*, Ueber die Götterdienste auf Rhodos, 3 Hefte, Zerbst 1827—33. — *Dittenberger*, De sacris Rhodiorum comm. 1 et 2, Halis (ind. schol.) 1886—7.

§ 6. Малая Азія.

Для іоническихъ колоній западнаго берега Малой Азіи празднествъ *Πανώνια*, совершавшійся на мысѣ Микалѣ въ честь Посидона Геликонскаго, былъ такимъ же религіознымъ центромъ, каковымъ было Делосское празднество для іоническихъ Кикладъ. Празднествомъ завѣдывали приенцы, изъ среды которыхъ для совершенія торжественнаго жертвоприношенія избирался юноша подъ именемъ «царя» (Стр. VIII, p. 384; XIV, p. 639). Впослѣдствіи общее

празднество было перенесено въ Ефесъ (Діод. XV, 49), но культъ Посидона на Микалѣ продолжалъ существовать еще во времена Страбона. Впрочемъ, отдѣльные города были такъ же независимы другъ отъ друга въ религіозномъ отношеніи, какъ и въ политическомъ, и представляютъ не мало мѣстныхъ культовъ, иногда восходившихъ до глубокой древности. Такъ, *Ефесъ* славился своимъ великолѣпнымъ храмомъ Артемиды и празднествомъ въ честь ея, заступившимъ потомъ мѣсто Паніоній въ качествѣ религіознаго центра малоазіатскихъ городовъ. Празднество сопровождалось конными, гимническими и музыкальными состязаніями и привлекало изъ разныхъ городовъ множество посѣтителей, которые съѣзжались съ женами и дѣтьми и приносили богинѣ богатые дары и жертвы (Діон. Гал. IV, 25). Празднествомъ завѣдывали такъ называемые *ἑσσητες* (Павс. VIII, 13, 1). Жрецами богини здѣсь были внуки, называвшіеся *μεγαβοιοί* и пользовавшіеся величайшимъ почетомъ (Стр. XIV р. 641); были также жрицы, проходившія три степени священства: жрица низшей степени называлась *μελλίετη*, второй—*ίετη*, третьей—*παρίετη* (Плут. *An seni sit ger. resp.* 24). Кромѣ того въ Ефесѣ пользовались извѣстностью *Ταύρια* въ честь Посидона, *Θεσμοφόρια* въ честь Деметры и др.—Въ *Милеттѣ* важнѣйшимъ праздникомъ были *Διδόμενα* въ честь Аполлона, храмъ котораго съ знаменитымъ оракуломъ (см. ниже гл. 19, § 2) находился въ мѣстечкѣ Дидимахъ, кромѣ того *Νηληϊς* въ честь Артемиды и пр.

Городъ *Кизикъ* извѣстенъ былъ оргіастическимъ культомъ фригійской Кибелы, чествовавшейся подъ именемъ Плакіанской Матери (Герод. IV, 76; С. I. Gr. 3657), кромѣ того праздновалъ *Ἀνθεστήρια* въ честь Діониса и *Φερρεφάττια* въ честь Персефоны, которая, по преданію, получила этотъ городъ въ приданое отъ Зевса и почиталась въ немъ больше всѣхъ боговъ; въ жертву ей приносились черныя коровы (Апп. *Μεσσην. 75*). Въ *Ламтсакѣ* кромѣ культа Пріапа слѣдуетъ отмѣтить *Ἀσκληπιεία*, при которыхъ всѣ граждане надѣвали вѣнки, дѣти освобождались отъ учебныхъ занятій и рабы отъ работъ, а судопроизводство приостанавливалось (С. I. Gr. 3641 b.)

О религіозной жизни *эолійскихъ колоній* въ М. Азіи сохранилось мало свѣдѣній. Религіознымъ центромъ ихъ былъ праздникъ Аполлона въ г. *Γρόνειον*, кромѣ того особымъ уваженіемъ пользовался *Ἀπόλλων Πορνόπιος*. На о. *Лесбѣ* въ г. Митиленѣ былъ почитаемъ *Ἀπόλλων Μολόεις*, празднество котораго совершалось митиленцами всенародно внѣ города, на мысѣ Малей (Θук. III, 3), и *Ἄρτεμις*

Θερμία, въ честь которой совершалась Θερμακῆ πανήγυρις, упоминаемая въ надписяхъ въ качествѣ важнѣйшаго праздника митиленцевъ.

Религиознымъ центромъ *дорійскихъ колоній* на юго-западномъ берегу М. Азии былъ праздникъ Аполлона, Нимфъ и Посидона въ Триопии съ состязаніями, носившими специальное названіе Δόριος ἄγων (Герод. I, 144; Эук. VIII, 35 и др.). Кромѣ того городъ *Книдъ* славился культомъ Афродиты, почитавшейся здѣсь подъ разными названіями (Павс. I, 1, 3).

Hermann, Gott. Alterth. §§ 66, 67.

§ 7. Западные колоніи.

О религиозной жизни городовъ Великой Греціи мы имѣемъ лишь немногія свѣдѣнія, такъ какъ процвѣтаніе большинства ихъ относится къ такимъ временамъ, отъ которыхъ сохранилось очень мало письменныхъ памятниковъ. Даже изъ *Тарантіа*, въ которомъ въ цвѣтущее время было, говорятъ (см. выше стр. 14), больше праздниковъ, чѣмъ будней, мы знаемъ только Διονύσια, праздновавшіяся съ большою невоздержностью (по словамъ Платона во время этого праздника весь городъ былъ пьянъ), да темныя названія Δάμεια и Θαύλια. — Въ *Неаполѣ* совершалось празднество въ честь сирены Парæнопы съ гимническими состязаніями и бѣгомъ съ факелами. Со временъ Августа празднество это подъ названіемъ Σεβαστὰ или Ἰταλικά повторялось чрезъ каждые 4 года въ теченіе нѣсколькихъ дней съ гимническими и музыкальными состязаніями и по своей извѣстности стало на ряду съ знаменитѣйшими праздниками Еллады (Страб. V, р. 246). Затѣмъ упомянемъ культъ Зевса Омарія (Ὀμαρίος), служившій религиознымъ центромъ ахейскихъ городовъ южной Италіи послѣ уничтоженія Пиеагорейскаго союза, и празднество Геры на мысѣ Лакинии близъ Кротона, привлекавшее къ себѣ всѣхъ италійскихъ грековъ (Аен. XII, 58).

Въ греческихъ городахъ Сициліи особеннымъ значеніемъ пользовался культъ Деметры и Персефоны, которымъ былъ посвященъ весь островъ (Cic. in Verr. IV, 48, 6107). Извѣстно, что онъ преимущественно предъ другими мѣстностями считался мѣстомъ похищенія Персефоны и бракосочетанія ея съ Плутономъ; съ этимъ событіемъ связанъ былъ цѣлый рядъ праздниковъ, какъ напр. Ἀνθεσφόρια, Θεοῦρμα, Ἀνακαλοκτήρια, Κόρεια; временемъ похищенія считалась

или весна, къ которой, безъ сомнѣнія, относится первый изъ названныхъ праздниковъ, или время созрѣванія хлѣбовъ, когда совершалось самое торжественное жертвоприношеніе. Мѣстомъ похищенія считался преимущественно Еннейскій лугъ. Источникъ Кіана близъ Сиракусъ, по преданію, явился на томъ мѣстѣ, гдѣ Плутонъ съ похищенною Корою скрылся въ подземное царство; поэтому сиракусяне ежегодно совершали у этого источника празднество, при которомъ отъ имени государства приносили въ жертву быковъ, живьемъ погружая ихъ въ озеро: такой способъ жертвоприношенія, по преданію, былъ указанъ Геракломъ (Диод. IV, 23 и V, 3 сл.). На празднество еще во времена Цицерона стекалось множество народа. Кромѣ того въ честь самой Деметры осенью совершались *Θεσμοφῶρια*, отличавшіяся особенно пышностью въ Сиракусахъ, гдѣ они продолжались 10 дней и праздновались преимущественно женщинами; изъ обычаевъ праздника упоминается, м. пр., перебранка между женщинами въ память того, что Деметра, опечаленная похищеніемъ дочери, развеселилась отъ бранныхъ словъ служанки (Аѳен. XIV, 56). Кромѣ Сиракусъ *Θεσμοφῶρια* праздновались въ Акрагантѣ, Катанѣ и др. городахъ. — Кромѣ празднествъ, относящихся къ культу Деметры, въ разныхъ сицилійскихъ городахъ упоминаются и мѣстные праздники, какъ заимствованные изъ метрополій, такъ и обязанные своимъ происхожденіемъ какимъ-либо мѣстнымъ условіямъ и особенностямъ, или историческимъ событіямъ. Такъ, въ *Катанѣ* былъ праздникъ *Αἰτναία* въ честь Зевса Этнейскаго, въ *Сиракусахъ* — *Ἀρτεμίσις*, *Ἐλευθέρια* или *Ἀσινάρια* въ память пораженія афинянъ въ 413 г., *Ἐλευθέρια* и др. Въ *Гелѣ* извѣстенъ культъ хеоническихъ божествъ съ мистическими обрядами (Герод. VII, 153), въ г. *Агиріи* — пышный праздникъ въ честь Геракла съ гимническими и конными состязаніями, при чемъ въ празднованіи участвовали и рабы, а также празднество въ честь Гераклова родственника Юлая (Диод. IV, 24). На горѣ *Ерикѣ* было святилище Афродиты, по словамъ Павсанія (VIII, 24, 3) пользовавшееся уваженіемъ съ глубокой древности и по богатству не уступавшее святилищу въ Пафѣ (на о. Кипрѣ). При храмѣ жило много посвященныхъ богинѣ рабовъ и рабынь (*ιερόδολοι*). Изъ совершавшихся здѣсь празднествъ Аѳенэй (IX, 51) упоминаетъ *Ἀναγώγια* въ память удаленія богини въ Ливію и *Καταγώγια* въ честь ея возвращенія. Эти праздники, очевидно, были установлены по образцу подобныхъ же празднествъ въ культѣ Персефоны.

Въ фокейской колоніи *Массалии* извѣстны культы Артемиды Ефесской и Аполлона Дельфинія (Стр. IV р. 179), а также праздникъ, который у Юстина (43,4,6) называется *Floralia*, а по гречески, по всей вѣроятности, назывался *Ἀνθεστήρια*, и описанный Петроніемъ (*Sat.* 141) оригинальный обрядъ, напоминающій обряды аѳинскихъ *Θαργηλίων*: въ случаѣ появленія какой либо эпидеміи одинъ изъ бѣдняковъ добровольно предлагалъ себя въ жертву за государство; ему въ теченіе года давали отличное содержаніе на государственный счетъ, затѣмъ, одѣвъ въ священныя одежды и украсивъ вѣтвями, обводили по городу, произнося заклятія, чтобы на него пали всѣ бѣдствія государства, и сбрасывали со скалы.

Само собою разумѣется, что здѣсь описаны далеко не всѣ культы и праздники въ разныхъ государствахъ еллинскаго міра. Ихъ число особенно увеличилось во времена римскаго владычества; вслѣдствіе упадка прежнихъ религіозныхъ вѣрованій главною и существеннѣйшею частью празднествъ сдѣлались тогда разнаго рода состязанія, учреждавшіяся не только въ честь боговъ, но и римскихъ императоровъ, ихъ любимцевъ и видныхъ политическихъ дѣятелей.

Hermann, Gottesd. Alterth. § 68.

ОТДѢЛЪ V.

ОСОБЫЕ ВИДЫ КУЛЬТОВЪ И РЕЛИГИОЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.

ГЛАВА 18-я.

Мантика.

Глубокая вѣра въ полную зависимость всѣхъ явленій природы и всей человѣческой жизни отъ воли боговъ и въ то, что боги отъ времени до времени открываютъ эту волю человѣку, по его просьбѣ или по собственному желанію, посредствомъ различныхъ знаменій, заставила древнихъ уже очень рано обратиться къ внимательному наблюденію явленій природы и окружающей жизни съ

цѣлью открывать въ нихъ какіе-либо намеки или указанія, посредствомъ которыхъ божество желало выразить человѣку свою волю. Всѣ способы отгадыванія воли божества, выражающейся въ тѣхъ или другихъ знаменіяхъ, обнимались словомъ *μαντεία* или *μαντική*. Древніе различали два вида мантики: *безискусственную* (*ἄτεχνος*) и *искусственную* (*ἐτεχνος*). Подъ первую разумѣются случаи, когда или во снѣ являются человѣку откровенія божества, или на яву душа его извѣстнымъ образомъ просвѣтляется и въ такомъ состояніи болѣе или менѣе ясно познаетъ сокрытое отъ другихъ; такое состояніе души древніе приписывали наитію свыше и людей, находящихся въ такомъ состояніи, называли «объятыми божествомъ» (*ἐνθεοί* или *θεόληπτοι*, *ἐνθεοσώοντες*). Люди развитіе уже въ древности понимали ненормальность такого душевнаго состоянія, въ которомъ человѣкъ получаетъ способность предсказывать будущее: Платонъ говоритъ (*Тим.* р. 71 *ε*), что никто не беретса за истинное и вдохновенное гаданіе, находясь въ здоровомъ умѣ. На это же указываетъ самое названіе *μαντεία*, происходящее отъ одного корня съ *μαίνεσθαι*.—Искусственная мантика состояла въ наблюденіи и объясненіи различныхъ знаменій, посредствомъ которыхъ боги открывали людямъ свою волю; для этого способа предсказаній не требовалось особаго вдохновенія, и потому его можно было приобрѣтать посредствомъ опыта и изученія. Который изъ этихъ двухъ видовъ мантики древнѣе, опредѣлить невозможно. У грековъ какъ въ Гомеровскія времена, такъ и въ историческія оба они существовали рядомъ; то же видимъ мы у римлянъ и у варваровъ. Впрочемъ въ Гомеровскихъ поэмахъ встрѣчается одинъ только случай энтузіастическаго предсказанія, именно въ *Од.* XX, 350 сл. Прорицатель Θεοκλιμηνъ, находясь въ домѣ Одиссея на пиршествѣ жениховъ Пенелопы, вдругъ видитъ, какъ тѣма обнимаетъ ихъ головы, ихъ тѣла, стѣны и балки дома обагряются кровью, весь домъ наполняется тѣнями, стремящимися въ Еребъ, солнце скрывается и мгла окутываетъ небо. Θεοκλιμηνъ видитъ во всемъ этомъ явное предзнаменованіе близкой гибели жениховъ, но они не обратили никакого вниманія на его слова, сочли сумасшедшимъ и приказали вывести вонъ. Въ другихъ случаяхъ Гомеровскіе прорицатели предсказываютъ по сновидѣніямъ (*ὄνειροπόλοι*) и различнымъ знаменіямъ (*θεοπρόβια*), въ особенности по полету птицъ (*οἰωνοπόλοι*), наблюденіе котораго является самымъ распространеннымъ способомъ гаданія. Предсказанія по горѣнію

и по внутренностямъ животныхъ въ Гомеровскихъ поэмахъ еще не упоминаются.

§ 1. Безъискусственная мантика.

Обращаясь къ ближайшему ознакомленію съ безъискусственной мантикой, мы должны замѣтить, что вѣра въ пророческую силу *сновидѣній* была очень сильно распространена въ древности, какъ еще и въ наше время, среди малоразвитыхъ людей. Человѣкъ въ сонномъ состояніи считался легко доступнымъ божественному влиянію, которое возбуждало въ немъ образы и мысли, имѣвшія то или другое отношеніе къ дѣйствительности. Уже въ Гомеровскія времена сновидѣнія считались происходящими отъ Зевса (τ'ὄναρ ἐκ Διὸς ἐστιν. *Ил.* I, 63) и между ними различались сновидѣнія обманчивыя или ничего не значащія, и вѣрныя или пророческія; первыя входили къ человѣку вратами изъ слоновой кости, вторыя—роговыми ¹⁾. Народное вѣрованіе создало особыя дѣмоническія существа, которыя производили или олицетворяли собою сновидѣнія. Ихъ мѣстопребываніемъ въ Одиссеѣ (XXIV, 12) называется крайній западъ, близъ входа въ подземное царство. Гесиодовская Θεογονία (ст. 212) называетъ ихъ сыновьями Ночи, а позднѣйшіе поэты считали сыновьями Сна (Ἵπνος) и различали по именамъ: Μορφεὸς являлся только въ человѣческомъ образѣ, Ἰκελὸς или Φοβήτωρ принималъ видъ всевозможныхъ животныхъ, а Φάντασος представлялся въ видѣ неодушевленныхъ предметовъ (Овид. *Метам.* XI, 633 сл.). Они находятся подъ властью верховныхъ боговъ, которые и посылаютъ ихъ къ людямъ (напр. во II-й пѣснѣ *Иліады* Зевсъ послалъ Агамемнону обманчивый сонъ). Иногда и сами боги устраиваютъ εἰδωλον и посылаютъ его къ спящему (*Од.* 796), или даже сами являются людямъ во снѣ въ томъ или другомъ видѣ (*Од.* 13 сл.). Даже души усопшихъ, по крайней мѣрѣ пока онѣ не находятся въ царствѣ Аида, т. е. пока тѣла ихъ не погребены, могли являться живымъ людямъ во снѣ (*Ил.* XXIII, 65). Эти представленія гомеровскихъ временъ существовали и впоследствии въ народномъ вѣрованіи. Для объясненія сновидѣній, какъ и другихъ чудесныхъ знаменій, прежде всего необходимо было

¹⁾ *Од.* XIX, 562—567. Впрочемъ, по всей вѣроятности, эти врата созданы фантазією поэта главнымъ образомъ изъ-за игры словъ (ἐλέφαντος—ἐλεφαίρονται, κεράων—κραινούς), встрѣчающейся въ указанныхъ стихахъ.

остроуміе, способность комбинаці составныхъ частей соннаго видѣнія съ окружающею дѣйствительностью, но въ послѣдствіи на основаніи различныхъ данныхъ и соображеній постепенно составились опредѣленные правила для объясненія сновидѣній и явилось особое искусство снотолкованія, *ὄνειροκριτική*. Древнѣйшій «сонникъ» или снотолкователь, о которомъ намъ извѣстно, былъ составленъ афиняниномъ Антифонтомъ, современникомъ Сократа. До насъ сохранился снотолкователь Артемидора (II в. по Р. Хр.). Но уже въ классическія времена снотолкователи нерѣдко считались шарлатанами и искусство ихъ не пользовалось уваженіемъ.

Кромѣ вѣры въ сновидѣнія было распространено вѣрованіе, что нѣкоторые, особенно любимые богами, люди могли и на яву испытывать наитіе свыше, приходитъ въ состояніе экстаза и, находясь въ немъ, болѣе или менѣе ясно и опредѣленно узнавать сокровище отъ другихъ. Этотъ видъ безъискусственной мантики, къ которому преимущественно предъ другими подходило самое названіе *μαντεία*, ставился у грековъ гораздо выше мантики искусственной. Аполлонъ, богъ физическаго и нравственнаго свѣта, просвѣщавшій и души людей, считался главнымъ покровителемъ не только тѣхъ оракуловъ, гдѣ предсказанія давались подъ вліяніемъ экстаза (см. ниже гл. 19 § 2), но и отдѣльныхъ прорицателей. Гомеровскій Калхантъ, хотя предсказывавшій по знаменіямъ, а не подъ вліяніемъ экстаза, всетаки получилъ свой даръ отъ Аполлона и обращается къ нему, какъ къ своему покровителю (*Ил.* I, 86 сл. и 385). Прорицателей, предсказывавшихъ по вдохновенію, было весьма много какъ въ миѣическія, такъ и въ историческія времена. Большимъ уваженіемъ пользовались *сивиллы*, миѣическія существа, представлявшіяся въ видѣ дѣвъ, жившихъ въ разныя времена и въ разныхъ странахъ, обыкновенно въ глубокихъ и сырыхъ гротахъ. Съ сивиллами очень сходенъ Бакидъ, миѣическій вдохновенный нимфами прорицатель, мѣсто жительства котораго также указывалось въ разныхъ странахъ. Сивилламъ и Бакиду приписывалось множество предсказаній, записанныхъ и соединенныхъ въ сборники, къ которымъ обращались въ важныхъ случаяхъ какъ государства, такъ и частныя лица, заимствуя изъ нихъ тѣ совѣты, которые казались примѣнными къ даннымъ обстоятельствамъ. Подобные сборники имѣлись и съ именами другихъ миѣическихъ прорицателей, напр. Мусэя, Лиэа сына Пандіонова, еванскаго царя Лая и др. ¹⁾ Такое собраніе

¹⁾ Ср. Сивиллины книги въ Римѣ.

было, напр., у Писистратидовъ; при своемъ бѣгствѣ изъ Аѳинъ они покинули его на акрополѣ, гдѣ оно хранилось, и спартанскій царь Клеоменъ взялъ его въ Спарту (Герод. V, 90). У спартанцевъ было собраніе изреченій Дельфійскаго оракула, находившееся въ завѣдываніи особыхъ магистратовъ *Πόθοι*, избравшихся царями. Кромѣ такихъ официальныхъ сборниковъ, находившихся во владѣніи и подъ надзоромъ государствъ или жрецовъ, существовало еще множество частныхъ сборниковъ, владѣльцы которыхъ давали изъ нихъ совѣты и предсказанія всѣмъ, кто къ нимъ обращался, конечно въ большинствѣ случаевъ не даромъ. Къ такимъ владѣльцамъ сборниковъ предсказаній преимущественно примѣнялось названіе *χρησολόγοι*, хотя часто имъ обозначались и такія лица, которыя предсказывали по собственному вдохновенію, а не изъ книгъ. Впрочемъ многіе предсказывали и обоими способами, а кромѣ того занимались и гаданіемъ по знаменіямъ (которое къ собственной хресмологіи не имѣло никакого отношенія), дѣлая себѣ изъ всего этого прибыльную профессію. Были даже цѣлые роды, въ которыхъ прорицаніе и искусство объясненія знаменій съ требовавшимися для этого духовными способностями считались наследственными, переходившими изъ рода въ родъ отъ какого-нибудь миѳическаго родоначальника, бывшаго въ свое время славнымъ прорицателемъ. Таковы были, напр., Іамиды и Клитіады въ Елидѣ и родъ акарнанскихъ прорицателей (считавшихъ своимъ родоначальникомъ славнаго Мелампода), изъ котораго происходилъ извѣстный Мегистій, павшій при *Θερμοπύλας* (Герод. VII, 221).

§ 2. Искусственная мантика.

Знаменія, въ которыхъ боги, по вѣрованію древнихъ, открывали свою волю, были посылаемы ими или по собственному желанію, или по просьбѣ людей, выраженной въ молитвѣ. Для ниспосланія знаменій богамъ служили преимущественно: а) птицы и атмосферныя явленія, б) жертвы, в) знаменательныя встрѣчи, г) слова и звуки. Особенно распространено было гаданіе по птицамъ и жертвоприношеніямъ.

Птицы вполнѣ свободны и независимы отъ человѣка въ своемъ полетѣ, онѣ парятъ въ воздушныхъ пространствахъ, поднимаются высоко надъ землею, какъ-бы приближаясь къ небеснымъ жилищамъ боговъ, и потому преимущественно предъ другими живыми суще-

ствами считались вѣстниками воли боговъ. Поэтому ихъ появленіе даже безъ предварительной мольбы о дарованіи знаменія считалось знаменательнымъ во всѣхъ случаяхъ, когда человѣку интересно было узнать волю божества. При ихъ появленіи наблюдалось множество специальныхъ примѣтъ какъ относительно рода птицъ, такъ и относительно способа ихъ полета, бѣга или сидѣнія, разныхъ ихъ движеній, мѣста появленія, криковъ, отношенія другъ къ другу и къ другимъ существамъ и пр. (ср. Эск. *Пром.* 490 сл.), такъ что птицегаданіе (οἰωνοσκηΐή, οἰωνοσχοκία) представляло собою весьма развитое искусство, требовавшее большихъ знаній и опытности ¹⁾. Каждая птица имѣла свою особую символику и, хотя нѣкоторыя считались вѣщими преимущественно предъ другими, но всетаки значеніе каждаго отдѣльнаго знаменія находилось въ зависимости отъ множества внѣшнихъ обстоятельствъ. Наибольше вѣщими считались большія хищныя птицы, летающія особенно высоко и по одиночѣ, а не стаями. Такія птицы собственно и называются οἰωνοί (отъ οἶος); но въ послѣдствіи этимъ именемъ называли всѣхъ вѣщихъ птицъ и даже обозначали имъ (такъ же, какъ и словомъ ὄρνις) и разныя другія знаменія. Между οἰωνοί особеннымъ уваженіемъ пользовался орелъ, какъ царь птицъ и вѣстникъ царя боговъ ²⁾; часто также упоминаются ястребы, соколы, коршуны и др.; они подавали знаменія то своимъ появленіемъ съ той или другой стороны наблюдателя, то обстоятельствами, при которыхъ совершилось явленіе. Въ *Илиадѣ* (VIII, 247 сл.) орелъ, пронесшійся надъ лагеремъ грековъ съ олененкомъ въ когтяхъ и уронившій свою добычу на алтарь Зевса, былъ признанъ благоприятнымъ знаменіемъ, а напротивъ пролетѣвшій слѣва орелъ, несшій въ когтяхъ живаго змѣя и выпустившій его вслѣдствіе раны, нанесенной ему змѣемъ въ грудь, предсказалъ несчастіе Гектору при нападеніи на греческій лагерь (*Ил.* XII, 200 сл.). Для птицегаданія избиралось открытое, удобное для кругозора мѣсто (οἰωνοσκηταίων, θῶκος ὀριδοσκόπος). Благоприятною считалась правая сторона, при чемъ гадатель обращался лицомъ къ сѣверу, такъ что направо отъ него былъ востокъ, а налѣво западъ. У Гомера считаются

¹⁾ Интересный отрывокъ изложенія примѣтъ птицегаданія сохранился въ Ефесской надписи С. I, Gr. 2953 = I. Gr. ant. 499.

²⁾ Въ *Ил.* XVIII, 247 орелъ называется τελαίωτατος πετεηνῶν; Ксенофонтъ называетъ его μέγας οἰωνός καὶ οὐκ ἰδιωτικὸς καὶ ἔνδοξος (*Анаб.* VI, 1, 23).

благоприятными знаменія, появляющіяся со стороны зари и солнца, неблагоприятными—со стороны мрака. Впрочемъ, какъ кажется, на страны свѣта не всегда обращали вниманіе, или правую и лѣвую сторону различали по отношенію не къ гадателю, а къ солнцу; вообще слѣдуетъ думать, что какъ во всей греческой религіи не было систематическаго единства и обязательныхъ для всякаго догматовъ, такъ и при птицегаданіи употреблялись различные способы наблюденія ¹⁾).

Рядомъ съ птицегаданіемъ и почти въ такой же степени было распространено гаданіе по разнымъ метеорологическимъ и астрономическимъ явленіямъ (διοστημίαι), каковы: громъ, молнія, солнечныя и лунныя затменія, кометы, падающія звѣзды и т. п. Вѣрованіе въ ихъ вѣщую силу было весьма естественно у народовъ, ставившихъ эти явленія въ прямую зависимость отъ боговъ, управляющихъ силами природы. Ударъ грома или блескъ молніи (въ особенности безъ грозы, при ясномъ небѣ) признавался благоприятнымъ или неблагоприятнымъ знаменіемъ, смотря по тому, съ которой стороны приходился. Ксенофонтъ (*Апол. С.* 12) называетъ громъ μέγιστον οὐρανιστήριον. Солнечныя и лунныя затменія и кометы вообще считались страшными знаменіями, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ объяснялись иначе ²⁾). Наиболѣе извѣстнымъ примѣромъ гаданія по метеорамъ является спартанскій обычай наблюденія неба

¹⁾ Эсхилъ называетъ слѣпago прорицателя Тиресія «кормильцемъ птицъ», οἰωνῶν βοτήρ (*Семь пр. Оиисъ* 24); отсюда можно бы было заключить, что у грековъ былъ обычай кормить птицъ для гаданій, чтобы всегда имѣть ихъ подъ рукою въ случаѣ надобности; но никакихъ другихъ указаній на этотъ обычай не имѣется. У римлянъ, какъ извѣстно, онъ былъ широко распространенъ.

²⁾ Такъ, напр., извѣстно, что лунное затменіе 413 г. заставило Никіа отложить на мѣсяць отступленіе отъ Сиракусъ и тѣмъ послужило причиною полной гибели аѣнскаго войска. Но въ послѣдствіи упрекали Никіева гадателя въ невѣрномъ истолкованіи этого знаменія; такъ, Филохоръ говоритъ, что затменіе въ данномъ случаѣ было счастливымъ предзнаменованіемъ, потому что для бѣгства темнота удобнѣе свѣта, а по мнѣнію Автоклида Никій напрасно рѣшилъ дожидаться слѣдующаго полнолунія, такъ какъ знаменія солнца и луны имѣютъ силу лишь на три дня (*Плут. Ник.* 23).—Вотъ еще нѣсколько примѣровъ гаданія по метеорологическимъ явленіямъ. Аэролитъ, упавшій при Эгоспотамахъ предъ битвою 405 г., былъ признанъ предзнаменованіемъ пораженія аѣнчанъ (*Плут. Лис.* 12). Въ 372 г. комета въ видѣ огненнаго бревна предвозвѣстила спартанцамъ ихъ пораженіе эиванцами при Левитрахъ (*Диод. XV, 50*). Предъ Пелопоннесскою войною небывалое ранше землетрасеніе на Делосѣ предзнаменовало грядущія бѣдствія (*Фукид. II, 8*).

ефорами, чтобы узнать, не провинились ли цари въ чемъ-либо передъ богами ¹⁾. Гаданіе по звѣздамъ, опредѣленіе по нимъ счастливыхъ или несчастливыхъ дней, предугадываніе судьбы человѣка по положенію созвѣздій въ часъ его рожденія, однимъ словомъ все, что относится къ астрологической мантикѣ, въ цвѣтущія времена Эллады почти не было извѣстно. Астрологическія предсказанія стали распространяться тамъ только со временъ Александра Македонскаго, но никогда не возвысились до степени религиозныхъ вѣрованій.

Гаданія по жертвамъ были главнымъ образомъ двухъ видовъ: а) наблюденіе и объясненіе различныхъ знаковъ при закланіи животнаго и горѣніи жертвенныхъ частей (*ἐμπορομαντεία*), б) гаданія по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ (*іероскопіа*). Въ Гомеровскихъ поэмахъ уже упоминаются *θυσκόβοι*, но способъ ихъ гаданія не указывается. Съ какого времени іероскопіа вошла въ употребленіе и откуда была заимствована, нельзя сказать съ достовѣрностью. У Эсхила Промееей хвалится тѣмъ, что научилъ людей такимъ гаданіямъ (*Пром.* 485 сл.); стало быть, по мнѣнію Эсхила, они распространились уже въ весьма древнія времена. Другіе называли ихъ изобрѣтателемъ Посидонова сына Дельфа, эпонима города Дельфъ, откуда можно заключить, что іероскопіа распространилась по Греціи изъ Дельфъ, подъ влияніемъ оракула. По всей вѣроятности, она впервые появилась на Востокѣ и оттуда распространилась по Греціи и Италіи.

При жертвоприношеніяхъ можно было наблюдать много признаковъ, изъ которыхъ выводились хорошія или дурныя предзнаменованія. Такъ, напр., считали очень хорошимъ знаменіемъ, если животное добровольно шло къ алтарю и даже давало кивкомъ головы согласіе на убіеніе (чего, впрочемъ, умѣли достигать маленькими хитростями, см. выше стр. 89), и напротивъ дурнымъ, если оно упиралось; еще хуже было, если оно вырывалось и убѣгало отъ жертвенника, или скоропостижно умирало прежде, чѣмъ его успѣвали зарѣзать. Далѣе выводили предзнаменованія изъ быстрого или медленнаго старанія жертвенныхъ кусковъ на алтарѣ, изъ направленія, которое принималъ дымъ, т. е. поднимался ли онъ вверху, или разстилался по низу, и т. п. Особенно важныя знаменія выводились изъ способа горѣнія хвоста животнаго, который оставляли

¹⁾ См. ч. I, стр. 104 (изд. 3).

при жертвенныхъ кускахъ: его скрючиваніе обозначало, что данное предпріятіе будетъ сопряжено съ трудностями, опусканіе внизъ предзнаменовало неудачу, а напротивъ поднятіе вверхъ—счастіе или удачу ¹⁾. Въ виду столь важнаго значенія хорошаго сгаранія жертвенныхъ кусковъ особенную заботливость прилагали къ тому, чтобы хорошо разложить дрова на жертвенникѣ, что умѣлъ сдѣлать далеко не всякій. Наблюденіе и объясненіе всѣхъ подобныхъ знаменій было дѣломъ эмпиромантии. Какъ особый видъ ея, упоминается λιβανομαντεία, т. е. гаданіе по горѣнію и дыму жертвенныхъ благовопій. Пифагоръ признавалъ только три вида мантики, именно διὰ κληδόνων, δι' οἰωνῶν и διὰ λιβάνου (Диог. Л. VIII, 1, 20).

Происхожденіе обычая гадать по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ проще всего объяснить тѣмъ, что пріятными богамъ и стало быть годными для жертвоприношенія считались только животныя вполне здоровыя и свободныя отъ всякихъ физическихъ недостатковъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ; обращать особенное вниманіе на состояніе внутреннихъ органовъ животнаго побуждало во-первыхъ то обстоятельство, что они входили въ составъ частей, предназначаемыхъ для сожженія на алтарѣ, а во-вторыхъ то, что они не были доступны изслѣдованію раньше убіенія животнаго. Итакъ, если въ этихъ органахъ оказывалось что-либо ненормальное, нездоровое, то въ этомъ видѣли указаніе божества на то, что жертва ему не угодна или что она не благопріятствуетъ начинаніямъ жертвователя, выборъ котораго—конечно не безъ воли божества—палъ именно на такое животное. Изъ такихъ соображеній легко могло развиваться вѣрованіе въ мантическое значеніе внутренностей жертвенныхъ животныхъ, а когда оно развилось, то естественно стали дѣлаться точныя наблюденія надъ ихъ состояніемъ, строго различаться отдѣльныя части ихъ и различныя ихъ ненормальности, изъ которыхъ каждая получила свое особое значеніе. Такимъ образомъ возникло сложное искусство іероскопій, тонкости котораго были извѣстны только людямъ, специально имъ занимавшимся, хотя были и общія положенія, извѣстныя каждому жертвоприносителю по крайней мѣрѣ на столько, чтобы рѣшить, будетъ ли данная жертва угодна божеству. Самою важною изъ всѣхъ внутренностей считалась печень (ἵπαρ) не только потому, что ея нормальное или ненормальное состояніе легче всего

¹⁾ Схол. Арист. «Миръ» 1053 сл.; схол. Евр. Финик. 1255 сл.

было замѣтно, но и потому, что ее считали главнымъ органомъ физической жизни; при изслѣдованіи же печени обращали особое вниманіе на ея лопасти (λοβοί), особенности образованія которыхъ признавались весьма важными знаменіями. Кромѣ печени изслѣдовали другія внутренности: сердце, легкія, селезенку, желчь и др. Упомянуты примѣры, когда, будто бы, совсѣмъ не находили сердца въ животномъ. Знаменія, получавшіяся при жертвоприношеніи изъ внѣшнихъ признаковъ, обозначались общимъ именемъ *ἱερά*, а получавшіяся изъ наблюденія внутренностей — *σφαίρα*¹⁾. Полученіе благоприятныхъ знаменій обозначалось глаголомъ *καλλιερεῖν*, а неполученіе — выраженіями *τὰ ἱερά οὐ γίγνεται*, *οὐ προφωρεῖ* и т. п.

Само собою разумѣется, что гаданіе не при всякомъ жертвоприношеніи считалось одинаково важнымъ. Специально для цѣлей іероскопіи жертвоприношенія были совершаемы только предъ важными предпріятіями, въ особенности на войнѣ, — при переходѣ чрезъ границу непріятельской земли, при посадкѣ войска на корабли и, главнымъ образомъ, при началѣ сраженія. Спартацкіе цари постоянно брали съ собою въ походъ известное количество животныхъ для того, чтобы въ нихъ никогда не было недостатка въ случаѣ необходимости прибѣгнуть къ іероскопіи, и при всѣхъ греческихъ войскахъ постоянно состояло по одному или по нѣскольку гадателей. Если знаменія были неблагоприятны, то жертвоприношенія повторялись нѣсколько разъ, пока наконецъ не получались счастливыя предзнаменованія²⁾, или предпріятіе отменялось на время или совсѣмъ. Отсюда уже видно, какое важное значеніе придавали гаданіямъ и вѣрному истолкованію знаменій; но такъ какъ контролировать гадателей и оберегать себя отъ ихъ обмана было трудно, то съ теченіемъ времени недо вѣріе къ нимъ распространилось въ значительной степени. Иногда даже внушали гадателямъ, что желательно благоприятное знаменіе, или сами они примѣнялись къ требованію обстоятельствъ.

¹⁾ По мнѣнію Штенгеля именемъ *ἱερά* обозначались обычныя жертвоприношенія, а *σφαίρα* совершались гадателями предъ важными военными событіями специально для цѣлей іероскопіи.

²⁾ Известный примѣръ — гаданія Павсанія предъ битвою при Платеяхъ (Герод. IX, 61; Плут. *Арист.* 17 и 18). Полученіе благоприятныхъ знаменій при первомъ жертвоприношеніи считалось особенно добрымъ знакомъ (*γίγνεται τὰ ἱερά ἐπὶ τοῦ πρώτου ἱερείου*, Ксен. *Ан.* VI, 5, 2).

Знаменія, относящіяся къ остальнымъ двумъ видамъ искусственной мантики, носятъ общее названіе *ομφαλα*. Сюда относятся всѣ тѣ случайныя, болѣе или менѣе замѣчательныя явленія, которыя невольно обращали на себя вниманіе человѣка и въ которыхъ онъ видѣлъ, такъ сказать, перстъ божій, указующій счастье или несчастье. Такія явленія могли встрѣчаться постоянно и были столь же разнообразны, какъ все окружающее человѣка въ его обыденной жизни. При религіозныхъ вѣрованіяхъ, которыя представляли все въ природѣ находящимся въ непосредственной зависимости отъ боговъ, а самихъ боговъ—некущимися о человѣкѣ и склонными помогать ему совѣтомъ и предостереженіемъ, весьма понятно, что всѣ такія явленія считались не случайными, а ниспосланными божествомъ съ цѣлю намека или указанія человѣку, и послѣдній напрягалъ все свое остроуміе для того, чтобы объяснить себѣ ихъ значеніе. Эта отрасль мантики носитъ названіе *τερατοσκοπεία*. Первоначально каждое явленіе объяснялось, конечно, посредствомъ болѣе или менѣе остроумной комбинаціи его съ окружающими обстоятельствами, но мало по малу образуется традиція, извѣстныя явленія получаютъ болѣе или менѣе постоянное объясненіе, хотя для остроумія постоянно остается широкій просторъ, такъ какъ по самой природѣ вещей было невозможно, чтобы одно и то же явленіе повторялось при совершенно одинаковыхъ обстоятельствахъ. При этомъ нужно замѣтить еще, что вѣра въ вѣщую силу явленій обыденной жизни вполнѣ зависѣла отъ степени религіозности и развитія каждой отдѣльной личности: люди серьезные и развитые мало или вовсе не обращали вниманія на многія такія явленія, которымъ неразвитая толпа придавала важное значеніе и которыя старалась отвращать всяческими средствами, такъ что большинство такихъ знаменій можно отнести прямо къ области суевѣрія, не имѣющаго ничего общаго съ религіей.

Въ числѣ такихъ явленій слѣдуетъ, во-первыхъ, упомянуть о знаменательныхъ словахъ или вообще звукахъ (*φῆμαι, κληδόνες*), которымъ придавали хорошее или дурное значеніе, смотря по обстоятельствамъ, при которыхъ они слышались. Этотъ видъ гаданій упоминается еще въ Гомеровскихъ поэмахъ. Напр., Одиссей, по возвращеніи на родину, намѣреваясь произвести избіеніе жениховъ Пенелопы, проситъ Зевса послать ему *φῆμην* и *τέρας*, и Зевсъ исполняетъ его мольбу: немедленно раздается ударъ грома, а изъ дома слышится голосъ служанки, желающей гибели жениховъ (*Од. XX*,

98 сл.). Изъ позднѣйшихъ временъ припомнимъ рассказанный Геродотомъ (IX, 91) случай, имѣвшій мѣсто предъ битвой при Микалѣ: когда самосцы побуждали спартанскаго царя Леотихида напасть на персовъ, онъ спросилъ имя говорившаго и, услышавъ имя Ἠγήσιππῶτος, воскликнулъ: «δέχομαι τὸν οἰωνόν» (т. е. принимаю это имя за доброе предзнаменованіе, = лат. omen accipio). Въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ Еллады были даже оракулы, дававшіе предсказанія посредствомъ знаменательныхъ словъ, какъ напр. въ ахейскомъ городѣ Фарахъ, въ беотійскихъ Фивахъ и пр. (см. ниже стр. 192). Въ числѣ κληδόνες весьма важное значеніе придавалось чиханію (πτάρμος). Очень часто наблюдались и принимались за предзнаменованія встрѣчи при выходѣ изъ дома или во время путешествія (σύμβολοι ἐνδοίαι, Эсх. *Пром.* 489), затѣмъ различныя случайности домашней жизни, напр. если во дворъ забѣгала чужая черная собака, если скрипѣли балки въ домѣ, проливалось масло, вино или вода, и т. под. явленія, которыя и въ наше время у суевѣрныхъ людей считаются вѣщима. Наблюденіе и объясненіе такихъ знаменательныхъ явленій въ домашней жизни составляло особый видъ мантики, носившій названіе οἰοσκοπική. Наконецъ слѣдуетъ упомянуть еще о гаданіи по жеребьямъ (κληρομαντεία), употреблявшемся у грековъ съ весьма древнихъ временъ. Встрѣчаются, конечно, и многіе другіе виды гаданій, иногда очень странныя, но мы не будемъ касаться ихъ, такъ какъ они относятся уже прямо къ области суевѣрія.

Если мы поставимъ, въ заключеніе, вопросъ о значеніи мантики у древнихъ грековъ, то должны будемъ замѣтить, что широкое развитіе всевозможныхъ ея видовъ уже само по себѣ достаточно свидѣтельствуетъ о высокомъ довѣрїи, которое къ ней питали; но степень этого довѣрїя видоизмѣнялась смотря по времени и по степени развитія отдѣльныхъ личностей, и какъ во всей вообще греческой религіи, такъ и здѣсь зачастую самыя противоположныя возрѣнія мирно уживались рядомъ. Съ одной стороны мы видимъ, что и государства и частныя лица не предпринимаютъ ни одного важнаго дѣла безъ совѣта оракула или безъ гаданій, съ другой—что люди развитые уже рано поняли, какимъ прибыльнымъ ремесломъ является мантика для всевозможныхъ обманщиковъ и шарлатановъ, и не стѣснялись осыпать ихъ насмѣшками и клеймить презрѣніемъ. Уже въ Иліадѣ (XII, 237 сл.) Гекторъ пренебрежительно относится къ птицегаданію и провозноситъ знаме-

нитря слова: εἰς οἰωνὸς ἄριστος, ἀμόνεσθαι παρὶ πατρὸς. Въ VII в. до Р. Хр. Аристоксенъ Селинунтскій говорилъ, что гадатели больше всѣхъ внесли шарлатанства (ἀλαζονεία) въ человѣческое общество. Сицилійскій комикъ Епихармъ (V в. до Р. Хр.) говоритъ о лувавыхъ гадальщицахъ, которыя надувають глупыхъ бабъ, берутъ съ нихъ за гаданіе деньги и все знаютъ по своему (fr. 5). Ксенофонтъ совѣтуетъ каждому учиться гадать, чтобы избавить себя отъ необходимости полагаться во всемъ на обѣщанія гадателей. Евній, быть можетъ слѣдую Епихарму, называетъ гадателей суетвѣрными и безстыдными хвастунами, которые другимъ обѣщаютъ милліоны, а сами не имѣютъ драхмы, другимъ обѣщаютъ дорогу, а для себя не знаютъ тропинки. Извѣстно, что и въ Римѣ авспиціи, первоначально имѣвшія такое важное значеніе въ государственной жизни, въ послѣдствіи обратились въ пустую формальность. Во времена римскихъ императоровъ, въ эпоху всеобщаго упадка языческихъ вѣрованій, особенно сильно развилось скептическое отношеніе къ гаданіямъ и оракуламъ, которое и повлекло за собою ихъ окончательное паденіе.

A. Bouché Leclercq, Histoire de la divination dans l'antiquité, 4 voll. Paris 1879—1882. (Томъ 1-й имѣется въ русскомъ переводѣ подъ ред. *Θ. Γ. Мищенко* подъ заглавіемъ: Истолкованіе чудеснаго (вѣдѣство) въ античномъ мірѣ, Кіевъ 1881).—Спеціальныя монографіи: *I. A. Fr. Steger*, Die Prodigien und Wunderzeichen der alten Welt, Braunschweig 1800.—*C. Curtz*, De Graecorum extispiciis, Gott. 1826.—*H. Wissemann*, De variis oraculorum generibus ap. Graecos, Marb. 1835.—*C. R. Pabst*, De dis Graecorum fatidicis, Bern 1840.—*C. H. F. Heibreede*, De Sibyllis, Berl. 1835.—*Friedlieb*, Oracula sibyllina, Leipz. 1852.—*C. Alexandre*, Oracula sibyllina, 2 т. Paris 1841—1853.—*B. Büchsen-schütz*, Traum und Traumdeutung im Alterthum, Berl. 1863.—*Cl. Babick*, De deisidaemonia veterum quaestiones, diss. Lips. 1892.—*A. Lehmann*, Aberglaube u. Zauberei von den ältesten Zeiten an bis in die Gegenwart. Deutsch von Petersen. Stuttg. 1898.

ГЛАВА 19-я.

Оракулы.

Въ разныхъ частяхъ еллинскаго міра было много такихъ святилищъ, въ которыхъ давались вѣрующимъ прорицанія отъ имени божества, которому было посвящено святилище, его жрецами или по крайней мѣрѣ при ихъ содѣйствіи. Такія святилища называ-

лись *μαντεία* или *χρηστήρια*, а получавшіеся въ нихъ вопрошающими отвѣты—*μαντεία* или *χρησμοί* ¹⁾).

Для удобнѣйшаго обзорѣнія оракуловъ ученые дѣлятъ ихъ на группы по способамъ, которыми были сообщаемы прорицанія: а) оракулы знаковъ, которые подраздѣляются на два вида смотря по тому, состояли ли эти знаки въ явленіяхъ природы безъ всякаго участія людей, или получались при помощи какихъ-либо искусственныхъ приспособленій (напр. жребіевъ); б) оракулы экстаза или вдохновенія, гдѣ отвѣты были сообщаемы устами вдохновеннаго богомъ пророка; в) такіе оракулы, въ которыхъ божество сообщало свои откровенія во снѣ или въ различныхъ видѣніяхъ, являвшихся въ святилищѣ; наконецъ г) такіе, въ которыхъ были вопрошаемы не божества, а души усопшихъ, нарочно для этого вызываемыя. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, впрочемъ, встрѣчаются рядомъ различные виды предсказаній.

Оракуловъ было очень много въ Елладѣ, но извѣстность ихъ была далеко не одинакова, такъ что о многихъ мы ничего не знаемъ, кромѣ имени, и не можемъ опредѣлить, къ какому виду они принадлежали. Мы ограничимся обзорѣніемъ только наиболѣе извѣстныхъ оракуловъ.

Объ оракулахъ вообще кромѣ сочиненій *Буше-Леклерка*, *Вискемана* и *Пабста*, указанныхъ въ концѣ предыдущей главы, ср. *Christmann*, *Allgem. Geschichte der vornehmsten Orakel*, Berl. 1780; *Clavier*, *Mémoire sur les oracles des anciens*, Par. 1818; *Hinspeter*, *De vi et natura Graecorum oraculorum praecipue belli Pelop. aetate*, Berl. 1850.—*G. Wolff*, *De novissima oraculorum aetate*, Berl. 1854.—*Schoenborn*, *Ueber d. Wesern des Apollon u. die Verbreitung seines Dienstes*, Berl. 1854.—*R. Hendess*, *Oracula graeca quae ap. scriptores graecos Latinosque extant*, Hal. 1877.—*L. Reyter*, *Das Orakelwesen bei d. Griechen u. Römern* *Prog. Diekirch*, 1894.

§ 1. Оракулы знаковъ.

Знаменитѣйшимъ и древнѣйшимъ изъ оракуловъ этого вида былъ *Додонскій*, находившійся въ епирскомъ городѣ Додонѣ ²⁾, въ области, которою въ историческія времена владѣли молоссы. Здѣсь находился храмъ Зевса, еще въ *Иліадѣ* называемаго «Пелас-

¹⁾ *Χρηστήριον* и *χρησμός* происходятъ отъ одного корня съ гл. *χράω*—даю прорицаніе, *χράομαι*—спрашиваю оракуль.

²⁾ Мѣстоположеніе Додоны окончательно опредѣлено и остатки святилища найдены при раскопкахъ, произведенныхъ въ половинѣ 70-хъ годовъ греческимъ ученымъ Карпаномъ.

гическимъ»; это названіе, очевидно, указываетъ на глубокую древность прорицалища, открытіе котораго приписывали Девкаліону. Окрестности Додоны въ Гомеровскія времена были населены *Селлами*, которые называются въ *Иліадѣ* «пророками, не моющими ногъ и спящими на землѣ»¹⁾; отсюда видно, что эти Селлы завѣдывали оракуломъ и вели суровую, отшельническую жизнь. Въ историческое время они, повидимому, уже не существовали. Способъ предсказаній въ Гомеровскія времена былъ тотъ же, что и впоследствии: люди «слушали волю Зевса съ высоковерхаго дуба» (*Од.* XIV, 328). Геродотъ (II, 54 и 57) сообщаетъ о Додонскомъ святилищѣ интересное свидѣтельство, въ которомъ происхождение его поставлено въ связь съ Египтомъ. Онъ говоритъ, что по словамъ египетскихъ жрецовъ двѣ жрицы были увезены финикіянами и проданы—одна въ Ливію, другая въ Грецію; онѣ первыя основали-де прорицалища въ этихъ странахъ. По словамъ же додонскихъ жрицъ и служителей храма двѣ черныхъ голубки вылетѣли изъ египетскихъ *Фивъ*, одна въ Ливію, другая въ Додону; сѣвъ здѣсь на дубѣ, прилетѣвшая голубка сказала человѣческимъ голосомъ: «Здѣсь слѣдуетъ быть прорицалищу Зевса», и люди, признавая это за велѣніе свыше, устроили прорицалище. «Я же, продолжаетъ Геродотъ, думаю объ этомъ такъ: если въ самомъ дѣлѣ финикіяне увезли священныхъ женщинъ и продали одну въ Ливію, другую въ Грецію, то мнѣ кажется, что эта послѣдняя была продана въ *Θεσπρωτιν*, которая есть область *Πελασγίαν*, называемой теперь *Ελλάδω*. Потомъ, служа тамъ, она основала подъ дубомъ святилище Зевса. Естественно, что бывшая служительница храма Зевса въ египетскихъ *Фивахъ* почтила память его тамъ, куда прибыла, и, когда научилась по-гречески, устроила прорицалище. Додонцы называли этихъ женщинъ голубками, вѣроятно, потому, что онѣ были варварскаго происхожденія и, какъ имъ казалось, говорили по-птичьи. Послѣ голубка заговорила по-человѣчески, когда женщина стала объясняться на понятномъ для нихъ языкѣ, прежде говоривши по-варварски. Иначе какъ могла бы голубка говорить по-человѣчески? Черный же цвѣтъ голубки показываетъ, что женщина эта была египтянка». На сколько можно довѣрять этому

¹⁾ *Ил.* XVI, 233 сл. (молитва Ахилла):

Ζεῦ ἄνα Δωδωναίε, Πελασγικέ, τηλόθι ναίων,
 Δωδώνης μεδέων δυσχεμέρου' ἀμφὶ δὲ Σελλοὶ
 σοὶ ναίους' ὑποφῆται ἀνιπτόποδες, χαμαιεῦσαι.

сказанію объ египетскомъ происхожденіи Додонскаго прорицалища, нельзя рѣшить опредѣленно. Очень можетъ быть, что какъ это сказаніе, такъ и другое, по которому въ Додонѣ давали предсказанія по полету голубей, обязаны своимъ происхожденіемъ исключительно двоякому смыслу слова *πελειός*: оно значитъ *стервятникъ*, *стервоидъ*, и въ Додонѣ обозначало жриць, избравшихся изъ пожилыхъ женщинъ (*πελειαί* или, съ другимъ удареніемъ, *πέλειαι*); но кромѣ того слово *πελειά* или *πελειάς* обозначаетъ видъ голубей сѣраго или сизаго цвѣта: эта то омонимія, быть можетъ, и послужила основаніемъ для приведенныхъ сказаній.

Зевсъ въ Додонѣ почитался подъ именемъ *Ναῖος* или *Νῆος*; рядомъ съ нимъ пользовалась большимъ уваженіемъ Діона, которую, вѣроятно, признавали его супругою. Вѣроятно, существованіе въ Додонѣ жрецовъ и жриць находилось въ связи съ этимъ двойнымъ культомъ. По словамъ Страбона (VII р. 329), женщины стали давать прорицанія въ Додонѣ именно со времени введенія культа Діоны. При Геродотѣ въ Додонѣ были три жрицы (*προφῆτιδες* или *προφήτιδες*).

Въ Додонѣ было нѣсколько способовъ прорицанія. Самый употребительный и древнѣйшій (упоминаемый еще въ Одиссеѣ)—*по шелесту листьевъ священнаго дуба*, росшаго близъ святилища Зевса. Знаменія, которыя богъ посылалъ въ шелестѣ листьевъ, истолковывались жрецами или жрицами, для чего имъ необходимо было особое вдохновеніе; это очевидно изъ того, что додонскія пеліады сравнивались съ дельфійскою Пифіею и боговдохновенными сивиллами (Шл. *Федръ*, р. 244 а). Этой необходимостью вдохновенія для пониманія знаменій Додонское прорицалище существенно отличалось отъ другихъ оракуловъ знаковъ. Для того, чтобы вызвать вдохновеніе, безъ сомнѣнія, употребляемы были разные подготовительные священные обряды (въ родѣ омовеній, куреній, жертвоприношеній и т. п.), но о нихъ не сохранилось опредѣленныхъ извѣстій.

Комментаторъ Virgilia Сервій упоминаетъ о гаданьѣ *по журчанью воды источника*, протекавшаго у корня священнаго дуба (*ad Aen.* III, 466). Вѣроятно, это былъ тотъ самый источникъ, вода котораго, по словамъ Плинія (*N. h.* II, § 228), имѣла чудесное свойство зажигать погруженные въ нее погасшіе факелы, хотя горячіе факелы при погруженіи въ нее гасли, какъ въ обыкновенной водѣ. Очень можетъ быть, что жрицы пили эту воду для возбужденія вдохновенія предъ гаданіемъ, какъ въ Дельфахъ Пифіа—воду Кассотидскаго источника.

Далѣе мы имѣемъ достовѣрное свидѣтельство о гаданіи въ Додонѣ *по жеребьямъ*. Именно, Цицеронъ (*De divin.* I, 34, 76) рассказываетъ, что когда спартанскіе послы предъ сраженіемъ при Левктрахъ явились сюда спросить о побѣдѣ и поставили сосудъ, въ которомъ были жеребьи, любимая обезьяна молосскаго царя перемѣшала и разметала жеребьи и все, что было приготовлено для гаданія. Послѣ этого жрица сказала, что лакедемонянамъ слѣдуетъ думать не о побѣдѣ, а о спасеніи. Стало быть, гаданіе производилось такъ, что вопрошающій, положивъ жеребьи въ сосудъ, ставилъ его на опредѣленное мѣсто, вѣроятно на жертвенникъ. Кто вынималъ жеребьи, — вопрошающій или жрецъ, остается неизвѣстнымъ, но значеніе вынутого жеребья объясняла, повидимому, жрица.

Еще неоднократно упоминается «Додонская мѣдь». Это былъ пожертвованный керкирцами мѣдный тазъ, поставленный на столбѣ, подлѣ котораго на другомъ столбѣ стояла мѣдная же статуя мальчика, державшаго въ рукѣ бичъ изъ трехъ мѣдныхъ цѣпочекъ съ игральными костями (*ἀστράγαλοι*) на концахъ. Эти кости касались таза и, ударяясь объ него при малѣйшемъ вѣтеркѣ, производили протяжные звуки (Страб. VII, р. 329). Первоначально этотъ даръ керкирцевъ служилъ только для украшенія, и выраженіе «додонскій тазъ» или «додонская мѣдь», «додонскій бичъ» употреблялось въ видѣ поговорки для обозначенія болтливаго, никогда не умолкающаго человѣка; но въ болѣе позднія времена, быть можетъ, производились гаданія и по звукамъ, производимымъ ударами бича о тазъ.

При раскопкахъ, произведенныхъ въ Додонѣ г. Карапаномъ, найдено было довольно много свинцовыхъ табличекъ, на которыхъ были написаны обращенные къ оракулу вопросы.

Додонскій оракулъ пользовался меньшею извѣстностью и уваженіемъ, чѣмъ дельфійскій, но всетаки въ нему нерѣдко обращались не только сосѣди, но и болѣе отдаленныя государства (Спарта, Аѣины, Фивы и др.) или частныя лица и даже иностранцы (Крезъ по Герод. I, 46). Этолийцы нанесли Додонѣ рѣшительный ударъ своимъ набѣгомъ въ 219 году (Полиб. IV, 67); во времена Страбона додонское прорицалище было въ полномъ упадкѣ (VII, р. 329), но всетаки продолжало существовать даже при императорѣ Юлианѣ, который обращался за совѣтомъ въ Додону и Дельфы предъ походомъ въ Персію въ 361 г., и окончательно исчезло, вѣроятно, только при Θεодосіи.

Почти одинаковою съ додонскимъ оракуломъ извѣстностью пользовался оракулъ *Зевса-Аммона*, находившійся въ Ливіи, въ оазисѣ Сивахъ, недалеко отъ г. Кирены. Собственно говоря, это не былъ греческій оракулъ, но его нельзя обойти молчаніемъ, такъ какъ онъ имѣлъ огромное значеніе и для Греціи, какъ это видно м. пр. изъ того, что Дельфы, Додона и Аммонъ нерѣдко ставятся рядомъ ¹⁾. Греки уже рано отождествили Аммона съ своимъ Зевсомъ и, если вѣрить Геродоту (I, 46), слава его оракула уже въ VI в. была такъ велика, что къ нему обращался, въ числѣ прочихъ греческихъ оракуловъ, лидійскій царь Крезъ; но особенно прославился онъ послѣ похода Александра Македонскаго. Способъ гаданія состоялъ въ томъ, что жрецы въ торжественной процессіи носили на плечахъ кумиръ божества и особый *проφήτης* по колебанію и движеніямъ кумира узнавалъ волю божества и сообщалъ ее вопрошающимъ. (Diod. XVII, 50; Curt. R. IV, 7, 24).

Изъ другихъ оракуловъ знаковъ прежде всего упомянемъ объ *Олимпійскомъ* «пророческомъ алтарѣ Зевса», какъ называетъ его Пиндаръ (*Олимп.* VI, 6). Здѣсь гаданія производились посредствомъ іероскопіи. Гадатели изъ рода Іамидовъ славились тѣмъ, что умѣли извлекать изъ жертвенныхъ знаменій гораздо болѣе указаній, чѣмъ другіе. Они гадали не только по внутренностямъ животныхъ, но и по горѣнію жертвенныхъ кусковъ на алтарѣ и даже по кожамъ животныхъ. Чаше всего, конечно, прибѣгали къ ихъ искусству прибывавшіе въ Олимпію для состязаній атлеты и ихъ родственники, чтобы погадать на счетъ побѣды и т. п.; однако иногда обращались къ олимпійскому оракулу и государства, напр. спартанцы въ тѣхъ случаяхъ, когда при наблюденіи ефорами небснаго свода являлись знаменія, указывавшія на недовольство боговъ царями (см. выше стр. 181).

Въ ахейскомъ городѣ *Фарахъ* находилось прорицалище Гермеса, которое Павсаній (VI, 22, 2) описываетъ такъ. На площади стояла статуя Гермеса и предъ ней жертвенникъ. Вопрошающій приходилъ вечеромъ, воскурялъ благовонія предъ статуею, подливалъ масла въ лампу, клалъ монету въ урну, стоящую направо отъ статуи, и говорилъ на ухо послѣдней свое желаніе; затѣмъ, заткнувъ уши, уходилъ; дойдя до конца площади, открывалъ уши и первое слово, которое затѣмъ слышалъ, признавалъ отвѣтомъ бога. Это—образецъ гаданія по звукамъ, *μαυτική ἀπό κληρόνος*.

¹⁾ Ср. Плат. *Зап.* V p. 738 с; Аристоф. *Лит.* 716; Циц. *de div.* I, 1 и 48.

Подобные же оракулы κληδόνων были въ Фивахъ при алтарѣ Аполлона Сподія (гдѣ, впрочемъ, гадали и по горѣнью жертвъ), въ Смирнѣ и пр.

Fr. Cordes, De oraculo Dodonaeo, Gron. 1826.—*Lasaulx*, Das pelasgische Orakel des Zeus zu Dodona, Würzb. 1841.—*Gerlach*, Dodona, Bas. 1859.—*C. Carapanos*, Dodone et ses ruines, Par. 1878.—*Его же*, L'oracle de Dodone (extrait des Monuments Grecs 1877, № 6).—*J. Wachnig*, De oraculo Dodonaeo capita quinque, Bresl. 1885.—*Stütze*, Das Griech. Orakelwesen und besonders die Orakelstätten zu Dodona u. Delphi, 2 r., Progr. Ellwang. 1887—91.—*Parthey*, Das Orakel u. die Oase des Ammon, *Abh. d. Berl. Akad.* 1862.

§ 2. Оракулы экстагическіе (Аполлоновскіе).

Всѣ оракулы этого вида, по своему значенію стоявшіе гораздо выше оракуловъ знаковъ, были посвящены Аполлону, богу свѣта, которому приписывалось свойство просвѣтлять души людей и приводить ихъ въ вдохновенное состояніе, въ которомъ они произносили слова, считавшіяся отвѣтомъ самого бога на предложенный ему вопросъ. Эти слова, большею частью несвязныя, записывались жрецами или другими посредниками, состоявшими при святилищѣ, и облечались обыкновенно—по крайней мѣрѣ въ лучшія времена Еллады—въ стройную поэтическую форму. Чѣмъ обуславливался экстазъ прорицателей, мы не всегда можемъ опредѣлить съ достовѣрностью, но что тутъ не былъ исключительно грубый обманъ, рассчитанный на легковѣріе толпы, это доказывается уже тѣмъ, что всѣ экстагическія прорицалища находились въ такихъ мѣстахъ, гдѣ существовали явленія природы, которымъ приписывалась воодушевляющая сила, какъ напр. трещины скалъ, испускавшія испаренія, источники воды, обладавшей какими-либо особыми свойствами, и т. п. Если и можетъ быть рѣчь о намѣренномъ обманѣ, то только со стороны жрецовъ или посредниковъ, которые однако, благодаря оживленнымъ сношеніямъ со всѣми областями еллинскаго міра, обладали такими обширными знаніями и такою политическою мудростью, что по крайней мѣрѣ въ лучшія времена, прикрываясь авторитетомъ своего бога, руководили всею общественною и религіозною жизнью Еллады. Все сказанное относится главнымъ образомъ къ знаменитѣйшему изъ оракуловъ этого вида—Дельфійскому, съ которымъ мы теперь и познакомимся ближайшимъ образомъ.

Городъ *Дельфы*, упоминаемый уже въ Гомеровскихъ поэмахъ

подъ именемъ Пиеона ¹⁾, лежалъ въ Фокидѣ на южномъ скатѣ горы Парнаса, близъ рѣки Плиста (Πλειστός). Къ Дельфамъ вели три главныхъ священныхъ пути: одинъ съ сѣвера отъ Темпейской долины чрезъ Фессалію, землю малійцевъ и Дориду, другой съ востока изъ Беотіи, Аттики и Пелопоннеса, третій съ юга отъ Криссейскаго залива, гдѣ высаживались на берегъ прѣзжавшіе въ Дельфы моремъ. Горная долина, въ которой лежалъ городъ, съ сѣвера замыкается двумя крутыми скалами (Φαδριάδες πέτρας), разрѣзанными узкой впадиной, въ которой до сихъ поръ сохранился знаменитый въ древности Кастальскій источникъ.

Преданіе, сохранившееся въ такъ наз. Гомеровскомъ гимнѣ къ Аполлону, приписываетъ основаніе Дельфійскаго прорицалища самому богу. Ища удобнаго мѣста для своего святилища и оракула, богъ обошелъ многія области Еллады и наконецъ остановился въ Криссѣ, у подошвы Парнаса. Задумавъ основать здѣсь храмъ, Аполлонъ самъ отмѣрилъ землю, а художники Трофоній и Агамедъ возвели потомъ постройку. Здѣсь жилъ тогда злой драконъ, вскормившій губительнаго Тифона, рожденнаго гнѣвною Герою; Аполлонъ убилъ его стрѣлою и оставилъ гнить, *πόδεςθα*; отсюда древніе производили слово Πόδη, обозначающее эту мѣстность, Πόδηος—прозвище Аполлона и пр.; однако гораздо вѣроятнѣе производство этихъ словъ отъ корня *πῶδ*—спрашивать (*πῶδαίεσθαι*). По другому преданію Пиеономъ назывался самъ драконъ, служившій стражемъ прорицалища, которое сначала принадлежало Геѣ (Землѣ), потомъ Фемидѣ, а затѣмъ Фебѣ, которая наконецъ передала его Аполлону (Эсх. *Евм.* 1 сл., ср. Павс. X, 5, 3). Затѣмъ богъ сталъ искать людей, которые могли бы служить ему и сообщать смертнымъ его прорицанія. Замѣтивъ на морѣ корабль съ критскими жорьяками, плывшими по торговымъ дѣламъ, Аполлонъ превратился въ дельфина и приманилъ корабль въ Криссейскій заливъ, затѣмъ, золотой звѣздой взлетѣвъ къ небу, спустился въ видѣ прекраснаго юноши и, назвавъ себя критянамъ по имени, приказалъ принести себѣ жертву. Критяне исполнили приказаніе и совершили жертвоприношеніе Аполлону-Дельфинію, послѣ чего онъ ввелъ ихъ въ храмъ и поставилъ своими жрецами.

Въ основѣ этого поэтическаго преданія, вѣроятно, лежатъ намеки на дѣйствительные факты. Въ преданіи объ убіеніи дракона видятъ

¹⁾ *Ил.* II, 519; IX, 405. *Од.* VIII, 80; XI, 581. О способахъ гаданія въ Пиеонѣ Гомеровскія поэмы не упоминаютъ.

указаніе на уничтоженіе лучами весенняго солнца гибельныхъ испареній, поднимающихся зимою изъ стоячихъ водъ, или вообще на оздоровленіе мѣстности, бывшей прежде вредною для житія. Преданіе о переходѣ прорицалища отъ одного божества въ другому указываетъ на постепенное развитіе и видоизмѣненіе религіозныхъ вѣрованій, послѣднюю и высшую степень которыхъ является культъ Аполлона, бога физическаго и духовнаго свѣта. Ввели этотъ культъ или, по крайней мѣрѣ, способствовали его развитію критскіе выходцы, поселившіеся на криссейскомъ берегу, хотя и нѣтъ надобности думать, что само прорицалище было основано критянами (этого не утверждаетъ и самъ гимнъ).

Причиною основанія прорицалища въ Дельфахъ послужила слѣдующая физическая особенность: въ одной изъ мѣстныхъ скалъ, почти на половинѣ ея высоты, на небольшой площадѣ находилась глубокая трещина, изъ которой выходили холодныя испаренія, приводившія всякаго, кто приближался къ ней, въ состояніе безпамятства, въ которомъ подвергающійся влиянію испареній невольно произносилъ безсвязныя слова ¹⁾. Храмъ былъ построенъ такъ, что трещина приходилась въ его ѣзотов. Открытіе свойства испареній приписывали пастуху Корету (Плут. *De def. orac.* 42).

Преданіе, сообщаемое Павсаніемъ, какъ мы уже видѣли выше (стр. 24), насчитываетъ нѣсколько храмовъ, предшествовавшихъ тому, постройка котораго приписывается Трофонію и Агамеду и который существовалъ здѣсь въ историческія времена. Этотъ храмъ сгорѣлъ въ 548 г. до Р. Хр. и послѣ того амфижіонами построенъ былъ новый на суммы, собранныя во всей Елладѣ и даже въ иностранныхъ государствахъ. Подрядъ на постройку взяли аѳинскіе Алкмеониды, жившіе тогда въ изгнаніи, и выполнили его лучше, чѣмъ обязаны были по договору, именно вывели его передній фасадъ изъ паросскаго мрамора, хотя по условію могли пострѣить весь храмъ изъ простаго камня (Герод. V, 62). Строителемъ храма былъ коринтскій архитекторъ Спиндартъ. Крѣпкая каменная стѣна ²⁾

¹⁾ Iust. XXIV, 6: Media saxi rupes in formam theatri recessit... In hoc rupis amfractu media ferme montis altitudine planities exigua est, atque in ea profundum terrae foramen, quod in oracula patet: ex quo frigidus spiritus vi quadam velut amento in sublime expulsus mentes vatium in recordiam vertit inpletasque deo responsa consulentibus dare cogit.

²⁾ Стѣна эта сохранилась по настоящее время и открыта при раскопкахъ, произведенныхъ въ разное время нѣмцами и французскими учеными (К. О.

оказалась священный округъ, въ которомъ кромѣ главнаго храма находились и другія святилища, сокровищницы разныхъ государствъ и множество статуй и другихъ даровъ, пожертвованныхъ набожными поклонниками Аполлона или просто лицами, желавшими увѣковѣчить такимъ образомъ свои имена ¹⁾. Здѣсь же лежалъ небольшой священный камень (вѣроятно аеролитъ), по преданію нѣкогда поглощенный Крономъ; камень этотъ ежедневно поливали масломъ, а въ праздники покрывали шерстью (Павс. X, 24, 5). Фронтоны главнаго храма были украшены изображеніями главныхъ дельфійскихъ божествъ (Аполлона, его матери Лето и сестры Артемиды, затѣмъ Музъ, Гелиоса и Діониса) работы художниковъ Праксія и Андросеена, а преддверіе его—изреченіями семи греческихъ мудрецовъ (γυῶντι σεαυτὸν, μηδὲν ἄγαν и пр.), изображеніемъ буквы Ε, значеніе котораго объяснялось различно, и статуею Гомера. Въ слѣдующемъ отдѣленіи храма (ἐν τῷ ναῶ) стояли: жертвенникъ Посидона, статуи двухъ Миръ (Μοῖραι), Зевса Мирагета и Аполлона Мирагета, и священный очагъ (ἑστία), на которомъ поддерживался неугасимый огонь. Внутреннее святилище (ἄδουον), въ которомъ находилась трещина, по словамъ Павсанія (X, 24, 4), было доступно лишь немногимъ; въ немъ кромѣ знаменитаго треножника Пиеи находились: золотая статуя Аполлона, лавровое дерево, источникъ Кассотида (Κασσοτίς), проведенный изъ храмовой ограды, и такъ называемое средоточіе земли (ὀμφαλός τῆς γῆς), состоявшее изъ куполообразнаго бѣломраморнаго камня, по сторонамъ котораго были два золотые орла съ распушенными крыльями. Этотъ ὀμφαλός напоминалъ собою древнее сказаніе: Зевсъ, желая опредѣлить средоточіе земли (которую древніе представляли себѣ плоскою), выпустилъ съ двухъ противоположныхъ концовъ ея (съ востока и запада) двухъ орловъ, которые слетѣлись именно въ

Миллеромъ, Фузаромъ и Вешеромъ, Осулье и др.). Она оказалась густо покрытою разнаго рода надписями: декретами дельфійцевъ и амфиктионовъ, актами объ освобожденіи рабовъ и пр. Съ 1892 г. французскіе ученые производятъ въ Дельфахъ систематическія раскопки, результаты которыхъ публикуются въ Bulletin de corresp. hellénique.

¹⁾ Сокровища дельфійскаго храма впервые были разграблены фокейцами во время 3-й священной войны (356—346 до Р. Хр.) и послѣ того неоднократно расхищались; однако еще Плутархъ и Павсаній видѣли здѣсь много превосходныхъ произведеній знаменитѣйшихъ художниковъ; во времена Плинія оставалось еще въ Дельфахъ до трехъ тысячъ статуй (N. h. 34, § 36).

этомъ мѣстѣ. Передъ храмомъ стоялъ огромный алтарь для сожиганія жертвъ, а близъ него послѣ сраженія при Платѣяхъ поставленъ былъ извѣстный побѣдный даръ грековъ, состоявшій изъ золотого треножника на бронзовомъ пьедесталѣ, сдѣланномъ въ видѣ трехъ свившихся змѣй (см. выше стр. 43).

Предсказанія давались въ Дельфахъ слѣдующимъ образомъ. Въ ѣботов надъ отверстіемъ тренины стоялъ высокій треножникъ ¹⁾, на который садилась пророчица, называвшаяся Пиеіею (Πυθία или Πυθιάς) и избиравшаяся сначала изъ молодыхъ непорочныхъ дѣвицъ, а впослѣдствіи изъ женщинъ не моложе 50 лѣтъ. Въ древнѣйшія времена прорицанія давались, кажется, только однажды въ годъ, именно весною, въ мѣсяцѣ, который въ Дельфахъ назывался Βόσιος; въ цвѣтущія времена оракула—ежемѣсячно по нѣскольку разъ, за исключеніемъ тяжелыхъ дней (ἡμέραι ἀποφράδες), при чемъ при святилищѣ состояли двѣ Пиеіи и третья запасная (ἔφεδρος); во времена Плутарха была уже только одна Пиеіа и прорицанія давались однажды въ мѣсяцъ ²⁾.

Обращающіеся за совѣтомъ къ оракулу (θεοπρόπος) получали прорицанія въ порядкѣ, опредѣленномъ жребіемъ; право допущенія къ прорицалищу внѣ очереди (προλαττεία) давалось дельфійцами только за особня заслуги, какъ государствамъ, такъ и частнымъ лицамъ. Всѣ обращающіеся обязаны были предварительно совершать жертвоприношенія и другіе священные обряды по указанію жрецовъ. Въ жертву приносили козъ, которыхъ предварительно подвергали испытанію, чтобы рѣшить, будутъ ли онѣ угодны Аполлону (между прочимъ обливали животное водою и, если оно при этомъ содрогалось, то жертву считали угодною). Если результатъ гаданій оказывался неблагопріятнымъ, предсказанія отлагались до слѣдующаго дня. Распорядителями и руководителями при обращеніи къ оракулу были пять βσιοι, избиравшіеся по жребію изъ благородныхъ дельфійскихъ родовъ, производившихъ свое начало отъ Девкаліона. Кромѣ ихъ при храмѣ состояли два пожизненныхъ жреца, пророки (προφῆται), излагавшіе и объяснявшіе

¹⁾ Въ качествѣ составныхъ частей сѣдалища Пиеіи упоминаются βλμος λέβης и ἡχέτιον (лат. cortina), взаимное отношеніе которыхъ не вполне ясно. См. Müller, De tripode Delphico (Gott. 1820), Wieseler въ Abhandlungen d. Götting. Gesellschaft d. Wissensch. т. XV и др.

²⁾ Плут. De def. orac. 51; De Pyth. orac. 22.

изреченія Пиеи ¹⁾, и *путеводители* (παιρηγηταί), руководившіе посѣтителей при осмотрѣ священныхъ памятниковъ и достопримѣчательностей.

Въ день прорицанія Пиеи, очистившись омовеніемъ въ Кастальскомъ источникѣ, надѣвала великолѣпную златотканную длинную мантию и котурны, возлагала лавровый вѣнокъ на распущенные волосы и, прежде чѣмъ сѣсть на треножникъ, пила воду изъ источника Кассотиды и жевала лавровый листъ. Придя въ экстатическое состояніе вслѣдствіе поднимавшихся изъ трещины испареній, она произносила несвязныя слова, которыя, по вѣрованію древнихъ, исходили изъ устъ Пиеи подъ прямымъ наитіемъ божества. Испаренія иногда дѣйствовали такъ сильно, что становились даже опасными для жизни Пиеи. Плутархъ рассказываетъ (*De def. or.* 51), что въ его время однажды Пиеи такъ сильно поражена была испареніемъ, что съ страшнымъ крикомъ соскочила съ сѣдалища и бросилась вонъ изъ храма; испуганные жрецы также бѣжали, но потомъ, опомнившись, возвратились и нашли Пиею лежащую безъ чувствъ; чрезъ нѣсколько дней она скончалась.

Отвѣты Пиеи слагались обыкновенно стихами (гексаметрами, а въ болѣе позднія времена также элегическимъ размѣромъ или ямбическими триметрами). Нарѣчіе въ стихахъ было обыкновенно эпическое, смѣшанное съ дорическимъ; нерѣдко стихи самимъ древнимъ казались тяжелыми и нескладными (Плут. *De Pyth. or.* 5). Впрочемъ уже во времена Александра Македонскаго отвѣты давались нерѣдко въ прозѣ (на дорическомъ нарѣчій), а во времена Плутарха стихотворные отвѣты были уже рѣдкостью. Отвѣты, какъ извѣстно, весьма часто были темны и загадочны, что отчасти объясняется свойствами древнѣйшей греческой поэзіи, отчасти преднамѣреннымъ стараніемъ жрецовъ выражаться двусмысленно, такъ чтобы отвѣтъ во всякомъ случаѣ соотвѣтствовалъ исходу событія, будетъ ли онъ благопріятенъ, или неблагопріятенъ для вопрошавшаго ²⁾. Кромѣ отвѣтовъ Пиеи въ Дельфахъ были еще гаданія

¹⁾ А. В. Никитскій (Дельф. эпигр. эгюды, стр. 142 сл.) думаетъ, что іερεῖς и профῆται—тождественны. Вопросъ о томъ, слушали ли сами вопрошавшіе изреченія Пиеи, или „пророки“ слагали изъ нихъ связные отвѣты, остается не вполне выясненнымъ. Возможно предположеніе, что Пиеи заучивала наизусть заранее подготовленные отвѣты и произносила ихъ съ треножника (ср. зам. Ѡ. Ѡ. Соколова въ Ж. М. Н! Пр. за декабрь 1895, отд. вл. фил. стр. 97).

²⁾ Въ видѣ примѣра припомнимъ данное Крезу предсказаніе, гласившее, то онъ, перейдя р. Галисъ, разрушитъ великое царство.

по шелесту листьевъ священнаго лавра, стоявшаго надъ треножникомъ Пифіи, а также по жеребьямъ (ψῆφοι).

Дельфійское прорицалище пользовалось огромнымъ уваженіемъ и авторитетомъ въ древнемъ мірѣ вплоть до совершеннаго упадка языческихъ вѣрованій. Ни одно важное государственное или частное предпріятіе не совершалось безъ совѣта оракула, и всякій старался обращаться въ Дельфы преимущественно предъ другими прорицалищами, въ особенности по религиознымъ вопросамъ. Данный въ Дельфахъ совѣтъ признавался за выраженіе непреклонной воли божества, и всѣ старались свято исполнить его, отчего рождалось единодушіе и согласіе въ дѣйствіяхъ, необходимое условіе успѣха всякаго предпріятія. Въ V в. до Р. Хр. прорицалище стояло въ апогеѣ своей славы и могущества. Послѣ Пелопоннесской войны, съ упадекомъ религиозныхъ вѣрованій и развитіемъ вольнодумства, стало ослабляться и могущество Дельфійскаго прорицалища, тѣмъ болѣе, что оно иногда дѣйствовало явно въ угоду сильнымъ. Напр. Демосеенъ не усомнился публично обвинить Пифію въ подкупѣ Филиппомъ (φιλιππίσειν). Опустошеніе Дельфійскаго храма фокейцами въ 3-ю священную войну нанесло жестокой ударъ прорицалищу; оно никогда уже не могло потомъ подняться до прежняго блеска, и недовѣріе къ нему стало все болѣе и болѣе возрастать. По словамъ Цицерона (*divin.* 2, 57) дельфійскія предсказанія не только въ его время, но уже съ давнихъ поръ пользовались величайшимъ презрѣніемъ. Во времена Страбона храмъ былъ очень бѣденъ. Императоръ Неронъ, вѣроятно въ гнѣвѣ за неблагопріятныя предсказанія, совсѣмъ закрылъ и осквернилъ прорицалище (Діонъ Кассій 63, 14), но вскорѣ оно снова стало дѣйствовать. Писатель Плутархъ, бывший въ Дельфахъ жрецомъ и агоностомъ, оставилъ намъ весьма интересныя свѣдѣнія о современномъ ему положеніи святилища (во 2-й половинѣ I и началѣ II в. по Р. Хр.). Окончательно оно было закрыто по повелѣнію императора Теодосія въ 394 г. по Р. Хр.

H. A. Grashof, De Hythonis oraculi primordiis atque incremento, Pildes. 1836.—*Götte*, Das Delph. Orakel in seinem Einflusse auf die alte Welt, Leipz. 1839.—*F. Stiefelhagen*, De oraculo Apollinis Delphico, Bonn. 1848.—*Schönborn*, Ueber d. Wesen des Apollon u. die Verbreitung seines Dienstes, Berl. 1854.—*L. Preller*, Ausgewählte Aufsätze herausg. von R. Köhler, Berl. 1864.—*P. Foucart*, Mémoire sur les ruines et l'histoire de Delphes, Par. 1865.—*И. Люперольскій*, Храмовый городъ Дельфы съ оракуломъ Аполлона Пифійскаго въ древней Греціи, Спб. 1869.—*A. Mommsen*, Delphika, Leipz. 1878.—*H. Pomtow*, Beiträge zur

Topographie von Delphi, Berl. 1889.—*F. Dümmler*, Delphica, Basel 1894.—*А. В. Никитский*, Дельфійскіе эпитаф. этюды. I—VI. Од. 1894—95.

Изъ другихъ Аполлоновскихъ оракуловъ, которыхъ было очень много въ разныхъ мѣстахъ Еллады и М. Азіи, наиболѣе извѣстенъ оракулъ въ *Дидимахъ* близъ г. Милета, существовавшій, по преданію, еще до переселенія іонійцевъ (Павс. VII, 2, 6). Оракулъ находился во владѣніи рода *Бранхидовъ*, ведшихъ свое происхождение отъ Бранха, мнѣческаго любимца Аполлона, самимъ богомъ посвященнаго въ пророки. При храмѣ находился источникъ, вода котораго производила пророческій экстазъ; пророчица, вдохновенная питьемъ воды и вдыханіемъ выходившихъ изъ источника газовъ, сидя на треножникѣ съ священнымъ жезломъ въ рукахъ, давала прорицанія, которыя сообщалъ вопрошавшимъ стоявшій подлѣ нея жрецъ, какъ въ Дельфахъ. При усмирении возстанія малоазіатскихъ грековъ святилище было ограблено и сожжено персами. Впослѣдствіи Ксерксъ снова сжегъ возобновленный храмъ, сокровища котораго добровольно выдали ему Бранхиды, переселившіеся затѣмъ во внутреннюю Азію. Однако храмъ вскорѣ возобновленъ былъ милетцами, и прорицалище существовало еще въ IV в. по Р. Х.

Остальные Аполлоновскіе оракулы по своей извѣстности и значенію далеко уступали вышеописаннымъ. Оракулъ въ фокидскомъ городѣ *Абахъ* (Ἄβασι) пользовался значеніемъ въ V в. до Р. Хр. (Герод. VIII, 33), но впослѣдствіи пришелъ въ упадокъ, такъ что при Павсаніи (II в. по Р. Хр.) давно уже не существовалъ (X, 35, 2). Въ Беотіи, отличавшейся изобиліемъ оракуловъ (ἔνεκα χρησθηρίων πολύφωνος ἐν τοῖς πρότερον χρόνοις. Плут. *de def. or.* 5), было нѣсколько прорицалищъ Аполлона, изъ которыхъ особенно извѣстенъ былъ оракулъ *Аполлона Птойскаго* близъ г. Акрѣфій въ еиванской области ¹⁾, гдѣ богъ объявлялъ свою волю устами пророка, называвшагося *πρόμαντις*. Геродотъ (VIII, 135) и Павсаній (IX, 23, 3) рассказываютъ, что въ 479 г. посланный Мардонія, каріецъ по происхожденію, получилъ отъ этого оракула отвѣтъ на своемъ родномъ языкѣ. При Павсаніи оракулъ уже не существовалъ. Въ *Тивахъ* извѣстенъ оракулъ Аполлона Исменійскаго. Въ *Аргосѣ* былъ оракулъ въ храмѣ Аполлона Дирадіота (Δειραδιώτης),

¹⁾ Въ 1880-хъ годахъ въ этомъ святилищѣ произведены членами аѳинской французской школы раскопки, поведшія къ открытію остатковъ святилища, многихъ произведеній скульптуры, надписей и пр. См. *Bulletin de correspondance hellénique* т. IX и сл.

основанный изъ Дельфъ. Предсказанія давала разъ въ мѣсяцъ цѣломудренная пророчица, приходившая въ экстазъ вслѣдствіе вкушенія крови принесеннаго въ жертву барана. Оракуль дѣйствовалъ еще во времена Павсанія (II, 24, 1).

Въ Малой Азіи кромѣ вышеупомянутаго Дидимейскаго оракула было много и другихъ, менѣе важныхъ. Особенно извѣстенъ былъ весьма древній оракуль въ *Кларъ* близъ Колофона; основательницею его, по преданію, была Манто, дочь славнаго еиванскаго прорицателя Тиресія. Предсказанія давалъ жрецъ, избравшійся изъ опредѣленныхъ родовъ, преимущественно изъ Милета. Ему не предлагали вопросовъ, а сообщали только число и имена вопрошавшихъ; онъ входилъ въ пещеру, пилъ воду изъ протекавшаго въ ней источника и затѣмъ давалъ отвѣты, облеченные въ стихотворную форму, хотя онъ, какъ утверждали, въ большинствѣ случаевъ былъ человѣкъ совершенно необразованный (Тац. *Ann.* II, 54). Вода источника производила вредное дѣйствіе на организмъ, такъ что прорицатели обыкновенно были недолговѣчны (Плин. *N. nat.* II, § 232). Извѣстенъ также оракуль въ ливійскомъ городѣ *Патарахъ*. Здѣсь пророчица (ἡ πρίμαντις τοῦ θεοῦ) была запираема на ночь въ храмѣ, гдѣ богъ посѣщалъ ее и сообщалъ ей свои откровенія (Гер. I, 182); по словамъ Геродота предсказанія здѣсь давались «не всегда»; можно предположить, что оракуль дѣйствовалъ только зимою, когда Аполлонъ, по вѣрованію грековъ, пребывалъ въ Патарахъ, между тѣмъ какъ лѣто проводилъ онъ на своемъ родномъ островѣ Делосѣ, гдѣ также былъ оракуль. Далѣе упоминаются оракулы въ Адрастіи и Зеліи въ Троадѣ, въ Ἴερά κώμη близъ г. Оимбры на р. Мэандрѣ, въ г. Гриніи близъ Смирны, въ виликійскихъ городахъ Селевкіи и Маллѣ, при ливійскомъ г. Кіанеяхъ и пр.

K. Buresch, Klaros. Untersuch. zum Orakelwesen des später. Altert. Leipz. 1889.—*B. Haussoullier*, L'oracle d'Apollon à Claros. *Revue de philol.* 1898.

§ 3. Оракулы сновидѣній.

Переходя къ оракуламъ сновидѣній, прежде всего упомянемъ о святилищахъ *Аскленія*, въ которыхъ больные проводили ночь (incubatio, ἐγκοιμήσις) и во снѣ получали предсказанія о своемъ здоровьѣ. Такихъ святилищъ было много въ разныхъ мѣстахъ Эллады. Наибольшею славою пользовалось святилище въ мѣстечкѣ

Аѣса близъ Епидавра; затѣмъ извѣстны святилища въ Аѣнахъ (на южномъ склонѣ акрополя), на о. Косѣ, въ малоазійскомъ г. Пергамѣ, въ ессалійскомъ г. Трикѣѣ, гдѣ нѣкогда владычествовали сыны Асклепія Подалирій и Махаонъ, герои Троянской войны, и во многихъ другихъ мѣстахъ. Эти святилища преимущественно находились въ такихъ мѣстахъ, которыя отличались природными цѣлительными свойствами, какъ напр. цѣлебными водами, особенно здоровымъ воздухомъ, богатою растительностью и т. п. Находившіеся при святилищахъ жрецы были вмѣстѣ съ тѣмъ и врачами; они предписывали являвшимся больнымъ ванны, очищенія, давали діететическія наставленія и пр., затѣмъ послѣ предварительныхъ жертвоприношеній, молитвъ и др. обрядовъ оставляли больного спать въ храмѣ, гдѣ богъ и давалъ ему свое откровеніе во снѣ. Весьма естественно, что послѣ предварительныхъ приготовленій, настроивавшихъ въ извѣстную сторону воображеніе больного, подходящія сновидѣнія дѣйствительно могли являться. Больные утромъ рассказывали ихъ жрецамъ, которые истолковывали ихъ и опредѣляли дальнѣйшее лѣченіе. Выздоровѣвшіе нерѣдко описывали свои болѣзни и средства излѣченія на таблицахъ, которыя и вѣшали въ храмѣ. Такія таблицы иногда давали и врачамъ (напр. Гиппократу) полезныя указанія. Въ Епидаврскомъ святилищѣ Асклепія Павсаній (II, 27, 3) видѣлъ плиты, на которыхъ были записаны чудесные случаи исцѣленія. Нѣкоторыя изъ этихъ плитъ, въ цѣломъ видѣ или въ обломкахъ, найдены при раскопкахъ, произведенныхъ въ святилищѣ Аѣнскимъ археологическимъ обществомъ ¹⁾.

Оракулы сновидѣній были, впрочемъ, не только для больныхъ въ святилищахъ Асклепія, но и при храмахъ другихъ боговъ и героевъ, куда обращались за откровеніемъ въ разныхъ случаяхъ жизни. Наибольшею извѣстностью и уваженіемъ пользовался между ними оракулъ *Амфіарая* близъ г. Оропа на границахъ Аттики и Беотіи. Амфіарай былъ аргосскій миѣическій герой изъ рода славнаго прорицателя Мелампода, участвовавшій въ походѣ Семи противъ Египта и послѣ пораженія своихъ союзниковъ поглощенный землею. Желавшій получить предсказаніе въ его святилищѣ пред-

¹⁾ Изданы въ 'Ефѣр. ἀρχαιολ. за 1883 и 1885 г. (въ исправленномъ видѣ перепечатаны въ сборникѣ братьевъ *Вантаск*, Studien auf dem Gebiete des Griechischen und der arischen Sprachen, Leipz. 1886, т. I). Ср. ст. *Н. Александровскаго* «Раскопки Епидаврійскаго святилища Асклепія» въ Журн. М. Н. Пр. 1890 г.

варительно подвергался очищеніямъ, три дня постился и однѣ сутки воздерживался отъ вина, при чемъ совершались разные очистительные обряды и жертвоприношенія не только Амфіараю, но и многимъ другимъ богамъ и героямъ; затѣмъ онъ приносилъ въ жертву Амфіараю барана, на шкурѣ котораго потомъ ложился спать въ храмѣ и ожидалъ откровенія во снѣ. Вопросавшій объ излѣченіи отъ болѣзни долженъ былъ послѣ исцѣленія бросить золотую и серебряную монету въ священный источникъ, протекавшій вблизи святилища. Сюда обращались, однако, за совѣтами не только въ болѣзняхъ, но и въ разныхъ другихъ случаяхъ. Оиванцы, какъ исконные враги Амфіараея, не допускались къ инкубаціи, равно какъ варвары и рабы ¹⁾).

Изъ другихъ оракуловъ сновидѣній отмѣтимъ болѣе извѣстные. Въ фокидскомъ городѣ Амфиклеѣ больные ночевали въ святилищѣ *Діониса*, который давалъ имъ во снѣ откровенія, объяснявшіяся жрецомъ въ состояніи экстаза (Павс. X, 33, 5). Въ г. Фаламахъ на зап. берегу Лаконики былъ оракулъ въ храмѣ *Пасифаи*, которую одни считали дочерью Атланта, другіе дочерью Амикла, третьи отождествляли съ Кассандрою, дочерью Пріама, наконецъ иные считали за Ино, дочь Кадма (Плут. *Аиисъ*, 9. Павс. III, 26, 1). Сюда иногда обращались даже лаконскіе ефоры (Пл. *Клеом.* 7). Оракулы *Ночи* въ Мегарахъ и *Геи* въ Олимпіи также, безъ сомнѣнія, были инкубаціонные (Павс. I, 40, 5; V, 14, 8), равно какъ и оракулъ богини *Бризо* на Делосѣ, куда обращались съ вопросами относительно мореплаванія и рыбной ловли (Аен. VIII р. 335). Въ Каріи въ Нисейской деревнѣ близъ города Ахарахъ было святилище *Плутона*, куда обращались больные; но спали въ святилищѣ обыкновенно не сами они, а жрецы, которые потомъ и лѣчили ихъ на основаніи своихъ сновидѣній (Страб. XIV, р. 649). Въ киликійскомъ г. Маллѣ былъ оракулъ, основанный, по преданію, миѣнческими предсказателями *Монсомъ* и *Амфилохомъ* (Страб. XIV, р. 675). Въ Апуліи на холмѣ Дріонъ былъ оракулъ *Калксанта*; вопрошающіе приносили ему въ жертву чернаго барана, на шкурѣ котораго потомъ ложились спать (Страб. VI, р. 284).

¹⁾ До насъ сохранилась рѣчь аѣнскаго оратора Гиперида за Евсеніяппа, по порученію аѣнлянъ спавшаго въ храмѣ Амфіараея и потомъ обвиненнаго въ невѣрномъ сообщеніи своего сновидѣнія. Подробности объ инкубаціи у Амфіараея сообщаютъ: Филостратъ въ жизнеоп. Аполлонія Тіанскаго (II, 37), Павсаній (I, 34) и др.

Совершенно особаго вида былъ оракуль *Трофонія* (Τροφώνιος или Τρεφώνιος) при г. Лебадіи въ Беотіи. Въ мнѣческихъ преданіяхъ Трофоній и братъ его Агамедъ представляются какъ герои строители; между прочимъ они построили дельфійскій храмъ и по окончаніи этой постройки были найдены умершими безболѣзненно въ самомъ храмѣ. Такая смерть, по объясненію древнихъ, была дана имъ въ награду за постройку. По другимъ преданіямъ они построили сокровищницу для царя Гиріея (Γυριεύς) и въ ней оставили незамѣтную лазейку, чрезъ которую по ночамъ воровали сокровища; когда же царь, замѣтивъ воровство, поставилъ въ сокровищницѣ ловушку и Агамедъ попался въ нее, то Трофоній, чтобы виновники воровства всетаки остались не открытыми, отрубилъ брату голову, унесъ съ собою и похоронилъ въ Лебадіи, но въ наказаніе за убійство былъ поглощенъ землею у самой могилы Агамеда. Цицеронъ отождествляетъ Трофонія съ Меркуріемъ (Mercurius Trophonius, *de nat. deor.* III, 22, 56), другіе смѣшивали его съ Зевсомъ или присоединяли его имя къ имени Зевса, какъ прозвище (Страб. IX, р. 414); однако Лебадійскія надписи ¹⁾ свидѣтельствуютъ, что мѣстными жителями Трофоній только почитался рядомъ съ Зевсомъ-царемъ, но не отождествлялся съ нимъ. Подробнѣйшее описаніе Трофоніева оракула даетъ намъ Павсаній, который самъ посѣтилъ его (IX, 39). Въ священной роцѣ стояли храмы Трофонія, Добраго дэмона (Ἀγαθὸς δαίμων) и Добраго счастья (Ἀγαθὴ τύχη). Желавшій воспросить Трофонія долженъ былъ жить здѣсь нѣсколько дней, купаться въ протекавшей чрезъ роцѣ рѣчкѣ Ἐρχουа и соблюдать чистоту, а также приносить жертвы Трофонію, его дѣтямъ и другимъ божествамъ (Аполлону, Крону, Зевсу-царю, Герѣ-Ἡνίοχος и Деметрѣ-Европѣ, кормилицѣ Трофонія); мясо жертвенныхъ животныхъ служило пищею готовившимся къ вопрошенію оракула. При каждомъ жертвоприношеніи производились гаданія по внутренностямъ животныхъ съ цѣлю узнать, благоволитъ ли Трофоній принять вопрошающаго, но рѣшающее значеніе имѣло только гаданіе при жертвоприношеніи, совершавшемся въ послѣднюю ночь предъ вопрошеніемъ и состоявшемъ изъ барана, котораго закололи въ честь Агамеда, какъ подземнаго героя, надъ ямою, въ которую выливалась кровь жертвы. Если при этомъ жертвоприношеніи получались благопріятныя знаменія, то въ ту же

¹⁾ Напр. С. I. Gr. sept. I, 3055, 3080, 3081, 3083.

ночь начинались окончательныя приготовленія. Два 13-лѣтнихъ мальчика, сыновья лебадійскихъ гражданъ, носившіе названіе *Ермаї*, отводили вопрошающаго къ Герейнѣ, омывали и намазывали масломъ. Послѣ омовенія вопрошающій былъ отводимъ жрецами къ источникамъ *Забвенія* (*Δήθης*) и *Памяти* (*Μνημοσύνης*); изъ перваго онъ пилъ воду въ знакъ того, что онъ долженъ забыть все, что до сихъ поръ было у него въ мысляхъ, а изъ втораго—для того, чтобы удержать въ памяти все, что ему откроется въ святилищѣ. Затѣмъ онъ молился предъ древнимъ кумиромъ работы Дѣдала, показывавшимся только въ такихъ случаяхъ; послѣ молитвы поклонника одѣвали въ полотняный хитонъ, опоясывали священными повязками, обували въ особаго рода башмаки и вели къ оракулу. На горѣ за рощею находилось мѣсто величиною съ небольшою молотильною току, обнесенное бѣломраморною стѣною, имѣвшею менѣе двухъ локтей вышины; на стѣнѣ стояли мѣдныя обелиски, соединенныя между собою мѣдными же цѣпями. Внутри ограды находилась трещина (*χάσμα γῆς*), обдѣланная искусственно въ видѣ хлѣбной печи и имѣвшая въ поперечникѣ около 4 локтей, а въ глубину до 8. Спустившись чрезъ это отверстіе по узкой подвижной лѣстницѣ внизъ, посѣтитель находилъ въ скалѣ другое небольшое отверстіе, чрезъ которое ему предстояло проникнуть далѣе. Онъ ложился здѣсь на землю, держа въ рукахъ медовыя лепешки (*μάζας μελαγμένας μέλιτι*), и просовывалъ въ отверстіе ноги до колѣнъ; невидимая сила, подобно водовороту, быстро увлекала его въ священное подземелье, гдѣ онъ и получалъ откровеніе въ какомъ-либо видѣннѣ, или въ словахъ. Затѣмъ та же невидимая сила выбрасывала его обратно чрезъ отверстіе, ногами впередъ. Здѣсь жрецы принимали поклонника, потрясеннаго всеѣмъ случившимся и чуть живаго отъ ужаса, сажали на сѣдалище Памяти и спрашивали о видѣнномъ и слышанномъ; затѣмъ родные или близкіе люди отводили его въ святилище Добраго дѣмона и Добраго счастья, гдѣ онъ окончательно приходилъ въ себя. Откровенія оракула записывались на доскахъ. Таковъ рассказъ Павсанія. Говорятъ, что гаданіе у Трофонія производило такое сильное впечатлѣніе на суевѣрныхъ и слабыхъ людей, что они надолго оставались мрачными и задумчивыми и даже, будто бы, не смѣялись во всю остальную жизнь; отсюда произошла поговорка *εἰς Τροφονίου μεράντεται* про угрюмыхъ людей. По всей вѣроятности жрецы умѣли посредствомъ цѣлесообразныхъ приготовленій приводить во-

прошающаго въ такое состояніе, что онъ не могъ отдавать себѣ точнаго отчета въ видѣніяхъ, представлявшихся ему въ подземномъ святилищѣ, хотя, конечно, остается неизвѣстнымъ, какого рода были эти явленія и какими средствами они производились. Конечно, жрецы допускали къ гадавію только людей вѣрующихъ; личности сомнительныя всегда могли быть устранены посредствомъ неблагопріятныхъ знаменій при жертвоприношеніяхъ, а тѣ, которые проникали въ святилище насильственно и безъ предварительныхъ обрядовъ, дорого платились за свою смѣлость; такъ случилось съ однимъ солдатомъ Димитрія Полиоркета, пробравшимся въ пещеру съ цѣлью грабежа: трупъ его былъ найденъ далеко отъ входа въ пещеру (Павс. IX, 39, 12). Оракулъ Трофонія пользовался извѣстностью уже при Крезѣ, который спрашивалъ его въ числѣ прочихъ (Герод. I, 46); затѣмъ во время греко-персидскихъ войнъ Мардоній между прочими оракулами обращался и къ нему (Герод. VIII, 134). Слава его еще болѣе возвысилась послѣ того, какъ онъ предсказалъ еванцамъ побѣду при Левктрахъ. Во времена Плу-тарха изъ многочисленныхъ беотійскихъ оракуловъ дѣйствовалъ уже одинъ только Трофоніевъ (*de def. or.* 5); онъ существовалъ, какъ кажется, еще и во времена Тертуллиана (нач. III в. по Р. Хр.). Очень можетъ быть, что городъ Лебадія именно славъ своего оракула обязанъ тѣмъ, что во времена римскихъ императоровъ сдѣлался главнымъ городомъ всей Беотіи.

P. Girard, L'Asclépiion d'Athènes d'après de récentes découvertes, Par. 1882.—Fr. Wieseler, Ueber d. Orakel des Trophonius, Götting. 1848.—Vercoutre, La médecine sacerdotale dans l'ant. Grecque въ Revue archeol. 1885.—F. Dürrbach, De Oropro et Amphiarai sacro, Par. 1890.—С. А. Жебелевъ, Религ. врачеваніе въ древней Греціи, Зап. И. Русскаго археол. Общ. т. VI (1893). — S. Rossi, Il mito di Amphiarao etc., Fir. 1898.

§ 4. Оракулы вызова мертвыхъ.

Подъ именемъ νεχρομαντεῖα (или φοχομαντεῖα, φοχοπομπεῖα) разумѣлись такіе оракулы, гдѣ вызывались души умершихъ для того, чтобы давать откровенія живымъ. Еще съ глубокой древности была распространена мысль, что даръ предсказанія не оставляетъ человѣка и послѣ смерти и что душу всякаго умершаго можно вызвать посредствомъ жертвъ и заклинаній и заставить отвѣчать на вопросы. Древнѣйшій примѣръ такого рода гаданія извѣстенъ изъ Одиссеи: Одиссей является къ входу въ подземное царство и вы-

зываетъ душу еванскаго прорицателя Тиресія, чтобы получить отъ нея предсказаніе относительно возвращенія на родину ¹⁾). Вызовъ мертвыхъ въ такихъ оракулахъ, по всей вѣроятности, былъ родъ оболщенія чувствъ или галлюцинацій, производимыхъ свойствами мѣстности и искусственными средствами, знаніемъ которыхъ обладали состоявшіе при оракулахъ жрецы; при нѣкоторыхъ оракулахъ, можетъ быть, имѣла мѣсто инкубація, такъ что души умершихъ являлись въ сновидѣніяхъ, и такимъ образомъ оракулы этого вида были близко сходны съ оракулами сновидѣній. Такой оракулъ былъ при гробницѣ Тиресія близъ беотійскаго города Галиарта, у источника Тильфусы. Гробницу Тиресія показывали еще во времена Павсанія (IX, 18, 3); но оракулъ тогда уже не существовалъ, по мнѣнію Плутарха (*de def. or.* 44), вслѣдствіе того, что прекратились пророческія испаренія, поднимавшіяся здѣсь прежде изъ земли. Отсюда можно заключить, что здѣсь вопрошающіе подъ вліяніемъ испареній приходили въ какое-нибудь особое состояніе, которое вѣрующіе и объясняли какъ навожденіе Тиресія.

Весьма извѣстный оракулъ подобнаго рода былъ также въ Нижней Италіи близъ г. Кумъ, на Авернскомъ озерѣ. По описанію Страбона (V, p. 244) озеро это было окружено обрывистыми, поросшими дремучимъ лѣсомъ берегами, видъ которыхъ наполнялъ душу священнымъ страхомъ; изъ озера поднимались ядовитыя испаренія, которыя были убійственны даже для пролетавшихъ надъ нимъ птицъ; эти особенности мѣстности подали поводъ думать, что здѣсь находились врата, ведущія въ царство мертвыхъ. Весьма распространено было преданіе, что именно сюда являлся Одиссей. Завѣдывавшіе оракуломъ жрецы сначала умилостивляли подземныхъ боговъ молитвами и жертвоприношеніями, затѣмъ посредствомъ заклинаній вызывали душу того, кто былъ названъ вопрошающимъ. Души являлись въ туманѣ, какъ тѣни, но могли говорить и отвѣчали на предлагаемые вопросы. Само собою разумѣется, что туманные образы, въ которыхъ являлись души, и ихъ голоса были производимы жрецами посредствомъ разныхъ искусственныхъ средствъ. Во времена Страбона оракулъ уже не существовалъ, окружавшіе озеро лѣса были вырублены и мѣстность заселена. Извѣстны еще такого рода прорицалища въ Тес-

¹⁾ Отсюда видно, что въ Гомеровскія времена *ψυχοφαντεία* въ собственномъ смыслѣ еще не существовали, такъ какъ иначе Одиссей не спускался бы самъ въ подземное царство (Ср. *Lobeck, Aglaoph.* p. 316).

проти при городѣ Кихирѣ, прежде называвшемся Ефиною, при святилищѣ Аида (Гер. V, 92), въ Гераклеѣ Понтійской (Плут. *Ким.* 6) и въ Лаконикѣ на мысѣ Тэнарѣ, гдѣ также, по вѣрованію древнихъ, находился входъ въ подземное царство ¹⁾). Были также отдѣльные заклинатели, которые вызывали душу умершихъ не подѣ авторитетомъ какого либо святилища или культа, а самостоятельно (особенно много было ихъ въ Фессалии, считавшейся вообще страной колдовства и чудесъ); но это было, конечно, только грубое шарлатанство и извращеніе религіозныхъ вѣрованій, какимъ его и признавали здравомыслящіе люди древности.

I. C. Koehler, De origine et progressu necyomantiae s. manium evocationis apud veteres, Liegnitz 1829.

ГЛАВА 20-я.

Мистеріи.

§ 1. Общія замѣчанія.

Къ числу особенностей греческой религіи принадлежатъ *мистеріи* или *тайные культы*, которые были широко распространены по всей Елладѣ. Къ сожалѣнію, мы ни одного изъ нихъ не знаемъ подробно и съ полною достовѣрностью, а многіе знаемъ только по названіямъ или по краткимъ указаніямъ наиболѣе характеристическихъ особенностей. Установленіе нѣкоторыхъ изъ такихъ культовъ восходитъ еще къ отдаленной древности, и въ историческія времена, особенно съ VI в. до Р. Хр., ихъ число все болѣе и болѣе увеличивалось; еще во времена Теофраста, т. е. въ концѣ IV в. до Р. Хр., не быть посвященнымъ въ какія-нибудь мистеріи служило признакомъ невѣрія или равнодушія къ религіи (Теофр. *Хар.* 25).

Тайные культы носятъ названія: *μυστήρια*, *τελεταί* и *δρυα*. Первое, наиболѣе распространенное названіе стоитъ въ связи съ глаголомъ *μύω*—закрывать ротъ и обозначаетъ, стало быть, такіе культы, подробности которыхъ не могли быть сообщаемы непо-

¹⁾ Такихъ входовъ указывали еще нѣсколько, но были ли при нихъ подобныя оракула, неизвѣстно.

священнымъ ¹⁾. Второе названіе, встрѣчающееся уже у Гесіода, производится отъ *τέλος*, принимаемаго одними въ смыслѣ высшей степени посвященія божеству, другими — въ смыслѣ взноса или платы на богослужебныя надобности ²⁾. Наконецъ *ἄργα* первоначально означало просто совершеніе священнодѣйствій (одного корня съ *ἄργον*), но впоследствии стало обозначать такіе культы и священнодѣйствія, при которыхъ участники приходили въ состояніе возбужденія или экстаза.

Многія мистеріи составляли существенную часть государственныхъ культовъ и стояли подѣ ближайшимъ надзоромъ государства, другія, напротивъ, не были признаваемы государствами и совершались частными лицами или религіозными обществами. Нѣкоторые изъ тайныхъ культовъ перваго рода высоко стояли во мнѣніи вѣрующихъ, и посвященіе въ нихъ считалось необходимымъ для счастья здѣшней и загробной жизни. Пиндаръ называетъ счастливыми тѣхъ, которые умираютъ, удостоившись видѣть таинства Деметры. Та же мысль встрѣчается у Софокла. Аристофанъ говоритъ, что солнце привѣтливо свѣтитъ послѣ смерти только посвященнымъ, ведшимъ благочестивую жизнь. Платонъ говоритъ, что посвященные послѣ смерти будутъ жить съ богами, а непосвященные — лежать въ грязи (*ἐν βορβόρῳ*) или носить продыравленными кувшинами воду въ бездонныя бочки. По словамъ Цицерона мистеріи принесли много пользы и не только учили жить хорошо, но и умирать съ благими надеждами. Діодоръ говоритъ, что люди, получившіе посвященіе, становились лучшими въ нравственномъ смыслѣ ³⁾. Символомъ этого требованія нравственной чистоты были тѣлесныя очищенія, которыя были непремѣннымъ условіемъ для посвященныхъ. Итакъ мы видимъ, что мистеріи должны были получить особенное развитіе съ распространеніемъ вѣрованія въ загробную жизнь и что самые выдающіеся умы древности видѣли

¹⁾ Свида II р. 592: *μυστήρια τελεταί, ἐκλήθη παρὰ τὸ τοὺς ἀκούοντας μύειν καὶ μηδενὶ ταῦτα ἐξηγεῖσθαι. μύειν δὲ ἐστὶ τὸ κλείειν τὸ στόμα. Отсюда также *μυεῖν* — посвящать.*

²⁾ Etym. M. р. 751: *τελετὴ θυσία μυστηριώδης. ὁ δὲ Ὀρος ὁ Θηβαῖος λέγει, ὅτι τελετὰς καλοῦσι τὰς ἐπὶ μείζους καὶ μετὰ τινος μυστικῆς παραδόσεως ἑορτάς.*

³⁾ Пинд. fr. 114 Bergk; Соф. *Tript.* fr. 719; Арист. *Лм.* 454 сл.; Плат. *Фед.* 69 с; Горн. р. 493 b; Циц. *De legg.* II, 14; Dioд. V, 49, 6. Ср. *Новосадскаго* Елевс. мист. стр. 172 сл.

въ нихъ могущественное средство къ нравственному очищенію общества.

Всѣ вообще мистеріи по условіямъ участія въ нихъ и способамъ совершенія могутъ быть раздѣлены на два главные класса: однѣ изъ нихъ были совершаемы небольшимъ, тѣсно сомкнутымъ кружкомъ жрецовъ и служителей культа, кромѣ которыхъ никто не допускался къ участию въ служеніи; другія, напротивъ, совершались при участіи болѣе или менѣе значительнаго числа лицъ, смотря по составу которыхъ опять могутъ быть подраздѣлены на два вида: однѣ совершались какою-либо опредѣленною частью общества (напр. нѣкоторыя празднества совершались исключительно замужними женщинами), другія—людьми обоого пола и разныхъ сословій, но допускавшимися къ участию только посредствомъ *посвященія* (μύσης), которое совершалось по исполненіи извѣстныхъ условій. Мистеріи послѣдняго вида суть наиболѣе совершенныя и развитыя. Общимъ условіемъ всѣхъ тайныхъ культовъ была обязанность ихъ участниковъ хранить тайну о всемъ, что въ нихъ происходило, т. е. о священныхъ сказаніяхъ, обрядахъ, молитвахъ, особыхъ именахъ, которыми называли боговъ, и т. п. По словамъ Хрисиппа (въ Етум. М. р. 751), требованіе тайны имѣло цѣлью обузданіе человѣческой природы, а по словамъ Страбона (X, р. 467)—возвышеніе обрядовъ культа въ глазахъ участвующихъ въ нихъ. Нарушеніе тайны влекло за собою обвиненіе въ ἀσεβεία и соотвѣтствующее наказаніе. У богобоязненныхъ писателей (напр. Геродота, Павсанія) неоднократно встрѣчаются упоминанія, что они нарочно умалчиваютъ о тѣхъ или другихъ сторонахъ тайныхъ культовъ, хотя и знаютъ ихъ, встрѣчаются также намеки, доступные только для посвященныхъ. Именно вслѣдствіе упомянутаго условія до насъ дошли чрезвычайно неполныя свѣдѣнія о мистеріяхъ, въ особенности о внутренней ихъ сторонѣ.

Даже на вопросъ о причинахъ облеченія тѣхъ или другихъ культовъ завѣсомъ тайны нельзя отвѣтить ничѣмъ, кромѣ болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній. Съ нѣкоторыми культами могло быть связано, по народному вѣрованію, особенное счастье для государства и поэтому слѣдовало держать ихъ въ тайнѣ отъ иностранцевъ для того, чтобы они не могли воспользоваться участіемъ въ нихъ во вреду государства; но это объясненіе не подходитъ къ такимъ мистеріямъ, въ которыхъ могли участвовать и иностранцы, какъ это извѣстно, напр., о мистеріяхъ Елевсинскихъ и Самоера-

кійскихъ. Далѣе можно предположить, что нѣкоторые культы принадлежали еще древнѣйшему населенію страны и по занятіи ея другими племенами отступили на задній планъ и сохранились въ тайнѣ среди остатковъ этого древнѣйшаго населенія, но затѣмъ именно вслѣдствіе своей таинственности облеклись ореоломъ особенной святости и снова приобрѣли себѣ значительное число поклонниковъ; такое предположеніе особенно подойдетъ, напр., къ Самоеракійскимъ мистеріямъ, если принять ихъ финикійское происхожденіе. Наконецъ возможно и то, что какою-либо культъ, заимствованный изъ чужбины, сначала былъ совершаемъ небольшимъ кружкомъ поклонниковъ, державшихъ его въ тайнѣ, впоследствии же былъ признаваемъ государствомъ, но продолжалъ сохранять прежній оттѣнокъ таинственности. Могутъ быть, конечно, предположены и другія причины таинственности, но какая именно дѣйствовала въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ,—этого рѣшить не возможно, тѣмъ болѣе, что и сами древніе врядъ ли особенно интересовались этими вопросами и не оставили намъ никакихъ ясныхъ и достовѣрныхъ указаній.

Мистеріи состояли изъ различнаго рода богослужебныхъ дѣйствій, открытыхъ только для посвященныхъ. Это были вопервыхъ драматическія или символическія представленія (*θεάματα*) священныхъ сказаній, имѣвшихъ то или другое отношеніе къ даннымъ мистеріямъ (напр. въ вакхическихъ мистеріяхъ—страданія Діониса, его смерть и возрожденіе, въ Елевсинскихъ—похищеніе Персефоны и т. д.); далѣе, открытіе (иногда постепенное) посвященнымъ мистическихъ знаній, которыя состояли частію въ разныхъ таинственныхъ выраженіяхъ (*συνθήματα*), частію въ показыванія символическихъ предметовъ (*σύμβολα*), содержавшихъ въ себѣ намеки на характеръ божествъ, чествуемыхъ въ данныхъ мистеріяхъ, и на относившіеся къ нимъ миѳы. Празднества совершались преимущественно ночью и сопровождались обыкновенно торжественными процессіями съ музыкой, пѣніемъ и плясками. По словамъ Лувіана, безъ плясокъ не обходились ни одни мистеріи. Отсюда произошло даже употребленіе глагола *ἐξορχεῖσθαι* въ смыслѣ нарушенія тайны мистерій.

S-te Croix, Histoire de la religion secrète des anciens peuples, Par. 1774.—*Ею же*, Recherches sur les mystères du paganisme, 1784; 2-ème éd. par Silv. de Sacy, Par. 1817 (нѣмец. перев. *Ленца*, Gotha 1790).—*P. E. Müller*, De hierarchia et studiis vitae asceticae in sacris et mysteriis Graecorum Romano-

rumque latentibus, Hafn. 1803.—*Chr. A. Lobeck*, *Aglaophamus sive de theologiae mysticae Graecorum causis*, 2 т. Regiom. 1829.—*Limbourg-Brouwer*, *Hist. de la civilisation des Grecs v. VI* (см. стр. 15).—*Chr. Petersen*, *Der geheime Gottesdienst bei den Griechen*, Hamb. 1843.—*Haupt*, *De mysteriorum Graecorum causis et rationibus*, Königsb. 1853.—*Rinck*, *Ueber die ethische Bedeutung d. griech. Mysterien* въ *Verhandl. d. Basl. Philol. Vers.* 1847 и *Relig. d. Hellenen* т. I и II.—*Du Prel*, *Die Mystik der alten Griechen*, Leipz. 1888.—*T. Taylor*, *The Eleusinian and Bacchic Mysteries*, 4 ed. New-York 1891.—*O. Rubensohn*, *Die Mysterienheilighümer in Eleusis u. Samothrake*, Berl. 1892.—*G. Anrich*, *Das antike Mysterienwesen in seinem Einfluss auf das Christentum*, Gött. 1894.

§ 2. Елевсинскія мистеріи.

Изъ всѣхъ еллинскихъ мистерій ни однѣ не достигли такой славы, какъ Елевсинскія, которымъ поэтому и мы дадимъ первое мѣсто въ нашемъ изложеніи. Онѣ совершались въ честь двухъ богинь, Деметры и Коры (τὼ θεῶν), въ аттическомъ городкѣ Елевсинѣ, лежавшемъ въ углу Сароническаго залива къ с.-з. отъ Аѳинъ по дорогѣ въ Мегары, и принадлежали къ числу тѣхъ мистерій, въ которыхъ участіе обуславливалось предварительнымъ посвященіемъ. Основаніе ихъ сами древніе относили къ мионическимъ временамъ: по словамъ такъ называемаго Гомеровскаго гимна къ Деметрѣ, относящагося, вѣроятно, къ VII или VI в., онѣ основаны самой богиней, пришедшей въ Елевсинъ во время поисковъ за своей дочерью, похищенной Плутономъ; отъ этого *пробытія* богини, можетъ быть, произошло названіе городка 'Ελεούσις, раньше, по преданію, называвшагося Сэсаріей (Σασαρία). Жители Аѳинъ стали участвовать въ елевсинскомъ культѣ со времени включенія Елевсина въ свое государство, относимаго преданіемъ къ царствованію Ерехея (Павс. I, 38, 3), но на самомъ дѣлѣ относящагося къ VII в. Гомеровскій гимнъ, говоря, что Деметра явилась въ Елевсинъ подъ видомъ женщины съ о. Крита, какъ бы намекаетъ, что служеніе богинѣ перенесено въ Елевсинъ съ этого острова; но значительное сходство въ обрядахъ и самой сущности Елевсинскихъ мистерій съ египетскими мистеріями Исида скорѣе заставляетъ думать, что первоначальнымъ мѣстомъ образованія такого культа былъ Египетъ ¹⁾.

¹⁾ См. объ этомъ *Н. И. Новосадскаго* Елевс. мист. стр. 21 сл.

Главнымъ содержаніемъ Елевсинскихъ мистерій былъ уже упомянутый мифъ о Деметрѣ, передаваемый въ Гомеровскомъ гимнѣ въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ. Персефона, дочь Деметры, собирая съ Океанидами цвѣты на Ниссѣйскомъ лугу ¹⁾, была похищена Плутономъ, при чемъ никто кромѣ Солнца не видалъ этого похищенія и одна Геката слышала отчаянные крики Персефоны. Мать, услышавъ голосъ дочери, бросилась къ ней на помощь и искала ее съ факелами 9 дней, не принимая ни пищи, ни питья, и не умываясь; наконецъ отъ Гекаты и Солнца узнала она объ участи, постигшей Персефону. Тогда разгнѣванная богиня покинула Олимпъ и стала странствовать по землѣ въ образѣ старухи. Прибывъ въ Елевсинъ, она была встрѣчена у колодца дочерьюми мѣстнаго царя Келея и, выдавая себя за уроженку о. Крита, похищенную морскими разбойниками, но спасшуюся отъ нихъ бѣгствомъ, была принята въ домъ царя въ качествѣ няни царевича Демофонта. Здѣсь она также не могла забыть своей печали, пока служанка Тамба не развеселила ее своими нескромными шутками, и тогда царица Метанира уговорила ее вкусить напитка кикееона. Богиня ухаживала за царевичемъ и, желая сдѣлать его бессмертнымъ, намазывала амброзією и по ночамъ клала въ огонь, какъ головню. Однажды мать царевича увидѣла это, испугалась и подняла шумъ. Тогда богиня отворлась Метанирѣ, приказала построить себѣ храмъ и учредить богослуженіе по ея указаніямъ. Между тѣмъ земля не приносила плодовъ, такъ какъ богиня, разгнѣванная похищеніемъ дочери, скрывала посѣянные людьми сѣмена. Наконецъ Зевсъ вызвалъ Персефону изъ ада; Деметра примирилась тогда съ богами подъ тѣмъ условіемъ, чтобы ея дочь третью часть года проводила въ подземномъ царствѣ, а двѣ трети—съ матерью и прочими богами. Землѣ возвращено было плодородіе, и богиня, покидая Елевсинъ, показала священные обряды Келею, Евмолпу, Діоклу и Триптолему, котораго кромѣ того научила земледѣлію. Заповѣданные богинею обряды должно исполнять, но нельзя разслѣдовать и разглашать. Счастливы, кто ихъ видѣли! Не посвященные же въ таинства не будутъ блаженствовать, а будутъ пребывать подъ покровомъ печальнаго мрака. Счастливы,

¹⁾ Извѣстно, что въ разныхъ странахъ Еллады указывалось много мѣстъ похищенія Персефоны; по наиболѣе распространенному преданію она была похищена въ Сициліи на Енейскихъ поляхъ.

кого любятъ двѣ богини: онѣ посылаютъ въ его домъ Плутоса, дающаго богатство смертнымъ.—Таково въ краткихъ чертахъ содержаніе этого мѣа. Ученые представляютъ различныя его объясненія, болѣе или менѣе правдоподобныя; наиболѣе вѣроятнымъ кажется то изъ нихъ, по которому въ немъ представляется замираніе природы зимой и возвращеніе ея къ новой жизни съ наступленіемъ весны.

Кромѣ двухъ главныхъ богинь, Деметры и Коры, въ Елевсинскихъ мистеріяхъ почитались: Іакхъ, котораго считали сыномъ Зевса и Деметры или отождествляли съ Вакхомъ, затѣмъ Плутонъ, неизвѣстные по именамъ *богъ* и *богиня* и разные мѣстные герои, изъ числа которыхъ особеннымъ уваженіемъ пользовались Триптолемъ и братъ его Евбуль.

Забота объ устройствѣ Елевсинскаго праздника принадлежала къ числу обязанностей высшей аѣинской администраціи. Со времени установленія коллегіи архонтовъ имъ завѣдывалъ архонтъ-царь, какъ верховный блюститель всего государственнаго культа; ближайшими его помощниками были 4 ἐπιτελεῖται τῶν μυστηρίων, изъ которыхъ двое избирались хиротонією изъ всѣхъ аѣинявъ, одинъ— изъ рода Евмолпидовъ и одинъ изъ рода Кериковъ. Члены этихъ двухъ родовъ имѣли вообще важнѣйшія литургическія функціи при мистеріяхъ. Родъ Евмолпидовъ велъ свое происхожденіе отъ мѣлическаго елевсинскаго героя Евмолпа, о происхожденіи котораго и отношеніи къ мистеріямъ существовали разныя сказанія. Родъ Кериковъ (Κήρυκες), по преданію, происходилъ отъ Керика, сына Гермеса и Аглавры, дочери Кекропа (Павс. 1, 38, 3); по другимъ преданіямъ это была вѣтвь рода Евмолпидовъ. Важнѣйшія лица, исполнявшія служебныя обязанности при празднествѣ, были слѣдующія: 1) Ἱεροφάντης, избравшійся изъ Евмолпидовъ, обыкновенно изъ людей пожилыхъ и обладавшихъ звучнымъ голосомъ; самое названіе его должности (=τὰ ἱερά φαίνων), равно какъ и свидѣтельства авторовъ (напр. Лис. *пр. Андок.* 51, Плут. *Алкиб.* 22) указываютъ на его обязанность показывать и объяснять посвященнымъ таинственныя свѣтныя елевсинскаго культа. Ему была присвоена особая пурпурная одежда (στολή) и головная повязка (στέφανος). Вступая въ должность, онъ слагалъ свое прежнее имя и получалъ новое священное, которое не могло быть извѣстно непосвященнымъ, такъ что въ свѣтскихъ документахъ онъ назывался просто Ἱεροφάντης. Сложеніе свѣтскаго имени сопровожда-

лось символическимъ обрядомъ погруженія его въ море, какъ видно изъ нѣсколькихъ надписей. Иерофанту соотвѣтствовала *ieroфантис*, избиравшаяся также изъ Евмолпидовъ и имѣвшая обязанность посвящать желающихъ въ мистеріи. Она также при полученіи священной должности принимала новое тайное имя. Иерофантъ и иерофантида по вступленіи въ должность обязаны были соблюдать строгое цѣломудріе. 2) Второе мѣсто въ елевсинской іерархіи занималъ *факелоносецъ* (*δαδούχος*), объ обязанностяхъ котораго извѣстны лишь немногія мелкія подробности. Онъ избирался изъ рода Кериковъ; въ V и IV в. въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній должность эта была наслѣдственна въ домѣ Калліевъ. Факелоносецъ, подобно иерофанту, носилъ пурпурную одежду и *στέφανον* на своихъ длинныхъ волосахъ. Ему, быть можетъ, соотвѣтствовала *факелоносица* (*ἡ δαδούχοισσα*), о которой ближайшихъ свѣдѣній мы не имѣемъ ¹⁾. 3) *Кѣроэ* (въ римскія времена *ieroхѣроэ*) изъ рода Кериковъ при началѣ священнодѣйствій приглашалъ вѣрующихъ къ благоговѣнному вниманію, произносилъ вслухъ молитвы и формулы условій допущенія къ посвященію, служилъ при жертвоприношеніяхъ и пр. 4) *Алтарный* (*ἐπιβώμιος* или *ὁ ἐπὶ βωμῆς*), упоминающійся во многихъ надписяхъ, завѣдывалъ жертвоприношеніями и самъ совершалъ ихъ. Всѣ эти должности были пожизненны. Во время исполненія своихъ священныхъ обязанностей лица жреческаго персонала надѣвали митровыя вѣнки.

Кромѣ этихъ главныхъ священнослужителей были разные другіе служители культа и магистраты, завѣдывавшіе разными его сторонами. Упоминаются: жрецъ и жрица Деметры и Керы; *Ἰαχχαγυρός*, носившій статую Іахха въ процессіи, о которой будетъ сказано ниже; *φαιδουτής*, заботившійся о чистотѣ и вообще исправномъ содержаніи статуй богинь; *ὀδρανός*, служившій, вѣроятно, при омовеніяхъ и очищеніяхъ посвященныхъ (*ὀδρανός ὁ ἀγνιστής τῶν Ἐλευσινίων*, Гесих.); *δακρίτης*, названіе котораго, повидимому, намекаетъ на какую-нибудь обязанность, специально относившуюся къ Персефонѣ, почитавшейся также подъ именемъ *Δάκρυα*; *στουδοφόροι*, объявлявшіе начало священнаго перемирія предъ мистеріями, затѣмъ *παναγείς*,

¹⁾ Предположеніе о существованіи этой должности весьма сомнительно, такъ какъ о немъ не сохранилось никакихъ свидѣтельствъ изъ самой Аттики. Ср. А. Моммзена *Feste*, стр. 264.

κορφόροι, λιχνοφόρος, χοοροτρόφος, хистоφόρος и др. Для завѣдыванія храмомъ и его имуществомъ, а также матеріальною стороною праздника, существовали особые ιεροκοοί, ἐπιστάται и ταμίαι τοῦ θεοῦ.

Посвященіе въ Елевсинскія мистеріи было доступно для всѣхъ еллиновъ, безъ различія племенъ или государствъ, такъ что онѣ имѣли общегреческій характеръ. Варвары не допускались къ посвященію, хотя и тутъ встрѣчаются исключенія въ пользу отдѣльныхъ, особенно выдающихся, лицъ. Римляне со времени вступленія ихъ въ болѣе близкія сношенія съ еллинами допускались къ посвященію наравнѣ съ ними. Доступъ къ участию въ мистеріяхъ не былъ закрытъ даже рабамъ, если они были не варварскаго происхожденія. Лица, совершившія какое-либо тяжкое преступленіе, къ посвященію не допускались. Нельзя доказать, чтобы отъ желающихъ посвятиться требовалась предварительная исповѣдь ихъ грѣховъ; однако іерофантъ могъ отказать въ посвященіи человѣку, нравственность котораго казалась ему не безупречною.

Желавшій посвятиться долженъ былъ обратиться къ посредничеству какого-либо гражданина изъ рода Евмолпидовъ или Кериковъ, который, если по провѣркѣ не оказывалось препятствій къ посвященію, наставлялъ и руководилъ кандидата въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, почему и назывался *руководителемъ въ таинствахъ* (μοσταγωγός). Предъ посвященіемъ кандидаты обязаны были въ видѣ испытанія хранить строгое молчаніе и совершать очистительные обряды, при которыхъ м. пр. употреблялось Διὸς κῆβιον (см. выше стр. 77). Въ посвященіи различались три степени, изъ коихъ первую было посвященіе въ *малыя* мистеріи. Никто не могъ быть посвященъ въ великія мистеріи безъ предварительнаго посвященія въ малыя (Плут. *Дим.* 26; Пл. *Горн.* р. 597 с съ схола.); получившіе это посвященіе спеціально назывались *μόσται*. При посвященіи въ великія таинства различались 2 степени: *τελεστή* и *ἐπόπται*, между которыми былъ промежутокъ не менѣе года; достигшіе высшей степени посвященія назывались *ἐπόπται*, т. е. созерцателями. Нѣкоторые, особенно иностранцы, которымъ средства не позволяли совершать троекратное путешествіе въ Аѣины, могутъ быть довольствовались первой степенью посвященія, не ища двухъ остальныхъ. Напротивъ, многіе аѣинскіе граждане посвящались еще въ дѣтскомъ возрастѣ благочестивыми родителями; такое посвященіе обозначалось спеціальнымъ терминомъ *посвяще-*

не отъ очага (μύθος ἀφ' ἑστίας). Людямъ близкимъ къ смерти, быть можетъ, разрѣшалось посвященіе во всякое время. Обряды посвященія извѣстны лишь въ общихъ чертахъ, въ которыхъ невозможно различить особенности, свойственныя каждому виду посвященія въ отдѣльности.

Посвященіе какъ въ малыя, такъ и въ великія мистеріи начиналось внѣ храма, въ священномъ округѣ (περίβολος), обнесенномъ стѣной. Здѣсь посвящаемые совершали жертвоприношенія и затѣмъ вступали въ храмъ, гдѣ въ глубокомъ мракѣ ночи совершали переходы изъ одной части святилища въ другую; по временамъ разливался ослѣпительный свѣтъ, озарявшій фигуры грозныхъ чудовищъ, раздавались страшные звуки, потрясавшіе посвящаемыхъ. Эти эффебты производились различнаго рода техническими приспособленіями. Страшныя картины и звуки представляли мученія, ожидавшія за гробомъ грѣшниковъ, и на людей впечатлительныхъ производили столь подавляющее впечатлѣніе, что нѣкоторые даже лишались чувствъ. Древніе авторы сравниваютъ состояніе души человѣка при смерти съ тѣми страданіями, томленіями и трепетомъ, которые она переживаетъ при посвященіи въ мистеріи. Наконецъ страшныя сцены смѣнялись свѣтлыми, успокоительными: открывались двери, закрывавшія статуи и жертвенники, при яркомъ свѣтѣ факеловъ посвящаемымъ представлялись украшенныя роскошными одеждами статуи боговъ; весь этотъ свѣтъ и великолѣпіе такъ поражали чувства посвящаемыхъ, что они представляли себѣ вѣчную радость и блаженство, ожидающія за гробомъ людей добродѣтельныхъ и посвященныхъ въ таинства. Посвящаемыхъ сажали на особыя сѣдалища, вокругъ которыхъ посвящающіе совершали пляску (этотъ обрядъ назывался θρόνισμός). Были, вѣроятно, и другія символическія священнодѣйствія, подробности которыхъ намъ не извѣстны.

Посвященіе въ мистеріи считалось важнымъ условіемъ достиженія блаженства въ загробной жизни, такъ что люди, по тѣмъ или другимъ причинамъ не принявшіе посвященія въ молодые годы, старались посвятиться по крайней мѣрѣ предъ смертью (Арист. *Миръ* 375). Одежды, бывшія на тѣлѣ во время посвященія, считались счастливыми; было въ обычаѣ носить ихъ до полнаго изношенія или приготавливать изъ нихъ пеленки для дѣтей, а нѣкоторые жертвовали ихъ въ храмъ Деметры (Арист. *Плут.* 842 сл. со scol.); иногда въ нихъ хоронили умершихъ мистовъ (сcol. Θεοκρ. *Ид.* V, 12 сл.).

Упомянемъ еще, что мистамъ запрещалось употребленіе въ пищу нѣкоторыхъ съѣстныхъ припасовъ (куръ, рыбы, бобовъ и яблокъ) и прикосновеніе къ роженицѣ и трупу; по всей вѣроятности, эти запрещенія имѣли силу только въ теченіе празднованія мистерій, а на остальное время не простирались.

Въ Аѣйнахъ ежегодно совершались два праздника, имѣвшіе отношеніе къ елевсинскому культу. Въ мѣсяцѣ Анеестеріонѣ, вѣроятно около 20-го числа ¹⁾, праздновались *малыя мистеріи* (μυστήρια τὰ μικρά, τὰ ὀλεῖω, τὰ ἐν Ἄγρᾳ), служившія какъ бы предпразднествомъ великихъ ²⁾ и совершавшіяся въ Агрѣ, предмѣстьѣ Аѣинѣ, преимущественно въ честь Персефоны. Священное перемиріе (ἐκεχευρία) для нихъ продолжалось съ 15-го числа Гамеліона до 10-го числа Елафеболіона, т. е. 55 дней. Онѣ состояли главнымъ образомъ въ очищеніяхъ водою Илисса, на берегу котораго лежала Агра, и можетъ быть въ драматическомъ представленіи мѣа о рожденіи Іакха отъ Персефоны ³⁾. Впрочемъ подробности ихъ очень мало извѣстны. На основаніи встрѣчающагося въ одной надписи (С. I. Att. II, 603) упоминанія о χορηγός можно думать, что во время этого праздника переносили статую Персефоны въ торжественной процессіи изъ одного храма въ другой.

Главнымъ празднествомъ елевсинскаго культа были *великія мистеріи* или 'Ελευσίνα ⁴⁾, совершавшіяся въ мѣсяцѣ Боедроміонѣ въ теченіе 10—12 дней, при чемъ первая половина празднованія происходила въ Аѣйнахъ, а вторая—въ Елевсинѣ. Священное перемиріе для праздника продолжалось съ 15-го числа Метагитніона до 10-го Піанопсіона, т. е. 55 дней. Разъ въ 4 года онъ совершался съ особенною пышностью и потому причисляется къ пентетерическимъ праздникамъ. Къ сожалѣнію, встрѣчающіяся упоминанія о праздникѣ, преимущественно о второй его половинѣ, ограничиваются немногими и не всегда достовѣрными показаніями, на основаніи которыхъ невозможно составить себѣ ясное и полное представленіе о всемъ ходѣ празднованія.

Въ первой половинѣ празднованіе, по всей вѣроятности, рас-

¹⁾ Ср. А. Mommsen, *Feste* стр. 406.

²⁾ Схол. Арист. *Плут.* 845: Καὶ ἔστι τὰ μικρὰ [μυστήρια] ὡσπερ προχάθαρσις καὶ προἰσχυρισίς τῶν μεγάλων.

³⁾ Стеф. Виз. п. сл. Ἄγρα. Полѣвъ, *Страт.* V, 17, 1. Гермер. от. III р. 492.

⁴⁾ Последнее названіе относится преимущественно къ пентетерическимъ играмъ.

предѣлялось по днямъ слѣдующимъ образомъ ¹⁾. Тринадцатаго или 14-го числа Боедроміона народъ собирался въ городъ на праздникъ (это собраніе называлось ἀγορμός); архонтъ-царь, іерофантъ и дадухъ въ στοὰ τοκήλη дѣлали объявленіе (πρόρρησις) о наступленіи праздника и объ исключеніи изъ участія въ немъ всѣхъ осверженныхъ кровавыми преступленіями или другими тяжкими грѣхами, безчестныхъ и варваровъ (Лук. Дем. 34, Алекс. 38; Полид. VIII, 90). Въ позднѣйшія времена ефебы 13-го числа въ торжественной процессіи подъ предводительствомъ своего комета шли въ Елевсинъ, откуда на другой день (14-го) сопровождали святины (статуи богинь и священную утварь) въ городской храмъ богинь, находившійся у сѣверной подошвы акрополя. 15-го числа, вѣроятно, совершалось жертвоприношеніе въ честь Аѣины Демократіи, упоминаемое въ надписяхъ τοῦ δερματῆκοῦ (С. I. Att. II, 741). 16-го числа посвященные, по призыву глашатая «ἀλαδὲ μόστα» (на море, мисты!), отправлялись къ морю для очищенія себя морскою водою; формула призыва послужила названіемъ для этого дня праздника. Главное мѣсто очищенія, какъ кажется, было въ Пирѣѣ. Въ слѣдующіе три дня (17, 18 и 19) совершались въ городѣ разнаго рода жертвоприношенія, въ томъ числѣ праздникъ въ честь Асклепіа (Ἀσκληπιεῖα или Ἐπιδαύρια), который, по мифическому преданію, прибылъ въ Аѣины изъ Епидавра, гдѣ было его знаменитое святилище, и былъ посвященъ въ мистеріи. Двадцатаго числа ²⁾ совершалась торжественная процессія изъ Аѣинъ въ Елевсинъ, сопровождавшая раньше принесенныя въ Аѣины елевсинскія святины, въ томъ числѣ увѣнчанную миртомъ статую *Іакха*, несомую особымъ ἱαχῦχαῶρος, и приготовленныя для *Іакха* драгоценныя игрушки. Процессія

¹⁾ Для распредѣленія дней первой половины праздника большое значеніе имѣеть одинъ декретъ (С. I. Att. III, 6), опредѣляющій участіе ефебовъ въ процессіяхъ праздника; правда, онъ относится къ очень позднимъ временамъ (II в. до Р. Хр.), но имѣеть значеніе и для предыдущихъ временъ, такъ какъ имъ восстановленъ именно прежній порядокъ празднованія. См. объ этомъ мою статью, указанную въ концѣ параграфа. *А. Моммзенъ* (Feste, стр. 244) распредѣляетъ программу праздника вѣсколько иначе.

²⁾ Нѣкоторые современные ученые думаютъ, что процессія выступала 19-го числа, ночевала на дорогѣ и прибывала въ Елевсинъ 20-го. Но авторы (Плут. Кам. 19, Фок. 28; skol. Ар. Лян. 324) прямо указываютъ на 20-е число, какъ день процессіи. Ср. *Новосадская* Елевс. мист. стр. 121.

двигалась по священной дорогѣ (*ιερὰ ὁδός*), украшенной множеством храмовъ, алтарей и памятниковъ ¹⁾, въ сопровожденіи огромной толпы народа, такъ какъ въ ней могли принимать участіе и непосвященные въ мистеріи. Люди зажиточные, особенно женщины, слѣдовали за процессіей въ экипажахъ, что, впрочемъ, въ послѣдствіи было запрещено закономъ оратора Ликурга (*Plut. Dec. or. Lyc.* 7). При переходѣ черезъ мостъ на р. Кефисѣ участники процессіи по старинному обычаю обмѣнивались шутками и насмѣшками (*γυφορῖσμοί*). Процессія двигалась съ пѣніемъ псановъ и съ криками: *Ἰαχὺ*, φ *Ἰαχὺε*. По дорогѣ она нѣсколько разъ останавливалась для отдыха или для поклоненія разнымъ богамъ и героямъ, имѣвшимъ отношеніе къ елевсинскому культу, такъ что лишь къ вечеру достигала Елевсина ²⁾. Здѣсь еще нѣсколько дней продолжалась вторая половина праздника, состоявшая изъ разныхъ мистическихъ обрядовъ, въ которыхъ могли принимать участіе только посвященные (эти дни собственно и назывались *μυστηριατικὰς ἡμέρας*), и изъ состязаній. Мѣстомъ совершенія обрядовъ былъ *τελεστήριον*, построенный при Периклѣ архитекторомъ Иктиномъ вмѣсто стариннаго храма, воздвигнутаго, по преданію, еще Келеемъ по приказанію самой Деметры и сожженного персами въ 480 году ³⁾. Здѣсь, въ самомъ храмѣ или его периболѣ, совершался по ночамъ рядъ драматическихъ представленій, сюжетомъ которыхъ служили событія изъ жизни боговъ, имѣвшія отношеніе къ циклу сказаній объ учрежденіи мистерій. Представленія эти были весьма разнообразнаго характера, то строгаго и торжественнаго, то веселаго и даже распушеннаго. Къ созерцанію ихъ никто не допускался кромѣ мистовъ, получившихъ уже высшую степень посвященія и потому

¹⁾ Описаніе ихъ см. у Павс. I, 37 и 38. Изъ новыхъ монографій о священной дорогѣ отмѣтимъ: *L. Preller, De via sacra Eleusinia disp. I et II, Dopr. 1841.*—*F. Lenormant, Monographie de la voie sacrée, Paris 1864.*

²⁾ Известно, что Алкибиадъ, возвратившись въ Аѳины въ 408 г., заслужилъ величайшее расположеніе и признательность народа тѣмъ, что провелъ по священной дорогѣ елевсинскую процессію, которая со времени занятія Декелиі спартанцами изъ боязни ихъ нападеній совершалась моремъ.

³⁾ Основанія телестерія открыты при раскопкахъ, производимыхъ въ Елевсинѣ Аѳинскимъ археологическимъ обществомъ съ 1882 г. См. статью *Д. Н. Королькова* въ Журн. М. Н. Пр. за апрѣль 1884 года и книгу *Рубенсона*, указанную на стр. 212.

называвшихся «созерцателями» (ἐλόπται). Надпись при входѣ въ священный участокъ (τέμενος) храма гласила, что непосвященные не имѣютъ права вступать въ него. Есть свѣдѣнія, что передъ мистеріями составлялись и записывались на доскахъ поименные списки посвященныхъ. Во время священнодѣйствій мисты въ отличіе отъ непосвященныхъ носили на головахъ миртовые вѣнки, а на правой рукѣ и лѣвой ногѣ—повязки пурпурнаго цвѣта (χροάται). Если непосвященный, вмѣшавшись въ толпу мистовъ, выдавалъ себя какими-либо неумѣстными вопросами, то его подвергали наказанію и даже смертной казни; такъ случилось, напр., съ двумя молодыми акарнанцами въ царствованіе Филиппа V (Т. Лив. 31, 14).

Драматическія представленія (τὰ δράματα), вѣроятно, ставились въ хронологической послѣдовательности. Первымъ актомъ ихъ была, вѣроятно, сцена брака Зевса и Деметры, представляемыхъ іерофантомъ и іерофантидою, и рожденія Іакха отъ этого брака, при чемъ іерофантъ возглашалъ: владычица Бримо родила святаго сына Брима, ἱερὸν ἔτεκε πότνια κοῖρον Βριμῶ Βριμῶν¹⁾. Затѣмъ начинались возліянія, пѣсни и пляски въ честь новорожденнаго Іакха, при чемъ уходъ за новорожденнымъ (σπαρχμός) представлялся въ искусныхъ мимическихъ тѣлодвиженіяхъ.

Въ слѣдующую ночь драматически представлялось похищеніе Плутономъ Коры, которую изображала жрица Деметры. При этомъ мисты носили корзины съ цвѣтами въ воспоминаніе о томъ, что Кора была похищена при собираніи цвѣтовъ. Іерофантида изображала собою тоскующую Деметру, разыскивающую свою дочь; въ искусныхъ пляскахъ представлялось, какъ она искала дочь и какъ была радушно принята Келеемъ. Процессія мистовъ съ факелами къ морскому берегу служила воспоминаніемъ поисковъ Деметры за дочерью. Затѣмъ являлась на сцену женщина, представлявшая служанку Іамбу или Бавбо, которая развеселила Деметру нескромными шутками и жестами. При этомъ мисты, цѣлый день постившіеся, вкушали *киксонъ* (κικσών), особый напитокъ, состоявшій изъ смѣси воды, муки и меда съ различными приправами, въ воспоминаніе того, что развлеченная шутками Іамбы Деметра впервые вкусила этого напитка послѣ потери дочери, и

¹⁾ Βριμῶ—мистическое имя Деметры. По объясненію Оригена (*Philosoph. V.* 164), приводящаго эту фразу, оно значитъ ἰσχυρά, а Βριμῶς=ἰσχυρός.

перекладывали изъ ящика въ корзину и обратно какіе-то таинственные символическіе предметы. Указаніе на эти обряды заключается въ особой сакральной формулѣ, которая въ видѣ пароля служила мистамъ средствомъ узнавать другъ друга: ἐν ἡστέουσα· ἔπιον τὸν κοχεῶνα· ἔλαβον ἐκ χίστης· ἐργασάμενος ἀπαθέμην εἰς κάλαθον καὶ ἐκ κάλαθου εἰς χίστην (Клим. Алекс. Протр. 2, 21. Арноб. *Adv. gent.* V, 26). Были еще драматическія представленія, изображавшія возвращеніе Кору, примиреніе Деметры съ богами, установленіе ею мистерій и отправление Триптолема для распространенія земледѣлія, при чемъ іерофантъ показывалъ мистамъ срѣзанный колось, служившій символомъ смѣны жизни смертью и возрожденія къ новой жизни послѣ смерти. Эти драматическія представленія, по всей вѣроятности, продолжались три ночи, называвшіяся «святыми». При нихъ показывались мистамъ священные предметы (δεικνύουσι τὰ ἱερά—обязанность іерофанта), скрытые отъ постороннихъ глазъ, и раскрывались тайны (τὰ ἀπόρρητα), т. е. вѣроятно священныя преданія и миѳы, неизвѣстные народу (Лис. *пр. Андок.* 51). По свидѣтельству одного поздняго автора ¹⁾ іерофантъ во время мистерій изображалъ собою демиурга (создателя), дадухъ—солнце, алтарный—луну, священноглашатай—Гермеса. Нельзя рѣшить, существовалъ ли этотъ обычай изъ глубокой древности и чѣмъ достигалось это сходство съ божествами; вѣроятно, жрецы одѣвались въ роскошныя одежды, сходныя съ тѣми, въ которыхъ принято было у грековъ изображать названныя божества.

Въ послѣдній день праздника совершался символическій обрядъ, состоявшій въ томъ, что изъ двухъ глиняныхъ сосудовъ (πλημοχόαι), имѣвшихъ форму кубаря (σχεῶς βεμβιχῶδες), жрецы въ храмѣ выливали воду въ устроенное въ землѣ отверстіе, изъ одного на западъ, а изъ другого на востокъ, произнося при этомъ какія-то таинственныя слова (Аев. XI р. 496 с); какія это были слова, навѣрное не извѣстно, но ученые считаютъ вѣроятнымъ, что именно сюда относятся сообщаемыя Прокломъ (комм. къ Плат. *Тим.* V р. 293) слова: «ὕε, χόε» (орошай, зачинай). Они имѣли тѣсную связь съ одною изъ сторонъ мистическаго ученія, именно о благодѣтельномъ, оплодотворяющемъ вліяніи влаги на землю. Отъ этого обряда самый день, въ который онъ совершался, носитъ названіе πλημοχόαι.

¹⁾ Порфирій у Евсевія *Праер. evang.* III, 12.

Этимъ заканчивались собственно мистеріи. Затѣмъ происходили гимническія, конныя и музыкальныя состязанія, но не ежегодно: разъ въ два года бывали малыя состязанія и чрезъ каждыя три года въ четвертый—большія ¹⁾. Наградой побѣдителямъ служило здѣсь опредѣленное количество пшеницы, выросшей на священномъ Рарійскомъ полѣ (какъ въ праздникъ Панаѳенэй—масло отъ священной оливы).

По возвращеніи участниковъ празднества въ городъ происходило въ городскомъ Елевсиніи засѣданіе священнаго совѣта (*εὐρὴ βοῦλή*), въ которомъ архонтъ-царь представлялъ отчетъ о праздникѣ и разбирались дѣла, относившіяся къ нарушенію таинствъ или священныхъ законовъ (Андок. *о мист.* 111), а также опредѣлялось выраженіе благодарности лицамъ, обнаружившимъ особенное усердіе къ исполненію своихъ обязанностей во время праздника. Въ этомъ совѣтѣ принимали участіе только посвященные въ мистеріи, а самое рѣшеніе дѣлъ принадлежало однимъ Евмопидамъ, которые въ своихъ приговорахъ кромѣ государственныхъ законовъ о нечестіи руководствовались устными преданіями и голосомъ своей совѣсти. Въ одной поздней надписи (С. I. Att. III, 2) постановленіе этого совѣта датировано 28-мъ числомъ Боедроміона. Можно думать, что и въ болѣе раннія времена праздникъ продолжался до этого числа, такъ что на состязанія приходилось четыре дня (24—27 число).

Послѣ этого краткаго обзора внѣшней стороны Елевсинскихъ мистерій обратимся къ ихъ внутренней сторонѣ, именно къ вопросу о томъ, проводилось ли въ нихъ какое-либо опредѣленное ученіе, или все дѣло сводилось къ исполненію предписанныхъ ритуаломъ обрядовъ, смыслъ которыхъ каждый посвященный могъ объяснять по своему? Мнѣнія новыхъ ученыхъ по этому вопросу не согласны между собою. Большинство держится отрицательнаго взгляда, съ особенною послѣдовательностью и обстоятельностью проведеннаго Лобекомъ въ его соч. «*Aglaophamus*». По его мнѣнію все руководство елевсинскихъ жрецовъ ограничивалось лишь указаніемъ ми-

¹⁾ По мнѣнію Цунды, принятому А. Момизеномъ (*Feste*, стр. 185), триетерида бывала въ каждомъ 2-мъ году Олимпиады, а пентетерида—въ 4-мъ. Момизенъ думаетъ теперь, что состязанія происходили не послѣ мистерій, а предшествовали имъ.

стамъ обрядовъ очищенія и порядка жертвоприношеній и всего вообще празднованія, а относительно внутренняго смысла мистерій участвовавшіе въ нихъ выносили лишь то, до чего каждый могъ додуматься по мѣрѣ своего умственнаго развитія и способностей. Напротивъ, авторъ новѣйшаго изслѣдованія о мистеріяхъ Н. И. Новосадскій въ послѣдней главѣ своего труда убѣдительно доказываетъ, что «не одни лишь обряды и ихъ толкованіе составляли содержаніе мистерій Димитры, что въ нихъ проводилось особое ученіе, освѣщавшее тѣ запросы мысли древняго еллина, на которые не давала рѣшенія общая, всѣмъ открытая народная еллинская религія» (стр. 155). По его мнѣнію это сообщеніе мистамъ необходимыхъ сторонъ ученія происходило предъ посвященіемъ, въ частныхъ бесѣдахъ мистагоговъ и іерофантовъ съ желавшими принять посвященіе, а не во время совершенія праздничныхъ обрядовъ и драматическихъ представленій. Ученіе мистерій касалось боговъ, загробной жизни и природы. Впрочемъ, что касается перваго, то «между ученіемъ елевсинскихъ мистерій и общепринятымъ у древнихъ грековъ ученіемъ о богахъ не было, да и не могло быть *существеннаго* различія. То, что излагалось мистамъ въ глубинѣ святилища Димитры и въ частныхъ бесѣдахъ мистагогами, представляло только дальнѣйшее развитіе тѣхъ основъ, какія лежали въ вѣрованіяхъ всего народа. Измѣненія могли быть въ частностяхъ, а не въ главномъ, существенномъ ихъ характерѣ» (стр. 172). Далѣе, у авторовъ встрѣчается очень много указаній на то, что мистеріи обѣщали посвященнымъ счастье въ загробной жизни (см. выше стр. 209). Души умершихъ мистовъ не оставались вѣчно въ одномъ и томъ же мѣстѣ, но переходили изъ одной міровой сферы въ другую и даже возвращались на время въ среду живыхъ. Такимъ образомъ мистеріямъ не было чуждо ученіе о переселеніи душъ и о таинственномъ общеніи живыхъ и умершихъ; это была одна изъ наиболѣе привлекательныхъ сторонъ мистерій, манившая къ себѣ очень многихъ. Однако не достаточно было одного посвященія для того, чтобы получить счастье въ загробной жизни: уже у Аристофана въ приведенномъ мѣстѣ высказывается мысль, что для этого послѣ посвященія нужно вести благочестивую жизнь, слѣдовательно люди порочные не были допускаемы въ жилища блаженныхъ; и къ самому посвященію въ мистеріи, какъ мы знаемъ, допускались только люди, не запятанные преступленіями. Такимъ образомъ мистеріи несомнѣнно имѣли вліяніе на улучшеніе нравственности греческаго

народа, какъ это было замѣчено уже самими древними. Исократъ говоритъ (IV, 28), что Деметра, установивъ мистеріи, смягчила нравы людей. Нравственное воспитаніе и исправленіе жизни представляется Арріану (*Epict. diss.* III с. 21, 15) главною цѣлью мистерій. По словамъ Цицерона (*De legg.* II, 14), Аѳины, создавшія много прекраснаго и великаго и внесшія это прекрасное въ жизнь человѣческую, не произвели ничего лучше тѣхъ мистерій, благодаря которымъ люди изъ грубаго состоянія перешли къ жизни достойной человѣка и улучшили свои нравы. Такимъ образомъ Елевсинскія мистеріи, несмотря на нѣкоторыя темныя свои стороны, безспорно имѣли высокое нравственное вліяніе на развитіе греческаго народа и представляютъ одно изъ привлекательныхъ явленій его религиозной жизни. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что въ позднѣйшія времена внѣшняя обрядовая сторона мистерій рѣшительно выступила на первый планъ и онѣ потеряли всякое вліяніе на умственную жизнь народа. Существовали онѣ до конца IV в. по Р. Хр.

Мистеріи по образцу Елевсинскихъ праздновались и въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ Эллады, напр. въ г. Фліунтѣ, Мегалополѣ, Фенеѣ и другихъ городахъ Аркадіи и въ Мессеніи (см. выше стр. 155 сл.). Во многихъ мѣстностяхъ Пелопоннеса, Беотіи и др. упоминается Деметра съ прозвищемъ 'Ελευσίνια или празднествъ 'Ελευσίνια, а мѣсяць 'Ελευσίνιος неоднократно встрѣчается въ дорическихъ календаряхъ. Нельзя однако думать, чтобы культъ этой богини непременно повсюду былъ таинственнымъ.

Í. Meursius, Eleusinia, Lugd. Bat. 1619.—J. Bach, De mysteriis Eleusiniis, Lips. 1735.—S. Croix, Recherches sur les myst. du paganisme (см. выше стр. 211).—Lobeck, Aglaophamus (см. стр. 212).—Owzaroff, Essai sur les mystères d'Eleusis, 1812 (3-е изд. 1816).—Creuzer, Symbolik (стр. 15).—L. Preller, Demeter und Persephone, Hamb. 1837.—H. Sauppe, Attica et Eleusinia, Progr. Götting. 1881.—Латышевъ, Къ аѳинской зорологіи въ *Журн. М. Н. Пр.*, январь 1883.—A. Nebe, De mysteriorum Eleusiniarum tempore et administratione publica, Halle 1886.—H. И. Новосадскій, Елевсинскія мистеріи, Спб. 1887.—P. Foucart, Recherches sur l'origine et la nature des mystères d'Eleusis, Par. 1895 (реж. H. И. Новосадскаго въ *Журн. М. Н. Пр.* 1896, 4).—D. Philios, Eleusis, ses mystères, ses ruines et son musée, Athènes 1896.—L. Bloch, Der Kult und die Mysterien von Eleusis, Hamb. 1897.—О персоналѣ мистерій: I. Toeppfer, Attische Genealogie, Berl. 1889.

§ 3. Самоеракійскія мистеріи.

Мистеріи на о. Самоеракѣ пользовались широкою извѣстностью въ древнемъ мірѣ и по своей славѣ уступали только Елевсинскимъ ¹⁾. Геродотъ, древнѣйшій изъ писателей, отъ которыхъ сохранились упоминанія объ этихъ мистеріяхъ, называетъ ихъ *оргіями Кабиоровъ* (II, 51); но на вопросъ, кто были эти Кабиры, нельзя дать строго опредѣленнаго отвѣта, такъ какъ у древнихъ встрѣчаются о нихъ чрезвычайно разнообразныя показанія, которыя невозможно согласить между собою. Пиндаръ ²⁾ въ числѣ лицъ, которыя считались родоначальниками человѣческаго рода, рядомъ съ критскими куретами, фригійскими корибантами и др. называетъ и Кабира, рожденнаго священнымъ Лемносомъ; стало быть этотъ лемносскій Кабиръ казался поэту не богомъ и творцомъ человѣческаго рода, а только его родоначальникомъ, первымъ человѣкомъ. У Эсхила, современника Пиндара, въ несохранившейся драмѣ *Κάβειροι* ³⁾ лемносскіе Кабиры представлены угощающими аргонатовъ. Геродотъ (въ ук. м.), говоря, что изображеніе Гермеса емлины заимствовали отъ пеласговъ, а не отъ египтянъ, прибавляетъ, что его слова пойметъ каждый посвященный въ оргіи Кабиоровъ на о. Самоеракѣ; пеласги, говоритъ далѣе отецъ исторіи, жили первоначально на Самоеракѣ и отъ нихъ самоеракійцы получили свои оргіи; относительно изображенія Гермеса у пеласговъ было священное сказаніе (*ιερός λόγος*), объясняемое въ самоеракійскихъ мистеріяхъ. Въ другомъ мѣстѣ (III, 37) Геродотъ говоритъ, что изображенія Кабиоровъ были похожи на изображенія патэговъ (*πάταγοι*), боговъ карликовъ, которыя финикіяне помѣщали на носсахъ своихъ кораблей, и называетъ ихъ дѣтьми Гефѣста. Отсюда видно, что Кабиры казались Геродоту настоящими божествами пеласгическаго или восточнаго происхожденія, стоявшими въ связи съ Гермесомъ или Гефѣстомъ. Изъ позднѣйшихъ писателей нѣкоторые смотрѣли на Кабиоровъ, какъ на дѣмоническія существа, происшедшія отъ

¹⁾ Галенъ, *De usu part.* 17,1: "Ὅσοι τιμῶσι θεός, οὐδέν ὁμοίον ἔχουσιν Ἐλευσινίοις τε καὶ Σαμοθρακίοις ὀργίοις.—Аристидъ, *Παναθην.* р. 189: Τὰ τῶν Σαμοθράκων ἱερὰ πάντων ὀνομαστότατα πλὴν τῶν Ἐλευσινίων.—Лив. 45, 5 называетъ Дельфы и Самоераку, какъ *duo sanctissima in terris templa*.

²⁾ *Fragm. ap. Orig. Philos.* р. 97 Mill.

³⁾ Отрывки изъ нея сохранились у Плутарха, Полидевка и др.

высшихъ божествъ ¹⁾, и сообразно съ такимъ взглядомъ считали мистеріи не праздникомъ въ честь Кабировъ, а установленнымъ ими учрежденіемъ для почитанія тѣхъ боговъ, отъ которыхъ они сами происходили, другіе же напротивъ признавали самихъ Кабировъ за боговъ, чувствуемыхъ въ мистеріяхъ; но что это были за боги, сколько ихъ было и какимъ богамъ народной религіи они соотвѣтствовали,—обо всемъ этомъ опять встрѣчаются разнообразныя показанія. Такъ, въ сколіяхъ къ Аполлонію Родосскому (I, 917) со словъ писателей Мнасея и Діонисодора приведены четыре Кабира, названные по именамъ и сопоставленные съ высшими богами: 'Αἰήτερος соотвѣтствовалъ Деметрѣ, 'Αἰθίοχερος—Персефонѣ, 'Αἰθίοχερος—Аиду, Κάσμιλος—Гермесу ²⁾. У латинскаго писателя Варрона въ соч. «de lingua latina» также упоминаются 4 Кабира, но съ другими именами и объясненіями. Въ святилищѣ Кабировъ близъ Эивъ, остатки котораго открыты при недавнихъ раскопкахъ, почитался, какъ видно изъ надписей, одинъ Кабиръ и его сынъ (παῖς), не называемый по имени ³⁾. Есть свидѣтельства о томъ, что Кабировъ смѣшивали или отождествляли съ Діоскурами и почитали какъ могущественныхъ защитниковъ противъ опасностей мореплаванія ⁴⁾. Кромѣ того въ мистеріяхъ было ученіе о смерти и воскресеніи и культъ хеоническихъ божествъ. Нѣкоторые изъ древнихъ писателей прямо признавали, что о Кабирахъ ничего съ точностью не извѣстно ⁵⁾. Отсюда очевидно, что свя-

¹⁾ Акусилай Аргосскій и Ферекидъ у Страб. X, p. 472.

²⁾ По словамъ Варрона у римлянъ Касмиломъ (Casmillus) называлось одно изъ дѣйствующихъ лицъ при совершеніи брачныхъ обрядовъ. Это сопоставленіе, а также объясненіе именъ трехъ другихъ Кабировъ словами ἔρως и κέρως (=бракъ по Гесихію), сложными въ ἄϊος, подало поводъ нѣкоторымъ изъ новыхъ изслѣдователей (напр. Велькеру) видѣть въ Самоераійскихъ мистеріяхъ идею брака и плодородія.

³⁾ Ср. объ этомъ замѣтку А. Н. Щукарева въ Зап. И. Р. Арх. Общ. т. 8 (1888 г.) стр. 466.

⁴⁾ Аполл. Род. I, 916 сл. Діод. IV, 43 и V, 49. Схол. Арист. «Миръ» ст. 278. По словамъ Цицерона (de nat. deor. III, 37) на Самоераѣ было множество обѣтныхъ таблицъ съ надписями, поставленныхъ въ благодарность за избавленіе отъ опасностей на морѣ. По словамъ Діогена Лаэртскаго (VI, 59) на Самоераѣ еще во времена извѣстнаго киника Діогена было множество достойныхъ удивленія владовъ.

⁵⁾ Напр. Страб. VII, fr. 51: "Ὅτι τοὺς ἐν τῇ Σαμοθράκῃ τιμωμένους θεοὺς εἰρήκασιν πολλοὶ τοὺς αὐτοὺς τοῖς Καβείροις, οὐδ' αὐτοὺς ἔχοντες λέγειν τοὺς Καβείρους οὐτινὲς εἶσι, καθάπερ τοὺς Κύρβαντας καὶ Κορύβαντας, ὡς δ' αὐτῶς Κουρήτας καὶ

ценныя сказанія и обряды Самоеравійскихъ мистерій были еще въ древности доступны разнообразнымъ объясненіямъ; весьма возможно, что съ теченіемъ времени первоначальный культъ Кабиравъ на Самоеракѣ былъ распространенъ разными обрядами и сказаніями, существовавшими въ другихъ культахъ Еллады, и эта смѣсь могла подать поводъ къ разнообразнымъ представленіямъ о Кабирахъ. Поэтому не удивительно, что и въ новой наукѣ существуютъ о нихъ чрезвычайно разнообразныя мнѣнія, изъ которыхъ каждое основано на тѣхъ или другихъ древнихъ свидѣтельствахъ, которыя возможно согласить между собою, но принуждено отвергать или игнорировать несогласимыя.

Внѣшняя обрядовая сторона Самоеравійскихъ мистерій извѣстна намъ также очень мало. Само собою разумѣется, что и здѣсь посвященію предшествовали тщательныя очищенія. Гесихій говоритъ, что былъ особый жрецъ Кабиравъ Κοίης, очищавшій убійцъ. Отъ посвящаемыхъ требовался, повидимому, еще родъ покаянія или исповѣданія грѣховъ. Плутархъ рассказываетъ ¹⁾, что когда Лисандръ явился на Самоеракѣ къ жрецу, то послѣдній потребовалъ отъ него признанія въ самомъ тяжкомъ грѣхѣ, который онъ совершилъ въ жизни. «Нужно ли это сдѣлать по твоему приказанію, возразилъ Лисандръ, или по волѣ боговъ?» И когда жрецъ сказалъ, что по волѣ боговъ, то Лисандръ попросилъ его отойти въ сторону, чтобы онъ могъ сдѣлать признаніе однимъ богамъ. Далѣе есть свидѣтельства, что посвящаться въ мистеріи могли не только взрослые люди обоюго пола, но и дѣти, и что посвященные подпоясывались пурпурными повязками, которыя считали предохранительнымъ средствомъ противъ опасностей на морѣ (Сх. Ап. Род. I, 917). Есть также указанія на то, что они носили желѣзныя кольца, вѣроятно въ видѣ амулетовъ. Различались, повидимому, три степени посвященія, соотвѣтственно которымъ посвященные носили названія *μύστα*, *μύστα εὐσεβεῖς* и *ἐπόπται* ²⁾. При посвя-

¹⁾ Ἰσχυροῦς Διαγόρου. Въ X-й книгѣ (р. 472) Страбонъ говоритъ, что Димитрій Скенсійскій, отрицая существованіе на Самоеракѣ мистическаго сказанія о Кабирахъ, въ то же время приводитъ свидѣтельство Стесимброта Тасійскаго (V в. до Р. Хр.), что на Самоеракѣ дѣйствительно совершалось служеніе Кабирамъ и что они получили свое названіе отъ горъ въ Берекинтіи.

²⁾ Ἀποφθ. Λακ. Λιν. 10. Въ другомъ мѣстѣ (Ἀντ. 1) подобный же анекдотъ рассказывается про Ангалида, который на вопросъ жреца отвѣтилъ, что боги сами знаютъ его грѣхи. Ср. Т. Лив. 45,5.

³⁾ С. I. Gr. 2157, 2158, 2160.

щенія имъ были сообщаемы имена Кабировъ, которыя оставались тайною для непосвященныхъ ¹⁾. Празднества на Самоеракѣ совершались лѣтомъ и, безъ сомнѣнія, соединялись съ представленіями и сказаніями (δρῶμενα καὶ λεγόμενα), относившимися къ мѣстамъ о Кабирахъ. Верховные жрецы самоеракійскіе назывались, кажется, саями; кромѣ ихъ были, конечно, глашатаи и другія должностныя лица культа. Особенной славой стали пользоваться мистеріи со времени діадоховъ. Вотъ все главное, что можно сказать о Самоеракійскихъ мистеріяхъ съ большею или меньшею степенью достовѣрности.

Кромѣ Самоераки мистическій культъ Кабировъ издревле существовалъ на Лемносѣ, Имбросѣ, въ Беотіи и Македоніи, а затѣмъ распространился и по другимъ областямъ еллинскаго міра.

Schelling, Ueber die Gottheiten von Samothrace, Stuttg. 1815. — *F. G. Welcker*, Die Aesch. Trilogie Prometheus u. die Kabirenweihe zu Lemnós, Darmst. 1824. — *I. Neuhäuser*, Cadmilus sive de Cabirorum cultu ac mysteriis, Leipz. 1857. — *A. Conze* и др., Archäol. Untersuchungen auf Samothrake, Wien 1875 и 1880. — *O. Crusius*, Beiträge zur griech. Mythologie u Religionsgeschichte Progr. Leipz. 1886. — *Н. И. Новосадскій*, Культъ Кабировъ въ древней Греціи, Варш. 1891.

§ 4. Критскія мистеріи Зевса и Куретовъ.

Островъ Критъ въ мѣстныхъ сказаніяхъ извѣстенъ какъ мѣсто рожденія Зевса; младенецъ былъ спрятанъ матерью Реєю, боявшеюся, чтобы Кроны не поглотилъ его подобно другимъ дѣтямъ, въ пещерѣ и вскормленъ козою Амалѣєю или, по другимъ сказаніямъ, свиньею (Агаеоклъ Вавилонскій у Аен. IX, 18), причемъ мѣстныя существа Коорѣте; для того, чтобы Кроны не услышалъ криковъ младенца, старались заглушать ихъ, ударяя копьями о щиты. По другимъ сказаніямъ Зевсъ и умеръ на Критѣ и погребенъ въ пещерѣ. Вообще Зевсова пещера (Διὸς ἄντρον) играетъ видную роль въ относящихся къ Криту сказаніяхъ и неоднократно упоминается писателями. Какъ кажется, на Критѣ показывалось нѣсколько пещеръ подъ именемъ Зевсовой. Сказанія о Зевсѣ и Куретахъ послужили сюжетомъ мистерій, совершавшихся на Критѣ и пользовавшихся значительною извѣстностью

¹⁾ Страб. X, p. 473; Діод. V, 49; Etym. M. p. 289.

Подробности ихъ очень мало извѣстны. Мы знаемъ только, что мистеріи были открыты для всѣхъ (Диод. V, 77), что отъ участниковъ требовалось цѣломудріе и воздержаніе отъ мясной пищи и прикосновенія къ групу ¹⁾, что при мистеріяхъ совершалось поминовеніе усопшихъ, при чемъ изъ Зевсовой пещеры выходилъ огонь, и что участники мистерій совершали воинственные пляски въ полномъ вооруженіи (παιρρίχη). Фактъ поминовенія усопшихъ заставляетъ предполагать, что Критскимъ мистеріямъ была присуща идея смерти и возрожденія человѣчества подобно смерти и воскресенію божества—Зевса. Затѣмъ Порфірій въ жизнеописаніи Пиеагора (гл. 17) передаетъ подробности относительно очищенія, требовавшагося отъ участниковъ мистерій: Пиеагоръ, явившись на Критъ, присталъ къ мистамъ, которые и очистили его громовымъ камнемъ (τῆ κεραυνῶ λίθῳ), при чемъ утромъ онъ долженъ былъ ложиться навзничъ (πρηγῆς) у моря, а ночью у рѣки, увѣнчанный шерстью черного барана; затѣмъ, явившись съ черною шерстью въ такъ называемую Идэйскую пещеру, онъ провелъ тамъ положенные трижды-девять дней, совершилъ жертвоприношеніе Зевсу и видѣлъ престолъ, который ежегодно приготавливаютъ для него.

Henrychowsky, De Iove Cretico, Inowrazlaw 1879.

§ 5. Ученіе орфиковъ.

Подъ именемъ орфиковъ (Ὀρφικοί) извѣстны послѣдователи особаго религіознаго ученія, основателемъ котораго считали миенческаго поэта Орфея, сына еракійскаго царя Іагра (Οἰάγρος) и музы Калліопы. Уже въ самой древности существовало мнѣніе, что Орфей—выдуманное лицо; такъ думалъ, напр., Аристотель по словамъ Цицерона (*de n. deor.* I, 38, 107). Гомеръ и Гесіодъ ничего не знали объ Орфеѣ, а извѣстное сужденіе Геродота (II, 53), что всѣ поэты, которыхъ считаютъ древнѣе Гомера и Гесіода, на самомъ дѣлѣ жили позднѣе ихъ, доказываетъ, что и онъ, хотя не

¹⁾ Это видно изъ отрывковъ несохранившейся трагедіи Еврипида «Κρήτες», въ которой хоръ состоялъ изъ посвященныхъ въ Критскія мистеріи подобно тому, какъ въ Аристофановыхъ «Лягушкахъ»—изъ посвященныхъ въ мистеріи Елевсинскія.

отвергалъ прямо существованія Орфея, всетаки признавалъ приписывавшіяся ему стихотворенія за произведенія позднѣйшихъ временъ. Во всякомъ случаѣ имена Орфея и другаго, обыкновенно сопоставляемаго съ нимъ, поэта Мусэя были уже вполне извѣстны во 2-й половинѣ VI в., при Писистратидахъ, когда начинаютъ подложно приписывать имъ разныя поэтическія произведенія. Извѣстенъ разсказъ Геродота (VII, 6), что поэтъ Ономакрить, жившій при дворѣ Писистратидовъ и вмѣстѣ съ Орфеемъ Кротонскимъ и Зопиромъ Гераклеяскимъ участвовавшій въ редакціи Гомеровскихъ поэмъ, былъ пойманъ Ласомъ Герміонскимъ въ томъ, что вставлялъ въ предсказанія Мусэя подложные стихи о потопленіи островковъ около Лемноса. За это Ономакрить былъ изгнанъ Гиппархомъ изъ Аѳинъ и впослѣдствіи явился ко двору Ксеркса, которому и сообщалъ предъ походомъ на Елладу имѣвшіяся у него предсказанія (*χρησμοί*), выбирая изъ нихъ все благопріятное для Ксеркса и скрывая неблагопріятное. Павсаній (VIII, 37, 3) прямо приписываетъ Ономакриту сказаніе о растерзаніи Діониса титанами, составлявшее главную часть орфической теологии, Климентъ Александрійскій (*Strom.* I р. 332)—все, что обыкновенно приписывается Орфею, а Свида — сборники подъ заглавіями *τελεταί* и *χρησμοί*. У Свида (п. сл. *Ὀρφεός*) собрано много выписокъ изъ разныхъ авторовъ съ названіями произведеній, приписывавшихся Орфею, и иногда съ указаніями ихъ дѣйствительныхъ авторовъ; изъ этихъ выписокъ выходитъ, что существовало много Орфеевъ, между которыми есть и историческія лица, какъ напр. вышеупомянутый Орфей Кротонскій. Кромѣ того Свида говоритъ (п. сл. *Φερεκίδης*), что около того же времени Ферекидъ собралъ много орфическихъ произведеній. Такимъ образомъ въ VI и V вв. составила обширная и разнообразная литература, заключавшая въ себѣ ученіе орфиковъ ¹⁾. У нихъ была своя особая теогонія (ученіе о происхожденіи боговъ), по которой вселенная произошла изъ міровыхъ, естественныхъ силъ природы: первоначально были *χάος*, *χρόνος* и *αἰθήρ*, изъ котораго образовалось міровое яйцо; изъ него явился *Φάνης* (или *Μῆτις*, *Ἐριχοπαῖος*, *Πρωτογόνος*), при чемъ изъ верхней скорлупы яйца образовалось небо, изъ нижней — земля.

¹⁾ Объ обширности ея свидѣлствуютъ упомянутыя выписки Свида, кромѣ того Еврипидъ (*Иппол.* 954: *πολλῶν γραμμάτων χαρτοί*), Платонъ (*Полит.* II р. 364 *ε: βιβλῶν διαδος*) и др.

Φάνης заключаетъ въ себѣ все живущее и вмѣстѣ съ тѣмъ является богомъ-творцомъ: онъ произвелъ Ночь и, соединившись съ нею, небесныя свѣтила. Далѣе отъ брака Урана съ Геею (Неба съ Землею) являются Ураниды и отъ брака Крона съ Реею— Крониды, согласно съ еогоніею Гесиода. Одинъ изъ Кронидовъ Зевсъ свергъ Крона, поглотилъ Фанета (κατάποσις Φάνητος) и сдѣлался всеобъемлющимъ богомъ: онъ и день, и ночь, и стихіи, и начало, и середина, и конецъ.

Однако рядомъ съ этимъ ученіемъ о происхожденіи природы изъ міровыхъ силъ и съ замѣчательною идеею объ единобожіи у орфиковъ являются чисто мифологическіе рассказы, главнымъ содержаніемъ которыхъ являются сказанія о Діонисѣ, его страданіяхъ, убіеніи титанами и возрожденіи. Такимъ образомъ ученіе орфиковъ существенно примыкаетъ къ культу Діониса. И дѣйствительно, нѣкоторые древніе авторы приписываютъ Орфею основаніе таинственнаго служенія Діониса ¹⁾, хотя другіе, напротивъ, представляютъ его врагомъ Діониса (Эсхиль въ несохранившейся трилогіи «Λοχορυσία»). Далѣе орфическое ученіе говорило о прирожденной грѣховности человѣческаго рода, происшедшаго отъ враждебныхъ богамъ титановъ, о переходѣ душъ черезъ смертныя тѣла, въ которыя онѣ заточены, какъ въ темницу, для того, чтобы искупить эту грѣховность и затѣмъ, очистившись, получить лучшія жилища на звѣздахъ, о наказаніи неочистившихся и необходимости очищенія посредствомъ религіознаго посвященія и прижизненія умилостивительныхъ средствъ, открытыхъ Орфеемъ (Плат. *Кратилъ* р. 400 с).

Послѣдователи этого ученія составляли общество, которое постепенно распространилось по всѣмъ областямъ еллинскаго міра, такъ что нельзя уже опредѣлить, гдѣ оно первоначально составилось. Къ нему присоединились и разрозненные остатки Пиеагорскаго общества послѣ его изгнанія изъ южной Италіи, такъ какъ въ ученіи Пиеагорейцевъ и орфиковъ было много общаго. Нужно отмѣтить только, что политическія тенденціи Пиеагорейцевъ

¹⁾ Аполлод. *Библ.* I, 3, 2. Діод. I, 96 и др. По словамъ Діодора Орфей заимствовалъ содержаніе мифовъ о Діонисѣ и ученіе о загробной жизни изъ мифа объ Осиридѣ и вообще изъ египетскихъ понятій и обрядовъ. Дѣйствительно идея мифовъ объ Осиридѣ имѣетъ много общаго съ ученіемъ орфиковъ, но невозможно рѣшить, что было у орфиковъ своего и что заимствовано.

были чужды орфикамъ, общества которыхъ были чисто религіознаго характера. Принятіе въ эти общества достигалось путемъ посвященія, для котораго необходимо было предварительное исполненіе предписанныхъ очищеній; ихъ собранія, въ которыхъ орфическое ученіе находило себѣ выраженіе частію въ молитвахъ, частію въ изложеніи священныхъ сказаній (*ισοὶ λόγοι*), частію въ обрядахъ (*τελεταί, ἄρτυα*), назывались мистеріями не только потому, что въ нихъ могли участвовать только посвященные, но и потому, что ихъ обряды и сказанія имѣли скрытый, мистическій смыслъ. Посвященные обязаны были соблюдать извѣстные ритуальные и аскетическіе уставы, стоявшіе въ связи съ ихъ ученіемъ: такъ, отъ нихъ требовалось воздержаніе отъ мясной пищи и отъ убіенія чловѣка и животныхъ (по крайней мѣрѣ млекопитающихъ и птицъ), постоянныя очищенія, ношеніе льняной, а не шерстяной одежды и пр. *Ὀρφικὸς βίος* упоминается у Платона (*Зап. VI, р. 782 с*), какъ особый родъ жизни. Посвященіе въ мистеріи, по ученію орфиковъ, было необходимо для будущей жизни, такъ какъ только посвященные будутъ наслаждаться блаженствомъ, а не посвященные будутъ лежать въ грязи (*ἐν βορβόρῳ κείσθαι*).

Орфическое ученіе, безъ сомнѣнія, обязано своимъ возникновеніемъ и широкимъ распространеніемъ религіозной потребности мыслящихъ людей, которые не удовлетворялись обычными формами вѣрованій и культовъ, и поэтому вначалѣ пользовались значительнымъ уваженіемъ. Но уже скоро оно, повидимому, выродилось и приняло такую форму, въ которой служило скорѣе грубому суевѣрію, чѣмъ истинно религіозной потребности, и употреблялось обманщиками и шарлатанами для того, чтобы эксплуатировать въ свою пользу легковѣріе и неразвитость массы. Такъ объясняется отзывъ Платона (*Полит. II р. 364*), что послѣдователи орфическаго ученія, являясь къ богачамъ, хвастаются дарованной имъ богами силой посредствомъ жертвъ и заклинаній отвращать наказаніе за всякіе грѣхи не только безъ страданій и трудовъ, но даже съ удовольствіями и празднествами; и если кто хочетъ насолить врагу, то и это они вызываются сдѣлать съ небольшими лишь издержками, не различая праведника отъ неправеднаго, такъ какъ у нихъ есть заклинанія, которыми они склоняютъ боговъ исполнять ихъ желанія. При этомъ они выставляютъ кучу книгъ Мусея и Орфея, по которымъ совершаютъ жертвоприношенія, убѣждая не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыя города,

что есть какъ для живыхъ, такъ и для умершихъ очищенія и избавленія отъ грѣховъ посредствомъ жертвоприношеній и удовольствій. Такихъ людей называли обыкновенно Орфеотелестами (*Orpheotelesται*).

Въ государственномъ культѣ Діониса въ Аѣнахъ и другихъ государствахъ также были таинственные обряды (вакхическія мистеріи), изъ которыхъ одни не имѣли ничего общаго съ ученіемъ орфиковъ, другіе явились подъ его вліяніемъ. Такъ въ праздникъ Анеестерій въ Аѣнахъ совершался обрядъ бракосочетанія Діониса съ супругою архонта царя (см. стр. 145), въ которомъ навѣрно не было ничего орфическаго. Но въ великія Діонисіи, по крайней мѣрѣ въ позднія времена, мужчины въ одеждѣ Пановъ и Сатировъ и женщины въ одеждѣ Нимфъ и Горъ совершали торжественныя процессіи и пѣли орфическія пѣсни, хотя при этомъ никакихъ особыхъ посвященій не было. Затѣмъ въ Аѣнахъ и Дельфахъ были Діонисовскія триетериды, въ которыхъ участвовали лица одного пола (женщины безъ мужчинъ или мужчины безъ женщинъ). Дельфійскія празднества Діониса изложены выше (стр. 165). Елейскій праздникъ *Θοία* также имѣлъ мистическій отгѣнокъ (стр. 155). Вакхическія празднества совершались, кромѣ того, особыми религіозными обществами, которыя продолжали существовать и тогда, когда орфическое ученіе уже было забыто. Извѣстенъ разсказъ Т. Ливія (39, 8 сл.) объ уничтоженіи вакхическихъ обществъ въ Италіи въ 186 г. до Р. Хр., когда вслѣдствіе одного доноса открылось, что эти общества распространены по всей Италіи и что ихъ празднества отличаются крайнею безнравственностью.

Holwerda, De theogonia Orphica въ журн. *Mnemosyne* т. 22 (1894). — *E. Maass*, Orpheus. Untersuchungen zur griech., röm., altchr. Jenseitsdichtung und Religion. Münch. 1895.

ГЛАВА 21-я.

Религіозныя общества.

Бъ числу оригинальныхъ явленій религіозной жизни еллиновъ, преимущественно въ позднѣйшія времена, принадлежить широкое распространеніе обществъ, составлявшихся съ цѣлью почитанія божествъ. Вообще нужно принять, что всѣ общества, устраивавшіяся частными людьми для тѣхъ или другихъ цѣлей, ставили себя подъ покровительство какого-либо бога или героя и въ опредѣленные времена совершали празднества въ честь своихъ патроновъ. Были общества для торговыхъ цѣлей, для совмѣстнаго занятія какимъ-либо ремесломъ или искусствомъ, для взаимной поддержки въ случаѣ нужды, наконецъ просто для общихъ забавъ и увеселеній. Между обществами ремесленниковъ или артистовъ прежде всего слѣдуетъ упомянуть объ обществахъ театральныхъ артистовъ или *Діонисовскихъ художниковъ* (οἱ περὶ τὸν Διόνυσον τεχνῖται), которыя со временъ Александра Великаго все болѣе и болѣе распространялись по греческимъ городамъ. Ихъ патрономъ былъ, само собою разумѣется, Діонисъ, для служенія которому общества выбирали изъ своей среды жрецовъ; но кромѣ Діониса почитались Аполлонъ, Музы и др. божества.

Встрѣчаются, затѣмъ, общества купцовъ и судохозяевъ (ἔμποροι καὶ ναυκλήροι): напр., на о. Делосѣ одно такое общество почитало Зевса Ксенія (С. I. Gr. № 124), другое—Геракла Тирійскаго (С. I. Gr. 2271); были общества охотниковъ, рыбаковъ и т. д. Многія такія общества упоминаются въ надписяхъ изъ разныхъ странъ еллинскаго міра.

Было также много обществъ чисто религіознаго характера; они носили названія: θιάσοι, ἔρανοι, иногда σύνδοι, а члены ихъ—θιασῶται (или θιασῖται), ἔρανισταὶ и ὀρυεῖνες. Слово θιάσος вообще обозначаетъ общество или группу, но преимущественно религіознаго характера и при томъ для служенія такимъ божествамъ, культъ которыхъ сопровождался оргіастическими церемоніями (напр. Діониса). Слово ἔρανος первоначально (у Гомера) обозначаетъ: а) пиръ въ складчину, б) залогъ въ томъ, что членъ компаніи внесетъ свою долю, в) самыя доли складчины. Впослѣдствіи же это слово обозначало

вообще общества, составлявшіяся для различныхъ цѣлей какъ гражданскихъ, такъ и религиозныхъ. Въ Афинахъ такія общества признаны еще Солономъ, въ законахъ котораго встрѣчаются мѣры, обеспечивающія взносы еранистовъ; судебныя дѣла о неплатѣ взносовъ въ общество и т. п. (*δίκαι ἀρανικαί*) въ афинскомъ гражданскомъ уложеніи поставлены въ числѣ такихъ, которыя должны рѣшаться въ теченіе одного мѣсяца (*δίκαι ἔμμηνοι*). Въ значеніи «религіознаго общества» это слово въ болѣе позднія времена употреблялось почти безразлично съ словомъ *θίασος* и обозначало ассоціаціи, члены которыхъ собирались для того, чтобы сообща приносить жертвы и совершать праздники. Позднѣйшіе авторы (напр. Аенэй VIII, 64) употребляютъ уже эти термины, какъ равнозначущіе. Въ опредѣленіи значенія слова *ὄργεωνες* у лексикографовъ встрѣчаются нѣкоторыя различія ¹⁾, но вездѣ есть общая черта, указывающая на то, что этимъ именемъ назывались люди, собиравшіеся для общаго почитанія боговъ. Въ обычномъ же употребленіи это слово почти не представляетъ отличія отъ двухъ вышеуказанныхъ терминовъ, или по крайней мѣрѣ невозможно точно опредѣлить ихъ различіе.

Для обозначенія каждаго отдѣльнаго общества къ вышеуказаннымъ общимъ терминамъ прибавлялось названіе божества, для почитанія котораго составилось данное общество (напр. *ὄργεωνες Μητρὸς θεῶν*), или же общества обозначались спеціальными названіями, производившимися отъ имени божества (напр. *Σαραπισταί*, *Ἄλιασταί*, *Ἀφροδισιασταί*, *Ἀσκληπιασταί* и т. п.), или отъ именъ царей, которые считались патронами нѣкоторыхъ обществъ и получали отъ нихъ божескій или геройскій культъ (напр. *Ἀτταλισταί*, *Ἐκκаторισταί*), или отъ имени совершавшихся обществами праздниковъ (*Παναθηναισταί*, *Θεοξενιασταί*), или по дню, въ который совершался

¹⁾ Полидевкъ въ одномъ мѣстѣ (III, 52) сопоставляетъ оргеоновъ съ фраторами и родичами (*δμογάλακτες*), а въ другомъ (VIII, 107) говоритъ, что этимъ именемъ назывались лица, совершавшія въ опредѣленные дни нѣкія жертвоприношенія по домамъ. Гарпократіонъ видитъ въ оргеонахъ общества для почитанія боговъ или героев (*οἱ ἐπὶ τιμῇ θεῶν ἢ ἡρώων συνόντες*). Съ нимъ сходно опредѣленіе Селевка, приводимое Свидою, который, впрочемъ, потомъ прибавляетъ, что оргеоны совершали священнодѣйствія особо установленнымъ богамъ (*ὄργεωνες οἱ τοῖς ἰδίᾳ ἀφιδρομένοις θεοῖς ὀργιάζοντες*). Фотій (exc. 82) говоритъ, что оргеоны представляли собою общества людей, на подобіе родичей или фраторовъ, получившія названіе ἀπὸ τοῦ κοινῆ ὀργιάζειν οἶον θθεῖν καὶ εὐχεσθαι.

главный праздник общества (Νοοθησιαταί, Τετραδισταί, Εἰχαδεις), наконецъ по именамъ основателей обществъ или жрецовъ (напр. въ Пантикапейскихъ и Танаидскихъ надписяхъ: ἡ σύνδος ἡ περὶ ἱερέα τὸν θεῖνα).

Извѣстный французскій ученый Фукаръ, специально занимавшійся изученіемъ греческихъ религиозныхъ обществъ, считаетъ главною ихъ особенностью то, что они составлялись для почитанія *чужеземныхъ* (малоазіатскихъ, аракійскихъ, сирійскихъ или египетскихъ) божествъ, культы которыхъ были соединены съ такими обрядами, которые препятствовали признанію ихъ культу общегосударственными. Нѣкоторыя общества, можетъ быть, имѣли публичный характеръ и составлялись для завѣдыванія государственными праздниками ¹⁾, подобно римскимъ sodales и fratres (напр. sodales Titii, fr. Arvales), но въ большинствѣ общества навѣрное были частныя. Уже въ V в. до Р. Хр. аттические комики вооружались противъ обществъ, почитавшихъ чужеземныхъ боговъ. Евполидъ въ комедіи «Βάρται» осмѣивалъ Алкибіада и его товарищей за служеніе чужимъ богамъ (аракійской богинѣ Котито); комикъ Платонъ нападалъ на культъ Адониса; надъ нимъ же и надъ культомъ Сабазія насмѣхался Аристофанъ: по словамъ Цицерона (*de legg.* II, 15, 37), въ одной изъ потерянныхъ комедій великаго комика Сабазій и нѣкоторые другіе чужеземные боги подвергались суду и изгонялись изъ государства. Въ IV в. Демосеенъ въ рѣчи «οὐβνίς» жестоко нападаетъ на своего противника Эскина за то, что онъ въ молодости исполнялъ служебныя роли въ обществѣ Сабазіастовъ, предводительницею котораго была мать его Главкооея; члены этого оіаса въ своихъ процессіяхъ украшали себя вѣнками изъ укропа и тополя, сотрясали надъ головами толстощекихъ змѣй и кричали εδοῖ σαβοῖ; процессіи соединялись съ танцами, въ которыхъ участвовалъ Эскинъ. Несмотря, однако, на насмѣшки комиковъ и неблагоклонное отношеніе здравомыслящихъ, серьезныхъ людей къ чужеземнымъ богамъ, ихъ культы, нерѣдко соединявшіеся съ таинственными оргіастическими обрядами и допускавшіе значительную разнузданность (примѣръ которой можно указать въ римскихъ Bacchanalia, подвергшихся преслѣдованію во II в. до Р. Хр.), привлекали къ себѣ множество адептовъ и религиозныя общества все болѣе и болѣе распростра-

¹⁾ Напр. въ Малой Азіи, см. Foucart, Des assoc. relig. p. 113 сл.

нялись по греческимъ городамъ. Въ Атигѣ особенно много ихъ было въ Пирѣѣ, наиболѣе посѣщавшемся иностранцами: здѣсь извѣстны, напр., общества почитателей Бендиды, Матери боговъ, Афродиты Сирійской, Зевса Лабравндскаго, Саралида и Исиды, Аммона и др. Въ Атики особенно много обществъ извѣстно на оо. Родосѣ и Делосѣ, а въ позднія римскія времена—въ Танаидѣ.

Доступъ въ такія общества былъ безпрепятственно открытъ лицамъ обоого пола и не только гражданамъ того государства, въ которомъ составлялись общества, но и метойцамъ, иностранцамъ и рабамъ. Последняя особенность объясняется именно тѣмъ, что общества составлялись для почитанія чужеземныхъ боговъ, и составляетъ характеристическую черту *частныхъ* культовъ, такъ какъ въ государственныхъ могли участвовать только граждане (хотя къ праздничнымъ увеселеніямъ иногда допускались и рабы). Рабы иногда даже сами вводятъ чужеземные культы и основываютъ общества для служенія имъ: напр., въ Атигѣ во II в. по Р. Хр. ливійскій рабъ Ксанонъ основалъ культъ Μηρός Τηράνιοο (С. I. Att. III, 73, 74). Условія допущенія въ общества были, конечно, различны, смотря по особенностямъ культа и воли основателя общества; но главными условіями, повидимому, были: взносъ болѣе или менѣе значительной суммы денегъ (да и то неизвѣстно, вездѣ ли) и испытаніе въ чистотѣ, благочестіи и добротѣ¹⁾. Лица, не принадлежавшія къ обществу, иногда (напр. въ обществѣ Матери боговъ въ Пирѣѣ, С. I. Att. II, 610) допускались къ жертвоприношеніямъ въ честь почитаемаго обществомъ божества подъ условіемъ уплаты извѣстной суммы денегъ за каждое жертвоприношеніе и отдѣленія частей жертвеннаго мяса въ пользу жрецовъ общества. Каждое общество представляло благоустроенную и признанную закономъ ассоціацію, уставъ которой выработывался или основателемъ, или общимъ собраніемъ членовъ. Во главѣ обществъ стояли предсѣдатели, носившіе разныя названія: ἀρχιδιασῖται, ἀρχεραμισταί, πατέρες συνόδων и т. п.; для служенія богествамъ общества избирали изъ своей среды жрецовъ или жриць, для завѣдыванія финансами — особыхъ казначеевъ, для писмоводства — секретарей и т. д., такъ что въ большихъ обществахъ служебный персоналъ былъ иногда довольно значителенъ;

¹⁾ С. I. Att. III, 28: Μηδελ. εἰσέστω ἐπι[τέ]ναι εἰς τὴν σεμνοτάτην σύνοδον τῶν ἐραμιστῶν, πρὶν ἂν δοκιμασθῆ, εἰ ἔστι ἀ[γν]ός καὶ εὐσεβής καὶ ἀ[φθ]ός.

упоминаются, напр., въ числѣ должностныхъ лицъ *ἱεροποιοί, συναγωγοί, φιλάγαθοι, γυμνασιάρχαι* и т. д. Главное завѣдываніе дѣлами общества принадлежало общимъ собраніямъ членовъ (*ἀγοραί*), которыя бывали регулярныя (*κόρια*) и чрезвычайныя и въ которыхъ всѣ члены общества пользовались равнымъ правомъ голоса. Собранія составляли уставъ общества, дѣлали въ немъ по мѣрѣ надобности тѣ или другія видоизмѣненія, издавали обязательныя для всѣхъ членовъ постановленія, опредѣляли похвалы и награды заслуженнымъ членамъ общества или его благодѣтелямъ и наказанія провинившимся и т. д. Нѣкоторыя общества принимали на себя даже погребеніе умершихъ членовъ. Постановленія собраній и другіе акты обществъ нерѣдко вырѣзывались на камнѣ и въ значительномъ количествѣ сохранились до нашихъ временъ. Эти-то документы и служатъ главнымъ источникомъ для ознакомленія съ жизнью религиозныхъ обществъ Эллады.

Holst, De eranis veterum Graecorum imprimis ex iure Att., Leyd. 1832.—*P. Foucart*, Des associations religieuses chez les Grecs. Thiasés, éranes, orgéons. Paris 1873.—*Его же*, De collegiis scaenicorum artificum apud Graecos, Par. 1873.—*O. Lüders*, Die dionysischen Künstler, Berl. 1873.—*L. Friedländer*, De artificibus Dionysiacis, Königsb. 1874.—*H. Sauppe*, De collegio artificum scaenicorum atticorum, Gött. 1876.—*И. В. Помяловскій*, О таваитскихъ коллегахъ въ *Трудахъ VI Археол. съезда въ Одессѣ*, т. 2, Од. 1888.—*F. Poland*, De collegiis artificum Dionysiacorum, Progr. Dresd. 1895.—*E. Ziebarth*, Das griech. Vereinswesen, Leipz. 1896.

ГЛАВА 22-я.

Домашній культъ.

§ 1. Домашніе боги.

Въ каждомъ греческомъ домѣ кромѣ общихъ боговъ фратріи и рода, къ которымъ принадлежало живущее въ домѣ семейство, пользовались особымъ почтеніемъ боги, считавшіеся покровителями дома и живущихъ въ немъ. Священнѣйшимъ мѣстомъ дома считался очагъ (*ἑστία*), какъ алтарь богини Гестіи, которой поклонялись какъ особо, такъ и при почитаніи другихъ боговъ, призывая ея имя въ началѣ и въ концѣ. Кромѣ Гестіи почитался, какъ по-

кровитель очага, Ζεὸς ἐφῆστιος. Нѣкоторые ставили еще на очагѣ или при немъ статую Гефѣста, какъ бога огня. Были также особые θεοὶ οἴκιοι, боги внутренности дома, соотвѣтствовавшіе римскимъ пенатамъ. Ζεὸς κτήσιος почитался какъ податель и умножитель богатства въ домѣ, Ζεὸς ἐρχεῖος—какъ охранитель ограды дома, т. е. его неприкосновенности. Боги и герои, считавшіеся покровителями извѣстныхъ ремеслъ и занятій, конечно, специально почитаемы были лицами, занимавшимися тѣмъ или другимъ ремесломъ, какъ, напр., Аѳина-Ергана и Гефѣстъ—ремесленниками и художниками, Промееей или Керамъ—гончарами, Гермесъ—риторами и учителями гимнастики, Асклепій—врачами и т. п. Кромѣ того отдѣльныя семейства или лица по тѣмъ или другимъ причинамъ вводили у себя культъ какихъ-либо особыхъ боговъ. Напр. было совершенно естественно, что отдѣльные роды или семьи, переселившіеся съ родины въ такую мѣстность, гдѣ не было культа божества, особенно почитавшагося у нихъ на родинѣ, вводили его у себя дома; такъ родъ Исагора аѳинскаго, извѣстнаго противника Клизеена, покланялся Зевсу Карійскому (Герод. V, 66).

Въ болѣе богатыхъ домахъ устраивались особыя молебни или божицы, въ которыхъ ставились статуи домашнихъ боговъ, тогда какъ въ небольшихъ и тѣсныхъ жилищахъ небогатыхъ людей, вѣроятно, устраивались только ниши или шкафы, въ которыхъ ставились небольшія, по большей части глиняныя статуетки, или же изображенія боговъ просто рисовались на стѣнѣ, какъ это встрѣчается въ Помпейскихъ домахъ. Изображенія Зевса Ктесія ставились въ кладовыхъ, а Зевсу Оградному (ἐρχεῖος) ставился алтарь во дворѣ. За входною дверью устраивалась ниша съ статуею Гермеса Поворотнаго (στροφαιός), считавшагося покровителемъ дверей. Здѣсь же устраивались жертвенники или ниши съ статуями Гекаты (Ἑκαταῖα), которую почитали какъ богиню дорогъ и которой покланялись при входѣ и выходѣ; женщины, выходя изъ дому, гадали по изображеніямъ Гекаты о благополучномъ совершеніи предпринимаемаго пути. Предъ входною дверью на улицѣ обыкновенно ставилась небольшая кеглеобразная колонна, какъ символъ бога-покровителя улицъ, которымъ въ большинствѣ случаевъ считался Ἀπόλλων Ἀγυαῖος. На углахъ улицъ, на площадяхъ и пр. стояли четырехугольные столбы съ головою Гермеса (Ἑρμαῖ), принадлежавшіе уже не отдѣльнымъ домамъ, а считавшіеся общими святинами для цѣлаго околотка.

Набожные люди поклонялись своимъ домашнимъ богамъ утромъ и вечеромъ, при началѣ и окончаніи всякаго дѣла. Особенно важные случаи домашней жизни, какъ бракъ, рожденіе ребенка, смерть кого-либо изъ членовъ семьи, подавали поводъ къ совершенію особыхъ, соотвѣтствующихъ случаю, религіозныхъ обрядовъ, къ описанію которыхъ мы теперь и переходимъ.

Petersen, Der Hausgottesdienst der alten Griechen, Kassel 1851.—*Bader*, De diis πατρίοις, Progr. Schleus. 1873.—*Ε. Καστόρχης*, Περί τῆς ἐν τῷ οἴκῳ λατρείας τῶν θεῶν παρ' Ἑλλήσι въ журн. Ἀθήναιον т. 9 (1881).

§ 2. Брачные обряды.

Брачные обряды не вездѣ въ Елладѣ совершались одинаковымъ образомъ, но у насъ болѣе полныя указанія имѣются только для Аѣинъ, изъ другихъ же мѣстностей извѣстны только единичные факты.

Бракъ у всѣхъ еллиновъ считался божественнымъ установленіемъ (τέλος) и стоялъ подъ особымъ покровительствомъ боговъ, почему и соединялся съ молитвами и жертвоприношеніями. Свадьбы обыкновенно происходили зимою, преимущественно въ дни полнолунія. Наканунѣ свадьбы (προάγια) совершались въ домѣ жениха и невесты предварительные религіозные обряды, носившіе общее названіе τὰ προτέλεια или προγάμια и состоявшіе въ молитвахъ и жертвоприношеніяхъ тѣмъ богамъ, благословеніе которыхъ считалось особенно важнымъ для счастья брачной жизни и которые поэтому носили названіе «брачныхъ боговъ», θεοὶ γαμήλιοι или τέλειοι. Къ ихъ числу принадлежали: Гера, Зевсъ, Афродита, Артемида, Пнео (Παιθώ), затѣмъ Эротъ, Нимфы, Миры (Παρки) и др. Въ Аѣинахъ невеста въ сопровожденіи родителей ходила на акрополь въ храмъ Аѣины Полиады, гдѣ приносила жертву и испрашивала благословеніе богини. Свой дѣвичій поясъ, куклы и игрушки, а также волосы невеста посвящала какой-либо богинѣ.

При жертвоприношеніи Герѣ Гамелии желчь животнаго не сожигали на алтарѣ, а выбрасывали или зарывали въ землю въ знакъ того, что гнѣвъ и горечь должны быть далеки отъ брачной четы. При жертвоприношеніяхъ совершались, конечно, гаданія, которыми опредѣлялся и день свадьбы.

Утромъ въ этотъ день женихъ (νομφίος) и невеста (νόμφη) совершали омовеніе, для котораго воду брали вездѣ изъ одного

опредѣленнаго для этой цѣли источника (или рѣки), напр. въ Афинахъ изъ Калиррой или Деветиключеваго. Доставка воды для этого омовенія было почетнымъ порученіемъ, которое исполняли мальчикъ (λοοτροφός) изъ ближайшихъ родственниковъ жениха и невесты. Жилища жениха и невесты, конечно, по мѣрѣ возможности прибирались и украшались, а двери ихъ убирались цвѣтами. Сваха (νομφαῖτρα) изъ пожилыхъ родственницъ одѣвала невесту и украшала ее вѣнкомъ (γαμήλια στέφη). Совершалось торжественное жертвоприношеніе, а затѣмъ отецъ невесты устраивалъ свадебный обѣдъ (θείνη γαμική, γαμοδαΐσια, γάμον ἐστίαν), въ которомъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, принимали участіе и женщины, въ другихъ случаяхъ всегда обѣдавшія отдѣльно отъ мужчинъ; однако и здѣсь онѣ сидѣли за особымъ столомъ вокругъ невесты, закрытой фатою (καλύπτρα). Обѣдъ состоялъ преимущественно изъ сладкихъ блюдъ; непременной принадлежностью его были свадебные пирожки изъ индійскаго растенія сесама (σπαραγίδες). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существовали особые законы, ограничивавшіе пышность свадебныхъ пировъ. Вечеромъ невеста торжественно пріѣзжала въ домъ жениха на свадебной колесницѣ, запряженной мулами или быками, сидя на скамейкѣ (κλίς) между женихомъ и шаферомъ (παρὰνομος или παροχος), избравшимся изъ ближайшихъ родственниковъ или друзей жениха (Phot. Lex. п. сл. ζεῦχος). Если послѣдній былъ вдовецъ, то обычай не позволялъ ему самому привозить невесту, и ее провожалъ только шаферъ, называвшійся въ такомъ случаѣ νομφαγωγός (Гесих. п. сл.). Свадебную колесницу сопровождала болѣе или менѣе многочисленная толпа родственниковъ и знакомыхъ съ музыкой и пѣснями, получившими свое названіе ὑμέναιος отъ одного мифическаго юноши, причислявшагося къ богамъ или дэмонамъ брака; пѣсни были отчасти религіозныя, но преимущественно веселаго и шутиваго содержанія. Мать невесты шла за колесницей съ факеломъ, а мать жениха встрѣчала процессію, также съ факеломъ, у дверей своего дома. При вступленіи въ домъ жениха молодыхъ осыпали плодами и сладостями (καταχόματα) въ знакъ желанія имъ пріятной жизни, давали невестѣ квитовое яблоко (μήλον Κόδωνιον), имѣвшее символическое значеніе, и приносили молодымъ поздравленія. Затѣмъ сваха отводила невесту въ приготовленную ею брачную комнату (θάλαμος), при чемъ снова раздавались пѣсни (ἐπιθαλάμια) такого же характера, какъ и пѣвшіяся

во время свадебнаго поѣзда. Одинъ изъ друзей жениха запиралъ дверь комнаты и становился у нея какъ бы на стражѣ (θυρωρός). На слѣдующій день (ἐπαύλια) родственники и друзья дѣлали молодымъ подарки; между прочимъ тесть посылалъ зятю домашнюю утварь и условленное приданое въ видѣ процессіи подѣ управленіемъ мальчика, одѣтаго въ бѣлое платье, и дѣвочки канефоры. Новобрачные также обмѣнивались подарками (ἀνακαλοπτήρια) по случаю снятія молодою ея свадебнаго покрывала, которое, быть можетъ, приносилось въ даръ Герфѣ. Въ домѣ жениха въ одинъ изъ ближайшихъ дней послѣ свадьбы иногда устраивался пиръ для его друзей.

Таковы вообще были обычаи въ Афинахъ; но при этомъ разумѣется само собою, что они не соблюдались неизмѣнно во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ. Напр., у небогатыхъ людей невѣста не ѣхала на колесницѣ въ домъ жениха, а шла пѣшкомъ; были также скромныя свадьбы безъ шумныхъ процессій, пировъ и пѣсень. Религіозные обряды предѣ свадьбой также совершались то съ большею, то съ меньшею полнотою, смотря по степени религіозности сочитающихся, а иногда и вовсе не были совершаемы людьми свободомыслящими, отъ чего бракъ не терялъ своей законности. Для нея необходимо было только предварительное обрученіе (ἐγγύσις), т. е. формальное согласіе отца или опекуна невѣсты, а послѣ свадьбы—внесеніе молодой жены въ списки фратріи мужа (εἰσαγεῖν τὴν γυναῖκα εἰς τοὺς φράτερας), совершавшееся обыкновенно въ ближайшій праздникъ Апатурій и сопровождавшееся жертвоприношеніемъ (γυνήλια) и угощеніемъ членовъ фратріи. Жрецы ни при обрученіи, ни въ день свадьбы не исполняли никакихъ обрядовъ въ родѣ соединенія рукъ жениха и невѣсты, произнесенія брачной формулы, благословенія или приличной случаю рѣчи. Только у Плутарха (*Præc. conj.* 1) упоминается существовавшій въ его время въ какой-то мѣстности Беотіи (вѣроятно въ его родномъ городѣ Хэронеѣ) обычай, чтобы брачующіеся были соединяемы жрицею Деметры.

W. A. Becker, Charikles, Bilder altgriech. Sitte zur genauer Kenntniss des griech. Privatlebens, neu bearb. von H. Göll, Berl. 1877, 3 тома.—Hermann-Blümner, Griech. Privatalterthümer (Freiburg 1882), § 31.—Γεωργόπουλος, Περὶ τοῦ γάμου τῶν ἀρχαίων Ἑλλήνων. Erlang. 1881.

§ 8. Обряды, относящіеся въ дѣтамъ.

Рожденіе дѣтей и различныя случаи ихъ жизни также подавали поводъ къ религиознымъ обрядамъ и семейнымъ праздникамъ. Готовившіяся быть матерями заблаговременно приносили жертвы Иліеи или Артемидѣ, почитавшимся въ качествѣ помощницъ при родахъ, а также Нимфамъ. При рожденіи мальчика на дверяхъ дома вѣвѣшивали оливковый вѣнокъ, а при рожденіи дѣвочки—повязку изъ овечьей шерсти; это дѣлалось отчасти въ видѣ благопредзнаменованія, такъ какъ вѣнокъ символически обозначалъ собою будущую гражданскую доблесть новорожденнаго, а шерсть—будущее трудолюбіе новорожденной, отчасти же для предупрежденія, что въ домѣ есть родильница, такъ какъ входитъ въ такой домъ считалось оскверненіемъ, а можетъ быть также и для очищенія дома. На пятый или седьмой день послѣ рожденія совершалась церемонія очищенія ребенка и лицъ, помогавшихъ при родахъ: бабушка или какая либо другая женщина въ сопровожденіи лицъ, участвовавшихъ въ уходѣ за родильницей, быстро обносила ребенка вокругъ очага, чтобы очиститься его огнемъ, и поручала ребенка покровительству домашнихъ боговъ. Веселая домашняя пирушка заключала собою этотъ день; церемонія обнесенія ребенка и отъ нея самый день носили названіе ἀμφιδρόμια. Въ седьмой или, чаще, въ десятый день отъ рожденія (иногда и при ἀμφιδρόμια) происходило нареченіе имени ребенку и жертвоприношеніе богамъ, которые преимущественно передъ другими почитались какъ покровители юности, именно Аполлону, Артемидѣ, Нимфамъ и рѣчнымъ божествамъ. При этомъ снова дѣлалась пирушка для родственниковъ и друзей дома, которые съ своей стороны давали новорожденному разные подарки, особенно амулеты; даже рабы по обычаю участвовали въ поднесеніи подарковъ. Имя нарекалъ обыкновенно отецъ, но иногда и мать, или оба вмѣстѣ по взаимному соглашенію (ср. Арист. Обл. 62); новорожденнаго называли по родственникамъ (старшаго сына часто по дѣду), предкамъ или друзьямъ, или вообще такимъ именемъ, какое казалось благозвучнѣе и счастливѣе. Наконецъ въ 40-й день отъ рожденія происходило окончательное очищеніе родильницы, при которомъ, вѣроятно, снова совершалось жертвоприношеніе; этотъ день праздновался подъ именемъ τεσσαρακοστῆον (Cens. de

л. nat. с. 11). Ежегодно повторявшееся празднованіе дня рожденія (γενέθλια) въ древнѣйшія времена, повидимому, не было въ обычаѣ у грековъ, но со временъ Александра Великаго и въ особенности въ римскую эпоху оно встрѣчается очень часто. Тогда праздновались не только дни рожденія родственниковъ и друзей, но и царственныхъ особъ—ихъ подданными, учителей—учениками и послѣдователями, патроновъ—кліентами и т. д.

Въ первый же годъ жизни или чрезъ три года дѣти въ Аѣинахъ записывались во фратрію отца въ 3-й день праздника Апатурій¹⁾. Благочестивые родители въ Аѣинахъ заботились также о томъ, чтобы пораньше посвящать дѣтей въ Елевсинскія мистеріи (ἀφ' ἐστίας ποιεῖν). Дѣвочки отъ 5 до 10-лѣтняго возраста посвящались еще Артемидѣ Бравронской (ἀρχτεία), а нѣкоторые служили аррефорами (см. выше стр. 148 и 152). Вступленіе мальчиковъ въ возрастъ ефебовъ праздновалось торжественнымъ возліаніемъ Гераклу и угощеніемъ друзей. При этомъ мальчики остригали свои волосы, которые до тѣхъ поръ носили длинными, и посвящали ихъ Аполлону. Богатые и тщеславные люди изъ Аѣинъ нарочно возили сыновей въ Дельфы для посвященія ихъ волосъ. Подобные же обычаи можно предполагать и въ другихъ государствахъ.

Литературу предмета см. у *Hermann-Blümner*, *Privatalterth.* § 32.

§ 4. Погребальныя обряды и культъ мертвыхъ.

Погребеніе умершаго считалось священнѣйшею обязанностью, неисполненіемъ которой люди совершали прегрѣшеніе не только предъ умершимъ, но и предъ богами, какъ вышняго, такъ и подземнаго міра. Непогребенный трупъ осквернялъ мѣсто, на которомъ онъ лежалъ; душа умершаго въ такомъ случаѣ не могла проникнуть въ царство мертвыхъ, и боги подземнаго міра гнѣвались, не получая того, что имъ принадлежало; душа умершаго, не находя себѣ покоя, носилась по землѣ и мучила живыхъ. Поэтому всякій, кто находилъ гдѣ нибудь непогребенный трупъ, обязанъ

¹⁾ См. объ этомъ ч. I, стр. 209 (изд. 3) и выше стр. 141.

былъ похоронить его или, при невозможности сдѣлать это, по крайней мѣрѣ прикрыть тремя горстями земли. Въ Атикѣ погребеніе мертвѣго тѣла, найденнаго на землѣ какого-нибудь дема, лежало на обязанности демарха. Оставленіе безъ погребенія павшихъ на полѣ битвы ставилось въ тяжкую вину полководцамъ, какъ это мы видимъ въ извѣстномъ дѣлѣ побѣдителей при Аргинусахъ; побѣжденнымъ врагамъ не смѣли отказывать въ перемиріи для погребенія убитыхъ, или сами побѣдители принимали на себя заботу о погребеніи павшихъ враговъ; просьба о перемиріи для погребенія убитыхъ была, какъ извѣстно, равносильна признанію себя побѣжденными.

Учрежденіе погребальнаго обряда въ Атикѣ приписывали Керопу: родственники должны были опустить тѣло умершаго въ землю, засыпавъ его, посѣять на могилѣ хлѣбныя сѣмена, чтобы такимъ образомъ ввѣрить покойника лону матери земли и затѣмъ очистить ее посредствомъ плодовъ (Cic. de legg. II, 25, 63). Въ историческія времена погребальныя обряды въ Атикѣ, да вѣроятно и въ другихъ государствахъ, были вообще слѣдующіе. Прежде всего предъ дверьми дома, гдѣ кто-нибудь умеръ, ставили глиняный сосудъ (ἀρδάνιον) съ принесенною изъ другого дома водою для того, чтобы посѣтители могли очищать себя при выходѣ (Полид. VIII, 65). Умершему закрывали глаза и ротъ, тѣло омывали и умащали благовоніями; обыкновенно это дѣлали собственноручно ближайшія его родственники. Обычай класть въ ротъ покойнику монету для уплаты Харону за перевозъ въ подземное царство, повидимому, возникъ не ранѣе VI или V в. до Р. Хр.; въ древнѣйшія времена объ этомъ обычаѣ не упоминается. Иногда умершему давали еще лепешку (μαλίτοβρα) для укрощенія адскаго пса Кербера. Омытое и умащенное тѣло одѣвали въ чистыя, обыкновенно бѣлыя одежды, украшали цвѣточнымъ (иногда золотнымъ) вѣнкомъ, закрывали лицо и выставляли (πρόβρασις) на одрѣ (κλίνη) въ передней части дома, ногами къ выходу. По сторонамъ одра ставили глиняные сосуды (λίχθοι) съ благовонными жидкостями. Одръ окружали родственники и друзья съ плачемъ и причитаніями. На другой день происходилъ выносъ (ἐκφορά) и погребеніе. Тѣло выносили на томъ же ложѣ рано утромъ, до восхода солнца (для того, чтобы не осквернить солнце видомъ трупа), родственники или друзья, но чаще вольноотпущенники или наемные носильщики (νεκροφόροι). Останки заслуженныхъ дѣятелей иногда относили къ

мѣсту погребенія молодне сограждане, что считалось особою почестью (Плут. *Тимол.* 39). Въ позднія времена въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр. на о. Аморгѣ и въ Ольвіи) существовалъ обычай увѣнчивать заслуженныхъ государственныхъ дѣятелей при выносѣ ихъ тѣла золотымъ вѣнкомъ отъ имени государства по постановленію народнаго собранія, при чемъ глашатай во всеуслышаніе объявлялъ объ этой почести. Передъ одромъ умершаго насильственной смертю ближайшіи родственники въ знакъ мести убійцѣ несъ копье, которое потомъ вонзалъ въ могилу. Печальный одръ сопровождали въ траурныхъ одеждахъ (черныхъ или темныхъ) и съ остриженными въ знакъ печали волосами родственники, друзья и родственницы, по аѳинскому закону только ближайшія, до двоюродныхъ племянницъ (*μητρι ἀνεψιάδων*). Кромѣ того, часто нанимались особы плакальщицы и плакальщицы для причитаній и пѣній печальныхъ пѣсенъ (*θρήνοι*) подъ аккомпаниментъ флейты. Однако въ Аѳинахъ Солоновскій законъ запрещалъ какъ наемъ плакальщицъ, такъ и всякія страстныя выраженія печали, какъ напр. царапаніе щекъ, біеніе себя въ грудь, громкія восклицанія и вопли и т. п. (Плут. *Сол.* 21). Вообще законы, ограничивающіе пышность погребенія, встрѣчаются у древнихъ грековъ очень часто¹⁾. Произнесеніе рѣчей при погребеніи отдѣльныхъ лицъ не было въ обычай.

По окончаніи погребенія провожавшіе, сказавъ покойнику послѣднее «прости», возвращались въ домъ его на поминальный обѣдъ (*περίεστυον*), въ которомъ принимали участіе и присутствовавшія при погребеніи женщины. Здѣсь еще разъ съ любовью поминали усопшаго и его доблести; дурно отзываться объ умершихъ считалось неблагочестивымъ, какъ и у римлянъ. Затѣмъ слѣдовало очищеніе дома, гдѣ лежалъ покойникъ. Въ 3-й, 9-й и 30-й день по кончинѣ совершались на могилѣ возліанія и жертвоприношенія (*ἐναγίσματα*), кромѣ того въ 9-й день ставились тамъ разныя вареныя блюда, какъ бы въ пищу покойнику. Возліанія на могилѣ, называвшіяся *χοαί* (а не *σπονδαί*), состояли изъ смѣси меда съ молокомъ или водою (*μελίκρατον*), изъ вина и масла. Жертвенныхъ животныхъ закалывали на могилѣ и кровь ихъ выливали въ яму, а тушу разрѣзывали на куски, которые сжигали цѣликомъ и пепель зарывали на мѣстѣ. Законъ Солона запрещалъ

¹⁾ Въ видѣ примѣра укажемъ сохранившійся на камнѣ *Кеосскій законъ*, изданный Рѣлемъ въ I. Gr. ant. № 895.

принесеніе быковъ въ жертву умершимъ,—значить до Солона это было въ обычаѣ, а внѣ Аттики этотъ обычай существовалъ и въ болѣе позднія времена. Обыкновенно, впрочемъ, довольствовались овцами, а иногда вмѣсто настоящихъ животныхъ приносили ихъ изображенія, сдѣланныя изъ тѣста. Послѣ жертвоприношенія въ 30-й день обыкновенно снимался трауръ. Впрочемъ продолжительность его не вездѣ была одинакова: въ Спартѣ его снимали на 12-й день послѣ жертвоприношенія Деметрѣ (Плут. *Лик.* 27), въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ трауръ былъ гораздо продолжительнѣе ¹⁾, а въ иныхъ совсѣмъ не былъ въ обычаѣ.

Въ историческія времена употреблялись два вида погребенія: сожженіе и зарываніе въ землю, тогда какъ въ гомеровскую эпоху былъ въ употребленіи только первый способъ. Выборъ того или другаго способа зависѣлъ отъ предсмертнаго распоряженія покойника или отъ воли его родственниковъ. Зарываніе въ землю было особенно употребительно у небогатыхъ людей, какъ требовавшее меньшихъ расходовъ; нѣкоторые, впрочемъ, и изъ видовъ благочестія предпочитали предавать останки любимаго родственника цѣлыми и неповрежденными въ лоно матери земли, а не уничтожать ихъ огнемъ. При этомъ погребеніи тѣло клали въ деревянный (преимущественно кипарисовый) или глиняный гробъ (*λάρναξ*, *θήκη*, *σορός* и пр.); каменные саркофаги, иногда богато украшенные рельефами, встрѣчаются преимущественно въ позднія времена. Для сожженія воздвигали костеръ (*πυρά*), который у богатыхъ людей иногда бывалъ очень великъ, роскошенъ и дорогъ. Его зажигали, отбративъ лицо, ближайшіе родственники и въ пламя бросали отрѣзанные волосы, одежды, утварь и др. предметы, которые покойникъ любилъ при жизни; въ Гомеровскія времена убивали и животныхъ (иногда даже и людей, какъ при погребеніи Патрокла) и бросали въ огонь. По сожженіи тѣла собранныя кости и пепелъ клали въ глиняную или металлическую урну и ставили въ гробницу (*σῆμα*, *μνῆμα*, *μνημεῖον*). Зажиточные люди обыкновенно строили просторныя гробницы, служившія общимъ мѣстомъ упокоенія членовъ всей семьи или рода. Семейныя гробницы устраивались и при погребеніи посредствомъ зарыванія въ землю. Въ гробницы

¹⁾ Напр. въ мизійскомъ городѣ Гамбрія по закону мужчины должны были снимать трауръ на 4-мъ мѣсяцѣ, а женщины—на пятомъ (С. I. Gr. № 3562, Dittenberger, *Syll. i. Gr.* № 470).

клали сосуды (λήκοδοι), употреблявшіеся при погребеніи, и разныя вещи, принадлежавшія покойнику, напр. при войнахъ—оружіе, при побѣдителяхъ—побѣдные призы, при ремесленникахъ—ихъ инструменты, при женщинахъ—зеркала, при дѣтяхъ—игрушки и т. д. Общія гробницы иногда строились съ такою роскошью, что въ Аѳинахъ еще Солоновымъ закономъ запрещено было строить гробницы дороже такихъ, которыя могутъ быть построены въ три дня десятью рабочими. Димитрій Фалерскій еще болѣе сократилъ расходы на постройку памятниковъ (Cic. *de legg.* II, 26, 66). На гробницахъ ставились болѣе или менѣе дорогіе каменные памятники, часто съ рельефными изображеніями и надписями, содержащими въ себѣ полное имя покойника и нерѣдко стихотворную эпитафію, выражавшую его заслуги и доблести, сердечныя чувства его родственниковъ, нравственныя сентенціи и т. п. Огромное количество такихъ надгробныхъ памятниковъ сохранилось до нашихъ временъ въ разныхъ мѣстностяхъ еллинскаго міра ¹⁾. Такимъ покойникамъ, которые умерли и погребены были на чужбинѣ или вовсе не могли быть погребены (напр. утопленники, тѣла которыхъ не были найдены), на родинѣ были воздвигаемы памятники, называвшіеся *κενοτάφια*; но при этомъ всегда заботились, по мѣрѣ возможности, чтобы останки или пепель умершаго на чужбинѣ были перевезены на родину и погребены въ семейной гробницѣ. Кладбища обыкновенно находились внѣ городовъ вдоль дорогъ, ведущихъ къ городскимъ воротамъ; въ Аѳинахъ одно кладбище было въ загородномъ Керамикѣ по дорогѣ въ Академію, а другое, для простаго народа,—по дорогѣ въ Пирэй. Окружающая мѣстность засаживалась деревьями (преимущественно кипарисами и тополями) и цвѣтами. Погребеніе внутри городовъ въ историческія времена вообще принадлежитъ къ исключеніямъ, хотя такой обычай существовалъ въ Спартѣ и нѣкоторыхъ другихъ дорическихъ городахъ, а въ древнѣйшія времена и въ Аѳинахъ (Плат. *Митосъ* p. 315 *d*). Въ колоніяхъ могилы основателей (*οἰκιστῆς*) обыкновенно находились внутри города, по большей части на рыночной площади; но эти лица считались не обыкновенными покойниками, а героями-покровителями города, и ихъ гробницы—святнями. Обы-

¹⁾ Стихотворныя эпитафіи на сохранившихся памятникахъ, найденныхъ до 1877 г., собраны въ книгѣ *Кайбеля*: *Epigrammata Graeca ex lapidibus collecta*. Berol. 1878.

новенно же находеніе гробницъ внутри городовъ, особенно въ священныхъ мѣстахъ, считалось ихъ оскверненіемъ. Священный островъ Делось, какъ извѣстно, неоднократно былъ очищаемъ посредствомъ вынесенія съ него гробовъ, и наконецъ аѳиняне запретили на немъ рождаться и умирать (ср. ч. I стр. 327, изд. 3).

Нельзя здѣсь не упомянуть о прекрасномъ обычаѣ аѳинянъ устраивать на государственный счетъ общее торжественное погребеніе павшихъ въ бою за отечество. Описаніе такого погребенія оставилъ намъ Фукидидъ (II, 34). Убитыхъ сожигали на полѣ битвы, затѣмъ останки привозили въ Аѳины и здѣсь кости гражданъ каждой филы клали въ одинъ общій кипарисовый гробъ и предавали въ загородномъ Керамикѣ торжественному погребенію, послѣ котораго избранный ораторъ произносилъ съ возвышеннаго мѣста надгробное слово. Этотъ обычай со временъ Солона сохранялся въ теченіе многихъ столѣтій и въ послѣдствіи, приблизительно съ начала III в. до Р. X., былъ распространенъ еще тѣмъ, что ежегодно въ память павшихъ за отечество стали устраивать на государственный счетъ поминальный праздникъ (*επιτάφια*), попеченіе о которомъ возложено было на архонта полемарха.

Указанными выше (стр. 247) жертвоприношеніями не оканчивались обязанности живыхъ по отношенію къ могиламъ усопшихъ. Родственники и потомки обязаны были и въ послѣдствіи посѣщать ихъ въ опредѣленные времена, украшать вѣнками (особенно изъ сельдерея) и повязками и совершать жертвоприношенія. Въ Аѳинахъ такія посѣщенія дѣлались по крайней мѣрѣ разъ въ годъ, въ день смерти или, гораздо чаще, въ день рожденія покойника (*γενέσια*). Кромѣ того въ Аѳинахъ былъ общій поминальный праздникъ *Νεφέσια* или *Νεχόσια* (см. выше стр. 137). Особые праздники въ память усопшихъ иногда опредѣлялись въ завѣщаніяхъ ¹⁾.

¹⁾ Въ видѣ примѣра укажемъ на *завѣщаніе философа Эпикура* у Диог. Лаертскаго X, 18: преемники Эпикура должны приносить жертвы его родителямъ, братьямъ и ему самому въ день его рожденія 10-го числа мѣсяца Гамеліона, кромѣ того соблюдать и по смерти Эпикура его обычай собираться съ учениками 20-го числа каждаго мѣсяца. На исполненіе этого завѣщанія философъ оставилъ особую сумму; намъ извѣстно, что эпикурейцы дѣйствительно праздновали и день рожденія своего учителя и 20-е число каждаго мѣсяца. Интересно также сохранившееся на камнѣ *завѣщаніе Эпиктеты*, дочери Грина, богатой гражданки о. Феры, жившей въ концѣ III или началѣ II в. до Р. Xр. (C. I. Gr. 2248 = *Inscr. ins. m. Aeg.* III, 330). По соглашенію съ своей дочерью и ея мужемъ, своимъ опекуномъ (*κέρριος*), Эпиктета завѣщала проценты съ 3000 драхмъ

Такое почитаніе усопшихъ весьма легко переходило въ ихъ обоготвореніе (ἀποθῆωσις), когда на нихъ начинали смотрѣть, какъ на настоящихъ героевъ-покровителей дома или государства, и устанавливали въ честь ихъ геройскій культъ. Трудно опредѣлить, гдѣ кончалось простое почитаніе предковъ и гдѣ начиналось ихъ обоготвореніе. Во всякомъ случаѣ примѣровъ послѣдняго встрѣчается не мало въ древнемъ мірѣ.

Трудно также опредѣлить, когда получилъ начало обычай по-смертнаго чествованія усопшихъ. Въ Гомеровскихъ поэмахъ нигдѣ нѣтъ рѣчи о неоднократныхъ жертвоприношеніяхъ въ честь усопшихъ послѣ ихъ погребенія. Поэтому слѣдуетъ думать, что этотъ послѣдній обычай развился позднѣе. Совершая такіа жертвоприношенія, люди очевидно вѣровали, что умершіе могутъ наслаждаться оказываемыми имъ почестями и гнѣваться въ случаѣ пренебреженія; но представленія о томъ, какимъ образомъ умершіе получаютъ удовольствіе отъ приносимыхъ имъ жертвъ и даровъ, были, конечно, такъ же неопредѣленны и разнообразны, какъ и при жертвоприношеніяхъ богамъ. Людямъ здравомыслящимъ жертвы въ честь усопшихъ навѣрное казались только символическимъ знакомъ любви и уваженія, которымъ наслаждались усопшіе, потому что оставить по себѣ уважаемую и благодарную память въ потомствѣ есть естественное общечеловѣческое желаніе.

E. Faydeau, Histoire des usages funèbres et des sépultures des peuples anciens, Paris 1856.—*Becker*, Charikles, т. III.—*Kriesche*, Darstellung der griech. Grabsitte, Braunau 1878.—*W. Sonntag*, Die Todtenbestattung, Halle 1878.—*C. H. A. Nathusius*, De more humani et concremandi mort. ap. Graecos, Hal. 1864.—*E. Rhode*, Psyche. Seelenkult u. Unsterblichkeitsglaube d. Griechen, 2 v, Freib. 1890—94.—*J. Chaillet*, De orationibus quae Athenis in funeribus publicis habebantur. Diss. Leid. 1891.—*J. Dorsch*, Ein Beitrag zur Kenntniss d. griech. Sepulcralaltertümer, Progr. Kaaden 1893.—*O. Rossbach*, Dämonen der Unterweltъ въ Rhein. Mus. 48 (1893).—*G. Iwanowitsch*, Opiniones Homeri et tragicorum Graec. de

(по 7% = 210 др.) на празднованіе памяти по себѣ, своему мужу и двумъ сновьямъ. Завѣщаніемъ установлено особое общество (ἀνδρεία τῶν συγγενῶν), въ которомъ могли участвовать родственники Епиктета обоаго пола. Оно должно было выбирать особыхъ распорядителей праздника (ἐπιτύμιοι), а для увеличенія назначенной на празднованіе суммы установить сборъ съ своихъ членовъ. Еще при жизни Епиктета начала строить особое зданіе, посвященное Музамъ (μοῦσαιον или ἵρφον), въ которомъ члены общества должны были почитать Музъ, а также завѣщательницу, ея мужа и сновей, какъ героевъ.

inferis, Berl. 1895.—*P. Stengel*, Chthonischer und Totenkult в *Festschr. für L. Friedländer*, Leipz. 1895.—*A. de Ridder*, De l'idée de la mort en Grèce à l'époque classique, Par. 1897.—*H. Weil*, L'immortalité de l'âme chez les Grecs в *Journ. des savants* 1895.—*L. Kaufmann*, Die Jenseitshoffnungen d. Griechen u. Römer nach den Sepulcralinschriften, Freib. 1897.—*Ю. А. Булаковскій*, Смерть и безсмертіе въ представленіяхъ древнихъ грековъ, Кіевъ 1899.

ОТДѢЛЬ VI.

СЦЕНИЧЕСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

ГЛАВА 23-я.

Краткій очеркъ развитія греческой драмы.

Драма есть оригинальное созданіе греческаго генія и представляетъ собою послѣдній и самый роскошный цвѣтъ греческой поэзіи, естественнымъ путемъ развившійся изъ двухъ старшихъ ея видовъ,—эпоса и лирики. Хоровыя пѣсни и монодіи драматическихъ произведеній тѣсно связаны съ лирикою, и именно дорическою, не только по содержанію и исполненію, но и по стихосложенію и языку, тогда какъ метрическія формы діалога заимствованы изъ лирики іонической. Менѣе ясно выступаетъ на первый взглядъ связь діалогическихъ частей драмы съ эпосомъ, такъ какъ вмѣсто важнаго, торжественнаго гексаметра поэты пользовались для этихъ частей болѣе подвижнымъ, приближающимся къ разговорному языку, ямбическимъ триметромъ или трохаическимъ тетраметромъ; но, отличаясь отъ эпоса по формѣ, діалогъ драмы остается тѣсно связаннымъ съ нимъ по содержанію, особенно въ трагедіяхъ: ихъ содержаніе чаще всего заимствовалось изъ мифическихъ преданій, излагавшихся въ эпическихъ поэмахъ.

Сами древніе не имѣли прямыхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній о первоначальномъ періодѣ развитія драмы, такъ какъ въ то время, когда они стали интересоваться вопросами объ ея происхожденіи, многія подробности были уже забыты; но всетаки они располагали еще большимъ числомъ данныхъ для болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній, и нѣкоторые факты могутъ считаться уста-

новленными вполне прочно. Такъ, нѣтъ сомнѣнія, что драма развилась изъ религіозныхъ пѣсней, исполнявшихся на праздникахъ Діониса. Самое названіе драма свидѣтельствуеетъ о религіозномъ происхожденіи этого вида поэзіи: терминомъ τὰ δράματα обозначались церемоніи, въ которыхъ жрецы во время праздниковъ, особенно мистическихъ, представляли вѣрующимъ разные мѣны, относящіяся къ чествуемому божеству. Культъ Діониса болѣе всякаго другаго могъ подавать поводы къ подобнымъ представленіямъ. Это былъ богъ производительной силы природы; замираніе природы осенью и возрожденіе ея съ наступленіемъ весны уже рано были поставлены въ связь съ измѣненіемъ существа самого бога и представлялись въ мѣахъ о странствованіяхъ бога, борьбѣ, которую ему приходилось вести при распространеніи своего культа, объ его страданіяхъ, смерти и воскресеніи. Выдающуюся особенность Діонисовскаго культа составляли дидрамы (διδράματα), религіозныя пѣсни, которыя исполнялись многолюдными хорами (въ позднѣйшее время носившими названіе κόχλοι χοροί и состоявшими изъ 50 человекъ) подъ аккомпаниментъ флейты (рѣже китары) и сопровождалась танцами, мимически воспроизводившими содержаніе пѣсни, въ которомъ повѣствовательный элементъ занималъ много мѣста; изъ среды хоревтовъ выдѣлялся *запвалло* (ἐξάρχων), которому отвѣчалъ хоръ. Въ исполненіи нѣкоторыхъ разновидностей первобытнаго дидрама по свидѣтельству Свиды (п. сл. Ἀρίων), принимали участіе сатиры (т. е. лица, изображавшія собою сатировъ, обычныхъ спутниковъ Діониса). Первоначально содержаніе дидрамовъ почерпалось, вѣроятно, только изъ мѣоувъ о Діонисѣ; но уже рано сюжеты ихъ стали заимствоваться и изъ сказаній о другихъ богахъ и герояхъ, какъ то случилось и съ дочерью дидрама — трагедіей, такъ что явилась даже поговорка «οὐδὲν πρὸς τὸν Δίονισον», указывавшая на то, что данное поэтическое произведеніе не имѣетъ никакого отношенія къ Діонису.

Будучи богомъ производительной силы природы вообще, Діонисъ въ то же время почитался въ частности, какъ богъ вина. Собираніе винограда и разныя фазы винодѣлія подавали поводъ къ празднествамъ, на которыхъ празднующіе предавались непридуманному веселію. Родственники и сосѣди собирались вмѣстѣ и совершали къ жертвеннику или храму Діониса торжественныя процессіи, въ которыхъ вели обреченныхъ на жертву богу козловъ, несли корзины съ жертвенными принадлежностями, символы пло-

дородія природы и пр. Затѣмъ празднующіе устраивали веселныя игры, мимическія представленія, для которыхъ сюжетомъ служили многочисленные мѣны о приключеніяхъ Діониса или другихъ боговъ, а также сцены изъ обшденной жизни, при чемъ не было недостатка въ шуткахъ и остроумныхъ насмѣшкахъ, къ которымъ какъ бы поощрялъ самъ богъ, почитавшійся съ епитетами «Свободнаго» или «Вольнаго» (Ἐλευθεραῖος, Δαῖσιος, *Liber*).

Изъ указанныхъ элементовъ Діонисова культа и развились постепенно три вида греческой драмы: трагедія, сатировская драма и комедія. По словамъ Аристотеля ¹⁾ трагедія возникла специально изъ дненрамба и именно отъ запѣвалъ дненрамбическаго хора. Дѣйствительно, весьма вѣроятно, что взаимодѣйствіе запѣвалъ и хора дало начало драматическому діалогу: запѣвало по временамъ выступалъ изъ хора и говорилъ отъ лица Діониса или какой либо мнѣической личности. По своему характеру трагедія первоначально, какъ полагаетъ Аристотель, не отличалась отъ сатировской драмы. Мы видѣли уже, что въ составъ первобытныхъ дненрамбическихъ хоровъ могли входить лица, представлявшія сатиуровъ; они наряжались такъ, что могли называться *τράγους*, а хоры, въ которыхъ они участвовали, — *τραγικοὶ χοροί*; отсюда, по всей вѣроятности, произошло и названіе новаго вида поэзіи — *τραγῳδία*, т. е. *τράγων φῶή* ²⁾. Соотвѣтственно торжественному характеру художественнаго дненрамба и трагедія при своемъ постепенномъ развитіи приняла тотъ суровый, величественный и очищающій душу характеръ, которымъ она отличается отъ другихъ видовъ драмы. Когда трагическіе поэты, выйдя за предѣлы круга мнѣеовъ о Діонисѣ, стали черпать содержаніе для своихъ произведеній изъ другихъ мнѣическихъ преданій, то и хоры ихъ не могли уже постоянно изображать собою сатиуровъ, составлявшихъ свиту Діониса: хоръ сталъ представлять то друзей, то подданныхъ или согражданъ, то рабовъ главнаго героя или героини. Тогда представленія съ хорами, состоявшими изъ сатиуровъ,

¹⁾ *Поэт.* 4: Ἡ μὲν [τραγῳδία] ἀπὸ τῶν ἐξαρχόντων τὸν διθύραμβον, ἣ δὲ [κωμῳδία] ἀπὸ τῶν τὰ φαλλικά, ἃ ἔτι καὶ νῦν ἐν πολλαῖς τῶν πόλεων διαμένει νομιζόμενα, κατὰ μικρὸν ἠξήθη.

²⁾ Такое объясненіе даетъ *Etym. M.* 764, 6: *τραγῳδία*, ὅτι τὰ πολλὰ οἱ χοροὶ ἐκ Σατύρων συνίσταντο, οὓς ἐκάλουσαν τράγους. Менѣе вѣроятно объясненіе, по которому названіе *τραγῳδία* произошло отъ козла (*τράγος*), дававшагося въ награду побѣдителю на состязаніи или приносившагося въ жертву Діонису.

выдѣлились въ особый видъ драмы, получившій названіе *драма саторхόν*. Она отличается отъ трагедіи отсутствіемъ мрачнаго тона и веселымъ шутивымъ содержаніемъ, чуждымъ, однако, злобной насмѣшкѣ ¹⁾. Сюжеты ея брались изъ области мифическихъ или дѣмоническихъ существъ, именно такихъ, которыя представлялись въ мифологіи съ чертами характера, доступными шутокъ и веселой насмѣшкѣ, какъ напр. Гераклъ, Киклопъ и т. п. ²⁾.

Что касается до вопроса о происхожденіи комедіи, то уже въ древности существовали объ этомъ разныя мнѣнія. Аристотель (*Поэт.* 3 сл.) говоритъ, что дорійцы приписывали себѣ честь изобрѣтенія комедіи и трагедіи, при чемъ въ числѣ доводовъ въ подтвержденіе своихъ притязаній, между прочимъ, выставляли производство слова *κωμῳδοί* отъ *κῶμη*, объясняя дѣло такъ, что *κωμῳδοί*, будучи изгоняемы изъ городовъ, давали свои представленія *κατὰ κῶμας*, употребленіе же слова *κῶμη* въ значеніи «деревня» свойственно дорійцамъ, а въ Атикѣ деревни назывались *δῆμοι*. Такимъ образомъ по этому объясненію *κωμῳδία* обозначала простой, незатѣйливый видъ драматической поэзіи, свойственный деревенскому быту. Но такое рѣзкое различіе между городскимъ и сельскимъ бытомъ врядъ ли могло существовать въ ту отдаленную пору, къ которой относится происхожденіе драматической поэзіи. Поэтому гораздо вѣроятнѣе производство слова *κωμῳδία* отъ сущ. *κῶμος*: такъ назывались веселыя компании, въ праздничное время послѣ пирушекъ бродившія по городу съ разгульными пѣснями, съ которыми могли быть связаны передразниванія и шуточные представленія сюжетовъ изъ окружающей жизни. Самъ Аристотель, ставя слово *κωμῳδία* въ связь съ глаголомъ *κωμῳδεῖν*, выводитъ начало комедіи «отъ запѣвалъ фаллическихъ пѣсень» (см. стр. 254 прим. 1), т. е. такихъ, которыя пѣлись хорами въ процессіяхъ, носившихъ въ праздники Діониса символъ производительной силы природы (*φαλλός*), и имѣли веселый и часто непристойный характеръ. Можно думать, что запѣвалы или предводители хора прерывали пѣсни шутивными замѣчаніями, обращенными къ хору или къ окружающимъ, или раз-

¹⁾ Такимъ образомъ сатирическая драма не имѣетъ ничего общаго съ сатирической поэзіей римской и новыхъ литературъ.

²⁾ Изъ этого вида драматической поэзіи до насъ сохранилась только одна пьеса Еврипида, носящая названіе *Κύκλωψ*.

сказывали веселыя приключенія и сцены изъ окружающей жизни, и изъ этихъ-то сценъ постепенно развился, благодаря талантливымъ поэтамъ, особый видъ драматической поэзи.

Вышеприведенное свидѣтельство Аристотеля, что честь изобрѣтенія драмы приписывали себѣ дорійцы (именно комедіи—мегарцы и сицилійцы, а трагедій—нѣкоторые пелопоннесцы), не можетъ быть признано неосновательнымъ, такъ какъ дѣйствительно трагедія, особенно въ хоровыхъ своихъ частяхъ, обнаруживаетъ тѣсную связь съ дорической лирикою, а комедія раньше, чѣмъ въ Атикѣ, существовала въ Мегарахъ и въ Сициліи, гдѣ поэтъ Епихармъ еще въ началѣ V в. довелъ ее до значительной степени развитія. Нѣкоторые предполагаютъ, что и древняя аттическая комедія произошла изъ сочетанія дорической шуточной драмы съ фаллическими пѣснями. Но во всякомъ случаѣ высшаго своего развитія и процвѣтанія драматическая поэзія достигла въ Атикѣ, гдѣ драматическія представленія первоначально давались, говорятъ, въ богатой виноградниками и преданной культу Діониса деревнѣ Икаріи (близъ мегарской границы), а затѣмъ были перенесены и въ городъ. Первымъ представителемъ аттической трагедіи считается икаріецъ Эспидъ (Θέσπις), который въ 534 г. впервые поставилъ драму въ городѣ. Какъ говорятъ, онъ присоединилъ къ дирамбическому хору особаго исполнителя — актера (Диог. Л. III, 56), изобрѣлъ составныя части драмы—*πρόλογος* и *ῥήσις* (Эемист. р. 26), наконецъ ввелъ нѣкоторыя усовершенствованія сценической техники, какъ напр. полотняныя маски. Слѣдовавшіе за Эспидомъ трагическіе поэты—Пратинъ, Фринихъ, Хириль и др. способствовали дальнѣйшему усовершенствованію драмы, и затѣмъ въ V в. до Р. Хр. трагедія въ лицѣ Эсхила, Софокла и Еврипида, а комедія въ лицѣ Аристофана достигла высшаго своего развитія. Аристофанъ былъ знаменитѣйшимъ представителемъ такъ называемой «древней» комедіи, процвѣтавшей до конца V в. Въ IV в. до временъ Александра Великаго господствовала «средняя» комедія, главными представителями которой были Антифанъ и Алексидъ, а при Александрѣ В. и діадохахъ — «новая» комедія, изъ авторовъ которой особенно славились Филемонъ и Менандръ. Средняя и новая комедіи отличались отъ древней по формѣ тѣмъ, что не имѣли хора и представляли гораздо менѣе разнообразія въ метрахъ, а по содержанію—тѣмъ, что древняя комедія носила политическій характеръ, удѣляя много мѣста осмѣянію политическихъ и обще-

СТВЕННЫХЪ СОБЫТІЙ И ДѢЯТЕЛЕЙ, ТОГДА КАКЪ СРЕДНЯЯ И НОВАЯ НЕ КАСАЛИСЬ ПОЛИТИКИ И ВЫСТАВЛЯЛИ ОБЩІЕ ЧЕЛОВѢЧЕСКІЕ ТИПЫ И ХАРАКТЕРЫ.

Для ближайшаго ознакомленія съ исторіей греческой драмы могутъ служить общіе труды по исторіи греческой литературы и спеціальныя монографіи по исторіи драмы, указаніе которыхъ не входитъ въ предѣлы нашей задачи. Мы отмѣтимъ здѣсь только новѣйшія изъ общихъ сочиненій о греческомъ театрѣ: *Alb. Müller*, *Lehrbuch der Griech. Bühnenalterthümer*, Freiburg 1886 (2-е отд. 3-го тома новаго изданія *K. F. Hermann's Lehrbuch d. Griech. Antiquitäten*).—*G. Oehmichen*, *Das Bühnenwesen der Griechen und Römer* (въ *Iw. Müller's Handb. d. klass. Altertumswiss. Bd. V*, 1890. Русскій перев. И. Семенова, М. 1893).—*E. Bethe*, *Prolegomena zur Geschichte des Theaters im Altertum. Untersuch. über die Entwicklung des Dramas, der Bühne, des Theaters*. Leipz. 1896.—*W. Dörpfeld* und *E. Reisch*, *Das Griech. Theater. Beiträge zur Geschichte des Dionysostheater in Athen u. anderer Griech. Theater*. Athen 1896.—*G. Körting*, *Geschichte des Theaters in seinen Beziehungen zur Entwick. der dram. Dichtkunst. I. Geschichte d. Griech. und Röm. Theaters*. Paderb. 1897.— На русскомъ языкѣ: *М. В[ублицкій]*, *Опытъ исторіи театра у древнихъ народовъ*, М. 1849. — *Б. Ордынский*, *О древнегреческомъ театрѣ въ Современникѣ* 1851 г., т. 25.—*П. В. Тихоновичъ*, *Театръ у древнихъ грековъ въ Журн. М. Н. Пр.* 1869, декабрь.

ГЛАВА 24.

Устройство театральнаго зданія.

§ 1. Основной планъ зданія.

Греческій театръ (τὸ θέατρον)¹⁾, своимъ устройствомъ весьма значительно отличавшійся отъ нашихъ современныхъ театровъ, состоялъ изъ трехъ частей: а) собственно театра или мѣстъ для зрителей, б) оркестры и в) части, называвшейся σκηνή. О происхожденіи и постепенномъ усовершенствованіи устройства этихъ основныхъ частей театра у насъ нѣтъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ, но есть возможность дѣлать правдоподобныя заключенія изъ пре-

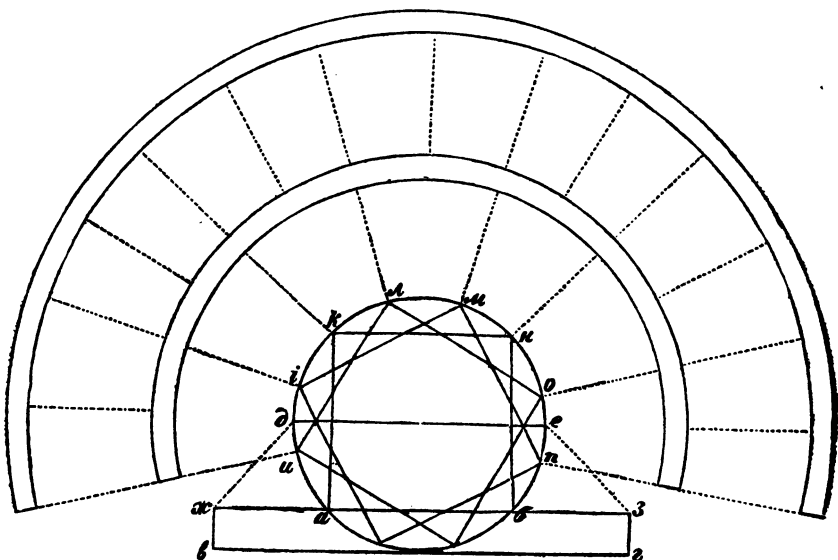
¹⁾ Слово θέατρον встрѣчается въ разныхъ значеніяхъ. Имъ обозначаются: а) пространство или часть зданія, занимаемая зрителями драматическаго или иного зрѣлища, б) самое собраніе зрителей, наконецъ в) все зданіе, предназначенное для драматическихъ или иныхъ представленій.

даній, исторіи развитія драмы и сохранившихся памятниковъ. Мы уже видѣли, что драма постепенно развилась изъ пѣсенъ и плясокъ хора, окружавшаго жертвенникъ Діониса. Первоначально эти пѣсни и пляски, быть можетъ, совершались всѣми участниками праздника, но впоследствии, когда пѣсни уже подверглись болѣе или менѣе художественной обработкѣ, такъ что для ихъ исполненія стали требоваться извѣстная подготовка и умѣнье, члены хора выдѣлились изъ среды присутствующихъ, которые остались только зрителями и, естественно, стали обступать хоревтовъ болѣе или менѣе тѣснымъ кружкомъ. Затѣмъ, какъ мы уже видѣли, одно лицо стало выступать изъ хора и обращаться къ нему съ рѣчами. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ того мѣста, на которомъ дѣйствовалъ этотъ исполнитель-актеръ, ставился шалашъ (или палатка), изъ котораго актеръ появлялся и въ который онъ уходилъ, чтобы въ промежутки драматическаго дѣйствія, наполненные пѣснями хора, мѣнять маски и костюмы. Послѣ этого зрители уже не могли становиться вокругъ актеровъ, а должны были собираться только съ трехъ сторонъ или полукругомъ; при большомъ стеченіи зрителей тѣ изъ нихъ, которые стояли въ заднихъ рядахъ, могли видѣть хоръ и актеровъ только стоя выше переднихъ рядовъ; это повело къ устройству для зрителей деревянныхъ подмостковъ (*κρία*), возвышавшихся въ видѣ ступеней по мѣрѣ удаленія отъ сцены и сохранившихъ полукруглую форму, какъ наиболѣе удобную. Такъ естественнымъ путемъ сформировался планъ театральнаго зданія: мѣсто дѣйствія хора и актеровъ съ жертвенникомъ, вокругъ котораго становился хоръ, заняло средину зданія и стало называться оркестрой; за кругомъ, видъ котораго имѣла оркестра, ставилась *σκηνή*, а съ другой стороны оркестру стали огибать въ видѣ полукружія мѣста для зрителей. По этому плану, какъ самому цѣлесообразному, стали строиться и постоянные каменные театры, многочисленныя развалины которыхъ, сохранившіяся до нашихъ временъ въ разныхъ областяхъ еллинскаго міра ¹⁾, невольно возбуждаютъ къ себѣ удивленіе своей величественной красотой и удобствомъ расположенія.

Римскій архитекторъ Витрувій Полліонъ, жившій при Ю. Цезарѣ и Августѣ, въ своемъ сочиненіи «De architectura» между

¹⁾ Полный перечень сохранившихся развалинъ даетъ *А. Моллеръ*, *Bühnenalterth.* § 2.

прочимъ оставилъ намъ подробныя указанія относительно плана греческаго и римскаго театра ¹⁾. Планъ греческаго театра онъ представляетъ (кн. V, гл. 7) слѣдующимъ образомъ: нужно начертить кругъ, соотвѣтствующій предполагаемой величинѣ оркестры; въ него вписываются три квадрата такъ, чтобы ихъ углы, касаясь окружности, дѣлили ее на 12 равныхъ частей; сторона одного изъ квадратовъ, выбранная соотвѣтственно условіямъ мѣстности, въ которой долженъ былъ строиться театръ, обозначаетъ переднюю сторону проскения (*finitio proscaenii*, см. на чертежѣ линію *ab*), а параллельная къ ней касательная къ окружности (*ei*)—заднюю его сторону (*frons scaenae*); такимъ образомъ получается величина

оркестры и глубина сцены; для опредѣленія длины сцены въ основномъ кругѣ проводится діаметръ (*de*), параллельный къ линіямъ *ab* и *ei*, и изъ точекъ *d* и *e* (*cornua hemicyclii*) радиусомъ основнаго круга описываются двѣ дуги, точки пересѣченія которыхъ съ продолженіемъ линіи *ab* (*ж* и *з*) обозначаютъ предѣлы сцены съ правой и лѣвой стороны; обращенные къ мѣстамъ для зрителей углы квадратовъ, вписанныхъ въ основномъ кругѣ (*и—п*),

¹⁾ Общій типъ римскаго театра былъ заимствованъ отъ греческаго, но въ деталяхъ была значительная разница.

обозначать направление лѣстницъ въ первомъ ярусѣ мѣсть; если въ театрѣ предполагается два или больше ярусовъ, то въ каждомъ слѣдующемъ ярусѣ продолжаютъ лѣстницы предыдущаго и кромѣ того дѣлается еще по одной лѣстницѣ между каждыми двумя лѣстницами предыдущаго яруса.

Сохранившіеся развалины греческихъ театровъ представляютъ въ деталяхъ значительныя различія и отступленія отъ плана Витрувія; но при этомъ нужно принимать во вниманіе, что они строились не одновременно, а на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій, что многіе изъ нихъ въ римскія времена передѣлывались, приближаясь при этомъ къ типу римскаго театра, въ нѣкоторыхъ отступленія отъ основнаго плана при постройкѣ обуславливались особенностями мѣстности, средствами строителей, роскошью или модою и пр.

Литературу объясненій къ описанію Витрувія указываетъ *А. Мюллеръ*, *Bühnenalt.* стр. 16. Новѣйшіе труды: *E. Fabricius*, *Ueber den Entwurf des griech. Theaters bei Vitruv.* *Rhein. Mus.* 46 (1891).—*W. Doerpfeld*, *Das griech. Theater Vitruvs* въ *Athen. Mittheil.* 22 (1897) и 23.—О театральнхъ зданіяхъ кромѣ вышеуказанныхъ сочиненій см. *I. H. Strack*, *Die altgriechischen Theatergebäude*, Potsdam 1843.—*I. Hoercken*, *De theatro attico saeculi a. Chr. quinti*, Bonn. 1884.—*G. Oehmichen*, *Griechischer Theaterbau*, Berl. 1886.—*G. Cauer*, *ср. Theatergebäude* въ *Denkmäler d. klass. Alterthums*, herausg. von *A. Baummeister*, т. 3.—*K. Dumon*, *Le théâtre de Polyclète*, Paris 1889 (объ Епидаврскомъ театрѣ).—*J. Chamonard*, *Théâtre de Délos* въ *Bull. de corr. hell.* 20 (1896).—*A. Müller*, *Untersuchungen zu den Bühnenalterthümern*, Leipzig. 1899.

§ 2. Сцена.

Мы уже видѣли, что въ древнѣйшія времена, когда возникли первые зачатки драмы, дѣйствующее лицо выходило къ хору и зрителямъ изъ шалаша или палатки, *σκηνή*. Впослѣдствіи эта палатка была замѣнена деревяннымъ зданіемъ, изъ котораго актеры выходили на мѣсто дѣйствія. Это зданіе сохранило за собою названіе *σκηνή* (мы будемъ называть его сkenой во избѣжаніе смѣшенія съ теперешнимъ употребленіемъ слова сцена). Съ IV в. стали строить каменныя зданія сkenы, а передъ ними для каждаго представленія возводили временную деревянную стѣну (*προσκήνιον*), служившую декорацией. Около I в. до Р. Хр. этотъ временный *проскеній* былъ замѣненъ постояннымъ, т. е. каменной колоннадой, въ которой промежутки между колоннами, за исключеніемъ немногихъ, служившихъ дверями, закрывались досками (*πίνακες*), на которыхъ помѣщались различныя картины и которыя могли быть перемѣ-

няемы, смотря по тому, какихъ перемѣнъ въ декоративной обстановкѣ требовало дѣйствіе той или другой пьесы. На колоннадѣ, покрывая пространство между нею и передней стѣной здания сцены, лежалъ плоскій помостъ. Такимъ образомъ предъ зданіемъ сцены оказывалась длинная узкая постройка, которая и вся въ цѣломъ называлась проскеніемъ. На планѣ, помѣщенномъ на стр. 259, она обозначена прямоугольникомъ *агзж*. Проскеній имѣлъ 10—12 футовъ надъ уровнемъ оркестры. Витрувій утверждаетъ, что въ греческомъ театрѣ актеры играли на верху, на помостѣ, или на крышѣ проскенія. Таково же было мнѣніе, до послѣдняго времени господствовавшее и въ новой наукѣ. Теперь оно начинается уступать другому, главнымъ представителемъ котораго является извѣстный археологъ и архитекторъ Дёрпфельдъ. Тщательно изучивъ остатки театральныя зданія и воспользовавшись давно сдѣланнымъ наблюдениемъ, что при исполненіи многихъ явленій греческихъ драмъ актеръ и хоръ должны были дѣйствовать въ непосредственной близости другъ къ другу и слѣдовательно на одной и той же плоскости, Дёрпфельдъ пришелъ къ убѣжденію, что вообще въ греческихъ театрахъ актеры играли не *на* сценѣ, т. е. не на проскеніи, а у проскенія, *на оркестрѣ*, въ той ея части, которая прилежала къ проскенію, что лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр. при исполненіи ролей божествъ, актеры являлись на верху проскенія и что только въ позднѣйшихъ малоазіатскихъ театрахъ, а затѣмъ въ римскихъ возвышавшійся надъ поверхностью оркестры помостъ сдѣлался постояннымъ мѣстомъ игры актеровъ. Теорія Дёрпфельда, подробнѣе всего разработанная имъ въ выше указанномъ (стр. 257) трудѣ, написанномъ въ сотрудничествѣ съ Рейшемъ ¹⁾, не устранила еще всѣхъ затрудненій, которыя встрѣчаютъ въ свидѣтельствахъ Витрувія и другихъ позднѣйшихъ авторовъ, касающихся устройства греческаго театра, но главныя ея положенія легко согласуются съ тѣми данными, которыя представляютъ остатки древнихъ театральныя зданія и устройство дѣйствія въ сохранившихся греческихъ трагедіяхъ и комедіяхъ.

Мѣсто, съ котораго говорили актеры, называлось и *λογεῖον*; съ тѣхъ поръ какъ такимъ мѣстомъ постоянно сталъ служить выскокій помостъ, онъ также обозначался этимъ словомъ.

¹⁾ По прежнимъ сообщеніямъ о теоріи Дёрпфельда краткое ея изложеніе на русскомъ языкѣ далъ Г. Г. Павлуцкій въ ст. «Скенографія у Грековъ» въ Кіевскихъ Унив. Изв. 1888 г., а обзоръвѣе содержанія книги Дёрпфельда и Рейша—С. П. Шестаковъ въ Филол. Обзор. XII (1897), отд. 2, стр. 97 слл.

Боковыя пространства передъ зданіемъ сцены въ древнѣйшихъ греческихъ театрахъ по большей части были открыты, а въ позднѣйшихъ греческихъ и въ римскихъ ограничивались боковыми стѣнами, за которыми часто находились флигеля, сообщавшіеся со сценою посредствомъ дверей (такіе флигеля назывались, вѣроятно, *παράσχημα*). Зданіе сцены и боковые флигеля служили сборнымъ мѣстомъ для актеровъ, а также для храненія машинъ, декораций и театральныхъ принадлежностей. Эти зданія были крытыя, тогда какъ оркестра и мѣста для зрителей крышь не имѣли.

§ 3. Оркестра.

Главную часть греческаго театра составляло круглое пространство, лежавшее между переднею стѣною сцены и нижнимъ рядомъ мѣстъ для зрителей. Во время представленія здѣсь находился хоръ, исполняя свои пѣсни и пляски, отъ которыхъ это пространство получило названіе *ὄρχηστρα* (отъ *ὄρχησθαι*); по теоріи Дёрпфельда, здѣсь же происходило и драматическое дѣйствіе. Это пространство въ древнѣйшія времена представляло собою ровную площадку, усыпанную землею или утрамбованную глиною; въ римскія времена, когда оркестра употреблялась для гимнаическихъ или гладиаторскихъ игръ, встрѣчается названіе *хорістра* (отъ *χόνις*, — лат. агена); въ римскія же времена встрѣчается еще названіе *σῦμα*, происшедшее отъ того, что обращенная къ зрителямъ полукруглая сторона площадки напоминала собою позднѣйшую форму греческой буквы С. Для входа въ оркестру служили два прохода (*πάροδοι*), находившіеся съ правой и лѣвой стороны между сценою и мѣстами для зрителей. Мы уже видѣли выше, что до возникновенія драмы диаграммическіе хоры исполняли свои пляски вокругъ алтаря Діониса. Этотъ алтарь (*θωμέλη*), повидимому, остался навсегда непремѣнною принадлежностью оркестры; вокругъ него группировался драматическій хоръ, при чемъ его предводитель и музыканты становились на ступеняхъ алтаря ¹⁾. Впослѣдствіи названіе *θωμέλη* употреблялось иногда въ значеніи цѣлой оркестры, а въ римскія времена обозначало даже сцену ²⁾.

¹⁾ Поэтому слова *θωμέλη* и *σκηνή* иногда противопоставляются, какъ символы музыки и драматическаго искусства, и *θωμέλικοι ἀγωνες* противопоставляются сценическимъ (Стратоникъ у Аевеня VIII, р. 359).

²⁾ Поэтому драматическіе художники или актеры обозначались выраженіемъ *οἱ ἀπὸ τῆς θωμέλης* (Плут. *Алекс.* 67; *Дим.* 12; Лук. *Salt.* 76 и неоднократно въ схолияхъ Аристофана). О разныхъ значеніяхъ слова *θωμέλη* см. *Dörpfeld* и *Reisch*, *Das griech. Th.* стр. 278.

§ 4. Мѣста для зрителей.

Примыкавшее къ оркестрѣ пространство, въ которомъ помѣщались зрители, называлось *θέατρον* въ собственномъ смыслѣ, какъ мѣсто, съ котораго можно было смотрѣть на представленія (*θεῶδα;* зрители — *θεαταί*). По формѣ это же пространство называлось *κοῖλον* (лат. *cauea*). Мѣста для зрителей постепенно поднимались ступенями въ видѣ концентрическихъ дугъ надъ дугою оркестры, такъ что оба конца ихъ, ближайшіе къ сценѣ, загибались одинъ къ другому, вслѣдствіе чего крайнія мѣста были неудобны для зрителей; въ нѣкоторыхъ театрахъ это неудобство устранялось тѣмъ, что боковыя мѣста, выходящія за половину окружности, продолжались параллельно одни къ другимъ, а не по направленію окружности (напр. въ Афинахъ и Пирѣѣ). Ровно половину окружности мѣста для зрителей занимаютъ только въ римскихъ театрахъ. Греки всегда старались выбирать для постройки театра такую мѣстность, которая представляла бы наименѣе затрудненій и издержекъ для устройства мѣстъ для зрителей и устраняла бы опасность, что они могутъ обрушиться отъ многолюдства. Наибольшія удобства въ этомъ отношеніи представлялъ *покатый склонъ* горы, по которому и устраивались сидѣнія; для боковыхъ мѣстъ обыкновенно дѣлались искусственныя пристройки. Если не было естественной покатости, то ее замѣняли иногда искусственно насыпью, какъ напр. въ Мантивѣѣ, Еретріи и пр. Иногда, впрочемъ, театры устраивались и на ровномъ мѣстѣ на массивныхъ фундаментахъ. Если естественная покатость представляла собою скалу, то прямо въ ней вырубались мѣста для сидѣнія (напр. въ Хэронеѣ, Аргосѣ, Сикионѣ, частью и въ Афинахъ), иногда выстилавшіяся потомъ мраморомъ; если же покатость состояла изъ земли, то ее искусственно выравнивали и затѣмъ устраивали на пей каменныя сидѣнія. Греческіе театры были весьма различныхъ размѣровъ: напр. въ Мегалопольскомъ театрѣ, самомъ большомъ изъ извѣстныхъ намъ въ Греціи (Павс. VIII, 32, 1), могло помѣщаться до 44000 зрителей, въ Афинскомъ — до 17000 ¹⁾; самые маленькіе театры изъ числа сохранившихся въ развалинахъ были въ Хэронеѣ и Псофидѣ.

¹⁾ *Dörpfeld-Reisch, Das griech. Theater, стр. 44.*

Ступени, на которыхъ разсаживались зрители, носили названія: βάθρα, ἔδραι, ἑδώλια, также θεωρητήρια (по латыни: ordines, gradus, sedes, sedilia, subsellia, spectacula); слово ἱκρία, обозначавшее деревянные подмостки для зрителей, употреблялось и для обозначенія мѣстъ въ каменныхъ театрахъ. Каждое отдѣльное мѣсто называлось θέα, τόπος, χωρίον (лат. locus), а устроенное въ видѣ кресла — θρόνος или καθέδρα; словами τόπος, χωρίον или μέρος обозначалась и совокупность мѣстъ, предназначавшихся для цѣлыхъ корпорацій (напр. τόπος βουλευτικός, ἐφηβικός и т. п.); мѣста въ самомъ нижнемъ ряду назывались προεδρία, а въ первоначальныхъ деревянныхъ театрахъ — πρῶτον ξύλον. Ступени дѣлались, по Витрувію (V, 6, 3), отъ 1 ф. 2¹/₂ д. до 1 ф. 6 д. вышиною и отъ 2 до 2¹/₂ ф. шириною; приблизительно такіе размѣры имѣютъ ступени и въ сохранившихся развалинахъ. Передняя часть ступени употреблялась для сидѣнія, а задняя, обыкновенно нѣсколько углубленная, — для помѣщенія ногъ зрителей, сидѣвшихъ въ слѣдующемъ ряду, а также для прохода ихъ на мѣста. Верхняя поверхность плиты для сидѣнія обыкновенно была горизонтальная, а иногда слегка наклоненная впередъ; встрѣчаются также сидѣнія съ углубленіями, въ которыя, безъ сомнѣнія, влялись подушки. Каменные спинки дѣлались рѣдко и то только у рядовъ, непосредственно примыкавшихъ къ проходу; иногда попадаются слѣды деревянныхъ спинокъ. Отдѣльные мѣста, за весьма немногими исключеніями, ничѣмъ не отдѣлялись одно отъ другаго. Для почетныхъ лицъ устраивались особыя кресла со спинками, преимущественно въ нижнихъ рядахъ.

Для прохода въ мѣста для зрителей устраивались лѣстницы, восходившія въ видѣ лучей отъ нижняго до верхняго ряда мѣстъ. Для сбереженія мѣста лѣстницы дѣлались очень узкія, достаточныя для прохода лишь одного человѣка (въ аѳинскомъ театрѣ онѣ имѣютъ въ ширину немного менѣе аршина). Все пространство для зрителей раздѣлялось этими лѣстницами на *клинья* (κρηίδες, cunei). Въ большихъ театрахъ устраивались одинъ или два широкихъ прохода (διαζώματα, baltei, praescinctiones), которые шли параллельно рядамъ мѣстъ отъ одного конца полукруга до другаго; этими проходами ряды дѣлились на два или на три яруса (ζῶναι).

Съ обѣихъ сторонъ, обращенныхъ къ сценѣ, пространство для зрителей оканчивалось стѣнами (ἀναλήματα), которыя восою линією или уступами постепенно понижались соотвѣтственно пониженію

рядовъ мѣстъ; непосредственно за стѣнами было по лѣстницѣ для прохода въ мѣста; между стѣнами и зданіемъ сцены были вышеупомянутые проходы (*παροδοί*) въ оркестру, чрезъ которую зрители по лѣстницамъ проходили на свои мѣста; проходы эти были обыкновенно открытые, лишь въ театрахъ римскаго стиля они имѣли крыши и тогда назывались *ψαλίδες* или *ἀψίδες*. Съ вѣншей стороны все пространство для зрителей замыкалось полукруглою стѣною, высота которой зависѣла отъ свойствъ покатости (и потому съ боковъ была обыкновенно больше, чѣмъ съ задней стороны). Въ болѣе позднія времена вдоль этой стѣны, за верхнимъ рядомъ мѣстъ для зрителей, устраивались крытые портики, которые могли доставлять зрителямъ убѣжище въ дурную погоду. Въ нѣкоторыхъ театрахъ и съ этой стороны были проходы въ мѣста для зрителей.

Въ описанномъ нами видѣ театры еще не могли служить для драматическихъ представлений: для нихъ требовались различнаго рода приспособленія, декораціи и пр., о чемъ мы скажемъ ниже. Представленія въ V и IV вв. до Р. Х. давались только въ праздники Діониса, а во все остальное время театральныя зданія стояли неукрашенными и пустыми; въ такомъ видѣ они часто употреблялись для различныхъ цѣлей, не имѣвшихъ ничего общаго съ драматическими представленіями. Прежде всего они, какъ въ цвѣтущія времена Еллады (ср. Эукид. 8,93), такъ еще болѣе въ позднѣйшія, служили мѣстомъ *народныхъ собраній*. Въ Афинахъ уже во времена Демосфена театръ былъ обычнымъ мѣстомъ собранія того вѣча, которое созывалось по окончаніи великихъ Діонисій для обсужденія дѣлъ, имѣвшихъ отношеніе къ празднику (Дем. *Мид.* 9). Позднѣе, приблизительно съ половины III в. до Р. Хр., стали происходить въ театрѣ всѣ нар. собранія, какъ регулярныя, такъ и экстраординарныя, такъ что на Пниксѣ, прежнемъ мѣстѣ собраній, народъ сталъ собираться только для выборовъ магистратовъ (Полид. VIII, 133). Въ другихъ городахъ Еллады этотъ обычай также настолько былъ распространенъ, что Цицеронъ (*pro Fl.* 7, 16) видитъ въ немъ характеристическую особенность греческихъ нар. собраній. Эта склонность собираться въ театрѣ на вѣче объясняется, конечно, тѣмъ, что театръ представлялъ несравненно болѣе удобствъ для размѣщенія собравшагося народа, чѣмъ открытая площадь. И въ тѣ дни, когда совершались драматическія представленія, обыкновенно предъ началомъ ихъ, театръ

служилъ мѣстомъ для такихъ объявленій и провозглашеній, которыми хотѣли придать наибольшую гласность и торжественность; такъ, напр., здѣсь дѣлались провозглашенія о вѣнкахъ и другихъ почетныхъ наградахъ, присужденныхъ народомъ заслуженнымъ лицамъ, въ Афинахъ производилось раздѣленіе остатковъ дани (Исокр. *о мирѣ* 82), представлялись народу ефебы и сироты убитыхъ на войнѣ гражданъ (Исокр. *ibid.*, Арист. *Аѳ. пол.* 42, Эскр. *пр. Ктес.* 154), объявлялись имена отпускаемыхъ на волю рабовъ и пр. До насъ дошло изъ Афинъ и другихъ государствъ много почетныхъ декретовъ, въ которыхъ вслѣдъ за опредѣленіемъ награды дѣлается оговорка, что провозглашеніе должно быть сдѣлано въ праздникъ Діонисій въ театрѣ. Здѣсь же ставились статуи и дѣлались почетныя надписи не только въ честь лицъ, дѣятельность которыхъ имѣла болѣе или менѣе близкое отношеніе къ театру, какъ напр. драматическихъ писателей, актеровъ и музыкантовъ, но и вообще лицъ, оказавшихъ особенно важныя услуги государству въ военное или мирное время. Театры служили иногда также мѣстомъ публичныхъ чтеній философовъ, софистовъ и пр.

Со временъ Александра Македонскаго (благодаря его любви къ играмъ всякаго рода, кромѣ атлетическихъ, Плут. *Алекс.* 4), театральныя представленія стали терять свой священный характеръ и начали устраиваться не только въ Діонисовскіе праздники, но и для торжественнаго празднованія какихъ-либо важныхъ событій политической и общественной жизни. Рядомъ съ ними стали даваться въ театрахъ и разныя другія представленія, не имѣвшія никакого отношенія къ культу Діониса, какъ напр. представленія фокусниковъ (*θαυματοποιοί*, ср. напр. Плут. *Лик.* 19), ученыхъ животныхъ и пр., а впослѣдствіи и перенесенныя изъ Рима гладіаторскія игры и звѣриныя травли. Въ частности объ афинскомъ театрѣ прибавимъ, что въ немъ еще со времени Ѳемистокла происходили разъ въ годъ установленныя закономъ пѣтушьи бои (Эл. *Поис. ист.* II, 28).

§ 5. Театръ Діониса въ Афинахъ.

До устройства постояннаго театра въ Афинахъ возводились деревянные подмостки для зрителей на агорѣ. Постоянный театръ былъ построенъ въ участкѣ Діониса Елевөөрея, находившемся на восточномъ концѣ южнаго склона акрополя и заключавшемъ въ себѣ два храма Діониса, фундаменты которыхъ сохранились по

настоящее время. Находясь въ священномъ участіи Діониса, самъ театръ назывался τὸ Διονύσιον θέατρον, или τὸ ἐν Διονύσιον θέατρον, или τὸ θ. τὸ Διονυσιακόν. О первоначальномъ видѣ этого театра у насъ нѣтъ прямыхъ свѣдѣній, о чемъ приходится тѣмъ болѣе сожалѣть, что именно въ немъ ставились самыя высокія созданія греческой драматической поэзіи, принадлежавшія величайшимъ ея представителямъ: Эсхилу, Софоклу, Еврипиду и Аристофану. Извѣстно только, что это зданіе достроилъ во 2-й половинѣ IV в. извѣстный ораторъ и политическій дѣятель Ликургъ во время своего 12-лѣтняго завѣдыванія аѳинскими финансами (338—326 г., см. ч. I стр. 191 изд. 3). Съ тѣхъ поръ театръ стоялъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, отъ времени до времени подвергаясь передѣлкамъ. Развалины, сохранившіяся послѣ его упадка и разрушенія, совершенно скрылись подъ накопившеюся въ теченіе вѣковъ землею и только въ 1862 г. были вновь открыты при раскопкахъ архитектора Штрака, продолжавшихся греческимъ археологическимъ обществомъ, а въ 1886, 1889 и 1895 г.г. окончательно изслѣдованы архитекторомъ Дёрпфельдомъ. Эти изслѣдованія привели къ заключенію, что сохранившіеся остатки зданія сцены и мѣстъ для зрителей принадлежатъ именно Ликурговскому времени; однако подъ фундаментами этого зданія были обнаружены остатки болѣе древняго сооруженія, принадлежащаго времени до персидскихъ войнъ: найдены двѣ части стѣны изъ известковаго камня, представляющія отрѣзки правильнаго круга; эта стѣна, вѣроятно, окружала древнюю оркестру; отъ мѣстъ для зрителей не сохранилось никакихъ слѣдовъ; вѣроятно это были деревянныя скамьи, расположенныя по склону горы; зданіе сцены, по мнѣнію изслѣдователей, до Ликурга также было деревянное. Ликурговское зданіе сцены представляло собою продолговатый четырехугольникъ, по бокамъ котораго выдавались впередъ два флигеля (παράσκηνα); между ними находилась деревянная декоративная стѣна (προσκήνιον). Къ тому же времени принадлежатъ мраморныя кресла, устроенныя для магистратовъ, жрецовъ и почетныхъ лицъ въ нижнемъ ряду мѣстъ для зрителей, но сохранившіяся на нихъ надписи сдѣланы позднѣе, въ большинствѣ случаевъ въ началѣ императорской эпохи ¹⁾. Позднѣе, по мнѣнію

¹⁾ Надписи эти, неоднократно издававшіяся разными учеными, собраны Диттенбергеромъ въ С. I. Att. III, №№ 240 — 298. Ср. Dörpfeld u. Reich, D. griech. Theater, стр. 46 сл. По словамъ Дёрпфельда многія изъ этихъ позднихъ надписей вырѣзаны на мѣстѣ стертыхъ надписей болѣе древней эпохи.

Дёрпфельда можетъ быть въ I в. до Р. Хр., деревянный проскений былъ замѣненъ колоннадой съ деревянными *κίονες*. Изъ одной надписи, открытой въ театрѣ (С. I. А. III, 158), видно, что при императорѣ Клавдіи (по всей вѣроятности Неронѣ) было перестроено зданіе сцены, при чемъ, какъ предполагають ученые, была впервые устроена возвышенная сцена, занявшая часть прежней круглой оркестры. Въ то же время была, вѣроятно, построена сохранившаяся балюстрада, отдѣляющая мѣста для зрителей отъ оркестры ¹⁾, и самая оркестра вымощена мраморными плитами. Въ III или IV в. по Р. Хр. сцена вновь была перестроена архонтомъ Фэдромъ, о чемъ свидѣтельствуетъ сохранившаяся стихотворная надпись ²⁾.

Форма пространства для зрителей въ театрѣ Діониса не совсемъ правильна; оно образуетъ часть круга, центръ котораго находится значительно сѣвернѣе центра оркестры; на сѣверо-востоки этотъ кругъ нѣсколько сплюсненъ вслѣдствіе того, что скала акрополя выступаетъ здѣсь впередъ, и съ восточной стороны онъ нѣсколько шире, чѣмъ съ западной. Съ сѣверной стороны *савеа* ограничена искусственно скошенной скалой акрополя (гдѣ въ пещерѣ находится нынѣ часовня *Παναγία Σπηλιώτισσα*), съ западной—двумя прочными стѣнами, съ восточной—одной стѣной, южная половина которой, какъ видно изъ сохранившихся остатковъ, имѣла совершенно неправильную форму; со стороны сцены *савеа* ограничена двумя тщательно выстроенными фронтowymi стѣнами, изъ которыхъ восточная, вслѣдствіе указанной неправильности формы театра, длиннѣе западной на 7 метровъ. Ступени для сидѣнія въ самомъ верху высѣчены въ скалѣ, а ниже—сдѣланы изъ камней, вставленныхъ прямо въ землю, безъ фундаментовъ. Въ театрѣ были два *διαζώματα*, изъ коихъ верхнее совпадало съ дорогой, шедшей чрезъ театръ съ в. на з., къ святилищу Аскленія.

Пространство для зрителей 14-ю лѣстницами, изъ которыхъ двѣ крайнія лежать у самыхъ фронтowychъ стѣнъ, дѣлилось на 13

¹⁾ Причину постройки балюстрады Дёрпфельдъ (уп. соч. стр. 92) объясняетъ тѣмъ, что въ тѣ времена въ оркестрѣ должны были происходить гладиаторскія игры и др. представления подобнаго рода, участники которыхъ могли бы беспокоить зрителей, если бы послѣдніе не были отдѣлены прочною перегородкою.

²⁾ С. I. Att. III, 239: *Σοὶ τόδε καλὸν ἔτευξε, φιλόργγε, βῆμα θεήτρου Φαῖδρος Ζωῖλου, βιοδώτορος Ἀτθῆδος ἀρχός.*

клиньевъ (κρηίδας). Большинство мѣстъ уничтожено за исключеніемъ нижнихъ рядовъ, ближайшихъ къ оркестрѣ. Отдѣльныя мѣста, какъ кажется, обозначались чертами, врѣзанными на передней сторонѣ ступеней на разстояніи немного болѣе $\frac{1}{2}$ арш. одна отъ другой; мѣста для ногъ нѣсколько углублены. На нижней ступени, болѣе широкой чѣмъ остальные, стояло 67 кресель изъ бѣлаго Пентеликскаго мрамора съ надписями для лицъ, удостоенныхъ проедриіи, именно въ 2-хъ крайнихъ клиньяхъ по 6, а въ остальныхъ по 5. Особенно богатыми украшеніями отличается стоявшее въ срединѣ ряда кресло жреца Діониса Елевоерея. Не сохранилось на мѣстахъ 15 кресель, но вѣроятно сюда же принадлежатъ 6 цѣлыхъ или обломанныхъ кресель, найденныхъ въ другихъ рядахъ. За первымъ рядомъ находится узкій проходъ, за которымъ начинаются обыкновенныя мѣста; впрочемъ во 2, 3 и 5 ряду есть отдѣльныя почетныя кресла и кромѣ того на нижнихъ ступеняхъ (не выше 24-й) еще 82 почетныя мѣста съ надписями, предназначенныя преимущественно для жриць ¹⁾). Въ нѣсколькихъ мѣстахъ театра въ разное время были поставлены на пьедесталахъ статуи выдающихся лицъ.

Оркестра имѣетъ форму полукруга и отдѣлена отъ мѣстъ для зрителей хорошо сохранившеюся мраморною балюстрадою въ $1\frac{1}{2}$ арш. высоты. Оркестра искусно вымощена мраморными плитами: за каналомъ, находящимся непосредственно за балюстрадою, идетъ по изгибу оркестры узкая полоса изъ плитъ Пентеликскаго мрамора; въ обрамленномъ такимъ образомъ пространствѣ лежатъ плиты изъ Пентеликскаго и Гиметтскаго мрамора, образуя бѣлые и темные ряды; въ срединѣ, нѣсколько ближе къ сценѣ, чѣмъ къ балюстрадѣ, лежитъ 4-угольная плита изъ Пентеликскаго мрамора, образующая средину большого ромба, выложеннаго плитами изъ Пентеликскаго, Гиметтскаго и красноватаго мрамора. Эту настилку Дѣрпфельдъ относитъ къ римскимъ временамъ. Раньше, по его мнѣнію, площадка оркестры была просто усыпана землею или убита глиною.

Отъ зданія сцены сохранилось много фундаментовъ, принадлежащихъ разнымъ эпохамъ. Повидимому при перестройкѣ зданія въ началѣ императорской эпохи стѣна проскенія была выдвинута впередъ къ оркестрѣ, такъ что соприкасалась съ балюстрадою ея

¹⁾ С. I. Att. III, №№ 303—384.

и закрывала собою пароды. Стѣна была тогда украшена мраморными барельефами, отъ которыхъ сохранилось 4 плиты въ западной половинѣ ея; первая изъ нихъ представляетъ рожденіе Діониса, вторая—почитаніе его въ деревнѣ, четвертая—почитаніе въ городѣ; на третьей почти тѣ же фигуры, что на 4-й, только въ иномъ порядкѣ. Плиты раздѣлены тремя нишами, изъ которыхъ въ средней сохранилась мраморная статуя сидящаго на корточкахъ Силена; она, впрочемъ, не соразмѣрна съ нишею и вѣроятно вставлена въ нее лишь впоследствии, а первоначально имѣла другое назначеніе.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы, естественно, будемъ обращать преимущественное вниманіе на аѳинскій театръ.

Сочиненія о театральномъ дѣлѣ въ Атикѣ и о театрѣ Діониса: *W. Vischer*, Die Entdeckungen in Dionysostheater zu Athen, Bern 1863. — *A. Müller*, ст. въ *Philologus* т. 23 и 35. — *Linder*, Dionysostheater in Athen, Stockholm 1865. — *O. Benndorf*, Beiträge zur Kenntniss d. Att. Theaters, Wien 1875. — *L. Julius*, ст. въ *Lützow's Zeitschrift für bild. Kunst* т. 13 (1878). — *J. R. Wheeler*, ст. въ *Papers of the Amer. School at Athen* т. I (1882). — *U. von Wilamowitz-Moellendorf*, Die Bühne des Aeschylus въ журн. *Hermes* т. 21. — *Haigh*, The attic theatre, Oxf. 1889. — *O. Navarre*, Dionysos. Etude sur l'organisation matérielle du théâtre Athénien, Par. 1895. — *Планы развалинъ театра Діониса: E. Curtius*, Sieben Karten zur Topographie von Athen, Bl. 7, кромѣ того у *Юлиуса* (сост. архитекторомъ Циллеромъ; повторенъ *A. Мюллеромъ* въ *Bühnenalterth.* стр. 89), *Каверо* (см. стр. 260), *Дёрнфельда* и *Рейша* и др.

ГЛАВА 25-я.

Декорации и машины.

Наши знанія о тѣхъ приспособленіяхъ, которыя дѣлались въ театральныхъ зданіяхъ для драматическихъ представленій, во многихъ отношеніяхъ недостаточны. Свидѣтельства позднихъ писателей (Витрувія, Полидевка и др. лексикографовъ, схолиастовъ и т. п.) даютъ много цѣнныхъ указаній, но ими нужно пользоваться осторожно, такъ какъ эти свидѣтели, не имѣя точныхъ свѣдѣній объ устройствѣ представленій въ V и IV вв. до Р. Хр., могли переносить на тѣ времена особенности позднѣйшаго устройства; поэтому важнѣйшими источниками нашихъ свѣдѣній объ этихъ древнѣйшихъ временахъ являются намеки и указанія, встрѣчающіяся въ сохранившихся пьесахъ. Къ сожалѣнію, многія изъ этихъ указаній допускаютъ возможность различныхъ толкованій,

вслѣдствіе чего о многихъ подробностяхъ театральнаго дѣла въ новой наукѣ существуютъ разнообразныя воззрѣнія, иногда рѣзко отличающіяся одно отъ другого. Даже самый существенный вопросъ—о мѣстѣ дѣйствія актеровъ и хора въ V в., какъ мы видѣли, далеко не можетъ быть названъ рѣшеннымъ окончательно и какъ разъ въ послѣднее время разсматривается учеными съ особенною живостью.

Различны также взгляды на то, въ какой мѣрѣ достигалась въ греческихъ театрахъ сценическая иллюзія посредствомъ разныхъ приспособленій: одни ученые думали, что грекамъ, при ихъ живой фантазіи, достаточно было лишь легкихъ намековъ для того, чтобы ясно представлять себѣ всѣ внѣшнія условія, среди которыхъ должно было совершаться данное дѣйствіе; другіе, напротивъ, утверждали, что греки стремились къ тому, чтобы представлять зрителямъ всю обстановку дѣйствія какъ можно ближе къ дѣйствительности. Сохранившіяся пьесы ясно доказываютъ, съ одной стороны, что декорации дѣйствительно существовали, съ другой—что для фантазіи зрителей иногда оставался широкій просторъ и она должна была дополнять то, что никоимъ образомъ не могло быть представлено на сценѣ ¹⁾.

Первоначально, какъ мы знаемъ, простая палатка (или шалашъ), изъ которой выходилъ актеръ, замѣняла собою всякія декорации. Еще въ началѣ дѣятельности Эсхила декораций, кажется, совсѣмъ не было: въ «Умоляющихъ» упоминаются только алтарь и изображенія или символы боговъ (ст. 180, 208, 210), въ «Промееѣ»—только скала, къ которой прикованъ титанъ (ст. 20, 56, 1016), въ «Семи противъ Эивъ» нѣтъ никакихъ намековъ на декорации, если не считать упоминаній о жертвенникахъ и кумирахъ боговъ. Въ другихъ сохранившихся пьесахъ главныя декорации указываются болѣе или менѣе ясно. Такъ напр. въ Эсхилovýchъ «Персахъ», «Агамемнонѣ» и «Хоефорахъ» дѣйствіе происходитъ передъ дворцомъ, въ началѣ «Евменидъ»—предъ храмомъ; у Софокла въ «Антигонѣ», «Эдипѣ царѣ», «Електрѣ» и «Трахинянахъ» задняя стѣна представляетъ дворецъ, въ «Фи-

¹⁾ Напр. въ нѣсколькихъ пьесахъ Аристофана и въ Еврипидовой «Електрѣ» дѣйствіе начинается ночью, тогда какъ предъ глазами зрителей былъ бѣлый день. Въ «Ахарнянахъ» Аристофана домъ Дикѳопола сначала представленъ въ городѣ, потомъ въ деревнѣ, наконецъ снова въ городѣ.

локтегъ»—пещеру, въ «Эдипъ Колонскомъ»—дѣсистую мѣстность съ священнымъ участкомъ, въ «Эантѣ» — палатку. Въ пьесахъ Еврипида дѣйствіе происходитъ чаще всего предъ дворцомъ, иногда предъ храмомъ, палаткою или деревенскимъ домомъ («Електра»), а въ сатирической драмѣ «Киклопъ»—предъ пещерою.

Начало декоративной живописи (*σκηνογραφία*) относится еще ко времени Эсхила. По словамъ Витрувія (VII, *praef.* 11) самосскій художникъ Агаеархъ писалъ декорации для Эсхилovýchъ пьесъ, тогда какъ Аристотель (*Поэт.* IV, 17) приписываетъ первое употребленіе декоративной живописи Софоклу. Связывая вмѣстѣ эти преданія, мы должны отнести дѣятельность Агаеарха къ концу жизни Эсхила, когда уже и Софоклъ пользовался славой драматическаго писателя.

Ближайшихъ свѣдѣній объ устройствѣ декораций у насъ нѣтъ. Въ позднѣйшія времена, когда стѣна проскенія была каменная, декорации не могли писаться прямо на ней, но едва ли онѣ писались и раньше на деревянной стѣнѣ, такъ какъ нерѣдко могли требоваться различныя декорации для разныхъ пьесъ, представляемыхъ въ одинъ и тотъ же праздникъ. Скорѣе можно думать, что декоративныя картины прислонялись къ стѣнѣ проскенія, а когда она имѣла форму колоннады, то размѣщались въ промежуткахъ колоннъ.

Актеры выходили на мѣсто дѣйствія частью дверями сцены (или, если слѣдовать теоріи Дерпфельда, — дверями проскенія), частью, какъ и хоръ, пародами. Входы правой отъ зрителя стороны представлялись ведущими въ ближнія мѣста (въ городъ, въ гавань и т. п.), а входы лѣвой—ведущими на чужбину.

Употребленіе декораций, представлявшихъ отдѣльные предметы, также не было чуждо греческой сценѣ. Весьма часто встрѣчаются, напр., упоминанія объ алтаряхъ и статуяхъ боговъ: въ Эсхилovýchъ «Евменидахъ» упоминается статуя Аены (ст. 233), въ Софокловомъ «Эдипѣ царѣ» дѣйствіе открывается предъ алтаремъ Аполлона, въ «Агамемнонѣ», «Умоляющихъ» и «Семи» Эсхила упоминается *χοινοβορῆα* нѣсколькихъ боговъ, у Еврипида и Аристофана также неоднократно встрѣчаются подобныя указанія. Затѣмъ нерѣдко ставились на сценѣ гробницы, какъ напр. Дарія въ «Персахъ», Агамемнона въ «Хоефорахъ» и т. п. Въ Аристофановыхъ «Всадникахъ» и «Ахарнянахъ» дѣйствіе происходитъ на Пниевѣ, на кото-

ромъ мѣсто народнаго собранія навѣрное было представлено хотя нѣсколькими скамейками. Иногда дѣйствующія лица появляются на крышѣ дома или дворца, какъ напр. стражъ въ началѣ Эсхилова «Агемемнона», Антигона съ педагогомъ въ «Финикійцахъ» Еврипида (ст. 90, 193); у Аристофана въ «Ахарняхъ» Дикэополь приглашаетъ жену смотрѣть съ крыши на процессію (ст. 262), въ «Облакахъ» Стрепсиадъ взбирается на крышу «думальни» (ст. 1502).

Въ греческихъ пьесахъ дѣйствіе никогда не представляется происходящимъ *внутри* жилища и потому внутренность его никогда не изображалась посредствомъ декораций. Между тѣмъ иногда являлась необходимость показать зрителямъ совершившееся внутри дома, особенно если это могло вызывать сильныя чувства и тѣмъ способствовать цѣлямъ трагика, каковы, напр., потрясающія сцены послѣ убіенія одного изъ дѣйствующихъ лицъ; представлять зрителямъ самую сцену убійства не было въ обычаѣ у грековъ, но иногда трупы лицъ, убитыхъ за сценою, или одни, или вмѣстѣ съ убійцами по ходу дѣйствія должны были вдругъ дѣлаться видимыми зрителямъ, при чемъ въ текстѣ пьесы не указывалось, что они будутъ внесены на сцену. Для такихъ цѣлей употреблялась *ἐκκλήμα*, представлявшая собою, по всей вѣроятности, деревянную платформу, которая выкатывалась на колесахъ чрезъ дверь проскенія¹⁾. (Нѣкоторые ученые думаютъ, что это была раздвижная стѣна декорации). Лица, показывавшіяся посредствомъ *ἐκκλήμα*, считались находящимися внутри дома и, когда по ходу пьесы они оказывались ненужными, машина отодвигалась назадъ. Машина, называвшаяся *ἡ ἐξώστρα* (гл. *ἐξωθεῖν*), по правдоподобию свидѣтельству Полидева (IV, 129) и Гесихія (п. сл.) была тождественна съ *ἐκκλήμα*.

Извѣстно, что въ греческихъ пьесахъ нерѣдко являются боги; представлявшіе ихъ актеры иногда выступали къ зрителямъ точно такъ же и тамъ же, какъ и другіе (напр. въ прологахъ нѣсколькихъ пьесъ Еврипида, а также у Эсх. *Пром.* 943—Гермесъ, *Евмен.* 556—Афина и пр.). Но иногда событія, которыя представлялись совершавшимися въ мірѣ боговъ, ясно отличались отъ событій, происходившихъ на землѣ. Если, слѣдуя теоріи Дёрп-

¹⁾ О колесахъ *ἐκκλήμα* упоминаютъ: skol. Арист. *Ахарн.* ст. 407; Евст. къ *Ил.* р. 976, 15; Полид. IV, 128 и др.

фельда, обычнымъ мѣстомъ драматической игры считать оркестру, то можно думать, что такія событія разыгрывались наверху, на крышѣ проскенія или сцены. Можетъ быть, это мѣсто и называлось θεολογείον (Пол. IV, 130). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ текстахъ пьесъ указывается на то, что божество прилетаетъ сверху (изъ зенита, съ неба) и говорить, паря въ воздушномъ пространствѣ. Такія явленія производились посредствомъ особой машины для полетовъ. Нерѣдко она называется просто машиной (μηχανή); вѣроятно, къ ней же относятся названія ἐφόρημα (подъемная машина) и γέρανος (журавль, подъемный крѣзь). Веревки, которыми подвѣшивались къ ней актеры, назывались αἰφώρα. Такія явленія боговъ особенно часто служили для развязки въ Еврипидовыхъ трагедіяхъ и вообще въ трагедіяхъ послѣднихъ двухъ десятилѣтій V вѣка. Поэтому и внезапная, не вытекавшая изъ дѣйствія трагедіи развязка, производившаяся посредствомъ неожиданнаго вмѣшательства божества, называлась θεός ἀπό μηχανῆς, deus ex machina. Та же машина примѣнялась, вѣроятно, и для полетовъ снизу, съ поверхности земли, вверхъ. Такіе полеты совершали, напр., Еврипидовскій Беллерофонтъ и Аристофановскій Тригей (въ комедіи «Миръ»).

Существовали особія приспособленія для того, чтобы изображать появленіе дѣйствующаго лица изъ-подъ земли и исчезновеніе его въ нѣдра земли. Такія приспособленія назывались ἀναπέματα (подъемы) и χαράματα κλίμακες (Хароновскія, т. е. адскія лѣстницы). Къ нимъ прибѣгали, когда изображалось появленіе душъ умершихъ или вообще существъ подземнаго міра, а также разныхъ божествъ и т. п.

Греческая драма постоянно, за весьма немногими исключеніями, наблюдала единство мѣста дѣйствія; поэтому въ ней рѣдко встрѣчалась надобность въ такихъ приспособленіяхъ, при помощи которыхъ было бы возможно быстро перемѣнить изображенную на сценѣ мѣстность, когда того требовалъ ходъ пьесы. Для такихъ случаевъ употреблялись *періакты*, αἱ περίακτοι. По объясненію Витрувія (V, 6, 8), это были вращающіеся треугольники (*versatiles trigones*) или, точнѣ говоря, трехстороннія призмы, высотой равнявшіяся проскенію и обращавшіяся вокругъ своей оси. На каждой сторонѣ призмы было помѣщено изображеніе какой-либо мѣстности, такъ что онѣ замѣняли собою наши кулисы; Полидевкъ говоритъ (IV, 131), что на періакты навѣшивались такъ называемыя

καταβλήματα, представлявшія собою картины на ткани или доскахъ (ὀψάρματα ἢ πίνακες) съ изображеніемъ горъ, моря, рѣкъ и т. п. Такимъ образомъ, если эти картины можно было снимать и замѣнять новыми, то этимъ достигалась возможность удовлетворять той небольшой потребности разнообразить декорациі, какая существовала въ греческихъ драмахъ. Сервій (*ad Virg. Georg.* III, 24) указываетъ еще одинъ способъ перемѣны декорациі, состоявшій въ томъ, что требуемая пьесою декорациі ставились одна передъ другою и въ требуемую ходомъ пьесы минуту передняя раздвигалась въ обѣ стороны.

Относящіяся къ настоящей главѣ свидѣтельства древнихъ и новую литературу указываетъ А. Мюллеръ, *Bühnenalterth.* §§ 11—13. Ср. также Г. Г. Павлуцкий, *Скенографія у грековъ* (въ *Кіевскихъ Унив. Извѣстіяхъ* 1888 г.).—Neckel, *Das Ekkyklema*, Progr. Friedl. 1890.—А. Körte, *Die Exostra d. griech. Theaters. Rhein. Mus.* 52 (1897).

ГЛАВА 26-я.

Актеры.

Лица, исполнявшія роли въ драматическихъ произведеніяхъ, назывались по-гречески ὀπορῆται, а самое исполненіе ролей обозначалось глаголами διατιθέναι или ὀπορῖναι и производными отъ нихъ сущ. διάθεσις, ὀπορῆσις ¹⁾. Главнѣйшее отличіе греческаго театра отъ нашего относительно актеровъ состоитъ въ томъ, что у грековъ всѣ роли, какъ мужскія, такъ и женскія, исполнялись мужчинами, и что самое число актеровъ въ каждой пьесѣ было ограничено тремя. Извѣстно, что Теспидъ впервые ввелъ одного актера, который и представлялъ разныхъ лицъ, пользуясь для этого масками, изобрѣтенными тѣмъ же поэтомъ. Эсхиль ввелъ втораго актера, а Софокль сдѣлалъ новый шагъ по пути къ усовершенствованію трагедіи введеніемъ третьяго (и послѣдняго) актера. Въ сатировой драмѣ безъ сомнѣнія было такое же число

¹⁾ Значеніе глагола ὀπορῖναι (и производныхъ отъ него существительныхъ) въ примѣненіи къ драматическому искусству объясняется различно: одни понимаютъ его въ смыслѣ respondere, другіе — in certamine succedere, третьи — interpretari или declamare.

актеровъ; относительно древней комедіи также есть прямое свидѣтельство ¹⁾, что Кратинъ ограничилъ число комическихъ актеровъ тремя; анализъ комедій Аристофана также показываетъ, что онѣ могли быть исполняемы тремя актерами, за исключеніемъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ ролей, для которыхъ требовались *παρορχήματα* (см. ниже). Въ новой греческой и римской комедіи (за исключеніемъ *fabula palliata*) число актеровъ также не превышало трехъ.

Одна изъ главныхъ причинъ, почему поэты принуждены были въ своихъ пьесахъ, столь разнообразныхъ по содержанію, довольствоваться однимъ и тѣмъ же числомъ актеровъ, заключалась, безъ сомнѣнія, въ томъ, что драматическія представленія были праздничными состязаніями (*ἀγῶνες*), совершавшимися отъ лица государства и подъ его надзоромъ. Открывая на сценѣ поприще для соперничества поэтовъ, государство должно было предоставлять имъ совершенно одинаковыя внѣшнія средства, между прочимъ и равное число хоровъ и актеровъ, для того чтобы условія состязанія были равны для всѣхъ его участниковъ.

Эти три актера различались по достоинству соотвѣтственно важности занимаемыхъ ими ролей и носили названія *перваго, втораго и третьяго состязателя* (*πρωταγωνιστής, δευτεραγωνιστής, τριταγωνιστής*). Протагонисты пользовались наибольшимъ уваженіемъ, вторые актеры стояли значительно ниже, а третьи были даже прямо въ пренебреженіи. Чѣмъ руководствовались при распредѣленіи ролей одной пьесы между тремя актерами, намъ мало извѣстно. Общія положенія были приблизительно слѣдующія: самыя большія, отвѣтственныя и патетическія роли отдавались протагонисту; деутерагонистомъ исполнялись роли такихъ лицъ, которыя входили въ ближайшее соприкосновеніе съ главнымъ лицомъ пьесы; въ трагедіяхъ Софокла на долю деутерагониста часто приходились женскія роли, какъ напр. Исмена, Хрисоэмида, Антигона (въ Эдипѣ Колонскомъ). Тритагонистъ игралъ роли, наименѣе значительныя по своему психологическому содержанію, хотя необходимыя въ пьесѣ для мотивировки, развитія или развязки дѣйствія. Впрочемъ разныя частности въ этой области остаются неясными, и изслѣдователи при объясненіи отдѣльныхъ пьесъ нерѣдко приходятъ къ противорѣчивымъ результатамъ.

¹⁾ Anon. *de com.* in schol. Aristoph. ed. Dübner p. XVIII, 85.

Несмотря, однако, на строгую определенность числа актеров, встрѣчаются пьесы, въ которыхъ трехъ актеровъ было не достаточно, такъ какъ на сценѣ одновременно должны были находиться четыре лица и даже болѣе (напр. у Софокла въ «Эдипѣ Колонскомъ»); иногда выводятся на сцену и дѣти (напр. у Еврипида въ «Алkestидѣ» — Евмель, въ «Андромахѣ» — Молоссъ). Въ такихъ случаяхъ поэты, не имѣя возможности получить большее количество актеровъ отъ государства, должны были обращаться къ любезности хореговъ, обязанности которыхъ во всякомъ случаѣ не ограничивались ихъ главной задачей, т. е. постановкой хоровъ, а распространялись и на постановку статистовъ и разныхъ принадлежностей, нужныхъ для пьесъ (ср. Арист. *Миръ* ст. 1020; Плут. *Фок.* 19). По словамъ Полидевка (IV, 110), если выступалъ четвертый актеръ, что либо произносившій, то это называлось *парахоррѣματα*, т. е. лишней постановкой хорега ¹⁾. Лица безъ рѣчей (*χωρὰ πρῶστα*, *δορυφορήματα*) весьма часто выводились какъ въ трагедіяхъ, такъ и въ комедіяхъ, и не принадлежали къ числу *парахоррѣματα*. Они представляли собою то свиту, въ сопровожденіи которой выступали на сцену знатныя лица, то массу народа (напр. въ началѣ «Эдипа царя»), то отдѣльныхъ лицъ, оставшихся на сценѣ въ молчаніи (напр. у Эсхила Гермесъ въ «Евменидахъ», Вѣа въ «Промееѣ»).

Въ первыя времена по возникновеніи драмы авторы пьесъ обыкновенно бывали и главными ихъ исполнителями. Еще Эсхиль самъ игралъ главныя роли въ своихъ трагедіяхъ и самъ выбиралъ второго актера, который и былъ, такимъ образомъ, постояннымъ его помощникомъ. Софоклъ по слабости голоса только дважды принималъ личное участіе въ исполненіи своихъ пьесъ, именно въ главной роли трагедіи «Амириды», при чемъ игралъ на киварѣ, и въ роли Навсикаи въ «Πλόστραι», гдѣ выказалъ свою ловкость въ игрѣ въ мячъ. Послѣ него поэты уже только въ видѣ исключенія выступали въ качествѣ актеровъ и уже не сами выбирали себѣ актеровъ, а получали ихъ по жребію. Распредѣленіе актеровъ между поэтами дѣлалось, повидимому, такимъ образомъ: протагонисты,

¹⁾ Схол. Аристоф. *Мира* къ ст. 114 называетъ этимъ именемъ выступленіе на сцену дочерей Тригэа. Иногда *парахоррѣματα* назывались дѣлне побочные хоры, какъ напр. хоръ лагушекъ въ Аристофановой комедіи того же имени (схол. *Ля.* 209).

изъявившіе желаніе участвовать въ спектакляхъ даннаго праздника, подвергались испытанію (*κρίσις*), на основаніи котораго изъ ихъ числа выбирались трое соотвѣтственно числу поэтовъ, допущенныхъ къ состязанію, и затѣмъ каждый поэтъ по жребію получалъ одного протагониста, который и игралъ во всѣхъ пьесахъ тетралогіи; протагонистъ, одержавшій побѣду, въ слѣдующемъ году уже прямо, безъ предварительнаго испытанія (*ἀκρίτως*), допускался къ жребію ¹⁾. Еще позднѣе, въ IV в., этотъ порядокъ былъ измѣненъ такимъ образомъ, что каждый протагонистъ служилъ одинаково всѣмъ тремъ поэтамъ, участвовавшимъ въ состязаніи, т. е. игралъ въ одной пьесѣ каждаго изъ нихъ. «Смыслъ и цѣль такого порядка, говоритъ проф. Никитинъ (Къ ист. ае. драм. сост., стр. 117), понятны. При немъ уравниваются до послѣдней возможности шансы на побѣду и для состязавшихся поэтовъ, и для состязавшихся актеровъ, устраняется возможность такого случая, что какой-нибудь поэтъ будетъ признанъ побѣдителемъ не потому, что его произведеніе само по себѣ лучше всѣхъ остальныхъ, поставленныхъ на томъ же состязаніи, а потому, что ему достался самый лучший исполнитель, — самая лучшая труппа актеровъ, — устраняется, насколько это допускается сущностью дѣла, возможность и такой случайности, что судьи состязанія объявятъ побѣдителемъ инаго протагониста не за его собственные достоинства, а потому, что ему пришлось играть въ пьесахъ самаго лучшаго поэта». Сдѣлавшись совершенно независимыми отъ поэтовъ, актеры стали соединяться въ болѣе или менѣе многочисленныя труппы.

При первоначальной зависимости актеровъ отъ поэтовъ было вполне естественно, что между тѣми и другими обыкновенно существовали тѣсныя дружескія отношенія и что поэты выбирали для своихъ пьесъ такихъ актеровъ, которые имъ нравились. При такихъ отношеніяхъ является вѣроятнымъ и свидѣтельство древней «біографіи Софокла», что этотъ великій трагикъ писалъ роли преимущественно къ индивидуальнымъ свойствамъ своихъ актеровъ (какъ это бываетъ и въ наше время).

¹⁾ По свидѣтельству же-Плутарха (*Vitae X orr.* p. 841 f) ораторъ Ликургъ установилъ законъ, чтобы въ послѣдній день праздника Анеестерій въ театрѣ происходило состязаніе комическихъ актеровъ и побѣдившій въ немъ допускался къ представленіямъ въ городѣ (*εις ἄστυ καταλέγεσθαι*). Но смыслъ этого свидѣтельства не вполне еще разъясненъ (ср. *A. Müller*, *Bühnenalterth.* стр. 309 и 362; *A. Mommsen*, *Feste d. Stadt Athen*, стр. 401).

Греческія драматическія произведенія исполнялись весьма разнообразными способами: въ нихъ входили и метрическая рѣчь, и пѣніе, и музыка, и танцы. Поэтому и актеру нужно было много природныхъ свойствъ и упражненія, чтобы достигнуть возможности удовлетворять этимъ разнообразнымъ требованіямъ, исполняя многоразличныя мужскія и женскія роли. Онъ долженъ былъ обладать основательнымъ образованіемъ въ декламациі, пѣніи и мелодраматическомъ исполненіи, развитою жестикуляціею, значительнымъ искусствомъ въ танцахъ, наконецъ звучнымъ и гибкимъ голосомъ и вполне ясною дикціею. Подробное разсмотрѣніе сценическаго искусства не входитъ въ область древностей, такъ что мы ограничимся лишь немногими замѣчаніями о немъ.

Въ греческихъ пьесахъ просто декламировались, какъ кажется, только ямбическіе триметры діалога, по метру ближе всего подходившіе къ обыкновенной рѣчи. Лирическія партіи пѣлись актерами (*μωφῶδία*, Арист. *Поэт.* 12), а тетраметры и *σοστῆματα* хора исполнялись, можетъ быть, речитативомъ, обыкновенно съ инструментальнымъ аккомпаниментомъ. Этотъ способъ исполненія назывался *παρὰκαταλόγῃ*. Тетраметры діалогическіе исполнялись мелодраматически, т. е. декламировались при инструментальномъ аккомпаниментѣ. Такое исполненіе называлось *καταλόγῃ* (см. Ксен. *Пиръ* 6, 3). Для аккомпанимента служилъ преимущественно духовой инструментъ, называвшійся *αὐλός* (кларнетъ), хотя встрѣчаются упоминанія и о струнныхъ инструментахъ. Музыканты выступали къ зрителямъ одновременно съ хоромъ и помѣщались вмѣстѣ съ нимъ въ оркестрѣ.

Сильный и въ то же время гибкій голосъ былъ существенно необходимъ для актера; первое качество требовалось по причинѣ большихъ размѣровъ греческихъ театровъ, въ которыхъ собирались иногда десятки тысячъ слушателей, при чемъ значительное число ихъ въ послѣднихъ рядахъ находилось на большомъ разстояніи отъ актеровъ; второе — потому, что актеръ долженъ былъ всегда брать вѣрный тонъ въ разныхъ роляхъ, которыя ему приходилось исполнять въ одной и той же пьесѣ (Арист. *Рет.* III, 1; Лук. *Рыб.* 31). Большое вниманіе должны были обращать актеры на ясность произношенія, такъ какъ имѣли дѣло съ публикою, отличавшеюся необыкновенною тонкостью слуха и вкуса: малѣйшая ошибка въ произношеніи возбуждала смѣхъ зрителей и надолго роняла репутацію актера. Извѣстенъ случай съ актеромъ Гегелохомъ, котораго комички

осмѣивали за то, что онъ, играя заглавную роль въ Еврипидовомъ «Орестѣ», въ ст. 299 вмѣсто γαλήν' ὄρω произнесъ γαλήν ὄρω. Поэтому правильная постановка голоса имѣла важное значеніе; намъ не извѣстно, подъ чьимъ руководствомъ актеры упражняли свои голоса въ классическія времена; но въ греческихъ надписяхъ императорской эпохи и у римлянъ неоднократно упоминаются особые учителя, называвшіеся по-гречески *φωνασχοί*. Упражненія въ пѣніи также дѣлались очень часто и при томъ въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ тѣла (Cic. *de or.* I, 59, 251). Очень заботились также о развитіи и укрѣпленіи памяти, тѣмъ болѣе, что суфлеровъ у грековъ, кажется, не было! Наконецъ, для сохраненія здоровья и силы голоса актеры соблюдали разныя діететическія правила, напр. относительно умѣренности въ пищѣ и питьѣ и пр. (Аѳен. VIII, 31 и др.).

Мимика совершенно отсутствовала въ сценическомъ искусствѣ грековъ вслѣдствіе употребленія масокъ; за то большое вниманіе обращалось на жесты и тѣлодвиженія, придававшія большую выразительность игрѣ; ихъ важность неоднократно отмѣчается авторами (напр. Арист. *Рет.* II, 8 и др.). Относительно движеній отдѣльныхъ членовъ тѣла и въ особенности игры пальцами, замѣнявшей отчасти отсутствовавшую мимику, у древнихъ существовало широко развитое ученіе со множествомъ подробностей, о которыхъ намъ кое-что сообщаютъ Квинтиліанъ (XI, 65—136) и Донатъ въ комментаріяхъ къ комедіямъ Теренція. Трагическій костюмъ очень стѣснялъ свободу движеній актеровъ, и потому ихъ движенія были поневолѣ медленны, плавны и торжественны, особенно хожденіе; быстрая походка въ трагедіи встрѣчается лишь въ видѣ исключенія и всегда мотивируется ¹⁾). Высокіе котурны мѣшали даже твердой и увѣренной походкѣ трагическихъ актеровъ, которые поэтому охотно пользовались для опоры длинными палками и скипетрами (однако имъ, тѣмъ не менѣе, случалось иногда падать на сценѣ). Отчасти вслѣдствіе этого страстныя движенія и бурныя сцены въ родѣ единоборства, убійства и т. п. очень рѣдко встрѣчаются въ трагедіи, тѣмъ болѣе, что и не подходятъ къ ея величавому, торжественному тону ²⁾). Въ комедіи вся

¹⁾ Напр. Соф. *Ел.* 871, *Ант.* 766, Евр. *Ел.* 543, *Андром.* 545 и др.

²⁾ Въ сохранившихся пьесахъ бурныя сцены, требовавшія стремительныхъ движеній, имѣются только у Соф. *Эд. Кол.* 820 сл., Евр. *Иф. Авл.* 302 сл., *Гер.* 68 сл.

игра была гораздо живѣе, что обуславливалось съ одной стороны характеромъ представленія, съ другой — менѣе стѣснительнымъ костюмомъ. Впрочемъ и въ исторіи искусства трагическихъ актеровъ, чѣмъ далѣе оно развивалось, тѣмъ болѣе древняя величавая сдержанность уступала живости реалистическаго воспроизведенія душевныхъ состояній. Актерамъ, привывшимъ къ строгой простотѣ эсхиловаго театра, казалось, что уже актеры Софокла унижали достоинство трагической Музы слишкомъ точнымъ подражаніемъ дѣйствительности (Арист. *Поэт.* 26). Изъ болѣе позднихъ временъ есть не мало свидѣтельствъ о чрезвычайно сильномъ впечатлѣніи, какое лучшіе изъ греческихъ трагическихъ актеровъ умѣли производить на публику. Иллюстраціями частностей сценическаго искусства служатъ сохранившіяся многочисленныя изображенія драматическихъ сценъ, какъ напр. Ватиканская мозаика, Помпейскія стѣнные картины, рисунки въ рукописяхъ Теренція, изображенія на вазахъ и т. п. ¹⁾).

Литература, сверхъ указанной у *А. Мюллера*: объ отношеніяхъ актеровъ и авторовъ — *П. В. Никитинъ*, Къ исторіи аѳинскихъ драматическихъ составаній, Спб. 1882.—О способахъ исполненія различныхъ партій греческихъ, особенно комическихъ драмъ—*Θ. Ф. Эльминскій*, О синтагмахъ въ древней греческой комедіи, Спб. 1883; О дорійскомъ и іонійскомъ стиляхъ въ древней аттич. комедіи, Спб. 1885; *Die Gliederung der altattischen Komödie*, Leipz. 1885.—*A. de Angeli*, La musica nel drama Greco, *Rivista di filol.* 22 (1893).—*Chr. Kirchhoff*, Dramatische Orchestik der Hellenen, Leipz. 1899.

ГЛАВА 27-я.

Хоръ.

Извѣстно, что первоначально хоръ игралъ главную роль въ драматическомъ представленіи. Со временъ Эсхила, прибавившаго втораго актера, главное значеніе въ пьесѣ перешло къ актерамъ, но хоръ всетаки остался существенной частью въ трагедіи, сати-ровской драмѣ и древней комедіи и вышелъ изъ употребленія только въ средней комедіи. Трагическій хоръ первоначально состоялъ изъ 12 лицъ, а со временъ Софокла—изъ 15; это число осталось навсегда обычнымъ въ хорѣ трагедіи, а также, по всей

¹⁾ См. *Baumeister*, Denkmaler d. kl. Altert. п. сл. *Trauerspiel* и табл. 78, 79; *Lustspiel* съ табл. 17.

вѣроятности, и сатировской драмы. Хоръ комедіи состоялъ изъ 24 лица.

Драматическій хоръ располагался въ оркестрѣ въ видѣ четырехугольника и потому называется *χορὸς τετράγωνος* въ отличіе отъ двоямбическаго, который становился въ видѣ круга, въ центрѣ котораго находился алтарь, и потому назывался *κύκλιος*. Трагическій хоръ состоялъ изъ 3-хъ шеренгъ (*στοῖχοι*) по 5 человѣкъ въ каждой, или 5 «звеньевъ» (*ζυγά*) по 3 въ каждомъ; комическій—изъ 4-хъ *στοῖχοι* по 6 въ каждомъ и 6 *ζυγά* по 4 въ каждомъ. (Полид. IV, 108 сл.). Расположеніе хора можетъ быть представлено или *κατὰ στοίχος*, при чемъ въ трагическомъ хорѣ во фронтѣ стояло по 3 чел. и въ глубину по 5, а въ комическомъ—по 4 ч. во фронтѣ и по 6 въ глубину, или *κατὰ ζυγά* съ фронтомъ изъ 5 ч. въ трагическомъ хорѣ и 6 въ комическомъ и съ глубиной по 3 ч. въ трагическомъ и 4 въ комическомъ. Расположеніе трагическаго хора *κατὰ ζυγά* можетъ быть наглядно представлено въ слѣдующемъ видѣ:

θέατρον.

α	β	γ	δ	ε	
ζυγόν	ζυγόν	ζυγόν	ζυγόν	ζυγόν	
+	+	+	+	+	στοῖχος α'
5	4	3	2	1	
+	+	+	+	+	στοῖχος β'
10	9	8	7	6	
+	+	+	+	+	στοῖχος γ'
15	14	13	12	11	

σκηνή.

Хоревты первой шеренги (ст. α) назывались *ἀριστεροστάται*, третьей—*δεξιόστάται* (Полид. II, 161) или *δεξιόστοιχοι*, а средней—*λαεροστάται* (сама эта шеренга называлась *ὑποκόλιον τοῦ χοροῦ*); фланговые (№№ 1, 6, 11 и 5, 10, 15) носили названіе *κрасπεδίται*. Въ первую шеренгу ставились самые видные люди, такъ какъ при торжественномъ маршѣ, которымъ хоръ вступалъ въ оркестру, эта шеренга была обращена къ зрителямъ. Въ срединѣ ея (подъ № 3) занималъ мѣсто предводитель хора (*χοροφαῖος*, *χοροστάτης*, *χοραγός*, *ἡγεμών*); предъ нимъ и за нимъ (№№ 2 и 4) при входѣ *κατὰ στοίχος* находились предводители полухоровъ (*παραστάται*). Встрѣчается еще особое названіе *τριτοστάται* для фланговыхъ первой шеренги (№№ 1 и 5).

Хоръ вступалъ въ оркестру обыкновенно разомъ въ полномъ составѣ торжественнымъ маршемъ, предшествуемый музыкантомъ; иногда, впрочемъ, хоревты входили и по одиночкѣ (*καθ'ἑνα* или *σποράδιον*). Обыкновенно хоръ входилъ правымъ (отъ зрителей) входомъ, обозначавшимъ прибытіе изъ предѣловъ родной страны, такъ какъ въ большинствѣ пьесъ хоръ представлялъ жителей той мѣстности, въ которой происходило дѣйствіе. При вступленіи или вскорѣ послѣ него хоръ исполнялъ пѣснь, называвшуюся *πάροδος*. Въ рѣдкихъ лишь случаяхъ хоръ присутствовалъ въ оркестрѣ уже при началѣ пьесы. О положеніи хора въ оркестрѣ во время представленія нѣтъ точныхъ и подробныхъ свѣдѣній. Можно думать, что во время игры актеровъ (т. е. во время *ἐπιπέδια* и *χοροί*), а также во время исполненія хоровыхъ пѣсней (*στάσιμα*) въ полномъ составѣ, безъ раздѣленія на полухоры, хоревты были обращены лицомъ къ сценѣ, при раздѣленіи на полухоры для исполненія пѣсень во время перерыва сценическаго дѣйствія оба полухора стояли лицомъ другъ къ другу, наконецъ при *παράβασις* въ комедіи хоръ обращался къ зрителямъ.

Встрѣчаются случаи, обусловленные композиціей пьесы, что хоръ во время пьесы выходилъ изъ оркестры и затѣмъ вступалъ въ нее снова. Такой выходъ назывался *μετάστασις*, а вторичное вступленіе—*ἐπιπάροδος* (Полид. IV, 108).

Вопросъ о способахъ исполненія хоровыхъ партій въ послѣднее время много разъ подвергался изслѣдованію, но положительныхъ результатовъ оказывается еще мало. Это объясняется тѣмъ, что при скудости прямыхъ свидѣтельствъ древнихъ изслѣдователи принуждены обращаться къ анализу сохранившихся хоровыхъ партій со стороны ихъ содержанія, метрики и языка, при чемъ взгляды ихъ нерѣдко широко расходятся. Поэтому мы отмѣтимъ въ этой области только то, что является наиболѣе общепризнаннымъ. Относительно способа исполненія и здѣсь возможны такія же различія, какъ при игрѣ актеровъ, т. е. декламація, пѣніе, каталога и паракаталога. Исполнителями являлись то въ одиночку корифей, парастаты или отдѣльные хоревты, то цѣлыя *στοῖχοι* или *ζυγά*, то полухоры, то весь хоръ въ полномъ составѣ. Корифей отъ лица всего хора произносилъ реплики въ діалогѣ съ актерами и, можетъ быть, анапестическія партіи при входѣ и выходѣ хора. Степень его участія въ исполненіи *χοροί* остается неопредѣленною. Нѣтъ также точныхъ свѣдѣній объ исполненіи партій отдѣльными хоревтами

и цѣлыми шеренгами или звеньями, хотя никакъ нельзя отрицать возможности распредѣленія хоровыхъ пѣсень между такими группами. О раздѣленіи хора на двѣ половины неоднократно говорятъ схоласти, а также рукописное преданіе во многихъ мѣстахъ комедій Аристофана. Нѣкоторые ученые полагаютъ даже, что во всѣхъ *στάσις* строфы и антистрофы исполнялись полухорами, а еподы—полнымъ хоромъ. Полидевкъ (IV, 107) говоритъ, что раздѣленіе хора на полухоры называлось *διχορία*, каждая половина—*ἡμιχόριον*, а исполняемыя ими пѣсни—*ἀντιχόρια*. Нѣкоторые ученые думаютъ, однако, что *διχορία* называлось раздѣленіе хора въ теченіе всей пьесы на двѣ группы, различающіяся возрастомъ или поломъ, какъ напр. въ Аристофановыхъ «Птицахъ» и «Лисистратѣ».

Извѣстно, что хоровое пѣніе сопровождалось пляскою (это видно, между прочимъ, и изъ самаго названія *ορχήστρα*). Однако остаются не выясненными подробности относительно того, всѣ ли хоровыя партіи были соединены съ плясовыми движеніями и какимъ именно образомъ. Говорятъ, напр., что при пѣніи строфы въ *στάσις* хоръ двигался вправо, при антистрофѣ—влѣво, а еподы исполнялъ стоя на мѣстѣ (схол. Евр. Гек. 647); но это возможно только при исполненіи пѣсень хоромъ въ полномъ составѣ, а какъ дѣлалось при раздѣленіи на полухоры, остается неизвѣстнымъ.

Соотвѣтственно тремъ видамъ драмы различались три вида плясокъ: трагическая пляска называлась *ἐπιμέλεια*, комическая—*χόρδαξ*, а употреблявшаяся въ сатирической драмѣ—*σίμινος* (Полид. IV, 99 и др.). Первая имѣла степенный и торжественный характеръ, который удерживала даже при изображеніи сильныхъ душевныхъ аффектовъ; вторая, напротивъ, отличалась вольностью и неприличіемъ движеній (ср. Дем. Ол. II, 18, Теофр. Хар. 6, 17 и др.); пляска сатирической драмы была быстра и шумна и обыкновенно передразнивала степенныя движенія трагической пляски (Діон. Гал. Р. арх. VII, 72 и др.). Нельзя однако думать, что каждый видъ пляски былъ неразрывно связанъ съ соотвѣтствующимъ видомъ драмы и не могъ замѣняться другимъ; напр. у Аристофана хоровыя пѣсни серьезнаго характера, безъ сомнѣнія, не сопровождалась неприличнымъ кордаксомъ. Полидевкъ (IV, 99—105) приводитъ множество названій плясокъ и ихъ отдѣльныхъ фигуръ (*σχήματα*), но намъ, конечно, уже невозможно отчетливо представить себѣ подробности оркестивы древнихъ. Фигуры танцевъ для каждой пьесы придумывали или сами поэты, или учителя хора.

Для того, чтобы хоровты не путались при исполненіи трудныхъ фигуръ танцевъ, на полу оркестры проводились соотвѣтствующія черты (γραμμαί), какъ это дѣлается и у насъ въ большихъ балетахъ.

Относящуюся сюда обширную литературу специальныхъ монографій указываетъ *А. Мюллеръ*, *Bühnenalterth.* § 16.

ГЛАВА 28-я.

Костюмы и маски.

Во время представленій актеры и хоровты одѣвались въ особые костюмы, болѣе или менѣе отличавшіеся отъ употреблявшихся въ обыденной жизни и видоизмѣнявшіеся смотря по роду представляемой пьесы, такъ что можно различать костюмъ трагедіи, сатирической драмы, древней и новой комедіи.

Обращаясь прежде всего къ описанію трагическаго костюма, довольно хорошо извѣстнаго изъ литературныхъ источниковъ (Полид. IV, 115—118 и др.) и разнаго рода изображеній, мы должны сказать, что онъ былъ чисто условный и значительно разнился отъ обыкновеннаго. Въ какіе костюмы одѣвали своихъ героевъ Эсепидъ и другіе поэты до Эсхила, не извѣстно ближайшимъ образомъ; именно Эсхилу приписывается (въ древней его біографіи) установленіе формы трагическаго костюма, которая затѣмъ сохранялась до конца существованія греческой драмы съ небольшими лишь измѣненіями, которыя вносили нѣкоторые изъ послѣдующихъ трагиковъ (напр. Еврипидъ). Аеней (I, 39) говоритъ, что іерофанты и дадухи переняли красивое и степенное одѣяніе, придуманное Эсхиломъ; отсюда очевидно, что между трагическимъ костюмомъ и одѣяніемъ названныхъ лицъ жреческаго персонала было большое сходство, но причина его скорѣе могла быть обратная, т. е. заключаться въ томъ, что Эсхиль заимствовалъ для трагическаго костюма принадлежности одѣянія іерофантовъ и дадуховъ, а также, вѣроятно, и жрецовъ Діониса, такъ какъ драматическія представленія были однимъ изъ видовъ служенія этому богу. Введенный Эсхиломъ костюмъ состоялъ изъ хитона, по всей вѣроятности одинаковаго для мужчинъ и женщинъ, и различныхъ верхнихъ одѣяній. Трагическій хитонъ былъ обыкновенно длинный,

ниспадающій до пять (*ποδῆρης*); онъ дѣлался изъ пестрыхъ матерій, почему и назывался *ποικίλον* (Полид. IV, 115); въ отличіе отъ обыкновенныхъ безрукавныхъ хитоновъ онъ дѣлался съ рукавами (*χευρίδες*), доходившими до висти. Хитонъ подпоясывался богато украшеннымъ поясомъ высоко подъ грудью (Страб. 11, р. 530). Лица низкаго званія одѣвались въ болѣе короткіе, но также подпоясанные хитоны. Специально женщинамъ приписывается пурпуровое платье со шлейфомъ (*σούτος πορφύρεος*, Полид. IV, 118; *σούρα* VII, 67). Цвѣта хитоновъ на раскрашенныхъ изображеніяхъ обыкновенно являются свѣтлые и яркіе; извѣстно, однако, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ надѣвались хитоны опредѣленныхъ цвѣтовъ; напр. черный цвѣтъ былъ траурный, а лица несчастныя, особенно бѣглецы, одѣвались въ грязно-бѣлыя, сѣрыя, зеленныя или голубыя платья (Полид. IV, 117). Изъ насмѣшекъ Аристофана извѣстно, что Еврипидъ одѣвалъ своихъ героевъ въ рубища для возбужденія къ нимъ большей жалости въ зрителяхъ.

Верхнія одѣянія распадались вообще на два главные вида: *ἱμάτια*, состоявшія изъ продолговатаго куска матеріи, обвивавшагося вокругъ тѣла, и *χλαμίδες*, круглыя плащи, придерживавшіеся пряжею на правомъ плечѣ. Упоминается много названій отдѣльныхъ видовъ платьевъ, но намъ уже трудно опредѣлить, въ чемъ заключаются ихъ различія. Верхнія платья дѣлались изъ матерій пурпуроваго и другихъ яркихъ цвѣтовъ и богато украшались разными обшивками (*παρούφαι*) и золотомъ (*χλαμὶς διάχρυσος*, *χρυσόπαστος* и т. п.); иногда они различались названіями по цвѣту матеріи, напр. *φοινικίς*—пурпуровое платье, *βατραχίς*—зеленое. Изъ отдѣльныхъ видовъ верхняго платья упомянемъ лишь нѣкоторые; такъ, цари носили особаго рода накидку, называвшуюся *κόλπομα*, а царицы — *παράπτηχο*, бѣлый гиматій съ пурпуровой каймой (Полид. IV, 118 и VII, 53); прорицатели являлись въ *ἀγρήνόν*, шерстяной накидкѣ, сплетенной въ видѣ сѣти и покрывавшей все тѣло. Изъ головныхъ уборовъ упоминаются: персидская *τιάρα*, женское покрывало *καλύπτρα*, повязка *μίτρα*, а также и шляпы и нерѣдко вѣнки. Кромѣ того, божества и люди разныхъ званій имѣли свои атрибуты и свойственныя каждому принадлежности одежды или вооруженія: напр. Аевна являлась съ эгидой, Аполлонъ—съ лукомъ и стрѣлами, Гермесъ—съ *κρηρκαίον*, Гераклъ—съ палицей и львиной шкурой, цари—съ скипетрами, вакханты и вакханки—съ оленьими шкурами (*νεβρίς*), оирсами и тимпанами, старіеи и прорица-

тели—съ посохами, умоляющіе о защитѣ имѣли въ рукахъ обвитыя шерстью вѣтви (Соф. *Эд. царь* 3 и др.). Изъ оружія упоминаются: мечи, ножи, копья, луки съ волчанами и палицы (Пол. IV, 117).

Изобрѣтеніе особой обуви для трагическихъ актеровъ приписывается также Эсхилу. Ее составляли полусапожки на весьма высокихъ подошвахъ, значительно увеличивавшихъ ростъ актеровъ: обыкновенное греческое названіе этой обуви было ἐμβάτης, иногда встрѣчается также ὀκρίβας и κόθρονος; послѣднее названіе у римлянъ (въ формѣ cothurnus) было единственно употребительнымъ и, какъ извѣстно, метонимически обозначало собою самую трагедію. Первоначально названіе ἐμβάται обозначало всадническіе полусапожки (Ксеноф. *О конн.* 12, 10), а κόθρονος—довольно высокіе охотничьи сапоги (Герод. VI, 125). Подошва трагическаго котурна была деревянная, четырехугольная, такъ что онъ годился на обѣ ноги (Кс. *Гр. ист.* II, 3, 31). Лица простаго званія, вѣроятно, имѣли болѣе низкую обувь; въ отдѣльныхъ случаяхъ употреблялась, быть можетъ, и обыкновенная, но ближайшихъ свѣдѣній объ этомъ нѣтъ.

Кромѣ увеличенія роста, актеры увеличивали и кажущіеся размѣры всѣхъ членовъ тѣла съ одной стороны для того, чтобы изображаемые ими боги и герои представлялись во всѣхъ отношеніяхъ превышающими обыкновенныхъ смертныхъ, съ другой потому, что при огромной величинѣ греческихъ театровъ ихъ фигуры безъ этого увеличенія казались бы слишкомъ маленькими зрителямъ, сидѣвшимъ въ дальнихъ рядахъ. Для этой цѣли служили особыя подушки, накладывавшіяся на грудь и животъ (простерνίδια, προγαστρίδια), высокіе ὄγκοι на маскахъ (см. ниже) и пр. Неоднократно упоминаемое σφμάτιον, по словамъ Фотія также служившее для приданія болшихъ размѣровъ тѣлу актеровъ, по всей вѣроятности было одѣяніе въ родѣ нашего трико́, натягивавшееся на тѣло сверхъ упомянутыхъ подушекъ.

Въ сатировой драмѣ актеры, представлявшіе боговъ и героевъ, носили тѣ же костюмы, что и въ трагедіи, только ихъ хитоны были короче (что было необходимо для болѣе живой игры) и вмѣсто трагическихъ котурновъ употреблялись обыкновенные охотничьи. Сидень, весьма часто выступавшій въ такихъ пьесахъ, являлся въ короткихъ штанахъ изъ козьей шкуры и въ короткомъ, до колѣнъ, хитонѣ изъ такой же шкуры или изъ косматой матеріи (χορταῖος χιτών или μαλλωτός, ἀμφίμαλλος). Упоминается еще θήραιον,

то въ качествѣ верхняго, то нижняго платья; названіе его производили то отъ о. Оеры, то отъ животныхъ (θηρία), вытканныхъ на матеріи (Полид. IV, 118; VII, 48 и др.). Далѣе у Полидевка въ числѣ костюмовъ сатировской драмы называются: пурпуровый гиматій, небольшая пестрая накидка (χλαρίς ἀνθινή), шкура козья (αἰγῆ, также τραγῆ и ἱεαλῆ) и оленья (αἰβρίς), которыя, вѣроятно, всегда были настоящія, тогда какъ барсовая шкура обыкновенно замѣнялась поддѣльною, тваню (παρδαλῆ ὑφασμένη, Пол. IV, 118).

Костюмъ трагическаго хора состоялъ изъ хитона, болѣе короткаго, чѣмъ у актеровъ (для удобства пляски), и гиматія; эти принадлежности одѣванія обыкновенно были роскошны и богато украшены, но всегда должны были соотвѣтствовать характеру роли хора; обувью хоревтовъ служили обыкновенно башмаки (χρηπίδες). Въ сатировской драмѣ хоръ состоялъ изъ сатировъ, одѣтыхъ въ весьма несложный костюмъ: на бедрахъ они имѣли широкій поясъ изъ козьей шкуры съ привязаннымъ сзади хвостомъ, а все остальное тѣло на изображеніяхъ представляется и у писателей (напр. Ног. *A. poet.* 221) называется обнаженнымъ, но на самомъ дѣлѣ, вѣроятно, обтягивалось легкою матеріею тѣлеснаго цвѣта въ родѣ нашего трико. Музыканты въ трагедіи и сатировской драмѣ носили одинаковый костюмъ, состоявшій изъ длиннаго подпоясаннаго хитона съ рукавами и гиматія, и на головахъ имѣли вѣнки.

Что касается до комедіи, то она, изображая сцены обыденной жизни, естественнымъ образомъ должна была пользоваться и обыкновенными костюмами. Въ новой комедіи костюмы были вполнѣ вѣрны дѣйствительности, измѣняясь соотвѣтственно полу, возрасту и общественному положенію изображаемаго каждымъ актеромъ лица; въ древней комедіи къ костюмамъ, употреблявшимся въ обыденной жизни, иногда дѣлались разныя прибавки, имѣвшія цѣлью выставить изображаемую личность въ карикатурномъ видѣ и тѣмъ усилить впечатлѣніе зрителей; такъ напр. Псевдартабасъ въ «Ахарнянахъ», игравшій роль «ока» персидскаго царя, былъ одѣтъ въ смѣшной фантастическій костюмъ и имѣлъ маску съ однимъ огромнымъ глазомъ, отороченнымъ кожею. Костюмъ хора древней комедіи также бывалъ иногда фантастическій: напр. у Аристофана хоръ, представлявшій лягушекъ, осъ, птицъ и т. п., безъ сомнѣнія, имѣлъ въ костюмѣ прибавки, намекавшія на изображаемыхъ имъ живыхъ существа.

Непремѣнною принадлежностью наряда лицъ, участвовавшихъ

въ драматическихъ представленіяхъ, были еще *маски* или *личины* (*проболта, просоптаῖα*); ихъ надѣвали не только актеры, но и статисты, хоревты и, можетъ быть, даже музыканты. Странный для насъ обычай грековъ употреблять маски въ театрѣ ведетъ свое начало, подобно другимъ частностямъ ихъ театральнымъ представленіямъ, изъ культа Діониса: во время его праздниковъ нерѣдко устраивались представленія, участники которыхъ принимали на себя роли самого бога и его спутниковъ (сатировъ, силеновъ и пр.), при чемъ, стараясь по внѣшности уподобиться представляемымъ ими божествамъ, надѣвали ихъ одежду и раскрашивали лица соками разныхъ растений, бѣлилами, румянами и т. п., а иногда надѣвали и настоящія маски. И позднѣе встрѣчаются при нѣкоторыхъ праздникахъ обычай, чтобы жрецы надѣвали маски божествъ, которымъ они служили (см. стр. 153). «Конечно, говорить проф. Ордынскій¹⁾, маски на драматической сценѣ грековъ не давали мѣста выраженіямъ лица, которыя такъ необходимы на нашей сценѣ. Но выраженія лица и не могли бы быть замѣчены на огромныхъ греческихъ театрахъ. Притомъ и поэты греческіе (можетъ быть, впрочемъ, потому, что при сочиненіи не могли не имѣть въ виду сценическихъ условій и слѣдовательно—масокъ) такъ сочиняли трагедіи, что извѣстное лицо во все время представленія трагедіи оставалось въ одной настроенности духа. К. О. Мюллеръ справедливо замѣчаетъ, что Ореста Эсхилова, Эанта Софоклова, Медею Еврипидову и при чтеніи легко можно представить съ однимъ выраженіемъ въ лицѣ; а на примѣръ Гамлета — нельзя. Впрочемъ, конечно, въ пьесахъ, въ которыхъ нужно было показать измѣненіе въ настроенности души или въ состояніи тѣла дѣйствующихъ лицъ, маски мѣнялись; но какъ, намъ теперь трудно рѣшить». Добавимъ, что исполненіе нѣсколькихъ ролей въ пьесѣ однимъ актеромъ и женскихъ ролей мужчинами, составляющее одну изъ особенностей греческой драмы, было возможно только при употребленіи масокъ.

Лексикографъ Свида сообщаетъ намъ нѣкоторыя, къ сожалѣнію недостаточныя и не вполне достовѣрныя, свѣдѣнія о постепенномъ усовершенствованіи трагическихъ масокъ. По его словамъ Эспидъ, играя роли въ своихъ пьесахъ, сначала намазывалъ лицо бѣлилами, потомъ покрывалъ портулакомъ, наконецъ сталъ употреблять и маски изъ некрашеннаго полотна; Хириль внесъ въ

¹⁾ Въ статьѣ, указанной на стр. 257.

маски и костюмы какія-то усовершенствованія, ближайшимъ образомъ не извѣстныя; Фринихъ первый ввелъ женскія маски; наконецъ Эскиль ввелъ раскрашенныя полотняныя маски, которыя и остались въ употребленіи до позднѣйшихъ временъ ¹⁾. Объ исторіи комической маски у насъ вовсе нѣтъ свѣдѣній; уже Аристотель не зналъ ея изобрѣтателя (*Поэт.* 5).

Наше знакомство съ древними масками основывается частію на сохранившихся произведеніяхъ графическаго и пластическаго искусства, между которыми видное мѣсто занимаютъ находимыя въ значительномъ количествѣ маски изъ жженой глины (*terra-cotta*), частію на упоминаніяхъ о нихъ въ литературныхъ памятникахъ, изъ которыхъ наибольшее значеніе имѣетъ подробный перечень трагическихъ, комическихъ и сатировскихъ масокъ въ лексиконѣ Полидевка (IV, 133—154).

Маски, приготовленіемъ которыхъ занимались особые *σκωποποιί*, закрывали не только лицо актера, но и значительную часть головы; подъ подбородкомъ онѣ прикрѣплялись завязками, а сверху были снабжены ручкой для ношенія и вѣшанія. Характеристическую особенность трагической маски составлялъ такъ называемый *δῦχος*—треугольная приставка на верхней части маски ²⁾, увеличивавшая ростъ актеровъ; на ней укрѣплялась передняя часть прически, такъ что волосы поднимались надъ челомъ и ниспадали по бокамъ, закрывая собою эту приставку. Повидимому и въ трагедіи *δῦχος* употреблялся не при всѣхъ маскахъ, а только при такихъ, которымъ возвышенность чела должна была придавать особенно почтенный и благородный видъ; у женскихъ масокъ *δῦχος* также употреблялся, но меньшихъ размѣровъ, чѣмъ у мужскихъ. Отъ него слѣдуетъ отличать *περίκρανον*, повидимому родъ головнаго убора. Нижняя часть мужскихъ масокъ обыкновенно закрывалась бородою, а средней посредствомъ раскраски придавался видъ, соотвѣтствующій возрасту и характеру изображаемаго лица; отверстіе для рта дѣлалось широкое, частію для усиленія голоса, а частію

¹⁾ Поэтому Горацій называетъ Эскила «изобрѣтателемъ» масокъ (*A. poet.* 278: *personae pallaeque repertor honestae Aeschylus*). Кромѣ полотняныхъ масокъ употреблялись, повидимому, маски изъ древесной коры или деревянныя, о которыхъ сохранились единичныя упоминанія (*Virg. Georg.* II, 387. *Prud. c. Symm.* II, 646), а также полумаски.

²⁾ Полид. IV, 133: *Ὀῦχος ἐστὶ τὸ ὑπὲρ τὸ πρόσωπον ἀνέχον εἰς ὕψος λαββοειδὲς τῷ σχήματι.*

для того, чтобы яснѣе выразить πάθος; маски «нѣмыхъ» лицъ дѣлались съ закрытымъ ртомъ.

Полидевкъ въ своемъ каталогѣ масокъ (IV, 133—154) различаетъ ихъ по видамъ драмы и прежде всего называетъ для трагедіи 28 видовъ масокъ: 6 γέρωντες, 8 νεανίσκοι, 3 θανάπωντες и 11 γυναικες. Изъ сообщаемыхъ имъ названій масокъ видно, что большею частью онѣ дѣлались не для каждой отдѣльной роли, а для цѣлаго разряда ихъ¹⁾, т. е. были типическія (подобно тому, какъ у насъ актеры ангажируются не на отдѣльныя роли, а на опредѣленный разрядъ ихъ, амбуа). Особныя маски, называвшіяся ἔκσχεα πρόσωπα, дѣлались только для такихъ отдѣльныхъ ролей, для которыхъ не достаточно было обыкновеннаго изображенія человѣческаго лица, а нужно было прибавлять какія-либо характеристическія внѣшнія особенности; сюда принадлежатъ, напр., рогатый Актэонъ, слѣпой Финей, многоглазый Аргъ, Кентавръ, Титанъ, Гигантъ, рѣчные и горные боги, Музы, Горы, Нимфы, Плеяды, Горгона, Смерть, разныя аллегорическія фигуры въ родѣ Справедливости, Обиды, Убѣжденія, и т. п. Полидевкъ называетъ довольно много такихъ ἔκσχεα πρόσωπα, но, къ сожалѣнію, безъ описанія. О перемѣнѣ масокъ въ одной и той же пьесѣ мы уже выше привели слова проф. Ордынскаго; примѣромъ такой перемѣны можетъ служить Эдипъ, выходящій на сцену послѣ самоослѣпленія въ трагедіи Софокла.

Въ сатировской драмѣ роли лицъ, не принадлежавшихъ къ свитѣ Діониса, представлялись въ трагическихъ костюмахъ и маскахъ; поэтому Полидевкъ отмѣчаетъ для этого вида драмы только три маски сатировъ разныхъ возрастовъ (сѣдой, бородатый и безбородый) и одну для стараго Силена (Σειληνός πάππος). Для древней комедіи Полидевкъ не указываетъ характерныхъ масокъ, говори, что въ ней маски или изображали осмѣиваемыхъ лицъ²⁾, или были карикатурныя; фантастическія фигуры являлись въ человѣческихъ

¹⁾ Маски различались названіями по прическѣ, виду лица и т. под. внѣшнимъ признакамъ. Для примѣра беремъ у Полидевка (IV, 138) названія женскихъ трагическихъ масокъ: τὰ δὲ γυναικῶν πρόσωπα ποτὶ κατάκομος, γράδιον ἐλεύθερον, γράδιον οἰκετικόν, μεσόκορον, διφθερίτις, κατάκομος ὤχρα, μεσόκορος ὤχρα, μεσόκορος πρόσωπος, κοῦριμος παρθένος, ἑτέρα κοῦριμος, κόρη.

²⁾ Известно замѣчаніе Аристофана (Всадн. 230), что ни одинъ мастеръ не рѣшился сдѣлать для него маску Клеона. За то Сократъ въ «Облакахъ» былъ чрезвычайно похожъ на настоящаго (Θαϊανῶν, V. hist. II, 13: οἱ σκωποποιοὶ ἐπλάσαν αὐτὸν ὡς ὅτι μάλιστα ἐξείκασαντες).

маскахъ, но съ тѣми или другими характеристическими признаками: напр. Аристофановы «птицы», Псевдартабасъ въ «Ахарнахахъ» и т. под. (ср. стр. 288). Въ новой комедіи было много характерныхъ масокъ, имѣвшихъ по большей части смѣшной, каррикатурный видъ, именно по каталогу Полидевка 9 *γέρωνες*, 11 *ναυίκοι*, 7 *δούλοι*, 3 *γυναῖκες* и 14 *νέαι γυναῖκες*.

При такомъ разнообразіи масокъ и тщательности ихъ приготовления успѣхъ игры въ значительной степени могъ зависѣть отъ соответствія маски характеру изображаемаго лица, и потому легко можно повѣрить сохранившимся свидѣтельствамъ, что актеры, приготавлиаясь къ ролямъ, тщательно изучали черты масокъ.

Литературу о костюмахъ и маскахъ см. у *A. Müller*, *Bühnenalt.* стр. 270 сл. — *P. Girard*, *De l'expression des masques dans les drames d'Eschyle. Revue des ét. gr.* тт. VII, VIII (1894—5).

ГЛАВА 29-я.

Публика.

Зрителями драматическихъ представлений въ аѳинскомъ театрѣ были прежде всего граждане, а также метойки, имѣвшіе свободный доступъ въ театръ наравнѣ съ гражданами (Арист. *Ax.* 504 сл.). Вопросъ о томъ, допускались ли женщины въ качествѣ зрительницы театралныхъ представлений, неоднократно разбирался новыми учеными и рѣшался различно. Слѣдуетъ признать, что женщины допускались и на трагическія и на комическія представленія; это доказывается какъ нѣкоторыми литературными свидѣтельствами, такъ и сохранившимися въ аѳинскомъ театрѣ надписями на мѣстахъ, принадлежавшихъ женщинамъ, удостоеннымъ проедріи. Можно, однако, предполагать, что при замкнутомъ образѣ жизни аѳинскихъ женщинъ частое посѣщеніе ими театра едва ли было въ обычаѣ. Допущеніе мальчиковъ въ качествѣ зрителей засвидѣтельствовано нѣсколькими достовѣрными показаніями древнихъ авторовъ. Иностранцы навѣрное имѣли свободный доступъ въ театръ, не только тѣ, которые пріѣзжали съ какими-либо официальными порученіями, но и прибывавшіе по своимъ частнымъ дѣламъ. Относительно допущенія рабовъ нѣтъ вполне достовѣрныхъ свѣдѣній.

При известной любви афинянъ къ театральнымъ представленіямъ и при рѣдкомъ ихъ повтореніи вполне вѣроятно, что въ дни представленийъ театръ всегда былъ полонъ. Мѣста въ древнихъ театрахъ не раздѣлялись, какъ у насъ, на разряды различной цѣнности, смотря по удобству и степени удаленія отъ сцены: въ нихъ только мѣста въ нижнихъ, ближайшихъ къ оркестрѣ рядахъ предоставлялись лицамъ, удостоеннымъ проедриі, а между остальными не было никакого различія. Честь проедриі предоставлялась лицамъ, оказавшимъ услуги государству (иногда наследственно), затѣмъ архонтамъ, жрецамъ и магистратамъ по дѣламъ культа, посламъ иностранныхъ государствъ (иногда и цѣлымъ иностраннымъ городамъ), сиротамъ убитыхъ на войнѣ гражданъ (вѣроятно на одно только представленіе по достиженіи ими возмужалости, см. Эсх. *пр. Ктесиф.* 174), иногда также иностраннымъ купцамъ. Въ афинскомъ театрѣ кресла лицъ, имѣвшихъ постоянную проедрию, т. е. магистратовъ, жрецовъ и жриць, въ римскія времена снабжены были надписями, указывавшими на принадлежность каждаго кресла. Для членовъ совѣта и ефебовъ были особыя отдѣленія (τὸ βουλευτικόν и τὸ ἐφηβικόν; послѣднее вѣроятно тождественно съ τὸ τοκοῦ νεανίσκων), но мы не знаемъ, гдѣ они находились.

Относительно распредѣленія по мѣстамъ остальной массы публики имѣются очень недостаточныя свѣдѣнія. Въ виду огромнаго количества мѣстъ нельзя думать, чтобы всѣ они были перенумерованы; съ другой стороны, если бы каждому было предоставлено занимать любое мѣсто, то при входѣ въ театръ неизбежны были бы шумъ, толкотня и беспорядокъ; для устраненія этихъ неудобствъ необходимо было установить какой-либо порядокъ въ размѣщеніи зрителей; основаніемъ для такого размѣщенія могли служить существовавшія въ Афинахъ подраздѣленія гражданской общины, т. е. граждане могли размѣщаться по имущественнымъ классамъ или, еще вѣроятнѣе, по филамъ; въ пользу послѣдняго предположенія говорить какъ важное значеніе филъ въ афинской государственной жизни, такъ и аналогія съ распредѣленіемъ мѣстъ въ театрахъ римскихъ колоній и особенно—сохранившіяся свинцовыя театральныя марки съ названіями филъ. Женщины въ древнѣйшія времена, вѣроятно, сидѣли отдѣльно отъ мужчинъ въ самыхъ верхнихъ рядахъ, а позднѣе—вмѣстѣ съ мужчинами (Лук. *De salt.* 5); относительно иностранцевъ, не имѣвшихъ проедриі, на основаніи одного отрывка коміка Алексіа (у Полид. IX, 44) можно думать что они сидѣли въ крайнихъ рядахъ.

Въ Афинахъ, какъ извѣстно, была установлена плата за входъ въ театръ, одинаковая для всѣхъ ¹⁾, именно по 2 обола въ день (Дем. *О спницѣ*, § 28). Лица, имѣвшія проедрію, вѣроятно не платили за входъ. Уплативъ деньги въ кассу, зрители, можетъ быть, получали въ видѣ входныхъ билетовъ свинцовыя марки съ вырѣзанными названіями филь и должны были помѣщаться каждый въ томъ клинѣ, который былъ предназначенъ для данной филь. До нашихъ временъ сохранилось множество свинцовыхъ вещицъ въ видѣ маленькихъ монетокъ съ весьма разнообразными изображеніями и надписями. По объясненію археологовъ эти вещицы употреблялись въ качествѣ марокъ въ разныхъ случаяхъ обыденной жизни; нѣкоторыя изъ нихъ, имѣющія на себѣ изображенія, относящіяся къ культу Діониса или къ театральному дѣлу (напр. маски), могли употребляться именно въ видѣ театральныхъ билетовъ. Лица, имѣвшія проедрію, въ древнѣйшія времена едва-ли нуждались въ такихъ маркахъ, такъ какъ были всѣмъ извѣстны и иногда даже были торжественно провожаемы на свои мѣста магистратами; въ позднѣйшія же времена имъ, повидимому, выдавались марки костанья.

Для поддержанія порядка, тишины и благочинія между зрителями въ театрѣ присутствовали особые служители *ραβδοβοι* или *ραβδοφοροι*, находившіеся подъ начальствомъ архонта, завѣдывавшаго представленіями, и занимавшіе мѣста въ оркестрѣ.

До половины V в. представленія начинались, повидимому, послѣ завтрака (Аеен. X р. 464 а), а позднѣе—съ ранняго утра, и продолжались большую часть дня, а нерѣдко и до вечера, такъ что зрители зачастую бывали въ театрѣ голодны ²⁾; поэтому не удивительно, что во время представленія они подкрѣплялись виномъ и запасами, взятыми изъ дому или купленными тутъ же у разносчиковъ; иногда хореги или вообще зажиточные люди, искавшіе расположенія согражданъ, предлагали имъ въ театрѣ даровое уго-

¹⁾ Неоднократно высказывалось предположеніе, что за лучшія мѣста взымалась бѣльшая плата; но этого никакъ нельзя доказать.

²⁾ У Аристофана въ *«Птицахъ»* хоръ птицъ, обращаясь къ зрителямъ, говоритъ (ст. 785—789): «Нѣтъ ничего лучше и пріятнѣе, какъ быть птицемъ. Вѣдь если бы кто-нибудь изъ васъ, зрители, былъ крылатымъ, то, проголодавшись и почувствовавъ скуку отъ трагическихъ хоровъ, улетѣлъ бы домой, позавтракалъ и, насытившись, снова прилетѣлъ бы къ намъ».

щеніе. Для удобства сидѣнія зрители приносили съ собою подушки; для защиты отъ солнца служили шляпы (въ позднѣйшія времена иногда съ этой цѣлью растягивались надъ театромъ парусинные навѣсы), отъ холода—толетые плащи, а во время дождя зрители искали убѣжища въ ближайшихъ портикахъ, храмахъ и т. п. мѣстахъ.

Несмотря на то, что театральныя представленія входили въ составъ культа Діониса и были весьма любимы публикою, поведение ея въ театрѣ, какъ видно изъ многихъ намековъ и прямыхъ указаній комическихъ поэтовъ и др. писателей, было очень неспокойно. Живость южнаго темперамента дѣлала зрителей чрезвычайно воспримчивыми къ впечатлѣніямъ, доставляемымъ пьесой. Они съ увлеченіемъ слѣдили за ходомъ дѣйствія, часто выражая свое сочувствіе или несочувствіе къ содержанію пьесы и одобреніе или неодобреніе исполнителямъ. «Не было публики, говоритъ Ордынскій (ук. ст. стр. 149), болѣе страшной для плохихъ поэтовъ и актеровъ и болѣе увлекательной для хорошихъ. И этимъ достоинствомъ обязана она была не книжному образованію, а природнымъ дарованіямъ, развитымъ средою, жизнію. А эта среда заключала въ себѣ множество образовательныхъ элементовъ, начиная отъ пѣсней Гомера до произведеній пластическаго искусства, на каждомъ шагу встрѣчавшихся взорамъ аеинянина. Поэтому аеиняне, несмотря на то, что между ними были даже неграмотные, понимали и помнили всѣ трагедіи: иначе нельзя объяснить, почему комики такъ любили вдаваться въ пародіи трагедій... О томъ, какъ замѣчали аеиняне малѣйшую ошибку актера, упомянуто выше [стр. 280]. Этого мало. Аеинская публика быстро схватывала самыя темныя намеки на современность, даже въ Эсхилово время, когда аттическая утонченность только что начала развиваться. Приведу примѣръ [Плут. *Арист.* 3]: Эсхиль въ трагедіи своей «Семь вождей подъ Фивами» сказалъ объ Амфіараѣ, миѳическомъ лицѣ: «Не казаться справедливымъ, а быть онъ хочетъ». Лишь только зрители услышали этотъ стихъ, тотчасъ всѣ обратились въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Аристидъ, прославившійся своею правдивостію».

Одобреніе актерамъ выражалось рукоплесканіями (*χροταῖν*, *χρότος*) и криками (*θόρυβος*), а неодобреніе — свистками (*σφρίττειν*), шиканьемъ или подобными звуками (*κλωζειν*) или стучаньемъ ногами о скамьи (*πτερνοχοπεῖν*); по свидѣтельству Лукіана иногда разсерженная публика требовала даже тѣлеснаго наказанія для очень

плохихъ актеровъ (Лук. *Apol.* 5; *Pisc.* 33). Блестящій успѣхъ актера обозначался глаголомъ *ἐπιφρονεῖν*, неуспѣхъ—глаголомъ *ἐκπίπτειν* (ср. наше «провалиться»). Хотя у писателей неоднократно встрѣчаются выраженія презрѣнія къ мнѣнiю толпы, но тѣмъ не менѣе было совершенно въ порядкѣ вещей (какъ бываетъ и теперь), что и поэты и актеры всячески старались угодить публикѣ и заслужить ея одобренiе.

A. Müller, *Bühnenalterthümer* § 20 (съ подробными указанiями на древнюю и новую литературу, относящуюся къ разнымъ частнымъ вопросамъ).

ГЛАВА 30-я.

Устройство представлений.

§ 1. Время и составъ представлений.

Драматическiя представленiя у грековъ были, какъ мы уже знаемъ, не простымъ развлеченiемъ, а одною изъ составныхъ частей культа Дiониса, и потому первоначально давались только въ праздники этого бога. Такихъ праздниковъ въ Афинахъ было ежегодно четыре: сельскiя Дiонисiи въ мѣсяцѣ Посидеонѣ, Ленэи въ Гамелионѣ, Анеестерiи въ Анеестерiонѣ и великiя Дiонисiи въ Елафеболiонѣ. Съ наибольшимъ блескомъ и пышностью совершались драматическiя представленiя на великихъ Дiонисiяхъ и на Ленэяхъ, особенно на первомъ изъ этихъ двухъ праздниковъ. Во время сельскихъ Дiонисiй давались драматическiя представленiя въ нѣкоторыхъ зажиточнѣйшихъ демахъ, имѣвшихъ свои театры (въ Пирѣѣ, Елевсинѣ, Ахарнахъ, Коллитѣ, Эксонѣ, Икарiи, Фли, Фориѣ и др.). Здѣсь ставились только старыя пьесы, представленныя уже въ городѣ. Есть извѣстiе, что существовалъ нѣкогда обычай устраивать представленiя комедiй и въ праздникъ Анеестерiй, но былъ оставленъ; потомъ онъ былъ вновь введенъ во второй половинѣ IV вѣка.

На каждомъ праздникѣ ставились пьесы нѣсколькихъ авторовъ, и особо избранные судьи послѣ представленiя рѣшали вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ поставленныхъ пьесъ и участвовавшихъ въ нихъ актеровъ и хоровъ; такимъ образомъ представленiя являлись формальными состязанiями съ одной стороны—авто-

ровъ пьесъ, съ другой—ихъ исполнителей. Со времени Эсхила (а можетъ быть и раньше) вошло въ обычай, чтобы каждый трагическій поэтъ ставилъ по три трагедіи и по одной сатировской драмѣ (такая группа пьесъ называлась *тетралогіа*). Еврипидъ иногда замѣнялъ сатировскую драму четвертой трагедіей. Комики всегда ставили по одной пьесѣ, а не группами. Въ V-мъ вѣкѣ въ каждому состязанію на великихъ Діонисіяхъ допускались по три трагика и по три комика, такъ что весь циклъ представленій каждаго праздника съ трагедическими и комедическими состязаніями состоялъ изъ 15 пьесъ (9 трагедій, 3 сат. драмы и 3 комедіи). На Ленеяхъ число комиковъ, участвовавшихъ въ состязаніяхъ, было то же, а число трагиковъ, какъ кажется, ограничивалось двумя. Сколько дней продолжались представленія и какъ распредѣлялось между ними указанное количество пьесъ, невозможно опредѣлить съ полною достовѣрностью, тѣмъ болѣе, что съ теченіемъ времени происходили измѣненія въ порядкѣ состязаній, какъ это несомнѣнно доказывается сохранившимися свидѣтельствами. Обыкновенно полагаютъ, что въ V в. на городскихъ Діонисіяхъ было три спектакльныхъ дня, но это еще нельзя считать доказаннымъ: возможно, что ихъ было четыре и между ними распредѣлялись пьесы такъ, что въ первый день давались три комедіи, а въ слѣдующіе—по одной тетралогіи. Кромѣ того нужно замѣтить, что хотя важнѣйшую часть каждаго театральнаго состязанія составляли вновь представляемыя пьесы, но уже и въ V в., какъ видно изъ одного мѣста Геродота (VI, 21), могли повторяться старыя пьесы; позднѣе же, начиная приблизительно съ половины IV в., возобновеніе пьесъ великихъ трагиковъ V в. стало составлять непремѣнную принадлежность спектаклей, при чемъ въ каждый праздникъ ставилась одна «старая» трагедія, не входившая въ состязаніе съ новыми пьесами, равно какъ не входили тогда въ составъ состязанія и сатировскія драмы, исполнявшіяся также по одной на каждомъ праздникѣ. Что касается до комедическихъ состязаній, то намъ извѣстно, что въ самомъ концѣ V или въ началѣ IV в. установился обычай допускать на состязаніе въ каждый праздникъ по 5 новыхъ комедій вмѣсто прежнихъ трехъ и что въ позднѣйшія времена (по крайней мѣрѣ со 2-й половины III в.) представленіе «старыхъ» комедій сдѣлалось такимъ же прочно установившимся обычаемъ, какъ и повтореніе пьесъ великихъ трагиковъ.

Театральными представлениями на великихъ Діонисіяхъ завѣдывалъ архонтъ-эпонимъ, на Ленэяхъ—архонтъ-царь, а на сельскихъ Діонисіяхъ въ каждомъ демѣ—его демархъ.

§ 2. Выборъ и разучиваніе пьесъ.

Поэтъ, желавшій поставить на сцену написанную имъ тетралогію или комедію, долженъ былъ заранее обратиться къ архонту, завѣдывавшему даннымъ праздникомъ, съ просьбою дать ему хоръ (χορὸν αἰτεῖν). Архонтъ, прежде чѣмъ изъявить согласіе (χορὸν δίδουσι), подвергалъ пьесу какому-то испытанію (или оцѣнкѣ), сущность котораго намъ не извѣстна. Можно замѣтить только, что громкая слава поэта не всегда обезпечивала ему полученіе хора: говорятъ, напр., что однажды архонтъ, отказавъ Софоклу, далъ хоръ плохому поэту Гнесиппу (Кратинъ у Аен. XIV р. 638 f). Есть свидѣтельства, что поэты не могли сами ставить пьесы ранѣе достиженія извѣстнаго возраста, но едва-ли это правда. Каждому изъ допущенныхъ къ состязанію поэтовъ архонтъ назначалъ по одному хорегу. Получивъ, такимъ образомъ, хоръ (χορὸν λαμβάνειν), поэтъ принимался за разучиваніе пьесы съ хоромъ и актерами, выбиралъ костюмы и маски и вообще всю внѣшнюю обстановку пьесы. Все это обозначалось выраженіемъ διδάσκειν τὸ δράμα; первоначально сами поэты обыкновенно брали на себя дѣло обученія, т. е. были διδάσκαλοι, но позднѣе нерѣдко передавали его другимъ лицамъ ¹⁾, при чемъ имя автора пьесы то объявлялось, то скрывалось, смотря по обстоятельствамъ. Извѣстно не мало случаевъ постановки пьесъ ближайшими родственниками авторовъ какъ при жизни, такъ и послѣ смерти послѣднихъ: напр. нѣкоторыя пьесы Эсхила ставилъ сынъ его Евфоріонъ, пьесы Софокла — сынъ его Иофонтъ и внукъ Софоклъ, нѣкоторыя изъ несохранившихся комедій Аристофана — сынъ его Арароть. Отъ такихъ лицъ, бывшихъ, такъ сказать, повѣренными поэтовъ при постановкѣ пьесъ, слѣдуетъ отличать такихъ учителей хора (χοροδιδάσκαλοι), которые занимались этимъ ремесломъ за деньги, какъ профессією; но въ

¹⁾ Напр. относительно Аристофана извѣстно, что изъ 11 сохранившихся пьесъ онъ самъ былъ учителемъ (ἐδίδασκε) только при постановкѣ трехъ (именно Всадниковъ, Мира и Плутоса), а большинство остальныхъ поставилъ чрезъ Каллистрата или Филовида.

какомъ отношеніи стояли они къ повѣреннымъ, сказать очень трудно; можетъ быть въ ихъ услугахъ являлась надобность тогда, когда самъ поэтъ или его повѣренный не желалъ или не могъ заниматься всѣми подробностями обученія хора и заявлялъ объ этомъ хорегу.

Когда въ IV в. прочно установился обычай ставить во время праздничныхъ представленій «старыя» пьесы знаменитѣйшихъ поэтовъ, актеры по тѣмъ или другимъ причинамъ часто дѣлали разныя измѣненія въ ихъ текстѣ и такимъ образомъ искажали великія произведенія. Эти искаженія съ теченіемъ времени, должно быть, приняли значительные размѣры, такъ что ораторъ Ливургъ счелъ нужнымъ для предупрежденія дальнѣйшей порчи пьесъ установить законъ, чтобы былъ изготовленъ исправный экземпляръ трагедій Эсхила, Софокла и Еврипида и сданъ на храненіе въ государственный архивъ; въ случаѣ надобности государственный секретарь долженъ былъ сличать съ нимъ экземпляры актеровъ, и этимъ послѣднимъ запрещено было во время представленій отступать отъ установленнаго такимъ образомъ текста ([Плут.] *Жизнеоп. X оратор.* р. 841 f). Но этотъ законъ, естественно, имѣлъ силу только для тѣхъ представленій, которыя давались подъ авторитетомъ государства, и потому не вполне достигалъ своей цѣли, т. е. не могъ предотвратить дальнѣйшую порчу текста актерами. Впослѣдствіи нормальный экземпляръ былъ, говорятъ, взятъ египетскимъ царемъ Птолемѣемъ Еввергетомъ для Александрійской библиотеки, сначала лишь на время подъ залогъ 15-ти талантовъ, но затѣмъ онъ совсѣмъ остался въ Александріи, такъ какъ аеиняне согласились, удержавъ сумму залога, удовольствоваться вмѣсто подлинника сдѣланными съ него въ Александріи копіями.

§ 3. Издержки представленій Хорегіа.

Соотвѣтственно религіозному значенію драматическихъ представленій, какъ составной части празднествъ, совершаемыхъ государствомъ въ честь Діониса, государство само завѣдывало ими чрезъ своихъ магистратовъ. Что же касается до нужныхъ для нихъ расходовъ, то въ V и IV вв. наиболѣе значительная часть ихъ падала на долю хореговъ, а остальные — на долю театральныя откупщицовъ и государственной казны. Сущность драматической хорегіа, принадлежавшей къ числу такъ называемыхъ «кру-

говныхъ» литургій, вкратцѣ изложена въ 1-й части нашего «Очерка» (изд. 3, стр. 295). Первоначально она была установлена только для трагическихъ представлений, вѣроятно вскорѣ послѣ реформъ Клизеена; хоръ въ комедіи первоначально составлялся изъ «охотниковъ» (ἐδελονταί. Арист. *Поэт.* 5) и, судя по нѣкоторымъ намекамъ (напр. Аэен. II, 57 а), имѣлъ очень бѣдный видъ; хорегія для комедіи была установлена, кажется, только около 467 года. Первая обязанность хорега состояла въ наборѣ потребнаго количества пѣвцовъ для хора, доставленія имъ содержанія во время обученія и уплатѣ жалованья; онъ же долженъ былъ дать мѣсто для упражненій въ своемъ домѣ или въ нанятой для этой цѣли квартирѣ. Если поэтъ или его повѣренный не принималъ на себя дѣло обученія хора, то хорегъ долженъ былъ пригласить за плату особаго учителя (χοροδιδάσκαλος). Музыкантъ для каждого хора назначался по жребію (Дем. *Мид.* 13), но хорегъ обязанъ былъ вознаграждать и его. Въ періодъ процвѣтанія драмы при наборѣ пѣвцовъ для хора хорегъ руководился, конечно, совѣтами и рекомендаціями автора-поэта. Такимъ образомъ могло происходить, что при исполненіи пьесъ одного и того же автора, поставленныхъ въ разные годы и при разныхъ хорегахъ, главные хореветы бывали одни и тѣже. Для представленія хорегъ долженъ былъ готовить хореветамъ богатые костюмы и маски, а также и самъ являлся въ роскошномъ праздничномъ платьѣ и съ вѣнкомъ на головѣ. О другихъ расходахъ хорега не сохранилось подробныхъ свѣдѣній. Во всякомъ случаѣ издержки на хорегію были весьма значительны, тѣмъ болѣе, что хореги отчасти изъ тщеславія, желая отличиться другъ передъ другомъ, отчасти же изъ благочестія, не щадили расходовъ, чтобы исполнить свою литургію какъ можно лучше¹⁾. Случалось, впрочемъ, и наоборотъ, что хореги скупились, но тогда архонтъ могъ принимать противъ нихъ принудительныя мѣры (Ксен. *Гер.* 9, 4) и народъ поднималъ ихъ на смѣхъ. Послѣ состязанія хорегъ, лучше всѣхъ исполнившій свои обязанности, былъ признаваемъ побѣдителемъ и получалъ въ награду вѣнокъ; въ память побѣды онъ ставилъ въ храмѣ доску съ записью о побѣдѣ (πίναξ τῆς νίκης, Плот. *Оем.* 5). Получали ли побѣдители въ драматическихъ хорегіяхъ наградные треножники подобно побѣдителямъ на музыкаль-

¹⁾ Нѣкоторыя данныя, относящіяся къ издержкамъ хорегіи, приведены въ I ч. на стр. 295 (изд. 3).

ныхъ состязаніяхъ, навѣрное сказать нельзя (см. ч. I стр. 296, изд. 3). Эти послѣднія состязанія происходили между филлами и честь побѣды усвоилась прежде всего той или другой филлѣ, а затѣмъ уже хорегу, бывшему ея представителемъ; драматическія же хорегіи не имѣли отношенія къ филламъ и побѣды усвоились лично хорегамъ; только около временъ Аристотеля драматическіе хорегіи—и то лишь комедическіе—стали избираться филлами (Арист. *Ав. пол.* 56).

Подъ конецъ Пелопоннесской войны, вслѣдствіе обѣднѣнія народа, для драматической хорегіи, какъ и для другихъ литургій, стали допускаться разныя облегченія (какъ напр. раздѣленіе издержекъ одной хорегіи между двумя лицами, см. *схол. Ар. Лак.* 404), а вскорѣ послѣ войны комическая хорегія, какъ говорятъ, была и вовсе отмѣнена, хоры стали ставиться съ гораздо меньшею пышностью и мало по малу потеряли свое значеніе какъ въ трагедіи, такъ въ особенности въ комедіи, такъ что къ концу III в. хоръ уже является такой роскошью, безъ которой легко можно было обойтись при постановкѣ пьесъ. Въ правленіе Димитрія Фалерскаго все устройство драматической и музыкальной хорегіи подверглось коренному измѣненію: самъ народъ сталъ номинально принимать на себя хорегію (ὁ δῆμος ἐχορήγει), а для ближайшаго завѣдыванія состязаніями (и для совершенія праздничныхъ жертвоприношеній отъ лица государства) сталъ избираться ἀνωθέτης срокомъ на одинъ годъ; изъ того обстоятельства, что онъ по окончаніи срока своей службы обязанъ былъ сдавать отчетъ (С. I. Att. II, 314), слѣдуетъ заключить, что онъ получалъ часть средствъ на поставку хоровъ изъ государственной казны, хотя ему приходилось тратить и свои средства, иногда весьма значительныя (С. I. Att. II, 307). Въ эпоху римскихъ императоровъ снова упоминаются хорегіи, но рядомъ съ ними и агонοεῖται.

Кромѣ хореговъ часть издержекъ на содержаніе театра несли театральные арендаторы (θεατρῶναι или θεατροπῶλαι). Зданіе театра въ Афинахъ составляло собственность государства, но послѣднее не находило для себя удобнымъ непосредственное завѣдываніе имъ и потому, подобно другимъ статьямъ государственныхъ доходовъ, сдавало его въ аренду. Арендная плата опредѣлялась, конечно, по сопоставленію падавшихъ на арендатора расходовъ съ ожидаемой отъ зрителей платой за входъ. Для ознакомленія съ условіями аренды весьма интересенъ сохранившійся (къ сожалѣнію

не вполне) контрактъ Пирейскаго дема съ 4-мя арендаторами Пирейскаго театра (С. I. Att. II, 573), относящійся приблизительно къ срединѣ IV в. до Р. Хр. Арендная плата опредѣлена здѣсь въ 3300 драхмъ, при чемъ двое изъ арендаторовъ внесли по 1100 др., третій—600 и четвертый—500; арендаторы обязуются поддерживать зданіе въ исправномъ видѣ, въ случаѣ же какихъ-либо упущеній демъ самъ исправляетъ ихъ на счетъ арендаторовъ; при сдачѣ театра арендаторамъ должна быть произведена его оцѣнка тремя избранными ad hoc гражданами Пирейскаго дема.

Что касается расходовъ, приходившихся на долю государственной казны, то наши свѣдѣнія о нихъ весьма не достаточны. Прежде всего государство, повидимому, вознаграждало актеровъ; это слѣдуетъ изъ того, что архонтъ назначалъ актеровъ поэту, а не хорегу, что, безъ сомнѣнія, дѣлалось бы въ томъ случаѣ, если бы послѣдній платилъ актерамъ жалованье. О величинѣ вознагражденія актеровъ во время процвѣтанія драмы въ Афинахъ нѣтъ свѣдѣній; имѣющіяся у насъ данныя или неопредѣленны, или относятся къ позднѣйшему времени, либо къ другимъ греческимъ государствамъ. Изъ нихъ видно, что величина жалованья была весьма различна и что знаменитые актеры иногда получали весьма значительныя суммы. Нѣтъ свѣдѣній и о величинѣ гонорара, который получали отъ государства допущенные къ состязанію поэты¹⁾. Отъ гонорара слѣдуетъ отличать денежные призы и почетныя вѣнки, которые выдавались только побѣдителямъ, по одному въ каждомъ состязаніи. Затѣмъ отъ государства, вѣроятно, получали жалованье *ῥαζδοῦχοι*, смотрѣвшіе за порядкомъ въ театрѣ.

Кромѣ этихъ прямыхъ расходовъ на театральныя представленія на государственной казнѣ тяжкимъ бременемъ лежала выдача гражданамъ денегъ на уплату за входъ въ театръ (*τὰ θεωρικὰ*). Первоначально всякій могъ даромъ смотрѣть на драматическія представленія, при чемъ дѣло не обходилось безъ толкотни, разныхъ беспорядковъ и даже дракъ, такъ какъ каждый старался занять мѣсто получше (Либ. *ἰσοθ.* къ Дем. *Ол.* I; схол. Луе. *Тим.* 49); въ предупрежденіе этихъ беспорядковъ была установлена (не извѣстно съ точностью, когда именно) входная плата въ 2 оболы, по внесеніи которой каждый зритель получалъ опредѣ-

¹⁾ Свидѣтельства объ этомъ гонорарѣ даютъ схолиі къ Аристофану (*Миръ* 697; *Ля.* 367; *Еккл.* 102) и Гесихій п. сл. *μισθός*.

ленное мѣсто. Периклъ, какъ извѣстно, установилъ раздачу денегъ на уплату за входъ въ театръ изъ государственной казны, при чемъ сначала получали ихъ только бѣднѣйшіе граждане въ тѣ праздники, въ которые дѣйствительно происходили театральныя представленія, а затѣмъ въ IV в. раздача приняла гораздо болѣе широкіе размѣры и стала поглощать значительную долю средствъ государственной казны ¹⁾. Впрочемъ часть этихъ денегъ возвращалась въ казну въ видѣ арендной платы за театръ. Раздача зрѣлищныхъ денегъ существовала, вѣроятно, до временъ македонскаго владычества, такъ какъ позднѣе о ней совсѣмъ нѣтъ свѣдѣній.

§ 4. Ходъ представленій. Оцѣнка пьесъ. Дидаскаліи.

Когда уже готово было все нужное для представленій, предъ самымъ началомъ великихъ Діонисій, въ праздникъ Асклепія 8-го числа Елафеболіона происходило такъ называемое «предварительное состязаніе» (*προαγων*). Въ существующихъ свидѣтельствахъ древнихъ не указывается съ полною точностью, въ чемъ оно состояло; предполагали, что это было нѣчто въ родѣ нашихъ генеральныхъ репетицій представляемыхъ пьесъ, но такое объясненіе весьма сомнительно ¹⁾ потому, что прорепетировать въ одинъ день (въ который, кромѣ того, было жертвоприношеніе Асклепію) всѣ приготовленныя къ представленію пьесы было бы невозможно, а репетиція одной пьесы изъ каждой тетралогіи не достигала бы цѣли, ²⁾ потому, что *προαγων* совершался въ присутствіи публики и участники представленія были безъ масокъ и сценическихъ костюмовъ (сх. Эск. *пр. Ктесиф.* § 67). Поэтому гораздо вѣроятнѣе предположеніе нѣмецкаго ученаго Роде, что это было официальное представленіе публикѣ участниковъ состязанія: поэты съ хорегами, актерами и хорами въ праздничныхъ одѣяніяхъ и съ вѣнками на головахъ выступали предъ народомъ въ Одеонѣ, чтобы объявить о предстоящемъ состязаніи и при этомъ, такъ сказать, заранѣе рекомендовать себя будущимъ зрителямъ и подстрекнуть ихъ ожиданія. Изъ одной надписи III в. до Р. Хр. (С. I. Att. II, 307) видно, что проагоны бывали предъ всякими праздничными состязаніями. Какъ долго существовалъ этотъ обычай въ Афинахъ

¹⁾ См. объ этомъ ч. I (изд. 3), стр. 188, 286, 302.

и былъ ли онъ въ другихъ греческихъ государствахъ, не извѣстно съ достовѣрностью. Въ эпоху римскихъ императоровъ было въ обычаѣ предъ самымъ началомъ театральныхъ представленій во всеуслышаніе провозглашать заглавіе и имя автора поставленной пьесы (*προαναφώνησις, προεὐόδιον*).

На время представленій выносили изъ Леввэйскаго храма статую Діониса и ставили въ оркестрѣ театра; это перенесеніе въ позднѣйшія времена, какъ видно изъ ефебовскихъ надписей, совершалось ефебами вечеромъ (вѣроятно наканунѣ перваго дня представленій) въ торжественной процессіи съ факелами. Хотя относящіяся сюда свидѣтельства принадлежатъ позднимъ временамъ, но самый обычай, безъ сомнѣнія, былъ древній и объясняется религіознымъ происхожденіемъ драматической поэзіи.

Въ день представленія, по всей вѣроятности, прежде всего происходило очищеніе собравшихся зрителей. По свидѣтельству лексикографовъ, оно совершалось точно такъ же, какъ въ народномъ собраніи предъ открытіемъ засѣданія (см. ч. I стр. 226, изд. 3) т. е. посредствомъ закланія маленькихъ поросятъ, называвшихся *καθάρατα*, особымъ жрецомъ *καρυστάρχος*, при чемъ собравшійся народъ, вѣроятно, былъ окропляемъ ихъ кровью и обносимъ кусками мяса.

Передъ самымъ началомъ представленія происходила жеребьевка судей состязанія, а затѣмъ поэты, какъ можно заключать изъ одного мѣста Аристофана (*Ахарн.* 10), торжественно вызывались герольдомъ къ состязанію. Въ одномъ отрывкѣ изъ соч. Филохора, сохраненномъ Аеннэемъ (р. 464 e), говорится, что при входѣ хоровъ въ оркестру и выходѣ изъ нея по окончаніи представленія ихъ угощали виномъ; на основаніи этого свидѣтельства можно думать, что по вызову Герольда поэтъ и хорегъ съ хоромъ выходили въ оркестру и совершали возліяніе Діонису, послѣ чего хоръ оставлялъ оркестру и появлялся въ ней снова только тогда, когда его присутствіе требовалось по ходу пьесы. Поэты во время представленія обыкновенно присутствовали въ театрѣ, но вѣроятно не между зрителями, а за сценою. По окончаніи представленій снова совершались возліянія и, можетъ быть, жертвоприношенія.

Относительно выбора судей состязаній и ихъ обязанностей нѣтъ вполнѣ ясныхъ и опредѣленныхъ показаній, а встрѣчающіяся у авторовъ случайныя замѣчанія могутъ быть объясняемы различно. Впрочемъ нѣкоторые факты довольно прочно установлены новыми

ислѣдованіями. За нѣсколько времени до праздника Діонисій члены совѣта вмѣстѣ съ хорегамъ выбирали въ судьи изъ всѣхъ филъ число лицъ вдвое большее, чѣмъ сколько требовалось для состязаній. Таблички съ именами этихъ лицъ, отдѣльно для каждой филы, вѣвались въ урны, которыя запечатывались пританами и хорегамъ и передавались казначеямъ для храненія на акрополѣ (Исокр. XVII, 33. Лис: IV, 3). Въ день представленія всѣ лица, предназначенныя въ судьи, являлись въ театръ, куда приносились и урны съ ихъ именами; предъ началомъ представленія архонтъ вынималъ по одному имени изъ каждой урны, такъ что составлялась коллегія изъ 10 лицъ, по одному отъ каждой филы. Избранные приводились архонтомъ къ присягѣ, въ которой клялись судить вполне справедливо, затѣмъ занимали мѣста (вѣроятно опредѣленныя) и обязаны были внимательно слѣдить за представленіемъ, замѣчая все, что могло служить къ образованію вѣрнаго сужденія о достоинствѣ пьесъ каждаго поэта. По окончаніи состязанія каждый судья записывалъ на табличкѣ имена поэтовъ одно за другимъ, соответственно достоинству пьесъ каждаго (ср. Эліана *V. hist.* II, 13) Наконецъ изъ этой коллегіи второй жеребьевкой избирались пять судей, которые и постановляли окончательное рѣшеніе ¹⁾. Поэтъ-побѣдитель, имя котораго было торжественно провозглашаемо герольдомъ, былъ увѣнчиваемъ архонтомъ, вѣроятно на сценѣ. Безъ сомнѣнія, точно такъ же шло дѣло и на Ленейскомъ праздникѣ.

По окончаніи праздника Діонисій въ театрѣ собиралось вѣче, въ которомъ разсматривались распоряженія архонта, удостоивались похвалы и награды магистраты и другія лица, безукоризненнымъ исполненіемъ возлагавшихся на нихъ обязанностей содѣйствовавшія благочинію и блеску праздника (С. I. Att. II, 114 b), и приносились жалобы на тѣхъ, кто такъ или иначе нарушалъ уставъ праздника (Дем. *Муд.* 9). Можетъ быть здѣсь же приносились жа-

¹⁾ Изъ вѣсколькихъ свидѣтельствъ извѣстно, что пять судей постановляли окончательное рѣшеніе для состязаній комиковъ въ V-мъ вѣкѣ. Вѣроятно, такъ было и на состязаніяхъ трагиковъ. Но есть показаніе (Lucian. *Harmot.* 2) и о семи судьяхъ состязаній. Можно предположить, что, когда (въ самомъ концѣ V-го или въ началѣ IV вѣка) число комиковъ, допускаемыхъ къ одному состязанію, было увеличено на два (съ трехъ на пять), такому же увеличенію подверглось и число судей для состязаній комиковъ. Эта перемѣна могла имѣть цѣлю предупредить такое раздѣленіе голосовъ судей, при которомъ постановленіе рѣшенія было бы невозможно.

лобы на неправильныя рѣшенія судей состязаній, которые, повидимому, иногда рѣшали дѣло не по совѣсти, поддаваясь подѣупу или расположенію къ тому или другому конкуренту. Относящіяся сюда свидѣтельства (Эск. *пр. Ктесиф.* 232; Дем. *Мид.* 9, 18 и др.) говорятъ, правда, только о музыкальныхъ состязаніяхъ, но безъ сомнѣнія подобныя случаи могли встрѣчаться и при состязаніяхъ драматическихкихъ.

Изъ вышеизложеннаго видно, что исполненіе драматическихкихъ (какъ и лирическихкихъ, а частію и чисто музыкальныхъ) произведеній на государственныхъ праздникахъ въ Аѣинахъ представляло собою довольно сложное, имѣвшее свою финансовую сторону и затрогивавшее интересы многихъ лицъ, официальное дѣйствіе, которое, подобно всякому другому официальному акту, требовало документальной отчетности. Архонтъ, завѣдывавшій праздникомъ, приказывалъ записывать имена поэтовъ и хореоговъ состязанія, названія представленныхъ пьесъ и имена исполнявшихъ ихъ протагонистовъ и сдавалъ эти записи на храненіе въ государственный архивъ. Когда драматическая поэзія достигла своего апогея и возбуждала живой къ себѣ интересъ, эти документы, носившіе названіе *διδασκαλίαι*, стали вырѣзываться на камняхъ и выставляться во всеобщее свѣдѣніе въ священномъ округѣ Діонисова храма. Значительное количество обломковъ документовъ, относящихся къ исторіи аттической драмы, сохранилось и до нашихъ временъ; они были найдены въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ Аѣинъ, но преимущественно при раскопкахъ, произведенныхъ въ срединѣ 70-хъ годовъ въ святилищѣ Асклепія, примыкавшемъ къ театру съ запада. Сохранившіеся отрывки относятся къ документамъ трехъ разныхъ видовъ: а) *отрывки эпиграфическаго свода διδασκαλίων*, представляющаго собою краткую хроніку трагедій и комедій, вырѣзанную на двухъ камняхъ, судя по палеографическимъ даннымъ, около средины III в. до Р. Хр. Здѣсь мы имѣемъ расположенный въ хронологическомъ порядкѣ сводъ свѣдѣній о драматическихкихъ состязаніяхъ за цѣлый рядъ годовъ съ обозначеніемъ архонта-эпонима каждаго года (если при какомъ-либо архонтѣ драматическія состязанія почему-либо не состоялись, то его имя всетаки ставилось въ спискѣ съ отмѣткою *οὐκ ἐγένετο*), съ перечисленіемъ всѣхъ поэтовъ, участвовавшихъ въ состязаніяхъ, въ порядкѣ достоинства ихъ пьесъ, установленномъ судьями состязанія, съ названіями всѣхъ поставленныхъ пьесъ и съ именами участвовавшихъ въ нихъ акте-

ровъ-протагонистовъ, при чемъ въ концѣ замѣтки о состязаніяхъ cadaго года обозначается, какой протагонистъ былъ признанъ побѣдителемъ. б) Второй разрядъ представляютъ хронологически расположенные *списки побѣдителей* на сценическихъ и музыкальныхъ состязаніяхъ въ праздники Діониса, при чемъ въ качествѣ побѣдителей называются не только поэты (и отчасти актеры), но и филы (по поводу музыкальныхъ состязаній) и хореги, а заглавія произведеній, посредствомъ которыхъ побѣды были одержаны, не упоминаются. в) Наконецъ къ третьему разряду относятся *статистическія таблицы побѣдъ*, одержанныхъ на состязаніяхъ драматическими поэтами (какъ трагиками, такъ и комиками); въ нихъ называются только имена поэтовъ одно за другимъ, съ цифрой, обозначающею число побѣдъ, позади cadaго имени ¹⁾. Съ документами перваго разряда значительное сходство по содержанію и формѣ имѣло не сохранившееся, къ сожалѣнію, до насъ сочиненіе Аристотеля подъ названіемъ *Διδασκαλίαι*, основанное, вѣроятно, на томъ же матеріалѣ и представлявшее собою, такъ сказать, лѣтопись драматическаго искусства въ Аѣнахъ. До насъ дошло, впрочемъ, довольно много отдѣльныхъ *дидаскалій* преимущественно въ такъ называемыхъ *ὀρθόεσις*, т. е. введеніяхъ къ сохранившимся трагедіямъ и комедіямъ, составленныхъ Аристофаномъ Византійскимъ и другими грамматиками; первоначальнымъ источникомъ этихъ *дидаскалій*, безъ сомнѣнія, было названное сочиненіе Аристотеля.

О драматическихъ представленіяхъ внѣ Аѣинъ и объ упомянутыхъ уже у насъ «обществахъ Діонисовскихъ художниковъ» позднѣйшихъ временъ сохранились нѣкоторыя свѣдѣнія какъ у авторовъ, такъ, главнымъ образомъ, въ надписяхъ; но мы не будемъ здѣсь разсматривать ихъ, предлагая читателямъ, желающимъ съ ними познакомиться ближе, обратиться къ спеціальнымъ монографіямъ.

Труды, относящіяся къ вопросамъ, разсматриваемымъ въ гл. 30-й, указываетъ А. Müller, *Bühnenalt.* §§ 21—26. Изъ монографій, не указанныхъ у него, назовемъ: П. В. Никитинъ, Къ исторіи аѣнскихъ драмат. состязаній, Спб. 1882. Fr. Harzmann, *Quaestiones scenicae*, diss. Marb. 1889. — А. Körte, *Archäol. Studien zur alten Komödie*, *Jahrbuch d. K. Deutschen Arch. Inst.* 8 (1893). — К. Weissmann, *Die scenische Anführung d. Griech. Dramen des 5 Jahrh.*, Münch. 1893. — E. Bodensteiner, *Scenische Fragen*, Leipz. 1893.

¹⁾ Большинство разсмотрѣнныхъ надписей издано Кумандисомъ въ журн. *Ἀθήραιον* т. VI и VII и Келеромъ въ *Athen. Mittheilungen* т. III, а затѣмъ онѣ собраны въ С. I. Att. II, 2, 971—977. См. также А. Brinck, *Inscriptiones graecae ad choregiam pertinentes*, Halle 1885.

I. УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ, МИОЛОГИЧЕСКИХЪ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ ИМЕНЪ.

(Прим. Буквы *пр.* при цифрѣ, обозначающей страницу, показываютъ, что данное имя встрѣчается на этой страницѣ въ примѣчаніи; отмѣтка *сл.* означаетъ, что имя, кромѣ указанной страницы, встрѣчается еще на одной или двухъ слѣдующихъ. Курсивомъ набраны фамиліи новыхъ ученыхъ, сочиненія которыхъ упоминаются въ текстѣ. Нѣкоторые личные имена, случайно встрѣчающіяся по одному разу, а также названія пьесъ и отдѣльныхъ ролей въ отд. VI въ указатель не внесены).

Абы г. 200.
 Августъ имп. 33. 50. 166. 258.
 Аверское озеро 207.
 Аѳѳа богиня 138.
 Авлида г. 87.
 Автоматія б.
 Агамедъ герой 24. 26. 194. 204.
 Агаархъ художникъ 272.
 Агирій г. 174.
 Аглавра богиня 151. 214.
 Агна ('Αγνή) богиня 157 сл.
 Агра (предмѣстье въ Афинахъ) 218.
 'Αγρίωνια праздникъ 163.
 Адлеръ 128.
 Адонисъ герой 237.
 Адрастія г. 201.
 Адрастъ герой 78. 161.
 Адрианъ имп. 26 пр. 30 пр.
Азаревичъ Д. И. 15.
 Азія (Малая) 14. 33. 171 сл. 200 сл.
 Αἰαχάια пр. 161.
 Αἰάντης пр. 148.
 Аидъ 177. 208. 227.
 Αἰδώς 8.
 Αἰτναία пр. 174.
 Академія 133. 147. 249.
 Акарнанія 166.
 'Αχχὼ 7 пр.
 Акрагантъ г. 59. 174.
 Аврѳія г. 162. 200.

'Αξίερος 'Αξιόχερσα 'Αξιόχερος	}	кабири 227.
'Αχτια пр. 166. Алалкоменій мѣсяцъ 110. 163. 'Αλεαία пр. 155. Александрія г. 299. <i>Александровскій</i> 202 пр. Александръ Великій 13. 109. 182. 192. 198. 235. 245. 256. 266. <i>Александръ К.</i> 187. Алексидъ поэтъ 256. Алкаменъ художникъ 121. Алкаеой герой 162. Алкибиадъ 68. 150 пр. 220 пр. 237. Алкиной царь 98. Алкмеониды 195. 'Αλφα пр. 142. Алфей рѣка 5. 121 сл. Альтисъ роца 20. 121. 125. Αμαλία коза 229. 'Αμαρόνθια пр. 168. Амиклы г. 158 сл. Аммонъ богъ 4. 13. 133. 192. 238. Аморгъ о-въ 58. 168. 247. Амфиарай герой 202 сл. 295. 'Αμφιαραία пр. 163 Амфилая г. 166. 208. Амфилохъ герой 203. Амфисса г. 5. 166.		

- Амфитрита богиня 17.
 *Αναγώγισα пр. 174.
 *Αναχαλοπτήρια пр. 173.
 Анаксагоръ философъ 11.
 Анаксимандръ фил. 109.
 *Αναχτες παιδες 5. 166.
 Анафа о. 171.
de Angeli 281.
 Анданія г. 156 сл.
 Андрианъ 21.
 Андрось о-въ 168.
 Андросенъ худ. 196.
Ανριχъ 212.
 Антимахія г. 171.
 Антисса г. 40.
 Антифанъ поэтъ 256.
 Антифонъ ае. 178.
 Анеестерія пр. 58. 144. 172. 175. 284.
 278 пр. 296. 298.
 Анеестеріонъ м-ць 110. 144. 169. 218. 296.
 *Ανθεσφόρια пр. 173.
 *Απατούρια пр. 141. 243. 245.
 *Απάτουρον 167.
 Аполлонія г. 44.
 *Απολλώνια пр. 169.
 *Απολλώνιος м-ць 121.
 Аполловъ 5. 18. 19. 21 сл. 31. 36. 40 сл.
 54. 64. 75. 83 сл. 90. 94 сл. 113 сл.
 128 сл. 132. 138 сл. 145. 159 сл.
 166 сл. 178 сл. 193 сл. 200 сл. 235.
 244 сл. 272. 286.
 *Απόλλων *'Αγυιεύς* 240.
 — *'Ασγέλατας* 171.
 — *Βοηδρόμιος* 137.
 — *Δειραδιώτης* 200.
 — *Δελφίνιος* 148. 175. 194.
 — *έβδομαγενής* 114.
 — *'Ιατρός* 167.
 — *'Ισμενιος* 49. 52. 163. 200.
 — *Καθάρισος* 74.
 — *Καρνεϊος* 157 сл.
 — *Μαλόεις* 172.
 — *Μεταγεινιος* 136.
 — *Μοιραγέτης* 196.
 — *Πορνόπιος* 172.
 — *Προστάτης* 167.
 — *Πτώιος* 162. 200.
 — *Πυθαϊεύς* 162.
 — *Πύθιος* 165. 194.
 — *Σμίνθιος* 170.
 — *Σπόδιος* 193.
Απτεμυротъ В. Г. 40.
 Апулія 203.
 Араротъ ае. 298.
 Арголида 131.
 Аргось г. 5. 32. 37. 44. 49. 82. 160. 200.
 263.
 Аресъ холмъ въ Ае. 79.
 Арей 5. 32. 37. 86.
Αρεως 111.
 Ареуса ручей 45.
 Аристидъ 71. 295.
 Аристотель фил. 254 сл. 300. 307.
 Аристофанъ поэтъ 153. 224. 256. 267.
 272. 276. 283. 298.
 Ариадна 145. 168.
 Арионъ поэтъ 94.
 Аркадія 5. 22. 31. 93. 155 сл. 225.
 Аркадь герой 40.
Αρνеть 15.
 Аррефорія пр. 152.
 Артемида 5. 18. 22. 24. 31. 33. 37 сл.
 40. 44. 49. 69. 75. 83. 87. 94
 сл. 113 сл. 147 сл. 156 сл. 161
 сл. 166 сл. 172. 196. 241. 244.
 *Αρτεμις *'Αγροτέρα* 237.
 — *Βραυρωνία* 148. 245.
 — *'Εφεσια* 171. 175.
 — *Θερμια* 173.
 — *Κεδρεατης* 24.
 — *Λαφρία* 86. 156.
 — *Μουνηγία* 143.
 Артемидоръ писатель 178.
 Артемисія пр. 174.
 Артемисій м-ць 109 пр. 147 пр.
 Архилохъ поэтъ 127.
 Археморъ герой 131.
 Асина г. 46.
 *Ασινάρια пр. 174.
 *Ασκληπιεία пр. 147. 161. 171. 172. 219.
 303.
 Асклепій 8. 35. 42. 50. 53 пр. 75. 86.
 90 пр. 137. 147. 161. 171. 201 сл. 219.
 240. 268. 303. 306.
 Ассъ г. 58.
 Астара богиня 167.
 *Αστυδρόμια пр. 171.
 Атика 9. 21 сл. 50. 55. 61. 67. 79. 90
 пр. 132. 143 сл. 151 сл. 156. 194. 238.
 246. 248. 255 сл.
 Афродита 3. 5. 8. 18. 31. 36. 38. 45. 52.
 82 сл. 152. 161. 167. 173 сл. 238. 241.
 Ахарны демъ 143. 296.
 Ахараки г. 203.
 Ахилловъ бѣгъ (н. Тендра) 167.
 Ахиллъ герой 98. 167.
 Аэна 5. 8. 19. 28. 31. 36. 38. 40. 43.
 51. 54. 64. 83. 87 сл. 99. 102. 133
 сл. 141 сл. 150 сл. 160 сл. 219.
 240. 272. 286.
 — Алейская 32 пр. 49. 155.
 — Демократія 8. 137. 219.
 — Дѣва 38.
 — *'Εργάνη* 135. 142. 240.
 — Итонская 162.
 — Краная 49.

- Аенна Ландійская 170.
 — Ніхѣ 8. 136.
 — Паллада 38.
 — Полиада 35. 38 пр. 47 сл. 133.
 136. 150. 152. 241.
 — Πρόμαχος 43.
 — Σηράς 138.
 — Σώτερα 153.
 — Τριτογένεια 114.
 — Ὑψία 136.
 — Χαλκίονκος 26.
 Ἀθήνα пр. 133. 142.
 Аенны passim.
- Бабикъ** 187.
Бавбо 221.
Бадеръ 241.
Бакидъ 178.
Бакхидъ поэтъ 127.
Банъ 148. 154.
Бартъ 34.
Βασίλεια пр. 168.
Баумейстеръ 120 пр. 260.
Баунакъ 202 пр.
Бахъ 225.
Безеръ 21.
Беккеръ 243. 251.
Бѣкъ 56. 111. 148.
Бендида бог. 13. 99. 150. 238.
Бендиди пр. 149 сл..
Бенндорфъ 270.
Беотія 22. 45. 76. 86. 108. 162 сл. 194.
 204. 206. 225. 229. 243.
Бераръ 162.
Беркъ 111.
Бетъ 257.
Беттихеръ А. 120 пр. 128.
Беттихеръ К. 21. 40.
Биниъ 103.
Βίσιος м-цъ 110. 164. 197.
Бишофъ 111.
Блохъ 225.
Блюмнеръ 243. 245.
Боденштейнеръ 307.
Боедроміонъ м-цъ 109 пр. 110. 137. 218.
 223.
Боедроміи пр. 137.
Борей 8.
Боспоръ Киммер. 167.
Босслеръ 56.
Βραβρωίης пр. 148.
Бранхиды жрец. родъ 200.
Бейеръ 137.
Бризо богиня 203.
Бримо бог. 221.
Бримъ 221.
Бримъ 307 пр.
Брисен г. 32.
- Буассе** 15.
Букатій м-цъ 110. 129.
Бурениъ 201.
Буря 87.
Буть герой 9.
Буфонія см. Дипноліи.
Буше-Леклеркъ 187. 188.
Бѣлый островъ (Λευκή) 167.
Бюхнеръ 62.
Бюхсеншютцъ 187.
- Ваддингтонъ** 33 пр.
Вакхъ 3. 214.
Валлонъ 34.
Васснеръ 21.
Важниъ 193.
Вахмутъ 15.
Вейль Г. 252.
Вейсманъ 307.
Wheeler 270.
Великая Греція 173.
Великіе боги въ Андавіи 157.
Велишскій 15. 34.
Веллауеръ 144.
Велькеръ 16. 227 пр. 229.
Вельцель 162.
Venerii 45.
Венштеръ 130. 162. 166.
Вентъ 93.
Веркунтъ 206.
Виде 162.
Византія г. 59.
Визелеръ 197 пр. 206.
Вилламовицъ-Меллендорфъ 270.
Вискеманъ 187. 188.
Виссова 16.
Витрувій пис. 258 сл.
Воеводскій Л. Ф. 16. 93.
Вольфъ 188.
Voyniète 66.
Вюниъ 78.
- Гагенмоллеръ** 103.
Наиіъ 270.
Γαλαξία пр. 148.
Галиартъ г. 32 пр. 207.
Ἄλιεα пр. 170.
Галикарнасъ г. 51 пр.
Галимутъ демъ 140.
Гамбрій г. 248 пр.
Гамелин пр. 144.
Гамелионъ м-цъ 109 пр. 110. 144 сл. 218.
 250 пр. 296.
Гартуниъ 16
Гарцманъ 307.
Гауптъ 212.
Гегелохъ актеръ 279.
Гейбрееде (Heibreed) 187.

- Гейманъ (Heimann) 72.
 Геймбродъ (Heimbrod) 56.
 Гекаба 24 пр. 41 пр.
 Геката 19. 76. 86. 114. 161. 213. 240.
 Гекатомбаи пр. 132. 160.
 Гекатомбозонъ м-цъ 110. 132.
 Гекаторфеусъ м-цъ 159.
 Гекторъ герой 24 пр. 180. 186.
 Гела г. 174
 Гелиосъ богъ (Солнце) 5. 44. 87. 114. 138.
 152. 170. 196. 213.
 Геллеръ 56.
 Ἑλλάτια пр. 161. 171.
 Ελφωια пр. 174.
 Γέλως 8.
 Гендессъ 188.
 Γενεσία пр. 137.
 Генриховскій 230.
 Генрихъ 103.
 Георготуло 243.
 Гепкенъ 260. 265.
 Гера 4. 6. 30 пр. 31 сл. 36 сл. 49. 80.
 87. 121 сл. 144. 154. 163. 169 сл.
 194. 241. 243.
 — Ἀκραία 161.
 — Γαμηλία 241.
 — ἡνίοχος 204.
 — Ὀλορπία 154.
 — Σαρία 37. 170.
 Ἡραία пр. 154. 160 сл. 168. 170.
 Гераклея Понтийская г. 208.
 Ἡράκλεια пр. 163. 168.
 Гераклъ герой 36. 40. 44. 84. 91. 97.
 114. 119 сл. 161. 163 сл. 170. 174.
 235. 245. 255. 286.
 Герастій м-цъ 109 пр.
 Гербрехтъ 56.
 Гергардъ 15. 21.
 Ἡρχονα ручей 204 сл.
 Гермакъ 193.
 Германъ К. Ф. 15. 21. 111. 117. 154.
 163. 167. 171. 173. 175. 243. 245. 257.
 Германъ М. Г. 116.
 Ἡρμαία пр. 167.
 Гермесъ 5. 19. 37. 45. 60. 114. 120 пр.
 146. 157. 163. 167. 192. 214. 222. 226
 сл. 240 сл. 286.
 Гермюна г. 102 пр.
 Гермы 19. 37. 240.
 Геродотъ пис. 4. 106. 189. 226.
 Ἡρωίς пр. 165.
 Геронеры г. 32.
 Γεραίστια пр. 163.
 Герестъ г. 168.
 Гесихъ герой 9.
 Гесиодъ пис. 4. 9. 105.
 Гестія богиня 5. 18. 19. 39. 64. 81. 85. 239.
 Гётте 199.
- Геффтерь 15. 171.
 Ἡφαίστια пр. 142.
 Гефестъ 5. 99. 142. 151. 226. 240.
 Гея (Земля) 25. 87. 137. 151. 194. 203.
 231.
 Гигея бог. 8. 90 пр.
 Ἴχελος 177.
 Гилы г. 40.
 Гильбертъ 148.
 Гильдъ (Hild) 16.
 Ἴμερος 8.
 Гимнозиан пр. 160.
 Гинипетерь 188.
 Гиппархъ астр. 106.
 — сынъ Писистрата 231.
 Гипподамия 20. 155.
 Гиривъ (мног. царь) 204.
 Гиртъ (Hirt) 46.
 Гиссъ 56.
 Гямполь г. 166.
 Holst 239.
 Holoherda 128. 234.
 Гомеръ 4. 196. 226.
 Горгияния г. 167.
 Горы (ὄρη) 83. 138. 150. 234.
 Гофманъ В. 73.
 Гофманъ К. 137.
 Грасбергеръ 103.
 Грасгофъ 199.
 Греция passim.
 Гриній г. 172. 201.
 Гротъ 15.
 Грутте 15. 16.
- Δαδαφόριος м-цъ 110. 165.
 Δαίτρα (=Персефона) 215.
 Δαίδαλα пр. 22 пр. 163.
 Δάμεια пр. 173.
 Δαφναφόρια пр. 163.
 Девкалионъ герой 189. 197.
 Δήλια пр. 169.
 Делосъ о. 18. 22. 26. 75. 81. 90. 168
 сл. 181 пр. 201. 203. 235. 238. 250.
 Дельфинія пр. 148. 161.
 Δελφίνιον храмъ 148.
 Дельфъ герой 182.
 Дельфы г. 4. 5. 18. 21 сл. 30. 41 сл. 74.
 82 сл. 88. 94. 98. 117 сл. 128. 164 сл.
 191. 193—199. 226 пр. 234. 245.
 Деметра 5. 18. 21. 30 сл. 35. 43. 69. 83.
 86. 91 сл. 102 пр. 113. 139 сл.
 151 сл. 161. 167. 171 сл. 209.
 212—225. 227. 248.
 — Европа 204.
 — Елевсинская 155. 225.
 — Ἐρινός 156.
 — Кидарія 155.
 — Лернейская 161.

- Деметра Διοσία 156.
 — Παχυδαία 156.
 — Χαμίνα 124.
 — Χλόα 150.
 — Θесміа 156.
 — Θεσμοφόρος 140.
 Демофонтъ (сынъ Келея) 213.
 Демосеенъ оп. 145. 199. 265.
 Демекенъ 93.
 Дёрмеръ 59.
 Дёртфельдъ 128. 257. 260 сл. 267 сл.
 Дешармъ 16.
 Διδόμενα пр. 172.
 Дидимы 22 пр. 172. 200.
 Димитрій Фалерскій 249. 301.
 Дисавль герой 161.
 Диссенъ 111.
 Диттенбергеръ 43 пр. 44 пр. 51. 90 пр. 128. 162. 171. 267 пр.
 Диасія пр. 146.
 Дипноліи пр. 91. 153.
 Δισσώτερα пр. 153.
 Диокль герой 162. 213.
 Диомедъ герой 44.
 Диона богиня 31. 190.
 Дионисіи пр. 142 сл. 149. 162. 167. 169. 170. 173. 234. 265 сл. 296 сл. 303. 305.
 Дионисовскіе художники 235. 307.
 Дионисъ 5. 8. 31 сл. 36 сл. 44. 83. 86 сл. 94. 96. 102. 113. 138 сл. 155. 160 сл. 163 сл. 167. 196. 203. 211. 231 сл. 253 сл. 265 сл. 285. 289. 291. 294. 296. 304. 307.
 — Ἀγρίωνος 95.
 — Ἐλευθερείος 254. 266. 269.
 — Λικνίτης 165.
 — Λυκίος 254.
 — Ὀμηγετής 93.
 Διοσχούρεα пр. 171.
 Диоскуры 10. 31. 37. 91. 96. 166. 227.
 Доброе счастье (Ἀγαθὴ τύχη) 204. 205.
 Добрый демонъ (Ἀγαθὸς δαιμόν) 85. 114. 204. 205.
 Dodwell 111.
 Додона г. 4. 166. 188 сл.
 Дональдсонъ 66. 80.
 Доршъ 251.
 Дрионъ холмъ 203.
 Дройзенъ I. Г. 132.
 Дѣва (Παρθένος) бог. 167.
 Дѣдаль худ. 38. 205.
 Дюамлеръ 200.
 Дюмонъ 260.
 Дю-Прель 212.
 Дюрбахъ 206.
 Дютишке 16.
 Евбея о-въ 163.
 Евбуль герой 214.
 Евдоксъ астр. 106.
 Евмениды 7. 31. 66. 78 сл. 85. 96 пр. 161.
 Евмолииды (жрец. родъ) 50. 214. 223.
 Евмолий герой 9. 155. 213 сл.
 Еврипидъ поэтъ 256. 267. 271. 273. 277. 285. 297 сл.
 Европа (дочь Агенора) 171.
 Евфоріонъ ас. 298.
 Египетъ 3. 189. 212.
 Εἰρήνη богиня 8. 133.
 Екехирія 120.
 Елатея г. 49.
 Елафеболіи пр. 147. 166.
 Елафеболіонъ м-цъ 109 пр. 110. 142. 147. 218. 296. 303.
 Елевсиніи пр. 115 пр. 137. 161. 218 сл. 225.
 Ἐλευσίνιος м-цъ 225.
 Елевсинъ г. 21. 35. 137. 142 сл. 152 сл. 155 сл. 161. 212 сл. 296.
 Ἐλευθέρια пр. 163. 174.
 Ἐλεος 8.
 Елида 69. 80. 119 сл. 154 сл. 179.
 Еллада passim.
 Ἐμποσσα 7 пр.
 Емишъ 34.
 Ениейское поле 174. 213 пр.
 Епидавріи пр. 219.
 Епидавръ г. 82. 161. 202. 219.
 Епиктега (гражданка о. Феры) 250 пр.
 Епикуръ фил. 250 пр.
 Епименидъ критскій 74. 79.
 Ἐπιτάφια пр. 139. 250.
 Епихармъ поэтъ 187. 256.
 Ератосеенъ астр. 106.
 Ереобъ 176.
 Еретрія г. 168. 263.
 Ерехоей герой 212.
 Ерехоейонъ 151. 153.
 Еригона 143.
 Ерида бог. 69.
 Ἐριχοπαῖος 231.
 Ерикъ гора 45. 174.
 Еринвіи см. Евмениды.
 Ерихооній герой 35. 133. 143. 151.
 Ериоры г. 40. 51 пр.
 Ἐρωτίδεια пр. 162.
 Еротъ 5. 8. 133. 241.
 Ерса 151.
 Етеобутады (жрец. родъ) 50. 152.
 Ефесь г. 23 пр. 24. 30 пр. 33. 172.
 Ехидна 6.
 Ξεβелевъ С. А. 206.
 Жираръ II. 206. 292.
 Забвенія (Ἀθήνη) ист. 205.
 Заупте 162. 225. 239.

Зевсъ 4 сл. 9. 19 сл. 25 сл. 31. 36. 38.
 41 сл. 49. 52. 64. 69. 74. 77 сл. 82.
 84. 96. 119 сл. 131 сл. 141 сл. 163.
 167 сл. 177. 180. 185 сл. 188 сл.
 204. 218. 221. 229 сл. 232 сл. 241.
 — Αἰτναῖος 171.
 — Ἄρμων 192.
 — Βασίλειος 167. 204.
 — Βουλαῖος 47.
 — Γεωργός 142.
 — ἔρκειος 240.
 — ἐφέστιος 240.
 — Καθάριστος 77 сл.
 — Κάριος 240.
 — κτήσιος 240.
 — Λαβραῦνδιος 238.
 — Λαφύστιος 93.
 — Λύχαιος 22. 82 пр.
 — Ματράκτης 142.
 — Μειλίχτος 77 сл. 146.
 — Μοιραγέτης 196.
 — Νάιος 166. 190.
 — ξένιος 235.
 — Ὀλβιος 167.
 — Ὀλύμπιος 14. 25. 30 пр. 38. 85. 146 пр.
 — Ὀμαγόριος 156. 173.
 — ὄριος 19.
 — ὄρκιος 69. 125.
 — Πολιάρχης 167.
 — Πολιεύς 153.
 — Σωτήρ 85. 153. 165. 167.
 — Ὑπατος 83.
 — φίλιος 20.
 — Ὠμάδιος 93.

Зелія г. 201.

Земанъ 15.

Зибелисъ 66.

фонъ-Зибель 16. 136 пр.

Зиттъ 34. 40.

Зонтатъ 251.

Зопиръ Гераклеяскій 231.

Zuchier 93.

Зплинскій Θ. Φ. 231.

Ивановичъ 251.

Идасъ герой 40.

Идемеръ 111.

Идэйская пещера 230.

Иварій гер. 143.

Иварія демъ 256. 296.

Иваръ о-въ 37.

Иктинъ архит. 220.

Илиссъ р. 146 пр. 218.

Илювѣ богиня 244.

Илювъ 24 пр.

Имбросъ о-въ 229.

Иммерваръ 162.

Ἰνάχια пр. 171.

Ино (Девкоева) бог. 32. 162. 171. 203.

Иномай гер. 121.

Исаторъ ае. 240.

Исида бог. 13. 86. 212. 238.

Исемійскій праздникъ 117 сл. 130. 161.

Исемъ 31. 43. 117. 130.

Ἰταλικά пр. 173.

Италія 46. 173. 182. 207. 234.

Ифигенія 93.

Ифитъ царь 117. 119 сл. 124.

Ивоака о-въ 17 пр.

Ивома гора 156.

Ἰθωμαῖα пр. 152.

Иагръ царь 230.

Иаквинои пр. 158 сл. 171.

Иаквиной м-ць 159.

Иаквиноъ 159 сл.

Иакхъ 214. 215. 218. 219. 221.

Иамба 213. 221.

Иамиды (жр. родъ) 123. 179. 192.

Ἰερά κόμη 201.

Ἰερός м-ць 110. 169.

Ἰολάσια пр. 163.

Юлай гер. 127. 174.

Юфонть с С. фокла 298.

Исабры 157. 166. 168. 226 сл.

Каверо 260. 270.

Кавконъ герой 156 сл.

Кайбель 249 пр.

Καιρός 8.

Калаврія о. 49.

Калансъ герой 97.

Каллатія г. 51 пр.

Каллинтерій пр. 150.

Каллиппъ астр. 106.

Каллироя ист. 242.

Каллиопа муза 230.

Калхантъ прориц. 173. 203.

Καραпанъ 188 пр. 191. 193.

Καρνεάσιον роща 157.

Καρνεάται 158.

Карнея пр. 158 сл. 171.

Καρνεῖος м-ць 158.

Κάρμιλος кабиръ 227.

Кассотиды ист. 190. 196. 198.

Кастальскій источникъ 194. 193.

Καστοργίσις 241.

Касторъ герой 97.

Καταφύγια пр. 174.

Катана г. 174.

Καυφμανъ 252.

Кекропъ 132. 151. 214. 246.

Келей 161. 213 сл. 220. 221.

Κέλερ Г. К. Е. 167.

Келеръ *I. К.* 208.
Келеръ *У.* 807 пр.
 Кѣто 152
 Керамикъ (предм. Аеннъ) 133. 135. 249 сл.
 Керамъ герой 240.
 Керберъ пещь 84. 246.
 Керникъ (жрец. родъ) 50. 60.
 Керникъ герой 214.
Кѣрте 148. 275. 307.
Кѣртинъ 257.
 Кефисъ р. 220.
 Кибела богиня 8. 38. 172.
 Кизикъ г. 40. 51 пр. 58. 59. 172.
 Киклады о-ва 168. 171.
 Киллена гора 156.
 Килоновцы 33. 79. 146.
 Кланъ гора 26.
 Кипселиды 130.
 Кирена г. 171. 192.
 Кирка 77.
 Кирра г. 129.
 Киррейская равнина 128.
Киралофъ 281.
 Кихира г. 208.
 Кихрей герой 35.
Кичъ 103.
 Кнеэронъ гора 163.
 Кіана вст. 174.
 Кіанен г. 201.
Клаве 188.
 Кладей ручей 121.
 Кларъ г. 201.
 Клеоменъ царь Сп. 179.
 Клеонн г. 131.
 Клеостратъ астр. 106.
 Клеосенъ аенскій 240. 300.
 — сикіонскій 161.
 Клитіады (жрец. родъ) 123. 179.
Клодіусъ 111.
 Кляндъ г. 173.
 Колада мѣсь 140.
Коллимѡнъ 16.
 Колить дѣжъ 296.
 Колоць худ. 127.
 Колофонъ г. 201.
 Константинъ Великій 15. 43 пр.
Конце 229.
 Копандское озеро 86.
 Кора 18. 21. 30. 31. 43. 69. 86. 140. 142.
 156 сл. 172 сл. 211—225. 227.
Кордесъ 193.
 Корега пр. 173.
 Коретъ пастухъ 195.
 Коринвъ г. 70. 87. 130. 161.
Корѣѡс 123.
Корольковъ Д. Н. 220 пр.
 Короней г. 162.
Коста 62.

Кость о-въ 51 пр. 171. 202.
 Котито богиня 237.
 Кратинъ поэтъ 276.
Краузе 62. 103. 123 сл.
 Крезъ царь 40. 43. 78. 191. 192. 198 пр. 206.
Крейсеръ 46. 56.
Крейсеръ 15. 225.
 Криса г. 21. 194.
Кристанъ 188.
 Критъ о-въ 74. 79. 139. 148 сл. 169. 171.
 212. 213. 229.
Крише 251.
 Крониды 232.
 Крѡма пр. 132.
 Крѡмонхолмъ въ Олимпіи 121. 125 пр. 154.
 Крѡмонъ м-ць 132.
 Кронъ богъ 5. 25. 31. 96 сл. 132. 154.
 196. 204. 229. 232.
 Кротонъ г. 173.
Крузіусъ 229.
 Ксанъ рабъ 238.
 Ксерксъ царь 200. 231.
Кублицкій 257.
Кудрявецъ 15.
Кулаковскій Ю. А. 252.
Кумандисъ 307 пр.
 Буми г. 207.
Кунертъ 40.
 Куретъ 166. 171. 226. 229.
Куріусъ 9. 46. 56. 128. 270.
Куріцъ 187.

Лай царь 178.
 Лаккій м. 173.
 Лаконика 158. 203. 208.
 Ларіа чудовище 7 пр.
 Ламисакъ г. 86. 172.
Лавалъ 66. 72. 80. 193.
 Ласъ Герміонскій 231.
Латышевъ 46. 51 пр. 90 пр. 111. 137.
 167. 225.
Лаффа пр. 156.
 Лебадія г. 163. 204.
Le Vas 33 пр. 162.
 Левкоевъ см. Ино.
 Левктра г. 163. 181 пр. 191. 206.
Леманъ А. 187.
Леманъ В. 56.
 Лемнось о-въ 82. 226. 229. 231.
Лендорфъ 103.
Ленорманъ 220 пр.
 Ленъ пр. 58. 144 сл. 296 сл. 305.
Λύγαλον 144 сл. 147.
Λύγαλον м-ць 144.
 Лерна г. 161.
 Лерось о-въ 44.
 Лесбъ о-въ 172.

- Аѳса 161. 202.
 Лето бог. 31. 164. 196.
 Либонъ архвт. 121.
 Ливія 174. 189. 192.
 Ликабеттъ гора 151.
 Лѳхаи пр. 153.
 Ликаонъ герой 93.
 Ликургъ аеинскій 91 пр. 220. 267. 278 пр. 299.
 — немейскій (царь) 131.
 — спартанскій 117. 119 сл.
 Лякъ герой 156. 178.
 Ликѳйская гора 20. 22. 31. 93. 155.
 Лимбургъ-Брусеръ 15. 212.
 Лимны въ Аеннахъ 31.
 Линдеръ 270.
 Ливдъ г. 91. 170.
 Ливъ 94.
 Липпертъ 56.
 Лисандръ сп. 228.
 Лобекъ 207 пр. 212. 223. 225.
 Локрида 107. 166.
 Людереъ 239.
 Лютерольскій П. И. 199.
- Маасъ** 234.
 Магнасія г. 40.
 Мауер 162.
 Македонія 76. 229.
 Малей м. 172.
 Маль г. 201. 203.
 Мальмбергъ 34.
 Мантянея г. 26. 40. 263.
 Манто прорицательница 201.
 Маравонъ (побѣда) 43. 90. 137.
 Мардоній полков. перс. 200. 206.
 Мартá 56.
 Мартэнъ 73. 144.
 Массалия г. 175.
 Мать боговъ 13. 36. 83. 121. 148. 167. 238 сл.
 Мауререъ 23.
 Махаонъ герой 202.
 Мегалополь г. 5. 20. 156. 225. 263.
 Мегары г. 49. 58. 108. 161. 169. 203. 212. 256.
 Мегистій прориц. 179.
 Медея 77.
 Мелуза 40.
 Меламподъ прориц. 179. 202.
 Меланиппъ герой 161.
 Мелеагръ герой 44.
 Меликеръ герой 31. 310.
 Мелита демъ 84.
 Менаандръ поэтъ 256.
 Мессенія 40. 156 сл. 169. 225.
 Метакитионъ м-цъ 110. 129. 136. 218.
- Метанира царица 213.
 Метотѳа пр. 132.
 Мѳу τὸρανος 238.
 Мѳтис 231.
 Метонъ астр. 106.
 Меурсиус 116. 225.
 Мезапъ ае. 157.
 Ми 103. 128.
 Микала м. 171. 186.
 Миконъ о-въ 168.
 Милетъ г. 58. 172. 200 сл.
 Милубеа пр. 162.
 Миний царь 163.
 Минотавръ 96. 139. 169.
 Мирн (Μοῖρα) 196. 241.
 Миглена г. 172.
 Миоаилиъ 46. 136.
 Мишель 162.
 Мищенко Ѳ. Г. 187.
 Мнасистратъ андан. 158.
 Мнемосина бог. 35.
 де-Молинъ 23.
 Моммзенъ А. 111. 132 сл. 141 сл. 148. 154. 166. 199. 215 пр. 219 пр. 223 пр. 278 пр.
 Мопсъ 203.
 Морá 15.
 Моррѳ 7 пр.
 Морфеѳъ 177.
 Музы 31. 83. 85. 115 пр. 163. 196. 235. 251 пр.
 Мунихи пр. 148.
 Мунихионъ м-цъ 110. 148.
 Мурръ 21.
 Мубсеа пр. 162.
 Мусей 94. 178. 231. 233.
 Мэандръ р. 46. 201.
 Мэмактерионъ м-цъ 110. 142.
 Мюллеръ А. 257. 260. 270. 275. 278 пр. 281. 285. 292. 296. 307.
 Мюллеръ Г. А. 137.
 Мюллеръ Г. Д. 16.
 Мюллеръ К. О. 197 пр.
 Мюллеръ К. Ф. 66.
 Мюллеръ М. 15.
 Мюллеръ П. Е. 211.
- Наварръ** 270.
 Най 155.
 На́а пр. 166.
 Наксъ о-въ 168.
 Натусиус 251.
 Неаполь г. 173.
 Несе 225.
 Нейсѳзеръ 229.
 Nessel 275.
 Нехѳа или Немѳа пр. 137. 250.
 Νηληΐς пр. 172.

- Недея г. 117.
 Немецкій праздникъ 117. 131.
 Нереди 17.
 Нерей 17.
 Неронъ имп. 199. 268.
Никитинъ П. В. 278. 281. 307.
Никитскій А. В. 198 пр. 200.
 Никій ае. 181 пр.
 Нимфы 17. 85. 171. 173. 234. 241. 442.
 Нисейская деревня 203.
 Нисейскій лугъ 213.
Новосадскій Н. И. 40. 212 пр. 219 пр.
 224. 225. 229.
 Ночь 177. 203. 232.
Нюельсбахъ 15.
 ● *Нюербекъ* 16.
Оветтъ-Бено 59.
Одельбергъ 162.
 Одиссей герой 98. 176. 185. 206.
Oelischen 257. 260.
 Океаниды 213.
 Олень 94.
Олертъ 16.
 Олимпіады (лѣтосчисленіе) 111. 123 сл.
 127. 129 сл.
 Ὀλυμπία пр. 149.
 Олимпиадскій праздникъ 97. 111. 115.
 117—123. 129. 131. 154.
 Олимпія 5. 8. 20. 25. 30 пр. 35. 40 сл. 82.
 98. 101. 111. 117 сл. 129. 154 сл. 192.
 203.
 Олимпъ гора 17. 121. 213.
 Ольвія г. 58. 167. 247.
 Ὀμίριον (роща) 156.
Омоль (Hottolle) 22 пр. 46. 169 пр.
 Ὀμόνοια 8.
 Ономакритъ ае. 231.
 Онхестъ г. 162.
Ордынскій 257. 289. 291. 295.
 Ὀρχος 69.
 Оронъ г. 202.
 Орфей Кротонскій 231.
 Орфей миф. поэтъ 40. 94. 161. 230 сл.
 Орхомень г. аркадскій 24. 49 пр. 256.
 — беотійскій 5. 45. 162.
 Осиридъ богъ 232 пр.
Осулье (Haussoullier) 166. 201.
Остерманъ 62.
 Осхофорія пр. 83. 138 сл.
Оттъ 73.
 Офельтъ герой 131.
 ■ *Шабтъ* 187. 188.
Павлуцкій Г. Г. 34. 261 пр. 275.
 Палантій г. 5.
 Палэмонъ герой 70. 130.
 Παρθενώτις пр. 162.
 Παρθενώτιος м-цъ 110. 162.
 Памяти вст. (Μνήμη) 205.
 Памфъ 94.
 Панама м-цъ 110. 131.
 Παλαιολόγια пр. 166.
 Панаэнея пр. 133—136. 142. 147. 223.
 Πάνδια пр. 147.
 Пандіонъ герой 143. 156.
 Пандроса бог. 151.
 Παρώνια пр. 171.
 Пантикавэй г. 167.
 Панъ богъ 17. 167. 234.
Парландъ 34.
 Парнасъ гора 17 пр. 128. 164. 194.
 Паросъ о-въ 168.
Партей 193.
 Παρθενεία пр. 167.
 Παρθένιος м-цъ 121.
 Паревонъ хр. 28. 30. 121. 136. 153.
 Паревонна сирена 173.
 Пасифая богиня 203.
 Патары г. 201.
 Патроклъ герой 98. 248.
 Патры г. 49. 86. 156.
Паули 16.
 Пафъ г. 174.
 Πεθαύειντος м-цъ 137.
 Пелей герой 97.
 Пеллена г. 40. 54. 69.
 Πελώρια пр. 166.
 Пенелопя 176. 185.
 Пелопоннесъ 119. 137. 154 сл. 194. 225.
 Пелопъ герой 40. 117 пр. 155 сл.
 Пергамъ г. 22 пр. 58. 202.
 Пергамъ 106. 134. 150. 220. 303.
Перро 162.
 Персефона см. Кора.
Петавіуэ 111.
Петерсенъ 137. 212. 241.
Петискуэ 16.
 Пиндаръ поэтъ 127.
 Пирнею герой 121.
 Πισαρά пр. 143.
 Пирей г. 134. 143. 153. 219. 238. 249.
 263. 296. 302.
 Писатяда 119.
 Писистратиды 179. 231.
 Писистратъ 30 пр. 75. 133 сл.
 Пиеагорейцы 232.
 Пиеагоръ фил. 65. 230.
 Πισιάς 164.
 Пиеи пр. 97. 117 пр. 128 сл. 161. 164.
 Пиеія 190. 196 сл.
 Пиеонъ 74. 128. 130. 164. 194.
 Пиео (Πειθώ) богиня 241.
 Пианенсія пр. 138 сл. 150.
 Пианенсіонъ м-цъ 83. 110. 135. 138. 213.

Платонъ фил. 72.
 Платонъ г. 43. 163. 184 пр. 196.
 Плезъ 16.
 Плеяды 149.
 Плинерія пр. 115. 150. 168.
 Плисть р. 194.
 Плутархъ пис. 163. 197 сл. 206.
 Плутоновъ богъ 178. 203. 212 сл. 221.
 Плутосъ 214.
 Пниксъ холмъ 265. 272.
 Побѣда (Νίκη) г. 80. 121.
 Подалирій герой 202.
 Поладъ 239.
 Полидевкъ герой 97.
 Полидаонъ герой 156.
 Поликсена 93.
 Поллиникъ герой 71.
 Поллакъ 103.
 Помпосъ 199.
 Помпосовскій И. В. 73. 239.
 Посѣба пр. 168.
 Посидеонъ м-цъ 110. 142. 296.
 Посидонъ з. 5. 7. 17. 26. 28. 31. 37. 40.
 43. 49. 85 сл. 92. 114. 130 сл. 152.
 158. 161. 162 сл. 166. 168. 171 сл.
 182. 196.
 Пѣфосъ 8.
 Праксіергиды (жреч. родъ) 150.
 Праксій худ. 196.
 Пракситель худ. 23 пр.
 Пратинъ поэтъ 256.
 Преллеръ 16. 199. 220 пр. 225.
 Preuss 163.
 Приапъ богъ 86. 172.
 Приена г. 58.
 Промеей 81. 99. 182. 240.
 Пропѣда пр. 142.
 Протагоръ фил. 11.
 Протей 7.
 Протогѣносъ 231.
 Фомъ-Протъ 148. 154.
 Псофидя г. 263.
 Птѣа пр. 162.
 Пургомль 128.
 Пухштейнъ 128.
 Пэоній худ. 121.
 Редлицъ 111.
 Рейнахъ S. 34. 40. 103.
 Рейтеръ 188.
 Рейтои 21.
 Рейхель 15.
 Рейшигъ 46. 103. 257. 261.
 Рель 43 пр. 247 пр.
 Рея бог. 5. 13. 17. 25. 31. 96. 114. 229.
 232.
 де-Риддеръ 252.
 Ринкъ 15. 116. 212.

Ріонъ мнсъ 166.
 Робертъ 154.
 Робу 15.
 Роде 154. 251. 303.
 Родосъ о-въ 5. 86. 91. 170. 298.
 Россбахъ 251.
 Росси 206.
 Рошеръ 16.
 Рубензонъ 212. 220 пр.
 Сабазій б. 237.
 Саламинъ о-въ 35. 43. 148.
 Самоевъ о-въ 5. 21. 30 пр. 44. 58. 169.
 Самоерака о-въ 33. 58. 168. 226 сл.
 Санергъ богъ 167.
 Сатиры 234. 253 сл.
 Σεβαστά пр. 173.
 Сегеста г. 59.
 Селевкія г. 201.
 Селлы 189.
 Семела 96. 165.
 Σεπτήριον пр. 164.
 Серапидъ богъ 13. 238.
 Сивахъ оаз. 192.
 Сивиллы 178. 190.
 Сикіонъ г. 31. 52. 82. 161. 263.
 Силенъ 270. 277. 291.
 Симоидъ поэтъ 127.
 Συνοχία или Συνοχία пр. 132.
 Синопа г. 51 пр.
 Сиракусы г. 45. 52. 174. 181 пр.
 Сирены 6.
 Сиръ о-въ 168.
 Сифвъ о-въ 58.
 Сидилія о-въ 45. 173. 256.
 Скамперъ 111.
 Сквилла 6.
 Σκίρονъ 152.
 Скирофорія пр. 151 сл.
 Скирофоріонъ м-цъ 110. 151 сл. 159.
 Скиръ о-въ 40. 139.
 Σκρινдіа пр. 170.
 Смирна г. 193. 201.
 Соколовъ Ѳ. Ѳ. 198 пр.
 Сократъ 5. 11. 18. 64. 70. 86. 94. 169.
 291 пр.
 Солонъ 67. 74. 79. 106. 128. 141. 236.
 247 сл.
 Солнце см. Гелиосъ.
 Сонъ (Ἵπνος) 177.
 Сосиполидъ герой 35. 69. 155.
 Сотерія пр. 165.
 Софокль поэтъ 256. 267. 272. 275 сл.
 281 сл. 291. 298 сл.
 Софокль младшій 298.
 Спарта г. 10. 26. 37. 38. 40. 59. 67. 71.
 82. 86 сл. 108. 120. 156 сл. 179. 248 сл.
 Спивеаръ архит. 195.

Стѣпа пр. 140.
 Стесихоръ поэтъ 94.
 Стякъ р. 68.
 Стимфалъ г. 156.
Страшкевичъ 15.
 Сувій м. 25. 43.
 Схинунтская бухта 130.
Сэнтъ-Кроа 211. 225.
 Сэсарія (имя Елевсина) 208.

Таора пр. 172.
Таорохадѣфта пр. 166.
 Танагра г. 60.
 Танаидъ г. 167. 238.
 Танталъ 93.
 Таравтъ г. 14. 114. 173.
Татарскій 15.
 Тегеа г. 31. 32 пр. 40. 49. 155.
 Теламонъ герой 97.
 Темпейская долина 24. 74. 129. 164. 194.
 Тенось о-въ 168.
 Теосъ г. 33 пр. 67.
Тенферъ 56. 154. 225.
 Тиберій имп. 33.
Тиле 15.
 Тильфуса ист. 207.
 Тимoleonтъ 5.
 Тимѣй пис. 111.
 Тиресій прориц. 181 пр. 201. 207.
 Тифонъ 194.
Тихоновичъ П. В. 257.
 Тлеполемиъ герой 170.
 Томи г. 51 пр.
 Тóнеа пр. 170.
Трей 128.
 Трикка г. 202.
 Триподес (улица въ Аоннахъ) 44.
 Триптолемъ герой 213 сл. 222.
 Триюпій 173.
 Трояда обл. 201.
 Трофóна пр. 163.
 Трофоній 24. 26. 84. 194. 204 сл.
 Троя г. 51.
Тэйлоръ 212.
 Тенарія пр. 158.
 Тенаръ м. 158. 208.

Уваровъ гр. С. С. 225.
Узенырь 15. 111.
Укертъ 16.
Умеръ 111. 131. 132.
 Ураниды 232.
 Уранъ 231.

Фаберь 103.
Фабрициусъ 260.
Фазелиусъ 111.
Файдриадес пётра 194.

Фалеръ (демя) 138. 140. 151.
 Фанагорія г. 167.
 Фанетъ 231.
Фантасосъ 177.
Farnell 15.
 Фары г. 45. 186. 192.
 Феба бог. 194.
Fedde 103.
 Фѣмѣ 8.
 Феней г. 155. 225.
 Феррефатта пр. 172.
Фёрстеръ 34. 128.
 Фигалия г. 156.
 Фидіи худ. 38. 121. 136.
 Филемонъ поэтъ 256.
 Філіа 8.
Филиосъ 225.
 Филиппъ II-й 199.
 Филиппъ V-й 5. 221.
Фирордтъ 66.
 Фиталиды (жреч. родъ) 139.
Фишеръ 270.
Флахъ 103.
Флаишъ 120 пр.
 Фліунтъ г. 40. 161. 225.
 Флія (демя) 296.
 Flotalia пр. 175.
 Фобѣгѣор 177.
 Фóбос 8.
 Фокида 45. 107. 166. 194.
 Фокэя г. 71.
Фридлибъ 187.
Фридландеръ 239.
 Фринихъ поэтъ 256. 290.
фонъ-Фритце 93.
Фрицше 148.
Фукаръ 44 пр. 46. 142 пр. 162. 199. 225.
 237. 239.
Фэдо (Faydeau) 251.
 Фэдръ архонтъ ае. 268. 264.

Жалкелонъ г. 51. 58. 59.
 Халкеія пр. 142.
 Харти́сия пр. 162.
 Харила пр. 165.
 Хариты 5.
 Харонъ 246.
 Херсонесъ (Таврическій) 58. 69 пр. 71 пр.
 167.
 Хиосъ о-въ 51 пр. 58.
 Химэра 16.
 Хириль поэтъ 256. 289.
Хрисаносъ арх. 15.
 Хрисиппъ фил. 6.
 Хрисъ жрецъ 24 пр. 54.
 Хэроней г. 32. 45. 243. 263.
 Хѣбона пр. 102 пр.

Жибартъ 73. 239.
Циманъ 46.

Шамонаръ 260.
Chaillet 251.
Швальбе 103.
Шеллингъ 229.
Шёманъ 15.
Шёнборнъ 188. 199.
Шереръ 128.
Шестаковъ С. П. 261 пр.
Шисслинъ 103.
Шмидтъ А. 111. 141 пр.
Шмидтъ Б. 73.
Шмидтъ Г. М. 103.
Шмидтъ О. 93.
фанъ-Штегеренъ 116.
Штегеръ 187.
Штенель 15. 93. 154. 184 пр. 252.
Штифельгагенъ 199.
Штоль 16.
Штрахъ 260. 267.
Штуръ 15.
Штюлле 193.
Шульце 15.
Шюреръ 167.

Шукаревъ А. Н. 227 пр.

Эакиды 10.
Эантъ герой 43. 96. 148.
Эгей царь 156.
Эгий г. 31. 49. 156.
Эгина о-въ 10. 25. 161.
Эгира г. 49.
Эгоспотамы 181 пр.
Эксона демъ 296.
Эманюель 103.
Энхольмъ 144.
Эскилъ поэтъ 182. 256. 267. 271 сл.
275. 277. 281. 285. 290. 295 сл.
Эскивъ ор. 237.
Этолія 166.

Юліавъ имп. 119. 191. ;

Юліусъ 270.
Юревичъ В. Н. 162.

Исонъ герой 77.

Θαύλια пр. 173.
Θавлониды (жрец. родъ) 153.
Θаламы г. 203.
Θалеть поэтъ 160.
Θαλλώ бог. 138.
Θαλόσια пр. 171.
Θаргелія пр. 83. 149. 175.
Θаргеліонъ м-ць 110. 149.
Θεано жрица 24 пр. 51.
Θельпуса г. 156.
Θемида богиня 194.
Θемпстоклъ ае. 266.
Θеогаміи пр. 144. 173.
Θеодаіста пр. 168. 171.
Θеодосій имп. 111. 119. 191. 199.
Θεοίνα пр. 142.
Θеоклимень прориц. 176.
Θεοξένια пр. 164.
Θεοξένιος м-ць 110. 164.
Θеοφάνια пр. 164.
Θера о-въ 171. 250 пр. 288.
Θерамень ае. 33.
Θερμακὴ πανήγορις 173.
Θермопили 160. 179.
Θермъ г. 166.
Θησεΐα пр. 139.
Θесеѣ герой 40. 97. 114. 117 пр. 130.
132 сл. 139. 148. 169.
Θесмофорія пр. 32. 139 сл. 162. 172. 174.
Θеспидъ поэтъ 256. 275. 285. 289.
Θеспія г. 5. 37. 162.
Θеспротія обл. 189. 208.
Θессалія 17. 107. 129. 166. 194. 208.
Θивы беот. 37. 40. 49. 52. 84. 163. 186.
193. 200. 202. 227.
— егип. 189.
Θіа пр. 155. 234.
Θимбра г. 201.
Θирея 160.
Θоринъ демъ 143. 296.
Θракія 3. 46.

II. ΥΠΟΚΑΤΑΛΟΓΟΣ ΓΡΕΚΕΣΚΩΝ ΛΟΓΩΝ ΚΑΙ ΕΚΦΡΑΣΕΩΝ.

Ἄββα (τεμένη) 20.
 ἄγαλμα 38 сл.
 ἀγένεοι 98. 133.
 ἀγητής 158.
 ἀγορά 239.
 — πλῆθουσα 109.
 ἀγρηνόν (платье) 286.
 ἀγυρμός 219.
 ἀγών Δώριος 173.
 — πάτριος 142.
 ἀγῶνες 97. 129. 276.
 — ἀργυρίται 98.
 — γυμνικοί 97. 129.
 — εὐανδρίας 133. 136 пр. 139.
 — θεματικοί 98.
 — ἵπτικοί 97. 124. 129.
 — στεφανῖται 98. 129.
 — χρηματῖται 98. 129.
 ἀγωνοθέτης 301.
 ἀδηφάγοι (ἵπποι) 101. 134.
 ἄδυτον 24 пр. 31. 70. 164. 195 сл.
 αἰεῖται 53.
 αἰτός ΗΛΗ ἀέτωμα 28.
 ἄλλα 98.
 ἀθλοθέται 134.
 αἰγῆ 288.
 αἰθήρ 231.
 αἰῶραι 143. 274.
 ἀκοντι (νίκη) 127.
 ἀκοντισμός 100.
 ἀκροθῖνα 43.
 ἀκρωτήρια 23.
 ἄλαδε μύσται 219.
 ἀλείφουσαι 100.
 Ἀλιασταί 236.
 ἄλμα 99.
 ἄλσος 20.
 ἀλτῆρες 99.
 ἀλόται 125.

ἀλυτάρχης 125.
 ἄμιλλα νεῶν 134.
 ἀμφιδρόμια 244.
 ἀμφιθαλεῖς (παῖδες) 60. 127. 138.
 ἀμφίπολος 52.
 ἀμφιφῶνες 84. 148.
 ἀναβασμοί 122.
 ἀναβάται 99.
 ἀναγκοφαγία 126.
 ἀνάθεσις 51.
 ἀναθήματα 38. 41. 44. 81.
 ἀνακαλυπτῆρια 243.
 ἀναλύματα (въ театръ) 264.
 ἀνάπηρα (ζῶα) 87.
 ἀναπέσματα (въ театръ) 274.
 ἀναρᾶσθαι 68.
 ἄναρρυσίς 141.
 ἀνδρεία τῶν συγγενῶν 251 пр.
 ἄνδρες 133. 139.
 ἄνοδος 140.
 ἀντιχόρια 284.
 ἄξιε ταῦρε (припѣвъ) 155.
 ἀπαρχαί 46. 83.
 ἀπενιατισμός 78.
 ἀπεύχεσθαι 68.
 ἀπήνη 101. 124.
 ἀπλῶς θυόμενα 91.
 ἀποβάται 99.
 ἀποθέωσις 251.
 ἀπορραντήρια 25.
 ἀπόρρητα, τά 222.
 ἀποφράδες ἡμέραι 114. 145. 150. 197.
 ἀραί 66.
 ἀρδάνιον 74. 246.
 ἀρεστήρια 91.
 ἀριστεροστάται 282.
 ἀρχτεία 245.
 ἀρχτοι 148.
 ἄρμα 101.

ἄρμα πάλων 101. 124.
 — τέλειον 124.
 ἀρρηφόροι 60. 135. 152.
 ἀρχεραμισαί 238.
 ἀρχεσθαι ἀφ' Ἑστίας 64.
 ἀρχηγός τῶν θυιάδων 165.
 ἀρχιερεύς 55.
 ἀρχιθεωρία 169.
 ἀρχιθέωροι 103.
 ἀρχιθιασίται 238.
 ἀσέβεια β. 210.
 Ἀσκληπιασταί 236.
 ἀσκωλιασμός 143.
 ἀσπίς ἐξ Ἄργου 161.
 ἀστράγαλοι 191.
 ἄστυλα 32 сл.
 Ἀτταλισαί 236.
 αὐληταί 61.
 αὐλός 129. 279.
 αὐλωδία 129.
 ἀφηρωίζειν 10.
 ἀφοσιῶσθαι 68.
 Ἀφροδισιασταί 236.
 ἀφίδες 265.

Βάθρον 29. 264.
 βαλβίς 99.
 Βασίλει 154.
 βασιλεύς 57. 171.
 βασιλίδες 54.
 βασίλισσα } 58. 145.
 βασιλίνα }
 βατήρ 99.
 βατραχίς (платъ) 286.
 βέβηλον, τό 25.
 βίος Ὀρφικός 233.
 βουκλήματα ἱερά 44.
 βουθυσία 123.
 βουθυτεῖν 86.
 βουκολεῖον 145.
 βούτης 153.
 βουτύπος 153.
 βουφόνος 153.
 βρέτας 170.
 βωμός 21.
 — κεράτινος 22.
 — μέγας 23 пр.

Γαλαθῆνα (ζῶα) 187.
 γαλαξία 148.
 γαμηλία 141. 243.
 γαμοδαΐσια 242.
 γάμον ἐστιῶν 242.
 γενέθλια 245.
 γενέσις 250.
 γέρα 53.
 γέρανος (пшеска) 96. 169.
 — (машина) 274.

γερараί 145.
 γέροντες (маски) 291. 292.
 γεφυρισμοί 220.
 γῆ σιρίας 152.
 γνώμων 109.
 γραμμαί (въ оркестръ) 285.
 γυμνασιάρχαι 239.
 γυναῖκες (маски) 291. 292.

Δαδοῦχος 55. 215.
 δαδουχούσα 215.
 δαιριότης 215.
 δαίμονες 7.
 δαιτρός 153.
 δαφναφόρος 52.
 δαφνηφορία 164.
 δεικνύειν τὰ ἱερά 222.
 δειπνοφόροι 138.
 δεισιδαιμονία 6.
 δειλή 109.
 δέκα, οἱ (въ Анданіи) 157.
 δεκάτη 43.
 дендроφορία 102.
 δεξιόσταται или δεξιόστοιχοι 282.
 δερματικόν, τό 90. 133. 149. 153. 219.
 δευτεραγωνιστής 276.
 δημοθονία 90.
 δῆμοι 255.
 διαγράμμα анд. мистериѣ 157.
 διαζώματα 264. 268.
 διάθεσις 275.
 διάυλος см. δρόμος.
 διδασκαλία 306.
 διδάσκειν τὸ δράμα 298.
 διθύραμβος 94. 253.
 δίκαι ἐρανηκαί 285.
 Διὸς ἄντρον 229.
 — κῆριον 77. 216.
 διοσημιαί 181.
 δίσκος 99.
 διγορία 284.
 δοκιμασία 125.
 δολιχοδρόμοι 99.
 δόλιχος см. δρόμος.
 δόρπεια 141.
 δορυφορήματα 277.
 δοῦλοι (маски) 292.
 δράμα 253.
 — σατυρικόν 255.
 δρόμος 98. 123.
 — διάυλος 98. 123. 133.
 — δόλιχος 99. 123. 133.
 — ἵππων τελείων 124.
 — ὀπιλιῶν 99. 124.
 δρώμενα, τὰ 221. 229. 253.
 δωδεκάθεον β. 127.
 δωδεκαῖς 91.

Ἐγγύσις 248.
 ἐγκοίμησις 201.
 ἐγκώμια 94.
 ἔδος 29. 39. 150.
 ἔδραι 264.
 ἔδωλα 264.
 ἐθελονταὶ βῆ κορῆ 300.
 εἰδωλον 177.
 Εἰκαθεὶς 237.
 εἰκάς 107.
 εἰρεσιώνη 138.
 εἰσάγειν τὴν γοναῖκα 248.
 Ἐκαταία 19. 240.
 Ἐκάτης δαίπνα 114.
 ἐκατόμβη 91. 136.
 ἐκεχειρία 61. 115. 119. 218.
 ἐκκύκλημα 273.
 ἐκπίπτειν 296.
 ἐκφορά 246.
 ἔλλανοδικαὶ 124.
 Ἐλλανοδικαίων 125.
 ἐμβάτης 287.
 ἐμβόλιμοι см. μῆνες.
 ἐμμέλεια 284.
 ἐμπυρομαντεία 182.
 ἐναγίσματα 247.
 ἔνη καὶ νῆα (ἡμέρα) 107. 142.
 ἐνῆσοι, οἱ 176.
 ἐνθουσιῶντες, οἱ 176.
 ἐνναετηρίς 128.
 ἐννεακαιδεκαετηρίς 106.
 ἐξάρχων 253.
 ἐξηγηταὶ 3. 123.
 ἐξορχεισθαι 211.
 ἐξωστρα 273.
 ἔορται 13. 112 сл.
 ἔπαινος 62.
 ἔπαραί 66.
 ἔπαυλια 243.
 ἐπεισόδια 283.
 ἐπίβδα 141.
 ἐπιβώμιος 215.
 ἐπίδειξις 118.
 ἐπὶ δέκα (ἡμέραι) 107.
 ἐπιδέκατον, τό 43.
 ἐπιθαλάμια 242.
 ἐπίθημα 155.
 ἐπιθυμιάτορες 61.
 ἐπιμεληταὶ 59. 150.
 — μυστηρίων 214.
 ἐπιμήνιοι 59. 251 пр.
 ἐπιπάρδος 283.
 ἐπιστάται 59. 216.
 ἐπιτάφια 250.
 ἐπόπται 221. 228.
 ἐποπτεία 216.
 ἐπφδαὶ 68.
 ἐρανισταὶ 235.

ἐρανοὶ 235 сл.
 ἐργαστίαι 135.
 ἔρκος 25.
 Ἐρμαὶ βῆ Лебаδίη 205.
 ἔσπερος 109.
 ἔσσινες 172.
 ἐστία 39. 196. 239.
 — κοινή 4.
 ἐστίασις 90.
 ἐσχάται 22 пр. 23. 84.
 εὐανδρία 133. 139.
 εὐήμερεῖν 296.
 εὐοὶ σαβοὶ (κλικκῆ) 237.
 εὐσπλία 139.
 Εὐκατορισταὶ 236.
 εὐσέβεια 6.
 εὐφημία 61. 89. 92.
 εὐχή 62.
 ἑφεδρος 126. 197.
 ἑψησις τῶν ὀσπρίων 138.
 ἑώρημα 274.

Ζάχοροι 60.
 Ζᾶνες βῆ Ολιμπία 125 пр.
 ζεῦγος 101.
 — ἀδηφάγον 134.
 — ὀνικόν 101.
 — πολεμιστήριον 134.
 — πομπικόν 134.
 — παλικόν 134.
 ζημία 140.
 ζυγά 282 сл.
 ζῶναι βῆ театрῆ 264.

Ἦγεμῶν χοροῦ 282.
 ἡγητηρία 151.
 ἡμέραι ἀποφράδες см. ἀποφράδες.
 — ἐξαιρέσιμοι 106.
 — μυστηριώτιδες 220.
 ἡμίθειοι 9.
 ἡμίονοι 101.
 ἡμιχόρια 284.
 ἡπαρ 183.
 ἡρωες 9 сл.
 ἡρῶων 251 пр.

Θάλαμος 242.
 θαλλοφορία 102.
 θαλλοφόροι 135.
 θαυματοποιοὶ 266.
 θεά 264.
 θεαὶ σεμναὶ 7.
 θεάματα 211.
 θεαταὶ 263.
 θεάτρον 257. 263 сл.
 θεατροπῶλαι, θεατρῶνα 301.
 θεηκόλοι 122.
 θεῖον (божество) 7.

θειον (σῆρα) 76.
 θεοὶ ἄγνωστοὶ 5.
 — ἀγοραῖοι 19.
 — ἀγνοεῖς 19.
 — ἀποτροπαῖοι 75.
 — βουλαῖοι 19.
 — γαμήλιοι 241.
 — ἐπίγειοι 16.
 — ἔρχειοι } 19
 — ἐφ᾽εστίοι }
 — καθαροὶ 5.
 — κτήσιοι 19.
 — μύγιοι 19. 240.
 — Ὀλύμπιοι 16. 146.
 — ὀμοβώμιοι 23.
 — πάρεδροι 31.
 — πολιοῦχοι 19.
 — σύμβωμοι 23.
 — σύνναοι } 31.
 — σύνοικοι }
 — τέλειοι 241.
 — χθόνιοι 16.
 θεόληπτοι, οἱ 176.
 θεολογεῖον (машина) 274.
 θεομορῖαι 89.
 θεοξένια 91.
 Θεοξενιασταὶ 236.
 θεοπρόπια 176.
 θεοπρόποι 197.
 θεὸς ἀγαθός 5.
 — ὕψιστος 167.
 — ἀπὸ μηχανῆς 274.
 θεράποντες (маски) 291.
 θεῶ (τῶ) 69. 212.
 θεωρητήριον 264.
 θεωρία 103. 135. 169.
 θεωρικά, τὰ 302.
 θεωροὶ 118.
 θήκη 218.
 θήραιον (платѣ) 287.
 θησαυροὶ 30 пр. 42. 121.
 θιασοὶ 235 сл.
 θιασῶται 235.
 θοιναρμόστρια вь Анданіи 158.
 θοῖνη γαμικὴ 242.
 θόρυβος вь театрѣ 295.
 θρήνοι 247.
 θρήγκός 23.
 θρονισμός 217.
 θρόνος 264.
 θουάδες 165.
 θύματα ἐπιγῶρια 146.
 θυμέλη 262.
 θυματήρια 23.
 θύος 85.
 θυοσχόοι 182.
 θυρωρός 243.
 θυσία 58. 81.

θυσῖαι δημοτελεῖς 90.
 θύται 61.
 θῶκος ὀρνιθοσκόπος 180.
 Ἰακχαγωγός 215. 219.
 Ἰδρυσις 39.
 ἰερά, τὰ 10. 184.
 — ἀκαπνα, ἄπυρα 83.
 — τέλεια 87.
 ἰερά βουλή 223.
 — ὁδός 220.
 ἱεραπόλοι 52. 59.
 ἱεράρχαι 59.
 ἱεραῦλαι 61.
 ἱερεῖς 47 сл.
 ἱέρη вь Ефесѣ 172.
 ἱεροβοτάνη 76.
 ἱεροδουλοὶ 45. 61. 174.
 ἱεροθύται 59.
 ἱεροὶ вь Анданіи 157.
 ἱεροκήρυξ 61. 145. 215.
 ἱερομηνία 115.
 ἱερομνήμονες 52. 59.
 ἱερόν δεῖπνον 157.
 ἱερονόμοι 59.
 ἱεροποιοὶ 59. 136. 153. 216. 239.
 ἱερός γάμος 144.
 — λόγος 226. 233.
 ἱεροσκοπία 182.
 ἱεροσουλία 11.
 ἱεροταμία 59.
 ἱεροφάντης 55. 214.
 ἱεροφάντις 215.
 ἱεροφόροι 61.
 ἱεροφύλακες 59.
 ἱερωνυμία 55.
 ἱερώσυνα 53. 84. 90.
 ἰκίται 32.
 ἰκτητήρια 65. 148.
 ἰκρία 258. 264.
 ἰμάντες 100.
 ἰματῖα 286.
 ἰξάλη 288.
 ἰουλος 95.
 ἰπποδρόμος 101.
 ἵπποι 101.
 ἰσταμένου μηνός ἡμέραι 107.
 Καθάρισα или καθάρματα 77. 304.
 καθαρσις 73.
 καθέδρα 264.
 καθ' ἓνα (вступленіе хора) 283.
 καλλιγένεια 140.
 καλλιερεῖν 184.
 κάλπη 101.
 καλύπτρα 242. 286.
 κανηφόροι 60. 135.
 καταβλήματα 275.

κατάδεσμοι 68.
καταλογή 279.
κατανίπτης 150.
κατάποσις Φάνητος 232.
κατάραι 66.
κατάρχεσθαι 89.
καταχύσματα 242.
κεῖσθαι ἐν βορβόρῳ 209. 233.
κέλης 101. 124. 134.
κενοτάφια 249.
κερατῶν (βωμός) 22.
κερπίδες 264. 269. 291 πρ.
κέρνη 83.
κήρυκες 61. 215.
κηρύκειον 286.
κιθαρισταί 134.
κιθαρῳδοί 134.
κιστοφόρος 216.
κλεψύδρα 111.
κληθόνες 185. 192.
κληρομαντεία 186.
κλίμακες χαρώνειοι 274.
κλίμη 246.
κλινίς 242.
κλώζειν 295.
κνίσση 81.
κόθορνος 287.
κοίης (жрецъ) 228.
κοῖλον (въ театρῆ) 263.
κοινοβωμία 272.
κόλπωμα (πλατῆ) 286.
κομμοί 283.
κονίστρα 262.
κοραγωγός 218.
κόρδαξ 284.
κορυφαῖος 282.
κότινος 127.
κόσμησις τῆς τραπέζης 164.
κούρειον (жертвоур.) 141.
κουρεῶτις (ἡμέρα) 141.
κουροτρόφος 216.
κрасπεδίται 282.
κρεανομία 90. 136. 161.
κρηπίδες 288.
κρηπίδωμα 27.
κρίτις ὑποκριτῶν 278.
κρόκαι 221.
κροτεῖν, κρότος 295.
κυκῶν 221.
κωμάζειν 255.
κῶμη 255.
κῶμοι 147. 255.
κωμῳδία 255 сλ.
κωμῳδοί 255.

Λαμπαδοδρομία 58. 99. 133. 189. 142.
λάρναξ 248.
λαυροστάται 282.

λίχοθοι 246. 249.
λιβανομαντεία 183.
λίθοι ἀργοί 87.
λίθος κεραυνίας 230.
λικνοφόρος 216.
λοβοί 184.
λογεῖον 261.
λουτρίδες 150.
λουτροφόρος 52. 242.
λύματα 77.

Μάγειροι 61. 123.
μάζαι 83
μαντεία, ἡ 176. 178.
μαντεία, τὰ 188.
μάντις 47. 122.
μαντική 176.
— ἀπὸ κληθόνος 192.
— ἀτεχνος, ἔντεχνος 176.
μαστιγοφόροι 125.
μεγάβοζοι 172.
μεγάλοι θεαί 156.
μέγαρον 31.
μείλιτρα 77.
μελίχη 100.
μεῖον, τό 141.
μέλη ὄσχοφοριακά 139.
μελίκρατον 84. 247.
μελισπονδα 84.
μελιτοῦττα 84. 246.
μελλιέρη 172.
μερίδας διανέμειν 90.
μέρος (въ театρῆ) 264.
μέσαι νόκτες 109.
μεσημβρία 109.
μεσοῦντος (μηνὸς ἡμέραι) 107.
μετάστασις (τοῦ χοροῦ) 283.
μετ' εἰκάδας (ἡμέραι) 107 πρ.
μετεκέχειρον 123.
μῆλον Κυθῳνίων 242.
μῆν πρῶτος etc. 108.
μῆνες κοῖλοι ἢ πλήρεις 107.
— ἐμβόλιμοι 105.
μηρία 89.
μηχανή 274.
μιαραὶ ἡμέραι см. ἀποφράδες.
μίτρα 286.
μνήμη 248.
μνημεῖον 248.
μονοψία 279.
μορίαί 134.
μορμολυκαῖα 7 πρ.
μουσεῖον 251 πρ.
μύησις 210.
— ἀφ' ἐστίας 217. 245.
μύρμηξ 100.
μυσταγωγός 216.
μύσται 42. 216. 228.

μύσται εὐσεβεῖς 228.
μυστήρια 208. 218.
μυστηριώτιδες см. ἡμέραι.

Ναῖσκος 29.

ναοποῖοι (ναποῖαι, νεωποῖαι, νεωποῖοι) 59.
ναός 28 сл.

- ἀμφιπρόστυλος 28.
- δεκάστυλος и пр. 28.
- διπλοῦς 31.
- δίπτερος 28.
- ἐν παραστάσι 27.
- περίπτερος 28. 121.
- περίστυλος 28.
- πρόστυλος 27.
- ψευδοδίπτερος 28.
- ψευδοπερίπτερος 28.

νεανίσκοι (маски) 291. 292.

νεβρίς 286. 288.

νεκρομαντεία 206.

νεκροφόροι 246.

νεωκόροι 14. 60.

νηστεία 140.

νηφάλια, τά 78. 84.

νόμος 95. 129.

νομοφύλακες 125. 151.

νουμηνία 107.

Νουμηνιασταί 237.

νομφαγωγός 242.

νομφεύτρια 242.

νόμφη 241.

νομφίος 241.

νοχθήμερον 109.

Νόνα 38. 167.

ξύλευς 123.

ξύλον см. πῶτον.

Ὀγκος 287. 290.

οἰκιστής 9. 249.

οἰκοσκοπική 186.

οἰκουρός ὄφις 35.

οἰνόπται 141.

οἰνόσπονδα 84.

οἰνογόοι 61.

οἰωνιστική 180.

οἰωνοπόλοι 176.

οἰωνός 180.

οἰωνοσκοπεῖον 180.

οἰωνοσκοπία 180.

ὄκριβας 287.

ὄκταστηρίς 106.

ὄλαι 89.

ὄλοκαυστα 92.

ὄλοκαυτώματα 92.

ὄλολυγή 89.

ὀμογάλακτες 236 пр.

ὀμφαλός (τῆς γῆς) 196.

ὄνειροκριτική 178.

ὄνειροπόλοι 176.

ὄπισσθόδομος 29.

ὄπλιτοδρόμοι 99.

ὄπλομαχία 98.

ὄπτῆρια 237.

ὄργας (γῆ) 21.

ὄργεῶνες 235 сл.

ὄργια 208. 233.

ὄρθρος 109.

ὄρκια τέμνειν 70.

ὄρκος 66 сл.

ὄρνις 180.

ὄροι 19.

Ὀρφεοτελεσταί 234.

Ὀρφικοί 230 сл.

ὄρχηστρα 262. 284.

ὄρσιοι 164. 197.

ὄσχοι см. ὄσχοι.

ὄυλαι нαι οὐλοχῶται 89.

ὄυπιγγος 95.

Παγκράτιον 98. 100. 123. 133.

παιῖνες 95.

παῖδες 133. 139.

παῖς (сынъ Кабира) 227.

παλαδῆ σύκων 151.

πάλη 100. 123. 133.

παναγείς 215.

Παναθηνασταί 236.

πανηγύρεις 102. 166.

παννυγίς 133. 136.

πανσπερμία 146.

παράζασις 283.

παρακαταλογή 279.

παρανόμφιος 242.

παράπηγχο (платъ) 286.

παράσιτοι 61.

παρασκήνια 262. 267.

παραστάδες 27.

παραστάται 282.

παραχορήγημα 276. 277.

παρδαλή ύφασμένη 288.

παριέρη 172.

πάροδοι 262. 265.

πάροδος (пѣснь хора) 283.

πάροχος 242.

παρυφαί 286.

πάταικοι 226.

πατέρες συνόδων 238.

πέλειαι 190.

πέμματα 83. 146.

πένταθλον 98. 100. 123. 133.

πεντετηρίς 121. 129. 133. 149.

πέπλος 80. 135. 142.

περίακτοι 274.

περίβολος 25. 217.

περιδειπνον 247.
 περιγηγῆται 198.
 περιθείωσις 80.
 περίκρανον 290.
 περιοδονίαι 131.
 περιρραντήρια 25, 76.
 περισκυλαχισμός 76 πρ.
 περιστερεών 76.
 περιστάραχος 80, 304.
 περιστοιχισμα 23.
 πέτρωμα 155.
 πηδάλιον 76 πρ.
 πιθοίγια 144.
 πίνακες 260, 268.
 πίναξ τῆς νίκης 300.
 πλημοχόαι 222.
 πλυντρίδες 150.
 ποικίλον (πλατῆ) 286.
 πομπή 102, 135, 137, 147.
 πόπανα 83.
 προάγων 303.
 προαναφώνησις 304.
 προαύλια 96, 241.
 προγάμια 241.
 προγαστρίδια 287.
 πρόδομος 27, 29.
 προσέρια 53, 264.
 προεισόδιον 304.
 πρόθεσις 246.
 προθεσμία 124.
 πρόθυσις 122.
 πρόλογος 256.
 προμαντεία 197.
 πρόμαντις 190, 200, 201.
 πρόναος 27, 29.
 προνήιον 29.
 προνομία 96.
 προοίμια 96.
 πρόρρησις 219.
 προσκήνιον 260 сл. 267.
 προσκύνησις 65.
 προσόδια 95, 102.
 προστάτης 45.
 προσταρνίδια 287.
 πρόσωπα 289.
 — ἔκσχευα 291.
 — κωφά 277.
 προσωπεῖα 289.
 προτέλεια 241.
 προτένθαι 141.
 προφήτης 192, 197.
 προφητιδες 190.
 προχύται 89.
 πρυτανεῖον 19.
 πρῶι (часть дня) 109.
 πρωταγωνιστής 276.
 πρῶτον ξύλον 264.
 πταρμός 186.

πτεροκοπεῖν 295.
 πύανα 138 πρ.
 πυανόψια 83.
 πυγμή 100, 123, 133.
 Πύθιοι 179.
 πυρά 248.
 πυρρίχη 97, 133, 230.
 πυρριχίσται 136 πρ.
 πυρφόροι 52, 216.
 πῶλοι 101, 124.

Ῥαβδοῦχοι ἢ Ῥαβδοφόροι 125, 294, 302.
 ῤῆσις 256.

Σαραπιασταί 236.
 Σειληνός (маска) 291.
 σέλινον 131.
 σηκός 26, 29.
 — μυστικός 30.
 σῆμα 248.
 σησαμίδες 242.
 σίγμα 262.
 σίκιννος 284.
 σκάμμα 99.
 σκευοποιοί 290.
 σκευός βεμβικῶδες 222.
 σκηγή 257, 260 сл.
 σκηνογραφία 272.
 σκιᾶδες 158.
 σκίλλα 76.
 σκίρον 151.
 σορός 248.
 σπαραγμός 221.
 σπλάγγνα 90.
 σπονδαί 70, 84.
 σπονδαῦλαι 61, 123.
 σπονδοφόροι 120, 123, 215.
 σποράδην (вступленіе хора) 283.
 στάδιον 98, 133.
 σταδιονίχης 123.
 στάσιμα 283 сл.
 σταφυλοδρόμοι 159.
 στεφανηφόροι 52.
 στεφανοφορία 102 πρ.
 στέφη γαμήλια 242.
 στοά ποικίλη 219.
 στοίχοι 282 сл.
 στολή 214.
 στρόφιον 54, 214.
 στρώσις τῆς κλίνης 164.
 σύμβολα 185, 211.
 σύμβολοι ἐνόδιοι 186.
 συναγωγοί 239.
 συνθήματα 211.
 σύνοδοι (рел. общ.) 235.
 σύνοδος 106.
 συνοικισμός 132.

συνωρίς 98. 101.
 — πάλων 124.
 — ἵππων τελείων 101. 124.
 συρίττειν 295.
 σύρμα 286.
 συρτός πορφυροῦς 286.
 συστήματα 278.
 σφάγια 184.
 σφαίρα 100.
 σχήματα (ὀρχήσεως) 284.
 σωματίον 287.

Ταινίαι 88.
 ταμίαι 59. 216.
 τάξεις 126.
 τέθριππον 101.
 τέλειοι (ἵπποι) 101.
 τελεστήριον 220.
 τελεταί 142. 155. 208. 216. 231. 233.
 τέλος 241.
 τέμενος 20. 25. 41. 221.
 τέρας 185.
 τέρατοσκοπεία 185.
 τεσσαρακοσταίον 244.
 Τετραδισταί 237.
 τετραλογία 297.
 τεχνίται (οἱ περὶ τὸν Διόνυσον) 235. 307.
 τιάρα 286.
 τόπος (ἐν θεατρῷ) 264.
 τόπος βουλευτικός } 264. 292.
 — ἐφηβικός }
 τραγῆ 288.
 τραγοί 254.
 τραγωδία 254.
 τριαζειν 100.
 τρίγλη 86.
 τριετηρίς 106. 130.
 τριταγωνιστής 276.
 τριτοστάται 282.
 τριτύα (τρίττοια) 91.

Ὑδρανός 215.
 ὑδροσπονδα 84.
 ὑδροφόροι 60.
 ὕε, κύε 222.
 ὑμέναιος 242.
 ὑμνήτριαι 61. 95.
 ὑμνητρίδες 95.
 ὕμνος 94.
 ὑμνοδοί 61. 95.
 ὑποζάχοροι 61.
 ὑποθέσεις 307.
 ὑποκόλιον τοῦ χοροῦ 282.

ὑπόκρισις 275.
 ὑποκριταί 275.
 ὑπορχήματα 95.

Φαιδ(ρ)ονταί 61. 215.
 φαλλός 143. 255.
 φαρμακοί 149.
 φῆμαι 185.
 φθίνοντος μηνὸς ἡμέραι 107.
 φθόνος θεῶν 7.
 φιάλη πενταπλῆ 138.
 φιαληφόροι 60.
 φιλάγαθοι 239.
 φοινικίς (платье) 286.
 φωνασκοί 280.

Χάος 231.
 χαριστήρια 91.
 χάσμα γῆς ἐν Λεβαδίῃ 205.
 χειρίδες 286.
 χέρνιψ 88.
 χιτών ποδήρης 286.
 — χορταίος ἢ др. 287.
 χλαμύδες 286.
 χλανίς ἀνθινή 288.
 χοαί 247.
 χόες 145.
 χοραγός 282.
 χορηγία 299 σλ.
 χοροδιδάσκαλος 298. 300.
 χοροὶ κύκλιοι 95. 253. 282.
 — τραγικοί 254.
 χορόν αἰτεῖν, δίδοναι, λαμβάνειν 298.
 χορὸς τετράγωνος 282.
 χοροστάτης 282.
 χρησμοί 188. 231.
 χρησμολόγοι 179.
 χρηστήρια 188.
 χρόνος 231.
 χύτροι 146.
 χωρίον (ἐν θεατρῷ) 264.

Ψαλίδες 265.
 ψῆφοι 199.
 ψυχομαντεία } 206.
 ψυχοπομπεία }

᾿Ωιδεῖον 134.
 ὠμοθετεῖν 89.
 ὠραι ἰσημεριναί } 109
 — καιρικαί }
 ὠσχοί 138.
 ὠσχοφῶρια 102. 138.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стр.:</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
7	25 сл.	ПОМОЩНИКОВЪ;	ПОМОЩНИКОВЪ
7	26 >	δαίμονες	δαίμονες;
62	5 и 6 >	Се	De
66	13 >	Youelième	Youillième
83	16 >	ἄκαπλα	ἄκαπλα
91	10 >	θεοζένια,	θεοζένια
97	5 сл.	бою	бою,
111	28—29 сл.	Fasejius	Fasejlius
116	6 >	рому	тому
117	4 сл.	племенн	племенн.
129	7 сл.	ἰππικός	ἰππικός
149	1 сл.	кончанн	По окончанн
177	11 >	(Od. 796)	(Od. IV, 796)
177	9 >	(Od. 13 сл.)	(Od. VI, 13 сл.)
199	8 >	Pythonis	Pythonis
199	8 >	Pildes	Hildes
204	4 >	заколонн	закалнвали
220	10 сл.	φ	ω
229	1 сл.	извѣстностью	извѣстностью.
233	17 >	пользовались	пользовалось
242	17 >	ζεῦχος	ζεῦχος
289	12 сл.	встрѣчаются	встрѣчается
298	2 сл.	думать	думать,